

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)
[Все книги автора](#)
[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Л. Миллер Царская Семья - жертва темной силы

[отсутствуют страницы: 203-210, 225-6, 249-50, 567-8, 589-92, 621-2]

ПРЕДИСЛОВИЕ

Написав свою книгу «Святая Мученица Российская Великая Княгиня Елизавета Феодоровна», я и не думала продолжать писать об этом периоде русской истории. Но побывав в России первый раз в своей жизни в 1990 году, где я знакомила русских людей с содержанием моей книги, я услышала и такие высказывания:

«Вы хорошо написали свою книгу о святой Великой княгине Елизавете Феодоровне, но там у вас проскальзывает отрицательное отношение к Распутину. Если вы будете переиздавать книгу, то советую переделать главу о Распутине. У нас в России существует иное мнение о нем. Мы считаем его человеком праведного образа жизни».

Услышав это, я ужаснулась и тут же решила, что должна написать об этом злом гении России ту правду, которую преступная советская власть тщательно скрывала от своих граждан.

Не все отдают себе отчет в том, что нам, оказавшимся за пределами своей родины и жившим в свободном мире, доступны неискаженные исторические факты, подкрепленные документальными данными, недостижимыми для соотечественников в России.

Когда я вернулась к себе в Австралию, я стала получать из России статьи, оправдывавшие Распутину. Я узнала, что в Москве состоялось собрание по «реабилитации» Распутину. Также я получила и две книги, изданные в России где Распутину изображают чуть ли не святым человеком. Я услышала, что в Москве некоторые даже высказываются о том, что если причислить к лику святых Царскую Семью, то надо причислить туда и этого человека!...

Что можно сказать на это? Приходишь в ужас и содрогаешься от такого заблуждени

Писала я эту книгу «Царская Семья - жертва темной силы» несколько лет. Я использовала для своего труда только первоисточники и записи свидетелей того времени. Моя книга изобилует цитатами из этих источников.

Лично я думаю, что Господь попустил родиться Распутину, как Он попустил родиться Иуде, предавшему Иисуса Христа. Подобно Иуде, Распутин сыграл злую роль в судьбе Помазанника Божия и Его Семьи, а с Ними и всей России.

Прошу читателей простить меня, если кому-то что-то и не понравится в моей книге. Но я писала правду, от которой укрыться невозможно.

Я глубоко почитаю прославленную в 1980 г. нашей Зарубежной Церковью Царскую Семью, зверски убитую в Екатеринбурге. Я часто обращаюсь в своих молитвах к Царю-Мученику и ощущаю явную помощь от Него.

Что касается Государыни Императрицы, которая искренно полюбила свою новую родину Россию и желала ей только добра, то, возможно, что она и допускала какие-то ошибки, слепо доверяя Григорию Распутину. Но нельзя забывать, что все святые во все время своей жизни делали ошибки и грешили, но святостью образа своей жизни, постоянным подвигом в трудах и молитвах, или же мученической кончиной, получили венец нетленный

от Господа и были прославлены и земной Церковью, и Небесной.

Ни один человек не прожил своей жизни без греха - ибо несть человек, иже жив будет и не согрешит ... Безгрешен лишь Господь Бог наш Иисус Христос.

Любовь Миллер

ГЛАВА 1

Императрица Александра Феодоровна. Ее детство. Жизнь в Дармштадте. Смерть матери. Характер Аликс и ее детские годы. Свадьба сестры, принцессы Елизаветы. Встреча Аликс с Наследником Российского престола Николаем Александровичем. Взаимная любовь. Смерть отца, Великого герцога Гессенского.

Императрица Российская Александра Феодоровна, мученически погибшая вместе со своим супругом Государем Императором Николаем II и всеми детьми в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге от рук большевиков, в своей жизни была женщиной-страдалицей. Имеющая большое, любящее материнское сердце, она переживала за своего больного единственного сына, наследника Российского престола, за своего супруга, Императора Николая II, за Россию. Императрица всей душой полюбила свою новую отчизну и ее народ, но не была понята и по-настоящему оценена. В своей любви, в своей духовной чистоте и высокой религиозности она не видела тех темных сил, которые подтачивали Российский престол.

Фрейлина Императрицы баронесса София Буксгевден в предисловии своей книги «The life and tragedy of Alexandra Feodorovna Empress of Russia» пишет, что характер Александры Феодоровны был очень сложным. Любовь к мужу и к своим детям у нее стояла выше всего. Она была как идеальной матерью, так и идеальной супругой. Сердце у нее иногда превалировало над логикой. Императрица часто идеализировала людей и хотела видеть в них то, что подсказывала ей ее душа. Застенчивость Александры Феодоровны, которую она никогда не смогла побороть, не была понята обществом, и принималась за гордость. Императрица никогда не смогла научиться простоте и непринужденности в обращении с людьми, хотя в тесном семейном кругу вместе с очень близкими друзьями она была обаятельной. Но она не могла вызвать на своем лице улыбку, сделать его приветливым для народа своей новой страны. Она очень стремилась быть популярной и любимой в России, но ее замкнутость препятствовала ей в этом.

От ее безграничной любви к единственному сыну, который страдал неизлечимой болезнью - гемофилией, от ее постоянного беспокойства за его здоровье, за его жизнь и родилась ее вера в Распутина как «Божьего человека». Она думала, что он может исцелить ее сына.

Всю логику, все доводы и разоблачения Распутина верными Государю и Отечеству людьми, Императрица отметала как ложь, и считала, что «святых злословили всегда». Она слепо верила Распутину и «держалась» за него, как за последнюю соломинку, которая может спасти ее ребенка.

Баронесса София Буксгевден пишет, что Государыню неправильно осудила общественность. Ее желание приобрести опыт в политике, ее вера в добро, которое таится в глубине каждого человека, невольно привели ее ко многим ошибкам. Но во всем, что Императрица делала, вела ее любовь к супругу, к России и ее народу. Даже отречение Императора от престола за себя и за своего сына, Государыня приняла как жертву для блага России.

Во время ссылки и заключения она с каждым днем духовно возрастала. Она мужественно и с благородством несла свой крест страданий и унижений. Она не роптала на судьбу, а верила, что на все воля господн

Родилась будущая Императрица Российская в семье Великого герцога Гессенского

Людвига IV 6-го июня 1872 года. Матерью ее была принцесса Алиса, дочь королевы английской Виктории. Имя ей нарекли Алиса, в честь матери, но в семье ее звали «Аликс».

Герцогиня Гессенская по тому времени была образованной женщиной и увлекалась философией, искусством и музыкой. Но главной ее заботой была семья

У герцогской четы родилось семеро детей: Виктория, род., в 1863г., Елизавета (Элла),¹ род. в 1864г., Ирена, род. в 1866г., Эрнест-Людвиг, род. в 1868г., Фридрих, род. в 1870г., Алиса (Аликс), род. в 1872г. и Мария, род. в 1874г.

Все дети росли под присмотром матери. Она следила за их воспитанием и старалась развивать их таланты. Она прививала им любовь к ближним и наставляла их в религии. Старших детей герцогиня брала с собой, когда посещала различные благотворительные учреждения, такие как госпитали, приюты, дома для престарелых. Иногда маленькая Аликс тоже ходила с матерью по больницам, держа в своих ручонках букет цветов.

Мать заставляла детей прилежно учиться и приучала их к работе. Они следили за чистотой в своих спальнях, стлали постели, убирали классные комнаты.

Свой дворец герцогиня Алиса устроила по английскому образцу. В залах висели портреты королей английской династии и много портретов ее родителей - королевы Виктории и принца Альберта. Дворцовая жизнь Дармштадта была преобразована по примеру английского двора, а в детях герцогиня развивала любовь к Англии. Каждый год герцогская семья ездила к королеве Виктории, где гостила или в Виндзоре, или в Балморале, или в Осборне. Свою бабушку, королеву, все дети очень любили. Она была с ними ласкова и не проявляла к ним строгости.

Кажущееся безмятежное счастье Гессенской семьи было нарушено безжалостной рукой судьбы, когда трехлетний мальчик Фридрих упал с окна на каменные ступени дворца и разбился насмерть.

Мальчики Фридрих и Эрнест каждое утро приходили в спальню матери и там играли. Они любили бегать по комнате наперегонки. В то утро Фридрих перегнал своего брата, и, разбежавшись от двери к окну, ухватился рукой за нижнюю деревянную перекладину полуоткрытого окна. Дерево оконной рамы оказалось старым и гнилым и, не выдержав натиска, сломалось. Мальчик упал вниз с высоты 20 футов. Переломов костей у него не было, но внутреннее сильное повреждение вызвало кровоизлияние и Фридрих умер через несколько часов. Мать всю свою жизнь не могла простить себе, что позволяла сыновьям играть в своей спальне. Это горе сильно подорвало как физические, так и душевные ее силы.

До этого трагического случая у Фридриха была обнаружена болезнь рода Кобургов - гемофилия. Это узнали тогда, когда он слегка порезал свое ухо и кровь не могли остановить в течение нескольких дней.

Страшная болезнь гемофилия, которая сыграла роль в падении династии Романовых в России, существовала в роду Кобургского дома с 18го века и была прозвана «проклятием Кобургов».² Болезнь перешла в английскую королевскую фамилию через мать королевы Виктории, принцессу Саксен-Кобургскую. От этой болезни умер сын королевы Леопольд. Гемофилией заболели мальчики, но переходила она по женской линии. Дочери королевы Виктории - Алиса, Беатриса и Виктория передали эту болезнь своим детям.

После смерти сына Фридриха, герцогиня Алиса еще больше стала уделять внимания своим детям. Чтобы развить в них общительность и дружеское отношение к другим, она приглашала во дворец сыновей и дочерей своих друзей и служащих дворца. Дети хорошо с ними играли, только маленькая Аликс всегда держалась в стороне. Она по своей природе была чрезвычайно застенчивой. Ее единственной подругой детства была Тоня Бэкер, дочь

¹ Великая княгиня Елизавета Феодоровна, причисленная к лику святых Русской Православной Церковью за границей 1 ноября 1981 года, а Московской Патриархией - 4 апреля 1992 года.

² Anthony Bird «Empress Alexandra of Russia». Heron Books, Geneva, с.24.

секретаря матери. Эта дружба сохранилась на многие годы, вплоть до выхода ее замуж за Императора Николая II.

Аликс походила на свою сестру, красавицу Эллу. Ее глаза были серые, ресницы черные, волосы же рыжеватого оттенка. Будучи ребенком, она отличалась веселым характером и когда смеялась, то на щеке у нее появлялась ямочка. В семье ее прозвали «солнышком». Так любила называть себя Аликс, когда, уже сделавшись Императрицей Российской, подписывалась под своими письмами Императору Николаю II.

Эпидемия дифтерита, которая разразилась в Дармштадте в ноябре 1878 года, не пощадила герцогскую семью. Заболели все дети кроме Эллы. Первой слегла в постель Виктория, затем Эрнест, потом остальные девочки, а за ними последовал и Великий герцог. За больными детьми ухаживала сама мать. Она ночами сидела у кроватей детей. Все, кроме Виктории, переносили болезнь в тяжелой форме. Аликс всю свою жизнь помнила, как она ночами звала мать, которая как могла облегчала ее страдания. Беспокойство и бессонные ночи измучили слабый организм герцогини. Вскоре скончалась от болезни малютка Мари Горы матери было беспредельно. Она сама заразилась дифтеритом, но ее истощенный организм и истрадавшая душа не могли бороться с болезнью. Через неделю она скончалась, оплакиваемая не только всей своей семьей, но и народом Гессен-Дармштадта. Смерть унесла Великую герцогиню в могилу, когда ей было только 35 лет.

Как вспоминала впоследствии Аликс, ее безмятежное детство внезапно покрылось тогда темной тучей. Все дети помнили, как из окна комнаты дворца они смотрели на погребальную процессию, которая медленно двигалась к фамильной усыпальнице, унося их мать.

Убитый горем Великий герцог взялся за воспитание детей. Ему всеми силами помогали две старшие дочери - Виктория и Елизавета.

Шестилетняя осиротевшая Аликс очень нуждалась в материнской ласке. Тоска по матери сильно отразилась на поведении ребенка. Она перестала быть веселой и ее смех уже не звучал во дворце.

В воспитании детей герцог руководствовался методами своей покойной супруги. Он был человеком теплой души, честным и прямым. Все дети его обожали. Королева Виктория также стала уделять больше внимания внукам. Воспитатели детей должны были аккуратно каждый месяц отправлять ей письменный рапорт о каждом ребенке.

Старшие дети занимались с учителями, а маленькая Аликс, теперь одна без своей сестренки Марии, оставалась со своей няней, г-жой Орчард. Играть одной с новыми игрушками, так как все старые были сожжены из-за боязни новой заразы, было тоскливо и неинтересно. Когда она поднимала свои глаза, то видела, что няня, сидя в кресле в углу детской, тихо плачет. Г-жа Орчард переживала. Она не могла забыть свою хозяйку, герцогиню, и девочку Марию.

Тяжелый период этого времени Аликс запомнила на всю жизнь. По своему характеру она была доброй и всегда могла отдать свою любимую игрушку или какую-то вещь брату, или сестрам, или чужим детям. Но у нее уже тогда стала проявляться настойчивость натуры, особенно в тех случаях, когда она хотела что-то получить. Однако, Аликс умела себя сдерживать. У нее отсутствовали всякие признаки фальши или лжи, которые иногда наблюдаются у детей в раннем возрасте. Аликс была очень чувствительной и обидчивой, но если что-то огорчало ее, она этого не показывала, а прятала в себе. Если она была в чем-то убеждена, то ее нелегко было в этом разубедить. Некоторые черты этого детского характера остались у нее на всю жизнь.

С начала 1880 года у Аликс начались школьные занятия. Девочка усердно училась. Она была исполнительная, усидчивая и обладала хорошей памятью. В пятнадцатилетнем возрасте она уже хорошо знала историю, литературу, географию и общие предметы. Она учила французский язык, но никогда не могла вполне им овладеть. У нее оставался акцент и, говоря по-французски, ей приходилось подбирать слова. Родным языком Аликс был английский, на котором она разговаривала со своим братом и сестрами, писала им письма, а

позже разговаривала и со своим супругом и детьми. Особый талант у нее проявился к музыке. Ее учителем был директор Дармштадтской оперы. Аликс полюбила классическую музыку, особенно Вагнера. Она стала хорошей пианисткой, но ее неуверенность мешала ей показывать свой музыкальный талант на людях. Она очень переживала, когда королева Виктория заставляла ее играть в присутствии гостей в Виндзоре. Лицо ее тогда покрывалось пятнами, и по ее словам, пальцы ее во время игры не слушались и «прилипали» к клавишам рояля Аликс не была художницей, как ее сестра Элла, но она хорошо вышивала и подбирала рисунки и цвета для вышивки.

Великий герцог Людвиг старался как можно больше уделять внимания своим детям. Летом он брал их с собой или на маневры солдат, или в поездки по городам герцогства. Алике любила свою родину, Гессен-Дармштадт, и всегда отделяла ее от остальной Германии, на которую смотрела, как на чужую страну.

Она была гораздо моложе своих сестер и потому привязанности к ним не испытывала. Аликс чувствовала себя одинокой в своей семье. Ее ближайшими компаньонками являлись фрейлины: баронесса Вильгельмина Гранси и позднее Маргарита фон Фабрисе.

Уже немолодая, воспитанная на принципах старой школы, баронесса Гранси была честной, доброй, но строгой и дисциплинированной. Она не позволяла себе ни лени, ни бездельного времяпрепровождения. Она говорила, что надо уметь держать себя в руках и не поддаваться ни болезням, ни грусти. Баронесса очень любила свою воспитанницу и имела на нее сильное влияние. Аликс восприняла от Гранси самодисциплину и строгое отношение к себе.

Когда ей исполнилось 16 лет, к ней приставили молодую фрейлину фон Фабрисе. Эта девушка была доброй и религиозной, но в то же время застенчивой, как сама Аликс. Фрейлина не знала, как избавиться от этого недостатка своего характера, и не могла помочь в этом и Аликс.

Брат Эрнест был очень дружен с сестрой и имел на нее хорошее влияние, но когда он уехал учиться в университет, Аликс снова оказалась одна, без настоящего друга.

Оставался еще Др. Сел, духовник-протестант, избранный герцогиней Алисой в наставники для ее детей. Др. Сел легко действовал на чувствительную душу Аликс, и она горячо восприняла протестанство и следовала его учению.

Вскоре в герцогской семье произошли два больших события. В апреле 1884 года старшая сестра Виктория вышла замуж за принца Луи Баттенбергского, а за этим последовало замужество и другой сестры - Елизаветы, которая вышла замуж за русского Великого князя Сергея Александровича, брата Императора Российского, Александра III.

Вся герцогская семья сопровождала принцессу Елизавету на свадьбу в Петербург. Аликс, которой тогда было 12 лет, очень радовалась этой поездке. Ей было все интересно. Она смотрела из окна вагона поезда на проплывавшие мимо поля, равнины, леса России. На каждой остановке поезда они все выходили к встречавшей невесту брата Государя толпе. Это были представители местной власти, духовенство и русский народ.

Перед свадьбой, всех гостей разместили в великолепном Петергофском дворце. Дворец с его знаменитыми фонтанами, затем пышный въезд в столицу необъятной России, блистательный Санкт-Петербург, а на следующий день изумительная свадьба принцессы Елизаветы, - все это произвело неизгладимое впечатление на Аликс. Пребывание в России казалось волшебной сказкой юной принцессе.

Еще в Петергофе Аликс познакомилась с Наследником Российского престола Цесаревичем Николаем Александровичем, и уже с первой встречи между ними протянулась невидимая нить. В церкви, во время венчания Елизаветы и Сергея Александровича, Аликс и Николай Александрович невольно смотрели друг на друга и он вскоре подарил ей брошку. Но она, думая, что нехорошо принимать подарки от мало знакомых молодых людей, через несколько дней вернула ему его брошку, чем очень огорчила Цесаревича.

Прощание с принцессой Елизаветой, теперь уже Великой княгиней Елизаветой Феодоровной, было трогательным. Аликс с родными возвращалась в Дармштадт и Россия

показалась ей такой далекой. Она не знала когда опять встретится с сестрой, но Елизавета Феодоровна приехала с супругом в Дармштадт через год. Великий князь Сергей Александрович сразу вошел в Гессенскую семью. Его все полюбили. Он сумел привлечь к себе и застенчивую Аликс, которую часто дружески поддразнивал.

В 1888 году вышла замуж и третья дочь герцога Людвига, Ирена, за своего кузена, принца Генриха Прусского. Свадьба состоялась во дворце недалеко от Берлина. Алике тогда исполнилось 16 лет и она своей внешностью произвела на многих впечатление. Она была высокой, стройной, но в выражении ее прекрасных глаз светилось что-то печальное, и то же самое можно было заметить и в очертании ее губ.

Через несколько месяцев, зимой, Великий герцог с сыном Эрнестом и Аликс поехали в Петербург. Они остановились в доме Великой княгини Елизаветы Феодоровны на Невском проспекте. Цесаревич Николай Александрович часто приезжал к «тете Элле», или «тетеньке», как он называл ее шут Елизавета Феодоровна пользовалась большой популярностью и успехом как при императорском дворе, так и во всем обществе Петербурга. Она была веселой, общительной, остроумной и хорошо танцевала. Она часто устраивала у себя в доме балы и приемы.

В Петербурге Аликс ходила с молодежью на каток и каталась с горки на санях. Она приятно проводила время, ей все нравилось, но ее застенчивость мешала ей, и она часто чувствовала себя неловко и краснела в среде веселых молодых людей.

Наследник Николай Александрович очень увлекся Алике, и она, не отдавая еще себе отчета, глубоко полюбила его. Рядом с ним она не стеснялась и могла свободно и весело разговаривать и смеяться

Вернувшись в Дармштадт, она поняла, что навсегда полюбила Цесаревича, и что только за него выйдет замуж. Они писали друг другу нежные письма. Герцог Людвиг знал об этой переписке, но не придавал ей серьезного значения

Теперь его три дочери были замужем. Он остался с Алике и Эрнестом. Должность хозяйки дома пришлось исполнять самой Аликс. Она сидела с отцом за столом во время официальных обедов, сопровождала его в многочисленных поездках по стране, посещала школы, госпитали. Она все это старательно исполняла, так как знала, что это ее долг. Но ей было нелегко играть роль первой дамы Дармштадта. Ее неуверенность в себе мешала ей, выражение ее лиц почти всегда оставалось серьезным. Аликс очень страдала от этого.

Летом 1890 года Великий герцог с Эрнестом и Аликс опять поехали в Россию. На этот раз они остановились в имении Великой княгини Елизаветы Феодоровны и Сергея Александровича, Ильинском.

Здесь строгости этикета двора отсутствовали. Атмосфера, которую создала в Ильинском Елизавета Феодоровна, оказалась легкой и непринужденной. Там Аликс познакомилась с жизнью русской деревни. Ей понравились как красивая природа Подмосковья, так и простые русские люди. В Ильинском она чувствовала себя легко и могла свободно общаться с другими гостями имени Великая княгиня возила сестру в Москву, где показывала ей достопримечательности прежней столицы.

В восторге от всего, что она видела, Аликс вернулась в Дармштадт. Ее огорчало только то, что она не могла проводить время с Цесаревичем Николаем, который в это время находился в заграничном путешествии.

Весной 1891 года произошло событие, которое принесло немало переживаний герцогу Людвигу. Его дочь, Великая княгиня Елизавета Феодоровна, перешла в Православие.

Для герцога это было настоящим ударом. Он не ожидал, что Елизавета решится на такой шаг. Он знал, что выходя замуж за русского великого князя ей не было необходимости принимать Православие.

Но Елизавета Феодоровна уже несколько лет таила в себе мечту стать православной. Она медлила с этим только потому, что боялась огорчить этим отца и всех других родственников-протестантов. Окончательно же решила она стать православной после того, как побывала с супругом на Святой Земле в 1888 году, на освящении храма Св. Марии

Магдалины в Гефсимании.

Прошло более двух лет со времени поездки на Святую Землю, и только в начале 1891 года Елизавета Феодоровна написала письмо отцу в Дармштадт о своем решении перейти в Православие. Написала она ему и о том, что, если Аликс выйдет замуж за Наследника Российского престола, то ей, как будущей императрице, тоже придется принять православную веру.

Великий герцог был страшно поражен и ответил резким письмом:³

Дармштадт, 14-1-1891г.

«Дорогая Элла,

Твое сообщение принесло мне большую боль, так как я не понимаю необходимости этого шага... Я должен винить себя, что не предвидел этого раньше... Ты знаешь, что я против строгости и фанатизма, и сознаю, что каждый может быть религиозным в своей вере. Но я так страдал несколько ночей... когда ты сообщила и о возможном обращении Аликс... ты не можешь себе представить, как я себя чувствовал... Я знаю, что уговаривание и споры не изменят твоего мнени:. Обдумай это серьезно!... Боже мой! Что здесь можно сказать!... Это мучает меня так сильно...»

Но несмотря на протесты отца, на укоры брата Эрнеста и недовольство других родственников-протестантов, Елизавета Феодоровна приняла Православие.

Из писем Великой княгини Елизаветы нам неизвестно, как отнеслась Аликс к этому событию. Вероятно она много думала об этом и не одобряла поступка своей сестры, так как сама была убежденной протестанткой.

Аликс не встречалась с Николаем Александровичем с 1889 года до 1894, но у них продолжалась интенсивная переписка. Оба беззаветно любили друг друга и оба лелеяли мечту, что придет день, когда они смогут соединиться навеки.

Королева Виктория желала постоянно видеть свою внучку в Англии и даже сделать ее впоследствии королевой английской. Она решила устроить сватовство Аликс со своим внуком, принцем Альбертом Кларенским,⁴ будущим, как думала королева, королем английским. Этот принц, однако, не отличался ни умом, ни приятной наружностью.

Аликс не выносила Альберта. Его внутренняя пустота, безразличное отношение к религии, непривлекательная внешность, -отталкивали ее. Она не могла и сравнить его с умным, красивым и чувствительным Цесаревичем Николаем Александровичем. И когда королева Виктория предложила ей выйти замуж за принца Альберта, Аликс проявила решимость и категорически отказалась, ответив королеве, что этот брак не принесет счастья ни ей, ни ему. Королева, уважая твердость характера своей внучки, не стала настаивать, хотя и была огорчена.

Великий герцог Людвиг хорошо понимал свою дочь. После кончины жены Алисы и после замужества его трех старших дочерей, он всю свою любовь перенес на Аликс. Он предоставил ей самой сделать выбор будущего супруга по сердцу,

Герцог много работал, отдавая большую часть своего времени государственным делам. Он не мало пережил в своей жизни и его сердце ослабело. В начале 1892 года с ним произошел небольшой сердечный припадок, но вскоре последовал и второй удар. Он потерял сознание и находился в таком состоянии девять дней. 13-го марта, не приходя в сознание, он скончалс Во время его болезни к нему приехали все его дочери.

Смерть отца была большим ударом для всех детей герцога, но особенно переживала Аликс. Она была привязана к отцу всей душой. Она проводила у его постели все дни и ночи,

³ Любовь Миллер «Святая Мученица Российская Великая княгиня Елизавета Феодоровна». Изд. «Посев», Германия, 1988, с.63.

⁴ Принц Альберт умер в возрасте 28 лет и претендентом на английский престол, после его отца, стал брат Альберта, Георг.

и все надеялась услышать от него хотя-бы одно слово. Это страшное время и смерть отца отложили отпечаток на Аликс на всю жизнь. Даже живя в России, она не могла вспоминать отца без слез.

Теперь Великим герцогом Гессенским стал ее брат, Эрнест-Людвиг. Он заботился о своей осиротевшей сестре, а она помогала ему и советом и делом, продолжая исполнять роль хозяйки дворца. Эта напряженная работа отразилась на ее здоровье и она заболела. Эрнест повез ее в Италию, надеясь, что теплый климат поправит ее здоровье.

В Италии она встретила много молодых людей, но ни один из них не затронул ее сердце. Она все думала о русском Цесаревиче и знала, что если выйдет за него замуж, то ей придется принять православную веру. Это ее страшило и мучило. Она была преданной протестанткой и менять веру для нее казалось недопустимым. Это было в ее глазах большим грехом перед Богом.

ГЛАВА 2

Цесаревич Николай Александрович. Его родители Император Александр III и Императрица Мария Феодоровна. Воспитание Наследника. Кругосветное путешествие. Покушение в Японии. Цесаревич Николай Александрович делает предложение принцессе Алисе Гессенской. Счастливое времяпрепровождение жениха и невесты. Внезапная болезнь и смерть Императора Александра III. Бракосочетание нового Императора Николая II и принцессы Алисы, теперь уже Александры Феодоровны.

Наследник Российского престола, Великий князь Николай Александрович, родился 18го мая 1868 года в день Иова многострадального (6-го мая по старому стилю).⁵

Он был первым сыном Императора Александра III и Императрицы Марии Феодоровны. Императрица происходила из Датского королевского дома и до принятия Православия носила имя Дагмары.

У Императора Александра III было шестеро детей: Цесаревич Николай, род. в 1868г., Александр, род. в 1869г. (скончавшийся в младенческом возрасте), Георгий, род. в 1871г., Ксения, род. в 1875г., Михаил, род. в 1878г., и Ольга, род. в 1882г.

Александр III обладал не только большой физической силой, но и был человеком сильной воли. За его недолгое царствование, продолжавшееся всего 13 лет, в России были подавлены всякие признаки революционного движения. В стране наступили мир и спокойствие. Император был настоящим русским царем-самодержцем. Он любил все русское и недолюбливал иностранное. Это простиралось даже и в отношении одежды - его нередко можно было видеть в русской рубашке. Он много работал, управляя огромной Российской Империей, которая составляла 1/6 часть суши земного шара. Каждое утро он вставал рано, сам себе приготавливал чай и шел в свой кабинет работать. Александр III не любил ни роскоши, ни увеселений. Все чувствовали его сильную руку и уважали и любили его.

В правление Александра III в России развивалась промышленность, были приведены в порядок государственные финансы. Началась постройка Великой Сибирской железной дороги, соединившей Европейскую Россию с Тихим океаном. Строились также железные дороги между Средней Азией и Россией. Во внешней политике Император Александр III проявил определенность и устойчивость. Он строго охранял русские интересы, но придерживался политики невмешательства в Европейские дела. За это история нарекла его «Миротворцем».

Как человек, Император Александр III был доступным. К нему можно было непосредственно обратиться, минуя соответствующее министерство. Вот случай,

⁵ В девятнадцатом веке разница между старым стилем и новым составляла 12 дней

происшедший во время голода в Поволжье. Одна из дам двора по собственной инициативе поехала туда с инспекцией, после которой лично обратилась к Государю, доложив ему о бедственном положении крестьян. Она даже послала ему кусок хлеба, которым питались жители голодных районов в тот неурожайный год. Александр III немедленно принял меры к облегчению положения голодающих, и тепло поблагодарил энергичную даму за проявленное усердие.

Супруга Императора, Мария Феодоровна, обладала веселым и общительным характером и легко располагала к себе каждого. В России ее любили.

Императрица увлекалась светской жизнью, но, подчиняясь мужу, принуждена была жить не в Зимнем дворце, а в Гатчине, где Императору было легче и спокойнее работать. Воспитанием детей руководила Императрица. Дети спали на простых кроватях, умывались холодной водой и на завтрак имели овсяную кашу.

Цесаревич Николай Александрович занимался дома с учителями. Это были выдающиеся, но и требовательные преподаватели. Под бдительным наблюдением своего отца и под строгим руководством учителей Цесаревич Николай Александрович получил хорошее образование. Он блестяще закончил высший курс общеобразовательных, юридических и военных наук.

Одним из преподавателей Цесаревича являлся К.П. Победоносцев, который оказал на него большое влияние. Победоносцев, обер-прокурор Святейшего Синода, был сторонником абсолютной монархии. Он считал, что огромное, многонациональное Российское государство может управляться только царем-самодержцем. Абсолютная монархия в соединении с Православием - вот главная идея, которую проводил Победоносцев. Он внушал Цесаревичу, что русский народ, Православная Церковь и царь должны составлять одно целое, и царь, как Помазанник Божий, будет отвечать за свой народ перед Богом.

Мысли Победоносцева о самодержавии, о цензуре печати, о подавлении либеральных идей подкреплялись тем фактом, что один из лучших монархов России, Император Александр II Освободитель - гуманный, сердечный, безгранично любивший Россию, армию и свой народ, освободивший крестьян, давший свободу печати, справедливый суд, реформы в области народного образования, и, наконец, готовивший государственное представительство из народа, Император, время которого называется «эпохой великих реформ», - был убит революционерами. Убили Александра II потому, что он выбивал из-под ног революционеров платформу, с которой они действовали. Им уже не оставалось за что «бороться» и, убрав Императора, они рассчитывали, что новый Император приостановит дальнейшие свободолобивые реформы и тем самым даст им возможность, притаившись до времени, готовиться к дальнейшей гнусной революционной работе.

Наследник престола, Цесаревич Николай Александрович, был невысокого роста, красивый, с голубыми глазами, унаследованными от матери, которые излучали доброту и очаровывали каждого, кто встречался с ним. Он обладал изящными манерами и очень хорошей памятью. Кроме своего родного русского языка он великолепно знал французский, английский и немецкий языки. Его английский был отличным, с оксфордским произношением, и по разговору его можно было принять за англичанина.

Цесаревич Николай очень любил классическую музыку, оперу, балет и постановки пьес. Даже когда он не мог пойти в театр, он иногда слушал передачи оперы со сцены по телефону.

Но особую любовь он питал к армии. Эта любовь стала развиваться у него с раннего возраста. Военная служба отвечала складу характера Наследника.

Уже в возрасте девятнадцати лет он был командиром эскадрона Лейб-Гусарского полка, а потом служил офицером в Гвардейской Конно-артиллерийской бригаде. Он проводил много времени в Красном Селе на маневрах и вел там жизнь обыкновенного офицера. Его товарищеские отношения с однополчанами делали его популярным среди военных. Он любил сидеть за общим столом с офицерами, играл с ними в бильярд, в карты, или в домино. В своих письмах матери-Императрице он описывал, как хорошо проводит

время в полку и как по-товарищески относятся к нему офицеры. Перед кончиной Императора Александра III Наследник был уже в звании полковника батальона Лейб-Гвардии Преображенского полка.

Образование Николая Александровича было закончено, когда ему исполнилось 22 года. Он был еще очень молод и его отец, Император Александр III, не старался знакомить его с государственными делами. Императору тогда было только 45 лет и он надеялся, что будет царствовать еще много лет и успеет во-время подготовить своего сына к престолонаследию.

Осенью 1890 года Николай Александрович отправился в кругосветное путешествие вместе с братом Георгием.⁶ С ним его связывала крепкая дружба. Между ними не было большой разницы в годах. Георгий был моложе Николая только на три года. Он был веселым, любил шутить, но, к несчастью, заболел туберкулезом легких. Родители послали его жить на Кавказ, в Абастуман, надеясь, что горный воздух вылечит сына. Также думали, что плавание по морю с братом, Наследником, принесет пользу его здоровью.

Николай Александрович неохотно отправился в это путешествие. Тогда гостила в Ильинском Аликс, и он терял возможность видеть ее.

Больному брату Георгию морское путешествие не помогло. В Индии, в удушливой жаре, он стал задыхаться и кашлять. Император Александр III с супругой очень взволновались из-за осложнения болезни и вызвали его обратно в Россию. Николаю Александровичу пришлось продолжать путешествие без друга-брата.

В Японии на него было совершено покушение. На вокзале города Отцу внезапно выскочил прятавшийся японец-самурай и ударил его мечом. Лезвие оружия скользнуло по голове Цесаревича и нанесло ему неглубокую рану в области лба. Самурай размахнулся второй раз, намереваясь рассечь голову будущего царя, но греческий принц Георг, который был рядом, успел во-время отпарировать удар своей палкой.

Что заставило японца наброситься на Цесаревича, осталось невыясненным, но у Николая Александровича на всю жизнь остался шрам на голове и он иногда страдал сильной головной болью.

На пути домой, Цесаревич остановился во Владивостоке, чтобы заложить первый камень строящейся там железнодорожной станции Великого Сибирского пути.⁷

По возвращении в Петербург Николай Александрович был назначен Государем членом финансовой комиссии, а потом стал председателем комиссии помощи голодающим в России. Он там усердно работал, изыскивая материальную помощь для голодающих, и давал много денег из своих собственных средств.⁸

В 1893 году Наследник, как представитель династии Романовых, отправился в Лондон на свадьбу принца Йоркского Георга. Этот принц являлся его кузеном. (Мать Георга, принцесса Уэльская Александра, была родной сестрой Императрицы Марии Феодоровны). Николай Александрович и принц очень походили друг на друга и в Лондоне, во время свадебных торжеств, произошло несколько курьезных случаев, когда их путали.

Все эти годы Наследник Российского престола продолжал думать и мечтать о принцессе Гессенской Алисе. Но его родители, Император Александр III и Императрица Мария Феодоровна, не хотели, чтобы их сын женился на ней.

В некоторых изданиях выдвигается предположение, будто они были настроены против этого брака потому, что не любили немцев и не хотели, чтобы Цесаревич взял себе в жены

⁶ Георгий Александрович скончался от туберкулеза в Абастумане в августе 1899 года в возрасте 28 лет. Он построил там на свои личные средства храм, который был расписан знаменитым художником М.В. Нестеровым.

⁷ Robert K. Massie «Nicholas and Alexandra». Pan Books Ltd. London, 1967, с.45

⁸ Там же, с.46.

принцессу из незначительного немецкого герцогства. На самом деле, главной причиной, почему Александр III с супругой так противились браку сына и принцессы Алисы Гессенской являлся тот факт, что они знали о неизлечимой болезни - гемофилии, которая была в ее роду и страшилась за будущность Российской Династии.

Желанием Императорской четы было, чтобы их сын женился на Елене, дочери претендента на французский престол из династии Бурбонов, и этим они хотели закрепить союз с Францией.

Цесаревич Николай Александрович был против этого брака. Он любил Алику, и, кроме того, Елена отказалась изменить католицизму и перейти в Православие.

Тогда Император Александр III пытался получить для сына руку принцессы Маргариты Прусской. Цесаревич Николай наотрез отказался от такого брака. Он сказал родителям, что скорее пойдет в монастырь, чем женится на ней. Принцесса Маргарита, со своей стороны, также отказалась от предлагаемого замужества. Она хотела остаться протестанткой.

Император Александр III старался уверить своего сына, что Алиса Гессенская никогда не согласится переменить свою веру на русскую. Цесаревич же просил отца разрешить ему поехать к ней в Дармштадт и сделать ей предложение, добавив, что никогда ни на ком другом не женится.

Александр III и Мария Феодоровна не соглашались на поездку Наследника в Дармштадт. Это неопределенное положение продолжалось до 1894 года, когда Император заболел. Теперь русский Царь стал серьезно задумываться о женитьбе сына. Принцесса Алиса Гессенская была единственной девушкой, на которой Николай Александрович хотел жениться, и Александр III с супругой, наконец, дали согласие, чтобы он сделал ей предложение.

Цесаревич был счастлив. Теперь только надо было найти подходящее время и место для встречи с Аликой. К этому представился удобный случай - женитьба герцога Гессенского, Эрнеста-Людвига, брата Алисы, на принцессе Виктории-Мелите.

В Кобург, на бракосочетание герцога, съехалось много гостей. В числе их была и королева английская Виктория вместе с сыном, Эдуардом. Приехала и Великая княгиня Елизавета Феодоровна с Сергеем Александровичем.

Великая княгиня с супругом очень желали брака Алики с Цесаревичем Николаем. Елизавета Феодоровна хотела видеть свою младшую сестру рядом с собой, в России. Старше ее на 8 лет, она, после смерти матери в Дармштадте, вместе с сестрой Викторией заботилась о ней, стараясь заменить ей мать. Великая княгиня хорошо знала Наследника, «Ники», и любила его. Она была уверена, что брак между Ники и Аликой будет счастливым.

Когда Наследник Российского престола, Николай Александрович, прибыл в Кобург, его там уже ждала Алика.

На следующий день Цесаревич сделал ей предложение. Долго уговаривал он принцессу Алику стать его супругой. Камнем преткновения было то, что она не соглашалась переходить в Православие. Она плакала и только повторяла, что не может отказаться от своей религии.

Королева Виктория разговаривала с Аликой, убеждая ее, что нет большой разницы между Православием и Лютеранством. Наконец, Елизавета Феодоровна, со свойственной ей мягкостью, стала рассказывать сестре о православной вере, - этой истинной религии, - к которой сама она пришла. И она смогла убедить Алику. На следующий день принцесса Алиса Гессенская дала свое согласие стать женой Цесаревича Николая Александровича.

В письме матери Марии Феодоровне Наследник писал, что он и Алика плакали от счастья. Писал, что весь мир с его природой и все человечество тогда переменялись для него. Все казалось ему таким прекрасным. Он писал, что в течение пяти лет молился Богу, чтобы Господь помог Алике преодолеть себя и перейти в Православие, и чтобы Господь дал ее ему в жены.

Когда было официально объявлено о помолвке, со всех сторон в Кобург посыпались поздравительные телеграммы и цветы. Николай Александрович и Алика сидели днями,

отвечая на эти поздравления

Император Александр III с супругой, смирившись перед совершившимся фактом, - согласием Аликс на предложение их сына, теперь в письмах радушно приветствовали принцессу Алису. Мария Феодоровна писала Цесаревичу, что Аликс будет для нее родной дочерью.

Уже будучи Императрицей Российской, Александра Феодоровна всю свою жизнь помнила день своей помолвки с Цесаревичем и дорожила этим воспоминанием.

Во время Первой мировой войны, когда Император Николай II находился в Ставке, Императрица Александра Феодоровна писала ему:⁹

В письме от 7 апреля 1915г. (ст. ст.)

«Мой любимый,

Шлю тебе на завтра нежные пожелания Это первый раз за 21 год, что мы не проводим этой годовщины вместе. Как ясно все вспоминаешь! О, дорогой мой мальчик, сколько счастья и любви ты дал мне за все эти годы. Бог поистине щедро благословил нашу супружескую жизнь. За все, за все благодарит тебя твоя женка из глубины большого любящего сердца. Пусть всемогущий Бог поможет мне быть достойной твоей помощницей, мое милое сокровище, мое солнце...»

В письме от 8 апреля 1915г.

«Мой любимый муж,

Мои молитвы и признательные мысли, полные глубочайшей любви, витают вокруг тебя в эту дорогую годовщину. Как годы проходят! Уже 21 год. Ты знаешь, я сохранила серое платье «принцесса», которое я носила в это утро. И я буду носить твою дорогую брошку...»

Быстро пробежали счастливые дни в Кобурге. Настало время Цесаревичу возвращаться в Петербург. Любовь к Аликс и печаль разлуки переполняли его душу. Но через месяц он опять был в пути, чтобы встретиться с невестой. Он поехал в Англию, где она тогда гостила. Провели они вдвоем несколько замечательных дней в коттедже сестры Алисы, Виктории Баттенбергской, в Валтоне, расположенном на реке Темзе, гуляя по зеленым лугам, сидя под развесистыми деревьями, катаясь на лодке.

Когда молодая пара приехала из Валтона в Лондон, там их уже ждал посланный Императором Александром III протопресвитер Иоанн Янышев. Он должен был наставить Алису в Православном вероучении и подготовить ее к принятию Православия¹⁰ Также прибыла в Лондон ее учительница русского языка, Екатерина Адольфовна Шнейдер.¹¹

Между уроками принцесса Алиса проскальзывала в комнату Цесаревича. Там она доставала его дневник и писала в нем несколько строчек для любимого жениха. Когда Наследник читал эти строки, его сердце наполнялось счастьем.

Королева Виктория позаботилась о том, чтобы Аликс и Николай Александрович хорошо провели время в Англии. Она устраивала приемы, посещала с ними родственников,

⁹ Письма Императрицы Александры Феодоровны к Императору Николаю II. Книгоиздательство «Слово» Берлин, 1922, том 1, сс. 90,91 (Письма в оригинале были написаны на англ. яз. и переведены на русский книгоиздательством «Слово»).

¹⁰ Духовник Императора Александра III протопресвитер Иоанн Янышев, был человеком высокого ума. Он, перед переходом Великой княгини Елизаветы Феодоровны в Православие, изложил в письменной форме «Пункты различия между Православным и Протестантским вероучением», и послал этот материал в Дармштадт для отца Елизаветы Феодоровны.

¹¹ Г-жа Шнейдер прожила рядом с Императрицей Александрой Феодоровной всю жизнь. Она последовала за Царской семьей в ссылку в Тобольск, а оттуда - в Екатеринбург. Вместе с фрейлиной Анастасией Гендриковой, она была зверски убита палачами-коммунистами в сентябре 1918 года.

взяла их с собой в Осборн, в свою резиденцию на море. Она устроила парад и гимнастические упражнения морских кадет. Цесаревич Николай, в русской военной гусарской форме, принимал парад Британской кавалерии и артиллерии. В это время у принца Йоркского Георга родился сын, и восприемниками были выбраны Николай Александрович и принцесса Алиса.

Это приятное времяпрепровождение подходило к концу и Цесаревичу необходимо было возвращаться в Россию. При расставании Аликс написала ему в дневнике:¹²

«Я твоя, и ты мой, будь в этом уверен. Ты пленен в моем сердце и ключик потерял, и ты навсегда останешься там, дорогой Ники!»

Свадьбу решили устроить на следующий год, весной, но судьба распорядилась по-иному.

Цесаревич Николай Александрович и Алиса ежедневно писали друг другу любовные письма. Цесаревич на короткое время съездил в Дармштадт, но не мог там долго оставаться из-за болезни отца, которая усиливалась. Аликс усердно занималась русским языком и постигала истину Православия

Болезнь Императора Александра III, которому было только 49 лет, оказалась опасной. Медицина тогда не стояла на высоте, и врачи думали, что у него инфлюэнца, а также и болезнь почек. Приписывали это тому, что Император, обладавший невероятной физической силой, держал на своих плечах крышу вагона, когда произошло крушение императорского поезда в 1888 году, и дал возможность своей семье вылезти из-под обломков вагона в безопасное место.

Доктора направили больного Императора в Крым, в Ливадию. Они думали, что морской теплый климат благоприятно подействует на здоровье Монарха. Но болезнь его прогрессировала. В начале октября 1894 года принцессе Алисе Гессенской была послана телеграмма о срочном выезде в Россию. Аликс поспешно выехала из Дармштадта в сопровождении фрейлины Гранси и г-жи Шнейдер. На границе России ее встретила сестра, Великая княгиня Елизавета Феодоровна. С дороги Аликс послала жениху телеграмму, где писала, что желает сразу же, по прибытии в Ливадию, принять Православие.

Из Симферополя она с Елизаветой Феодоровной ехала в открытом экипаже до Алушты, где ее встретил Цесаревич Николай Александрович. Ехали они в Ливадию, приветствуемые восторженными криками местного населения

В Ливадии к этому времени собралась вся Царская Семья с родственниками. Все знали, что положение Императора Александра III очень тяжелое. Но несмотря на свою болезнь, Император поднялся с постели и заставил одеть себя в военный мундир, чтобы встретить невесту сына. Он с супругой приветствовали принцессу Алису с большой теплотой.

В тот же день, в церкви Ливадийского дворца, был отслужен молебен о здравии болящего Государя Аликс присутствовала на этом богослужении. Тогда она записала в дневнике Цесаревича:¹³

«Я молилась с тобой в церкви за твоего дорогого Отца. Какое это утешение - ты близ мен Все кажется легче и я знаю, ты мне всегда поможешь...».

Наступило страшное время - Император угасал. Все видели, что неизбежный конец приближается. Был вызван из Кронштадта почитаемый всей Россией батюшка Иоанн Кронштадтский.¹⁴

¹² Дневник Императора Николая II. Книгоиздательство «Слово», Берлин 1923, (Переиздано издательством «Лев», Париж), с.254.

¹³ Дневник Императора Николая II, с.255.

¹⁴ Причислен к лику святых Русской Православной Церковью за границей 1 ноября 1964 года, а Московской Патриархией - в июне 1990 года.

Внимание всех придворных было сосредоточено вокруг больного Императора и страдающей Императрицы Марии Феодоровны. Цесаревич Николай и принцесса Алиса не являлись тогда центром внимания. Аликс чувствовала себя лишней и одинокой. Обходили вниманием Наследника престола и доктора и министры. Придворные едва замечали молодого Николая Александровича и его невесту. Он был один из последних, которому докладывали о состоянии умирающего отца. Принцесса Алиса не выдержала такого отношения к жениху и написала в его дневнике несколько строк, которые стали потом достоянием истории: ¹⁵

«Дорогой мальчик! Люблю тебя, о, так нежно и глубоко. Будь стойким и прикажи д-ру Лейдену и другому Г. приходить к тебе ежедневно и сообщать, в каком состоянии они его находят, а также все подробности относительно того, что они находят нужным для него сделать. Таким образом ты обо всем всегда будешь знать первым. Ты тогда сможешь помочь убедить его делать то, что нужно. И если д-ру что-либо нужно, пусть приходит прямо к тебе. Не позволяй другим быть первыми и обходить тебя Ты - любимый сын Отца, и тебя должны спрашивать и тебе говорить обо всем. Выяви твою личную волю и не позволяй другим забывать, кто ты. Прости меня, дорогой!»

Император Александр III скончался 1 ноября 1894 года. Этот день был днем рождения Великой княгини Елизаветы Феодоровны и Император ее не забыл. Елизавета Феодоровна была этим очень тронута. Та ночь была тяжелая для Александра III. Он ослабел, но был в полном сознании. Он позвал к себе Елизавету Феодоровну с супругом и сердечно поздравил ее с днем рождения, помолился за нее, потом поцеловал ее и Сергея Александровича. Государь сидел в кресле, Лежать для него было мукой - его ослабевающее сердце и легкие не выдерживали воды, которая собралась в организме. Когда пришел священник, духовник Императора, все вышли. Священник причастил его Святых Таин Христовых, а после этого в комнату вошел отец Иоанн Кронштадтский. Когда всероссийский батюшка положил свок руку на голову Государя, умирающий Монарх сказал: «Я чувствую себя так хорошо». Отец Иоанн помазал его святым елеем. Через некоторое время пульс Императора стал ослабевать. Все родные вошли в комнату и опустились на колени. Тихий вздох, и Императора Александра III не стало.

Спокойно, без предсмертной агонии, скончался Император, и душа его отлетела к Богу.

Великая княгиня Елизавета Феодоровна писала бабушке королеве Виктории: ¹⁶

«... О, когда умирают так, то чувствуешь присутствие Господа, и то, что из этого мира он призван к настоящей жизни. Если бы Вы знали какое спокойствие и тишину это дало нашим душам, а в то же время наши сердца разрывались от гор..»

Великий князь Александр Михайлович, в своей «Книге воспоминаний», пишет, что смерть Императора Александра III решила судьбу России. Все, кто присутствовал при кончине русского Царя понимали, что теперь Россия потеряла ту опору, которая препятствовала ей раньше свалиться в пропасть, и никто не знал этого лучше, чем новый Император Николай II. Он взял под руку Александра Михайловича и повел к себе в комнату. Там они обнялись и оба плакали. Николай Александрович говорил: ¹⁷

«Сандро, что я буду делать!... Что будет теперь с Россией? Я еще не подготовлен быть Царем! Я не могу управлять Империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами. Помоги мне Сандро!».

На следующий день принцесса Алиса приняла Православие и причастилась Святых Таин вместе со своим женихом и его матерью. Теперь она уже стала Александрой

¹⁵ Дневник Императора Николая II с. 255.

¹⁶ Миллер «Святая Мученица Российская Великая княгиня Елизавета Феодоровна» с.89.

¹⁷ Великий князь Александр Михайлович «Книга воспоминаний». Издательство «Лев», Париж, с. 169.

Феодоровной.

Она еще плохо говорила по-русски. В этом отношении Императрица Мария Феодоровна была в гораздо лучших условиях. Она, после выхода замуж за будущего императора, прожила при русском дворе 17 лет, прежде чем стала русской царицей.

Александра Феодоровна должна была сразу перейти от принцессы маленького герцогства к высочайшему званию императрицы. Ей все было еще чуждо: и язык и новые родственники, и страна с новым народом. Конечно, она боялась будущего и глубоко переживала перемену. Как она потом рассказывала, она тогда молила Бога помочь ей сблизиться со своей будущей свекровью.

Новый молодой Император и его мать хотели, чтобы венчание с Аликс произошло тихо в Ливадии, пока там еще находилось тело отца. Но родственники Государя - его дяди, настояли на том, чтобы свадьба была в Петербурге, на виду всей столицы. Они говорили, что это будет хорошо для народа.

Все время в Ливадии шли панихиды, пока тело покойного Государя находилось там. Потом Императорская Семья, следуя за гробом, направилась в Ялту, оттуда пароходом на Севастополь, а потом поездом в Петербург, с остановками в разных городах России, где служились панихиды при многочисленных толпах местных жителей.

В народе уже пошли разговоры о плохом предзнаменовании для России: будущая императрица въезжает в свою страну, следуя за гробом Императора.

В Петербурге, через неделю после погребения Александра III, состоялось бракосочетание Императора Николая II и Александры Феодоровны. Это было 26 ноября, в день рождения Вдовствующей Императрицы.

Как потом вспоминала Александра Феодоровна, ее свадьба была как-бы продолжением панихид по ушедшему в другой мир Императору. Разница была только в том, что она сменила черное платье на белое. Не было ни банкета, ни свадебных приемов, ни танцев. Молодые даже не могли поехать в свадебное путешествие.

В венчальный наряд наряжали Александру Феодоровну статс-дамы по строго установленному придворному церемониалу. Присутствовала при этом и помогала Императрица Мария Феодоровна.

Наряд царской невесты описала Великая княгиня Елизавета Феодоровна в письме королеве Виктории от 17 ноября 1894 года.¹⁸

«... Семья будет помогать надевать коронные драгоценности и фату, как это делалось на всех наших свадьбах. Потом статс-дамы наденут мантию темно-рубинового цвета с горностаем. Платье - из вышитой серебряной материи, - русский придворный наряд и выглядит очень красивым. Как у невесты, у нее будут спускаться два локона... Законченное одеяние невесты, блеск бриллиантов и бархатная мантия (я должна сказать, что последняя - тяжелая, и было бы гораздо красивее без нее), прибавляется немного цветов мирты к платью и к малюсенькой короне. Хотя полный наряд и тяжелый, но чудесные бриллианты идут всем, и Аликс, высокая ростом, будет выглядеть очень красивой... Когда невеста одета, она идет через большие залы, заполненные придворными и обществом, прямо в церковь, а потом - домой. Как правило, устраивается банкет, а вечером полонез. Но, конечно, ничего этого теперь не будет, и я думаю, что они вернутся прямо в Аничков, где и останутся на время.»

Александра Феодоровна в бриллиантовых серьгах, бриллиантовом ожерелье и с такой же диадемой на голове - выглядела изумительно красивой. Но на ее лице отражалась не радость, а грусть. Жених, Император Николай II, был одет в гусарскую форму.

После венчания молодые переоделись и поехали в Казанский собор помолиться, а оттуда в Аничков дворец, где их встретила с хлебом и солью Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна. Все улицы и площади Петербурга были заполнены народом, и все с энтузиазмом приветствовали молодых.

¹⁸ Л. Миллер «Святая Мученица Российская Великая княгиня Елизавета Феодоровна», с. 91.

Александра Феодоровна в тот вечер записала в дневник своего супруга:¹⁹

«Отныне нет больше разлуки. Наконец мы соединены, скованы для совместной жизни, и когда здешней жизни придет конец, мы встретимся опять в другой жизни, чтобы быть вечно вместе. Твоя, тво.»

ГЛАВА 3

Жизнь молодых Государя и Государыни в Аничковом дворце. Рождение Великой княжны Ольги. Блистательная коронация Императора Николая II. Несчастье на Ходынским поле.

Молодой Император с супругой жили в Аничковом дворце, там же, где и Вдовствующая Императрица.

Днем Николай II занимался государственными делами, а Александра Феодоровна учила русский язык с г-жой Шнейдер. Обедали вместе с Императрицей Марией Феодоровной. Государь не хотел оставлять мать одну, продолжавшую тяжело переживать свое горе - смерть супруга.

В Аничковом дворце хозяйкой была Мария Феодоровна. Она распоряжалась во дворце и занимала первое место за столом. Император оказывал своей матери внимание, и даже спрашивал советов в политических вопросах в присутствии своей супруги. Александра Феодоровна все это замечала.

В одном из писем своему другу в Германию она жаловалась на одиночество, говоря, что чувствует себя в Аничковом дворце гостьей, что мало видит своего мужа.

Когда Александра Феодоровна жила в Аничковом дворце, ее единственным и самым дорогим времяпрепровождением были вечера, когда Император мог оторваться от своих занятий на час или полтора и покататься с ней по Петербургу и его окрестностям в санях.

Закутавшись в шубу, Александра Феодоровна сидела рядом с любимым мужем и тогда ее счастью не было предела. Снег блестел при лунном свете бесчисленными огнями радуги, морозный ветер бил в лицо, и мимо проносился величественный Санкт-Петербург с его сказочной архитектурой.

Императрица стремилась скорее приступить к своим новым обязанностям, связанным с ее высоким званием. Она хотела начать посещение госпиталей, благотворительных учреждений, принимать у себя, но Аничков дворец был слишком мал. Императорская чета занимала там только пять комнат, и в то время, как Император работал с министрами, Государыня сидела в своей спальне, занимаясь русским языком или вышиванием.

Было решено переехать во дворец в Царском Селе, но его необходимо было отремонтировать и обставить новой мебелью.

Из Москвы приехала Великая княгиня Елизавета Феодоровна и стала помогать сестре в планах, чтобы обновить и декорировать Зимний дворец и дворец Царского Села.

Елизавета Феодоровна была незаурядной художницей и обладала чувством красоты. Она много помогала Царице Александре в выборе мебели и в отделке комнат.

Любимым цветом Императрицы был сиреневый, и она любила живые цветы, которые стояли в вазах во всех ее комнатах.

Александре Феодоровне нелегко было привыкать к новой стране, к новым порядкам при дворе. Она скучала по своему дому в Дармштадте. Одна из последних нитей, которая связывала ее с Дармштадтом, разрывалась, когда ей пришлось расстаться со своей фрейлиной, баронессой Гранси. Г-жа Гранси, или как ее называла Александра Феодоровна, - «Гретхен», теперь возвращалась домой, в Дармштадт.

Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна приставила к Царице Александре двух

¹⁹ Дневник Императора Николая II, с. 257

новых фрейлин: княгиню Голицыну и графиню Ламсдорф.

Мария Михайловна Голицына была типичной «гранд-дамой» старого времени. Она была строгой и требовательной в отношении к другим и к себе. Сначала она пугала Александру Феодоровну своим суровым видом, но потом Государыня привыкла к ней и полюбила ее.

Г-жа Голицына не сумела помочь молодой Царице Александре войти в атмосферу двора.

Когда Государыне представляли дам высшего общества, или представительниц каких-либо благотворительных организаций, М. Голицына, зная каждую из них, не «подсказывала» ей тему для разговора. Княгиня думала, что одно только присутствие Государыни достаточно и делает большую честь этим дамам...

Прошло некоторое время и Государыня почувствовала, что ожидает ребенка. Супруги были счастливы. Они надеялись, что родится сын, наследник престола, но родилась девочка, Ольга. Родители радовались малютке. Впереди было еще много лет, и они мечтали, что следующим будет сын.

Когда родилась Ольга, 101 залп из пушечных орудий Петропавловской крепости известил народ о рождении девочки.²⁰

Ольга появилась на свет в ноябре 1895 года уже в Царском Селе. Елизавета Феодоровна приехала из Москвы, чтобы быть со своей сестрой. Она помогала ей и при родах. Вдовствующая Императрица тоже поспешила в Царское Село, когда узнала, что время рождения младенца приближается.

Девочка родилась крупной. Она при рождении весила 9 фунтов, и это с гордостью записал Император в своем дневнике.

Александра Феодоровна была примерной матерью. Она сама кормила ребенка, нянчила и купала, вязала своей девочке носочки, чепчики, кофточки, вышивала ей рубашечки, укладывала ее спать и пела ей колыбельные песни.

Государь любил читать вслух своей супруге в свободное от работы время. Сначала это были книги на французском языке, когда Александра Феодоровна еще хорошо не владела русским языком, а вместе с тем и хотела улучшить свой французский. Но потом чтение книг перешло на русский язык. Молодая Царица усердно занималась русским языком.

Основываясь на чтении, она постепенно стала понимать свою новую страну, Россию, и ее народ. Через книги она познала русского крестьянина, но познала его не совсем правильно. Она идеализировала русского мужика. Она представляла его простым, невинным ребенком с его твердой верой в Бога и преданностью своему царю. Царица думала, что будущность России лежит в крестьянстве, в этом сословии народа, которое еще не испорчено цивилизацией.

Александра Феодоровна стала интересоваться всем русским -русской историей, поэзией, искусством, музыкой. Она полюбила русскую мелодию и часто исполняла на рояле пьесы русских композиторов.

Императрицу привлекала русская старина, быт России, ее далекое, таинственное прошлое с царицами, которые в кокошниках, увешанные драгоценностями, сидели в своей половине дворца. Она полюбила церковные службы, такие изумительные по своей красоте, богатые облачения духовенства, запах ладана, старинные иконы, пение хора. Она так этим всем прониклась, что стала чисто русской царицей по своему духу и мировоззрению.

Император Николай II был очень религиозным. Он искренно молился с большой верой в Бога. Это можно было заметить по выражению его глаз, когда он стоял в храме. Он был очень рад, что его супруга так сознательно подошла к Православию и стала истой его последовательницей.

²⁰ Если рождался младенец мужского пола, наследник, то следовало 300 залпов, а если девочка, то 101.

Сделавшись супругой Российского Императора, Александра Феодоровна хотела, прежде всего, исполнять свой долг перед Россией, долг и обязанности императрицы. Она ставила этот долг выше своих личных интересов.

Если бы Александра Феодоровна жила при русском дворе еще при жизни Императора Александра III, как супруга наследника, то Мария Феодоровна научила бы ее - как проводить приемы, устраивать аудиенции, балы и как вести себя, будучи императрицей. Александра Феодоровна узнала бы все и всех при дворе, привыкла бы к его сложному этикету, и вошла бы в роль императрицы совободно и легко. Но этого не случилось, и молодой, двадцатидвухлетней Царице надо было самой обучаться всему.

Родственники Государя не поняли ее и не поспешили ей на помощь. Некоторые, даже наоборот, издали с интересом наблюдали за ней и критиковали ее, видя, в какое трудное положение попала молодая, неопытная Государыня

Александра Феодоровна даже побаивалась некоторых родственников. Особенно ее смущали дяди Императора, которые вели себя самоуверенно и «осаждали» его своими советами.

Самыми близкими из родственников к Царице Александре были сестра Императора Ксения, и ее муж, Великий князь Александр Михайлович.

Великая княгиня Елизавета Феодоровна жила с супругом в Москве. Он занимал пост генерал-губернатора, а она работала, помогая во всем мужу. Она не могла даже на время отлучиться из Москвы, чтобы помочь своей сестре. Да она и не очень желала этого. Из ее письма королеве Виктории видно, какие разговоры и сплетни начали развиваться при дворе:²¹

«... хорошо, что мы не живем в одном городе, особенно вначале. Вы знаете, какие люди злобные, и любовь между двумя сестрами никогда не будет принята просто, Или они скажут - что я интригую и честолюбива - две вещи, к которым я несклонна; или же, что Аликс ничего не может сделать без моего совета - что также неправильно...»

После годичного траура по покойному Императору, наступил сезон выходов: приемы дипломатов, официальных лиц, балы в Зимнем дворце и другие увеселени Это было первое испытание для молодой Царицы.

Балы в Зимнем дворце открывались полонезом, и Император с Императрицей должны были танцевать. Александра Феодоровна танцевала не для удовольствия, а тогда когда ей это было положено по этикету двора. Она не любила пышных придворных балов. Если она робела на маленьких приемах в Дармштадте в присутствии своих друзей, то здесь, когда на балах бывало до двух тысяч незнакомых людей, она совершенно терялась.

Когда все становились в круг и ей представляли молодых девушек высшего света, то Императрица от волнения забывала свой французский язык, смущалась и не могла заставить себя улыбнуться. Это неловкое чувство передавалось и окружающим. Государыня это сознавала, ее губы сжимались и на лице проступали красные пятна. Не находя теплых слов для девушки, она протягивала ей свою руку для поцелуя и этим заканчивала неудавшийся разговор с дебютанткой.

У Императрицы бывали каждый день многочисленные приемы дам. Она не знала, о чем разговаривать с каждой из них, и в этом, как сказано выше, ее ближайшая фрейлина, М. Голицына, не умела ей помочь.

Не привыкшая еще к придворной жизни, Царица иногда делала ошибки, которые сразу же подхватывались обществом. Это общество не понимало Александру Феодоровну. Пошли разговоры, что Императрица гордая и надменна Молодая, неопытная Государыня была этим запугана и ушла в себя, и это часто создавало натянутые отношения при дворе.

Согласно указу Императора Павла I, вдовствующая императрица занимала главенствующее место при дворе, а супруга императора -второе.

²¹ Л. Миллер «Святая Мученица Российская Великая княгиня Елизавета Феодоровна», с. 100.

Во всех выходах Императрица Мария Феодоровна шла первая под руку с Государем, а Александра Феодоровна следовала за ней с одним из великих князей.

Молодая Царица была всегда очень пунктуальной, а Мария Феодоровна часто запаздывала к выходу. Поэтому нередко случалось, что Александре Феодоровне приходилось у дверей дожидаться Вдовствующей Императрицы.

Мария Феодоровна, как мать, хотела быть ближе к сыну-Императору, но Александра Феодоровна, как супруга, теперь занимала первое место в сердце Государя Царица-мать продолжала заведывать ведомством «Императрицы Марии» и была председательницей общества Красного Креста. Она выдавала шифры отличившимся воспитанницам институтов.

Отношения между Вдовствующей Императрицей и Александрой Феодоровной были внешне хорошими, но внутреннего сближения у них не было.

Александра Феодоровна начала посещать благотворительные учреждения. Ходила она вместе с Императором по больницам и приютам. Но большого усердия она сначала здесь не могла проявить, так как приближалось время коронации, и все ее мысли были заняты предстоящим торжеством.

Коронация должна была состояться в 1896 году. Государь пожелал короноваться в мае месяце. В мае венчался на царство и его незабвенный отец, Император Александр III. По установленной традиции, чин священного коронования происходил в Москве, в первопрестольном граде земли Русской.

Задолго до этого дня в Москву стал стекаться народ со всех сторон России. Об этом великом торжестве говорили везде: и в столице, и в городах, и в деревнях. Народ уже успел полюбить своего нового молодого Царя. Все православные русские люди молились за него, чтобы Господь благословил его и дал ему спокойное и благополучное царствование.

Император прибыл в Москву 21го мая, в день праздника перенесения мощей Святителя Николая Чудотворца.²²

К этому дню на Красной площади были устроены трибуны, где сидели в ожидании прибытия Государя те, кто успел достать себе пропускной билет. А вокруг стояли несметные толпы народа. Каждый хотел взглянуть на своего Царя

Около трех часов пополудни колокольный звон всех московских церквей и пушечные залпы известили о том, что торжественный въезд в Москву начался

Первым появился взвод жандармов, а за ними Императорский Конвой. Проехали в золоченых каретах сановники, потом кавалергарды. Прогарцевали на изящных скакунах правители народов Азии в красочных костюмах, за ними опять кавалергарды, и вот, раздалось далекое «ура». Оно приближалось и ширилось и вскоре загремело с невероятной силой. Казалось, что нет и не будет ему конца.

Войска взяли на караул. Оркестр заиграл государственный гимн «Боже, царя храни», и на белом арабском коне появился Император. Он ехал медленно, приветливо кланялся народу. Лицо его было взволновано и бледно.²³

Кортеж проследовал к Иверской часовне, где Император с матерью и супругой приложились к чудотворному образу Иверской Божией Матери.²⁴

²² В 19 веке день Святителя Николая Чудотворца праздновался 21-го мая (9 мая по ст. стилю).

²³ Из книги М.В. Нестерова «Воспоминания». Москва, Советский художник, 1989, с.236.

²⁴ Иверская икона Божией Матери была написана на Афоне по повелению царя Алексея Михайловича и патриарха Никона. Это была точная копия подлинной Иверской иконы, которая пребывает на Афоне в Иверском монастыре. Иверская икона Божией Матери считалась покровительницей города Москвы, и очень чтилась как народом, так и государями. В настоящее время она находится в храме Воскресения в Сокольниках. Икона облечена в серебряную ризу, но лик Пресвятой Богородицы совершенно темный и Его невозможно рассмотреть.

До дня коронавания Императорская чета находилась в Александрийском дворце, где говела и готовилась к священному таинству.

Когда этот день, 26-е мая, наступил, уже с раннего утра массы народа потянулись к Кремлю. Утро выдалось тихое, светлое. На небе -ни облачка. Казалось, что сама природа красуется и радуется

Уже в 7 часов утра загремели залпы и понесся благовест колоколов. От ступеней Красного крыльца до самого Успенского собора вытянулись рядами конногвардейцы. На особом возвышении разместился придворный оркестр и хор.

Успенский собор был празднично украшен. Этот собор, построенный на месте старого собора Иоанном III, видел в своих стенах коронавание многих царей и императоров Российских. Особый благоговейный трепет охватывает каждого русского, православного, кто вступает под его исторические своды.

Император Николай II для своего коронавания выбрал трон царя Михаила Феодоровича, на котором короновался его отец. Этот трон и трон его супруги, Александры Феодоровны - престол царя Иоанна III, стояли на широкой площадке, обтянутой малиновым плюшем, посередине храма.

Духовенство, в великолепных облачениях, вышло из собора и собралось на паперти храма в ожидании Высочайших особ.

Первой, под балдахином, прошла в собор Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна и заняла свое место на приготовленном для нее тронном кресле. Затем духовник Императора, протопресвитер Иоанн Янышев, окропил святой водой путь следования Императорской четы.

Зазвучали трубы и литавры. Это трубачи извещали народ, что начинается Высочайшее шествие. Придворный оркестр и хор стали исполнять торжественное произведение Чайковского «Фанфары».

Первым шел взвод кавалергардов, за ними пажи и нескончаемое шествие представителей земства и городов. Все это переливалось золотом и разными красками, сверкая на солнечных лучах. Процессия спускалась с Красного крыльца к Успенскому собору, и пройдя насквозь собор, собиралась в Синодальной палате, чтобы по окончании церемонии идти обратно во дворец таким же порядком.

Войска взяли на караул - выносили императорские регалии. Сначала прошли два герольда и гренадер со знаменем, а за ними пронесли в собор государственный меч, государственное знамя, печать, порфиру Императора и Императрицы, большую бриллиантовую цепь ордена св. апостола Андрея Первозванного, скипетр, державу и две короны - Государя и Государыни.

Когда Император с супругой появились на ступенях Красного крыльца, грянуло «ура», подхваченное необозримой массой народа, и перебросившееся за пределы Кремля Оркестры заиграли государственный гимн, и все это слилось с радостным переливом колоколов.

Николай II был в форме полковника Лейб-Гвардии Преображенского полка, в Александровской ленте через плечо и с орденом св. Андрея Первозванного. На Александре Феодоровне было платье русского придворного покроя из серебряной парчи.

Императорская чета под роскошным балдахином проследовала к Успенскому собору, где на паперти Московский митрополит приветствовал их словом. Санкт-Петербургский митрополит поднес им крест, а Владыка Киевский окропил их святой водой.

Под пение псалма «Милость и суд воспою Тебе, Господи», Государь с супругой, в предшествии духовенства, вошли в храм. Прежде чем сесть на троны, Император с Императрицей совершили три поклона перед Царскими вратами и приложились к местным иконам.

Священный обряд коронавания начал Государь громко и отчетливо прочитал Символ веры, осеняя себя крестным знаменем. После хорового исполнения молитвы «Спаси, Господи, люди Твоя», было прочитано пророчество Исаии, послание св. апостола Павла и св. Евангелие. Два митрополита - Петербургский и Московский взошли на тронное место и при

помощи ассистентов надели на Императора порфиру и бриллиантовую Андреевскую цепь. Потом митрополит Петербургский благословил Государя и положил крестообразно на его голову свои руки, читая особую молитву. Затем он принял с бархатной подушки корону и передал ее Императору, и Царь сам возложил ее себе на голову. И последние регалии, которые вручил митрополит Государю, были скипетр и держава.

Теперь началось коронование Императрицы. Она опустилась на колени перед супругом, и он, сняв с себя корону, коснулся ею головы Александры Феодоровны, и вслед за тем - увенчал ее малой короной и надел на нее порфиру.

В храме раздалось громогласное «многая лета», провозглашенное протодиаконом венчанному на царство Государю и Государыне.

На Москва-реке раздались залпы орудий и колокольный звон Ивана Великого и всех церквей московских, извещая русский народ о совершении коронования.

Император Николай II, встав на колени, прочитал громким голосом молитву, где он просил Бога вразумить его, чтобы управлять государством по воле и заповедям Господним.

Когда Государь поднялся, все присутствующие опустились на колени, и митрополит Петербургский от лица всего народа прочитал «молитву за царя», после которой последовало исполнение хором придворной капеллы гимна Господу - «Тебе, Бога, хвалим».

Во время Божественной Литургии, которая началась после чина коронования, митрополит взял драгоценный сосуд со святым елеем и совершил миропомазание Императора, помазав ему крестообразно лоб, глаза, ноздри, уши, грудь и руки, со словами: «Печать дара Духа Святаго». У Императрицы был помазан только лоб.

Святое миропомазание было возвещено народу колокольным звоном и пушечными залпами.

Перед Таинством Причастия, митрополит ввел Государя в алтарь. Николай II принял святое Причастие у Престола Господн

Роберт Масси в своей книге «Nicholas and Alexandra» на с.77 пишет, что тяжелая цепь св. Андрея Первозванного тогда соскользнула с плеч Императора и упала на пол. Это случилось так быстро, что никто из стоящих в храме этого не заметил, кроме священнослужителей, которые находились рядом с Государем. Эта неприятная случайность долгое время держалась в секрете.

Нововенчанный Император с Императрицей вышли из собора под радостный колокольный звон, залпы орудий и ликование народа. Государь шел в короне со скипетром и державой в руках, а за ним следовала Государын. Сначала они прошли на поклонение в Архангельский и Благовещенский соборы, а оттуда во дворец.

Взгляды всего народа были устремлены на плавно покачивающийся императорский балдахин. Солнце своими яркими лучами освещало эту яркую, незабываемую картину. По всей Российской земле в этот день гудели колокола, шли молебны, и везде русский народ чувствовал себя именинником и благословлял молодого Царя.

В день коронации был обнародован Императорский манифест, где говорилось, что Государь будет верно и неуклонно продолжать дело строения земли Русской и укреплять в ней веру, просвещение и добродетели. Дальше следовали царские милости: сложение недоимок по налогам и податям; увеличение стипендии учебным заведениям, главным образом женским; улучшение материальных условий военнослужащих; облегчение жизни крестьянства, и много других льгот для всего народа.

Перед обедом Император с супругой вышли на балкон и поклонились народу. Это был поклон не только жителям Москвы, но и всему государству Российскому. И опять народ ответил Государю восторженным «ура».

Для обеденного стола Царской четы в этот день из государственного хранилища были доставлены во дворец старинные столовые приборы, кубки, братины, чаши. Во время обеда хором и оркестром Императорских театров исполнялась во дворце торжественная кантата, написанная композитором Глазуновым. Меню было расписано в русско-славянском стиле художником Васнецовым.

Для пятидесяти тысяч бедных города Москвы, Петербурга, Киева, Варшавы и других городов, за счет Государя в день коронации были устроены обеды. Также в Москве, со дня приезда Императора в Первопрестольную и до дня его коронования пять тысяч бедняков получали бесплатные ежедневные обеды в трапезных московских монастырях.

Чтобы особо отметить день коронации, как это было установлено с давних лет, в Москве была устроена замечательная иллюминация

В 9 часов вечера Император с Императрицей вышли на балкон дворца. Здесь Александре Феодоровне был поднесен букет живых цветов, и как только она его взяла, он весь засветился скрытыми электрическими лампочками, и в то же мгновение загорелись огни по всем кремлевским стенам. Кремль казался чем-то волшебным, сказочным. На фоне моря огней иллюминации выделялись разноцветными огнями Ивановская колокольня и кремлевские башни. Крыша Спасской башни сияла зеленым светом, а внизу архитектурные изгибы были усыпаны, как бриллиантами и рубинами, белыми и красными огнями. Царская башня была в золотых огнях. Зубцы Кремля были украшены горящими газовыми плашками. У Москва-реки был устроен светящийся всеми огнями радуги фонтан. Вслед за Кремлем и вся Москва засветилась сказочными огнями. В садах и парках были устроены причудливые арки и мосты. Все деревья горели различными огнями. А на общем фоне светящейся Москвы красовался, разукрашенный огнями, храм Христа Спасителя - одно из величайших творений русского гени

М.В. Нестеров в «Воспоминаниях» пишет, что это была волшебная сказка, сон наяву; что народ ходил, как зачарованный среди блистающего самоцветными камнями города. По деревьям Александровского сада висели огненные цветы и плоды. Все сверкало, переливалось алмазами, рубинами на фоне тихой майской ночи. Позднее было замечено, что на Спасской башне начался пожар, который был потушен. Народ стал шептаться и призадумался

По установленному с давних пор обычаю, все новокоронованные цари устраивали для народа увеселения и угощение.

Для этого выбрали Ходынское поле, где были сооружены павильоны, среди которых возвышался особый, императорский.

В середине поля был устроен ипподром для джигитовки, и две арены с трапециями для цирковых представлений. Рядом были построены здания для театров для выступлений артистов, и один из них предназначался для представления знаменитого дрессировщика Дурова с его животными. Были разбросаны по полю эстрады для музыкантов. По сторонам поля тянулись буфеты с угощением и напитками для народа. В пакетиках с царскими гостинцами была завернута коронационная кружка, сделанная из металла, эмалированная с позолотой, с русским гербом и вензелями их Величеств.

Комиссия по устройству коронационных торжеств, с одобрения Императора, постаралась сделать все возможное, чтобы доставить народу удовольствие, и чтобы этот праздник остался в памяти народной на всю жизнь. Но случилось непредвиденное, страшное несчастье.

Народ еще с вечера стал стекаться к Ходынскому полю, и уже задолго до открытия павильонов стоял плотной стеной перед ними. Там собралось около 500 тысяч человек. Было много женщин и детей. Местные власти этого не предусмотрели и не предоставили достаточного количества полицейских отрядов для соблюдения порядка.

Внезапно разнесся слух, что угощений и подарков для всех не хватит. Тогда задние ряды в нетерпении стали нажимать на передних. Началась давка, которая перешла в панику. Народ повалил вперед, все сметая на своем пути. Люди шли по живым телам, втаптывая их в землю. Много оказалось задавленных и покалеченных. Тогда погибло 1282 человека; раненых - несколько сот.²⁵

²⁵ С.С. Ольденбург «Царствование Императора Николая II». Переиздано обществом распространения русской национальной и патриотической литературы, Вашингтон, 1981, с. 59. (Оригинал выпущен этим же

Император с Императрицей появились в императорском павильоне на Ходынке и оставались там до 3 часов дня. Для Царственной четы это несчастье явилось большим ударом. Государь на месте заботился, чтобы несчастным была оказана скорая помощь. Он хотел отменить все дальнейшие увеселения и провести несколько дней в монастыре, молясь за души погибших и за Россию. Но протокол коронационных торжеств требовал другого. В этот вечер был назначен бал во французском посольстве. Франция затратила большие суммы денег, чтобы достойно отметить в Москве коронацию русского Царя. Из Франции специально были привезены бесценные гобелены и серебряная посуда. Прибыло несколько тысяч роз с юга Франции.

Император Николай II колебался между долгом перед союзной Францией и перед своим чувством к русскому народу. Он решил, что нанесет глубокую обиду французам и испортит отношения с Францией, если не появится на балу.

В назначенное время Император с супругой прибыли на этот бал. Государь был бледным, но очень выдержанным. Глаза Александры Феодоровны были заплаканы. Они пробыли на балу ровно столько, сколько требовалось по этикету и уехали к себе во дворец.

Франция оценила этот поступок русского Императора, но в некоторых левых кругах России поднялись разговоры против Императора и Императрицы. Им ставили в вину посещение этого злополучного бала.

На следующий день, по желанию Государя, протопресвитер Иоанн Янышев служил в дворцовой церкви заупокойную Литургию и литию по погибшим на Ходынском поле. Император с Александрой Феодоровной со слезами на глазах молились о упокоении несчастных.

После богослужения они поехали в больницы, где лежали пострадавшие в ходынской катастрофе. Царственные супруги обходили каждого, разговаривали с ними и утешали их. Это производило изумительное действие на раненых. Они приподнимались с постелей, целовали руку Государя и Государыни и плакали от умиления.

Так Император с Императрицей несколько дней подряд ходили по больницам. Похороны погибших были организованы отдельно для каждого за государственный счет, и из личных средств Императора каждой пострадавшей семье было выдано по тысяче рублей.

ГЛАВА 4

Путешествие Царской четы в Европу и по России. Дни Великого поста и празднование Христова Воскресения в Москве. Желание Государыни заняться благотворительностью. Ее жертвенность на нужды несчастных. Рождение Великих княжен: Татьяна, Мария и Анастасия. Мистицизм Государыни. «Доктор души» - Филипп. Торжества в Сарове по прославлению святого Серафима. Рождение Цесаревича Алексея. Его болезнь - гемофилия. Предсказание в завещании Императора Павла I.

После коронационных торжеств Царственная чета поехала в Нижний Новгород на открытие международной выставки. Там происходил прием депутатов от крестьянства, и Александра Феодоровна стала мечтать о поездке вниз по Волге с остановками в разных городах и селах России. Но этого она пока не могла осуществить. Впереди ее ждало посещение государств Европы.

Побывав с официальным визитом в Австрии, Государь с супругой возвращались через Киев. Там они посещали различные учреждения, как благотворительного, так и общественного характера, присутствовали на освящении Владимирского собора, расписанного знаменитыми художниками Васнецовым и Нестеровым,²⁶ провели много

О-вом в Белграде, Югославия, в 1939 г.).

²⁶ М.В. Нестеров в «Воспоминаниях» о соборе на с. 237 пишет: «19 августа 1896 года была первая

времени в Киево-Печерской лавре, где молились в пещерах у святых мощей Угодников Божиих.

Теперь Императорской чете предстояла опять поездка в Европу. Незабываемым путешествием оказалось посещение Франции. Французы с таким энтузиазмом и помпой встретили русского Царя, что это осталось светлым воспоминанием у Александры Феодоровны на всю ее жизнь.

В Париже Император Николай II заложил первый камень в основание новостроящегося моста в память Императора Александра III, а когда супруги проезжали Дармштадт, Александра Феодоровна положила первый камень в фундамент строящейся там русской православной церкви. Роспись этого храма и мозаичные работы были поручены Императором Васнецову, иконы которого так очаровали его во Владимирском соборе в Киеве.

К зиме Государь с Императрицей вернулись в Россию. В Санкт-Петербурге начинался зимний сезон увеселений. Великая княгиня Елизавета Феодоровна советовала сестре начать устраивать балы и приемы в Зимнем дворце. Это было необходимо и являлось неотъемлемой обязанностью новой Государыни. Петербургский свет ждал этого. Императрице советовали ближе познакомиться с аристократией столицы и постараться найти искренних друзей, на которых можно было бы положиться. Александре Феодоровне надо было завоевать популярность среди жителей Петербурга с самого начала ее нелегкого пути русской царицы.

Следуя совету сестры, Государыня стала готовиться к устройству вечеров и обедов для представителей общественности столицы. Но все это пришлось вскоре отменить по той причине, что она стала ожидать ребенка и у нее одновременно возобновилась болезнь ног, которой она страдала еще девушкой в Дармштадте. Болезнь приняла такие формы, что Александру Феодоровну возили в кресле.

Жители Петербурга об этом не знали. По установленным правилам двора, в России не полагалось ни говорить, ни писать о болезнях царствующих особ. Сама Царица стеснялась своего недомогания и не говорила об этом. Следствием всего этого стало то, что о Государыне пошли разговоры что она замкнутая и гордая, и не хочет ни с кем знаться.

Дети у Императорской четы рождались каждые два года, или весной или летом, и поэтому зимний увеселительный сезон Императрица проводила в последних месяцах своей беременности. Роды всегда были тяжелые, и потом она долго не могла оправиться.

В 1900 году Император Николай II возобновил старинный обычай - проводить последние дни Великого поста и праздник Святой Пасхи в Москве.

В Первопрестольной Александру Феодоровну взялся сопровождать везде Великий князь Сергей Александрович. Водил он ее, главным образом, по церквам Москвы. Он хорошо знал каждый храм и его историю.

Государыня была в восхищении от всего того, что она видела. В память о своем приезде в Москву, она решила оставить некоторым церквам собственноручную вышивку. Времени до праздника Святой Пасхи оставалось мало. Необходимо было спешить. Помогала ей вышивать по бархату Елизавета Феодоровна и еще несколько искусных вышивальщиц, монахинь. Царица Александра очень хорошо вышивала, и пелены и платы, вышитые ею,

всенощная в нашем соборе. Торжественная служба длилась четыре часа. Дивный хор Калишевского, сотни огней, впервые зажженные перед образами, над которыми когда-то мечтал, в которых осталась частица себ.. Собор перестал быть нашей «мастерской»... Он стал храмом, через который потом прошли сотни тысяч народа со своими радостями, скорбями... От всенощной мы с В.М. Васнецовым ушли усталые, но счастливые. Что-то готовит нам завтрашний день?... Настал и он - 20 августа 1896 года... У нас пропускные билеты. Показали - впустили... Еще мгновение, и в открытые настежь двери послышалось «ура» и колокольный звон. К собору подъехал царь... Меня с Васнецовым и Котарбинским замяли куда-то к стене, и мы простояли бы (герои-то дня!) в блаженной тишине всю службу... И вот в этот самый момент сердобольная душа увидела это, возмутилась, прошла вперед, сказала генерал-губернатору... Немедленно после этого последовало приглашение нам пройти вперед, и мы - все художники - получили место сейчас же за царем и великими князьями..."

стали настоящим украшением для храмов старой столицы.

В Москве Александра Феодоровна чувствовала себя гораздо свободнее, чем в Петербурге. Здесь она посещала с супругом церковные богослужения без свиты, и, смешиваясь с толпой молящихся, ставила свечи и клала земные поклоны.

При наступлении Светлого Христова Воскресения, Государыня появлялась на приемах вместе с Елизаветой Феодоровной и Сергеем Александровичем. Это давало ей моральную поддержку. Она там чувствовала себя непринужденно и даже веселилась. Москва везде радушно встречала Императора с Императрицей. В это время Александра Феодоровна очень сблизилась со своей сестрой и Сергеем Александровичем, который стал для нее настоящим другом.

Вернувшись в Петербург, полная впечатлений после поездки в Москву, она где-то необдуманно сказала, что московское общество приветливее петербургского. Это сразу же было разнесено по городу готовыми на разные «сенсации» людьми. Императрица после этого стала бояться высказывать свое мнение и стала еще более отчужденной.

Петербургское общество того времени вело веселую жизнь. Нравы упали. Свет искал каких-то «сильных ощущений». В салонах собирались кружки, где устраивались спиритические сеансы. На придворных балах дамы появлялись сильно декольтированные, что нередко шокировало приезжавших из Англии гостей. Однажды на балу Императрица увидела, что одна дама имеет до неприличия низкое декольте. Государыня послала свою фрейлину сказать ей, чтобы она чем-то прикрыла свой бюст. Та же бесстыдно, наперекор Императрице, еще сильнее растянула свое декольте.

Царица считала петербургское общество фривольным и аморальным.²⁷ Теперь она стала вычеркивать одно имя за другим из списков приглашенных на дворцовые приемы. Это, конечно, не понравилось высшему обществу, и ее опять стали злословить.

Александр Феодоровне пришлось много пережить из-за болезни Императора. В конце 1900 года он заболел тифом. Государыня сама ухаживала за супругом и проводила все дни у его постели. Завтрак, обед и ужин приносили ей в комнату больного.

Когда Государь стал выздоравливать, но был еще слишком слаб, она заменяла ему секретаря - записывала его распоряжения и передавала министрам.

Царь поправился, но новое сильное переживание постигло Императрицу, когда в январе 1901 года скончалась ее бабушка, королева Виктори

Александра Феодоровна хотела поехать в Лондон на похороны любимой бабушки, но не смогла. Она тогда опять ожидала ребенка, Анастасию.

В англиканской церкви Петербурга на панихиде по усопшей королеве Государыня открыто рыдала. Бабушка заменяла ей родную мать. В этой смерти она потеряла не только близкого человека, но и моральную поддержку. Королева Виктория, зная болезненную застенчивость своей внучки, старалась в своих письмах подкреплять ее советами и влить в ее душу спокойствие и уверенность в себе. Теперь этой опоры не стало.

Императрица хотела заняться благотворительностью. Но, как уже упоминалось выше, существующие благотворительные организации находились под опекой Вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны. Александра Феодоровна решила основать что-то новое, чего еще не было в России. Она мечтала устроить мастерские в пользу бедняков и организовать для этого добровольный труд дам общества. По ее идее, комитет, который возглавил бы эту организацию, должен был носить название - «Помощь трудом». Особенно Государыня стремилась помогать детям-инвалидам. Она любила детей и хотела облегчить условия их жизни. Но с мастерскими труда у нее ничего не вышло. Среди аристократии она не нашла поддержки. Кроме того, Императрица могла рассчитывать только на государственные субсидии и на свои собственные средства. Единственно, что смогла

²⁷ Princess Catherine Radziwill «The intimate life of the last Tsarina». Cassell Co. Ltd. London, 1929, c.111.

осуществить Государыня, это открытие школы для сестер милосердия Школа была открыта в Царском Селе в 1905 году. Это учреждение Александра Феодоровна содержала на свои собственные средства.

Она всегда щедро жертвовала свои деньги на благотворительность. К примеру, во время голода в деревнях в 1898 году она пожертвовала 50 тысяч рублей на помощь голодающим. Но об этом или мало знали, или не сообщали в прессе.

Когда Государыня хотела организовать профессиональные училища для девушек, что было так необходимо для России, она встретила с сильной оппозицией в высших кругах общества, и ей пришлось отложить исполнение своего плана на будущее. Во время Первой мировой войны она опять взялась за это дело, но назревавшая революция помешала ей.

Александра Феодоровна всегда хотела быть рядом со своим супругом. Она сопровождала его на маневры в Красное Село, и там они жили в маленьком деревянном доме. Она ездила верхом на лошади рядом с Государем и была возведена в почетное звание полковника улан. Государыня проявляла заботу о своих уланах и гордилась ими.

Император Николай II любил охоту, и когда он охотился, его супруга всегда была с ним. Государь любил рано утром далеко ходить пешком по лесам и болотам, выискивая зверя. Александра Феодоровна от него не отставала, и несмотря на свои частые недомогания, храбро шагала рядом с ним.

Государыня жаждала принести России наследника престола, Она горячо молилась Богу, чтобы Он послал ей сына. Но пока рождались девочки. Судьба как будто медлила в даровании Царской чете столь желаемого младенца, которого, увы, ожидала страшная участь, а с ним и всю Императорскую Семью и Россию.

У супругов родились: Ольга в 1895 году, Татьяна - в 1897, Мария - в 1899 и Анастасия - в 1901г. Государыня сама смотрела за своими детьми и не доверяла их няням. Это заполняло все ее время. Часто, нянча ребенка, она выслушивала доклады и подписывала бумаги.

Когда в 1899 году Императрица ожидала нового ребенка, супруги очень надеялись, что родится сын. Узнав, что родилась девочка, Мария, Государь долго ходил по парку дворца, прежде чем пойти к жене. Он хотел скрыть от нее выражение своего лица, которое носило следы разочарования. Он хотел явиться к ней радостным и поздравить ее с рождением малютки.

Александра Феодоровна почему-то чувствовала себя виноватой, что все рождаются девочки. И как только очередная дочь появлялась на свет, она в отчаянии говорила: «Что подумает обо мне Россия?»

Императрица искала себе друзей, с которыми могла бы поделиться своими сокровенными мыслями и от которых могла бы выслушать искренний совет. Она стала дружить с сестрами-черногорками Милицей и Анастасией, дочерьми короля Черногории. Никола Милица была замужем за русским Великим князем Петром Николаевичем, а ее сестра Анастасия, после развода с первым мужем, - за Великим князем Николаем Николаевичем.

Милица была образованной женщиной. Она хорошо знала персидский язык и изучала философию и религию Персии, Индии и Китая. Она также занималась теологическими вопросами, связанными с Православной Церковью. Обе сестры были обаятельны и обладали прекрасными манерами.

Под влиянием этих сестер Александра Феодоровна стала увлекаться теологией. Она усердно читала писания отцов Церкви. Наряду с этим, она стала изучать и труды по философии.

Высоко религиозная, но вместе с тем эмоциональная и экзальтированная, она стала склоняться к мистицизму. В исступлении молилась она Богу о даровании ей сына. Она не могла примириться с мыслью, что после Императора Николая II Российский престол займет его брат. (Сначала наследником считался брат Императора - Георгий, а после его смерти, второй брат Государя - Михаил). Александра Феодоровна думала, что ее молитва

недостаточна, что надо искать «избранников Божиих», которые своими молитвами вымолят у Господа наследника для России. Такая ее душевная настроенность создала хорошую почву для влияния на нее людей сомнительной репутации, выдающих себя за подвижников и «посредников» Господних.

Когда Императорская чета ездила во Францию, Милица Николаевна представила Государыне меье Филиппа, называвшего себя «доктором душ». Этот «доктор» приехал в Царское Село и стал уверять Императрицу, что он является «Божьим человеком», и может своими молитвами вымолить ей у Бога сына. Он обещал, что следующим ребенком у нее будет мальчик. Но родилась Анастаси Филипп продолжал уверять Александру Феодоровну, что скоро у нее родится наследник. Императрица верила ему и все ждала сына. Когда же пресловутый «доктор» попытался вмешаться в дела политики, Государь немедленно выслал его из России во Францию. Это не изменило отношения Царицы к Филиппу. Она продолжала верить в его молитвенную силу. Он же, перед своим отъездом, говорил ей, что у нее родится сын по молитвам одного святого старца, и что после него явится другой «Божий человек» и будет около нее (Распутин).

В июле 1903 года в Саров на торжества по прославлению святого Серафима поехала вся Царская Семья

Императрица там горячо просила новоявленного Святого о даровании ей желаемого наследника. В Сарове она, не стесняясь, общалась с крестьянами, которых любила, и они отвечали ей тем же.

В день великого торжества в Сарове, когда должны были переносить святые мощи Преподобного Серафима, состоялся торжественный выход Царя с Царицей в собор, к Литургии. Во время шествия этой процессии неожиданный порыв ветра вырвал из рук Государыни раскрытый зонтик. Одна из близ стоящих послушниц подхватила его и с поклоном подала Александре Феодоровне, поцеловав ее руку. Тогда другие монахини бросились к Императрице и стали целовать ее руки и края одежды. Одна из них с плачем закричала: «Матушка ты наша родная, Царица-сиротинушка! Господь тебе сыночка-то не дает, несчастной!» У Александры Феодоровны из глаз брызнули слезы. Все были в замешательстве. Император приостановился, а потом продолжал шествие. Это была потрясающая сцена.

Император Николай II собственными руками поднимал гроб с мощами великого русского Угодника Божия и вместе с другими нес его. Он смешивался со своим народом, который собрался в Сарове в количестве трехсот тысяч. Царственная чета у ранней Литургии из общей чаши вместе с крестьянами причащалась Святых Таин Христовых. Государыня погружалась в источник Серафима Саровского. Народ видел все это и открыто выражал чувства любви к своим Царю и Царице.

Когда 12-го августа 1904 года родился Цесаревич Алексей Николаевич, Императрица была уверена, что святой Серафим Саровский своими молитвами помог ей. Но она хорошо помнила и «пророчество» меье Филиппа относительно «одного святого старца».

Конечно, можно не сомневаться, что Цесаревич Алексей родился по молитвам святого Серафима, но Филипп этого знать не мог. Он мог только предполагать. Он был хитрым и неглупым человеком. Он хорошо изучил натуру Александры Феодоровны и старался влиять на нее. Он знал, что Государыня всегда будет искать «Божьих людей» и просить их молитв и советов. Он был уверен, что после него место займет кто-то другой, каким и стал впоследствии Распутин.

Рождение Наследника Алексея прошло очень легко. Во время полуденного завтрака, Государыня почувствовала, что ее время настало, и уже через час долгожданный младенец увидел свет.

Салют орудий Кронштадта, Петергофа и Петропавловской крепости прогремел 300 раз, извещая столицу, что родился Наследник. Народ ликовал. За Петербургом по всей стране стали разноситься залпы орудий и гул колоколов. Везде празднично развевались

национальные флаги.

В тот день Государь записал в своем дневнике:²⁸

«Незабвенный великий для нас день, в который так явно посетила нас милость Божи В 1 1/4 дня у Аликс родился сын, которого при молитве нарекли Алексеем. Все произошло замечательно скоро - для меня по крайней мере. Утром побывал как всегда у Мамы, затем принял доклад Коковцева и раненого при Вафангоу арт. офицера Клепикова и пошел к Аликс, чтобы завтракать. Она уже была наверху, и полчаса спустя произошло это счастливое событие. Нет слов, чтобы уметь достаточно благодарить Бога за ниспосланное Им утешение в эту годину трудных испытаний... В 5 час. поехал к молебну с детьми...»

Император Николай II всегда особо почитал память царя Алексея Михайловича, и поэтому, с согласия супруги, дал имя своему первенцу в честь этого цар

Младенец родился красивым. Это был здоровый ребенок, со светлыми, уже вьющимися волосами и голубыми глазами.

Александра Феодоровна была счастлива до предела. Улыбка озаряла ее лицо. Наконец-то совершилось то, о чем она томилась столько лет и неустанно молилась Богу. Теперь она чувствовала себя уверенной и спокойной. Она знала, что исполнила свой долг перед государством - дала России Наследника. Теперь уже никто не посмеет упрекать ее ни в чем. Наследник родился Вот он, такой прекрасный и здоровый лежит в колыбели около нее. Это «мой солнечный луч», - так стала называть Государыня своего сына.

Популярность Александры Феодоровны возросла как в высшем свете, так и во всем народе. О ней говорили, ее превозносили. Даже неудачная Русско-японская война, которая шла в это время, как будто ушла на время из сознания народа.

Горячо благодарила Императрица Бога, Царицу Небесную и Угодника Божия, святого Серафима Саровского за дарование ей сына. В благодарность Господу, в Царском Селе был построен храм с главным приделом во имя Феодоровской иконы Божией Матери, а престол нижнего храма был освящен в честь Преподобного Серафима Саровского.

24-го августа состоялось крещение Цесаревича в церкви Петергофского дворца. По традиции, Наследника несла на подушке фрейлина Императрицы Мария Голицына. На крещении присутствовали почти все родственники Государя и Государыни. На это торжество прибыл из Дании король Христиан, родственник Императора по матери. Среди восприемников были принц Уэльский Георг, и немецкий кайзер Вильгельм. Крестной матерью была Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна. Таинство крещения совершал протопресвитер Иоанн Янышев, заслуженный старый священник, который состоял многолетним духовником Царской Семьи. Маленький Наследник сразу же был назначен полковником многих воинских частей, и был усыпан орденами.

По случаю рождения Цесаревича, для народа были даны различные льготы, денежные пожертвования различным организациям, и провозглашена амнистия преступникам.

Но никаких увеселений и балов, чтобы отпраздновать такое событие, во дворце не устраивалось. Было дано только несколько обедов для приезжих гостей. Императорская чета не могла веселиться тогда, когда на Дальнем Востоке лилась русская кровь.

Последний роскошный бал, данный в Зимнем дворце, был костюмированный бал в 1903 году, где все члены Императорской Семьи и гости были одеты в костюмы времен царя Алексея Михайловича. Тогда, при помощи директора музея Эрмитажа, были сшиты костюмы для Царя и Царицы. Император был одет в точный наряд царя Алексея «тишайшего», а Императрица - в наряд супруги царя - царицы Марии Милославской. По описаниям очевидцев, она выглядела замечательно, хотя ее фотографии в этом одеянии и не отразили ее красоты.

Потом наступила Русско-японская война, и никаких балов с тех пор в Зимнем дворце уже никогда не устраивалось. Зимний дворец остался только символом былого величия

²⁸ Дневник Императора Николая II, с. 163.

Российской Империи и блистательного Санкт-Петербурга.

Недолго радовались своему сыну Государь с супругой. Очень скоро, когда ребенку исполнилось всего несколько недель, у него началось кровотечение из пуповины, которое продолжалось целый день и всю ночь. Были срочно вызваны доктора Коровин и Федоров, которые наложили на больное место повязку. Мальчик не плакал, даже был веселым. На следующий день кровь на повязке показалась только утром, и больше ее не было.

Родители перепугались. У них зародилась боязнь, что это признак гемофилии.

Ребенок оставался здоровым в продолжении нескольких месяцев. Но когда он стал подниматься на ножки и пытался ходить, он, как всякий ребенок, от неустойчивости падал. На его маленьком теле стали появляться небольшие синяки, которые быстро превращались в темные опухоли. Кровь в ушибленных местах не сворачивалась, а скапливалась, вызывая сильную боль. Теперь сомнения больше не было. Эта болезнь оказалась гемофилией.

Рыдала в отчаянии Императрица, вина себя, что это она принесла в здоровую кровь Романовых неизлечимую болезнь. Государь очень переживал. Этот удар судьбы отразился на его мировоззрении. Он стал задумываться о том, что это рок... ведь он родился в день Иова многострадального: болезнь сына, неудачи на фронте, внутренние беспорядки. Ему припомнилось пророчество одного японца-монаха, отшельника, которого он инкогнито посетил во время своего кругосветного путешествия в 1890 году. Этот японец говорил ему в иносказательном виде о темном будущем, которое ожидает его и Россию.

Николай II стал думать и о предсказании, которое он с Царицей прочитал в завещании убиенного Императора Павла I. Это завещание-пророчество хранилось в Гатчинском дворце с момента кончины Павла I. История его такова:

Во время царствования Императора Павла I к нему явился один монах-провидец и предсказал судьбы России до царствования Императора Николая II включительно.

Павел I записал все это, положил в конверт и запечатал его личной печатью. На конверте он написал: «Вскрыть потомку нашему в столетний день моей кончины».²⁹

Никто из последующих монархов Российских не дерзнул нарушить волю покойного государя и вскрыть этот конверт.

В марте 1901 года, в столетнюю годовщину смерти Павла I, Император Николай II с Императрицей присутствовали на панихиде по убиенному Царю, а потом проследовали в Гатчинский дворец, где хранился этот таинственный конверт, вскрыли его и прочитали зловещее предсказание будущего.

Как рассказывали очевидцы, Государь с Государыней ехали туда веселыми, а вышли из дворца очень удрученными.

Точное содержание этого предсказания нам неизвестно.

Император Николай II стал смотреть на свою судьбу, как предначертанную Богом. Он чувствовал, что какое-то страшное, неумолимое будущее ожидает его, его Семью и всю Россию. Неизлечимая болезнь Наследника подтверждала это.

Но надеясь на чудесное исцеление Цесаревича Алексея, Государь с супругой скрывали болезнь ребенка. Они хотели чтобы это оставалось тайной во имя будущего их сына.

Дворцовые служащие знали о частых недомоганиях мальчика, но даже и они не догадывались, какая это болезнь. В России, очевидно, о гемофилии тогда почти не имели представления

В домах родственников Государя делались предположения о болезни Цесаревича, но говорили об этом шепотом. Полностью же утаить о болезненном состоянии Алексея, Наследника престола, было невозможно. По Петербургу поползли разные, порою нелепые, слухи.

²⁹ См. журнал «Православная Русь» №13 за 1991 год.

ГЛАВА 5

Начало Русско-японской войны. Работа Императрицы и Великой княгини Елизаветы Феодоровны на помощь фронту. Русские терпят одно поражение за другим. Подвиг защитников Порт-Артура. Цусимская трагедия Отец Георгий Гапон и «кровавое воскресенье». Убийство Великого князя Сергея Александровича. Работа революционеров во время Русско-японской войны. Портсмутский мир. Манифест Государя о созыве Государственной Думы.

Русское влияние росло на востоке. Был подписан с Китаем договор о Порт-Артуре на 99 лет. Россия нуждалась в незамерзающем порту. В Маньчжурии строилась железная дорога. В Корее открылась русская лесная концессия

Япония, боясь русского влияния на Дальнем Востоке спровоцировала Русско-японскую войну.

Это случилось в ночь с 8-го на 9-ое февраля 1904 года, когда гавани Порт-Артура атакой японских миноносцев были выведены из строя 3 русских судна. В гавани Чемульпо, в первый день войны крейсер «Варяг» вступил в неравный бой с японцами. Но, видя неминуемый плен, капитан крейсера Руднев потопил свой «Варяг» и канонерку «Кореец». В середине апреля погиб броненосец «Петропавловск» с адмиралом Макаровым. Вся страна переживала трагическую гибель знаменитого командира флота, Макарова. Император записал в этот день в своем дневнике:³⁰

«Утром пришло тяжелое и невыразимо грустное известие о том, что при возвращении нашей эскадры к П.-Артуру, брон. Петропавловск наткнулся на мину, взорвался и затонул, причем погибли адм. Макаров, большинство офицеров и команды... Целый день не мог опомниться от этого ужасного несчастья.. Во всем да будет воля Божия, но о милости Господней к нам грешным мы должны просить».

Император Николай II был очень опечален и озабочен. Вопреки народному подъему и энтузиазму, и вере в то, что Россия закончит эту войну в очень короткое время, он знал, что война будет трудной. Он не хотел пролития народной крови. Каждое тревожное сообщение из Порт-Артура ранило его сердце.

Одноколейный Сибирский железнодорожный путь соединял Россию с Дальним Востоком. Не было возможности быстро перебрасывать войска и военное снаряжение на фронт.

Императрица, наравне со своей сестрой Елизаветой Феодоровной, стала работать на фронт. Она организовала склад во дворце Эрмитажа, который снабжал санитарные поезда медикаментами и бельем для раненых. Она посылала на Дальний Восток теплую одежду солдатам, походные церкви, иконки и святое Евангелие. К празднику Рождества Христова Государыня отправила много подарков. Она сама работала целыми днями, сортируя и упаковывая вещи.

Императрица организовала в Царском Селе госпиталь для раненых. Также она построила и в парке дворца «Инвалидный дом», где инвалиды войны обучались различным ремеслам, чтобы можно было им вернуться к нормальной трудовой жизни.

Император Николай II также много работал. Он ездил по армейским частям, где знакомился с положением солдат и офицеров, произносил горячие речи, подбадривая бойцов, отправлявшихся на линию военных действий. Даже рождение Наследника не отвлекло Государя от его долга. Он часто отсутствовал из дворца, объезжая воинские подразделения Как выразился С.С. Ольденбург в своей книге «Царствование Императора Николая II», Государь буквально «исколесил» Россию. Он считал своим долгом проводить воинов и моряков, которые шли защищать Отечество. Он инспектировал верфи, где

³⁰ Дневник Императора Николая II, с. 141.

строились корабли для Российского флота, заводы и различные военные ведомства.

Когда война только началась, Император хотел отправиться на фронт и возглавить армию. Но его отговорили родственники. Государь писал своей матери, что совесть его беспокоит, что он находится в тылу, вместо того, чтобы быть на фронте и разделять со своей армией опасности, невзгоды и лишения

Русские войска, как всегда, храбро сражались, но, несмотря на это, несли поражения и на море и на суше.

Война шла далеко за пределами России, и враг не угрожал вторжением на русскую землю. Но трагедия войны заключалась в том, что Россия не была подготовлена к военным действиям. Не было хорошей связи центра Российской Империи с ее окраинами. В военных ведомствах царил бюрократия, неопытное руководство, отсутствие талантливых полководцев, нередкие случаи взяточничества и хищни Недоставало обмундирования, боеприпасов, медикаментов.

Российская интеллигенция признавала все это и была очень обеспокоена. Таким положением в стране воспользовались революционеры.

На фронте одно поражение шло за другим: при Тюренчене, Кин-Джоу, Дашичао, под Ляояном. В августе была разбита русская эскадра, пытавшаяся прорваться из Порт-Артура.

Порт-Артур был сдан японцам в начале 1905 года перед праздником Рождества Христова. Этот город-герой выдерживал осаду в течение 7 месяцев, успешно защищаясь от японских штурмов, и выстоял бы этот порт до конца войны, если бы не смерть защитника крепости, генерала Кондратенко. Заменивший его генерал Стессель поспешил позорно сдать Порт-Артур японцам.

В дневнике Государя-Императора, по поводу сдачи крепости находим следующую запись:³¹

«Получил ночью потрясающее известие от Стесселя о сдаче Порт-Артура японцам ввиду громадных потерь и болезненности среди гарнизона и полного израсходования снарядов! Тяжело и больно, хотя оно и предвиделось, но хотелось верить, что армия выручит крепость. Защитники все герои и сделали более того, что можно было предполагать. На то, значит, воля Божия!...»

За несколько месяцев перед этим, на выручку Порт-Артура был послан Балтийский флот под командой адмирала Рожественского. Для проводов этого флота Император с Императрицей прибыли в Ревель, где Государь инспектировал корабли Балтийской эскадры, подбадривал матросов и офицеров, идущих на помощь Порт-Артуру.

Немногие из них вернулись домой. Большинство погибло в страшном Цусимском сражении, которое произошло уже тогда, когда русская крепость была сдана Стесселем врагу.

В битве под Цусимой была уничтожена вся Балтийская эскадра. Только 4 крейсера и 5 небольших судов спаслись от японцев.

Поражение при Цусиме - 27-го мая, совпало с годовщиной коронации Императора Николая II.³²

Свидетельницей того момента, когда Государю принесли телеграмму о Цусимской трагедии, была сестра Императора Великая княгиня Ольга Александровна. Она рассказывала,³³ что когда Государь прочитал телеграмму, он задрожал и ухватился за стул,

³¹ Дневник Императора Николая II, с. 188.

³² В двадцатом веке годовщина коронации была не 26-го мая, а 27-го. Был прибавлен еще один день к дате старого стил

³³ Ian Vorres «The Last Grand-Duchess», Her Imperial Highness Grand Duchess Olga Alexandrovna. Hutchinson of London, 1964, с 119.

чтобы не упасть. Его лицо стало мертвенно-бледным. Императрица в отчаянии зарыдала. Весь императорский двор в тот день опустился в траур.

Как пишет С. Буксгевден в своей книге «The life and tragedy of Alexandra Feodorovna Empress of Russia», Государь с Александрой Феодоровной помнили всю свою жизнь тот ужас, который они пережили, когда узнали о Цусимской катастрофе.

На суше в 1905 году тяжелое поражение потерпели русские при Сандепу, под Мукденом и Телином.

В России вся нация была в смятении. Гордость русского народа не могла примириться с тем, что великая Российская Держава не выдержала натиска японцев.

Русские солдаты и моряки проявляли невероятную храбрость и стойкость. Они шли на смерть во имя своего Отечества. Сложили они свои кости не на родной земле, а на полях и сопках Маньчжурии, у Мукдена. Лежат они в морях у Порт-Артура и Цусимы. Их храбрость воспевалась в песнях и стихах. Они стяжали себе славу в России, а у Господа - венцы за свои страдания³⁴

Во время войны в России начались террористические акты. В июне 1904 года был убит генерал-губернатор в Финляндии, в июле этого же года, в Петербурге, убили министра Внутренних дел Плеве.

Император с Императрицей думали, что это дело международных анархистов, и отбрасывали мысль, что это начало первой революции.

После сдачи Порт-Артура, начались беспорядки на заводах среди рабочих. Народ, видя, с какой бесхозяйственностью велась Русско-японская война, чувствовал себя обманутым. Тогда и произошло «Кровавое воскресенье»³⁵ 22-го января 1905 года (по старому стилю - 9 января), которое стало роковым днем для России. Действующим лицом этого «Кровавого воскресенья» является священник Георгий Гапон. Его краткая биография следующа

Родился Георгий Апполонович Гапон на Украине около 1870 года. Он окончил Полтавскую духовную семинарию и был назначен священником в одну из кладбищенских церквей. Уже в ранней молодости он организовал в Полтаве благотворительное общество «Братство бедных». Когда неожиданно умерла его жена, о. Гапон заболел нервным расстройством, сопровождавшимся галлюцинациями. Оправившись после болезни, он переехал в Санкт-Петербург, где продолжал покровительствовать бедным, появляясь в ночлежных домах, в обществе «Трезвости» и других подобных местах. Вскоре он познакомился с жандармским ротмистром Зубатовым и привлек внимание петербургского градоначальника. О. Гапон думал, что при покровительстве властей ему легче будет организовать рабочее движение. Он хотел оградить рабочих от революционного влияния, и вдохнуть в них веру в монархический строй государства. Он снял квартиру для своих собраний, где и был разработан устав «Собрания русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга». Отец Георгий искренне верил, что при содействии русских интеллигентов-патриотов и священства, он сможет создать для рабочего класса хорошие условия жизни, основанные на принципах христианства. О. Гапон был обаятельным в обращении с людьми и прекрасным оратором. Постепенно он вошел в доверие рабочих.

³⁴ Когда я жила в Маньчжурии, то девочкой не раз проезжала железнодорожные станции, как Ляоян и Телин, и видела из окна вагона кресты на могилах погибших в Русско-японскую войну. Меня всегда умиляло то, что могилки находились в порядке и были заботливо обсажены цветами. Это русское местное население смотрело за ними. Также и в городе Харбине, где я жила, нас, школьниц, не раз водили за город на военное кладбище Русско-японской войны. Там мы убирали могилы и выпалывали сорную траву. Потом духовенством служилась общая панихида у большого каменного памятника с крестом на братской могиле.

Это было время японского владычества в Маньчжурии. Японцы всегда относились с уважением к памяти погибших воинов. Они сохранили и в Порт-Артуре все русские памятники, редуты, траншеи, все знаки минувшей войны.

³⁵ Описание «Кровавого воскресенья» составлено на основании статьи «Роковой день России», напечатанной в журнале «Вече» №1 за 1981, г., а также и по данным в книге Р. Масси «Николай и Александра».

Со временем в организацию о. Гапона проникли левые элементы. Заинтересовался им и Ленин.

Некоторые заподозрили его в связи с полицией, но большинство рабочих видело в нем священника и лидера, и охотно шло за ним.

После падения Порт-Артура, у о. Георгия оставалось два выбора: или идти вперед и вести рабочих, или оставаться позади в качестве наблюдателя. Он выбрал первое. В течение недели он организовал несколько собраний, где своими речами зажигал рабочих.

Чья была идея - идти к Зимнему дворцу с петицией к Государю, остается невыясненным. Вероятно, идея шла снизу, и о. Гапон не очень одобрял ее.

В петиции Царю стояли требования не только по улучшению труда и жизни рабочего класса, но и политического характера, как требование создания ответственного правительственного органа, отделения Церкви от государства, прекращения войны, и пр.

О. Георгий говорил: «Если царь нам не поможет, то у нас нет царя!». И рабочие в экстазе повторяли его слова.

Он уже поддавался влиянию революционеров, но масса рабочих все еще верила ему. Существуют разные мнения, но вероятнее всего, что о. Георгий согласился вести рабочих к Зимнему дворцу неохотно. У него другого выбора не было. Он уже слишком далеко зашел.

Петербургские власти были обеспокоены готовящейся грандиозной демонстрацией рабочих. Их беспокойство усугублялось еще тем, что за три дня до этого случилось необъяснимое происшествие. 19-го января, в день Крещения Господня, когда в Петербурге происходило освящение воды в присутствии Императора, одно орудие с Васильевского острова произвело выстрел картечью. В результате, - часть картечи попала по окнам дворца и по иорданскому шатру, и один городской получил ранение.

В своем дневнике Император тогда записал:³⁶

«Во время салюта одно из орудий моей 1-ой конной батареи выстрелило картечью с Васильевского острова и обдало ею ближайшую к Иордани местность и часть дворца. Один городской ранен. На помосте нашли несколько пуль; знамя Морского корпуса было пробито...»

Созванная скорая следственная комиссия в течение одного дня установила, что это была простая случайность, а не покушение.

Министр Внутренних дел князь Святополк-Мирский был обеспокоен. Но он не уведомил Государя ни о готовящемся шествии рабочих, ни о петиции. Он только накануне демонстрации, в субботу 21-го января, провел совещание с министрами. Запрошенный им начальник полиции Петербурга отказался арестовать о. Гапона под предлогом, что он не имеет подходящих людей, чтобы взять из рук рабочих их вожака. В результате, Святополк-Мирский и его коллеги на совещании решили вызвать в Петербург дополнительные войска, думая, что этим они запугают рабочих и заставят их остановить демонстрацию.

Только вечером 21-го января Святополк-Мирский доложил Царю, что готовится демонстрация рабочих во главе с о. Гапоном. Государь записал в своем дневнике:³⁷

».. Со вчерашнего дня в Петербурге забастовали все заводы и фабрики. Из окрестностей вызваны войска для усиления гарнизона. Рабочие до сих пор вели себя спокойно. Количество их определяется в 120.000 человек. Во главе союза какой-то священник-социалист Гапон. Мирский приезжал вечером с докладом о принятых мерах».

О. Георгию Гапону петербургским градоначальником было объявлено, что Император в воскресенье, 22 января, в Петербург не приедет. Кроме того, за два дня до демонстрации в столице был вывешен приказ градоначальника, запрещающий народу собираться толпами.

³⁶ Дневник Императора Николая II, с. 193.

³⁷ Там же, с. 194.

Весь город был разбит на 8 военных районов во главе с генералами. Главным же командующим был назначен генерал-адъютант С. Васильчиков.

Представители различных партийных организаций воспользовались таким положением и стали раздавать рабочим свои прокламации.

Утром 22-го января, вскоре после 6-и часов утра, двинулись рабочие Ижорского завода. Эта колонна была рассеяна холостыми выстрелами. Убитых не оказалось.

К рабочим у Нарвской заставы приехал о. Георгий Гапон в полном облачении. От волнения он не смог обратиться к рабочим с речью. За него выступил начальник инструментальных мастерских Путиловского завода эсер Рутенберг, который имел на о. Гапона сильное влияние. Он сказал рабочим, что Дворцовая площадь занята войсками, чтобы «не допустить к царю», которого, как он знал, во дворце не было.

Рутенберг сам выбрал путь для демонстрации и предложил о. Георгию, в случае, если солдаты начнут стрелять, забаррикадировать улицы, взять оружие и прорваться к Зимнему дворцу.

Многотысячная толпа с иконами, хоругвями и портретами Императора и Императрицы, двинулась в направлении дворца. У Нарвских ворот их путь был прегражден солдатами.

Полиция стала уговаривать рабочих не идти дальше, и предупреждала, что войска откроют огонь. Толпа продолжала идти.

Сначала двинулись вперед конные гренадеры. Когда же они не имели успеха, солдаты стали стрелять. Толпа в смятении бросилась назад, оставив убитых и раненых.

В самом начале движения у Нарвских ворот, после первого же залпа, Рутенберг повалил на землю о. Георгия Гапона и быстро увел его из толпы.

Рабочими был ранен один поручик и убит околоточный надзиратель.

На Выборгской стороне обошлось без стрельбы. Толпу рассеяли два эскадрона улан.

На Петербургской стороне по Каменоостровскому проспекту шла огромная толпа рабочих, около двадцати тысяч. Путь им был прегражден войсками.

На Дворцовой площади собралась большая толпа, уже наэлектризованная слухами о выстрелах. Из толпы стали раздаваться оскорбительные выкрики в сторону солдат.

Первой стала стрелять рота Преображенского полка. Приказ открыть огонь по Дворцовой площади был дан С. Васильчиковым. После двух залпов на месте остались убитые и раненые.

На Васильевском острове тоже стреляли по баррикадам. Там рабочие громили магазины.

Теперь уже произошел перелом в поведении рабочих. Выстрелы их больше не пугали. Слышались проклятия, вопли, и они уже не бежали, а шли под огонь.

Что-то страшное творилось в этот день в городе Петербурге не только на земле, но и на небе. Утром оно покрылось серо-белой мглой, и мутно-красное солнце дало отражение: на небе появилось три солнца. Около трех часов дня показалась необычная для зимы яркая радуга. Вскоре она потускнела и началась снежная буря

Как будто Господь указывал народу Своему, по какому пути он мог идти - к Святой Троице, и по какому пути он пошел - к революции, к хаосу и к безбожию.

В местных отделах «Собраний русских фабрично-заводских рабочих» не только молодые, но и верующие пожилые рабочие как бы помутились в разуме. Они в испуге топтали ногами не только портреты Царя, но даже и святые иконы.

Только к одиннадцати часам вечера удалось войскам водворить в Петербурге порядок.

Точное количество пострадавших осталось неизвестным. Правительство занизило цифры, революционеры их завышали. По официальным данным убито было 128 человек, ранено - 360. «9-е января» - стало днем начала революционного движения в России.

Министр Внутренних дел Святополк-Мирский созвал в тот же день вечером совещание, где хотел выяснить, кто дал распоряжение стрелять. В результате расследования было установлено, что командиры не получили приказа открывать огонь. Они действовали согласно общим уставным положениям.

Император Николай II глубоко переживал события «кровавого воскресенья». В своем дневнике он записал:³⁸

«Господи, как больно и как тяжело» .

Он уволил Святополк-Мирского и градоначальника Петербурга Фуллона. Государь пожертвовал из своих личных средств 50 тысяч на пострадавших и принял у себя в Царском Селе депутацию от рабочих.

Дальнейшая судьба главного лица событий «9-го января» - отца Георгия Гапона была следующей:

Спрятанный Рутенбергом о. Гапон остригся, чтобы его не узнали, и стал рассылать прокламации рабочим, где говорилось: «Отомстим же, братья, проклятому народом царю ... бомбы, динамиты, - все разрешаю». Вскоре он уехал в Париж и поселился в семье Евно Азефа, где вступил в партию эсеров.

В октябре 1905 года о. Гапон вернулся в Россию и вошел в сношения, с одной стороны, с революционерами, с другой - с тайной полицией.

Рабочие по-прежнему доверяли о. Георгию, а революционеры, наоборот, разочаровались в нем и решили его «убрать». Главным организатором этого дела был Евно Азеф, а исполнителем - Петр Моисеевич Рутенберг. В марте 1906 года о. Гапон был найден повешенным в окрестностях Петербурга.

За границей трагедия «9-го января» была подхвачена прессой и сильно преувеличена. В Англии Императора Николая II называли «убийцей».

С.Ю. Витте уговаривал Государя открыто объявить народу, что он не причастен к событиям «Кровавого воскресенья». Но Император отклонил это предложение. Он не хотел, чтобы общественность винила во всем его армию. Вместо этого он принял депутацию от рабочих в числе тридцати четырех человек. Император говорил с ними, как отец с детьми, и уговаривал их не поддаваться революционной пропаганде. Потом рабочих угощали чаем.

Александра Феодоровна была в отчаянии. В письме сестре, принцессе Виктории Баттенбергской, она писала, что её супруг несет тяжелый крест; что у него нет никого, на кого он мог бы положиться, и она на коленях умоляет Господа - дать ей мудрость, чтобы помогать ему; Императрица писала, что Петербург - это не русский город, что настоящие русские - глубоко преданы своему Государю, и что она так любит свою новую страну...

После «кровавого воскресенья» террор в России стал разворачиваться в усиленном темпе.

18-го февраля 1905 года бомба террориста Каляева разорвала на куски Великого князя Сергея Александровича.

Его супруга, Великая княгиня Елизавета Феодоровна, с тех пор удалилась от светского мира. Когда-то веселая и жизнерадостная, теперь она всецело ушла в молитву и не снимала траура. Она сняла его только тогда, когда была возведена в сан настоятельницы основанной ею Марфо-Мариинской обители.

Ни Государь, ни Императрица Александра Феодоровна не присутствовали на похоронах убитого Великого князя

В день его трагической смерти Елизавета Феодоровна слала одну телеграмму за другой, умоляя сестру с Императором не приезжать на похороны. Она боялась за их безопасность. Государыня в это время кормила Наследника, и переживания могли плохо отразиться на ее здоровье и на здоровье младенца.

Несмотря на свою горе, Великая княгиня нашла в себе достаточно мужества, чтобы поехать в тюрьму к убийце мужа, Ивану Каляеву. Там она передала ему прощение от имени своего покойного мужа и умоляла его покаяться в совершенном им страшном грехе - убийстве. Но Каляев не внял ее просьбе. Он чувствовал себя героем, и даже гордился своим

³⁸ Дневник Императора Николая II, с. 194.

преступлением. Раскаяние не коснулось его окаменелого сердца.

Елизавета Феодоровна написала прошение на имя Государя, прося о помиловании убийцы.

Император был согласен помиловать Каляева. Он дал секретное распоряжение Директору Полицейского управления Ковалевскому, и тот послал в тюрьму своего сотрудника Федорова, который знал Ивана Каляева еще в студенческие годы.

Федоров стал уговаривать Каляева обратиться к Государю с просьбой о помиловании, и сказал, что его Величество согласен помиловать его.

Но Каляев остался непоколебим и отказался от помилования. Он требовал себе смертной казни.

Иван Каляев был повешен в Шлиссельбургской крепости в мае 1905 года.

Девятьсот пятый год был тяжелым для России: продолжались внутренние беспорядки и поражения на фронте. Но несмотря на это, страна стала готовиться к продолжению военных действий.

К началу лета 1905 года русская армия, сосредоточенная в Маньчжурии, стала пополняться, и в нее все время вливались контингенты новых сил.

Армия была воодушевлена и мечтала о наступлении. Экономическое положение России находилось в превосходном состоянии, а Япония в то время была уже совершенно истощена войной.

Но революция не дремала. В июне произошло первое восстание во флоте, когда матросы броненосца «Потемкин» убили командира и 6 офицеров. Бастовали рабочие, происходили террористические акты. Спешили «воспользоваться» войной левые, чтобы свергнуть существующий государственный строй в России.

Как пишет Е. Алферьев в своей книге «Император Николай II как человек сильной воли»,³⁹ - Япония, как и в Первой мировой войне Германия, опозорила себя тем, что применила бесчестный способ ведения войны, финансируя огромным количеством золота революционное движение в России. (В этом грязном деле принимали участие и союзники Японии).

Подробно об этом находим в книге Дениса и Пегги Вернеров «The Tide at Sunrise».⁴⁰ История следующая:

Мотоджиро Акаши, 36-летний полковник, японский военный атташе в Санкт-Петербурге, стал распространять свою сеть разведки в России. Потом он выехал за границу, где завербовал Конни Зиллиакуса, финского адвоката и авантюриста, который поставил себе целью бороться за независимость Финляндии.

В Стокгольме состоялась конференция финских революционеров и они согласились на совместную подрывную работу с японцами против России. К ним присоединились и поляки. Польская социалистическая партия в своей прокламации подчеркнула, что война Японии с Россией обессилит Российскую Державу, и от этого выиграет Польша в своей борьбе за независимость.

В июле 1905 года полковник Акаши и Зиллиакус ездили в Швейцарию, чтобы организовать встречу с русскими революционерами. Через Веру Засулич, Акаши познакомился с Лениным и Плехановым. Потом Акаши и Зиллиакус обосновались в Лондоне. Это место они считали наилучшим для координации своей работы. Вскоре ими было закуплено и спрячено в подвалах одного магазина в Лондоне несколько тысяч

³⁹ Е.Е. Альферьев «Император Николай II как человек сильной воли». Свято-Троицкий монастырь, Джорданвиль, 1983, с. 38.

⁴⁰ Denis and Peggy Warner «The Tide at Sunrise». A History of the Russo-Japanese War, 1904 1905. Published by Angus and Robertson (U.K) Ltd. 1975, cc. 160, 246-248, 451-453, 456-458, 522, 523.

винтовок, громадное количество бомб, боеприпасов и пистолетов.

Это все предназначалось для отправки в Россию для разжигания там революции. С целью переотправки оружия в Россию Акаши приобрел два небольших парохода, команду которых составляли революционеры из балтийских народов. Позднее Акаши приобрел и третий пароход.

После «Кровавого воскресенья», когда Георгий Гапон бежал за границу, в Париже была устроена полковником Акаши встреча между ним, Талоном и Зиллиакусом.

Гапон согласился организовать конференцию социалистических партий различных национальностей в Женеве. Там присутствовали представители от девятнадцати социалистических партий, включая русских, финнов, латышей, армян, грузин, евреев и других.

На субсидирование революции в России полковник Акаши получил от своего правительства миллион иен.

Революция в России, при активном участии Японии, развивалась. Ввиду беспокойного положения внутри страны русскому правительству необходимо было скорее закончить Русско-японскую войну.

В мае 1905 года Император Николай II получил от президента США предложение начать переговоры с Японией о мире.

Русский Царь согласился, но при условии, если этого хочет и Япония. Он не желал, чтобы только Россия просила мира. Он считал это унижительным для русского народа.

Император Николай II сам лично давал инструкции С. Витте в отношении переговоров с Японией о мире. Когда японцы не соглашались на русские предложения, Государь телеграфировал С. Витте, чтобы он прекратил переговоры. После некоторых колебаний японцы согласились, и Портсмутский мир был подписан.

О реакции Государя на подписание мира с Японией узнаем из его дневника. Запись от 17 августа (ст. ст.):⁴¹

«Ночью пришла телеграмма от Витте с известием, что переговоры о мире приведены к окончанию. Весь день ходил как в дурмане после этого...»

Запись от 18 августа:

«Сегодня только начал осваиваться с мыслью, что мир будет заключен и что это вероятно хорошо, потому что так должно быть...»

За успешные переговоры с Японией, С. Витте был пожалован Императором графским титулом.

Несмотря на окончание войны, забастовки и беспорядки в стране не прекратились. Убивали помещиков, грабили их имущество, убивали чиновных лиц, полицейских. В середине октября 1905 года вся Россия была парализована общей забастовкой.

Поезда стояли, по улицам ходили демонстранты с красными флагами, заводы и фабрики закрывались. Из-за плохого снабжения стал ощущаться недостаток продуктов питания в Петербурге. Электростанции работали с перебоями. Был организован Совет Рабочих депутатов, который открыто вышел на арену действий.

Император Николай II был обеспокоен создавшимся положением в стране. Он каждый день встречался с графом С. Витте, и они иногда просиживали с утра до вечера, стараясь найти решение, чтобы вывести Россию из тяжелого состояния.

Государь писал своей матери, что здесь могут быть два пути: или подавить начинающуюся революцию силой, что значит - реки крови, или второй путь - дать народу гражданские права, свободу слова и печати, и также Государственную Думу, которая будет иметь право утверждать законы, что означает - конституцию.

Граф Витте доказывал Императору, что единственный бескровный выход - Государственная Дума. Русский Царь дал свое согласие, и вместе с С. Витте выработал текст

⁴¹ Дневник Императора Николая II, с. 214.

манифеста.

Своей матери он писал, что обсуждал с Витте в течение двух дней содержание манифеста, и, с помощью Божией, подписал его.

Заканчивал письмо матери Государь словами:⁴²

«.. Моим единственным утешением является то, что это воля Господня, и что это важное решение выведет мою дорогую Россию из невыносимого хаоса, в котором она находится почти уже год...»

В октябре 1905 года Императорский манифест был обнародован и Государственная Дума учреждена.

Председателем Совета Министров стал граф Витте.

ГЛАВА 6

Характер Императора Николая II. Реформы Императора. Положение в стране после созыва Государственной Думы. Работа Первой Государственной Думы. Петр Аркадьевич Столыпин. Его служение России. Назначение П.А. Столыпина Государем на пост министра Внутренних дел. Выступление П.А. Столыпина в Государственной Думе. Роспуск Первой Государственной Думы и назначение Столыпина Премьер-министром. Покушение на жизнь П.А. Столыпина на Аптекарском острове. Террористические акты революционеров. Земельная реформа Столыпина. Открытие Второй Государственной Думы. Речь Столыпина: «Не запугаете», и его знаменитые слова: «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». Роспуск Второй Государственной Думы.

Черты характера Императора Николая II - мягкость в обращении и отсутствие резкости - создало у его приближенных мнение, что он благожелательный, вежливый, но не обладает сильной волей и легко поддается влиянию окружающих. Думали, что повлиять на Государя в вынесении какого-либо решения можно просто словами: «Так делалось при покойном Царе» (Александре III).

Но такое представление о личности Императора Николая II являлось ошибочным. Он всегда выслушивал мнение каждого, а поступал согласно собственному решению.

Он был обаятельным в общении; имел живой ум, насыщенный разносторонними познаниями; был дисциплинированным, с сознанием собственного долга и ответственности перед народом; обладал исключительной памятью и красноречием. Речи Государя зажигали народ и вдохновляли солдат и моряков.

Вступая на престол, Император Николай II хотел следовать политике своего отца, а также и своего деда, Императора Александра II Освободителя

Продолжая начатые отцом реформы, молодой Государь ввел в России винную монополию. Преимущество ее состояло в том, что государство не старалось путем рекламы увеличить потребление спиртных напитков в стране, что делали частные предприниматели, и этим достигло того, что покупка водки и вина населением России сократилась. Казна же винной монополией приобретала значительный доход.

Во время Первой мировой войны Император Николай II приступил к осуществлению реформы, которую лелеял в своем сердце много лет. Он хотел оздоровить российский народ путем борьбы с алкоголизмом. Государь издал указ о запрете продажи спиртных напитков.

В разговоре с Великим князем Константином Константиновичем, председателем Союза Трезвенников, Император сказал:⁴³

«Я уже предпринял навсегда воспретить в России казенную продажу водки».

⁴² The Secret Letters of the Last Tsar. Edited by Edward J. Bing. Longmans, Green and Co. New York, 1938, с 185.

⁴³ С.С. Ольденбург «Царствование Императора Николая II», с.538.

Шла война, и народ этот указ Государя воспринял очень спокойно, - как борьбу с грехом, борьбу со злом пьянства.

Одной из важнейших государственных реформ при Императоре Николае II, являлась денежная реформа. В 1897 году был введен новый золотой рубль, который стал основной денежной единицей и приравнивался к кредитному рублю. В России стали чеканить золотые монеты в 5 и 10 рублей.

Е.Е. Алферьев в своей книге «Император Николай II как человек сильной воли» приводит слова С.Ю. Витте из его мемуаров:⁴⁴

«... Россия металлическим золотым обращением обязана исключительно Императору Николаю II».

Государь проявлял заботу о своем народе. В 1896 году был издан закон об ограничении рабочего дня. Максимальный рабочий день для мужского пола устанавливался в 11 1/2 часов, а по субботам и в предпраздничные дни - в 10 часов.

В это же время во Франции предел рабочего дня составлял 12 часов. В Италии 12-ти часовой рабочий день существовал только для женщин, для рабочих же мужского пола никаких ограничений не имелось. То же самое было и в Англии, Соединенных Штатах Америки, в Германии и в Бельгии. Только в Австрии и в Швейцарии рабочий день, установленный правительством, был ниже русского. В Австрии - 11 часов, а в Швейцарии - 10 1/2 часов.⁴⁵

В деле гонки вооружений, одним из важнейших мировых событий оказалось предложение молодого Российского Императора Николая II о созыве международной мирной конференции для обсуждения вопроса о сокращении вооружений стран мира, и о разрешении военных конфликтов путем мирных переговоров.

Это предложение благочестивого русского Царя, разработанное в августе 1898 года, не встретило поддержки у государств Европы и Азии. Особенно отрицательно была настроена Франция, которая мечтала о возвращении ей Эльзаса и Лотарингии. Англия отнеслась к русскому предложению сдержанно, а Германия, в лице кайзера Вильгельма, гневно обрушилась на призыв русского Императора о сокращении вооружений.

Николай II, несмотря на такой отпор, внес второе предложение с некоторыми изменениями и дополнениями. Здесь, вместо широкого плана в отношении сокращения вооружений, было предложено несколько конкретных пунктов.⁴⁶

Для обсуждения второго варианта предложения России была созвана конференция в Гааге. Пункты этого варианта были встречены государствами холодно, но все-же Россия добилась некоторых положительных результатов.

С.С. Ольденбург в своей книге приводит слова одного из участников конференции, что мир был поражен, когда Император могущественной Российской Державы объявил себя поборником разоружения и мира в своих посланиях, и что все были удивлены, когда благодаря русской настойчивости, конференция была подготовлена и открылась в Гааге.⁴⁷

Гаагская мирная конференция проходила под председательством русского посла в Англии, и продолжалась с мая по июнь 1899 года.

Первый пункт русской программы, где говорилось о сохранении на известный срок существующего состава сухопутных и морских вооруженных сил и бюджетов на военные

⁴⁴ Е.Е. Алферьев «Император Николай II как человек сильной воли», с.31.

⁴⁵ С.С. Ольденбург «Царствование Императора Николая II», с.88.

⁴⁶ Все эти русские предложения были поставлены на обсуждение через более, чем 30 лет, уже на Женевской конференции.

⁴⁷ С.С. Ольденбург «Царствование Императора Николая II», с. 104.

нужды, был полностью отвергнут. Вопрос об арбитражном суде вызвал горячие споры, но общий принцип о мирном разрешении международных конфликтов был принят. Было утверждено несколько конвенций, в том числе учреждение действующего и до настоящего времени Гаагского международного суда. Но это являлось не тем, к чему стремился первоначально Император Николай II.

Были приняты декларации: о запрещении применения разрывных пуль «дум-дум»; о запрещении употребления удушливых газов; утверждена конвенция относительно морской войны, как например, неприкосновенность судов-госпиталей и др.

Значение Гаагской конференции было велико. Она дала начало будущим международным соглашениям для обеспечения мира.

На Вашингтонской конференции по вопросу о морских вооруженных силах в 1921 году, президент Соединенных Штатов Гардинг сказал:⁴⁸

«Предложение ограничить вооружение путем соглашения между державами - не ново. При этом случае быть может уместно вспомнить благородные стремления, выраженные 23 года назад в Императорском рескрипте Его Величества Императора Всероссийского...»

В здании Секретариата Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке, на почетном месте и сейчас висит подлинное письмо за собственноручной подписью Государя Императора Николая II ко всем государствам с предложением принять участие в Гаагской конференции 1899 года.

Внутри страны Император Николай Александрович произвел много существенных изменений в пользу русского народа.

Он отменил паспортную систему, которая имела место до него в России, и этим облегчил передвижение своих подданных по русской земле. Он ввел «больничный сбор» по одному рублю в год. Внеся этот рубль, люди могли пользоваться бесплатным лечением в больницах.⁴⁹

В июне 1900 года Государь провел закон об отмене ссылки на поселение в Сибирь. Он сделал это потому, что не хотел засорять прекрасный Сибирский край преступным элементом. Местом ссылки был оставлен Сахалин. Император Николай II хотел привлечь в Сибирь лучшие силы общества России, чтобы развивать этот богатейший край. В это же время росло и русское влияние на Дальнем Востоке.

Государь содействовал развитию в России литературы и искусства. С каждым годом возрастали государственные субсидии на народное образование. Повсюду открывались церковно-приходские школы и начали открываться коммерческие училища.

Имея доброе сердце, Император старался помогать всем. Так, он благодарил одного полковника своей охраны за то, что он разбудил его ночью, чтобы подписать прошение об отмене смертного приговора одному заключенному. В Дармштадте, где он как-то прогуливался инкогнито, он поспешил поднять пакет, уроненный почтальоном, и этим избавил его от служебных неприятностей. Тайно Государь тратил большие средства из своих личных денег на бедных, а сам старался ограничивать себя в своих потребностях.

Когда в 1908 году ему был представлен на утверждение план индустриализации страны, который требовал огромных средств, то он сказал, что Царь Петр, не имея средств, жертвовал своими людьми, заставляя их работать в непосильных условиях, и тем погубил миллион жизней. Он же, чтобы осуществить этот грандиозный план индустриализации России, не может жертвовать своими людьми. Когда же Государю сказали, что эта

⁴⁸ Там же, с.107.

⁴⁹ "Царские коронации на Руси" - из истории Державы Российской 16-20 вв. Изд. Комитета Русской Православной молодежи Заграницей, С.Ш.А., 1971, с.421.

индустриализация необходима в случае возможной будущей войны, то он ответил:⁵⁰

«Будем надеяться на Бога. Если война будет короткая, мы ее выиграем, ну а если длинная, то значит, такова наша судьба»

Несмотря на неурожайные годы - 1897 и 1898, промышленность в России развивалась, повсюду строились железные дороги, по стране стали открываться земские учреждения

В губерниях и уездах России были созданы комитеты по выяснению положения сельского хозяйства в стране. В этих комитетах заседали под председательством губернаторов или предводителей дворянства члены земских управлений и местные сельские владельцы. В России было организовано около 600 таких комитетов. Работа их шла очень успешно до убийства министра Внутренних дел Д.С. Сипягина, человека честной и благородной души. Но он мешал левому элементу, и его выстрелом из револьвера, убил эсер С.В. Балмашев. Это преступление глубоко возмутило Государя и он назначил В. К. Плеве, сторонника крутых мер, на место покойного.

Хотя работа комитетов по сельскому хозяйству после этого изменилась к худшему, ее все-же закончили. В результате была составлена сводка под названием «Нужды деревни».

Несмотря на обнародование манифеста о созыве Государственной Думы, волнения в России не прекращались. Забастовки шли по всей стране.

Император Николай II, чтобы упрочить свою связь с войсками, стал вызывать поочередно в Царское Село свои полки.

Государь с Государыней, которая держала на руках маленького Наследника, приходили на собрания офицеров. Император принимал парады и обращался к полкам с приветственными речами.

Гвардейские полки, после этих торжеств, укрепленные в верности своему Царю, возвращались в Петербург, где видели опасность создавшегося положения: разнузданные толпы и прокламации, призывающие народ к революции.

Император был разочарован в политике графа С. Витте. Он писал своей матери в январе 1906 года:⁵¹

«... Витте, после московских событий,⁵² резко изменился. Теперь он хочет всех вешать и расстреливать. Я никогда не видел такого хамелеона. Поэтому, естественно, что это является причиной, - почему ему больше никто не верит. Он совершенно дискредитировал себя в глазах всех...»

После московских волнений С. Витте номинально оставался еще Премьер-министром около четырех месяцев, но власть, фактически, перешла тогда уже в руки Государя

Открытие Первой Государственной Думы состоялось в апреле 1906 года в присутствии Императора и Императрицы, - в очень торжественной обстановке.

К сожалению, политическая связь депутатов Думы с революционерами продолжала существовать. Вместо плодотворной работы, члены Думы занимались партийными интригами.

В это время в столице Санкт-Петербурге начал свою яркую политическую карьеру Петр Аркадьевич Столыпин.

П.А. Столыпин, замечательный государственный деятель эпохи Императора Николая II, родился в 1862 году. Окончил он Петербургский университет по естественным наукам, потом стал Ковенским Губернским Предводителем дворянства. Его всегда интересовало сельское хозяйство. Он даже устроил у себя в имении склад сельскохозяйственных орудий,

⁵⁰ Там же, с.421.

⁵¹ The Secret Letters of the Last Tsar, с.211.

⁵² Всеобщая забастовка и попытка восстания в Москве в декабре мес.

чтобы глубже изучить жизнь крестьянина. В Ковно он открыл сельскохозяйственное общество, построил Народный Дом, куда выписал первый кинематограф; проводил вечера и общественные лекции; учредил в Ковно ночлежные дома и чайные для народа.⁵³

В 1902 году Петр Аркадьевич был назначен губернатором в Гродно, но не пробыв там и года, получил более ответственный пост губернатора в Саратове. Сам Государь Император, внимательно следивший за плодотворной работой Столыпина, решил дать ему это ответственное назначение.

Здесь, в Саратове, когда началась Русско-японская война, Петр Аркадьевич произнес на обеде, данном в честь Красного Креста, очень трогательную речь, вызвавшую у многих на глазах слезы.

П.А. Столыпин тяжело переживал пропаганду левых: когда на фронте лилась благородная кровь русских солдат, моряков и офицеров, левые организации распространяли листовки, где говорилось, что война не народная, и идет только ради обогащения капиталистов.

Вскоре произошло убийство министра Внутренних дел В.К. Плеве,⁵⁴ что потрясло Столыпина.

Левые круги стремились поскорее избавиться и от П. Столыпина - на него было произведено одно за другим два покушения. Во время объезда Саратовской губернии в него кто-то стрелял, но промахнулся. Потом в него была брошена бомба, но Столыпин остался невредим.

Петр Аркадьевич неустрасимо появлялся среди митингующих рабочих и их агитаторов. Его хладнокровность действовала на всех. Один раз революционер направил на него револьвер, но под спокойным и строгим взглядом Столыпина, террорист опустил в нерешительности руку.

П.А. Столыпин обращался к бунтарям и увещевал их. Он говорил, что не надо громить усадьбы и грабить имущество помещиков, а надо быть ближе к Царю, и что без Царя все погибнет.

Он беззаветно служил России, и всегда говорил, что служение Родине должно быть чистым. Служа ей, никогда нельзя думать о собственной славе и выгоде.

В апреле 1906 года Петр Аркадьевич был вызван в Санкт-Петербург, а оттуда немедленно в Царское Село к Государю. Император сказал ему, что назначает его на пост министра Внутренних дел. Столыпин стал отказываться, но Государь ответил ему, что уже давно заметил его выдающуюся работу как в Гродно, так и в Саратове, и очень просит его принять этот пост. Петр Аркадьевич преклонился перед волей Императора с тяжелым сердцем. Он знал, что на его плечи теперь ляжет очень тяжелая и ответственная работа.

Во время открытия 1-ой Государственной Думы Столыпин был уже в звании министра Внутренних дел.

Когда пришло время первого выступления П.А. Столыпина, он твердыми шагами взошел на трибуну, и, несмотря на то, что левые депутаты Думы своим шумом, воплями и топаньем ног старались заглушить его слова, он спокойно окончил речь, и также спокойно сошел с трибуны. Это выступление показало депутатам, что Столыпин - человек сильной воли, и его нелегко будет сломить.

В дальнейшем стало ясно, что работать правительству с составом 1-ой Государственной Думы будет невозможно. Ее буйный состав показал полное нежелание перейти от хлестких революционных выступлений против правительства к практической работе на благо Родине. А к этой работе и были призваны депутаты Думы, и от них так

⁵³ М.П. Бок «П.А. Столыпин. Воспоминания о моем отце.» Издательство «Либерти» Нью-Йорк, 1990, с.31.

⁵⁴ Убит взрывом бомбы Е. Сазонова в июле 1904 года. Погиб во время взрыва кучер В.К. Плеве и ранено семь человек, в том числе и трехлетняя девочка.

страстно ждала Россия нового - реформ и обновлений

После долгого обсуждения с председателем Совета Министров И.Л. Горемыкиным, преемником графа Витте, и с П.А. Столыпиным, Государь Император своим манифестом распустил I-ю Государственную Думу. Новым Премьер-министром был назначен Петр Аркадьевич Столыпин с сохранением поста министра Внутренних дел.

П.А. Столыпин не отличался ни гордостью, ни тщеславием. Он всегда проявлял готовность выслушать чужое мнение и был внимателен к своим подчиненным. Честный и прямой, он ненавидел интриганство, подхалимство и подлость людскую. Величайший ум, бесстрашие, преданность России и Государю, твердость и настойчивость и высокий патриотизм - такова была натура Столыпина.

Талантливый политик и экономист, Петр Аркадьевич обладал и качествами прекрасного администратора. Он почти отказался от личной жизни и свою редкую работоспособность отдавал делу государственного строительства и внутреннему успокоению России. Когда он заболел крупозным воспалением легких весной 1909 года, то лишь по настоянию врачей согласился покинуть Петербург на месяц и уехать на лечение в Крым. Вся жизнь П.А. Столыпина была посвящена родине-России.

После роспуска I-ой Государственной Думы левые депутаты Думы съехались в Финляндии, в Выборге, и там выпустили воззвание к народу, где бросили клич: никаких налогов государству не платить и на военную службу не идти.

По стране начались восстания, но попытка всеобщей забастовки в Москве потерпела фиаско. Тогда революционеры устремили свою силу на отдельные террористические акты - убийства и грабежи. Участником одного из таких крупных грабежей был Джугашвили-Сталин, и в это время появился «на сцене» революционный деятель - Финкельштейн-Литвинов.

В одном из своих циркуляров П.А. Столыпин писал, что открытые беспорядки должны встречать отпор, что революционная работа должна пресекаться всеми законными средствами, и что борьба правительства ведется не против общества, а против врагов общества.

В начале августа 1906 года было совершено новое покушение на Столыпина. На его дачу на Аптекарском острове были брошены бомбы. В результате взрыва погибло 27 человек и ранено 32, из которых на следующий же день скончалось 6. Сам Столыпин остался невредим, но пострадали его дети - малолетний сын и 14-летняя дочь. У девочки были раздроблены кости обеих ног. Она страшно и долго страдала и была привязана к постели, а потом и к креслу в течение нескольких лет, прежде чем начала с трудом ходить.

Взрыв на даче на Аптекарском острове поднял популярность П.А. Столыпина и в народе и в правительстве, когда он не только не приостановил своей деятельности, а наоборот, принялся за работу с еще большим усердием. Государь, боясь за жизнь своего председателя Совета Министров, перевел его с семьей на жительство в Зимний дворец, который хорошо охранял.

Революционеры чувствовали, что теперь, с приходом к власти П. Столыпина, им не так легко будет бороться за свои идеи. Их террористические акты умножились. В течение только одного года они убили 768 и ранили 820 представителей власти.⁵⁵ Убийства приняли анархический характер, и уже было трудно провести грань между политическими убийствами и уголовными. Правительству пришлось ввести военно-полевые суды.

Петр Аркадьевич Столыпин выделялся среди других государственных деятелей своим красноречием, энергией, неустрашимостью, и превосходил большинство из них умом. Это был величайший человек, который стоял тогда у кормила Российского правительства. И если бы не преждевременная его смерть, - был убит выстрелом Богрова в Киеве, - то в России,

⁵⁵ С.С. Ольденбург «Царствование Императора Николая II», с. 370.

вероятно, не было бы и революции, и она достигла бы такого величия и благополучия, какого ни одно из государств мира еще не достигало.

П.А. Столыпин имел большой опыт той работы, которую он провел не в центре столицы, а в деревне. Он прекрасно знал быт крестьян и их нужды.

В противовес плану отчуждения помещичьих земель в пользу крестьян, он выдвинул свой план: упразднить сельские общины и дать крестьянам работать на своей собственной земле.

Петр Аркадьевич хотел устроить земские учреждения в большей части России. Он стремился быстрее всего распространить народное образование, чтобы ликвидировать безграмотность среди крестьян, и таким образом стереть ту преграду, которая существовала между крестьянами и городскими жителями.

Он планировал учредить обязательное страхование всех рабочих от несчастных случаев и заболеваний.

Но замысел гениального Столыпина натолкнулся на сопротивление. Левые ненавидели его за то, что он, проведя свои реформы, уничтожил бы все основания к дальнейшим беспорядкам и революции. Ему мешали и справа, боясь его все растущей популярности и завидуя ему.

Столыпину необходимо было скорее начать реформы по улучшению жизни крестьянства. Он провел закон о земле, на основании которого вся земля, принадлежавшая общинам крестьян, передавалась в полную собственность каждого крестьянина. Был учрежден Крестьянский банк, который скупал имения и продавал эту землю крестьянам по льготным ценам с выплатой на долгий срок. Сам П.А. Столыпин продал свое имение банку и тем показал пример и другим помещикам.

В сентябре 1906 года Государь писал своей матери, Императрице Марии Феодоровне:⁵⁶

«... Я видел Столыпина... Его мнение (о положении в стране) положительное, слава Богу, и мое также. Страна становится спокойнее. Наблюдается здоровое стремление к порядку, и нарушители мира подвергаются общественному осуждению...»

Избирательная кампания во 2-ую Государственную Думу началась в конце 1906 года, и Дума была открыта в феврале 1907 года. Лучшим оратором среди всех депутатов оставался П.А. Столыпин. На одном из заседаний Думы, в ответ на беспринципные выпады левых, на их трафаретные осуждения правительства и грубые выкрики, Петр Аркадьевич поднялся на трибуну и, обращаясь к сторонникам левых, сказал краткую речь, окончив ее словами:⁵⁷

«...Эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у власти паралич и мысли и воли. Все они сводятся к двум словам - «руки вверх». На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием и полным сознанием своей правоты может ответить только двумя словами: "НЕ ЗАПУГАЕТЕ».

Эти, ставшие историческими слова Столыпина - «не запугаете», сразу подняли имя Петра Аркадьевича на высоту. Народ России теперь знал, что возглавляет правительство лицо, которое поведет страну от застоя к расцвету; что Россия будет без страха встречать натиск внутренних врагов.

На другом заседании Государственной Думы П.А. Столыпин говорил о реформах в области сельского хозяйства:⁵⁸

«...Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого

⁵⁶ The Secret Letters of the Last Tsar, с 218.

⁵⁷ С.С. Ольденбург «Царствование Императора Николая II», с. 378.

⁵⁸ С.С. Ольденбург «Царствование Императора Николая II», с. 379.

России, освобождения от культурных традиций. ИМ НУЖНЫ ВЕЛИКИЕ ПОТряСЕНИЯ, НАМ НУЖНА ВЕЛИКАЯ РОССИЯ».

Эти слова Столыпина повторялись везде и стали девизом для многих русских патриотов.

Государь писал своей матери 29-го марта (ст. ст.) 1907 г.:⁵⁹

«...Престиж правительства поднялся очень высоко благодаря речам Столыпина, а также и Коковцева (министра Финансов). Никто в Думе не может с ними сравняться Они говорят так умно, с таким присутствием духа, и что самое важное, - они говорят только правду...»

Но правительство России не могло плодотворно работать с составом 2-ой Государственной Думы, где находились революционеры. Необходимо было эту Думу распустить.

П.А. Столыпин разработал новый избирательный закон, который предусматривал избрание такого народного представительства, которое стало бы добросовестно работать, помогая правительству.

3-го июня был обнародован манифест о роспуске Государственной Думы и о введении нового избирательного закона. Манифест был составлен Столыпиным, но мысли там выражались самого Императора.

С.С. Ольденбург пишет:⁶⁰

«Государь, как был, так и остался верховным вождем страны. Он вывел ее из войны и смуты, и манифестом 3 июня он довел до конца «великое дело преобразования»: в России утвердился новый строй -Думская Монархия».

С.Д. Сазонов, министр Внутренних дел России с осени 1910 года до середины лета 1916 года, в своих воспоминаниях пишет,⁶¹ что после роспуска Первой Государственной Думы и Второй, которая оказалась не лучше Первой, П.А. Столыпин, заменивший Горемыкина, должен был, ввиду сложившихся обстоятельств, провести выборы в Думу неконституционным порядком.

Потрясенная катастрофой на Дальнем Востоке и вспышкой революции, которую было трудно подавить, Россия очень нуждалась во внутреннем покое и в спокойной работе, которая могла бы дать стране долгожданные политические и экономические реформы.

Опыт работы двух первых Дум дал мало надежды на это. Первая Дума и Вторая, члены которых были избраны по первому избирательному закону, не были свободны от революционных идей. Вместо того, чтобы вести настоящую работу, они направляли все свои силы на борьбу с правительством. К счастью, русская правительственная сила находилась тогда в твердых руках Столыпина, который ни о чем другом не думал, как об интересах своей страны. Он не имел никакой другой цели, кроме ее благосостояния

Молодой, бесстрашный и бескорыстный, он не останавливался ни перед чем. Он создал такой избирательный закон, который препятствовал разрушительному элементу войти в состав Думы и дал ей возможность существовать и работать на пользу укрепления государственного строя России.

Столыпин разбил своим избирательным законом думских экстремистов, которые являлись авангардом большевистской опасности, разбил их и другими мерами, главной из которых была его знаменитая земельная реформа. Эта реформа залечила раны в общественной жизни России, дав крестьянам возможность удовлетворять свои

⁵⁹ The Secret Letters of the Last Tsar, с 227

⁶⁰ С.С. Ольденбург «Царствование Императора Николая II», с. 383.

⁶¹ Serge Sazonov «Fateful Years», 1909-1916, The Reminiscences., Jonathan Cape, London, 1928, сс. 277,278.

экономические и культурные потребности, и иметь свою собственную землю. Она нанесла удар социалистической агитации в деревне.

Дале С.Д. Сазонов пишет:

«Если ничего не говорить о других планах Столыпина и его достижениях, то одна эта реформа достаточна, чтобы поставить его в ряд величайших государственных деятелей России». (обратн. пер. с англ.)

Морис Палеолог в своей книге «Three Critical Years"(1904-05-06) стр. 306 приводит слова одного французского министра:

«Мужество и энергия Столыпина спасли Монархию. Аграрные реформы хорошо восприняты крестьянством; вся индустрия опять пошла вперед; народные финансы поправляются И не пройдет много времени как наша Союзница (Россия) начнет опять играть великую роль в политике Европы». (пер. с англ.)

Профессор Иван Александрович Ильин, в статье «Очертания будущей России», говорит следующее:⁶²

»... Это был исторически сложившийся организм, выросший в борьбе с природой и с врагами, в лишениях и страданиях. Это был еще не окрепший, но крепнущий и здорвеющий организм. Креп и богател до-стольпинский и стольпинский крестьянин-собственник. Умственно рос и креп рабочий. Развивалась промышленность высокого качества. Отбирались и крепили интенсивные помещичьи хозяйства, тогда как отсталые распродавали свою землю крестьянам и оставались культурными гнездами в крестьянском океане. Слагался и креп русский национальный капитал. Расцветала могучая кооперации Море просвещения изливалось на все слои народа. Интеллигенция изболевала соблазны безбожия и слепой оппозиционности. Суд был идейный, честный и неподкупный. Отдельные отрасли управления, - как коннозаводство, уголовный розыск и военная разведка далеко опередили Европу. А о чиновничестве, осуществлявшем аграрную реформу Столыпина берлинский ученый, проф. Зеринг, обозревавший все производство на местах, говорил и писал: «Это по-европейски образцовая бюрократия: люди идейные, убежденные, знающие, честные, инициативные; любая страна могла бы позавидовать такому кадру...».

ГЛАВА 7

Императорский дворец в Царском Селе. Жизнь Царской Семьи во дворце. Натура Государя и Государыни. Работа Государыни на пользу больных. Религиозность Государыни. Дочери Царственной четы. Цесаревич Алексей. Болезнь гемофилия и страдания Цесаревича. Анна Вырубова и ее появление при дворе. Анна Вырубова-Танеева становится другом Императрицы. Мнение П. Жильяра и М. Палеолога о Вырубовой.

Дворец Царского Села, где жил Император Николай II с Семей, был построен Императором Александром I рядом с большим Екатерининским дворцом.

Это был сравнительно простой дворец, окруженный великолепным парком, где жили на воле дикие козы. Александровский дворец представлял собой двухэтажное здание с центральной частью и двумя крылами. В центре находились залы для приемов и официальных собраний. В одном крыле дворца размещались апартаменты министра Двора, придворных дам и сановников. Другое крыло занимала Царская Семья, которая жила своей особой, уединенной жизнью. Всего во дворце было более 100 комнат.

Императрица Александра Феодоровна очень любила живые цветы и комнатные растения, которые в изобилии украшали дворец. Казачье подразделение⁶³ и специальный

⁶² Перепечатано из журнала «Согласие» за сентябрь 1991 года, С.Ш.А.

⁶³ Это были три сотни Собств. Е.И.В. Конво Одна из сотен посменно несла дежурство при Александровском дворце. (См. книгу Н.В. Галушкина «Собственный Е.И.В. Конвой»).

гарнизон солдат день и ночь охраняли дворцовое здание, как внутри, так и снаружи.

Министром Двора был неизменный граф В. Фредерикс, который оставался в этой должности до 1917 года, когда достиг уже преклонных лет. Государь с Государыней любили его и прощали ему те ошибки, которые он иногда допускал по старости. Граф Фредерикс отвечал Царской чете тем-же, называя их «моими детьми».

Император Николай II вставал всегда в 7 часов утра, и позавтракав с дочерьми, удалялся в свой кабинет работать. Царица же Александра оставалась в спальне или в своем будуаре до 12 часов дн Она часто чувствовала недомогание и поэтому проводила утро или в постели, обложенная подушками, или в кресле. У ее ног обычно сидел шотландский терьер. Эту собаку Императрица любила и часто носила ее на руках.

Спальня их Величеств была обширной, с большими окнами, выходившими в парк. Вокруг двухспальной кровати стояли стулья и кушетки, обтянутые разноцветной материей. Преобладающим цветом ковра этой комнаты был сиреневый. Из спальни вела небольшая дверь в личную часовню Императрицы, стены которой были увешаны иконами с неугасимыми лампадами, а посередине стоял аналой с Евангелием.

Самой замечательной комнатой царских покоев был будуар Государыни, сиреневого цвета. Даже мебель там была сиреневая с белым. Будуар всегда украшало много душистых живых цветов: розы, фиалки, сирень. Все стены этой комнаты покрывали иконы с лампадами, картины духовного содержания и несколько портретов родных: отца Императрицы, матери, ее бабушки. Над кушеткой висела большая картина «Сон Пресвятой Богородицы», освещаемая по вечерам электрической лампочкой, что создавало особый эффект. На этой картине Пресвятая Дева была изображена спящей у мраморной колонны. Окружают Ее лилии, и парящие ангелы стерегут сон Ее.

Единственной картиной светского содержания в будуаре был портрет королевы французской Марии-Антуанетты.

На некоторых безделушках Императрицы был изображен знак свастики. Государыня любила этот знак, как древний символ солнца, счастья и бесконечности.⁶⁴

Над будуаром Александры Феодоровны находилась комната дочерей, где стоял рояль, и Государыня могла слышать звуки музыки, когда дочери разучивали на рояле ту или иную пьесу.

Здесь, в сиреновом будуаре супруги, Государь отдыхал от своих забот за чашкой ча Здесь он мог говорить с ней о детях и открывать перед ней то, что тревожило его озабоченное сердце. Разговаривали они между собой по-английски, но с детьми Император говорил всегда по-русски.

Интересно отметить, что Николай II, с первых дней супружеской жизни, любил издавать легкий свист, подобный птичьему щебету, и этим вызывал свою супругу, где бы она ни была. Тогда Александра Феодоровна, сильно покраснев, бросала все свои занятия и спешила на зов супруга.

На первый взгляд это может показаться немного странным, но если вдуматься глубже, то это покажет какие ласковые, любящие отношения существовали между Царственной четой. Не было там ничего официального, а была безграничная любовь и привязанность друг к другу.

Как пишет Анна Вырубова,⁶⁵ она ни разу не слышала ни одного резкого слова между Императором и Императрицей. Она не была свидетельницей ни одной, хотя бы пустячной ссоры между ними. Там была полная гармония, полное согласие. Это был идеальный брак,

⁶⁴ Только много лет спустя после революции в России, этот знак свастики стал известен как знак национал-социализма, террора и нетерпимости.

⁶⁵ А.А. Вырубова «Страницы из моей жизни», журнал «Русская летопись», книга четвертая, изд. «Русского очага», Париж 1922, с. 43.

который являлся, вне сомнения, даром от Господа.

Государь и Государыня не могли жить друг без друга. Когда приходила необходимость разлучаться им на короткое время, это были сильные переживания с обеих сторон. Первая разлука Царственной четы произошла в 1909 году, когда Император должен был поехать в Италию к итальянскому королю. В день отъезда супруга Императрица целый вечер плакала, замкнувшись в своей комнате. Даже дети не смели потревожить ее. Зато, когда Император вернулся, радости не было конца. Александра Феодоровна говорила:⁶⁶

«К сожалению, нам всегда приходится расставаться и встречаться при других, при свите и публике».

Императрица писала много писем, делая это обычно лежа на кушетке. Писала она очень быстро длинные письма. Государь же, наоборот, не любил писать. Составлял он письма медленно, обдумывая каждое слово.

Жизнь при дворе в Царском Селе была очень тихой. В час дня накрывался стол для полуденного завтрака, где кроме Царской Семьи, присутствовал дежурный флигель-адъютант и иногда кто-либо из гостей. Завтрак начинался молитвой священника-духовника Императорской четы. Стол был скромный. Ни Государь, ни Государыня не любили деликатесов. Царица едва притрагивалась к еде, Император же любил поросенка с хреном, жареные грибы, которых так много в России, и самое простое русское блюдо - борщ и гречневую кашу. Француз-шеф, который готовил для Царской Семьи, был рад показать свое искусство, но это было только тогда, когда к столу приглашались особые гости, такие как представители иностранных государств.

После завтрака Императрица нередко каталась в экипаже, а зимой в санях, в сопровождении своей фрейлины. Император в это время занимался государственными делами.

С 6-ти до 8-ми он принимал министров, а потом следовал семейный обед, к которому Государыня красиво одевалась, украшая себя драгоценностями, особенно жемчугом, который очень любила. Император за обедом, как вспоминает А. Вырубова, выпивал две рюмки портвейна. После обеда Александра Феодоровна шла к Наследнику, где молилась вместе с ним. Государь же продолжал работать до 11-ти часов. Он неустанно каждый день много работал. Иногда он приходил к супруге выпить чашку чая в 12 часов ночи, и после этого шел писать свой дневник. Ложились их Величества поздно.

Император обладал исключительным обаянием, и те, кто встречался с ним, сразу им очаровывались, и уже всю жизнь не могли забыть его обращения, манер и, особенно, его задумчивых, лучистых голубых глаз.

Жизнь Царской Семьи во дворце протекала тихо и уединенно. Это было благодаря Императрице, которая боялась влияния извне и особенно ограждала от этого дочерей. Но девочки нуждались в общении со сверстниками.

Школьные занятия Царских детей начинались в 9 часов утра. В 11 часов был перерыв, когда Государь брал детей и гулял с ними по парку. Затем они продолжали свои занятия с учителями.

Образованием детей заведовала Александра Феодоровна. Она часто присутствовала на уроках и давала советы учителям. Императрица не позволяла дочерям сидеть, ничего не дела. Они должны были все время работать. Если это не были школьные уроки, то они играли на рояле, или занимались рукоделием. Все дети Царской четы буквально боготворили своих родителей.

Когда Император мог вырвать свободный час от работы, он собирал всю Семью вокруг себя и читал вслух. Он особенно любил читать произведения Гоголь Также читал Тургенева, Толстого, Чехова. В последние свои годы он увлекался рассказами Аверченко и Тэффи.

А. Вырубова пишет, что Государь и Государыня были людьми, и что людей без

⁶⁶ А. А. Вырубова «Русская летопись», кн. четвертая, с. 34.

недостатков не существует. Каждому свойственно делать ошибки в жизни.

Недостатком в характере Императрицы была вспыльчивость, но ее раздражительность быстро проходила, и она говорила:⁶⁷

«Опять не могла удержаться!»

Государыня любила правду и не выносила лжи, и когда кто-то ей лгал, она выходила из себя. Она могла быть также и упрямой.

Император Николай II был выдержанным и рассердить его было нелегко. Если же он на кого-то сердился, то переставал замечать этого человека, но гнев его проходил не так быстро, как у Императрицы.

Далее Вырубова пишет, что Государь доверял людям и видел в них хорошее. Этим нередко пользовались некоторые недостойные лица, которые окружали Императора. Бывало, что кое-кто из министров, пользуясь доверием Государя, не только не исполнял его волю, но действовал от его имени без его на то согласи

Император доверял не только отдельным лицам, но и глубоко верил в преданность ему всего русского народа. Он верил в благородство людей, и как бы не сознавал, что общество изобилует коварными интриганами.

В некоторых случаях Николай II не использовал своей власти, чтобы пресечь в корне какое-то зло. Так, в самом начале своего царствования, он мог бы своей властью остановить начавшуюся критику Государыни. Вместо этого он говорил:⁶⁸

«Никто из благородных людей не может верить или обращать внимание на подобную пошлость».

Александра Феодоровна, наоборот, скорее с недоверием относилась к тем, кто старался приблизиться к Царской Семье. Но она легко верила людям простым в обращении и сердечным. Здесь она иногда впадала в заблуждение, порой не отличая искренности от притворства.

Она любила несчастных, страдающих, больных. Часто, забывая свои недомогания, она спешила к больному, к умирающему, к тому, у кого случилось какое-то горе. Здесь она всегда находила слова утешения и ласки, и своими словами и теплым участием привлекала к себе сердца многих.

Когда Императорская Семья приезжала в Крым, в Ливадию, Императрица проявляла особую заботу о туберкулезных больных, Санатории в Крыму были старой постройки. Государыня решила на свои средства построить санатории со всеми усовершенствованиями. Когда это было сделано, она стала посылать Анну Вырубову по больницам, чтобы узнавать о нуждах больных. Если Вырубова находила одинокого больного, умирающего от туберкулеза, Александра Феодоровна немедленно ехала туда в автомобиле и везла с собой деньги, цветы и фрукты. Она умела своим присутствием и лаской облегчить страдания умирающего при переходе его в вечную жизнь. А. Вырубова была свидетельницей, как умирающие плакали, благодаря Государыню. Но этого почти никто не знал. Императрица строго запрещала Вырубовой рассказывать об этом.

Там же, в Крыму, Александра Феодоровна организовала четыре больших базара в пользу больных туберкулезом. Это было в 1911 году, в 1912, 1913 и в 1914 году. Эти базары принесли много денег. Государыня сама целыми днями работала, готовясь к базарам: рисовала и вышивала. И несмотря на то, что была слабого здоровья, в день базара она простаивала целый длинный день у своего киоска, продавая вещи. Громадная толпа народа собиралась вокруг нее, стараясь что-то купить из ее рук. Рядом с ней, на прилавке, стоял маленький Наследник Алексей. И он тоже протягивал свои ручонки с вещами восторженной толпе.

⁶⁷ А. Вырубова «Русская летопись», кн. четвертая, с. 44.

⁶⁸ А. Вырубова «Русская летопись», кн. четвертая, с. 44.

По своему характеру Государыня была склонна к меланхолии и предчувствие страшного будущего преследовало ее. Лицо ее всегда было серьезно и прояснялось только в присутствии супруга.

Когда Царская Семья уходила в плавание на яхте «Штандарт», все дети там веселились. Они прекрасно проводили время, и Император тоже, играя в теннис, бильярд или домино с офицерами корабля

Александра Феодоровна же сидела на палубе в кресле в глубоком раздумьи. Каждый раз, по окончании плавания, она плакала. Ей казалось, что это уже ее последняя в жизни поездка на яхте со всей Семьей. На вопрос А. Вырубовой, Государыня говорила:⁶⁹

«Никогда нельзя знать, что нас завтра ожидает»,

Только молитва могла утешить Императрицу. В молитве она находила душевный покой.

Иногда она вместе с Вырубовой ездила вечером ко всеобщей в одну из небольших церквей Петербурга. Там Государыня потихоньку шла в темный угол храма к иконам, прикладывалась к ним, ставила свечу, и, становясь на колени, уходила в молитву. Но вот кто-то из присутствующих узнает Императрицу, сообщает священнику, тот освещает весь храм, бегут за певчими... Александра Феодоровна в смятении. Она шепчет Вырубовой, что хочет уйти. Но молящиеся ее узнают, стараются пройти мимо нее и поставить свечку там, где она стоит, кланяются ей. Государыня уже не знает, что делать. Молиться она больше не может, нервничает...

Но бывали случаи, когда ее никто не узнавал в храме. И там, на каменном полу, простояв всю службу на коленях и наплакавшись и намолвившись, Государыня возвращалась во дворец умиротворенная и счастливая, уверенная в том, что Господь ее услышал и поможет ей, ее больному сыну, Семье и России.

Дочери Императорской четы воспитывались по-спартански. Спали они на походных кроватях на жестких тюфяках. Каждое утро они обливались холодной водой, а вечером принимали теплую ванну.

Одежда дочерей была простой. Платье и обувь переходили от старших к младшим. Одежда нередко была аккуратно заштопана, а ботинки для починки выставлялись за дверь.

Царственная чета приучала своих дочерей к бережливости. Сам Государь с Государыней были чрезвычайно скромны, и вместо того, чтобы тратить деньги на украшения и роскошь, заботились о том, чтобы эти средства пошли на нуждающихся

Отношение Царевен к Государю, как вспоминает П. Жильяр, было изумительным. Он был для них и Императором, и отцом, и товарищем. Эти отношения переходили от преклонения, как к монарху, - к нежному чувству, как к отцу, а иногда и к товариществу, когда Государь, вдали от людских глаз, умел присоединиться к молодым забавам дочерей.

Отношение Великих княжен к Государыне было как к строгой матери, которая любила их всем своим сердцем. Мать, в глазах дочерей, была как бы непогрешима. Они ее обожали. Если Императрице нездоровилось, то дочери устраивали при ней попеременно дежурства.

Все Царевны были прелестными девушками. Они были хорошо воспитаны, скромны и никогда не выставляли напоказ своего высокого звания. Со всеми они были просты, ласковы и вежливы. Они все с особой любовью относились к своему единственному брату, Наследнику, и всячески его баловали.

Старшая Царская дочь, Ольга, была ближе всех к отцу. Она и своей внешностью походила на него. Царевна Ольга имела чисто русский тип лица. У нее были чудесные белокурые волосы, большие отцовские голубые глаза и прекрасный цвет лица. Нос был немного вздернутым, таким же, как и у Императора. Она с детства была привязана к отцу. Когда ей исполнилось только 8 лет, она уже начала появляться с Государем во время его выездов из дворца - или в церковь, или на смотр полковых частей.

⁶⁹ А. Вырубова «Русская летопись», кн. четвертая, с. 47.

Император любил гулять по парку с Ольгой. Когда она была еще ребенком, он отдыхал, слушая ее детские наивные речи. Когда же она выросла, то Император вел с ней уже другие беседы, постепенно вводя ее в курс серьезных дел.

Царевна Ольга была умной и проявляла настойчивость, когда хотела доказать свою правоту. Нередко она добивалась своего, даже если это шло вразрез с мнением ее матери.

Когда в 1914 году румынский наследник принц Карол посватался к Ольге, ее немедленной реакцией было, что она русская и хочет остаться русской и никогда не уедет из России. Не чувствовала тогда Великая княжна Ольга, что если она выйдет замуж за принца, то будет спасена от когтей палача - Ленина.

Вторая дочь Царской четы, Татьяна, не была похожа ни характером, ни внешностью на свою старшую сестру, хотя они и были очень дружны между собой.

Татьяна была очень сдержанной, менее откровенной, чем Ольга. Она была ближе к матери, Императрице, на которую и походила своей восхитительной внешностью. Но она не была такой даровитой, как Ольга. Зато она, во время частых недомоганий Императрицы, брала управление дворцом в свои руки и руководила школьными занятиями младших сестер и брата.

Третья Царская дочь, Мария, обладала красивой внешностью. Ее нежное лицо с большими голубыми глазами, обрамлялось густыми волосами каштанового цвета. Она была крупного телосложения и отличалась веселым характером. В Семье ее звали «Машкой». Она любила детей и была бы хорошей супругой и матерью. Она знала по имени многих солдат и офицеров охраны дворца, вступала с ними в разговор, узнавала их семейные нужды, и из своих небольших сбережений любила делать подарки их детям.

Анастасия, младшая дочь Государя, была небольшого роста, тоже с глазами голубого цвета. Она была очень шаловливой, обладала чувством юмора и умела хорошо имитировать других. Она также отличалась любознательностью и многим интересовалась.

Все четыре Великие княжны, не успев расцвести и проявить своих склонностей и характера, не познав семейного счастья, окончили свои молодые жизни в подвале Ипатьевского дома. Ольге было тогда 23 года, Татьяне - 21, Марии - 19, а Анастасии - 17 лет.

Центром внимания всей Императорской Семьи был Цесаревич Алексей. Он был очень красивым - с голубыми глазами и золотистыми волосами, которые с возрастом перешли в каштановый цвет.

Воспитатель Цесаревича Алексея, Пьер Жильяр, швейцарец по происхождению, в своей книге «Тринадцать лет при русском дворе», описывает свою первую встречу с Наследником Российского престола, Цесаревичем Алексеем.⁷⁰

Как-то раз, когда Жильяр оканчивал урок, который давал Ольге Николаевне, в классную комнату вошла Императрица с Наследником на руках. Она пришла, чтобы показать своего сына П. Жильяру. На лице Государыни светилась радость матери, которая гордится красотой своего ребенка. Жильяр пишет:

«... В то время, действительно, Цесаревич был одним из самых прелестных детей, какого можно было себе представить, с его прекрасными светлыми кудрями и большими серо-голубыми глазами, оттененными длинными загнутыми ресницами...»

Как продолжает дальше П. Жильяр, мальчик имел вид совершенно здорового ребенка, с полными щеками, где, когда он улыбался, появлялись две ямочки.

Учитель заметил, что Государыня прижимала сына к себе с нежным чувством матери, которая боится за жизнь своего ребенка. Ее беспокойный взгляд поразил тогда Жильяра, и только гораздо позднее он узнал причину этого взгляда.

Наследник Алексей, кроме своей прекрасной внешности, обладал и многими достоинствами: он был способным к учению, имел чувствительную натуру, умел легко сходитьсь с окружающими и всегда был готов помочь тем, кто в чем-то нуждался, будь то

⁷⁰ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе». Изд. Лев, Париж, 1978, с. 10.

материальная помощь или моральная поддержка. Особенно он сочувствовал больным, страдающим, так как сам испытал в своей короткой жизни сильные боли от гемофилии.

П. Жильяр о Цесаревиче Алексее пишет:⁷¹

»... Одаренный самыми блестящими способностями, он был бы развит всесторонне, если бы не отставал благодаря своему недугу. Каждое его заболевание требовало недели, а иногда месяц предосторожностей, а после обильного кровоизлияния обыкновенно наступало малокровие, которое лишало Цесаревича возможности, часто на очень продолжительный период времени, заниматься каким бы то ни было напряженным трудом...»

Цесаревич уже с детства показывал некоторую твердость своего характера. Он не легко подчинялся воле других людей, как например, воспитателей и учителей.

Еще с младенческого возраста Алексей был веселым ребенком. Когда ему было около года, Император взял его на смотр полков. В ответ на громовое «ура» Цесаревич весело смеялся

Припадки гемофилии очень изнуряли Наследника и заставляли его сильно страдать.

В возрасте немного более трех лет он упал лицом вниз. Его личико распухло до неузнаваемости так, что опухоль закрыла оба глаза. И только недели через три эта опухоль сошла.

У больного Цесаревича кровь не сворачивалась нормально. Любой легкий удар, падение, синяк, порез - делали то, что тончайшие кровеносные сосуды ребенка продолжали под кожным покровом источать кровь. В результате, на поверхности образовывалась большая опухоль в виде шишки, которая из темно-красной превращалась в зелено-желтую.

Нестерпимую боль доставляли эти опухоли больному мальчику, особенно, если они образовывались около суставов рук или ног - будь это колено, щиколотка, запястье или локоть.

Наследнику обычно не делали болеутоляющих уколов, и его единственным облегчением от боли были его обмороки, когда он уже не выдерживал страданий и впадал в бессознательное состояние.

Кровь, собираясь вокруг суставов, разрушала ткани и повреждала кости. Больная рука или нога уже не сгибалась, и требовались постоянные массажи, что в свою очередь, причиняло боль Цесаревичу и также могло вызвать новое внутреннее кровоизлияние. Тогда вместо массажей стали применять горячие грязевые ванны и прикреплять к поврежденному месту металлические тяжести, чтобы больной сустав принял нормальное положение.

При носовом кровотечении Наследник не испытывал боли, но однажды он едва не умер от большой потери крови.

Иногда в течение нескольких недель, даже месяцев, мальчик бывал совершенно здоров. Он тогда оставался веселым и шаловливым. Но как только начиналось проявление гемофилии, он опять превращался в страдающее создание.

Какая это была моральная пытка для отца-Императора, а особенно для матери-Царицы! Она винила себя в страданиях своего несчастного сына, и готова была сделать все возможное, чтобы как-то утешить его, облегчить его боли.

Сначала Цесаревича оберегали медицинские сестры, а когда ему исполнилось пять лет, по совету врачей, к нему были приставлены два матроса: Деревенько и его помощник - Нагорный. Оба самоотверженно ухаживали и смотрели за ребенком. Но как показало будущее, Деревенько во время революции оказался подлецом, матрос же Нагорный последовал за своим питомцем в ссылку в Тобольск, а потом в Екатеринбург, где и был убит большевиками.

Когда Наследник стал подрастать, ежедневная опека с утра до вечера стала его тяготить. Он стремился к самостоятельности и задавал такие вопросы:

«Могу ли я иметь велосипед?», «Могу ли я учиться играть в теннис?» «Почему я не

⁷¹ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», с. 54.

могу быть таким, как другие мальчики?»

Постоянные отказы родителей огорчали его. Ребенок стал проявлять непослушание. Так, к ужасу Императора, Алексей достал где-то велосипед и стал на нем кататься по парку дворца. Государь и его окружение бросились за Цесаревичем, чтобы его остановить.

Мальчик любил музыку и научился хорошо играть на балалайке, любил природу и животных. У него была своя собачка болонка Джой и прирученный ослик Ванька. Оба эти животные доставляли много радости Наследнику, имевшему так мало развлечений.

Императрица не хотела приглашать во дворец детей великих князей, чтобы играть с сыном. Она считала, что они недисциплинированны и своей неосторожностью могут нанести случайный удар Цесаревичу. Она выбрала в товарищи Алексею двух сыновей матроса Деревенько. Мальчики играли в присутствии отца, который зорко следил чтобы игры не были очень шаловливыми.

Но эта компания не могла удовлетворить Наследника. Сыновья матроса Деревенько были гораздо моложе его и мало развиты.

Цесаревич любил играть и со своими сестрами, которые умели придумать веселые игры. Любил он лежать в парке на траве и смотреть на небо. Однажды Царевна Ольга спросила его, о чем он думает, лежа так на спине? Алексей ответил, что он размышляет о разных вещах, любит солнце, природу и лето. И кто знает, заключил он, может-быть в один день ему запретят этим наслаждаться

Неужели у больного мальчика в его ранние годы было предчувствие грядущей ссылки и заключения? Одному Богу это известно.

Как пишет П. Жильяр, болезнь Наследника скрывали. Сам он мог только догадываться, что Цесаревич чем-то серьезно болен. Это случалось тогда, когда мальчика не было видно, а Царевны сидели на уроках очень печальные. На вопрос Жильяра они давали уклончивый ответ, мол, брату нездоровитс Во дворце все этот вопрос обходили молчанием, и Жильяр узнал правду о болезни только несколько лет спустя, когда ему об этом рассказал доктор Деревенько.⁷²

Когда Императрица поручила П. Жильяру начать занятия с Цесаревичем Алексеем, он, как хороший воспитатель, стал постепенно подготавливать Наследника к урокам. Сначала он, гуляя с ним по парку и разговаривая, приобрел доверие мальчика, который потом и полюбил его.

Но Пьер Жильяр видел, что чрезвычайная опека над ребенком вредила ему. Она препятствовала ему выявлять свою инициативу. Жильяр был одного мнения с доктором Деревенько, что Цесаревичу необходимо дать больше свободы.

Когда он выразил это свое мнение Императору и Императрице, то то супруги согласились с ним. «Дядьки» Наследника - Деревенько и Нагорный, по распоряжению Царственной четы, перестали бдительно охранять каждый шаг Алексея Но с этого времени риск для здоровья мальчика увеличился И случилось то, чего так страшился П. Жильяр.

В классной комнате Цесаревич, влезая на скамейку, упал и ушиб правое колено. На следующий день он уже не мог передвигаться, а потом началось внутреннее кровоизлияние. Под коленом образовалась опухоль, настолько большая, что распространилась на всю нижнюю часть ноги. Кожа, растянутая до предела, отвердела, а изливающаяся кровь внутри давила на нервы и мускулы и причиняла больному нестерпимую боль.

Ни Государь, ни Государыня ни единым словом или знаком не показали П. Жильяру своего упрека. Наоборот, они старались, чтобы он не впал в отчаяние от случившегося

Императрица неотлучно находилась при больном сыне. Она ласкала его и всячески старалась облегчить его страдания Император, как только мог оторваться на минуту от своих дел, приходил в спальню сына. Сестры Цесаревича входили в комнату на цыпочках и целовали брата.

⁷² Доктор Деревенько не состоял в родстве с матросом-нянькой Деревенько. Он был его однофамильцем.

Но страдания Наследника были ужасными. Он только на мгновение открывал свои глубоко ввалившиеся глаза и продолжал стонать.

Одна из ночей была особенно тревожной, когда доктор Деревенко опасался, что не сможет остановить кровотечения из-за повышающейся температуры больного. Опухоль увеличивалась и боли становились еще сильнее, чем накануне.

Войдя утром в комнату Наследника, П. Жильяр застал у постели мать. Он пишет следующее:⁷³

»... Цесаревич, раскинувшись на постели, болезненно стонал прислонившись головой к руке своей матери, а его исхудалое бескровное лицо стало неузнаваемо. Время от времени, он переставал стонать и шептал только одно слово «Мама», в котором выражал все свое страдание и свои муки. И мать целовала его волосы, лоб, глаза, как будто эта ласка ее губ могла облегчить его страдания и вернуть его к жизни, которая его оставляла. О! Мучение этой матери, бессильной помочь страданиям своего ребенка в продолжение этих долгих часов смертельной тоски, - матери, которая сознавала, что это благодаря ей страдает ребенок, что это она передала своему ребенку ужасную болезнь, с которой наука ничего не может сделать. Как хорошо я теперь понял тайную драму этой жизни и как легко мне стало восстановить этапы этого долгого пути на Голгофу».

Далее П. Жильяр на сс. 50 и 51 своей книги пишет, что именно тогда было приписано посредничеству Распутина улучшение состояния здоровья Цесаревича после приступа гемофилии. Он пишет, что обычно, когда доктора, после беспокойных ночей, имели удовольствие видеть своего маленького больного вне опасности, то выздоровление приписывалось не заботам врачей, но исключительно чудодейственному вмешательству Распутина.

Анна Вырубова играла большую роль в жизни Царской Семьи и, особенно, в жизни Императрицы Александры Феодоровны.

Сама Вырубова пишет о себе, что когда она была 16-летней девушкой, она заболела брюшным тифом в тяжелой форме. По ее просьбе пришел к ней отец Иоанн Кронштадтский. Он отслужил молебен и положил ей на голову епитрахиль. Потом взял стакан воды, благословил Анну и облил ее этой водой. С того дня она стала поправляться

София Буксгевден в своих воспоминаниях пишет,⁷⁴ что во время болезни Анны приходила навещать ее Императрица, и больная девушка, романтическая по природе, глубоко тронутая таким отношением, воспылила горячей любовью к Государыне.

Вот что князь Ф. Юсупов рассказывает о посещении Государыней больной Анны.⁷⁵ Во время своей болезни Анна видела сон, будто Императрица пришла к ней в комнату и взяла ее за руку. После этого сна Анна стала поправляться и только и мечтала о том, чтобы наяву увидеть свою высокую посетительницу.

Государыне стало известно об этом, и она, по своей доброте, пожелала принести радость больной и навести ее. С тех пор и началось обожание Анной Императрицы.

Княгиня Екатерина Радзивил о знакомстве Анны с Императрицей сообщает,⁷⁶ что Анна Вырубова была дочерью композитора А.С. Танеева, Статс-секретаря Государя А.С. Танеев и его семья, из-за некоторых интриг, игнорировались петербургским высшим светом. Но А.С. Танеев постарался приблизить ко двору свою дочь Анну. Зная, что Императрица

⁷³ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», с. 28.

⁷⁴ Baroness Sophie Buxhoeveden «The life and tragedy of Alexandra Feodorovna Empress of Russia», с.170.

⁷⁵ Кн. Ф.Ф. Юсупов «Конец Распутина». Издательство «Лев», Париж, 1927, сс. 17, 18.

⁷⁶ Princess Catherine Radziwill «The intimate life of the last Tsarina», сс. 122, 125, 126,143-145, 148.

осуждает пустых девушек, он передал Государыне сочинение Анны, которое Государыня одобрила и сказала, что большинство русских девушек ничего не имеют в голове, кроме офицеров. Эту неудачную реплику Императрицы Танеев стал повторять везде, вредя этим Государыне.

Благодаря стараниям своего отца, Анна Танеева была приглашена во дворец, чтобы заменить одну заболевшую фрейлину. Придворные приняли ее холодно. Анна рассказала об этом Александре Феодоровне и та стала ее жалеть. Императрица была очень тронута тем, что Танеева упала перед ней на колени и стала уверять ее, что ее единственным желанием является посвятить всю свою жизнь Императрице и умереть за нее, если это потребует

Александра Феодоровна еще никогда не слышала ни от кого такого откровения. Перед ней еще никто из придворных дам не падал на колени с такими заверениями.

Русская аристократия, преданная трону, не стала бы себя унижать до того, чтобы устраивать то, что делала Анна - падать на колени перед Императрицей или плакать у нее на груди.

Государыня холодно относилась к русской аристократии. Вырубова же передавала ей пустые разговоры и сплетни, не сознавая того, что еще больше дискредитировала высший свет в глазах Императрицы. Она способствовала увеличению расстояния, которое существовало между Александрой Феодоровной и русским высшим светом.

Вырубова впадала в истерику, когда ей казалось, что Государыня к ней охладевала. Тогда Анна плакала и повторяла, что она обожает Императрицу, и что другие ее не любят.

Естественно, что при дворе узнали о таком поведении Анны и начали говорить об интригах со стороны Танеевых.

Анна стала постоянно посещать дворец и была приглашена присоединиться к Императорской Семье во время плавания на яхте «Штандарт». Это было большой честью для Танеевой, так как этого удостоивались немногие.

Государыню с Анной сблизило то, что Танеева, как дочь композитора, унаследовала музыкальность от отца, и обладала хорошим голосом, сопрано. Императрица сама хорошо пела - у нее было контральто. Они обе стали брать уроки пения у профессора консерватории и исполняли вместе дуэты.

Постепенно между Александрой Феодоровной и Анной стала развиваться большая дружба. Императрица нуждалась в искреннем друге и стала открывать Танеевой свою душу и рассказывать о своем детстве. Как-то раз она протянула ей руки и сказала:⁷⁷

«Благодарю Бога, что Он послал мне друга».

Анна осталась при Государыне не фрейлиной, не придворной дамой, а просто другом.

Во время Великого поста в церкви Александровского дворца для Императрицы служились длинные великопостные службы. Анна попросила Государыню, как особую милость, разрешить ей посещать эти службы. Это была Литургия Преждеосвященных Даров, которая служилась по средам и пятницам. Александра Феодоровна была рада удовлетворить эту просьбу Анны, тем более, что придворные, ввиду утомительности этих длинных служб, избегали их посещать.

София Буксгевден пишет, что Анна Танеева была очень религиозной, такой же как и Государыня. Но благочестие Анны соединилось в ней с суеверием. Когда она познакомилась с Распутиным, она стала искренне верить в него, как в Божьего человека.

Государыня считала ее естественной и простодушной. Александра Феодоровна была гораздо умнее Вырубовой. Она называла ее «Аней» и питала к ней материнское чувство. Она жалела ее, видя, что Анна не может найти себе друзей среди придворных дам. Императрица смотрела на нее, как на ребенка, которого надо подготовить для жизни.

В 1907 году Танеева вышла замуж за морского офицера, Александра Вырубова. Вырубов оказался порочным человеком и пьяницей и внушал глубокое отвращение своей

⁷⁷ А. Вырубова «Русская летопись», кн. четвертая, с.26.

жене. Она разошлась с ним и старалась найти утешение в религии. Это несчастье Анны еще больше приблизило ее к Государыне, которая всегда была чуткой к чужим страданиям.

Вырубова изливала перед Александрой Феодоровной все, что было в ее душе. До замужества - это были детские переживания, а после несчастливого брака, - это уже было горе разочаровавшейся в «семейном счастье» женщины.

Вся жизнь Анны сосредоточилась вокруг Императрицы. Она старалась показать Государыне это и преподносила ей небольшие подарки. Это делалось как от друга, но не как от служащей двора.

Вырубова была отзывчивой и охотно помогала бедным. Здесь у нее оказалось много общего с Государыней. Но беда состояла в том, что Анна не отличалась умом, и этим, невольно, приносила немало вреда Императрице.

Если проходил день и Анна не видела Александру Феодоровну, она впадала в отчаяние. Государыню это немного смешило, но такое проявление любви со стороны Вырубовой ее очень трогало.

Из личных писем Александры Феодоровны Государю в Ставку видно, что не всегда Императрица была всецело расположена к Вырубовой. Анна иногда бывала надоедливой и своими капризами действовала на нервы Государыне.

Интересно здесь мнение Пьера Жильяра, которое он высказывает в отношении Вырубовой. Он пишет, что Анна по своей природе была чувственной и склонной к таинственному. В своем безграничном усердии, которое она проявляла к Императрице, она была и опасной, так как, несмотря на свою набожность, страдала отсутствием такта и здравого смысла.

Государыня все более увлекалась искренней и страстной преданностью Анны. Она не понимала, что не должна была поощрять такую фанатическую преданность. Императрица должна была видеть что Анна отличалась наивным образом мышления, что она не обладала сообразительностью и действовала по первому своему побуждению.

В зависимости от впечатления, которое производили на нее люди, Вырубова разделяла их на «хороших» и «дурных», или, говоря другими словами, на «друзей» и «врагов».

П. Жильяр пишет:⁷⁸

«...Г-жа Вырубова, без всякого расчета личной выгоды, из чистого расположения к Царскому семейству, руководимая исключительно желанием быть ему полезной, старалась обо всем осведомлять Императрицу и расположить ее в сторону своих предупреждений, чтобы воздействовать на ее мнение о придворных. Однако, в действительности, она была столько-же послушным и бессознательным орудием, как и нечестивым, в руках группы лиц, недостаточно добросовестных, которые пользовались ею к достижению своих интриг. Она была неспособна хитрить с ними, или иметь здравое суждение и не была даже в состоянии распознать игру этих лиц, которые пользовались ею. Ввиду своего безволия, она всецело подпала под влияние Распутина и стала его сильной поддержкой при дворе».

Император и Царские дети хорошо относились к Вырубовой и называли ее «Аней». Царевны, не имея подруг, с удовольствием проводили с ней время, также и Цесаревич Алексей.

Для А. Вырубовой Императрица предоставила летний флигель, который находился недалеко от Александровского дворца. Этот дом не был приспособлен для жилья зимой и был холодным.

Нередко Царская чета приходила в дом Вырубовой, чтобы выпить с ней чашку ча. Здесь, в этом доме, происходили и тайные свидания Анны с Распутиным, и она передавала Государыне его «предсказания» и «советы». Здесь встречалась с Распутиным и Императрица, чтобы, во избежание лишних разговоров, не принимать его у себя часто во дворце.

А. Вырубова пользовалась доверием всей Царской Семьи и безгранично была ей

⁷⁸ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», сс. 65, 66

предана, но в ответ себе ничего не требовала. Она мерзла зимой в своем доме. Не получала она и того жалования, которое получали другие фрейлины двора. Одевалась Вырубова более чем скромно и старалась не появляться в числе других придворных на различных официальных приемах двора.

Это все нравилось Императрице. Она видела, что Вырубова ее любит и служит ей не из-за личных выгод. Государыня говорила, что никогда не даст Анне никакого официального поста, и что она останется при ней только как ее искренний друг.

Иногда Государыня ей делала денежные подарки, но эти суммы были небольшие, и Анна обычно раздавала большую часть денег больным в госпиталях и нуждающимся

О внешности Анны Вырубовой последний посол Франции в Царской России, Морис Палеолог пишет,⁷⁹ что она была небольшого роста, полная, с головой округленной формы, с пухлыми губами, бесцветными глазами, лишенными всякого выражения. Одевалась она с провинциальной простотой, была предана Трону, но способностями ума не отличалась.

ГЛАВА 8

Григорий Распутин и его детство. Сверхъестественная сила Распутина ясновидения. Женитьба Распутина и разгульная жизнь. Знакомство с сектой хлыстов. Странствование Распутина по святым местам. Встреча с батюшкой Иоанном Кронштадтским. Мысли Распутина в его «статье». Выдержки из доклада В.М. Руднева. Выдержки из записок А.Ф. Романова. Выдержки из книги Пьера Жильяра о Распутине. Внешность Распутина. Сила гипноза Распутина и его влияние на женщин.

Григорий Ефимович Распутин родился в 1869 году в селе Покровском. Это поселение расположено в Западной Сибири, между городами Тюменью и Тобольском.

Отец Григория был крестьянином, который, как пишет М. Палеолог, торговал краденными лошадьми.⁸⁰

Князь Ф. Юсупов и некоторые другие утверждают, что Григорий Распутин тоже был конокрадом.⁸¹

Дочь Г. Распутина Мария (Матрена) в своей книге «My father» пишет, что родители Григория, как и большинство сибирских крестьян того времени, жили зажиточной жизнью. У них был дом в восемь комнат, двенадцать коров, восемнадцать лошадей и большой участок земли.⁸²

Рене Фулоп-Миллер в своей книге рассказывает,⁸³ что у Григория был старший брат Михаил. Один раз, когда оба играли на берегу реки Туры, Михаил случайно упал в воду и стал тонуть. Григорий бросился в реку, чтобы спасти брата, но сильное течение стало их обоих уносить. Проходивший мимо крестьянин поспешил к ним на помощь. Сильными взмахами рук он поплыл к утопающим и вытащил обоих на берег. Михаила спасти не удалось, и он скончался через несколько часов. Григорий же заболел лихорадкой, которая иногда возвращалась к нему, и тогда он лежал часами больным.

Когда Григорий был еще подростком, он уже обладал сильным характером и странной

⁷⁹ Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs». Hutchinson & Co. London, 1923, том 1, с. 229.

⁸⁰ Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs», том 1, с. 138.

⁸¹ Кн. Ф.Ф. Юсупов «Конец Распутина», с. 29.

⁸² Maria Rasputin «My father». Cassel & Co. Ltd. 1934, с. 29.

⁸³ Rene Fulop-Miller «Rasputin the holy Devil». Garden City Publishing Co. Inc. New York, 1927, с. 13.

сверхъестественной силой - ясновидением. Однажды, когда он лежал больной во время приступа лихорадки в избе родителей, там собрались соседи и обсуждали вопрос о пропавшей лошади. Внезапно, Григорий поднимается с постели, и как бы в полусне, указывает на одного человека и говорит, что это он украл лошадь. И действительно, вскоре крестьяне выследили его и поймали, когда он ночью тихо выводил из своего двора украденную лошадь.

После этого случая и начались в селе Покровском слухи, что Григорий Распутин обладает какой-то сверхъестественной силой ясновидения

Кроме этого дара он еще обладал и силой гипнотизма, которую Мария Распутина называет «магнетической силой».

С детства Григорий интересовался Священным Писанием. Он с увлечением читал Библию и изучал Закон Божий. Часто читал вслух отцу святое Евангелие. Читал он, вероятно, с трудом, так как был полуграмотным.

Еще у него была особая любовь к лошадям. Он мог часами проводить время в конюшне отца, лаская лошадей и разговаривая с ними, и, казалось, что животные понимают его.

В играх со сверстниками Григорий всегда был руководящим, и товарищи побаивались его и подчинялись ему.

Выросши, Распутин превратился в здорового, крепкого крестьянина с необузданным характером. Днями он работал у отца в поле, а вечерами предавался пьянству в трактире и бегал за крестьянскими девушками.

На одной из деревенских вечеринок он встретил свою будущую жену, Прасковью Федоровну, в которую влюбился. Женится он на ней, когда ему было только 19 лет.

Несмотря на женитьбу, он не остепенился и продолжал свою разгульную жизнь.

Дочь Распутина пишет со слов отца, что как-то раз, во время работы он в поле наблюдал видение Божией Матери, которое, правда, продолжалось очень короткое время

Было ли это видение настоящим, или просто галлюцинацией после бессонной ночи, (Распутин долгое время страдал бессоницей), никто никогда не узнает. Но после этого он стал много молиться и предаваться размышлению над вопросами духовной жизни.

Через некоторое время Григорий стал работать ямщиком на почтовых лошадях. Иногда он возил пассажиров в Тюмень или в Тобольск, иногда это был товар, который он вез в разные поселения Сибирского края

Однажды пассажиром Григория Распутина оказался семинарист, направлявшийся в монастырь Верхотурь. По дороге между ямщиком и семинаристом завязался разговор, и последний был удивлен тем, как простой крестьянин мог так глубоко знать Священное Писание. Он уговорил Распутина пожить в монастыре, куда он ехал, и познакомиться с монашеской жизнью.

Там, в Верхотурье, в густых лесах скрывались от властей члены секты хлыстов. Григорий Распутин увлекся учением хлыстов, и, вероятно, участвовал в их радениях. Это соответствовало натуре Распутина - разгульной и мистически настроенной.⁸⁴

Когда он вернулся в Покровское, к нему стали приходить соседи-крестьяне, чтобы узнать о его жизни в Верхотурье. Вечерами они все собирались вместе и молились. Григорий молился вслух, импровизируя. Потом все пели духовные песнопения и псалмы.

Священник села Покровского был против этих, как он называл «ночных оргий».⁸⁵ В результате последовало дознание полиции, которое ни к чему не привело.

⁸⁴ Мария Распутина в своей книге «My father» отрицает, что ее отец был связан с сектой хлыстов. В другой же книге Марии Распутиной и Пэти Барам «Rasputin the man behind the myth» - написано подробно об участии Григория Распутина в радении хлыстов. Председатель Государственной Думы М. Родзянко утверждает, что имел в своих руках документы, доказывающие участие Распутина в этой секте. (Более подробно об этом изложено в последующих главах).

⁸⁵ Мария Распутина «My father», с.44.

Вскоре у Распутина родился сын, умерший в младенческом возрасте. Григорий тяжело переживал смерть ребенка и решил идти странствовать. Он направился в Афонский монастырь.

В своей книге Мария Распутина пишет, что ее отец «решил стать старцем и пойти на гору Афон».⁸⁶

Отправился Григорий на Афон со своим приятелем, крестьянином Печеркиным. Достигнув монастыря на Афоне, Распутин с Печеркиным стали там послушниками. Они усердно посещали монастырские службы, исполняли послушания по работе, слушали наставления монахов.

Мария Распутина пишет, что ее отец, по всей вероятности, хотел остаться в этом монастыре и стать монахом, но внезапно обнаружил там какой-то «грех». Не долго думая, он ушел из монастыря, оставив Печеркина, который принял там иноческий постриг.

По дороге домой Григорий побывал и на Святой Земле, и, наконец, после двухгодичного отсутствия, возвратился в Покровское.

Его жена Прасковья едва узнала его: он возмужал, изменился и часами простаивал в молитве в погребе-молельне, которую для себя устроил возле своего дома. Он бился головой о землю в земных поклонах до того, что кожа на лбу у него покраснела и потрескалась. Он также изнурял себя постом.

Крестьяне Покровского собирались вокруг него и слушали его рассказы о странствовании по святым местам.

Священник Покровского, отец Петр, был против этих собраний, и возмущался до глубины души, когда Григорий рассказывал о «грехе», который он обнаружил на Афоне.

Отец Петр пожаловался на Распутина местному епископу, утверждая, что ночные собрания крестьян у Григория являются радениями секты хлыстов. Тогда Григорий прекратил эти сходки.

Как пишет его дочь, благодаря своей «магнетической силе» он пользовался особым авторитетом среди жителей села, а впоследствии мог этой силой подчинить себе и сотни других людей. Эта сила, пишет Мария, исходила из его необыкновенных глаз, глаз голубого цвета, зрачки которых имели странное свойство - то сужаться, то расширяться, как у кошки.⁸⁷ Эту особенность глаз Распутин имел со времени своего детства. Позднее, благодаря созерцательному размышлению, которым он неустанно занимался, и посту, это свойство его глаз усилилось до того, что он, казалось, мог смотреть так, что как бы пронизывал человека насквозь.⁸⁸

Григорий не мог долго оставаться в Покровском. Его беспокойная душа опять затосковала по странствованию. Теперь он направился в Киев, Казань, а потом и в

⁸⁶ Здесь М. Распутина отождествляет два слова: «странник» и «старец». Странники в России ходили по святым местам, останавливаясь на ночлег в деревнях, и крестьяне га охотно принимали и давали приют и пищу.

«Старец» - это уже другое понятие. Это были монахи строгой подвижнической жизни, которые непрестанно творили Иисусову молитву. Они находились в полном повиновении у своих духовников и под их руководством предавались молитвенным и трудовым подвигам, и, таким образом, восходили по ступеням духовного совершенствования. Уже в преклонных годах некоторые из них сподоблялись получить от Бога дары прозорливости и исцеления больных. И только по благословению вышестоящего старца они брали на себя подвиг «старчества». Тогда они уже начинали принимать у себя в кельях мирян, выслушивали их, давали советы, наставляли на путь христианской жизни и некоторых исцеляли от различных болезней. Особенно прославилась своими старцами Оптина Пустынь. К Оптиным старцам ездили за наставлениями наши мыслители, писатели, ученые.

Григория Распутина никак нельзя причислить к разряду «старцев». Он не был монахом, был женат, любил пить, гулять, плясать, и ему было только тридцать лет когда он отправился странствовать.

⁸⁷ Мария Распутина «My father», с. 34.

⁸⁸ Там же.

Петербург.

Вероятно в этот первый визит Распутина в российскую столицу и произошла его встреча с отцом Иоанном Кронштадтским.

Об этом в книге «50 - ление преставления Приснопамятного Отца Иоанна Кронштадтского» (из воспоминаний бывшего певчего Кронштадтского Андреевского собора Алексея Макушинского), сказано следующее:⁸⁹

«Однажды, по окончании службы, когда о. Иоанн вышел на амвон, к нему подошел рослый мужчина с черной бородой, прося благословени О. Иоанн отступил от него, простерши правую руку ладонью к нему, и грозно вскричал: «Нет тебе моего благословения, ибо и жизнь твоя будет по твоей фамилии». Недоумение видевших и слышавших это скоро выяснилось: это оказался Распутин».

В журнале «Вече» №35 за 1989 год была напечатана статья, якобы написанная самим Григорием Распутиным,⁹⁰ (с сохранением орфографии оригинала).

Анализируя то, что там написано, можно легко распознать черты его характера и наклонности: уверенность в себе, как человека, поступающего правильно во всем; стремление поучать и наставлять других, и даже иерархов Православной Церкви; настойчивость и властность.

О том, как Распутин стал странником, в статье на сс. 61-62 написано следующее:

»...Пахал усердно и мало спал, а все же таки в сердце помышлял как бы чего найти как люди спасаютс Посмотрю по поводу примеров на священников - нет, все что-то не то; поет и читает резво, громко, как мужик дрова рубит топором... Вот я и пошел паломничать... читал ежедневно Евангелие понемногу, читал немного, а думал более. Потом еще учился носить вериги три года...»

На сс. 65-66 видно, как Распутин проповедует о сектанстве:

»...Храм есть прибежище и все тут утешение, а тут-то как духовенство вообще в настоящее время не духовной жизни... Не одинажды видел как гонят, где собравшись во имя Господа беседу ведут, то есть живут как по-братски от любви Божией и любят не по одной букве, а по слову Спасителя и не выкапывают в человеке, то есть не находят никаких ошибок, а находят только сами в себе, беседуют о любви и как соединиться со Святыми Таинами и петь разные псалмы и читать по главе из Евангелия, хотя за это будете изгнаны и будут вас подозревать...»

Распутин вообразил, что достиг совершенства в духовной жизни и может всех поучать. Он впал в самообман и считал себя чуть-ли не пророком Божьим (сс. 70-72):

»...Мне пришлось много бывать у архиереев, много я беседовал с ними, вот всячески испытывали. Придешь с сокрушенною душою и смиренным сердцем - их учение остается ничтожным и слушают простые слова твои, потому что ты придешь не с простым духом, а от милости Божией... Они, хотя и хотят испытать и ищут что ни будь, но ты как не с простыми - словами, то есть в страхе, - вот тут-то у них замирают уста и они противоречить не могут.

Так я много бывал в духовных академиях: в Киевской, в Московской, Казанской и более в Петербургской.

В настоящее время, в такую смуту 1907 года действительно на всех не повлияешь. И Сам Господь не на всех повлиял...

Много, много я кое-где был: бывал у сановников и офицеров и князей даже, пришлось

⁸⁹ "50 - ление преставления Приснопамятного Отца Иоанна Кронштадтского», юбилейный сборник, 1908-1958. По благословию Первоиерарха Русской Православной Церкви за границей и Почетного Покровителя фонда Высокопреосвященнейшего Митрополита Анастасия, отпечатано в типографии Всеславянского Издательства в Нью Йорке, 133 E. 4th St. New York, U.S.A., с. 43.

⁹⁰ Распутин был малограмотным. Он не писал длинных писем, а ограничивался или короткими записками или посылал телеграммы. Статья Распутина напечатанная в «Вече» , по всей вероятности, была составлена со слов Распутина одной из его дочерей, или его поклонниц.

Романовское поколение видеть и быть у Батюшки Цар Везде нужны подготовка и смирение и любовь... но на деле-то попасть к Высокопоставленным нужно быть очень осторожным и подготовленным ко всему, тогда от веры твоей повлияет на них Господь своею красотой. Они встрепещут и твое простое слово примут за самое высшее образование, потому что в них скажется особенно чего не опишешь, то есть повлияет Сам Господь своею благодатью».

Настойчивость Распутина, его хитрость, желание проникнуть в вышестоящие круги легко проследить на с. 76:

«...Приезжаю в Петербург. Все равно как слепой по дороге, так и я в Петербурге. Пришел первое в Александро-Невскую Лавру поклониться мощам... Выхожу из Александро-Невской Лавры, спрашиваю некоего епископа духовной академии Серги Полиция подошла, «какой ты есть епископу друг, ты хулиган, приятель». По милости Божией пробежал задними воротами, разыскал швейцара с помощью привратников. Швейцар оказал мне милость, дав в шею; я стал перед ним на колени, он что-то особенное понял во мне и доложил епископу; епископ призвал меня, увидел и вот мы стали беседовать тогда. Рассказывал мне о Петербурге, знакомил с улицами и прочим, а потом с Высокопоставленными, а там дошло и до Батюшки Царя, который оказал мне милость, понял меня и дал денег на храм».

Таким же путем, вероятно, Григорий Распутин проник к духовнику Царской Семьи, епископу Феофану, и вошел к нему в доверие.

Епископ Феофан являлся ректором Петербургской Духовной Академии. Встретился он с Распутиным в 1902 году. Григорий произвел на него большое впечатление, как потом и на епископа Саратовского Гермогена.

В докладе Товарища прокурора екатеринославского окружного суда Владимира Михайловича Руднева, члена Чрезвычайной Следственной Комиссии при Временном правительстве, озаглавленном «Правда о русской Царской Семье и темных силах», помещенном в труде игумена Серафима, находим следующее:⁹¹

«...Исследуя нравственный облик его (Распутина), я естественно обратил внимание на историческую последовательность тех событий и фактов, которые в конечном итоге открыли для этого человека двери царского дворца, причем я выяснил, что первым этапом в этом постепенном продвижении вперед было его знакомство с известными глубоко-религиозно настроенными умными епископами Феофаном и Гермогеном. Убедившись на основании тех же документов, что тот же Григорий Распутин сыграл роковую роль в жизни этих столпов Православной Церкви, будучи причиной удаления епископа Гермогена в один из монастырей на покой и низведения епископа Феофана на роль провинциального епископа, тогда как они были истинно православные епископы, заметив проснувшиеся в Григории Распутине низменные инстинкты, открыто выступившие с ним в борьбу, я пришел к заключению, что несомненно в жизни Распутина, простого крестьянина Тобольской губернии, имело место какое-то большое и глубокое переживание, совершенно изменившее его психику, заставившее его обратиться ко Христу, так как только наличностью этого искреннего богоискания Распутина в тот период времени и может быть объяснено сближение его с указанными выдающимися архипастырями... Опираясь на содействие и авторитет указанных епископов, Григорий Распутин был принят в домах великих княгинь Анастасии Николаевны и Милицы Николаевны...»

Милица Николаевна пригласила к себе Анну Вырубову и познакомила ее с Распутиным.

Об этом В.М. Руднев в своем докладе сообщает следующее (сс. 80-82):

«С Распутиным г. Вырубова впервые познакомилась в гостининой великой княгини Милицы Николаевны, причем знакомство это не носило случайного характера, а великая

⁹¹ Игумен Серафим «Православный Царь Мученик». Русская типография при Духовной Миссии, Пекин, 1920, сс. 69, 70.

княгиня Милица Николаевна подготовила к нему Вырубову путем бесед с ней на религиозные темы, снабжая ее в то же время соответствующей французской оккультической литературой. Затем, однажды великая княгиня пригласила Вырубову к себе, предупредив, что в ее доме она встретится с великим молитвенником земли Русской, обладающим даром прорицания и способностью врачевания. Эта первая встреча г. Вырубовой, тогда еще девицы Танеевой, произвела большое впечатление, в особенности в силу того, что она предполагала тогда вступить в брак с лейтенантом Вырубовым. При этой первой встрече Распутин много говорил на религиозные темы, а затем на вопрос своей собеседницы благословляет ли он ее намерение вступить в брак, ответил иносказательно, заметив, что жизненный путь усеян не розами, а терниями, что он очень тяжел и что в испытаниях и ударах судьбы человек совершенствуется..

Вследствие неудачно сложившейся семейной жизни, религиозное чувство А.А. Вырубовой развивалось все сильнее и сильнее и можно сказать, стало приобретать характер религиозной мании; при этом предсказание Распутина о терниях жизненного пути для Вырубовой было истинным пророчеством. Благодаря этому, она стала чистой и искренней поклонницей Распутина, который до последних дней своей жизни рисовался ей в виде святого человека, бессребренника и чудотворца».

При посредстве Милицы Николаевны и Анны Вырубовой Григорий Распутин появляется в императорском дворце. На страницах 70 - 73 у В.М. Руднева читаем:

«... наконец, он попадает в царский дворец. Здесь у него, видимо, пробуждаются заглушенные низкие инстинкты и он превращается в тонкого эксплуататора доверия высоких особ к его святости. При этом надо заметить, что он свою роль выдерживает с удивительно продуманной последовательностью... Распутин категорически отказался от каких либо денежных пособий, наград, почестей, несмотря на прямые, обращенные к нему предложения со стороны Их Величеств, как бы тем подчеркивая свою неподкупность, бессребренность и глубокую преданность Престолу, предупреждая в то же время Царскую семью, что он единственный предстатель за них пред престолом Всевышнего, что все завидуют его положению, все интригуют против него и что поэтому к таким доносам надо относиться отрицательно. Единственное, что позволял себе Распутин, это оплата его квартиры из средств собственной Его Величества канцелярии, а также принимать подарки собственноручной работы Царской семьи: рубашки, пояски и проч... Входил Распутин в царский дом всегда с молитвой на устах, обращаясь к Государю и Императрице на «ты» и трижды с Государем лобызался по сибирскому обычаю. Вместе с тем он говорил Государю: «Моя смерть будет и твоей смертью», при этом установлено так, что при дворе он пользовался репутацией человека, обладавшего даром предсказывать события, облекая свои предсказания в загадочные формы по примеру древней пифии ... Распутин несомненно обладал в сильной степени какой-то непонятной внутренней силой в смысле воздействия на чужую психику, представляющей род гипноза...»

Далее В.М. Руднев пишет о том, как Г. Распутин исцелил от болезни св. Витта⁹² сына своего друга - Симановича. Он также пишет и о том, что когда в январе 1915 года была тяжело ранена в железнодорожной катастрофе Анна Вырубова, Распутин, в присутствии Императорской четы, подняв вверх руки, обратился к лежавшей в бессознании Вырубовой со словами: «Аннушка, открой глаза», и она их открыла. Это произвело сильное впечатление на окружающих раненую, в том числе и на Государя с Государыней и содействовало укреплению авторитета Распутина.

На страницах 73 и 85 В.М. Руднев пишет:

«Признав на основании всего следственного материала несомненное его большое влияние на Царскую семью, этот же следственный материал приводит к заключению, что

⁹² Виттова пляска, пляска св. Витта, нервное заболевание. Название «Виттова пляска», связано с преданием, что у часовни св. Витта в Германии излечивались больные, страдающие судорогами, напоминающими движение танца.

источником влияния Распутина при дворе была наличность высокого религиозного настроения Их Величеств и вместе с тем Их искреннего убеждения в святости Распутина, единственного действительного предстателя и молитвенника за Государя, Его Семью и Россию перед Богом, причем наличность этой святости усматривалась Царской семьей в отдельных случаях исключительного воздействия Распутина на психику приближенных к дворцу лиц, как например, о чем указано выше, приведение в сознание А.А. Вырубовой, затем благотворное влияние Распутина на здоровье Наследника и ряд удачных предсказаний, при этом, конечно, указанное воздействие на психику должно быть объяснено наличностью необыкновенной гипнотической силы Распутина, а верность предсказаний - всесторонним знанием им условий придворной жизни и его большим практическим умом...

Считаю нужным обратить внимание, что в деле выдвижения Распутина ко двору принимали в свое время горячее участие: Великие княгини Анастасия и Милица Николаевны, императорский духовник епископ Феофан и епископ Гермоген. Поэтому отношение Императрицы Александры Феодоровны к Распутину было с первых же шагов доверчиво-благожелательным и с течением времени оно только усиливалось, вследствие причин, уже нами указанных».

Относительно развращенности Г. Распутина В.М. Руднев пишет (с. 71,72):

«Ввиду того, что в периодической прессе уделялось слишком много внимания половой разнузданности Распутина, ставшей синонимом его фамилии, на это обстоятельство при производстве следствия было также обращено надлежащее внимание... при этом выяснилось, что амурные похождения Распутина не выходят из рамок ночных оргий с девицами легкого поведения и шансонетными певицами, а также иногда с некоторыми из его просительниц. Что же касается близости его к дамам высшего общества, то в этом отношении никаких положительных материалов наблюдением и следствием добыто не было. Но имеются указания, что в пьяном виде он старался создать иллюзию своей интимной близости к высшим кругам, в особенности перед теми, с которыми он был в приятельских отношениях, и которым он был обязан своим возвышением. Так, например, при обыске у епископа Варнавы была найдена телеграмма Распутина на его имя: «Милый, дорогой, приехать не могу. Плачут мои дуры, не пускают».

О денежных средствах Григория Распутина В.М. Руднев сообщает, что источником этих средств являлись различные прошения о помиловании, назначении на какую-то должность и др., которые составлялись на Высочайшее имя и передавались во дворец через руки Распутина с надлежащим вознаграждением.

На с. 72 написано:

«...Распутин по природе был человек широкого размаха. Двери его дома были всегда открыты. Там всегда толпилась самая разнообразная публика, кормясь на его счет. В целях создания вокруг себя ореола благотворителя по слову Евангелия: «рука дающего да не оскудеет», Распутин постоянно, получая деньги от просителей за удовлетворение их ходатайств, широко раздавал эти деньги нуждающимся, и вообще лицам бедных классов к нему обращавшихся также с какими либо просьбами, даже не материального характера. Сам он создавал себе популярность благотворителя и бессребренника. Кроме того, большие суммы Распутин сорил по ресторанам и загородным садам, вследствие чего никаких особенных средств после его смерти семья его, проживавшая в Сибири, не получила».

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии, образованной Временным Правительством для расследования действий бывших министров и других высших должностных лиц А.Ф. Романов опубликовал свои записки в журнале «Русская Летопись».⁹³ Там он пишет, что Григорий Распутин был двуликим. С одной стороны, он был типичным русским крестьянином, богоискателем, сектантом, способным на подвиги аскетизма, с другой стороны, это был человек разгульный, пьяница, без всяких

⁹³ А.Ф. Романов «Русская Летопись», кн. вторая, изд. «Русского очага», Париж 1922, сс. 17- 19.

привязанностей, без чувства благодарности, предтеча русского большевика, про которого, как говорил Достоевский, не знаешь: в монастырь ли пойдет или деревню сожжет.

Свидетели, опрашиваемые Следственной Комиссией, давали противоположные показания относительно Распутина. Для одних он был святым, для других - чертом. Вот это и доказывало Следственной Комиссии двуличие Григория Распутина. К Царской же Семье Распутин был обращен только одним своим лицом, лицом «святого».

Свидетели удостоверяли, пишет А.Ф. Романов, что Григорий Распутин у себя на родине, после разгула, скрывался в лесах и там молился и каялся

Распутин обладал громадной способностью к внушению, временами был подлинным гипнотизером, при этом говорил своеобразным языком.

Об отношении Государя к Распутину А.Ф. Романов пишет:

«...Царь не мог к нему не привязаться: религиозность, вера в простой народ, любовь к семье - все это фатально толкало Его к Распутину. В Его глазах Распутин был представителем мужицкой простой веры, представителем многомиллионного простого народа, любящего и верующего Царю и ничего не ищущего, в противоположность политиканствующей интеллигенции; Распутин был, наконец, спасителем любимого сына. Разве на этой почве не могло и не должно было вырасти чрезвычайное доверие Царя к Распутину? Многие пытались открывать Ему глаза на Распутина и Он не мог не знать того, о чем говорила едва не вся Росси Джунковский, Товарищ Министра Внутренних Дел, представлял даже по этому поводу особый доклад, многие писали письма, но Царь верил своему впечатлению и упорствовал».

А.Ф. Романов пишет, что Распутин держал себя во дворце совсем не так, как в других местах. Он не был там ни пьян ни распутен. Во дворце он говорил о Боге и о народных нуждах. И А.Ф. Романов выносит свое заключение:

«Нет, ни Царь ни Царица не знали о пьянстве и разгуле Распутина. Сами Они этой стороны не видели, а говорившим не верили. Да и говорившие не всегда говорили правду и не останавливались даже перед подлогами».

Отвечая на свой же вопрос, кто виноват в тех гнусных сплетнях, которые распускались о чистой Царской Семье, А. Ф. Романов говорит:⁹⁴

«... Враги Царя, враги Распутина, друзья Распутина и сам Распутин. Этот богобоязненный во дворце, распущенный вне дворца мужик, напиваясь пьян, пускался нередко в самое неудержимое хвастовство: «я папаше сказал то-то», «это мне Сашка вышивала», так и сыпалось из его уст. Был установлен такой случай: «хочь я тебе Ольгу вызову», -говорит Распутин своему провинциальному гостю и вызывает по телефону какую-то женщину, выдавая ее за Великую княжну Ольгу.

Вот откуда могли идти эти слухи, тем более, что вне дворца все видели разгул Распутина и, конечно, воображали его таким же и в царском дворце, где сами не бывали. Достаточно вспомнить (это было еще в 1905 году и было своевременно сообщено Министру Юстиции прокурором Московской Судебной Палаты), как Распутин посещал с какими-то дамами Московские бани и демонстрировал свое искусство бороться с плотью. Что же эти, с позволения сказать, «дамы» должны были думать и говорить о Гришке, попавшем в такой почет у Царя и Царицы».

Пьер Жильяр, преподаватель Царских детей, который в течение тринадцати лет находился при императорском дворе, пишет о Григории Распутине:⁹⁵

«Я пришел к убеждению, что Распутин был сбившийся с пути мистик, обладавший

⁹⁴ А.Ф. Романов «Русская Летопись», кн. вторая, с. 20.

⁹⁵ Пьер Жильяр «Трагическая судьба русской Императорской фамилии». «Посев», Франкфурт-на-Майне, 1973, с. 81.

психической силой над отдельными лицами. Одаренный большой силой воли, Распутин обладал поразительным умением быть выдержанным и до крайности осторожным, когда того требовали обстоятельства; он умел неусыпно наблюдать за собой, чтобы при дворе как-нибудь не открылась его порочная жизнь. Лишь только его звали во дворец, он тщательно воздерживался от всяких спиртных напитков; вначале он даже являлся на эти приглашения весь дрожа, - так велик был его страх впасть в немилость».

О первом знакомстве Распутина с Государыней П. Жильяр говорит:⁹⁶

«И этот человек (Распутин) ей сказал: «Верь, что сбудется по молитве твоей; верь в могучую силу предстательства моего, и сын твой будет жив». Мать ухватилась за надежду, которую тот ей подавал, как утопающий хватается за соломинку; она поверила ему всю силу души своей. Она допустила мысль, что этот смиренный мужик послан Богом, чтобы спасти того, кто был надеждой нации. Исключительная сила и полнота ее веры сделали остальное, и вот простым самовнушением, которому способствовали случайные совпадения, она убедила себя, что участь ее ребенка зависит от этого человека.

Распутин вполне разобрался в состоянии души отчаявшейся матери, сломленной борьбой и дошедшей до крайнего предела страдания; он понял все выгоды, какие можно отсюда извлечь, и, благодаря дьявольской ловкости, добился того, что связал свою жизнь с жизнью ребенка...

Многочисленные попытки были сделаны перед Императрицей, чтобы открыть ей глаза на истинный облик Распутина, лицами, наиболее ей близкими. Всем этим попыткам суждено было разбиться о непоколебимую веру в него».

Когда Григорий Распутин стал появляться в высшем обществе, ему было тридцать лет с небольшим. Он был широкоплечим, мускулистым, среднего роста мужчиной. Появлялся одетый в грубого полотна крестьянскую рубашу, подпоясанную кожаным ремнем. На ногах у него были тяжелые крестьянские сапоги.

Руки его были большие, грубые, с длинными пальцами и грязными ногтями. Волосы - длинные, неряшливые, разделенные посередине пробором.

Внешность Распутина, его манера держаться и говорить иносказательными словами, знание Священного Писания, его блестящие глаза - все это производило на окружающих странное, но большое впечатление.

Распутин, который исходил Россию и был на Святой Земле, говорил о себе как о смиренном раскаявшемся грешнике, которого Бог простил и сделал Своим избранныком.

Некоторые из дам высшего света смотрели на него, как на что-то новое, диковинное, что вносило большой контраст по сравнению с блестящими офицерами. Другие же думали, что его грубая внешность и странные разговоры являются признаком духовности. Они видели в нем Божьего человека.

Взору Распутина было почти невозможно противостоять, как мужчинам, так и женщинам.

Рене Фулоп-Миллер в своей книге «Rasputin the holy Devil» рассказывает,⁹⁷ как одна провинциальная девушка, узнав, что в столице появился «новый святой», поехала в Петербург. Она хотела получить от Распутина наставление на духовную жизнь.

Когда она его увидела и услышала, как он говорит, то в своих мыслях сравнила его с деревенскими проповедниками, которых она нередко встречала у себя, в провинции. Пристальный взгляд Распутина, его длинные волосы, простое лицо - располагали к себе.

Григорий Распутин сел напротив девушки, но очень близко. Его бледно-голубые глаза стали менять свою окраску и превратились в глубокие и темные. Уголки его глаз стали как

⁹⁶ Пьер Жильяр «Трагическая судьба русской Императорской фамилии», сс. 62-65,82.

⁹⁷ Rene Fulop-Miller «Rasputin the holy Devil», сс. 6, 7.

бы пронизывать ее. Его лицо изменило свое мягкое выражение, и он стал приближаться к ней. Она ощутила на себе его горячее дыхание.

Девушка тогда почувствовала, что ее руки и ноги отяжелели, что она теряет свою волю. Она только видела его горящие глаза и слышала его голос, который перешел в страстный шепот.

В тот момент, когда воля почти покинула ее, она вспомнила за чем приехала в Петербург. Она приехала сюда, чтобы говорить с Распутиным о Боге.

Тогда девушка сделала невероятное усилие и стала бороться с его магнетической силой. Ее руки и ноги опять обрели способность двигаться

Распутин сразу уловил ее внутреннее сопротивление. Его полузакрытые глаза открылись и он поднял нагнувшись над ней, он коснулся ее волос и поцеловал в лоб отеческим поцелуем. Лицо Распутина приняло опять свое обычное выражение. Взгляд стал мягким и дружелюбным, даже смиренным, и он стал говорить с ней тоном проповедника. И только в глубине его глаз еще таился тот другой человек - чувственное животное.

ГЛАВА 9

Епископ Феофан и Распутин. Вера Государыни в Распутина, как в Божьего человека и целителя Болезнь Цесаревича в Спале. Телеграмма Распутину и ответ от него. Пляски Распутина и цыганские песни. Распутин и хлысты. Государыня не верит в разнузданную жизнь Распутина. Охрана Распутина и запись охраны. Посетители Распутина. Друзья Распутина и его противники. Проклятие епископом Гермогеном Распутина и последствия этого скандала. Пьер Жильяр о Распутине. Встреча Распутина с П.А. Столыпиным. Мнение П.А. Столыпина о Распутине.

Григорий Распутин был представлен Государю и Государыне в ноябре 1905 года.

Как уже сказано выше, горячую протекцию Распутину составили Великие княгини Милица и Анастасия Николаевны, а также и епископ Феофан, духовник Императрицы.

Здесь уместно привести выдержку из книги игумена Серафима «Православный Царь Мученик»: ⁹⁸

»... Императрица епископу Феофану, как человеку стоящему во главе высшего богословского учебного заведения, во всем верила, оказывая в духовном отношении полное послушание, так же, как она верила и оказывала послушание прежним духовным руководителям. Но к несчастью Царицы, этот ученый аскет оказался на практике совершенно неопытным в духовной жизни человеком. Он не умел познавать подлинное состояние души человека. Он сам долгое время верил в Г.Е. Распутина, как истинного подвижника, молитвенника и даже прозорливца. Но этого мало: он приводит этого человека в царский дворец, где рекомендует и представляет как великого в наше время подвижника, молитвенника и прозорливца. Это первая ошибка епископа Феофана...»

Второй ошибкой епископа Феофана, как пишет игумен Серафим, было то, что когда он распознал истинное лицо Г. Распутина, он донес об этом Государыне, пересказав ей то, что было сказано ему на исповеди одной женщиной.

Натурально, что Императрица сразу же отшатнулась от него. Она не поверила тому, что он ей говорил. Но самое страшное в ее глазах было то, что епископ Феофан открыл ей тайну исповеди. Александра Феодоровна знала, что никогда, ни при каких обстоятельствах духовное лицо не должно рассказывать того, что было открыто ему во время таинства исповеди.

Григорий Распутин же стал доказывать Государыне, что епископ Феофан пошел против него по той причине, что он не поддержал какую-то протекцию епископа.

⁹⁸ Игумен Серафим «Православный Царь Мученик», с. 66.

Следствием всего этого произошло то, что епископ Феофан перестал быть духовником Царицы и был переведен на менее значительную кафедру.

Игумен Серафим пишет:⁹⁹

«...Впоследствии ей (Императрице) казалось, что все то, что пишут и говорят про Григория, то все это по зависти клеветают на него и трудно было ее в том разубедить...».

Когда Г. Распутин был представлен Императорской чете, Александра Феодоровна сразу почувствовала к нему расположение и поверила, что он и есть тот Божий человек, о котором говорил ей «доктор» Филипп.¹⁰⁰ Она верила, что Распутин поможет ее больному сыну.

Мария Распутина в своей книге «My father» пишет,¹⁰¹ что в 1906 году у Цесаревича Алексея был сильный приступ гемофилии. Обессиленный от потери крови, он лежал на кровати с закрытыми глазами. Рядом с ним на коленях стояла Государыня и горько рыдала.

Вошел Распутин. Он повелительным тоном потребовал, чтобы все присутствующие опустили на колени и молились. Сам же устремил свой пронизывающий взгляд на больного ребенка и положил руку ему на голову.

Цесаревич слегка вздохнул и открыл глаза. Он не испугался, увидев около себя чужого бородатого человека, а улыбнулся. Это был знак того, что жизнь стала возвращаться к больному. Кровотечение остановилось, кризис прошел и Цесаревич стал поправляться.

Был и другой случай вмешательства Распутина, когда Цесаревич тяжело заболел. Это случилось в Спале.

В 1912 году Царская Семья поехала в Беловежскую Пущу, а оттуда в Спалу, в Польше. В Беловежье Наследник неудачно прыгнул в лодку и, потеряв равновесие, получил растяжение в верхней части левой ноги. В результате произошло внутреннее кровоизлияние.

В Спале состояние здоровья Наследника ухудшилось. У него в паху образовалась кровяная опухоль. Ему не позволяли ходить, а носили на руках.

Учитель Царских детей Пьер Жильяр, который был там в это время, пишет,¹⁰² что когда он давал Цесаревичу урок, то заметил, что мальчик выглядел нездоровым.

Вскоре Цесаревича уложили в постель. Через несколько дней положение больного стало настолько серьезным, что из Петербурга вызвали профессоров Раухфуса и Федорова.

В тот вечер, как вспоминает Жильяр, в зале шло представление, и приглашенных в Спалу было много. Он видел, как Александра Феодоровна после спектакля, подобрав свое платье, побежала в комнату Наследника, откуда раздавались стоны.

Государь в зале занял такое положение, что мог наблюдать за дверью, и Жильяр уловил безнадежный взгляд, который бросила Государыня Императору после возвращения от больного сына.

Государь с супругой умалчивали о болезни сына. Обеды и охота продолжались, и Император принимал в них участие. Александра Феодоровна же стала показываться реже.

Когда состояние больного значительно ухудшилось и температура поднялась выше 39°C, граф Фредерикс, министр Двора, попросил Императора опубликовать бюллетень о болезни Цесаревича Алексея.

Пьер Жильяр тогда понял, что только благодаря вмешательству министра Двора народ был оповещен о состоянии здоровья Наследника.

После опубликования бюллетеня везде стали служить молебны о здравии Цесаревича.

В Спале не было церкви, и в парке дворца, в палатке, была устроена походная церковь,

⁹⁹ Игумен Серафим «Православный Царь Мученик», с. 67.

¹⁰⁰ См. главу четвертую настоящей книги.

¹⁰¹ Maria Rasputin «My father», с. 35.

¹⁰² Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», сс. 14-19

где священник совершал богослужени

Анна Вырубова о болезни Цесаревича в Спале пишет:¹⁰³

»...Государыня все это время не раздевалась, не ложилась и почти не отдыхала, часами просиживала у кровати своего маленького больного сына, который лежал на бочку¹⁰⁴ с поднятой ножкой - без сознания Ногу эту Алексей Николаевич потом долго не мог выпрямить. Крошечное, восковое лицо с заостренным носиком было похоже на покойника, взгляд огромных глаз был бессмысленный и грустный. Как-то раз, войдя в комнату сына и услышав его отчаянные стоны, Государь выбежал из комнаты и, запершись у себя в кабинете, расплакался Как-то раз Алексей Николаевич сказал своим родителям: «Когда я умру, поставьте мне в парке маленький каменный памятник».

В критическую минуту болезни Наследника, Анна Вырубова дала Григорию Распутину телеграмму.

Ответ от Распутина из Покровского пришел следующий:¹⁰⁵

«Болезнь не опасна, как это кажется Пусть доктора его не мучают».

Действительно, вскоре положение больного улучшилось, и он был уже на пути к выздоровлению. Но здоровье его восстанавливалось медленно. Для того, чтобы при Цесаревиче Алексее постоянно находился доктор, профессор Федоров вызвал из Петербурга своего молодого помощника, доктора В. Деревенько, который с этого времени и оставался при Наследнике.

Пьер Жильяр в своей книге ничего не пишет о телеграмме Распутину. Возможно, что он ничего о ней не знал. Но он высказывает такое мнение относительно Распутина:¹⁰⁶

«Как и во время прежних отлучек Распутина, довольно частый обмен телеграмм происходил при посредстве г-жи Вырубовой, между селом Покровским и различными резиденциями, в которых Царское семейство последовательно проживало в течение 1912 года. Отсутствующий Распутин оказался более могущественным, чем присутствующий...».

Вполне возможно, что как в случае со Спалой, так и в других случаях, Вырубова или кто-то другой из приверженцев Распутина, держали его постоянно в курсе дела о состоянии здоровья Наследника. Когда же кризис проходил, то немедленно об этом сообщалось Григорию Распутину, и он или сам приходил, или слал утешительную телеграмму, и выздоровление Цесаревича всецело приписывалось ему.

Распутин, когда жил в Петербурге, сменил несколько квартир. Последним его местом жительства была квартира на Гороховой улице №64.

В то время он достиг уже вершины своей «популярности». Он любил пить вино и часто сильно напивался; любил цыганские песни в пляски, в которых сам принимал участие. Все это подтверждает и его дочь Мария (Матрена) в книге «My father».

Там, на с. 90 она пишет, что ее отец всегда любил плясать. Услышав ритм танца, он начинал в такт покачиваться, а потом присоединялся к танцующим. Когда некоторые порицали такое его поведение, Распутин говорил, что можно молиться Богу и в танцах, так же, как и стоя на молитве.

Танец для Распутина был так же необходим, как воздух и как пища, пишет Рене Фулоп-Миллер. В пляске он выражал свою безудержную внутреннюю чувственность.

¹⁰³ А. Вырубова «Русская летопись», кн. четвертая, с. 58.

¹⁰⁴ В большинстве приводимых писем и цитат сохранены стиль и орфография подлинника.

¹⁰⁵ А. Вырубова «Русская летопись», кн. четвертая с. 59.

¹⁰⁶ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», с. 49.

Друзья Распутина и его враги знали это очень хорошо, и когда приглашали его к себе, то звали оркестр и цыган. Они знали, что угодить Григорию можно было хорошим вином (особенно он любил мадеру), плясовым русским мотивом и страстными цыганскими песнями и пляской.

Со слов одной из свидетельниц, Рене Фулоп-Миллер описывает Распутина во время пляски в ресторане.¹⁰⁷ Он пишет, что когда заиграли «Русскую», Распутин закружился быстро и лихо по комнате. Его волосы и борода метались с одной стороны на другую. Ноги, в тяжелых мужицких сапогах, двигались с изумительной легкостью и скоростью. Выпитое им вино, казалось, умножило его силы. Временами он издавал дикий выкрик, и, подхватив одну из цыганок, продолжал носиться с ней по паркету ресторана.

О любовных похождениях Распутина знали и Петербург и Москва. Этого не отрицает и его дочь Матрена, и осторожно пишет, что окруженный постоянно красивыми и элегантными дамами, он, возможно, чувствовал искушение, особенно когда был в пьяном состоянии. Но добавляет, что его жена Прасковья обожала его и никогда не была ревнивой. Пишет, что ее отец был хорошим семьянином.

Двойственность природы Распутина - его большую набожность и его величайшую греховность можно объяснить тем, что он принадлежал к секте хлыстов, хотя это и не было официально доказано. Князь Ф. Юсупов в своей книге «Конец Распутина» говорит,¹⁰⁸ что как ни скрывал Григорий свою принадлежность к сектанству, но при соприкосновении с ним чувствовалось, что он помимо своей жуткой внутренней силы, обладает еще и какой-то темной таинственной стихией, которая влечет к нему. Эта стихия и была хлыстовством, построенным на сексуальной мистике.

В этом страшном учении сочетается самое грубое воплощение животных страстей с верою в Высшее - в Бога. По вере хлыстов, в момент наибольшего сексуального возбуждения нисходит на человека Святой Дух, и заканчивается хлыстовское радение повальным грехом.

Хлысты, как пишет Ф. Юсупов, не разрывают официально с Православной Церковью, а посещают богослужения и часто причащаются

Распутин свой страшный разврат оправдывал так же, как и хлысты: он внушал женщинам, что близость к нему не является грехом.

Распутина приглашали всюду. Он ездил из одного дома в другой. Некоторые хотели видеть его из любопытства, другие - удостовериться в его «святости» и прозорливости. И некоторые, благодаря гипнотической силе Распутина, беспрекословно ему подчинялись.

Когда Распутин приобрел влияние в высших кругах, перед ним стали заискивать, давали ему взятки, приглашали в рестораны, спаивали. Вокруг него образовался тесный круг поклонниц. У Распутина «вскружилась голова от сознания своей силы, от подобоострастия окружающих, от непривычного количества денег.... Его цинизм дошел до последних границ», - пишет князь Юсупов.¹⁰⁹

Генерал Джунковский, Товарищ министра Внутренних дел, хотел убедить Императрицу, что слухи, ходившие о Распутине по Петербургу соответствуют действительности. Он показал Государыне фотографию, снятую в одном из ресторанов тогда, когда Распутин предавался там своему разнузданному кутежу. Но несмотря на неопровержимость такого доказательства, Александра Феодоровна не поверила этому и очень рассердилась. Она приказала произвести расследование, чтобы найти человека, который якобы загримировался под Распутина.¹¹⁰ Конечно, никакого двойника Распутина

¹⁰⁷ Rene Fulop-Miller «Rasputin the holy Devil», с. 281.

¹⁰⁸ Кн. Ф.Ф. Юсупов «Конец Распутина», сс. 33-35.

¹⁰⁹ Кн. Ф.Ф. Юсупов «Конец Распутина», с. 36.

¹¹⁰ Там же, с. 56

найдено не было.

Полиция охраняла Распутина, и особенно зорко, когда он жил на Гороховой улице. Чины охраны, переодевшись в штатское, тщательно записывали все, что делал Распутин. Записывали куда он ехал, где был, с кем встречался, когда возвращался и т.д.

Дочь Распутина Матрена как-то спросила Государыню о причине этой охраны.¹¹¹ Александра Феодоровна ответила, что были попытки совершения покушений на жизнь многих, кто был верен Трону, и что она не может потерять Распутина, который спасает жизнь Наследника Алексея

В записях охраны перечисляются фамилии просителей и с какой просьбой они приходили к Распутину. Имеются записи довольно грязного характера.

Существует, например, запись рассказа двух женщин, свидетельниц скандального поведения Распутина в ночном ресторане «Вилла Родэ».

О том, что Григорий Распутин посещал этот ресторан, пользовавшийся плохой репутацией, находим и в книгах его дочери Марии: «My father», с. 89 и в «Rasputin the man behind the myth», с 6.

В этом ночном ресторане был даже отдельный кабинет, носящий имя Распутина, где он постоянно бывал. Здесь, без посторонних глаз, Распутин и его компания могли весело проводить время

Стол, в ожидании Григория и его гостей, заранее украшали цветами и накрывали. Там стояли бутылки вина и разная закуска, а в углу размещался, готовый к выступлению, хор цыган.

Всем было известно, что когда «старец» находился в трезвом состоянии, он умел себя сдерживать и был осторожен в словах. Но когда он становился пьяным, то не отдавал себе отчета в своем поведении, и часто его оргии оканчивались скандалами.

Однажды в «Вилла Родэ» произошел скандал, который закончился тем, что один офицер гвардии дал пощечину Распутину. В результате этого ресторан закрыли на некоторое время¹¹²

Враги Григория Распутина знали его слабость к вину, и старались его спаивать, чтобы еще больше скомпрометировать. Потом его слова и поведение выносились наружу, нередко преувеличенные, и попадали в печать, к министрам, в Государственную Думу.

Как сказано у В.М. Руднева в цитате в предыдущей главе, дом Григория Распутина был открыт для всех. К нему приходили люди из разных слоев общества: от крестьян до аристократии.

Обычно просители приносили Распутину денежные подарки. Состоятельные посетители вместе с прошением клали на стол Григория ассигнации, и он, не стесняясь, клал их себе в карман. Он денег не считал, и как бы не знал их цены.

Если бедный крестьянин или крестьянка обращались к нему за материальной помощью, то нередко Григорий вытаскивал из кармана ту большую сумму, которую только что получил от состоятельного просителя, и, не считая, передавал ее тут же бедняку. Этим он хотел похвастаться перед другими и прослыть бесребренником и благодетелем.

На свои личные расходы и на расходы семьи Григорий Распутин тратил мало. Но зато он «сорил» деньгами по ресторанам и у цыган.

Квартира Распутина была обставлена скромно. Единственным украшением являлись подарки от поклонниц.

Как говорили, откладывал деньги Распутин только на приданое своим двум дочерям,

¹¹¹ Maria Rasputin and Patte Barham «Rasputin the man behind the myth», a Personal Memoir. Prentice-Hall, Inc., New Jersey, U.S.A., 1977 с.136.

¹¹² Rene Fulop-Miller «Rasputin the holy Devil», с 274.

Матрене и Варваре. Третьим был сын Дмитрий. 113

Круг особых, личных друзей Распутина всегда собирался вокруг его стола, где стоял самовар, вино и разные закуски. Распутин сидел среди своих почитательниц и почитателей, «поучал» их и отвечал на вопросы. Он всегда и благословлял всех так, как это может делать только духовное лицо, хотя и не имел на это права. Он никогда никакого духовного звания не имел. Он не был ни священником, ни монахом. Распутин даже иногда носил поперх своего кафтана большой золотой наперсный крест, что было совершенно недопустимо.

Когда гости сидели за столом Распутина, то большой честью считалось получить из его рук кусок пирога или что-либо из закусок. Иногда Распутин раздавал сухари из черного хлеба, которые посетители с благоговением прятали в карманы, а дамы в сумочки.

Особой привилегией пользовались у Григория молодые красивые женщины, которых он уводил в отдельную комнату и старался там соблазнить.

Высший свет Петербурга в то время делился на сторонников Распутина и на тех, кто его ненавидел.

Из сторонников и почитателей Распутина выделяются: Анна Вырубова, преклонявшаяся перед ним и считавшая его святым человеком; графиня Игнатьева, салон которой отличался тем, что там интересовались потусторонним миром и сверхъестественными явлениями; князь Андронников, пользовавшийся сомнительной репутацией; баронесса Розен; госпожа М. Головина и ее дочь Мария (Муля); В.К. Саблер, обер-прокурор Святейшего Синода; его помощник Даманский; отец Александр Васильев, духовник Государыни; Дворцовый комендант В.Н. Воейков; А. С. Танеев, отец А. Вырубовой; епископ Варнава; митрополит Питирим; Б.В. Штюрмер; А.Д. Протопопов и др.

Окружали Распутина и разные дельцы, которые стремились через него извлечь для себя выгоду: доктор тибетской медицины, бурят, П. Бадмаев; банкиры Д.Л. Рубинштейн и И.П. Манус;¹¹⁴ начальник секретной полиции И.Ф. Манасевич-Мануйлов и многие другие.

Очевидным становится, что имея такое количество влиятельных особ на своей стороне, Распутин чувствовал себя уверенно и, чтобы еще больше упрочить свое положение, он при помощи своих «друзей», продвигал на ответственные посты своих протеже.

Против Григория Распутина были: Великая княгиня Елизавета Феодоровна, которая считала Распутина темной силой; Великий князь Николай Николаевич и другие великие князья дома Романовых; М.В. Родзянко, председатель Государственной Думы; П.А. Столыпин и его кабинет министров; епископ Феофан; Саратовский епископ Гермоген;¹¹⁵ митрополит Антоний Петербургский, а после него, с 1912 года, Владимир митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский.¹¹⁶

¹¹³ С.П. Белецкий напротив, в своих «Воспоминаниях» пишет, что Распутин тайно вел свои банковские дела и у него были большие личные деньги.

¹¹⁴ Рене Фулоп-Миллер в своей книге «Rasputin the holy Devil» на с. 107 пишет, что во время Первой мировой войны ходили упорные слухи о том, что Манус состоял на службе немецкой секретной разведки.

¹¹⁵ Епископ Гермоген Тобольский, бывший Саратовский, был арестован большевиками и посажен вместе с другими арестованными на пароход «Петроград». На середине реки Туры всех арестованных вывели на палубу и заставили раздеваться. Епископ Гермоген молился за своих мучителей и благословлял их. Палачи сорвали со святителя рясу и подрясник, но епископ продолжал громко молиться. Тогда комиссар крикнул: «Заткнуть хайло!». Последовал сильный удар кулаком в лицо. Владыка умолк. Кровь залила его лицо. Привязав к скрученным рукам епископа двухпудовый камень, палачи, раскачав его, бросили в воду. Как показали свидетели, епископ Гермоген был утоплен напротив села Покровское (в июне 1918 года).

Епископ Гермоген Тобольский причислен к лику святых Новомучеников Российских Русской Православной Церковью за границей вместе со всеми другими Новомучениками.

¹¹⁶ Митрополит Владимир Киевский, бывший Санкт-Петербургский, был зверски убит большевиками у ворот Киево-Печерской лавры в начале 1918 года. Перед расстрелом Владыка молился со словами: «Господи, прости мои согрешения вольные и невольные и прими дух мой С миром!» Потом благословил крестообразно

О митрополите Владимире и о епископе Гермогене подробно изложено в книге протопресвитера М. Польского «Новые мученики Российские».

О митрополите Владимире читаем следующее:¹¹⁷

«...Три года Владыка управляя Петербургской епархией и это было труднейшее время для церковно-общественной работы, ибо тогда усиливалось в Петербурге влияние «темных сил», т.е. «распутинство». Митрополит Владимир со свойственными его характеру прямолинейностью и твердостью убеждений вел посильную борьбу с темными силами...».

И далее читаем о том, что произошло в результате этой борьбы:

«Митрополит Владимир в 1915 году впал в немилость и был удален из Петрограда на кафедру митрополита Киевского».

О епископе Гермогене в этой книге написано следующее:

«Саратовский епископ Гермоген, аскет, образованный человек, добрейший и чистый до конца, и безраздельно был увлечен борьбой с нарастающим революционным брожением. Увидев вред Распутина, он хотел взять с него клятву, что он больше не переступит порога царского дворца. Распутин этой клятвы давать не хотел и еп. Гермоген, стоя в епитрахили и с крестом в руке, проклял Распутина. Он стал телеграммами просить и умолять Государя не принимать Распутина. Это обстоятельство и непорядки в управлении епархией привели еп. Гермогена к лишению епархии и к заточению в Жировицкий монастырь Гродненской губернии...».

Проклятие епископом Гермогеном Распутина и низложение Владыки произошло при следующих обстоятельствах.

Узнав о гнусной жизни Григория Распутина и поняв, что он ошибался в нем, епископ Гермоген решил предпринять меры, чтобы оградить царский дворец от этого человека.

Епископ, по занимаемому им положению, не мог просить аудиенции у Государя или Императрицы, как это мог сделать епископ Феофан, который до своей опалы был духовником Государыни.

Епископ Гермоген, под каким-то предлогом, пригласил к себе Распутина и там, в присутствии монаха Илиодора Труфанова,¹¹⁸ войскового старшины Родионова, своего келейника и странника Мити, стал обличать Распутина в его грязных похождениях и требовать от него обещания никогда больше не бывать в царском дворце и уехать навсегда из Петербурга.

Григорий Распутин нагло отвечал епископу, оскорблял его и выругал площадными словами. Он грозил преосвященному, что расправится с ним.

Вот тогда епископ Гермоген вышел из себя и проклял его.¹¹⁹ Распутин прямо осатанел. Его лицо потеряло всякие человеческие черты. Он бросился на епископа и стал бить его.

Войсковой старшина Родионов выхватил шашку и с остальными бросился к Владыке на помощь. Но Распутин обладал невероятной силой. Он вырвался от них, выбежал на улицу и помчался жаловаться на епископа.

Последствия этого безобразного скандала были очень тяжелые для епископа

обеими руками своих убийц и сказал: «Господь вас да простит». Первомученик Российский митрополит Владимир был причислен к лику святых Русской Православной Церковью за границей 1 ноября 1981 года. Московской же Патриархией был причислен к лику святых Новомучеников 4 апреля 1992 года.

¹¹⁷ Протопресвитер М. Польский «Новые мученики Российские», том I. Изд. Свято-Троицкого монастыря, Джорданвилль, С.Ш.А., 1949, сс. 14,15,66.

¹¹⁸ Илиодор после этого скандала уехал за границу, отказался от монашества и стал вести непристойную жизнь.

¹¹⁹ Проклятие с Распутина никогда никем не было снято. Он так и остался с ним до самой смерти.

Гермогена. Через некоторое время, когда обер-прокурором вместо С.М. Лукьянова стал «распутинец» Саблер, епископа Гермогена отправили в ссылку в Жировицкий монастырь.

Впечатление, которое производил Григорий Распутин на здравомыслящих, неподкупных и честных людей, было более, чем отрицательным. Примером могут служить встречи Распутина с П. Жильяром, с П.А. Столыпиным, с В.Н. Коковцевым.

Пьер Жильяр, ввиду того, что являлся ответственным за воспитание Цесаревича Алексея, занимал в Царскосельском дворце комнаты, смежные с комнатами Наследника.

П. Жильяр пишет,¹²⁰ что Царские дети никогда не говорили в его присутствии о Распутине. Они поступали так по указанию матери. Императрица же опасалась, что Жильяр, как иностранец, не поймет характера того чувства, которое она питала к Распутину.

«...Внушая моим ученикам такое молчание, Императрица давала мне возможность игнорировать Распутина... Она предупреждала всякую возможность с моей стороны, дабы я не был восстановлен против существа, имени которого я не хотел даже знать».

К своему удовлетворению Пьер Жильяр убедился в том, что Распутин играл незначительную роль в жизни Цесаревича Алексея. Этот вывод Жильяр сделал благодаря доктору Деревенько, который несколько раз передавал ему забавные размышления, которые Наследник высказывал доктору о Распутине.

В Александровском дворце все устраивалось таким образом, чтобы не было возможности встретиться Пьеру Жильяру с Распутиным. Но однажды эта встреча произошла. П. Жильяр рассказывает следующее:¹²¹

«... но вот однажды, когда я собирался выйти, я повстречался с ним в передней. Я имел время рассмотреть его, пока он снимал с себя шубу. Это был человек высокого роста, худощавый, с очень пронзительными серо-голубыми глазами, впавшими под нахмуренными бровями. У него были длинные волосы и большая борода «а ля мужик». В этот день на нем была русская голубая шелковая рубашка, собранная на поясе, черные штаны и высокие сапоги.

Эта встреча, которая более не повторялась, произвела на меня впечатление непонятого беспокойства: в продолжении нескольких мгновений, когда встречались наши взгляды, я имел ясное впечатление, что я нахожусь в присутствии существа зловредного и возмутительного».

О встрече Петра Аркадьевича Столыпина с Григорием Распутиным рассказывает председатель Государственной Думы М.В. Родзянко в своей книге «Крушение Империи».¹²² Он пишет, что в течение четырехлетнего периода, с 1905 года по 1909, Григорий Распутин оставался сравнительно еще в тени. Но постепенно, осознав свою силу, Распутин дал волю себе.

Его амурные похождения стали более циничными и явными. Число жертв, попавших в его сети, увеличилось, но возрастало также и количество его последователей и поклонниц.

Обер-прокурор Святейшего Синода, в то время С.М. Лукьянов, совместно с председателем Совета Министров П.А. Столыпиным, обследовали документы и секретные бумаги архива Синода. В результате, правда о Распутине обнаружилась во всей ее неприглядности.

П.А. Столыпин на основании этих документов составил обстоятельный доклад, который он представил Государю.

¹²⁰ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», сс. 62,63.

¹²¹ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», с. 66.

¹²² М.В. Родзянко «Крушение Империи», записки председателя Русской Государственной Думы. Архив русской революции издаваемый И.В. Гессеном, кн. XVII изд. «Слово», Берлин, 1926, сс. 33,34.

Император внимательно выслушал Петра Аркадьевича, но не принял определенного решения, а поручил Столыпину вызвать к себе Распутина и составить о нем свое личное мнение.

М.В. Родзянко о свидании П.А. Столыпина с Распутиным пишет следующее:

»... От самого Столыпина я слышал, что он действительно вызвал к себе Распутина. Последний немедленно, войдя в кабинет министра, стал испытывать над ним силы своего гипнотического свойства: «Он бегал по мне своими белесоватыми глазами, - говорил Столыпин, - произносил какие-то загадочные и бессвязные изречения из Священного Писания, как-то необычайно водил руками, и я чувствовал, что во мне пробуждается непреодолимое отвращение к этой гадине, сидящей против мен Но я понимал, что в этом человеке большая сила гипноза и что он на меня производит какое-то довольно сильное, правда отталкивающее, но все же моральное впечатление. Преодолев себя, я прикрикнул на него и, сказав ему прямо, что на основании документальных данных он у меня в руках и я могу его раздавить в прах, предав суду по всей строгости законов о сектантах, ввиду чего резко приказал ему немедленно, безотлагательно и притом добровольно покинуть Петербург и вернуться в свое село и больше сюда не появляться».

Это было в начале 1911 года. Столыпин оказался сильнее гипнотизера-Распутина, и последний понял, что положение создается для него неблагоприятное.

М.В. Родзянко замечает, что если Григорий Распутин своей гипнотической силой мог подействовать на такого человека железной воли, как Столыпин, то с какой же большей силой он мог действовать на людей со слабыми нервами, которые не могли владеть собой.

В воспоминаниях С.П. Белецкого, бывшего директора Департамента полиции, находим:¹²³

«Когда я был директором департамента полиции, то в конце 1913 г., наблюдая за перепискою лиц, приближавшихся к Распутину, я имел в своих руках несколько писем одного из петроградских магнетизеров к своей даме сердца, жившей в Самаре, которые свидетельствовали о больших надеждах, возлагаемых этим гипнотизером, лично для своего материального благополучия, на Распутина, бравшего у него уроки гипноза и подававшего, по словам этого лица, большие надежды в силу наличия у Распутина сильной воли и умения ее в себе сконцентрировать...»

После инцидента с председателем Совета Министров П.А. Столыпиным, Григорий Распутин уехал в свое село Покровское, но в скором времени за ним последовала Анна Вырубова и привезла его в Киев, где тогда пребывала Императорская Семья Из Киева Распутин отправился за Царской Семьей в Крым и поселился в Ялте в гостинице, под вымышленным именем. Узнав об этом, градоначальник Ялты генерал Думбадзе выслал Распутина из города в административном порядке.

Об отношении Петра Аркадьевича Столыпина к Григорию Распутину пишет его дочь М.П. Бок в своих воспоминаниях о великом отце. Она пишет, что в те годы, хотя Распутин еще и не достиг своей пагубной популярности, но его близость к Царской Семье возбуждала толки в обществе, М.П. Бок спросила своего отца - нет ли возможности открыть глаза Государю на этого человека? П.А. Столыпин с печалью в голосе ответил, что ничего сделать нельзя; что он предостерегал Государя, но что Государь, хотя и согласен с ним, но не может удалить Распутина. Император не хочет огорчить свою супругу-Императрицу. Далее П.А. Столыпин сказал, что Государыня серьезно больна; что она верит, что только один Распутин может помочь ее больному сыну, и что разубедить ее в этом совершенно невозможно.¹²⁴

¹²³ С.П. Белецкий «Воспоминания», Архив русской революции, издаваемый И.В. Гессеном, кн. XII, изд. «Слово», Берлин, 1923, с. 16.

¹²⁴ М.П. Бок «П.А. Столыпин. Воспоминания о моем отце», с. 331.

ГЛАВА 10

Третья Государственная Дума. Деятельность П.А. Столыпина. Его слова: «Дайте государству двадцать лет покоя.. и вы не узнаете нынешней России!» П.А. Столыпин - великий русский патриот. Оппозиция Столыпина. Встреча Столыпина с кайзером Вильгельмом. Убийство П.А. Столыпина в киевском оперном театре. Последние мысли Столыпина - о России. «Счастлив умереть за Царя». Памятник Столыпину на Крещатике. Письмо Императрицы Марии Феодоровны Императору и его ответ. Богров - убийца Столыпина. Аарон Симанович, секретарь Распутина, пишет, что Распутин знал о готовящемся покушении на Столыпина.

Во внутренней политике России после учреждения 3-й Государственной Думы произошли перемены. Была значительно облегчена цензура и сняты запреты в печати. Была объявлена свобода собраний разных организаций и союзов. Последствием этого явилось то, что в стране возросло число различных союзов и обществ.

По желанию Императора Государственная Дума обратила особое внимание на народное образование. Было внесено в смету на открытие народных школ 8 миллионов рублей. В конце 1908 года думская комиссия разработала план введения всеобщего начального образования. Можно с уверенностью сказать, что если бы не война и революция, то в России была бы полностью ликвидирована безграмотность.

Между председателем Совета Министров П.А. Столыпиным и думским большинством установились дружелюбные отношения. Император доверял Столыпину, принимал только от него доклады и отвергал какие-либо попытки членов Думы обращаться лично к нему. Государь большую часть своей работы передал Совету министров. Но он в то же время следил, чтобы никто не попирали его прав.

Жизнь в стране нормализовалась. Восстанавливалось спокойствие. Города, земства, купечество и даже студенчество были теперь настроены по-другому. Чувствовался в их среде мир. Левые партии в студенчестве уже не играли большой роли.

К лету 1908 года обозначилось сближение трех великих государств: России, Франции и Англии. Английский король Эдуард прибыл в Россию, в порт Ревель, в июне 1908 года, а вскоре после этого Россию посетил и французский президент Фальер.

С 1-го января 1907 года стал действовать закон о земельной реформе.¹²⁵ Разрешался свободный выход из общин и устанавливалась личная крестьянская собственность на землю.

П.А. Столыпин принимал в этом самое активное участие и того же требовал от властей на местах. Император всецело поддерживал Столыпина.

Особо поощрялось правительством выделение отрубов и создание хуторов. Этим создавалось единоличное крестьянское хозяйство.

Некоторые современники сравнивали эти земельные реформы с великими реформами Императора Александра II Освободителя.

Ленин и его приспешники с неудовольствием наблюдали за успехом столыпинской земельной реформы. Ленин писал, что если земельная реформа будет развиваться так и

¹²⁵ У С.С. Ольденбурга в его труде «Царствование Императора Николая II» на с. 438, в сноске, читаем:

«Сжатой и выразительной сводкой земельной политики всего царствования служит Высочайший рескрипт 19 февраля 1911 г. (по поводу 50-летия освобождения крестьян):»... Я поставил себе целью завершение предугаванной еще в 1861 г. задачи создать из русского крестьянина не только свободного, но и хозяйственно сильного собственника. В сих видах наряду с отменой круговой поруки, сложением выкупных платежей и расширением деятельности Крестьянского Поземельного банка, я признал благовременным, отменив наиболее существенные стеснения в правах крестьян, облегчить их выход из общины, а также переход на хуторское и отрубное хозяйство; в связи с этим приняты меры к насаждению в земледельческой среде мелкого кредита и распространению в ней сельскохозяйственных усовершенствований и знаний..."

далее, то им придется совсем отказаться от аграрной программы партии.¹²⁶

Наряду с земельной реформой Государственная Дума рассматривала вопрос переустройства армии и воссоздания флота. Армию необходимо было переустроить после неудачной Русско-японской войны, а флот - восстановить.

Дума оставалась солидарной с властью в земельном вопросе; она занималась и реорганизацией армии, но в деле воссоздания флота произошла большая задержка.

После Цусимского разгрома Российского флота в Петербурге было организовано общество морских офицеров, куда входил и молодой капитан Александр Васильевич Колчак, будущий адмирал и Верховный Правитель России.

Целью этого общества было досконально исследовать причины поражения русского флота при Цусиме и разработать проект создания Морского Генерального штаба. Этот проект был одобрен Морским министерством и представлен на рассмотрение Государственной Думы.

Дума приняла проект штатов Морского Генерального штаба, но Государственный Совет воспротивился, внося оговорку о том, что вопрос одобрения штатов не является прерогативой Государственной Думы. Начались дебаты о кредитах.

П.А. Столыпин считал получение кредитов на судостроение чрезвычайно важным делом. Одного с ним мнения был и Государь, который очень любил флот.

Петр Аркадьевич стал сам изучать дело судостроительства. Он не только посещал лекции специалистов по вопросам морской обороны и стратегии, но и знакомился с кораблестроением.¹²⁷

Дело с получением кредитов на судостроение затянулось надолго. В это время П.А. Столыпин заболел воспалением легких, что еще больше осложнило положение, но по распоряжению Императора было приступлено к строительству четырех дредноутов, которые были спущены на воду в 1911 году.

Авиация развивалась во всем мире, и в России также. Столыпин живо интересовался полетами и сам поднимался на аэропланах.

Для обследования положения в Азиатской России Петр Аркадьевич Столыпин вместе с министром Земледелия А.В. Кривошеиным ездил в конце лета 1910 г. в Западную Сибирь. Еще раньше там побывал министр финансов В.Н. Коковцев.

Все эти министры пришли к единому мнению о громадном значении Азиатской России. Столыпин был в восторге от богатства и возможностей Сибирского кра. Он говорил, что еще несколько лет упорной совместной работы и Россия преобразится

1909 год дал России исключительный урожай хлеба. Вывоз русского зерна за границу достиг рекордной цифры.

П.С. Столыпин в беседе с редактором саратовской газеты «Волга» сказал, что в провинции наблюдается бодрый оптимизм, совпадающий с проведением в жизнь земельной реформы; что прежде всего надлежит создать гражданина крестьянина-собственника, мелкого землевладельца.

О молодежи, в связи с открытием в Саратове университета, Столыпин выразил пожелание:¹²⁸

«... сделайте, наконец, нашу молодежь патриотической! Развейте в ней чувство здорового, просвещенного патриотизма! Я недавно был в Скандинавии. Как приятно меня поразил вид тамашней молодежи, одушевленно и гордо проходившей стройными рядами с национальными флагами».

¹²⁶ Robert K. Massie «Nicholas and Alexandra», с. 242.

¹²⁷ М.П. Бок «П.А. Столыпин. Воспоминания о моем отце», с. 321.

¹²⁸ С.С. Ольденбург «Царствование Императора Николая II», с. 436.

Свою беседу с редактором саратовской газеты Петр Аркадьевич заключил словами:

«Итак, на очереди главная задача - укрепить низы. В них вся сила страны. Их более ста миллионов! Будут здоровы и крепки корни у государства, поверьте, и слова русского правительства совсем иначе зазвучат перед Европой и перед всем миром. Дружная, общая, основанная на взаимном доверии работа - вот девиз для нас всех, русских! ДАЙТЕ ГОСУДАРСТВУ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ПОКОЯ, ВНУТРЕННЕГО ВНЕШНЕГО, И ВЫ НЕ УЗНАЕТЕ НЫНЕШНЕЙ РОССИИ!».

Министр Иностранных дел России С.Д. Сазонов пишет, что требовался длинный период спокойного времени для программы переустройства России, и что П.А. Столыпин убедил его в этом:¹²⁹

«... Он настаивал все время во время наших частных, а позже и официальных встреч - на безусловной необходимости избегать всеми силами всяких осложнений с Европой, хотя бы до тех пор, пока Россия вполне не подготовится к защите». (пер. с. англ.)

П.А. Столыпин был большим русским патриотом. В сборнике «П.А. Столыпин - жизнь и смерть за Царя», читаем:¹³⁰

«... Для П.А. российское государство было единым и нераздельным. Он не стремился к какому-либо династическому господству русского народа над другими, но и не мог перенести уничтожения русского народа на почве интернационализма или культурных превосходств. Его симпатии привлекала Германия, сложенная из инородных тел, признающих, однако, неуклонно общеимперский строй, его законы, язык, правовые нормы».

«Прежде всего, Россия пусть будет Российским государством, - говорил П.А., - а затем будем толковать о подразделениях и устройствах внутри ее разных народностей...».

В 1910 - 1911 годах Петр Аркадьевич занимался вопросом устройства земства в Западном крае. Но закон о введении земства, принятый Государственной Думой, был отклонен Государственным Советом в марте 1911 года.

П.А. Столыпин усмотрел в этом интригу, направленную лично против него, хотя интриги не было.¹³¹ Тогда он поехал к Государю и попросил принять его отставку. Император был поражен и стал уговаривать П.А. Столыпина взять свое решение обратно. Тогда председатель Совета Министров поставил свои условия, с которыми Государь не сразу согласился

В силу некоторого компромисса закон о западном земстве прошел и был обнародован, но началась критика действий П.А. Столыпина. Члены Государственного Совета негодовали, и в придворных кругах поднялась сильная кампания против Петра Аркадьевича. Некоторые члены Государственной Думы также были недовольны политикой П.А. Столыпина. М.В. Родзянко пишет о том, что в обществе тогда было много толков, что кружок Распутина принимал деятельное участие в травле П.А. Столыпина.

Оппозиция, как слева, так и справа, направленная против Петра Аркадьевича, существовала с самого начала его блестящей карьеры.

В книге-сборнике «П.А. Столыпин - жизнь и смерть за Царя» помещена статья из «Исторического Вестника» за октябрь 1911г., где напечатано следующее:¹³²

«...Оппозиция П.А. Столыпина слева обосновывалась теми соображениями, что он слишком будто бы консервативен и национален, оппозиция справа находила его слишком

¹²⁹ Serge Sazonov «Fateful Years», 1909-1916, с. 32.

¹³⁰ "П. А. Столыпин - жизнь и смерть за Царя». Москва, изд «Рюрик», 1991, гл. «Памяти П.А. Столыпина», с. 27.

¹³¹ С.С. Ольденбург «Царствование Императора Николая II», с. 456,457.

¹³² "П. А. Столыпин - жизнь и смерть за Царя», гл. «Биография П.А. Столыпина», с. 14.

либеральным, конституционным и уступчивым. Вот и извольте тут разобраться! Любопытнее всего то, что противодействие, опирающееся на соображения второй категории, как теперь выясняется, было не столько действием политического порядка, сколько исходило из соображений личной неприязни, на каковом чувстве сошлись как алчущие власти, так и потерпевшие крушение в своей еще недавней блестящей карьере. В походе против Столыпина немалую роль сыграли, между прочим, граф СЮ. Витте и П.Н. Дурново».

Петр Аркадьевич очень устал от напряженной работы и постоянных препятствий, неприятностей и решил уехать на все лето в свое имение Колноберже, передав дела в Петербурге министру финансов В.Н. Коковцеву.

Но проживая в имении он не отдыхал, а целыми днями сидел за своим письменным столом за разработкой дальнейших государственных дел.

П.А. Столыпин был глубоко верующим, православным человеком. Он часто посещал храм Божий и причащался Святых Таин Христовых. Он верил в свою миссию перед Родиной и был убежден, что эта миссия возложена на него Самим Господом Богом. Он знал, что даст Ему во всем отчет.

Однажды он сказал:¹³³

«Каждое утро, когда я просыпаюсь, и творю молитву, я смотрю на предстоящий день, как на последний в жизни, и готовлюсь выполнить все свои обязанности, уже устремляя взор в вечность. А вечером, когда я опять возвращаюсь в свою комнату, то говорю себе, что должен благодарить Бога за лишний дарованный мне в жизни день. Это единственное следствие моего постоянного сознания близости смерти, как расплата за свои убеждения. И порой я ясно чувствую, что должен наступить день, когда замысел убийцы, наконец, удастся».

Работая, Петр Аркадьевич не жалел себя. Он горел, и своей энергией и динамичностью старался зажечь и других. Ему чужды были всякие признаки честолюбия. У него было предчувствие ранней смерти, и он спешил сделать все возможное, чтобы выдвинуть Россию на первое место в мире.

Германский император Вильгельм много слышал о П.А. Столыпине и стремился с ним встретиться. Однажды, когда знаменитый русский министр находился на яхте «Алмаз», кайзер Вильгельм послал вдогонку свою яхту «Гогенцоллерн», но Столыпин «ускользнул» от него. Петр Аркадьевич, зная предприимчивый характер Вильгельма, предпочел с ним не встречаться.

Но встреча все же произошла на императорской яхте «Штандарт» во время завтрака Императора Николая II с кайзером Вильгельмом.

П.А. Столыпин сидел рядом с кайзером, который, совсем забыв о присутствии Государыни Императрицы, сидевшей с другой его стороны, весь завтрак проговорил только со Столыпиным. Императрица была этим очень обижена. Вильгельм же впитывал каждое слово русского председателя Совета Министров. Потом он сказал, что если бы у него был такой министр, как Столыпин, то он поднял бы Германию на большую высоту.

Проживая летом 1911 года в имении Колноберже, П.А. Столыпин говорил своей семье, что не знает как еще долго проживет. Осенью, перед отъездом из Колноберже, Петр Аркадьевич простился со всеми друзьями и соседями по имению. Этого он никогда раньше не делал. Он как будто чувствовал, что уже не вернется сюда. Ехал он в Киев на открытие памятника Императору Александру II Освободителю. Перед этим он заехал в Ригу на торжество по случаю открытия памятника Императору Петру I Великому.

П.А. Столыпин придавал большое значение празднествам в Киеве, куда должна была прибыть Царская Семья. Он знал, что в Киеве ожидается особый подъем среди народа в связи с введением земства в юго-западном крае и хотел быть там. Прибыл П.А. Столыпин в Киев за четыре дня до приезда Императорской Семьи.

¹³³ А. Столыпин «П.А. Столыпин 1862-1911». Париж, 1927, с. 84.

В Киеве состоялась торжественная встреча Государя и освящение памятника Императору Александру II. Государь с Семей посетил Киево-Печерскую лавру, Софийский собор; произвел смотр войск; присутствовал на вечернем концерте в иллюминированном саду на берегу Днепра. П.А. Столыпин появлялся на всех празднествах.

14-го сентября (1-го сент. ст. ст.) в киевском оперном театре должно было состояться представление в Высочайшем присутствии.

П.А. Столыпин сидел в первом ряду партера. Во втором антракте, когда Петр Аркадьевич стоял спиной к сцене, облокотясь о барьер оркестра и разговаривал с министром Двора графом Фредериксом, к нему быстрыми шагами, идя через проход зала, подошел почти вплотную молодой человек в черном фраке и выстрелил в него два раза.

Как вспоминает Киевский губернатор,¹³⁴ Столыпин как будто не сразу осознал, что ранен. Он посмотрел на свой белый сюртук, который уже заливался кровью и махнул рукой, поняв, что все кончено и громко произнес: «Счастлив умереть за Царя». И повернувшись к императорской ложе, осенил Государя большим крестным знаменем.

Народ бросился к убийце, который бежал к выходу и растерзал бы его, если бы не офицеры, которые отбили его от разъяренной толпы и увели.

Поднялся занавес и раздались звуки русского гимна «Боже, царя храни». Государь, прослушав гимн стоя, покинул театр.

П. А. Столыпина уже вынесли, но оркестр продолжал играть гимн, и оставшиеся в зале пели слова гимна и молитву «Спаси, Господи, люди Твоя». Это был подъем, но подъем надрывный, с отчаянием. Многие плакали. Люди сознавали, что пуля, пробившая Столыпина, пробила и сердце России.

Петр Аркадьевич боролся со смертью четыре дн У него была прострелена печень и правая рука.

По своему желанию, со всех сторон России, приехали в Киев известные профессора медицины, чтобы спасти Столыпина. Они сами дежурили у его постели, не доверяя раненого сестрам милосерди

П.А. Столыпин находился в полной памяти и много говорил с В.Н. Коковцевым, давая ему инструкции и передавая ему свои дела.

На следующий день в больницу, где лежал Столыпин, приехал Государь. Но старший врач попросил его не входить к раненому, так как сильное волнение могло ему повредить. Тогда Император прошел в комнату, где находилась супруга Петра Аркадьевича, и говорил с ней.

18-го сентября П.А. Столыпину стало плохо и он уже временами терял сознание. Но он продолжал говорить о России. Его слова пытались записывать. Последние мысли Столыпина на этой земле были о будущем России. Потом его речь стала бессвязной и вечером 18-го сентября П.А. Столыпина не стало.

Император приехал и, сидя у тела усопшего, повторял: «прости».¹³⁵ Он остался и на панихиду.

Когда Государь выражал свое соболезнование супруге покойного О.Б. Столыпина, она сказала:

«Ваше Величество, как видите, Сусанины не перевелись на Руси». И эти ее слова облетели весь Киев.¹³⁶

При переносе тела из больницы в храм Киево-Печерской лавры народу было так много, что можно было понять как ценил русский народ Столыпина и какие большие надежды он

¹³⁴ А. Столыпин «П.А. Столыпин 1862-1911», с. 95.

¹³⁵ М.П. Бок «П.А. Столыпин. Воспоминания о моем отце», с. 343.

¹³⁶ "П. А. Столыпин - жизнь и смерть за Царя», с. 35.

возлагал на него. Вся Россия оплакивала великого человека.

Предчувствуя свой недалекий конец от руки революционера, Столыпин как-то сказал:

«Я хочу быть похороненным там, где найду свою смерть».¹³⁷

Его желание было исполнено. П.А. Столыпина похоронили в Киево-Печерской лавре.

В сборнике «П.А. Столыпин - жизнь и смерть за Царя», в главе «Из газетных сообщений», написано,¹³⁸ что после похорон, Товарищ министра Внутренних дел Лыкошин и чины земского отдела поднесли вдове Столыпина икону Спасителя, которою Лыкошин благословил сына усопшего. Вокруг иконы был сделан серебряный венок с надписью:

«Счастлив умереть за Царя».

В этом же сборнике в главе «Памяти П.А. Столыпина», подписанной Н. Шубинским, написаны трогательные слова:¹³⁹

«... В трех шагах от могилы П.А., там же, на берегу Днепра, подле старинного храма - общая могила двух исторических людей Искры и Кочубея «посеченных» (обезглавленных), как гласит надпись на памятнике. Оба героически пали от руки предателя, пали за правду, которая воссияла после них. Пал и П.А. от пули предателя-инородца и также за правду, которую этот деятель принес с собой в русскую жизнь, и которая после него сиять не перестанет! Есть вечные истины, понять и сказать которые он сумел, и которые надолго переживут его самого...

И на обгащенной кровью этой дорогой русскому сердцу могиле, на ее гранитной плите мы начертали бы такие слова:

«Спи с миром, начатое тобой не умрет, потому что оно - жизненно и велико!»

Так закрылась яркая страница русской истории. Если бы не убийство П.А. Столыпина, по всей вероятности, Россия не была бы втянута в войну. Столыпин был сторонником мира и, находясь у власти, он своим умом сумел бы предотвратить Первую мировую войну. Не было бы войны - не было бы и революции в России. Но, видно, по воле Божией было попущено, чтобы в России на время восторжествовали темные силы.

Со Столыпиным умерла и его иде В.Н. Коковцев старался проводить столыпинские реформы, но оставался на посту председателя Совета Министров короткое время. Интригами распутинцев он был смещен, а после него этим уже никто не интересовался.

После смерти П.А. Столыпина возникла мысль поставить ему памятник. Пожертвования потекли так обильно, что за три дня только в одном Киеве было собрано достаточно денег на покрытие всех расходов по сооружению памятника.

Через год памятник был открыт в торжественной обстановке. Его установили на площади на Крещатике. П.А. Столыпин был изображен там как бы выступающим в Государственной Думе. Внизу были высечены его пророческие слова:

«Вам нужны великие потрясения - нам нужна Великая Россия».

Великие потрясения и великие разрушения постигли Россию с приходом к власти коммунистов. Тысячи храмов и памятников искусства уничтожены. Десятки миллионов невинных людей погибли от голода, пыток, расстрелов. Слово «Россия» в советское время перестало существовать, а слово «русский» - было забыто и заменено словом «советский». Не стало русского патриота, и оказалась забытой русская история и славные русские предки.

Большевики, полонившие нашу Родину, не могли вынести вида величественного памятника Столыпину в Киеве и его снесли.

В заключение этой печальной главы о смерти П.А. Столыпина приводим два письма. Одно - написанное Императрицей Марией Феодоровной своему сыну, Государю, и второе

¹³⁷ А. Столыпин «П.А. Столыпин 1862-1911», с. 100.

¹³⁸ "П. А. Столыпин - жизнь и смерть за Царя», с. 36.

¹³⁹ П. А. Столыпин - жизнь и смерть за Царя», с. 29.

письмо Государя Императора своей матери.

Императрица Мария Феодоровна 9-го сентября (ст. ст.) 1911г. писала Государю:¹⁴⁰
«Мой дорогой Ники,

Мои мысли с тобой более, чем когда-либо, и я не могу выразить как я переживаю и как я возмущена убийством Столыпина. Правда ли, что ты и мои внучки видели этот ужас? Как отвратительно и возмутительно это, и как раз в то время, когда все шло так хорошо, и страна восстанавливала свои силы. Я очень переживаю и сожалею, что этого подлеца толпа не разорвала на куски. Это ужасно и скандально и ничего нельзя сказать хорошего о полиции, выбор которой пал на эту свинью, этого революционера, чтобы работать агентом и охранником Столыпина. Это переходит все границы и показывает глупость тех людей, которые стоят на верхах...» (пер. с. англ.)

В нижеследующем письме Государя своей матери, которое он писал из Севастополя 10-го сентября (ст. ст.), Император с болью в сердце подробно описал выстрел в Премьер-министра:¹⁴¹

»... В тот день, когда мы выехали, я был в Петербурге для спуска на воду «Петропавловска». Это произвело очень глубокое впечатление и тронуло меня так сильно, что я чуть не разрыдался как ребенок. В тот же вечер, 27-го августа, мы поехали в Киев, куда прибыли утром 29-го. Нас встречали очень трогательно, и все было в полном порядке. Я должен был начать встречу с людьми почти что сразу. Борис был послан из Болгарии, чтобы возложить венки у памятника Анпапа (Александра II, деда Государя). Открытие памятника имело место 30-го августа, и погода стояла прекрасна

Я проводил дни 31-го августа и 1-го и 2-го сентября на больших маневрах войск, вечерами был в городе.

Я себя чувствовал усталым, но все шло так хорошо и гладко, что я держался бодростью своего духа, когда внезапно, 1-го числа в театре это подлое покушение было сделано на жизнь Столыпина. Ольга и Татьяна были тогда со мной. Во время второго антракта мы вышли из ложи, так как там было очень жарко. И мы тогда услышали два звука, как будто что-то упало. Я подумал, что это театральный бинокль упал на чью-то голову сверху, и бросился обратно в ложу, чтобы узнать.

С правой стороны я увидел группу офицеров и других людей. Казалось, что они кого-то тащили. Женщины кричали, и прямо напротив меня, в партере, стоял Столыпин. Он медленно повернул лицо в нашу сторону, и своей левой рукой осенил нас крестным знаменем.

Только тогда я заметил, что он был очень бледен, и что его правая рука и сюртук были в крови. Он медленно опустился в кресло и стал расстегивать свой мундир. Фредерике (министр Двора) и профессор Рейн помогали ему. Ольга и Татьяна вернулись в ложу и видели, что происходило. В то время как Столыпину помогали выйти из зала, был слышан сильный шум в коридоре около нашей ложи; народ хотел линчевать преступника. Я должен сказать, что полиция спасла его от толпы и увела в отдельную комнату для допроса. Он был уже сильно избит толпой, и два его зуба выбиты. Потом зал театра опять заполнился и запели национальный гимн, и я покинул зал с дочерьми в одиннадцать часов. Ты можешь себе представить, в каком волнении я был!

Аликс ничего не знала до тех пор, пока я не сказал ей. Она приняла эту новость спокойно. Татьяна была очень расстроена и сильно плакала, и они обе плохо спали.

Бедный Столыпин провел очень плохо ночь и ему сделали несколько уколов морфи...»

2-го сентября, на следующий день, Государь находился в 50 верстах от Киева, на смотре войск, и вернулся в Киев 3-го сентября:

¹⁴⁰ The Secret Letters of the Last Tsar, с 262.

¹⁴¹ Там же, сс. 263-266.

»... Я вернулся в Киев вечером 3-го сентября и поехал в больницу, где лежал Столыпин. Там я встретил его жену, но она не позволила мне видеть его...»

4-го и 5-го сентября Государь с дочерьми, согласно заранее составленному протоколу, был в школе, где отмечалась 100-летняя годовщина ее основания, в военном историческом музее и в музее деревенского искусства, а вечером поехал в Чернигов, где состоялся смотр кадет и полка пехоты, а также встреча с местными крестьянами. Вернулся Император в Киев вечером:

»... 6-го сентября в 9 часов вечера я вернулся в Киев. Там я узнал от Коковцева, что Столыпин скончался. Я сразу же поехал в больницу, где состоялась панихида в моем присутствии. Бедная вдова стояла как каменная и не могла плакать...»

Убийцей Столыпина был Д. Богров, еврей по происхождению. Он ненавидел Россию, он замыслил план убийства Столыпина, и он же привел его в исполнение. Мнение многих сводится к тому, что Богров действовал один. Но так ли это?

Из книги секретаря Григория Распутина Аарона Симановича «Распутин и евреи»¹⁴² узнаем, что Распутин знал о готовящемся покушении на председателя Совета Министров П.А. Столыпина и не предупредил его. Распутин сказал Симановичу, что в Киеве может быть еврейский погром. На вопрос А. Симановича, почему, Распутин ответил, что надо будет кончить со СТАРИКОМ (так он называл Столыпина).¹⁴³

Из этого можно сделать следующее заключение: Богров действовал не один. Кто-то был посвящен в его план убийства П.А. Столыпина. И чтобы предотвратить в Киеве еврейский погром, об этом было сообщено Распутину, который много помогал евреям и являлся их настоящим другом.

После убийства Столыпина Распутин послал телеграмму Государю, и мерами одобренными самим Императором, погром в Киеве был предотвращен. В.Н. Коковцев, по распоряжению Государя, вызвал в город три полка казаков для наблюдения за порядком.

Об убийстве П.А. Столыпина С.Д. Сазонов пишет:¹⁴⁴

»... Революционеры, которые убили его, оценивали важность его работы более правильно, чем порядочные люди, некоторые из которых и до сих пор не осознали этого.

История России не знает другого преступления, которое послужило бы своей цели лучше, чем убийство Столыпина. Обычно говорят, что незаменимых людей нет. Это может быть правильно при условии, когда политическая жизнь страны протекает гладко. Но во время острого политического кризиса - это совсем не так. Столыпин был единственным человеком в России, который мог успешно бороться с революцией и побеждать ее. Не было никого, кто бы мог заменить его. Беспомощность и беззаботность одних, которые стояли у власти, и попустительство других - дало возможность революционерам творить свою безумную и кровавую работу и вырывать вместе с плевелами и многообещающий посев пшеницы». (пер. с. англ.)

ГЛАВА 11

Новый председатель Совета Министров В.Н. Коковцев. Разговоры в Государственной Думе против Г. Распутина. Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна принимает у себя М.В. Родзянко. Вдовствующая Императрица против Распутина. Она разрешает Родзянко говорить с Государем о Распутине. Родзянко у Государя Участие Распутина в

¹⁴² Аарон Симанович «Распутин и евреи», изд. «Историческая библиотека», Рига. Переиздана «Просвещением», Тель-Авив, Израиль, сс. 81-83.

¹⁴³ Распутин любил давать прозвища высокопоставленным лицам.

¹⁴⁴ Serge Sazonov «Fateful Years», 1909-1916, сс. 278-279.

секте хлыстов. Расследование, которое подтвердило принадлежность Распутина к секте хлыстов. Дело суда над Распутиным остановлено. Архиепископ Антоний Храповицкий считал Распутина хлыстом. Губернантика Царских дочерей С.И. Тютчева выступает против Г. Распутина. Она вынуждена покинуть свою службу при царском дворе. Няня Цесаревича М.И. Вишнякова жалуется, что Распутин совратил ее. Ее увольняют. Сестра Государыни Великая княгиня Елизавета Феодоровна против Распутина. Императрица Мария Феодоровна вызывает к себе В.Н. Коковцева, и разговор идет о Распутине. Письмо Распутина В.Н. Коковцеву с предложением встретиться Коковцев принимает Распутин. Отталкивающее впечатление от встречи с Распутиным. Коковцев докладывает Государю о встрече с Распутиным. Великая княгиня Ольга Александровна о Распутине. Ее чувство отвращения к Распутину.

Новый председатель Совета Министров Владимир Николаевич Коковцев был знатоком государственного финансового дела.

За десять лет служения на посту министра Финансов, Коковцев поставил финансы России на высоту. При нем большим темпом шло строительство железных дорог по всей стране, что поощрял Государь.

Заняв пост председателя Совета Министров, В.Н. Коковцев преуспел в выделении из Царства Польского Холмщины, где преобладало русское крестьянское население и находилось многочисленное православное духовенство. Холмщина теперь вошла в состав Европейской России и стала ее новой губернией.

Законы при Коковцеве стали мягче и печать получила еще большую свободу. Началось также тщательное расследование дела убийства П.А. Столыпина, где вину полицию. Но Государь, ознакомившись с собранным материалом, не нашел основания предать суду начальника Киевского охранного отделения Кулябко. Полковник Кулябко был отстранен от своей должности, а Товарищ министра Внутренних дел Курлов сам вышел в отставку.

По своему характеру В.Н. Коковцев не был таким горячим русским патриотом, каким являлся П.А. Столыпин. Он также не был таким блестящим оратором, как его предшественник, и не обладал столыпинской силой воли и духа. Коковцев продолжал политику Петра Аркадьевича, но встретился с сопротивлением как справа, так и слева. Оппозиция не чувствовала больше той гранитной скалы, от которой она откатывалась раньше.

Григорий Распутин также почувствовал, что новый председатель Совета Министров Коковцев мягче Столыпина, и стал смелее проявлять себя

Он к этому времени совершил паломничество по Святой Земле и считал себя очищенным от всех грехов, и к нему еще с большим рвением потекли его поклонники.

Атмосфера накалялась. Все видели, какая опасность угрожает Престолу в лице проходимца-Распутина. Поднялись разговоры в Государственной Думе. Несмотря на предупреждения со стороны М.В. Родзянко, считавшего, что открытые выступления против Распутина в Государственной Думе еще преждевременны и могут принести только вред, Гучков произнес в Думе громовую речь, обличая пресловутого «старца» - Григория Распутина.

С.С. Ольденбург в своей книге «Царствование Императора Николая II», в главе 16-ой, пишет, что это выступление Гучкова уничтожило в корне всякие попытки убедить Императора, что Распутин не следует принимать при дворе. Государь всегда относился к своей власти, как к священному служению и ревниво оберегал ее от посторонних влияний. Утверждения о том, будто Распутин влияет на государственные дела, казались Императору лживыми и фантастическими. Он стал относиться скептически и к рассказам об аморальном поведении Распутина.

Государь сказал В.Н. Коковцеву:¹⁴⁵

¹⁴⁵ С.С. Ольденбург «Царствование Императора Николая II», с. 472.

«Я просто задыхаюсь в этой атмосфере сплетен, выдумок и злобы».

Но разговоры и выступления о Распутине шли не только в Государственной Думе, а повсеместно. В начале 1912 года, в Петербурге и Москве стали распространяться копии писем, якобы Императрицы Александры Феодоровны и Великих княжен Григорию Распутину. Содержание писем было выдумкой и преподносилось так, что вызывало отвращение у порядочных людей, которым они попадались в руки. Кто-то работал, чтобы очернить Царскую Семью.

Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна была очень обеспокоена грязными слухами, связанными с Распутиным и пожелала видеть председателя Государственной Думы М.В. Родзянко, который к этому времени уже собрал достаточный материал о «старце», чтобы представить его Государю.

Председатель Думы поехал к Императрице и предложил ее вниманию собранные документы.

Просматривая весь этот материал, Мария Феодоровна повторяла: «это ужасно». Потом, обратясь к Михаилу Владимировичу Родзянко, она стала просить его не показывать Государю этих бумаг и ничего не говорить о Распутине. Императрица уверяла Родзянко в том, что Государь не поверит всей этой грязи, что все это огорчит его, потому что он очень чист душой и ему чуждо всякое зло.

М.В. Родзянко настаивал на своем. Он говорил, что они, монархисты, не могут молчать; что это опасное дело, и он должен довести его до сведения Императора; что могут возникнуть серьезные последствия для Династии. Закончил свои слова Родзянко просьбой к Императрице дать на это согласие.

Мария Феодоровна посмотрела на него своими добрыми глазами и сказала взволнованно, положив свою руку на его:¹⁴⁶

«Господь да благословит вас».

а потом добавила:

«Но не делайте ему слишком больно».

В тот день, когда Государь согласился принять М.В. Родзянко, председатель Государственной Думы так волновался, что поехал с супругой в Казанский собор, чтобы отслужить молебен.

Сначала Михаил Владимирович докладывал Императору о текущих государственных делах. Потом начал говорить о Распутине:¹⁴⁷

«Ваше Величество, присутствие при дворе, в интимной его обстановке, человека, столь опороченного, развратного и грязного, представляет собой НЕБЫВАЛОЕ ЯВЛЕНИЕ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЦАРСТВОВАНИЯ. Влияние, которое он оказывает на церковные и государственные дела, внушает немалую тревогу решительно во всех слоях русского общества. В защиту этого проходимца выставляется весь государственный аппарат, начиная с министров и кончая низшими чинами охранной полиции. Распутин - оружие в руках врагов России, которые через него подкапываются под Церковь и Монархию. Никакая революционная пропаганда не могла бы сделать того, что делает присутствие Распутина. Всех пугает близость его к Царской Семье. Это волнует умы».

Государь тогда спросил Родзянко, почему идут такие нападки на Распутина и отчего его считают вредным?

Председатель Думы стал рассказывать о том, что например, делается в Синоде, где произошел раскол; что иерархи, которые поднимают голос против Распутина, перемещаются или понижаются в должности.

¹⁴⁶ М.В. Родзянко, «Крушение Империи», с. 42.

¹⁴⁷ М.В. Родзянко «Крушение Империи», с. 43.

Далее М.В. Родзянко стал показывать Императору письма-жалобы женщин, которых совратил Григорий Распутин.

В одном из писем женщина каялась, что подпала под влияние Распутина и он ее соблазнил, но ее обьял ужас, когда она увидела, как Распутин выходил из бани в сопровождении ее двух дочерей.

Михаил Владимирович доказывал Государю, что Распутин хлыст, показывая ему разные фотографии. Он также показал вырезку из заграничной газеты, где было сказано, что на съезде масонов в Брюсселе говорилось о Распутине, как об удобном орудии в их руках.¹⁴⁸ Он говорил Государю, что близость Распутина ко двору создает опасность для Наследника Российского престола.

Во время всего этого разговора Император волновался. Он брал одну папиросу за другой и бросал их в пепельницу.

М.В. Родзянко обратил внимание Государя на фотографию, где Распутин был снят с наперсным крестом.

Император сказал:¹⁴⁹

«Да, уж это слишком. Он не имеет права надевать наперсного креста».

В конце разговора Родзянко стал говорить Государю, что если он имел несчастье прогневить его, если он превысил свои полномочия, то он снимет с себя звание председателя Государственной Думы. Он хотел исполнить свой долг. Он считал своей обязанностью довести до сведения Государя все. Он видит, какое волнение вызывает это дело в Думе и не мог молчать перед Императором.

Государь поблагодарил Михаила Владимировича и сказал, что он поступил как честный и верноподданный человек.

Тогда М.В. Родзянко попросил Императора показать ему Наследника. Император велел вызвать Цесаревича.

Председатель Думы представился Цесаревичу Алексею, как «самый большой и толстый человек в России», чем вызвал смех.¹⁵⁰ Родзянко спросил его, был ли удачным накануне благотворительный сбор «колоса ржи»?

Михаил Владимирович пишет:

«... этот удивительно симпатичный ребенок весь просиял и сказал: «Да, я один собрал пятьдесят рублей».

Государь добавил:

«Он целый день не расставался со своей кружкой».

Председатель Думы заметил, что все солдаты охраны и служащие дворца смотрели с большой любовью на Наследника Цесаревича Алексея

Когда М.В. Родзянко уходил, старший камердинер Императора Чемодуров сказал:¹⁵¹

«Ваше превосходительство, вы бы почаще приезжали к нам. У нас мало кто бывает и мы ничего нового не знаем».

Вечером того же дня, на квартиру председателя Государственной Думы позвонил по телефону А.С. Танеев, отец Анны Вырубовой. Он, заикаясь, пробовал говорить о Распутине.

М.В. Родзянко ответил:

«Рад, что вы сами признаете, что с вами есть причина говорить об этом мерзком хлысте. Я вам скажу, что если вы честный человек, вы должны его убрать из Царского - и вы

¹⁴⁸ Там же, с. 45.

¹⁴⁹ М.В. Родзянко «Крушение Империи», с.45.

¹⁵⁰ Там же, с. 47.

¹⁵¹ Чемодуров последовал за Царской Семей в ссылку в Сибирь.

знаете как».

На следующий день председателю Думы позвонил из Царского Села Дворцовый комендант генерал-адъютант В.Н. Дедюлин и попросил с ним встретиться

Когда Родзянко поехал к нему, В.Н. Дедюлин сообщил, что в тот вечер Государь почти не прикасался к еде за обедом и был очень задумчив. Дедюлин также передал Михаилу Владимировичу распоряжение Императора - взять из Синода все секретные дела о Распутине и произвести тщательное расследование.

После этого разговора М.В. Родзянко принялся за работу. Он досконально разобрался в деле участия Распутина в секте хлыстов. Картина создалась следующая:

Первый донос на Распутина, как на хлыста, был сделан тобольским уездным исправником губернатору Тобольска в 1902 году, на основании официального сообщения местного священника села Покровского.

Губернатор передал дело местному епископу Антонию. Владыка поручил заняться расследованием одному из миссионеров епархии. Последний произвел обыск в квартире Распутина и обнаружил много подозрительных вещей. В результате открылось полное подтверждение принадлежности Распутина к секте хлыстов.

Весь этот материал был передан епископом Антонием специалисту по сектантству Березкину, который состоял в должности инспектора Тобольской Духовной Академии.

Березкин долго работал, исследуя это дело. Но в это время Григорий Распутин уехал в Петербург и там вошел в доверие некоторых высокопоставленных лиц.

Следствие, произведенное Березкиным, вполне доказало принадлежность Распутина к секте хлыстов. Причем, Распутин был там не заурядным членом, а хлыстом «высшего полета», умелым пропагандистом и растлителем душ православных людей.

Получив доклад Березкина, епископ Антоний дал распоряжение Тобольской Духовной консистории передать Григория Распутина судебной власти.

Пока продолжалась переписка, Распутин успел вернуться в Покровское и начал строить себе новый большой дом. Перед всеми он хвастался дорогими подарками, такими, как собольей шубой, золотым крестом на золотой цепи и фотографиями влиятельных лиц Петербурга.

В это время был получен указ, возводящий епископа Антония Тобольского в архиепископа Тверского и Кашинского. И дело суда над Распутиным остановилось.

Из книги дочери Распутина Матрены и Пэти Барам¹⁵² узнаем, в самых отвратительных подробностях, об участии Григория Распутина в радениях хлыстов. В этой книге, которую Матрена писала уже в преклонных годах, она не скрывала, что ее отец был хлыстом.

В книге В. Маевского «На грани двух эпох»,¹⁵³ где В. Маевский приводит очень много данных о жизни Григория Распутина, говорится, что незадолго до войны, известному миссионеру В.М. Скворцову было дано Святейшим Синодом секретное поручение - исследовать вопрос о возможной связи Распутина с сектой хлыстов.

В.М. Скворцов долго работал. Он объехал не только Тобольскую губернию, но и другие места, где бывал Распутин в молодости, и где он жил и общался с сектантами. Со многими из них Распутин продолжал связь и в последующие годы. В.М. Скворцов получил сведения от нескольких хлыстовских лжепророков и от одной «богородицы», с которой Распутин жил в их «корабле». Скворцов составил обширный доклад, но распутинцы ходу этому докладу не дали, а В.М. Скворцову пришлось покинуть свою службу.

Когда В. Маевский встретился с В.М. Скворцовым уже в эмиграции, в Сараево, то

¹⁵² Marie Rasputin and Patte Barham «Rasputin the man behind the myth», сс. 80-88.

¹⁵³ Вл. Маевский «На грани двух эпох» (Трагедия Императорской России). Испания, Мадрид, 1963, сс. 47,48.

Скворцов, тогда уже профессор богословия, сказал:

«Да, Григорий Распутин был несомненным хлыстом, с молодых еще лет. И сектантские навыки сохранял до конца своей жизни».

Далее В. Маевский говорит, что еще два ученых миссионера - И. Айвазов и М.А. Кальнев были убеждены в том, что Григорий Распутин обнаруживал несомненную близость к хлыстам. А выдающийся иерарх того времени, архиепископ Антоний Храповицкий, будущий основатель и Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви, в своем письме от 18 августа 1911 года к митрополиту Киевскому Флавиану писал:¹⁵⁴

«Распутин - хлыст и участвует в радениях...»

Один скандал, связанный с именем Григория Распутина, следовал за другим.

Гувернантка дочерей Государя СИ. Тютчева была первой при дворе, гласно выступившей против Распутина.

Пьер Жильяр пишет, что она выставила против проходимца несколько обвинений, но некоторые из них она хорошо не проверила и не смогла доказать. Это было ее роковой ошибкой. Императрица поэтому ей не поверила, но по настоянию Тютчевой Государь запретил Распутину подниматься на тот этаж, где находились спальни Великих княжен.

Отношения между Тютчевой и Императрицей оказались испорчены, и С. Тютчева весной 1912 года должна была уйти со службы гувернантки Царских дочерей.

Следующая скандальная история при дворе случилась с няней Цесаревича Алексея М.И. Вишняковой. Она пожаловалась Императрице, что Распутин ее совратил. Государыня ей не поверила и уволила с должности няни.

Императрица в своей слепой вере в святость «старца» ничего не хотела признавать и ничего не желала слышать, что шло вразрез с этим ее убеждением.

Петербургские газеты продолжали печатать заметки о похождениях Распутина. Писалось о его поведении в селе Покровском, куда ездили к нему и дамы «общества».

Было напечатано и сообщение о том, что сестра Государыни Великая княгиня Елизавета Феодоровна открыто встала на сторону обличителей Распутина и перестала бывать в Царском Селе.

Председатель Совета Министров В.Н. Коковцев старался повлиять на органы печати, чтобы прекратилась кампания против Распутина, но все это оказалось безуспешным.

Государь Император был крайне раздражен всем этим и послал министру Внутренних дел А.А. Макарову записку в резком тоне, с требованием принять решительные меры к обузданию печати.¹⁵⁵

Но ни Макаров, ни Коковцев в этом направлении ничего не могли сделать. Всякое насилие над печатью повлекло бы к еще худшему.

Из Москвы были получены сведения, что там готовилась к выходу из печати брошюра, разоблачающая Распутина. Но налет полиции, которая уничтожила эту рукопись и рассыпала шрифт готового набора, сделал то, что раздосадовал не только редакционную коллегию и жителей города, но и Великую княгиню Елизавету Феодоровну. Она раньше читала эту брошюру и очень надеялась, что выпуск ее откроет глаза Царской Семье на гнусные дела Распутина, и его удалят от дворца.

Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна видела опасность создавшегося положения и решила вызвать к себе председателя Совета Министров Коковцева.

Владимир Николаевич Коковцев провел у Марии Феодоровны полтора часа, и все это время разговор у них шел о Распутине. Председатель Совета Министров ничего не скрывал

¹⁵⁴ Вл. Маевский «На грани двух эпох», с. 49.

¹⁵⁵ Граф В.Н. Коковцев «Из моего прошлого». Воспоминания 1903-1919 гг. Изд. «Иллюстрированная Россия», Таллин, 1933, с. 26.

от Императрицы. Он говорил о том, что интимная жизнь Царской Семьи благодаря Распутину стала предметом пересудов и всякой клеветы среди всех слоев населения России.

Мария Феодоровна плакала, обещала поговорить с Государем и сказала:¹⁵⁶

«Несчастливая моя невестка не понимает, что она губит и Династию и себя Она искренно верит в святость какого-то проходимца, и все мы бессильны отвести несчастье».

В тот же день В.Н. Коковцев получил письмо от Григория Распутина с предложением встретиться

Владимир Николаевич был предан Государю и верно служил России. Он был человеком неподкупной честности. Несмотря на «прозрачные намеки» некоторых лиц, что ему, для укрепления своего положения как Премьера кабинета Министров, необходимо встретиться с Распутиным и поддерживать с ним дружеские отношения, Коковцев всегда с негодованием отвергал эти предложения Он считал, что его бескорыстное служение Трону и России ставится выше всего, выше всяких «распутинских протекций» Пресмыкательство, трусость, подхалимство - были противны его душе. И каково же было его удивление, когда он получил от Григория Распутина это безграмотно составленное письмо.

Первым побуждением Владимира Николаевича было игнорировать распутинское предложение о встрече. Но подумав, он решил, что как председатель Совета Министров, он должен принять Распутина, который волновал тогда всю страну. Коковцев надеялся, что сможет воззвать к совести этого ужасного человека, и указать ему на то зло, которое он приносит Царской Семье и всей России.

В.Н. Коковцев принял Распутина в присутствии своего родственника г-на Мамонтова, который хорошо знал «старца».

Когда Григорий Распутин вошел в комнату и уселся в кресло, Коковцева поразило отталкивающее выражение его глаз серо-стального цвета, расположенных близко один к другому и глубоко сидящих в орбитах.

Распутин стал, как это он всегда делал при первой встрече, пристально смотреть на В.Н. Коковцева, как бы желая его загипнотизировать или изучить. Потом перевел взгляд на потолок, затем на пол. Так продолжалось долгое молчание.

Наконец, Коковцев сказал:¹⁵⁷

«Вот вы хотели меня видеть, что же именно хотели вы сказать мне. Ведь так можно просидеть и до утра».

Распутин:

«Я так, я ничего, вот просто смотрю, какая высокая комната».

И снова водворилось молчание, нарушенное Мамонтовым, который расцеловался с Распутиным и стал спрашивать его, действительно ли он уезжает в Покровское.

Распутин, вместо ответа Мамонтову, опять уставился на Коковцева:

«Что-ж уезжать мне что-ли? Житья мне больше нет и чего плетут ш мен»

Коковцев:

«Да, конечно, вы хорошо сделаете, если уедете. Плетут ли на вас, или говорят одну правду, но вы должны понять, что здесь не ваше место, что вы вредите Государю, появляясь во дворце и в особенности рассказывая о вашей близости и давая кому угодно пищу для самых невероятных выдумок и заключений».

В ответ Распутин почти завизжал:

«Кому я что рассказываю, - все врут на меня, все выдумывают, нешто я лезу во дворец, - зачем меня туда зовут!»

Его остановил Мамонтов и стал ему тихо и вкрадчиво говорить:

«Ну, что греха таить, Григорий Ефимович, вот ты сам рассказываешь лишнее, да и не в

¹⁵⁶ Там же, с. 35.

¹⁵⁷ Граф В.Н. Коковцев «Из моего прошлого», том II, сс. 37-41.

том дело, а в том, что не твое там место, не твоего ума дело говорить, что ты ставишь и смещаешь министров, да принимать всех, кому не лень идти к тебе со всякими делами, да просьбами и писать о них, кому угодно. Подумай об этом хорошенько сам и скажи по совести, из-за чего же льнут к тебе всякие генералы и большие чиновники, разве не из-за того, что ты берешься хлопотать за них? А разве тебе даром станут давать подарки, поить и кормить тебя? И что же прятаться - ведь ты же сам сказал мне, что поставил Саблера в обер-прокуроры, и мне же ты предлагал сказать Царю про меня, чтобы выше меня поставил. Вот тебе и ответ на твои слова. Худо будет, если ты не отстанешь от дворца, и худо не тебе, а Царю, про которого теперь плетет всякий кому не лень языком болтать».

Распутин упорно молчал. Подали чай. Распутин опять уставился на Коковцева своими рысьими глазами.

Владимиру Николаевичу надоело это и он сказал:

«Напрасно вы так упорно глядите на мен Ваши глаза не производят на меня никакого действия, давайте лучше говорить просто и ответьте мне, разве не прав Валерий Николаевич (Мамонтов), говоря вам то, что он сказал».

Не зная, что сказать, Распутин глупо улыбнулся и заерзал на стуле. Потом, отвернувшись в сторону, ответил:

«Ладно, я уеду, только уж пушай меня не зовут обратно, если я такой худой, что Царю от меня худо».

Когда Коковцев перевел разговор на село Покровское, на Тобольскую губернию, где был в тот год неурожай, то Распутин очень толково отвечал на его вопросы, но стоило Коковцеву опять вернуться к первоначальной теме, как Распутин снова начинал бросать бессвязные слова, закидывать голову или опускать ее к полу. Потом долго молчал, уставившись на Коковцева, и, наконец, сорвался с места и ушел со словами:

«Ну, вот и познакомились, прощайте».

У В.Н. Коковцева сложилось мнение о Григории Распутине как о типичном сибирском варнаке, бродяге, умном и хитром мужике, хорошо играющем свою роль простеца и юродивого. По внешности Распутин походил на каторжника, которому недоставало только арестантского армяка с бубновым тюзом на спине.

На следующее утро, после своего обычного доклада Государю, В.Н. Коковцев попросил Императора выслушать его еще по одному вопросу. Получив разрешение, председатель Совета Министров рассказал Государю в мельчайших подробностях о своем свидании с Распутиным. В продолжение всего доклада Государь не проронил ни слова. Потом он спросил Коковцева, какое впечатление произвел на него Распутин. Владимир Николаевич откровенно высказал свое мнение, сказав, что Григорий Распутин произвел на него самое неприятное впечатление, и что он не хотел бы встретиться с ним наедине - настолько отталкивающей является его внешность и его заученные приемы гипнотизма и юродства, хотя наравне с этим он может вести разумный разговор на обыденные темы.

Император молча смотрел в окно, что было признаком того, что этот разговор ему неприятен.

В заключение Премьер-министр сказал, что был вынужден все это доложить своему Монарху во избежание того, чтобы кто-то другой не опередил его и не стал бы распускать по Петербургу неправдоподобные сплетни.

Государь поблагодарил Коковцева за откровенность и добавил, что дорожит преданностью своего председателя Совета Министров, но что он лично почти не знает «этого мужичка»¹⁵⁸ и видел его только мельком не более двух или трех раз.

В.Н. Коковцев пишет, что это был его последний разговор о Распутине с Государем. Он больше никогда не возобновлял этой темы при своих докладах Императору.

В тот же день, к вечеру, Коковцеву позвонил по телефону Мамонтов и сообщил, что

¹⁵⁸ Граф В.Н. Коковцев «Из моего прошлого», том II, с. 41.

Григорий Распутин уже знает о его разговоре с Государем. Мамонтов все это объяснил просто: Государь за завтраком рассказал своей Семье о беседе с Коковцевым и это стало сразу же известно А. Вырубовой, которая не замедлила позвонить по телефону Распутину и все ему «доложить». Для Коковцева тогда все сделалось ясным. Он понял, какое сильное влияние имеет Григорий Распутин при дворе.

Государыня Императрица Александра Феодоровна после этого переменяла свое ласковое отношение к Коковцеву и перестала его замечать.

Интересно знать мнение о Распутине Великой княгини Ольги Александровны, сестры Императора Николая II.

Греческий журналист Ян Воррес записал мемуары Великой княгини с ее слов. Он встретился с ней в Торонто, в Канаде, в 1958 году, и приходил к ней каждый второй день, чтобы послушать и записать рассказ Ольги Александровны о жизни Императорской Семьи. Когда Ян Воррес коснулся вопроса о Григории Распутине, Великая Княгиня не очень охотно стала делиться своими воспоминаниями о «страннике», как она называла Распутина.¹⁵⁹

Ольга Александровна сказала, что ничего не знает о деде Григория Распутина, но его отец, Ефим, поселился в селе Покровском, в Сибири, и его семья там получила прозвище «Новые». Григорий, который отличался непристойным поведением, после одного или двух случаев, связанных с молодыми девушками, был назван жителями села «Распутиным». Это прозвище и стало фамилией Григори Он оставил его себе, якобы как постоянный укор за свою прошлую распутную жизнь.

По словам Ольги Александровны Распутин был для Государя и Государыни крестьянином с глубокой верой в Бога, обладавшим даром исцеления больных. Императорская чета знала о прошлой распутной жизни Григория в селе Покровском. Распутин бывал во дворце Царского Села несколько раз. Великая княгиня считала, что если он во время войны, когда Государь находился в Ставке, и стал орудием интриг политических сил, то это случилось благодаря тому, что некоторые бессовестные люди начали пользоваться им для достижения своих целей. Но сам Григорий не отдавал себе отчета в том, что он вредит Трону.

Великая княгиня Ольга Александровна рассказала, что Распутин не понравился ей с первой же встречи. Она ясно помнила этот осенний день 1907 года, когда впервые встретила с ним. Это было во дворце Царского Села после обеда, когда Император Николай II спросил ее, желает ли она познакомиться с Распутиным. Они поднялись наверх в детскую комнату, где няни уже готовились укладывать Царских детей спать. Посередине детской стоял Григорий Распутин. Ольга Александровна почувствовала в его присутствии какую-то мягкость и теплоту, которая как-бы излучалась от него. Дети играли и Цесаревич Алексей изображал из себя зайца. Он прыгал по комнате и все весело смеялись. Потом Распутин взял Наследника за руку и повел его в спальню. Там света не было, только горели лампы перед образами. Григорий Распутин встал перед образами и опустил голову. Видимо он молил И Цесаревич, стоя рядом с ним, тоже молил. Потом Государь, Государыня и Великая княгиня пошли в будуар Императрицы. Вскоре присоединился к ним и Распутин. Ольга Александровна поняла, что Императорская чета надеется, что Распутин ей понравится. Но этого не произошло. Как в этот вечер, так и потом Великая княгиня никогда не могла пересилить себя, чтобы почувствовать расположение к Распутину. Боялась ли она его? Она не могла ответить на этот вопрос Яну Ворресу. На нее производили неприятное впечатление глаза Распутина, которые меняли свою окраску от голубого до коричневого цвета и страшно вращались в орбитах. Но, как сказала Великая княгиня, она не испытывала от его взора никакой магнетической силы, никакого гипноза. В тот первый вечер встречи ее с Распутиным, она вынесла о нем впечатление как о примитивном человеке. Его голос был грубым и странным, и было почти невозможно поддерживать с ним разговор. Он

¹⁵⁹ Ian Vorres «The Last Grand-Duchess», сс. 133-146.

перескакивал с одной темы на другую и употреблял много изречений из Библии, что было не новым для Великой княгини. Она знала, что многие крестьяне заучивали наизусть целые главы из Евангелия. Очень не понравилось ей бесцеремонное любопытство Григория Распутина. Он стал задавать Ольге Александровне вопросы интимного характера: счастлива ли она в своей замужней жизни? Любит ли она своего мужа? И почему у нее до сих пор нет детей?

Через некоторое время Великая княгиня встретила с Распутиным опять, но это было уже в доме Анны Вырубовой, когда там находились и Император с Императрицей. На какое-то время Императорская чета вышла из комнаты, и Распутин оказался вдвоем с Великой княгиней. Он встал, подошел к ней, положил руку на ее плечо и стал поглаживать его. Ольга Александровна сразу же от него отстранилась, поднялась с кресла и молча вышла из комнаты. С этого момента она стала питать отвращение к Григорию Распутину. Вернувшись к себе домой, она все рассказала своему мужу.¹⁶⁰ Он выслушал ее с серьезным лицом и посоветовал ей избегать встреч с Распутиным.

Через несколько недель в дом Великой княгини Ольги Александровны пришла Анна Вырубова. Она находилась в странном состоянии: была очень взволнована, волосы растрепаны, лицо покрасневшее. Она бросилась на пол рядом с креслом, где сидела Великая княгиня, и стала умолять ее принять у себя Распутина. Вырубова возбужденно говорила, что Распутин очень желает встретиться с Великой княгиней.

Ольга Александровна наотрез отказалась принять Григория, и Вырубовой, огорченной отказом, пришлось удалиться.

Великая княгиня потом еще видела Распутина. Но это происходило только в доме А. Вырубовой, когда там были Государь с Государыней. Это было уже то время, когда Император запретил Распутину показываться во дворце. Государь знал, какие злостные сплетни в петербургском обществе вызывают визиты Григория во дворец, и поэтому разрешил ему приходить только в дом Вырубовой.

Великая княгиня Ольга Александровна говорила Яну Ворресу, что Государь терпел Распутина только потому, что верил в его помощь больному сыну. Император и Императрица видели в Распутине человека, чья глубокая вера в Бога делала его «проводником» молитв к престолу Всевышнего, и следствием этих молитв было то, что кризис больного Цесаревича проходил и он начинал поправляться.

Великая княгиня отрицала, что Распутин совратил няню Наследника Вишнякову.¹⁶¹

Хотя Ольга Александровна и была очень близка к Царской чете, она не хотела вмешиваться в «дела Распутина». Она никогда не критиковала его в присутствии Государя и его супруги, зная, что это большой вопрос и не желая огорчать Александру Феодоровну.

Великая княгиня утверждала, что Григорий Распутин никогда не влиял на Императора. Она говорила, что это сам Государь прекратил визиты Григория во дворец, и сам Государь несколько раз отсылал Распутина обратно в Сибирь. И Государь не всегда разделял мнение своей супруги. Он не раз назначал или увольнял должностных лиц вопреки желанию Государыни.

¹⁶⁰ Первый супруг Великой княгини Ольги Александровны был князь Петр Ольденбургский.

¹⁶¹ В книге следователя Н. Соколова «Убийство Царской Семьи», с. 76, определенно утверждается, что Распутин обесчестил Вишнякову. Соколов приводит слова г-жи Занотти: «... Он соблазнил у нас няньку Марию Ивановну Вишнякову. Это была няня Алексея Николаевича. Распутин овладел ею, вступив с нею в связь. Мария Ивановна страшно любила Алексея Николаевича. Она потом раскаялась и искренно рассказала о своем поступке Императрице. Государыня не поверила ей. Она увидела в этом желание чье-то очернить Распутина и уволила Вишнякову. А то была самая настоящая правда, о которой она в раскаянии не таилась, и многие это знали от нее же самой. Вишнякова сама мне рассказывала, что Распутин овладел ею в ее комнате, у нас во дворце. Она называла его «собакой» и говорила о нем с чувством отвращения..»

ГЛАВА 12

Распутина высылают в Покровское, но он вскоре возвращается обратно. Доклад М.В. Родзянко о принадлежности Распутина к секте хлыстов. Трагическое событие на Ленских приисках. Великая княгиня Ольга Александровна о Государе. Забота Государя о Церковно-приходских школах. Прием членов Думы в Александровском дворце. Встреча Императора Николая II с кайзером Вильгельмом. 1912 год - столетняя годовщина победы российских войск над Наполеоном. Торжества в России по случаю юбилейного года. Письмо Государя своей матери Императрице Марии Феодоровне. Благодарственный молебен в Высочайшем присутствии на Красной площади. Болезнь Цесаревича в Спале. Письмо Государя матери. Прием Императором новых депутатов Государственной Думы. Трехсотлетие дома Романовых. Благодарственный молебен в Казанском соборе в Санкт-Петербурге. М.В. Родзянко выгоняет Распутина из собора. Подарок Государю от членов Думы. Празднества по случаю трехсотлетия дома Романовых. Энтузиазм народа при виде Государя Присутствие Распутина на торжествах. Государь в Костроме. Царская Семья в Москве. Сазонов о романовских торжествах. Воззвание Императора к согласию и миру на Балканах. Травля В.Н. Коковцева через газету «Гражданин». Поездка Коковцева во Францию и в Германию. Граф С. Витте против В.Н. Коковцева и его близость к Распутину. Государь увольняет В.Н. Коковцева. Последнее свидание Государя с Коковцевым. С.Д. Сазонов о причинах увольнения В.Н. Коковцева. Новый председатель Совета Министров И.Л. Горемыкин. Огромный расцвет России в области экономики за время царствования Императора Николая II.

После докладов председателя Государственной Думы М.В. Родзянко и Премьер-министра Коковцева, по распоряжению Государя Григорий Распутин выехал к себе в село Покровское. Но он находился там недолго и вскоре опять появился в Петербурге. Его бурно встретили его поклонники на квартире г-жи Головиной, родственницы А. Вырубовой, и потом привезли в Царское Село. Но здесь его ждало разочарование - к Государыне он допущен не был. Теперь, вероятно с ведома Императора, за Распутиным усиленно следила полиция По пятам за ним также следовали и корреспонденты газет.

Государь больше не мог вынести разговоров, сплетен и докладов о Григории Распутине. Он очень устал и нуждался в отдыхе. Он сказал В.Н. Коковцеву, что уезжает в Крым и постарается вернуться как можно позже. Это было время Великого поста 1912 года. На шестой неделе Царская Семья выехала на юг.

Несмотря на запрещение Государя, Анна Вырубова тайно посадила Распутина в императорский поезд, в купе князя Туманова. Когда Император узнал об этом, он очень разгневался и приказал остановить поезд на первой же станции Тосно. Здесь «старца» высадили и с агентом тайной полиции отправили обратно в Сибирь.¹⁶²

М.В. Родзянко послал свой письменный доклад о принадлежности Распутина к секте хлыстов Государю в Крым, но о судьбе своего доклада он так ничего и не узнал. Осталось неизвестным - читал ли его Император, или же доклад не попал Государю в руки, а был кем-то перехвачен.

В апреле 1912 года, когда Император с Семейю находился в Крыму, произошло трагическое событие, взволновавшее всю страну. В Восточной Сибири на Ленских приисках бастовавшие рабочие были встречены огнем воинского отряда. В результате оказались убитыми двести рабочих и столько же раненых. Среди солдат жертв не было. В народе известие об этом вызвало всеобщее возмущение.

Министр Внутренних дел Макаров произнес в Государственной Думе речь, где

¹⁶² М.В. Родзянко «Крушение Империи», с. 53.

защищал действия полиции и солдат. Он винил рабочих, которые будто бы, под влиянием злостной агитации, набросились на воинское подразделение, и заключил словами, что когда толпа набрасывается на войска, то войскам ничего не остается делать, как стрелять. «Так было, и так будет впредь» - закончил Макаров.¹⁶³

Пресса сразу же подхватила эти слова, и по всей России, в знак протеста, прокатилась волна забастовок. Событие на Лене получило название «Ленского побоища».

Председатель Совета Министров В.Н. Коковцев выступил в Государственной Думе с речью, в которой обещал произвести расследование. Он предложил Государю послать на Ленские прииски бывшего министра Юстиции, члена Государственного Совета, С.С. Манухина, который пользовался всеобщим уважением как человек большой честности и порядочности, Император одобрил кандидатуру и С.С. Манухин выехал на место трагедии.

В результате расследования, произведенного Манухиным, оказалось, что администрация Ленских приисков халатно отнеслась к справедливым требованиям рабочих и отказала им в улучшении жилищных и трудовых условий. Местная же полиция проявила превышение своей власти и вызвала воинский отряд, что и повлекло за собой эту кровавую расправу.

После расследования правление Ленских приисков ушло в отставку, и начальник местной полиции был предан суду.

Император Николай II сильно переживал события на Лене. Он всегда все принимал близко к сердцу.

Великая княгиня Ольга Александровна, которая являлась крестной матерью младшей дочери Императорской четы, Анастасии, часто бывала в Царском Селе. Она там имела возможность хорошо изучить характер своего брата, Государя Она видела, какую тяжесть он несет на своих плечах. Великая княгиня говорила,¹⁶⁴ что хотя Император и имел некоторые недостатки в своем характере, но его достоинства были очень высоки. Его привычки были простыми; его семейная жизнь - безупречной; пища - простой и умеренной. Государь был бережлив с деньгами, когда это касалось его личных нужд. Единственной слабостью Императора было курение. Курил Государь много. Но это являлось следствием его постоянного нервного напряжении Государь выработал в себе выдержку и сдержанность, а на лице носил выражение спокойствия, что вводило в заблуждение многих. Об Императоре ошибочно думали, что он человек равнодушный ко всему и холодный. Великая княгиня Ольга Александровна сказала, что выражение безразличия на лице Государя - всего лишь маска, под которой он скрывал свои истинные чувства. Стоя во главе многомиллионного народа, Император переживал все события очень глубоко. Переживания были порой настолько сильны, что он иногда боялся, что не выдержит и этим покажет слабость. Только Ольга Александровна и Императрица Александра Феодоровна знали истинное лицо Государя. Знали, как он страдал, как он переживал всякое событие, всякое волнение в стране.

В 1912 году оканчивался срок 3-й Государственной Думы. Император очень желал, чтобы Дума, перед окончанием своего срока, утвердила кредиты на Церковно-приходские школы. Государь заботился об этих школах и хотел, чтобы их количество возросло по всей России. В таких школах в 1912 году обучалось 1988367 детей.¹⁶⁵ Но кредиты Государственной Думой утверждены не были.

¹⁶³ С.С. Ольденбург «Царствование Императора Николая II», с. 474.

¹⁶⁴ Ian Vorres «The Last Grand-Duchess», сс. 107,108.

¹⁶⁵ "Царские коронации на Руси», с. 429.

Граф В.Н. Коковцев в книге «Из моего прошлого» пишет: 166

«Едва прошли благополучно морские кредиты, как в Думе поднялись опять страстные прения по смете Синода и специально по кредиту на Церковно-приходские школы. Опять появились намеки на Распутина, опять полились речи по адресу Саблера и Синода, опять заговорили о закулисных влияниях при назначении архиереев, -ив результате этих прений - опять последовал отказ в кредитах на открытие новых школ и на улучшение преподавания в них. Под шум этих прений Государственная Дума III созыва готовилась завершить свое пятилетнее существование и ожидала дня своего приема у Государя..

Подошло 7-8 июня Оставалось только проголосовать незаконченные прениями Церковно-приходские школьные кредиты и устроить прощальное молебствие...»

12-го июня в 11 часов утра состоялся прием членов Думы в Александровском дворце. Члены Думы разместились в алфавитном порядке по названию губерний.

Государь вошел в зал и поздоровался с В.Н. Коковцевым и М.В. Родзянко. Потом обошел членов Государственной Думы, разговаривая с некоторыми из них сравнительно подолгу. Затем вышел на середину зала и произнес свое обращение. В нем Государь благодарил Государственную Думу за проведенную работу, но в конце сказал следующее:

«Меня чрезвычайно огорчило ваше отрицательное отношение к близкому моему сердцу делу Церковно-приходских школ, завещанному мне моим незабвенным Родителем».

Эти слова Императора произвели отрицательное впечатление на членов Думы. И когда Государь ушел и всех пригласили в соседний зал к чашке чая, там стали раздаваться реплики, выражающие огорчение и разочарование. И в тот же день Государственная Дума большинством голосов отклонила несколько последних кредитов на Церковно-приходские школы. Этот вопрос оставался неразрешенным от предыдущих прений.

В 20-х числах июня состоялось свидание Императора Николая II и Германского императора Вильгельма в Балтийском порту. На встрече присутствовал и председатель Совета Министров В.Н. Коковцев. Он разговаривал с немецким Канцлером и выражал тревогу, что в Германии введен чрезвычайный военный налог и что Германия вооружается быстрым темпом. Потом он доложил о своем разговоре Государю. Император ответил, что он чрезвычайно доволен беседою с кайзером Вильгельмом, который заверил его, что не допустит Балканским обострениям перейти в мировую войну. Далее Государь сказал: 167

«А все-таки готовиться нужно, и хорошо, что нам удалось провести Морскую программу, и необходимо готовиться и к сухопутной обороне».

1912 год был юбилейным годом - праздновалась столетняя годовщина победы российских войск над Наполеоном, и Император Николай II хотел достойно отметить эту знаменательную дату. Он входил во все детали разработки плана торжеств как в Петербурге, так и в Москве.

8-е сентября (26-го авг. - ст. ст.) был днем решительного Бородинского сражения между русскими и французами в 1812 году, положившего начало отступлению войск Наполеона с русской земли.

Торжества начались с богослужения в Казанском соборе в Петербурге, где похоронен герой Отечественной войны, Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, князь Смоленский, генерал-фельдмаршал, командующий русскими войсками при Бородино. На этом богослужении присутствовал Государь с Августейшей Семейей. На следующий день Император отбыл на место знаменитого сражения - в Бородино, где царский поезд был установлен на насыпи на все время бородинских торжеств.

В самую годовщину Бородинского сражения Император Николай II на белом коне

166 Граф В.Н. Коковцев «Из моего прошлого», том II, сс. 72-75.

167 Граф В.Н. Коковцев «Из моего прошлого», том II, с. 80.

объехал все поле битвы. Здесь, к этой славной дате, были восстановлены все главные пункты сражения - редуты, окопы; были обозначены места расположения российских и французских войск.

Одного участника Бородинского сражения, дожившего до 1912 года и бывшего старше столетнего возраста, представили Государю. Императора эта встреча глубоко тронула. Он не мог скрыть своего волнения, когда пожимал руку этого ветерана войны и говорил ему теплые слова.

В своем письме матери, Императрице Марии Феодоровне, Государь описывает чувства, охватившие его при посещении поля Бородинского сражения

Письмо помечено 10-м сентября (ст. ст.) 1912 г. и послано из Беловежа:¹⁶⁸

«Моя дорогая Мама,

Я собирался тебе написать еще раньше, но не мог найти свободного времени. Было так много и таких радостных впечатлений за последние дни, что их не легко описать.

Конечно, самые замечательные дни были 25 и 26 августа в Бородино. Нас всех там охватило общее чувство глубочайшего благоговения перед нашими предками. Никакое описание битвы не может вызвать того впечатления, того чувства, которое испытываешь, когда вступаешь на землю, где была пролита кровь пятидесяти восьми тысяч наших храбрых людей, убитых и раненых в дни Бородинской битвы. Некоторые старые редуты и батареи были точно воссозданы нашими саперами.

Присутствие на панихиде по погибшим воинам, а после этого - на благодарственном молебне перед прославленным образом Божией Матери Одигитрии, тем самым образом, который был здесь во время сражения сто лет тому назад; торжественный крестный ход с этой иконой перед войсками: все это были моменты волнующего величия, которые неповторимы в наши дни. Кроме того, несколько старых людей, которые все еще помнят пришествие французов, были собраны здесь, и самым главным среди них был ветеран войны, двадцатидвухлетний сержант Войтинюк, который лично участвовал в сражении! Только вообрази, говорить с человеком, который помнит все, описывает детали битвы, указывает место, где он был ранен и т.д.! Я распорядился, чтобы они все встали рядом с нами у палатки во время богослужения и так, чтобы я мог их всех видеть. Они становились на колени и поднимались с колен вполне легко, и некоторые даже без помощи своих палок!

Французская делегация, которая присутствовала на торжестве, также очень заинтересовалась ветеранами, и забрасывала главного старого солдата через переводчика вопросами.

Парад войск на поле Бородино был очень интересным, потому что все полки и батальоны военно-морских гвардейцев, которые принимали участие в сражении, были представлены ротами, отрядами, или взводами от каждого полка или батареи. Многие полки отметили памятниками приблизительно те места, где сражались их предки и получили отличия. Днем 26-го я объехал на коне все поле и осмотрел все это. Такая поездка верхом дала еще более яркое впечатление после того, что мы видели и слышали...»

В Москве Государь с Семей присутствовал на Божественной Литургии в храме Христа Спасителя, воздвигнутом в память победы России над Наполеоном; посещал различные храмы, музеи; присутствовал на многих приемах и парадах.

Императрица Александра Феодоровна находилась рядом с Государем, но ввиду своего болезненного состояния здоровья, едва выдерживала такое напряжение.

12-го сентября, день перенесения мощей святого Александра Невского, явился заключительным днем бородинских торжеств. В этот день, по инициативе Епископа Анастасия и при поддержке Великой княгини Елизаветы Феодоровны, был устроен всенародный благодарственный молебен на Красной площади в присутствии Царской Семьи. Этот день стал незабываемым днем для жителей Москвы. Весь народ во главе со своим

¹⁶⁸ The Secret Letters Of The Last Tsar, cc. 270-272.

Царем слился в одной молитве к Богу.

После успешно проведенных бородинских торжеств Царская чета решила поехать на отдых в Польшу.

Цесаревич Алексей чувствовал себя отлично. У него уже давно не происходило приступов гемофилии, и Августейшим родителям казалось, что эта страшная болезнь больше не вернется к сыну. Но судьба сулила иное. В Польше и произошел у Наследника один из самых сильных приступов гемофилии, который подробно описан в главе девятой этой книги. Тогда Цесаревич, прыгая в лодку, повредил свою левую ногу у бедра.

В Спале, через неделю, состояние его здоровья так ухудшилось, что были вызваны из Петербурга лучшие специалисты медицины. На консилиуме они определили, что состояние больного очень опасно.

По всей России служили молебны о выздоровлении Цесаревича. В Спале же ждали самого страшного - конца.

10-го октября (ст. ст.) Наследника причастили Святых Таин Христовых. И этой же ночью А. Вырубова послала телеграмму Григорию Распутину в Сибирь. Ответ пришел утешительный.

И тогда случилось что-то странное. Было ли это совпадением, или действием таинственной силы - на этот вопрос ответа до сего времени не найдено. Через день после получения телеграммы от Распутина, кровоизлияние у больного остановилось, и он стал медленно поправляться

Если бы не этот роковой случай в Спале, по всей вероятности, Государь навсегда бы запретил въезд Распутину в Петербург. Теперь же было иное. Императрица Александра Феодоровна была твердо уверена, что спасителем от смерти ее горячо любимого сына был Распутин.

Но Государь Император придерживался другого мнени В своем письме матери он писал, что после Святого Причастия Наследнику сразу же стало лучше; температура спала и он начал поправляться

Государь в этом письме ни одним словом не упоминает о телеграмме, посланной Распутину. Он подробно описывает ход болезни сына и о своих моральных страданиях, и о страданиях Государыни.

Письмо датировано 20-ым октября (ст. ст.) 1912 г. и послано из Спалы:¹⁶⁹

«Я пишу тебе, а мое сердце наполняется благодарностью ко Господу за Его милость дарованную нам - началось выздоровление Алексе.. У него болела нога в течение нескольких дней. И как мы \ узнали потом, это было в результате неловкого прыжка в лодку. Боткин обнаружил у него синяк и небольшую опухоль ниже живота, в верхней части левой ноги. Через неделю опухоль прошла, и когда Алексей приехал сюда (в Спалу), он чувствовал себя хорошо... 2-го октября он пожаловался на острую боль в том же месте, и его температура стала подниматься все выше каждый день. Боткин сказал, что у него началось сильное кровоизлияние в левой стороне и что ему необходим полный покой. Мы сразу же послали за лучшим хирургом Федоровым, которого мы знали уже давно, и который является специалистом в этой области, а также и за Раухфусом. Перед ними приехал и наш детский доктор Острогорский. ... Дни между 6 и 10 были самыми ужасными. Наш бедняжка дорогой сильно страдал. Приступы боли появлялись каждые четверть часа. Из-за высокой температуры он находился в бредовом состоянии и дни и ночи. Он сидел на постели и малейшее движение вызывало новую боль. Он почти не спал, и не имел даже сил, чтобы плакать. Он стонал и продолжал повторять: «О, Господи, помилуй меня». Я едва имел силы находиться в его комнате, но должен был быть там, сменяя Аликс. Она была измучена, проводя целые ночи у его постели. Она переносила это испытание лучше, чем я, когда

¹⁶⁹ The Secret Letters of the Last Tsar, cc. 275-278.

Алексею было так плохо. Но теперь, слава Богу, опасность миновала, и она начинает чувствовать последствие этого. Ее бедное сердце ослабело. Теперь она более осторожна и проводит дни на кушетке в комнате Алексея

10-го октября мы решили причастить его Святых Таин, и его состояние сразу же стало улучшаться. Температура спала до 39.5 и 38.2 (по Цельсию), боль почти прекратилась, и он погрузился в глубокий сон в первый раз... Я должен тебя предупредить, что, как говорят доктора, выздоровление Алексея будет идти очень медленно. Он все еще чувствует боль в левом колене и не может его согнуть, и нога должна лежать на подушке. Но это докторов не беспокоит. Главное это то, что процесс внутреннего рассасывания (сгустков крови) происходит, и для этого необходима полная неподвижность (ноги). Он выглядит сейчас довольно хорошо, но раньше он был как восковой: его руки и ноги, его лицо, все. Он очень похудел, но доктора сейчас дают ему все, что могут.

21-го октября Мы сейчас все - и свита и казаки и слуги - приняли Святое Причастие в походной церкви. После этого священник понес Святые Дары Алексею. Такое изумительное чувство облегчения нашло на меня Слава Господу!... «

Выздоровление Наследника шло чрезвычайно медленно. Он долго не мог сгибать свою больную ногу. И только через год стал ходить.

Во второй половине 1912 года начались выборы в 4-ю Государственную Думу. В это время В.Н. Коковцеву был предложен пост посла России в Германии. Как думает сам Коковцев, это произошло благодаря интригам некоторых лиц, которые хотели удалить его из Петербурга.

Премьер-министр поблагодарил за оказанную ему честь, но отклонил предложение, мотивируя тем, что он по своей природе не дипломат, а прямой натуры человек и может нечаянно сказать больше, чем нужно и, кроме того, подчеркнул Коковцев, он сознательно несет свои обязанности Премьер-министра и министра Финансов и его совесть спокойна за то, что он делает.

Министра внутренних дел Макарова отстранили от должности и новым министром Внутренних дел был назначен Маклаков, который стоял очень близко к князю В.П. Мещерскому, издателю крайне правой газеты «Гражданин», человеку, пользовавшемуся репутацией крайнего консерватора.

Председателем новой Государственной Думы был переизбран Михаил Владимирович Родзянко.

Новых депутатов пригласили на прием к Государю. Император встретил всех очень милостиво, обошел каждого и с каждым разговаривал. Потом Государь вышел на середину и сказал общее слово приветствия, пожелав депутатам дружной и плодотворной работы.

Уже в конце 1912 года все государственные учреждения стали готовиться к празднованию трехсотлетия дома Романовых.

Во время тяжелого Смутного периода на Руси, когда поляки хозяйничали на нашей земле, когда, казалось, пришел конец Святой Руси, появились русские герои Кузьма Минин и князь Пожарский, святой Патриарх Гермоген и другие, силой своего духа и с молитвой на устах поднявшие наше Отечество на борьбу с врагом.

Неся с собой чудотворный образ Казанской Божией Матери, русские ополченцы во главе с князем Пожарским освободили Москву от поляков. И тогда собрался Всероссийский собор, который и избрал на царство юного Михаила Романова в феврале 1613 года.

Государь Император Николай II желал, чтобы эта великая дата была отмечена по всей стране как всероссийский праздник.

По предложению председателя Государственной Думы М.В. Родзянко, члены Думы решили преподнести Императорской Семье подарок.

В Москве был куплен дорогой старинный образ Христа Спасителя, и там же приобретен редкостной работы старинный плат. Он представлял собой белый холст, длиною

в 24 аршина. Весь плат был расшит шелком, где изображалась встреча новоизбранного Царя Михаила Романова со своим отцом, патриархом Филаретом. Здесь же были изображены бояре и боярыни в разноцветных костюмах, стража, крестьяне с хлебом-солью. На фоне всей этой картины вдали виднелась Москва с ее Кремлем и церквями, а наверху, как бы благословляющая, Пресвятая Троица в окружении ангелов, трубящих славу.

Подарки эти были уложены в футляры, покрытые парчей и перевязанные золотым шнуром с кистями, на которых висели вышитые золотом орлы.

Романовские торжества открылись Божественной Литургией и благодарственным молебном в Казанском соборе в Санкт-Петербурге.

С большим трудом М.В. Родзянко «отвоевал» подходящие места для членов Государственной Думы в Казанском соборе. Им сначала было отведено место далеко позади.

М.В. Родзянко пишет:¹⁷⁰

«Действительно, оказалось, что Государственная Дума была поставлена далеко сзади не только Государственного Совета, но и Сената. Если Романовские торжества должны были носить характер народного празднества, то нельзя было забывать, что в 1613 году народ в лице Земского собора, а не группы сановников, избрал Царем Михаила Феодоровича Романова.

Я указал на это обер-церемонимейстерам барону Корфу и графу Толстому и после неприятного спора добился того, что Сенат должен был уступить нам свое место и был отодвинут значительно вглубь собора... Не прошло и десяти минут, как за мной прибежал взволнованный старший пристав барон Ферзен и доложил, что не взирая на протесты его и его помощника, какой-то человек в крестьянском платье и с крестом на груди встал впереди Государственной Думы и не хочет уходить. Догадавшись в чем дело, я направился в собор к нашим местам и там, действительно, застал описанное бароном Ферзеном лицо. Это был - Распутин. Одет он был в великолепную темно-малинового цвета шелковую рубашку косоворотку, в высоких лаковых сапогах, в черных суконных шароварах и такой же черной поддевке. Поверх платья у него был наперсный крест на золотой художественной цепочке. Подойдя к нему вплотную, я внушительным шопотом спросил его: «Ты зачем здесь?» Он на меня бросил нахальный взгляд и отвечал: «А тебе какое дело?»

«Если ты будешь со мною говорить на «ты», то я тебя сейчас же за бороду выведу из собора. Разве ты не знаешь, что я председатель Государственной Думы».

Распутин повернулся ко мне лицом и начал бегать по мне глазами: сначала по лицу, потом в области сердца, а потом опять взглянул мне в глаза. Так продолжалось несколько мгновений.

Лично я совершенно не подвержен действию гипноза, испытал это много раз, но здесь я встретил непонятную мне силу огромного действи Я почувствовал накапливающую во мне чисто животную злобу, кровь отхлынула мне к сердцу и я сознавал, что я мало-помалу прихожу в состояние подлинного бешенства.

Я в свою очередь начал прямо смотреть в глаза Распутину и, говоря без каламбуров, чувствовал, что мои глаза вылезают из орбит. Вероятно, у меня оказался довольно страшный вид, потому что Распутин начал как-то ежиться и спрашивал: «Что вам нужно от меня?»

«Чтобы ты сейчас убрался отсюда, гадкий еретик, тебе в этом святом доме нет места».

Распутин нахально отвечал: «Я приглашен сюда по желанию лиц более высоких, чем вы» - и вытащил при этом пригласительный билет.

«Ты известный обманщик, - возразил я, - верить твоим словам нельзя Уходи сейчас вон, тебе здесь не место»...

Распутин искоса взглянул на меня, звучно опустил на колени и начал бить земные поклоны. Возмущенный этой дерзостью, я толкнул его в бок и сказал: «Довольно ломаться Если ты сейчас не уберешься отсюда, то я своим приставам прикажу тебя вынести на руках».

¹⁷⁰ М.В. Родзянко «Крушение Империи», сс. 60,61.

С глубоким вздохом и со словами: «О, Господи, прости его грех», Распутин тяжело поднялся на ноги и, метнув на меня злобный взгляд, направился к выходу. Я проводил его до западных дверей, где выездной казак подал ему великолепную соболью шубу, усадил его в автомобиль и Распутин благополучно уехал».

Во время поздравлений во дворце, где присутствовали все члены Государственной Думы, М.В. Родзянко сказал приветственное слово Государю. Когда он говорил, Товарищи председателя держали развернутым плат и святую икону.

Закончил Родзянко свою речь словами:¹⁷¹

«... Примите же, Государь, эту святую икону Христа Спасителя как благословение народное, как видимый знак тех горячих молитв, которые сегодня возносятся во всех уголках России о здравии и благоденствии Вашего Величества и всей Царствующей Семьи.

Да благословит Вас Всевышний, да сохранит Он под небесным Покровом Своего Помазанника на счастье и радость всей русской земли».

В Петербурге высшая знать давала балы в честь Царской Семьи. На одном из балов присутствовали и две старшие дочери Императорской четы - Ольга и Татьяна. Балы следовали один за другим.

Фрейлина Государыни Императрицы баронесса София Буксгевден пишет, что посещение балов для Государыни было пыткой. Переживания, постоянная тревога за больного сына, бессонные ночи у его постели - совершенно расстроили ее здоровье. На одном из балов Императрица почувствовала себя так плохо, что чуть не упала в обморок. Только поспешивший к ней Государь успел вовремя вывести ее из зала.¹⁷²

Великая княгиня Ольга Александровна тоже подтверждает, что Государыня была больна.¹⁷³ Дыхание у нее порой становилось учащенным и затруднительным, губы делались синими.

О балах по случаю романовских торжеств Великая княгиня Ольга Александровна говорила, что их великолепие и пышность казались ей нереальностью и неподходящими ко времени. Она посещала эти балы, смотрела на красивую иллюминацию в честь трехсотлетия дома Романовых, но в своей душе чувствовала, что что-то новое и страшное вползает в жизнь, и что это неотвратимое формируется силами, которые остановить невозможно.

В мае 1913 года Императорская Семья проследовала на пароходе вниз по Волге в глубь России туда, где возникли основные национальные силы русского народа.

Великая княгиня Ольга Александровна рассказывает, что везде народ с энтузиазмом встречал своего Царя. Когда пароход шел вниз по Волге, местные крестьяне заходили по пояс в воду, чтобы лучше рассмотреть Государя. В некоторых городах ремесленники и рабочие падали на колени, чтобы поцеловать землю, где ступали ноги Императора, и те кто видел это, не могли и предполагать, что меньше чем через четыре года имя Государя будет оклеветано и опорочено.

Царская Семья посетила Владимир, Нижний Новгород, Ярославль, Суздаль, Ростов, Кострому.

Энтузиазм народа особенно выразился в Костроме, там, где в Ипатьевском монастыре триста лет назад, был избран на трон русского государства первый Царь династии Романовых, Михаил. Граф В.Н. Коковцев говорит:¹⁷⁴

¹⁷¹ М.В. Родзянко «Крушение Империи», с. 62.

¹⁷² Baroness Sophie Buxhoeveden «The life and tragedy of Alexandra Feodorovna Empress of Russia», с. 175.

¹⁷³ Ian Vorres «The Last Grand-Duchess», сс. 130, 131.

¹⁷⁴ Граф В.Н. Коковцев «Из моего прошлого», том II, сс. 169,170.

»... Государь и его Семья были окружены сплошной толпой народа, слышались неподдельные выражения радости...

Тут же нужно отметить, что при посещении одной из церквей в ней оказался Распутин. Когда все вышли из церкви - его фигура была замечена многими, и ко мне подошел генерал Джунковский и обратил мое внимание на его присутствие среди немногих имевших доступ в церковь. Мне пришлось ответить ему, что я удивляюсь каким образом ему, как Товарищу министра Внутренних дел и командиру корпуса Жандармов, могло быть неизвестно присутствие здесь «старца» и получил в ответ:

«Я ничем не распоряжаюсь и решительно не знаю кто и как получает доступ в места пребывания Царской Семьи»; мне осталось только добавить ему: «так недалеко и до Богрова».

Посол Франции Морис Палеолог, который присутствовал на всех романовских торжествах, в книге «Aux portes du jugement dernier» - «У порога последнего суда», пишет,¹⁷⁵ что в Костроме перед знаменитым Ипатьевским монастырем энтузиазм народа перешел в иступление. Вид Императорской Семьи глубоко потряс народное сознание. Но Палеолог замечает, что было ошибкой позволить присутствовать там Распутину. Его видели вместе с епископом Варнавой в машине, которая следовала за процессией.

Далее Морис Палеолог говорит о Великой княгине Елизавете Феодоровне, которая оставила на время свою Марфо-Мариинскую обитель и сестер, и присоединилась к Императорской Семье на Волге, чтобы присутствовать на романовских торжествах.

Все, кто восхищался красотой Елизаветы Феодоровны до трагической гибели ее супруга Великого князя Сергея Александровича, были теперь поражены тем, что ее лицо оставалось таким же прекрасным в монашеском одеянии, как и прежде. Трудно было оторвать от нее взгляд, любясь как ее внешней, так и внутренней, духовной красотой.

Великая княгиня показывалась только в церквях. Ни на какие гражданские увеселения она не оставалась, а удалялась в местные женские монастыри.

Когда она узнала в Костроме, что Распутин пачкает своим присутствием священное торжество трехсотлетия дома Романовых, она издала крик ужаса и застыла на коленях в долгой молитве.

Морис Палеолог пишет, что генерал А.И. Спиридович, ведавший службой безопасности, сказал ему, что эти прекрасные помпезные торжества, которые предназначались для того, чтобы поднять имя Династии Романовых, закончились нехорошим предзнаменованием: тень Распутина стала падать на Императорский трон.

В Костроме, в присутствии Царской Семьи, на краю высокого обрыва над Волгой, был заложен памятник трехсоветию дома Романовых.

Когда Государь уезжал из Костромы, толпы народа долго стояли вдоль берега реки, провожая своего Царя Императора был очень тронут приемом в Костроме.

По прибытии Царской Семьи для торжеств в Москву в июне месяце, Государь въехал в город один на коне, сопровождаемый на расстоянии отрядом казаков Собственного Е.И.В. Конво На Красной площади он сошел с лошади и проследовал за духовенством через Спасские ворота в Кремль.

Граф Коковцев пишет, что всегда поражающие своим великолепием царские выходы в Москве на этот раз превзошли все виденное раньше. Вид Государя на Красной площади среди своего народа, заполнившего всю площадь, вызвал необычайный подъем, и, несмотря на это, там поддерживался порядок. Только одно было печально - это присутствие Наследника на руках казака. Коковцев ясно помнил, как напротив памятника Минину и Пожарскому до него долетели громкие возгласы скорби из народа при виде больного

¹⁷⁵ Maurice Paleologue «Aux portes du jugement dernier», Elisabeth-Feodorowna, Grand Duchess de Russie. Paris, Librairie Plon, 1940, глава 10.

мальчика. Толпа чувствовала что-то глубоко тяжелое в этом беспомощном состоянии единственного сына Государя

С.Д. Сазонов в своих воспоминаниях так отмечает энтузиазм русского народа во дни празднования трехсотлетия дома Романовых:¹⁷⁶

«Те кто не видел этого, не может постичь тот глубокий и искренний энтузиазм, который пронесся через Россию в то время Романовы, трехсотлетие которых праздновалось в Москве и в Костроме, были создателями современной России со всей ее прошлой славой и ее безграничными возможностями мирного развития и благосостояния в будущем». (пер. с англ.)

Во время романовских торжеств, как В.Н. Коковцев, так и министр Иностранных дел Сазонов были озабочены событиями на Балканах.

Политикой России являлось сохранение мира в Европе. Этого желал Государь, и его раньше поддерживал в этом покойный П.А. Столыпин, а теперь его преемник Коковцев и министр Иностранных дел С.Д. Сазонов, в то время как М.В. Родзянко придерживался противоположного мнени

С.Д. Сазонов попросил у Государя аудиенцию.¹⁷⁷ Император его принял в Кремлевском дворце. Министр Иностранных дел стал уговаривать Государя лично вмешаться в спор между сербами и болгарами, чтобы их помирить.

Сначала русский Император спросил Сазонова - все ли доступные средства дипломатии исчерпаны, чтобы добиться мирного разрешения этого вопроса. Также Государь спросил, уверен ли Сазонов, что его личное вмешательство будет иметь желаемый успех.

На первый вопрос Императора С.Д. Сазонов ответил утвердительно, по второму же вопросу - не был уверен в успехе. Но он отметил, что в случае войны между сербами и болгарами Государь будет жалеть, что не попробовал вмешаться, чтобы разрешить мирным путем эту сложную ситуацию на Балканах.

Император внимательно слушал Сазонова и, после минутного колебания, объявил министру, что подпишет обращение к королям Сербии и Болгарии. Он также добавил, что чувствует, что это не только его право, но и его долг - предостеречь их в этот критический момент о возможных последствиях - о конфликте.

«Если они откажутся послушать меня, - сказал Император, - то зачинщики этих беспорядков понесут наказание. Я исполнил свой долг и моя совесть будет спокойна». (пер. с англ.)

С.Д. Сазонов пишет, что эти слова были произнесены с чарующей простотой, которая характеризовала Государя, и которая произвела на Сазонова непреодолимое впечатление.

Император прочитал текст телеграммы, которую заготовил Сазонов, и дал распоряжение сразу же ее отправить, желая, чтобы его призыв к единению и братству среди славян исходил из Москвы.

Покидая Кремль, С.Д. Сазонов думал о разговоре с Государем и о возможном результате государева решени Два факта ясно выделялись на общем впечатлении от этой встречи, именно, что Император Николай II не обращал внимания на мирскую славу, как другие, и что его личная гордость не играла никакой роли в его решениях, когда они внушались чувством долга.

Эти размышления Сазонова еще больше укрепили его в любви и преданности к Государю.

Когда текст воззвания Императора к миру и согласию стал известен за границей, то это произвело там большое впечатление, особенно на Балканах. Даже враги Российского государства должны были признать искренность и полную незаинтересованность в этом

¹⁷⁶ Serge Sazonov «Fateful Years», 1909-1916, с. 93.

¹⁷⁷ Serge Sazonov «Fateful Years», 1909-1916, сс. 94-96.

призыве и его глубоко мирный характер. Все ясно увидели миротворческую политику правительства Санкт-Петербурга на Ближнем Востоке в этот критический момент истории Балкан.

К сожалению, Болгария не вняла призыву Российского Императора и началась вторая балканская война, которая, правда, длилась недолго.

Получая тревожные вести из Европы, Государь все время сохранял свое обычное самообладание и кажущееся спокойствие. Как-то он сказал В.Н. Коковцеву,¹⁷⁸ что он верит в искреннее желание императора Вильгельма не допустить возникновения общеевропейской войны, верит в его умиротворяющее влияние на Австрию.

Граф Коковцев пишет:

«Вопреки сильно распространенному мнению о том, что Государь просто был глубоко равнодушен ко всем окружавшим его грозным событиям и не понимал их, я вполне убежден в том, что он лучше многих понимал их, давал себе ясный отчет о их силе и значении, но был также убежден и в том, что с нашей стороны делается все, что только доступно нашим силам, и что мы стоим на правильном пути, Его кажущееся внешнее спокойствие было поэтому отнюдь не проявлением его равнодушия или непонимания обстановки, а только той исключительной внешней выдержки, под которой скрывалось, подчас, глубокое волнение. Я убежден, что даже большинство из нас, стоявших близко к Государю, все же не знали его сложной души и не представляли себе, что именно переживал он в частые минуты глубокого и скрытого от всех нас раздумь..»

По всей России шло железнодорожное строительство и Премьер-министр Коковцев хотел получить за границей заем с целью производства дальнейших работ по постройке железных дорог. Государь очень желал того же и дал соответствующие инструкции В.Н. Коковцеву перед его отъездом за границу.

В это же время князь Мещерский начал свою травлю Коковцева через газету «Гражданин».

Мещерский, этот ловкий интриган, как его называет граф Коковцев, не первый раз занимался такими делами. Незадолго до убийства П.А. Столыпина он осмелился через «Гражданина» начать свой яростный поход против этого великого человека. Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна открыто презирала Мещерского.

Теперь же Мещерский писал о якобы умалениях министрами, и в особенности В.Н. Коковцевым, престижа Государя и призывал упразднить Совет Министров и вернуться к прежнему Комитету Министров во главе с И.Л. Горемыкиным или А.С. Танеевым.

Тогда председатель Совета Министров понял, что против него началась решительная кампания при участии министра Внутренних дел Маклакова.

Поездка В.Н. Коковцева за границу оказалась очень успешной. Во Франции его встречали с большими почестями. Там он добился получения для России займа. Было подписано соглашение о реализации нами во Франции ежегодно, в течение пяти лет, железнодорожного займа на сумму не менее 550 миллионов франков в год.¹⁷⁹

В.Н. Коковцев также побывал в Берлине, откуда вынес впечатление, что положение дел в Германии очень тревожно. Он убедился, что катастрофа приближается, что ряд подготовительных к войне мер в Берлине, начатых еще в 1911 году, уже замыкает свой страшный цикл и что никакое миролюбие русского Императора не в силах остановить надвигающуюся войну.

По возвращении в Россию, Премьер-министр явился к Государю с отчетом о своей поездке. Он представил Императору письменный доклад, впоследствии опубликованный уже

¹⁷⁸ Граф В.Н. Коковцев «Из моего прошлого», том II, сс. 171,172

¹⁷⁹ Граф В.Н. Коковцев «Из моего прошлого», том II, с. 203.

Советской властью. Свой доклад В.Н. Коковцев дополнил еще и устным повествованием.

В.Н. Коковцев пишет, что никто никогда не узнает, что происходило в душе Государя во время этого доклада. Император ни разу не прервал Премьер-министра во время его изложения Государь упорно смотрел ему в глаза, как будто хотел проверить искренность слов Коковцева. Потом, отвернувшись к окну, около которого они сидели, Император долго всматривался в расстилавшуюся там морскую даль (это происходило в Ливадии), затем, как бы очнувшись от забытья, произнес:¹⁸⁰

«На все воля Божия!»

Травля В.Н. Коковцева продолжала расти. Газета князя Мещерского обливала его грязью. Начались выступления против него и со стороны графа Витте.

О графе Витте В.Н. Коковцев в своем труде пишет,¹⁸¹ что С. Витте был очень властолюбивым, очень деятельным и полным инициативы. Он тяжело переносил безделье. Он считал, что Коковцев долго засиделся на посту председателя Совета Министров и министра финансов. Граф Витте видел в Коковцеве до известной степени помеху в достижении своих целей и рассчитывал, что с уходом В.Н. Коковцева ему откроется дорога к продвижению вперед.

Далее В.Н. Коковцев пишет,¹⁸² что по слухам, граф Витте состоял в сношениях с Распутиным.

О дружественных отношениях графа Витте к Распутину находим и у других авторов. Так С.П. Белецкий в своих воспоминаниях пишет:¹⁸³

«... был близок (Распутин - Л.М.) к семье гр. С.Ю. Витте, - которого он до конца своей жизни вспоминал с особой теплотой, и которого он при жизни графа, как он мне сам говорил, неоднократно хвалил в высоких сферах, мечтал об обратном его возвращении к власти, и познакомил уже с А.А. Вырубовой...»

В книге секретаря Распутина Аарона Симановича, в главе «Витте ищет протекции Распутина»¹⁸⁴ написано, что Витте сказал Симановичу, будто у него имеется план, который может оказаться интересным для еврейского народа и просил Симановича свести его с Распутиным. Симанович предложил сперва добиться расположения Распутина, и посредницей была выбрана жена Витте, Матильда, еврейка по происхождению.¹⁸⁵ А Симанович подыскал удобную квартиру в доме, где жил Распутин и там происходили тайные встречи графа Витте и Григория Распутина. По словам Аарона Симановича, С. Витте обещал поставить еврейский вопрос на первый план, если ему удастся при помощи Распутина вновь получить власть. Известно, что Григорий Распутин был покровителем евреев.¹⁸⁶

¹⁸⁰ Граф В.Н. Коковцев «Из моего прошлого», том II, с. 361.

¹⁸¹ Там же, с. 335.

¹⁸² Там же, с. 336.

¹⁸³ С.П. Белецкий «Воспоминания», с. 7.

¹⁸⁴ Аарон Симанович «Распутин и евреи», сс. 87-92.

¹⁸⁵ В. Криворотов «ПРИДВОРНЫЙ ЮВЕЛИР (страшное иго) Распутиниада и ее Секретарь». Мадрид, 1975, с. 19.

¹⁸⁶ Аарон Симанович в своей книге «Распутин и евреи», сс. 89-91, пишет, что граф Витте предложил Симановичу при помощи Распутина собрать необходимую сумму денег, чтобы добиться влияния на газету «Новое Время» и прекратить ее злостную пропаганду. Симанович рассказал об этом Распутину, и они решили обратиться к «умному банкиру» - Дмитрию Рубинштейну. Решили также поставить в известность барона

Кроме графа Витте кампанию против В.Н. Коковцева вели министр Внутренних дел Маклаков, Военный министр Сухомлинов, министр Земледелия А.В. Кривошей. Государь Император оказался не в состоянии идти против давления, которое оказывалось на него.

29-го января (ст. ст.) 1914г. В.Н. Коковцев получил письмо от Государя об увольнении. Новым министром финансов был назначен П.Л. Барк, а председателем Совета Министров стал Горемыкин. Коковцева Император пожаловал графским титулом.

Свое последнее свидание с Государем граф Коковцев описывает в своей книге:¹⁸⁷

«... Когда я вошел в кабинет, Государь, только что вернувшийся с прогулки, быстро подошел ко мне навстречу, подал мне руку и не выпуская ее из своей руки стоял молча, смотря мне прямо в глаза. Я тоже молчал и боялся, что не сумею вполне совладать с собой при первом же слове.

Не берусь определить сколько времени тянулось это тягостное молчание, но кончилось оно тем, что Государь, все держа мою руку, вынул левой рукой платок из кармана, и из его глаз просто полились слезы...»

Государь предложил назначить В.Н. Коковцеву 200 или 300 тысяч рублей в виде единовременной выдачи. Но Коковцев не принял денег, сказав, что всякий будет подозревать, что он злоупотребил добротой Императора и выпросил себе крупную сумму. Коковцев продолжал, что он без средств вступил на пост министра финансов, и таким же он хотел бы и покинуть этот пост десять лет спустя. Взамен этой крупной суммы Коковцев попросил Государя назначить ему оклад, чтобы он мог безбедно существовать.

Император, пишет В.Н. Коковцев, не сводил с него глаз, и они снова были полны слез. Государь, видимо волнуясь, сказал:

«Ну что же делать. Я должен подчиниться вашему желанию и вполне понимаю почему вы так поступаете. Мне не часто приходилось встречаться с такими явлениями. Меня все просят о помощи, даже и те, кто не имеет никакого права, а вы вот отказываетесь, когда я сам вам предложил!»

Касаясь вопроса смещения Государем В.Н. Коковцева с поста председателя Совета Министров и министра финансов, С.С. Ольденбург пишет,¹⁸⁸ что быстрый расцвет экономики России привлек внимание критиков. Несмотря на растущие военные расходы и ежегодное повышение кредитов на народное образование, дефицита по бюджету не было. Огромная же часть государственных доходов поступала от винной монополии. Деревни расцветали, но и пьянство, в связи с появившимися у крестьян деньгами, увеличивалось. Возникла тогда в некоторых кругах мысль о закрытии многих винных лавок.

В.Н. Коковцев мало верил в действенность этих мер для сокращения в стране пьянства. Он заботился о государственных финансах.

Государь видел в пьянстве большое зло, порок и был намерен с этим бороться. Слухи о таких взглядах Императора проникли в «сферы», и граф Витте стал яростно выступать в Государственном Совете против политики министра финансов Коковцева.

С.С. Ольденбург вставляет и несколько слов о Распутине:

«Насколько известно, и Распутин, на личном опыте хорошо знакомый с «соблазнами вина», не раз говорил, что «нехорошо спаивать народ».

Государь, видимо, некоторое время колебался. Он не хотел расставаться с Коковцевым.

Гинцбурга и Мозеса Гинцбурга. Распутин пригласил их всех к себе и предложил купить эту враждебную евреям газету. В результате, акции «Нового Времени» были приобретены на имя графа Витте, а затем переуступлены Рубинштейну. Симанович пишет, что Рубинштейн радовался, что теперь закончится травля против евреев, а Витте был доволен, что «Новое Время» перестанет его ругать и не будет ему вредить.

¹⁸⁷ Граф В.Н. Коковцев «Из моего прошлого», том II, сс. 285-293.

¹⁸⁸ С.С. Ольденбург «Царствование Императора Николая II», сс. 489-491.

Он высоко ценил его деятельность, твердость, разделял его мнение о необходимости сохранять мир.

«Есть, поэтому, все основания считать, - пишет Ольденбург, - что отставку В.Н. Коковцева вызвало, в конечном счете, убеждение Государя в невозможности приступить при нем к коренным преобразованиям в деле борьбы с народным пьянством».

С. Д. Сазонов, министр Иностранных дел России того времени, об увольнении Коковцева пишет, ¹⁸⁹ что смещение Коковцева, как главы правительства, повело к серьезным последствиям.

Коковцев имел много врагов потому, что несмотря на свои прекрасные качества как государственного деятеля, он был человеком, у которого не хватало дипломатической ловкости и который, благодаря своему долголетнему опыту политического деятеля, действовал по своему усмотрению, не прислушиваясь к мнению оппонентов. Это повлияло на его взаимоотношения с Думой. Коковцев не имел сторонников при дворе, хотя Государь и признавал его заслуги. Крайняя неприязнь Коковцева к Распутину настроила против него Императрицу, которая за последние годы показывала свое расположение только тем, кто был дружен с Распутиным и его кликой.

При таких обстоятельствах, как пишет С.Д. Сазонов, было достаточно усилий одного или двух членов Государственного Совета, враждебно настроенных к Коковцеву, чтобы сделать для него невозможным дальнейшее пребывание у кормила власти.

С.С. Ольденбург пишет, что новый председатель Совета Министров И.Л. Горемыкин, которому было тогда 74 года (по другим данным он был гораздо старше), был энергичным человеком и обладал живым умом. Он не был «старой шубой, вынудой из нафталина», как он сам себя называл. ¹⁹⁰

С.Д. Сазонов дает противоположную характеристику новому председателю Совета Министров. ¹⁹¹ И.Л. Горемыкин, по словам С.Д. Сазонова, был старым человеком, который уже давно потерял всякий интерес к жизни, кроме своего покоя и благополучия, и утерять способность разбираться в окружающей обстановке.

С.Д. Сазонов пишет, что с того момента, как И.Л. Горемыкин занял пост председателя Совета Министров, а после него и Штюрман, центральная сила Российской Империи начала падать все ниже и ниже, пока не оказалась на дне пропасти.

В правительстве стала наблюдаться с каждым днем все большая разобщенность, и положение правительства становилось все более неопределенным.

И.Л. Горемыкин имел поддержку при дворе, где друзья Распутина постарались снискать для него расположение Императрицы Александры Феодоровны, а также его поддерживали и некоторые члены кабинета министров. При Горемыкине отношения между правительством и Государственной Думой были натянутыми из-за того, что Горемыкин не сумел вести совместную работу с Думой.

С.Д. Сазонов пишет, что Государыня не была причастна к назначению Горемыкина, но поддерживала его потому, что его любил Распутин, и в течение двух лет, пока Горемыкин оставался у власти, он пользовался расположением Императрицы.

За время царствования Императора Николая II в России замечается огромный расцвет во всех областях экономики. ¹⁹²

¹⁸⁹ Serge Sazonov «Fateful Years», 1909-1916, с. 279.

¹⁹⁰ С.С. Ольденбург «Царствование Императора Николая II», с. 492.

¹⁹¹ Serge Sazonov «Fateful Years», 1909-1916, сс. 80,277,279.

¹⁹² Данные экономического развития России за период царствование Императора Николая II заимствованы из книг: графа В.Н. Коковцева «Из моего прошлого», том II, гл. 5 и С.С. Ольденбурга «Царствование

Российская Империя быстро окрепла после Русско-японской войны. Необходимо было заново отстроить русский флот, который Россия потеряла в этой войне. О создании нового флота особенно беспокоился Государь. Постройка требовала колоссальных средств, но, несмотря на это, сельское хозяйство, промышленность, торговля, народное образование, искусство и другие виды народного хозяйства государства Российского так возросли и достигли такого расцвета, какого не знали предыдущие времена России.

Прошло только пять лет после слов П.А. Столыпина: «Дайте государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!» - и уже страна достигла невиданных успехов во всех областях государственной жизни.

К началу войны 1914 года народное образование преуспевало. В 1910 году русское правительство начало подготовку к введению всеобщего обязательного школьного образования. План всеобщего образования должен был осуществиться к 1920 году. Государь этого очень желал и следил за выполнением плана. К началу 1914 года расходы на школы и народное обучение составили около трехсот миллионов рублей.

Во время рождественских праздников 1913 года в Санкт Петербурге открылся первый всероссийский учительский съезд, где присутствовало около семи тысяч учителей. Здесь читались доклады. вносились новые предложения об улучшении системы преподавания, обсуждался план дальнейшей работы.

Несколько тысяч учителей народных школ по льготным условиям, предоставленным государством, смогли поехать за границу для ознакомления: в Германию, Францию, Швейцарию и Италию. Поездка обогатила знания и кругозор русских учителей и они могли все это передать детям.

Внутреннее спокойствие страны и богатые урожайные годы в России - 1909 и 1910 годы дали значительные средства для развития в стране всех отраслей экономики. Время с 1912 года по 1914 год было золотым периодом расцвета хозяйства российского.

К 1914 году, за двадцатилетний период, население России возросло на 50 миллионов человек. Естественный прирост населения составил свыше трех миллионов в год. Это свидетельствовало о растущем благосостоянии людей. Количество потребляемых народом товаров, как русского производства, так и заграничного удвоилось.

Благодаря развитию сельского хозяйства и интенсивного строительства железных дорог по всей России, «голодных годов» дальних деревень уже не существовало. Неурожай одного района быстро покрывался урожаем другого.

Государством были отпущены значительные суммы на развитие земледелия, на производство сельскохозяйственных машин, на переселение крестьян. Сельскохозяйственная сторона жизни России в связи со столыпинской аграрной реформой, с механизацией обработки земли, с распространением химических удобрений, с открытием целой сети агрономических ведомств, - очень окрепла. Производительность посевов увеличивалась, урожаи повысились. Русский крестьянин богател. В деревнях поднялся спрос на сельскохозяйственные машины, на мануфактуру, на предметы домашнего обихода. Значительно увеличилось потребление крестьянами сахара.

Россия вывозила хлеб за границу и стала «житницей Европы». Вывоз хлеба составлял около четверти от общего сбора хлебных злаков России. Белый хлеб стал конкурентом черному. Вместе с расцветом сельского хозяйства начала быстро развиваться и промышленность Российского государства.

За двадцатилетний период времени текстильная промышленность тоже шагнула вперед. Производство хлопчатобумажных тканей удвоилось. С усиленным развитием хлопководства в Туркестане Россия стала меньше ввозить хлопка из-за границы. Льняная промышленность, производство шерсти и шелка увеличились более чем на 75 процентов.

Тяжелая промышленность России также развивалась. Добыча угля увеличивалась непрерывно. Один Донецкий бассейн давал в 1913 году свыше полутора миллиарда

пудов¹⁹³ угля Началась разработка Кузнецкого бассейна. Добыча угля по всей России за 20 лет возросла более, чем в четыре раза. В 1913 году было добыто угля 2214 миллионов пудов. Открылись новые богатые залежи железной руды в Кривом Роге, марганцевой руды в Закавказье.

В Российской Империи быстро росла металлургическая промышленность. Чугуна в 1913 году было произведено 283 милл. пудов. Некоторые фабрично-заводские оборудования еще ввозились из-за границы, но для железнодорожного строительства паровозы, вагоны, рельсы - употреблялись отечественного производства. Повсюду строились фабрики, заводы, разрабатывались недра земли.

Только добыча нефти отставала ввиду тех разрушений, которые были произведены во время революции 1905 года.

Российский рубль стоял высоко. В 1897 году Россия перешла на золотое обращение и были установлены очень строгие законы в отношении выпуска кредитных билетов.

Вклады народа в Государственные сберегательные кассы в 1913 году составляли свыше двух миллиардов рублей.

Повышение доходов России началось с 1906 года, когда окончилась Русско-японская война и прошли потрясения, вызванные революцией 1905 года. Повышение доходов шло непрерывно и плавно, и в 1913 году достигло 3415 милл. рублей. Доходы Российского государства превысили расходы в 1913 году более чем на 2 миллиарда рублей. Золотой запас Государственного банка России в 1913 году составил 1680 миллионов рублей. Бюджет государства возрос без обложения населения новыми налогами и без повышения старых.

Общий оборот внешней торговли к началу 1914 года за десять лет возрос с 1682 милл. рублей до 2690 милл. рублей, что стало одним из главных факторов прогресса экономики России.

Железнодорожное строительство шло по всей России очень быстрым темпом. За 20 лет протяжение железных дорог и телеграфных проводов более чем удвоилось. К началу 1914 года сеть железных дорог в России составляла 65526 верст.¹⁹⁴ Усиленным темпом строился и речной флот.

По России, при поддержке правительства, стали открываться кооперативные общества. Это были или торговые организации, или кредитные учреждения Кооперативы открывались как в городах, так и в деревнях.

Иностранцы следили за необычайным ростом России. С.С. Ольденбург в своей книге «Царствование Императора Николая II», с.499, приводит слова одной из французских газет:

«Если дела европейских наций будут с 1912 по 1950 г. идти так же, как они шли с 1900 по 1912 г., Россия к середине текущего века будет господствовать над Европой, как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении».

О громадном расцвете России в предвоенные годы пишет в своих «Воспоминаниях» протопресвитер Георгий Шавельский.¹⁹⁵ Он по долгу службы посещал воинские части и подчиненные ему церкви по всей России. Таким образом он объездил всю страну.

За три года мировой войны протопресвитер Шавельский побывал на Кавказе, в Туркестане, Сибири и в Западном крае. Сибирь он объезжал во второй раз. В первый раз он там был во время Русско-японской войны. В Сибири, Туркестане и на Кавказе отец Георгий увидел своими глазами, какой прогресс там произошел. Он на месте убедился, как поднимался там культурный рост России.

¹⁹³ Один пуд = 16.38 кг.

¹⁹⁴ Одна верста = 1.067 км.

¹⁹⁵ О. Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», том I. Изд. имени Чехова, Нью-Йорк, 1954, сс. 35-42.

Когда отец Георгий ехал на фронт в 1904 году, он впервые увидел Сибирь. Тогда, по его словам, даже прилегающие к железнодорожному полотну места едва были заселены. Тогда там вдоль железной дороги тянулась тайга, и только изредка попадались поселения. Во второй раз он побывал в Сибири в 1913 году и не узнал этого края. Везде расстились бесконечные поля, и хлеб там убирали и косили сено машинами. Сибирь в этом отношении опередила центральную Россию, а также и северную и западную, где тогда еще не вывелись соха, серп и коса.

Прежние маленькие сибирские города теперь стали крупными центрами. Так, Новониколаевск на Оби, где в 1904 году было коло 15-и тысяч жителей в 1913 году уже насчитывал 130 тысяч горожан. Как рассказывали отцу Георгию местные жители, в Сибири наблюдались необыкновенные урожаи, около 40. Сибирские реки кишели рыбой, сибирские леса изобиловали дичью и пушниной, недра Сибири хранили в себе несметные богатства. На Алтае были обнаружены целебные минеральные источники.

Туркестан, по словам отца Георгия, по своему расцвету не уступал Сибири. Протопресвитер Шавельский проехал Туркестан по железной дороге по линии Ташкент-Скобелев-Самарканд-Ашхабад-Красноводск-Кушка-Мерв. Он видел, как голодные степи, благодаря орошению, превращались там в плодородную землю. На полях выращивался хлопок, рис; виднелись плантации фруктовых деревьев.

Отец Георгий побывал и на Кубани, и везде мог воочию убедиться, как быстро Россия залечила свои раны после Русско-японской войны. Россия неслась вперед. Протопресвитер Шавельский пишет, что тогда была у всех уверенность, что наша Россия вскоре станет самой богатой страной в мире. Прогресс в стране наблюдался во всем - и в торговле и в промышленности и в земледелии и в деле народного образования, и отец Георгий затрудняется ответить - кому обязана Россия таким расцветом. Он считает, что блестящие министры последнего царствования: Витте, Столыпин, Кривошеин, Коковцев и другие способствовали всероссийскому прогрессу. Но было бы несправедливым, как пишет о. Георгий, не отдать должного Государю Императору Николаю II, который всегда и всей дугой откликался на предлагаемые министрами реформы, те реформы, которые были направлены на благо российского народа. Каждое ответственное лицо могло быть совершенно уверено в поддержке Императора, если ему удавалось убедить Государя в необходимости и пользе нового представляемого проекта. Император Николай Александрович безгранично любил Родину. Он не страшился новизны и ценил в своих сотрудниках их горячие и смелые порывы. Протопресвитер Георгий Шавельский заключает свою главу о росте России словами, что эти драгоценные качества Государя, как правителя, к великому несчастью, не проявились до конца и во всей своей силе.

Если бы не война 1914 года, а затем и страшная катастрофа - революция в России, то наша страна в недалеком будущем достигла бы такого могущества, богатства и величия, какого еще не достигало ни одно государство мира.

Не всем нравилось растущее благоденствие Российской Империи. Работали мировые темные силы, чтобы уничтожить Россию, что вскоре и произошло.

ГЛАВА 13

Уединенный образ жизни Императорской Семьи. Женитьба младшего брата Государя Михаила на разведенной. Князь М. Андронников и его интриги. Дворцовый комендант В.Н. Воейков. Русское высшее общество конца 19 и начала 20 века. Намерение Государя удалить окончательно Распутина. Бывший министр Финансов П.Л. Барк, офицер российской армии Ф. Винберг и протопресвитер Георгий Шавельский - о Государе. Забота Императора о солдатах, его любовь к крестьянству. Сдержанность и выдержка Государя, его сознание ответственности и дисциплина, его горячая любовь к России, его глубокая религиозность. Прославление новых святых за годы царствования Императора Николая II. Мысли

Государыни о самодержавии; ее сложная натура, ее религиозность. Мысли Государыни о Боге. Отношение Императрицы к Распутину. Протоиерей Александр Васильев - духовник Государыни. Граф Коковцев о Государыне. Министр А.Н. Наумов - о Государыне. Г-жа Лили Ден о застенчивости Императрицы. Морис Палеолог о Государыне.

Царская Семья вела уединенный образ жизни. Совместных обедов всех родственников, как это устраивал Император Александр III, уже не было. Члены дома Романовых теперь встречались с Императорской Семьей только на крестинах или похоронах. Императрице Александре Феодоровне казалось, что родственники, а также и придворные дамы не любят ее и падки на разные интриги. В этом уверяла ее и Анна Вырубова, ревниво оберегавшая свое место в сердце Императрицы.

Император Николай II также мало верил в искренность своих родных. Он считал, что большинство из них преследуют свои личные цели. И Государь был прав. Некоторые члены дома Романовых перестали отдавать себе отчет в том, что их принадлежность к царскому роду налагает на них большую обязанность. Например, вопреки закону и без согласия Государя, женились на разведенных.

Великий князь Павел Александрович, дядя Государя, овдовев, женился на разведенной. Кузен Государя Кирилл, сын его дяди Владимира Александровича, женился на Виктории-Мелите, которая разошлась со своим первым супругом, Великим герцогом Гессенским Эрнестом-Людвигом, братом Императрицы Александры Феодоровны. И самым большим ударом для Императора Николая II была женитьба его младшего брата Михаила на дважды разведенной женщине.

Эту женитьбу Великого князя Михаила тяжело переживала Императрица-мать Мария Феодоровна. Она писала Государю 4-го ноября 1912 года:¹⁹⁶

«... Я только что получила письмо от Миши, где он объявляет о своей женитьбе! Это невероятно - я едва могу сознавать, что я пишу - это так ужасно во всех отношениях, что почти убивает меня! Я прошу только одно у тебя: чтобы это держалось в абсолютном секрете во избежание другого скандала!...»

Государь Император отвечает матери:

«... Да, дорогая Мама, я скажу вместе с тобой - да простит его Господь!

Между ним и мною все теперь, увы, закончено потому, что он нарушил свое обещание. Много раз он обещал по своей свободной воле, и не потому, что я требовал от него, не жениться на ней... И неприятности и горе, которое это принесло тебе и всем нам и скандал от этого по всей России - абсолютно ничего не значат для него! И также во время, когда все ожидают войны, и когда через несколько месяцев наступает трехсотлетие дома Романовых! Мне стыдно, и я глубоко переживаю...»

Государь Император своим указом запретил брату Михаилу въезд в Россию, и Великий князь Михаил Александрович, который стоял первым по линии престолонаследия после Цесаревича Алексея, теперь принужден был жить за границей. Теперь он уже не мог помогать Императору в государственных делах и получил Высочайшее разрешение вернуться в Россию только во время Первой мировой войны.

Существовали также натянутые отношения между двором Вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны и молодой Государыней. Мария Феодоровна видела, какое зло приносит мужик Распутин Царскому дому. И она знала, что это происходило благодаря Александре Феодоровне, которая находилась под сильным, по всей вероятности, гипнотическим влиянием Распутина, а также и его сообщницы Анны Вырубовой. Государь Император все это видел, переживал, но ничего не мог сделать.

Недолюбливали Императрицу Александру Феодоровну и друзья Великой княгини Марии Павловны, которая была супругой Великого князя Владимира Александровича.

¹⁹⁶ The Secret Letters of the Last Tsar, cc. 283,284.

Хорошо образованная, умная, но честолюбивая, она создала свой двор, где пышными приемами, балами, старалась первенствовать в высшем обществе Санкт-Петербурга. Она любила критиковать Александру Феодоровну, и нередко ее дворец являлся местом, откуда ползли недоброжелательные слухи о молодой Государыне.

Великая княгиня Ольга Александровна, сестра Императора, высказывала свое мнение в разговоре с Яном Ворресом,¹⁹⁷ что среди членов дома Романовых было достаточно умных и талантливых лиц, которые могли бы служить Монарху советниками в государственных делах. Но среди них, к сожалению, были и такие, которые докучали Государю и даже устраивали в его присутствии сцены, преследуя собственные интересы.

Естественно, что Император стал избегать некоторых своих родственников. В этом отношении имела влияние на Государя его супруга, Александра Феодоровна.

К Царственной чете стояла близко только очень небольшая группа лиц. Это были: Анна Вырубова и ее отец А.С. Танеев, Статс-секретарь Государя, министр Двора граф Фредерикс, Дворцовый комендант В.Н. Воейков, капитан Н.П. Саблин, адмирал К.Д. Нилов. Из всех этих лиц Н.П. Саблин пользовался особым доверием Императора.

Постепенно вокруг Царской Семьи образовалась пустота, через которую никто извне не решался переступить.

В противовес Царскому Селу в Петербурге расцветали салоны, где за чашкой чая или бокалом вина распространялись различного рода сплетни. Во многих салонах значительную роль играл князь М.М. Андронников - известный авантюрист.

Этот князь изображал из себя важную всезнающую персону. В его кабинете находились аккуратно разложенные папки - дела по различным ведомствам.

Андронников получал деньги от разных влиятельных лиц и даже министров, чтобы узнавать о том, что делается в Царском Селе. Там он имел «своего» человека, от которого первым получал интересующие его сведения. За определенную мзду он не гнушался никакими делами: то он ходатайствовал о выдаче пенсии какой-то вдове чиновника, которая не имела на это права, то он проводил через министерство Финансов сложный проект акционерной компании, где сам лично играл видную роль и т.д. Андронников дружил с придворными курьерами, которые развозили Высочайшие указы. Приглашая их к себе, он хорошо угощал их вином и закусками, и в это время тайно вскрывал их пакеты, первым узнавал содержимое и передавал за вознаграждение заинтересованным лицам. Андронников старался угождать Распутину и предоставлял ему свою квартиру для тайных встреч «старца» с Хвостовым и Белецким, а также и с епископом Варнавой.¹⁹⁸

Чтобы прослыть набожным человеком и, главным образом, чтобы о его «религиозности» узнали во дворце Царского Села, Андронников устроил у себя в спальне за ширмой подобие молельни. Там стояло большое Распятие, стена была покрыта целым рядом икон, стоял аналой, столик с кропилом и святой водой, подсвечник. Тут же висело и полное священническое облачение. На аналое лежало Евангелие, а поверх этой святой книги - заметки самого хозяина квартиры под заглавием «Размышления перед исповедью».

Во время обыска Чрезвычайной Следственной Комиссии при Временном правительстве, среди этих записок была найдена случайно забытая Андронниковым порнографическая открытка. В моральном отношении Андронников имел плохую репутацию.

Он был очень навязчивым и нахальным человеком. Чтобы завязать новое и полезное для себя знакомство, он шел на всякие хитрости. Таким образом он познакомился со многими сильными мира того времени.

¹⁹⁷ Ian Vorres «The Last Grand-Duchess», с. 115.

¹⁹⁸ См. доклад В.М. Руднева, помещенный в книге игумена Серафима «Православный Царь Мученик», сс. 76-78.

Узнав о назначении на какую-то важную должность незнакомого ему лица, Андронников посылал ему поздравление, по уже выработанному им трафарету: ¹⁹⁹

«Наконец-то воссияло солнце над Россией и высокоответственный пост вверен ныне Вашему превосходительству...»

После этих слов следовало восхваление назначаемой личности, а иногда к письму прилагалась и иконка - его, Андронникова «благословение».

Естественно, что вежливость обязывала это новоназначенное высокое лицо ответить в учтивой форме Андронникову и, таким образом, завязывалось полезное знакомство.

С Дворцовым комендантом В.Н. Воейковым М. Андронников познакомился подобным же образом. Он поздравил Воейкова с назначением его на пост Дворцового коменданта, и между ними завязалась оживленная переписка.

Генерал Воейков ценился при дворе как преданный человек. Но на члена Чрезвычайной Следственной Комиссии при Временном правительстве В.М. Руднева Воейков произвел впечатление карьериста, дорожившего своим постом при дворе и неспособного оценить внимание и искреннее расположение, которое к нему питали Государь и Государын Судя по письмам своей жене, которая была дочерью министра Двора графа Фредерикса, Воейков называет Распутина злым гением Императорского дома и России. Но считаясь с несомненным влиянием Распутина на Царскую Семью, Воейков не находил в себе достаточно гражданского мужества, чтобы отказать Распутину в удовлетворении его отдельных частных просьб.

Письма же г-жи Воейковой своему мужу проникнуты болезненной ненавистью к Распутину, как несомненному виновнику грядущих, по ее словам, кошмарных событий. ²⁰⁰

В приближении к себе Распутина нельзя винить Царскую чету. В этом виновато все тогдашнее общество.

В конце 19-го века и в начале 20-го многие занимались «богоисканием» и выискивали каких-то юродивых и странников, от которых стремились «познать истину». Но не только это. Тогда болезненно интересовались спиритизмом и находили медиумов. Одним из салонов, который занимался «сверхестественными силами», был салон графини Игнатьевой, где собиралось жаждающее узнать о потустороннем мире петербургское общество.

В 1900 году в Петербург приехал некий маг Папюс, который приобрел себе известность и клиентуру. Затем появился и некий Филипп, о котором рассказано в главе 4-ой настоящей книги. ²⁰¹

¹⁹⁹ См. доклад В.М. Руднева, помещенный в книге игумена Серафима «Православный Царь Мученик», с. 77.

²⁰⁰ Там же, с. 79.

²⁰¹ Здесь интересно привести выдержку из воспоминаний А.Ф. Тютчевой, фрейлины при дворе двух Императоров - Николая I и Александра II. (А.Ф. Тютчева «При дворе двух императоров». Изд. «Мысль», Москва, 1990, сс. 160,161,174,175):

«Приезд Юма-столовращател.. Всех нас рассадили вокруг круглого стола, с руками на столе... Вскоре в различных углах комнаты раздались стуки, производимые духами. Начались вопросы, которым отвечали стуки, соответствующие буквам алфавита. Между тем духи действовали вяло, они объявили, что слишком много народа, что это их парализует и нужно исключить Алексея Бобринского и мен.. Нас удалили в соседнюю комнату, откуда, впрочем, мы очень хорошо слышали все, что происходило.

Стол поднялся на высоту полуаршина над полом... Все это вызвало крики испуга, страха и удивления Я все слышала из другой комнаты, и мной овладела тоска. Я не сомневалась в том, что сами черты игриво забавляются тут... Он (медиум Юм) говорит, что во время сеансов сильно страдает. Глядя на него, совершенно не получаешь впечатления, что он шарлатан и ставит себе задачей обмануть вас. Он очень молчалив, часто говорит о Боге и религии и, по совету стола из англиканского вероисповедания перешел даже в католицизм. С точки зрения православия я считаю, что черт при этом ничего не теряет по существу, делая все-таки вид, что интересуется религиозными вопросами. Факты слишком очевидны, чтобы можно было их оспаривать, и, так как я верю в дьявола, я говорю, что это дьявол хочет овладеть доверчивыми людьми, устраивая для них по своему образцу мир невидимый и мистический, грубо материализованный, в который можно проникнуть не очищением души, а посредством разного рода манипуляций, магнетических флюидов и лжи... Он (Юм) ничего

Петербургские салоны учреждали различные общества и содружества, которые преследовали религиозные цели. Эти общества привлекали не только интеллигенцию, но и духовенство. Одним из таких обществ было «Религиозно-философские собрания».²⁰² Там принимали участие известные литераторы и лица духовного звания. Кроме этого, религиозные общества стали искать ответы на свои вопросы в «народной» вере. Появились разные блаженные и юродивые, появились и «старцы», но не те настоящие старцы, которые проживали в монастырях и в широко известной Оптиной Пустыни, а странники, выдававшие себя за старцев и прозорливцев. Так появился в Петербурге и Григорий Распутин, которого молва называла «старцем», прибывшим из Сибири, и к которому сразу же потянулось общество, как светское, так и некоторые представители высшего духовенства. К таковым относятся уже известные нам архимандрит Феофан Быстрое, будущий епископ и ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии, и епископ Саратовский Гермоген.

Кристалльно чистый и правдивый епископ Гермоген был очень доверчив к людям, и особенно к тем, кто умел показать свою духовность. И когда Григорий Распутин поехал в Саратов, он постарался буквально влезть в душу доброго епископа. Он представился ему аскетом, любящим Государя и стремившимся в монастырь.

Но Распутин не хотел оставаться в Саратове. Он стремился в Петербург, куда вскоре и попал. В нем говорило тщеславие простого сибирского мужика, одержимого хлыстовщиной. Он хотел возвыситься. Вполне возможно, что здесь помогали ему и враги России, враги Православия и Монархии.

Как сказано выше, в Петербурге экзальтированные сестры «Черногорки» Милица и Анастасия Николаевны и епископ Феофан ввели Григория Распутина в царский дворец.

Император видел в Распутине представителя своего народа, представителя крестьянства, а также и «старца». Но постепенно Государь стал менять свое мнение о Распутине. Уже перед войной, после докладов М.В. Родзянко, В.Н. Коковцева, генерала Джунковского и других, Император стал понимать, что представляет собой Распутин. Но Государь терпел его только потому, что верил, будто «старец» какой-то непонятной силой мог останавливать кровотечение у его несчастного сына. Государь также не хотел огорчать свою любимую супругу, верившую в Григория Распутина слепо и безрассудно.

[отсутствуют 8 страниц: 203-10]

небесного покровителя Святителя Николая, Чудотворца Мир Ликийских.

Как сказано выше, Император ревновал о постройке в России Церковноприходских школ. Такие школы открывались по всей стране.

На Пасху 1905 года Государь издал закон о веротерпимости. Старообрядцы получили свои церкви. В 1906 году по велению Императора было создано Предсоборное Присутствие, которое разрабатывало вопросы церковного порядка. Это уже была подготовка для Церковного Собора, который осуществился в 1917 году.²⁰³

Государь много потрудился для прославления новых святых в России. За время царствования Императора Николая II было причислено к лику святых 8 угодников Божиих и

не объясняет, не старается убеждать; он только констатирует факт, причина которого ему неизвестна. Он относит его к душам умерших, а я отношу скорее к душам элементарным, к тем, которых блаженный Августин в своем «Граде Божием» называет духами лжи, - к тщеславным, любопытным, лукавым, пустым, всегда пребывающим в заблуждении и старающимся увлечь с собой и человека, обитающим в самых низких слоях земной атмосферы, к духам воздуха, о которых говорит Апостол Павел. В древности они выдавали себя за богов, в средние века проявляли себя как колдуны, а в наше время превратились в стучащих духов и в невидимые руки.. Я думаю, что иметь с ними дело - грех, а еще более безумие, потому что они хотят отвлечь нас от Бога; с этой целью они пользуются языком религии..."

²⁰² Вл. Маевский «На грани двух эпох», с. 67.

²⁰³ "Царские коронации на Руси», с. 429.

святителей (н. ст.):

- 22 сентября 1896 г. - Святитель Феодосий Углицкий, архиеп. Черниговский,
- 1 авг. 1903 г. - Преподобный Серафим Саровский,
- 25 июня 1909 г. - Св. княгиня Анна Кашинская,
- 5 Июня 1910 г. - Преподобная Княгиня Евфросиния Полоцкая,
- 17 сентября 1911 г. - Святитель Иоасаф, епископ Белгородский,
- 25 мая 1913 г. - Святитель Гермоген, Патриарх Московский, мученически погибший от рук польских захватчиков в Смутное Время на Руси.
- 10 августа 1914 г. - Святитель Питирим, епископ Тамбовский,
- 23 июня 1916 г. - Святитель Иоанн, митрополит Тобольский.

Натура Императрицы Александры Феодоровны была чрезвычайно сложной. Приехав в Россию и приняв Православие, она всецело отдалась ему и всему русскому. Ее сердце тянулось к русской старине, и ей хотелось видеть Россию в образе Святой Руси 17-го века, с ее патриархальными устоями, с народом, безгранично преданным своему царю-самодержцу.

Самодержавие, которое унаследовал Император Николай II от своего отца, по мнению Императрицы должно было быть непоколебимым и незыблемым. И она лелеяла мысль передать это наследие своему сыну, Цесаревичу Алексею.

О характере Александры Феодоровны Вл. Маевский пишет:²⁰⁴

»... по характеру Александра Феодоровна была страстная, увлекающаяся женщина, с необыкновенной настойчивостью и жаром преследующая раз намеченную цель. Во всех повседневных делах, не захватывавших ее личных интересов, она отличалась исключительной рассудительностью. Но, как только вопрос касался того, что живо ее затрагивало, - неудержимая страстность брала вверх. Так у нее составилось совершенно неправильное представление о существе власти русского Царя после изменения Основных Законов 1906 года. Окруженная раболепными придворными, она не получила должных разъяснений о том, что и Царь должен соблюдать закон наравне со всеми своими подданными; что пределы личного усмотрения русского Царя определены в законе.

Властная природа молодой Государыни никак не могла примириться с возможностью ограничения в чем-либо ее царствующего супруга. И к этому вопросу она относилась с болезненной напряженностью. Отсюда ее постоянные напоминания в письмах Государю: «Ты - самодержец, ты - владыка и повелитель, ты - глава Церкви»... И эту мысль старалась она всемерно укрепить в сознании Государя...»

О том, как понимала Государыня сущность царской власти, граф В.Н. Коковцев говорит:²⁰⁵

«5 своем политическом веровании Императрица была гораздо более абсолютна, нежели Государь. Стоит внимательно прочитать сделавшиеся теперь достоянием публики все письма ее к Императору в самые разнообразные периоды их совместной жизни, чтобы найти в них прямое подтверждение этому. А если прибавить, что на почве их семейного действительно безоблачного счастья, которое не знало никаких размолвок или несогласий и только росло и крепло с годами, Императрица имела, неоспоримо, огромное влияние на своего мужа... Императрица... совершенно не разбиралась в тонкостях конституционного права и имела вполне определенный, так сказать, упрощенный способ веровани В ее понимании и в ее открытых заявлениях, как в письмах Государю, так и в беседах с теми, кто окружал ее и кому она доверяла, Государь остался выше закона. Он стоит над ним. Его воля ничем не ограничена. Он властен выразить какое угодно желание, потому что оно всегда на пользу страны и народа... Всякое осуждение Государя, всякое попустительство, на критику

²⁰⁴ Вл. Маевский «На грани двух эпох», сс. 192,193

²⁰⁵ Граф В.Н. Коковцев «Из моего прошлого», том II, сс. 351,352.

каких-либо его действий - недопустимо и должно быть пресекаемо всеми способами, и те носители власти, которые не исполняют этого, не могут оставаться на своих ответственных местах, ибо они ответственны прежде всего перед своим Государем и должны понимать, что он - Помазанник Божий.

Такое верование вошло в плоть и кровь ее мышления настолько, что она не хотела даже обсуждать этого вопроса с кем бы то ни было, в сочувствии кого она не была заранее уверена. Всякое возражение в этом отношении раздражало ее, и тот, кто делал его, становился просто неприятным ей, и она не в состоянии была скрыть своего недовольства..»

Православная религия охватила всю душу молодой Царицы. Она изучала во всех подробностях жизнь прославленных русских святых, их подвиги, их связь с важными моментами истории Царства Российского. Александра Феодоровна хорошо постигла жизнь русских монастырей, где создавалось не только объединение верующих людей, но где находились и центры просвещения русского народа. Императрица сама ездила в известные монастыри и общалась там с духовенством. Но она чувствовала, что ее молитвенность, которая росла и крепла в ней, сходна с молитвенностью простого русского народа, но не интеллигенции.

Узнав о высокой религиозности молодой Императрицы, ей стали отовсюду присылать старинные иконы и другие предметы старины из церковной утвари. По желанию Государыни, и на жертвуемые ей деньги, в Царском Селе был построен великолепный Феодоровский собор в чисто русском стиле, украшенный и расписанный по выбору самой Императрицы.²⁰⁶ В этом соборе было устроено уединенное место, где, скрытая от взоров присутствующих, Государыня могла молиться. Там крепла ее вера во все чудесное, и туда удалялась она, когда всякого рода сомнения или заботы западали ей в душу.

Близкие к Императрице Александре Феодоровне лица говорили, что она выходила из своего уединенного места Феодоровского собора часто переродившеюся и просветленною. Тогда она рассказывала, что испытывала в своем уединении необъяснимое для нее разрешение всех мучивших ее вопросов, и что самая жгучая печаль в ее душе сменялась легкостью, и что тогда она боялась одного, чтобы какое-нибудь неосторожное слово, сказанное даже самыми близкими, не вернуло ее к действительности.

Графиня Анастасия Васильевна Гендрикова,²⁰⁷ фрейлина Императрицы Александры

²⁰⁶ Протопресвитер Георгий Шавельский в книге «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», том I, сс. 52, 53, высказывает свое мнение относительно любви Государыни к русской церковной старине. Он говорит, что особенное удовлетворение ее мистическое чувство получало в русской церковной археологии.

Под ее настойчивым влиянием за последние 20 лет в России в церковном зодчестве и иконописи развилось тяготение к старине, дошедшее до неразумного подражания. Новые лучшие храмы, как Феодоровский Государев собор в Царском Селе и другие, стали сооружать в древне-русском стиле 16-го или 17-го века. Лики святых на некоторых иконах Феодоровского собора поражали своей уродливостью, и несомненно потому, что были списаны с плохих оригиналов 16-го и 17-го века. Некоторые иконы, чтобы было большее сходство со старинными, были написаны на старых, прогнивших досках. Отец Георгий сожалеет, что вся иконопись и убранство собора не дали места ни одному произведению великих мастеров церковного искусства - Васнецову, Нестерову и др.

²⁰⁷ Фрейлина Государыни, молодая девушка Анастасия Васильевна Гендрикова, отличалась большим благочестием и самоотверженностью. Во время революции она находилась в Крыму у своей больной родственницы. Узнав об отречении Государя от престола, она сразу же поехала в Царское Село, чтобы быть вместе с Государыней, Государем и их детьми. Графиня Гендрикова сопровождала Царскую Семью в ссылку в Тобольск, а потом и в Екатеринбург. Там, на вокзале города, она, вместе с лектрисой Государыни Екатериной Адольфовной Шнейдер была арестована по приказу Янкеля Юровского и Шайи Голощекина, и отправлена в Екатеринбургскую тюрьму, а потом в Пермскую. Отсюда, в сентябре 1918 года, Анастасию Гендрикову и Екатерину Шнейдер, в числе других заключенных, повезли за город и зверски убили: некоторых расстреляли, а других били прикладами винтовок. Когда части Белой Армии заняли город в 1919 году, тела несчастных жертв коммунизма были найдены. Анастасия Васильевна Гендрикова была убита страшным ударом приклада по

Феодоровны, рассказывала графу Коковцеву о том религиозном и мистическом настроении, которое все глубже охватывало Государыню. По словам А. Гендриковой, излюбленной темой разговора Императрицы в присутствии дочерей, когда никого из посторонних не было, являлась область молитвы и отношения человека к Богу. Это, по словам Государыни, должно быть положено в основание всей жизни человека, если он понимает свое призвание жить в Боге и слепо Ему повиноваться

Императрица Александра Феодоровна говорила:²⁰⁸

«Для Бога нет невозможного. Я верю в то, что кто чист своею душою, тот будет всегда услышан и тому не страшны никакие трудности и опасности жизни, так как они непреодолимы только для тех, кто мало и неглубоко верует».

«Никто из нас не может знать, как и когда проявится к нам милость Божия, так же, как и то, через кого будет проявлена она».

«Мы мало знаем то необъятное количество чудес, которое всегда, на каждом шагу, оказывается человеку Высшею Силою, и мы должны искать и ждать ее чудес везде и всюду и принимать с кротостью и смирением всякое их проявление».

Когда, благодаря дружбе с сестрами «Черногорками» Милицей и Анастасией, Государыня начала интересоваться мистическими вопросами, на своей руке она стала носить кольцо со знаком свастики, Она объяснила Лили Ден, супруге офицера яхты «Штандарт»,²⁰⁹ что знак свастики в древности был символом движения, символом божественности, и для нее этот знак стал эмблемой веры, любви и надежды.

Обладая глубоким мистицизмом, о чем пишет Лили Ден, Государыня стала верить, что на земле существуют люди, которые благодаря своей святости, могут быть посредниками между человеком и Богом. Они, как верила Императрица, посланы Провидением, чтобы помогать своим ближним и укреплять их. К таким людям Александра Феодоровна причисляла старцев и странников в России. К таким людям она причислила и Распутина.

Иносказательные «благочестивые речи» Распутина и ее вера в силу молитвы Распутина и в правдивость его предсказаний - дали ей уверенность в будущее и в то, что «старец» исцелит и спасет ее сына.

К сожалению, духовник Императрицы протоиерей Александр Васильев был сначала сторонником Распутина. Он верил в его искренность. Лишь позже сомнения вкрались в его душу.

Протопресвитер Георгий Шавельский дает характеристику отцу Александру Васильеву.²¹⁰ Он говорит, что о. Александр был прекрасным народным проповедником, дельным законоучителем и хорошим духовником. Он обладал ценными качествами: был честным и усердным в деле служения Господу, был умным и талантливым. Протопресвитер Шавельский пишет, что в другое время и при других обстоятельствах отец Александр удачно бы справился с большой задачей царского духовника. Но, к его несчастью, это была пора, когда царский духовник должен был непременно выступить на борьбу с «темными силами», и либо победить их, либо отойти в сторону. Это был крест отца Александра Васильева, который он понести не смог.

Вполне вероятно, что отец Александр, зная упорство Государыни, не решался вступать с ней в полемику относительно Распутина.

голове.

²⁰⁸ Граф В.Н. Коковцев «Из моего прошлого», том II с. 345.

²⁰⁹ Madame Lili Dehn «The real Tsaritsa», Little Brown and Co., U.S.A. 1922, с 63.

²¹⁰ О. Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», том I, с. 49.

Об упорстве и упрямстве Императрицы пишет Лили Ден. Она говорит, что эти свойства характера Государыня унаследовала от своей бабушки, королевы Виктории, и принца Альберта.

Александра Феодоровна не позволяла никому вмешиваться в сферу своей личной, как она думала, жизни, в сферу своей деятельности.

Некоторые лица пытались осветить Государыне создавшееся положение и предостеречь ее от неправильной оценки окружающих ее людей, но все эти попытки оканчивались полной неудачей.

Императрица вообще относилась к людям с некоторым недоверием и подозрительностью. Об этом пишет граф Коковцев:²¹¹

«Замкнутая, строгая к себе и к людям, сдержанная в своих личных отношениях к ним, - она относилась вообще с большим недоверием и даже с известной подозрительностью к окружающим, за исключением тех, кого она допускала в непосредственную свою близость и наделяла их, в таком случае, своим полным доверием. В этом случае она уже не знала ему пределов. Но стоило и тем, кого она допускала в свое «Святая Святых» в чем-либо, как ей казалось, нарушить оказанное им доверие или, в особенности, отнестись отрицательно, а тем более с неодобрением к тому, чем Императрица особенно дорожила или считала своим личным делом, как самое близкое лицо становилось чужим, безразличным, и отношения с ним порывались окончательно. Примеры родной сестры Императрицы, Великой княгини Елизаветы Феодоровны, вдовы Великого князя Сергея Александровича, и княгини З.Н. Юсуповой-Сумароковой-Эльстон служат лучшим тому доказательством. Стоило и той и другой выразить свое мнение о вреде появления при дворе Распутина, как самая нежная дружба многих лет этих дам с Императрицей совершенно порвалась и уступила место полному отчуждению...»

Во время докладов официальных лиц, Императрица проявляла властность и настойчивость. В книге Вл. Маевского приводятся строки из воспоминаний бывшего министра Земледелия А.Н. Наумова:²¹²

«Иное, чем Государь, впечатление производила при докладах Императрица Александра Феодоровна, у которой мне пришлось быть всего лишь дважды. В обоих случаях разговор велся исключительно относительно организационных работ по образованию Всероссийского Кустарного Общества и Комитета. Насколько его Величество проявлял к своему министру-докладчику снисходительно-деликатное отношение, никогда не прерывая его изложения, и во всем с ним обычно соглашаясь, - настолько Государыня, имея перед собой листок, исписанный заранее намеченными вопросами, производила докладчику своего рода строгий экзамен. Не довольствуясь ответами, она часто переспрашивала, заставляла уточнять докладываемые данные, нередко вступая в спор, доказывая правоту высказываемых ею взглядов и намерений. В общем Ее Величество проявляла удивительную деловую заинтересованность, такую же настойчивость в достижении намеченных ею целей и несомненную властность».

Государыня была идеальной супругой и матерью. В ней очень было развито чувство материнства, материнской опеки.²¹³ И она была счастлива, когда могла на кого-то распространить свою любовь и заботу. Такое чувство материнской нежности Императрица перенесла и на Анну Вырубову, часто изливавшую перед ней свою душу, и имевшую вид обиженного ребенка.

Императрица очень любила читать, и читала она книги серьезного содержания У нее

²¹¹ Граф В. Н. Коковцев «Из моего прошлого», том II, сс. 352,353.

²¹² Вл. Маевский «На грани двух эпох», сс. 198,199.

²¹³ Madame Lili Dehn «The real Tsaritsa», с 63.

была большая библиотека, и книги лежали везде. Библию Государыня знала «от корки до корки».²¹⁴ Она также следила за чтением своих дочерей и сама выбирала для них книги. Это были книги, главным образом, английских авторов. Чистые и невинные души Царских дочерей не видели ничего плохого. Они не имели никакого представления о грязной стороне жизни. Великие княжны жили в мире красоты, семейной дружбы и забот родителей. Но судьбой им было уготовано увидеть страшную сторону жизни, столкнуться с самыми низкими страстями человека, увидеть смерть родителей прежде, чем быть зверски убитыми.

Государыня Императрица Александра Феодоровна чуждалась представителей высшего класса общества. В их присутствии она чувствовала себя стесненно. Она предпочитала окружать себя людьми не очень высокого звания, как Анна Вырубова. Государыня часто приглашала к себе и Лили Ден.

Императрицу осуждали за то, что она сторонилась аристократии, но здесь Государыня была непреклонна. Она не позволяла никому вмешиваться в выбор своего окружения. Лили Ден удивлялась, почему Императрица предпочитала иметь «домашних», простых друзей не из блестящего класса. И она спросила об этом Государыню.²¹⁵ Императрица ответила, что она болезненно застенчива и что не может выносить посторонних людей.

Г-жа Ден высказывает мысль, что как обыкновенная женщина, Государыня была права, но как Императрица, возможно, она здесь поступала неправильно. Лили Ден приводит один пример: фрейлина Государыни княгиня Барятинская приготовилась сопровождать по долгу своей службы Государыню в какую-то поездку. Но Государыня вышла из дворца не из главного входа, а из бокового, в сопровождении своей лектрисы г-жи Шнейдер. Узнав об этом, княгиня Барятинская почувствовала себя до того обиженной, что сразу же оставила свою службу фрейлины и покинула дворец.

Вокруг Государыни образовалась группа людей, которая в силу одних или других причин - одни из опасения утратить свое положение при дворе, другие - по складу своего ума не понимавшие создавшегося грозного положения при дворе из-за распутинского влияния, а некоторые - потому, что сами искренне разделяли взгляды Императрицы, - хором укрепляли Государыню в избранном ею пути.

О робости Императрицы Лили Ден пишет,²¹⁶ что когда она была представлена Государыне будучи еще невестой офицера Дена, она испытала естественное чувство стесненности, но когда это состояние прошло, она заметила, что Императрица сама держит себя принужденно. Как потом она узнала, Государыня всегда была застенчива при встрече с незнакомыми ей людьми.

«Однако», - пишет Лили Ден, - «эта чрезвычайная робость не была признана застенчивостью в Петрограде. Она называлась немецкой надменностью! И это даже было подхвачено некоторыми английскими писателями.» (пер. с англ.)

О болезненной застенчивости Императрицы знал и посол Франции Морис Палеолог, который подробно описал свои наблюдения во время официального приема.²¹⁷

В июле 1914 года в Россию прибыл президент Франции Пуанкаре. Во дворце Петергофа был дан банкет в его честь. М. Палеолог сидел напротив Государыни Императрицы Александры Феодоровны и мог за ней наблюдать. Он пишет, что в свои 42 года она выглядела прекрасной в платье из парчи с бриллиантовой диадемой на голове. Президент Франции сидел с правой ее стороны и разговаривал с Государем. После первого

²¹⁴ Там же, сс. 71,76.

²¹⁵ Madame Lili Dehn «The real Tsaritsa», сс. 60,61.

²¹⁶ Там же, с. 40.

²¹⁷ Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs», том I, сс. 14,25,26.

блюда Императрица вступила в разговор с президентом. Вскоре ее улыбка застыла на лице, на щеках выступили пятна и она стала кусать губы. От затрудненного дыхания на груди ее заиграла бриллиантовая вышивка. К концу обеда, который очень затянулся, Государыня едва сдерживалась. Но когда Император поднялся, чтобы предложить тост и сказать речь - лицо Императрицы сразу приняло спокойное выражение.

На следующий день происходил ответный прием на борту яхты президента «Франция». После обеда, когда Государь с Пуанкаре удалились для частной беседы, Императрица осталась одна. Она предложила Палеологу занять место рядом с ней. Казалось, что Государыня истощена. С деланной улыбкой она произнесла усталым голосом:

«Я рада, что приехала сюда... Я боялась, что будет шторм... Яхта украшена замечательно... Президенту будет сопутствовать хорошая погода во время его плавани..» (пер. с. англ.)

Но внезапно она зажала уши. Потом болезненным и умоляющим взглядом нерешительно указала на оркестр, расположившийся недалеко и начавший играть что-то веселое и громкое.

«Можете ли вы?...» - прошептала Государын

Палеолог догадался, что Императрица просит его распорядиться, чтобы играли тише. Он дал знак дирижеру, но тот не понял его и прекратил совсем играть

«Спасибо вам, спасибо!» - вздохнула Императрица.

Великая княжна Ольга, которая сидела с остальными членами Семьи в другом конце яхты, уже некоторое время смотрела в сторону матери. Потом она подошла к Государыне и что-то ей прошептала, а затем, обращаясь к Палеологу, сказала:

«Императрица очень устала, но она просит вас, г-н. посол, остаться с ней и продолжать разговор».

Палеологу было трудно поддерживать этот разговор. В это время из-за туч выглянула луна и осветила весь залив. Тема для разговора нашлась. Он стал говорить о красоте мор Царица слушала его молча, но взгляд ее был отсутствующим и напряженным. Ее щеки приняли синевато-багровый оттенок, губы оставались неподвижны. Через десять минут, которые показались М. Палеологу вечностью, вернулся Государь с президентом Пуанкаре..

ГЛАВА 14

Поездка Государя в Берлин. Доброжелательное отношение к Государю немецкого народа. Поездка протопресвитера Георгия Шавельского с русской миссией в Германию. Сватовство румынского принца к Великой княжне Ольге Николаевне. Болезнь Цесаревича Алексея на яхте «Штандарт». Покушение на Григория Распутина в Покровском. Настроение в России к концу 1913 года. Забастовка рабочих. Мнение С.Д. Сазонова о Германии и ее отношении к России. Убийство эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево в июне 1914 года. Приезд президента Франции Пуанкаре в Россию. Разговор Мориса Палеолога с Государем. Ультиматум Сербии со стороны Австрии. Австро-Венгрия объявляет Сербии войну. Телеграмма Государя кайзеру Вильгельму. Телеграммы Распутину из царской виллы Александри Государь против войны. Общая мобилизация в России. Нота Германии об объявлении войны России. Царская Семья в день объявления войны Германией. Царская Семья в Зимнем дворце и Высочайший манифест о начале войны. Энтузиазм народа и подъем национального сознания Великий князь Николай Николаевич - Верховный Главнокомандующий. Визит Государя и его Семьи в Москву. Речь Государя в Большом Кремлевском дворце. Царская Семья в Успенском Соборе.

В мае 1913 года должно было состояться бракосочетание единственной дочери кайзера Вильгельма с герцогом Брауншвейгским, родственником Государя Императора Николая II со стороны матери. Государь получил приглашение на эту свадьбу, но не сразу принял его.

Министр Иностранных дел С.Д. Сазонов пишет,²¹⁸ что Императрица Александра Феодоровна не желала ехать в Берлин. Она питала чувство неприязни к кайзеру Вильгельму. Вообще, Государыня старалась избегать всяких официальных церемоний, как дома, так еще больше - за границей.

«Я бы хотел поехать в Берлин, - сказал Император, - но это будет истолковано как политический ход...» (пер. с англ.)

Сазонов знал, что Государь желал бы встретиться там со своим кузеном, королем английским Георгом, к которому питал теплые чувства дружбы и считал, что будет хорошо для Императора побывать в здоровой среде среди представителей английского двора. Сазонов также думал, что долгое пребывание Государя в Царском Селе, в атмосфере уединения, что происходило благодаря властной воле его недомогающей супруги, приводило его нервы в подавленное состояние, несмотря на всю глубокую любовь к жене и детям. Поездка за границу, как размышлял Сазонов, была бы полезна для Государя Она прервала бы его однообразную и тоскливую жизнь дома.

Государь Император поехал в Берлин, и когда он вернулся через несколько дней в Россию, то рассказывая Сазонову о своей поездке, выглядел очень веселым и довольным. Он говорил, что был радушно встречен в Германии, и не только при дворе, но и немецким народом. Его тепло приветствовали, когда он ехал вместе с кайзером по улицам Берлина. По своей скромности Государь сначала решил, что эти приветствия относятся к его хозяину - кайзеру, но потом заметил, что приветственные крики не прекращались и тогда, когда он ехал один, и это доброжелательное отношение к нему немецкого народа очень его радовало.

С.С. Ольденбург пишет, что во время свидания с кайзером, русский Царь говорил, что Россия готова отказаться от старых притязаний на Константинополь и на проливы. Но от Германии он требовал удерживать Австрию от захватнических поползновений, чтобы балканские государства могли сами определить свою судьбу.²¹⁹

В октябре 1913 года Государь поручил протопресвитеру Георгию Шавельскому поехать в Германию, в Лейпциг, чтобы совершить там торжественное освящение храма-памятника в честь погибших русских воинов в Битве Народов под Лейпцигом 16-19 окт. 1813г.²²⁰

Отец Георгий отправился туда вместе с русской миссией, возглавляемой Великим князем Кириллом Владимировичем. По настоянию о. Георгия вместе с ними поехал и знаменитый своим сильным, красивым голосом протодиакон Московского Успенского собора Константин Розов, а также и весь Синодальный хор.

В Германии отец Георгий был поражен порядком и дисциплиной. Он наблюдал, как немецкие войска, а за ними и разные организации и студенты шли стройными рядами и ровным шагом. Их ряды, как разноцветные ленты, сплоченно двигались в полном порядке к немецкому памятнику, а народ по обочинам дорог чинно следовал за ними.

Торжества начались 17-го октября в немецкой кирхе, предоставленной русским для богослужения Там уже стояли гробы с останками российских воинов, погибших во время знаменитой Битвы Народов. Здесь была отслужена панихида, а затем гробы перенесли в усыпальницу новопостроенного русского храма-памятника.

На следующий день уже здесь состоялось богослужение - Литургия и молебен, на который прибыл император Вильгельм с другими высочайшими особами.

²¹⁸ Serge Sazonov «Fateful Years», 1909-1916, сс. 116,117.

²¹⁹ С.С. Ольденбург «Царствование Императора Николая II», с. 487.

²²⁰ О. Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», том I, сс. 73-79.

Синодальный хор, одетый в древне-русские одежды, прекрасно исполнял все духовные песнопения, которые всегда так восхищают иностранцев. Протоиерей Розов на этот раз превзошел самого себя

Красота храма, блестящие священнические облачения, пение хора и возгласы протоиерея Розова повлияли на присутствующих так, что вся церковь замерла. Иностранцы во главе с коронованными особами были потрясены. Могучий голос Розова заполнил весь храм. Его раскаты и переливы уносились ввысь к куполу храма.

Кайзер Вильгельм, как потом рассказывали его приближенные, весь тот день не мог прийти в себя и все расспрашивал о русских церквях, песнопениях и о протоиерее Розове.

На следующий день вся российская миссия, вместе с духовенством и хористами, была приглашена на обед во дворец короля Саксонского, а после обеда, когда гости вышли в зал, появился кайзер Вильгельм и стал обходить присутствующих.

Протоиерей Георгий Шавельский хорошо запомнил его пристальный, испытывающий взгляд, которым он впивался в каждого, с кем разговаривал. Решительностью, смелостью и даже надменностью веяло от Вильгельма. Казалось, что кайзер хочет знать все, всем воспользоваться и всех держать в своих руках.

В этот момент отец Георгий невольно вспомнил нашего Императора Николая II, незлобивого, кроткого и смиренного.

За кайзером Вильгельмом неотступно следовал австрийский эрцгерцог Франц Фердинанд, который старался оттеснить кайзера от группы русских. Было очевидным, что он ненавидел русских и опасался, что его немецкий друг, под влиянием торжеств, почувствует симпатию к России.

Когда члены российской миссии попросили Великого князя Кирилла Владимировича представить их Вильгельму, он ответил:

«Видите: этот австрийский нахал никого не подпускает к нему.»

Все площади и улицы от дворца до гостиницы, где жили русские, были полны немецким народом, который с энтузиазмом приветствовал гостей. Но нигде не было ни беспорядков, ни пьяных, а только густая, как стена, праздничная толпа.

Возвращаясь из Лейпцига в Россию, Синодальный хор дал в Берлине духовный концерт. В концертный зал прибыл кайзер Вильгельм вместе с капельмейстером своей капеллы. Входя в ложу, он прежде всего спросил, будет ли выступать протоиерей Розов?

Так наша великая Россия перед войной 1914 года покорила Германию своими духовными песнопениями.

Последствия болезни Цесаревича Алексея в Спале почти прошли. Он уже мог хорошо ходить и даже бегать.

Весной 1914 года Царская Семья поехала на отдых в Крым. Здесь Государь проводил много времени с детьми. Он радовался случаю забыть на время, что он император, радовался сбросить здесь с себя

[отсутствуют 2 страницы: 225-6]

Цесаревич Алексей был очень резвым ребенком. Он часто шалил. Поднимаясь на яхту «Штандарт», он неудачно прыгнул и ударился ногой о выступ лестницы. К вечеру у него начались сильные боли. Удар о лестницу вызвал кровоизлияние в суставе ноги. Ребенок сильно страдал. Государыня не отходила от его постели и вместе с доктором Боткиным провела у него всю ночь.

Утром Пьер Жильяр спустился в каюту Наследника, чтобы поведать его. Оказалось, что ночь прошла очень плохо. Ни ласки матери, ни средства, применяемые доктором, не могли успокоить больного. Весь этот день, как пишет Жильяр, прошел медленно и угрюмо. Но он заметил еще с предыдущего вечера, что свита Государя необыкновенно возбуждена. Спросив у полковника Д. о причине, он узнал что было совершено покушение на Григория Распутина и что жизнь его в опасности.

Как выяснилось позже, это случилось в селе Покровском, когда молодая женщина,

Гусева, ударила Распутина в живот ножом. Она заранее приехала в Покровское и выжидала там удобного случая, чтобы выполнить свой замысел. Когда Распутин шел один по улице, она подошла к нему, как бы прося подаяния, а потом с криком, что убивает Антихриста, нанесла ему сильный удар в живот ножом. Распутин с диким воплем, прижимая руки к ране, добрался до своего дома, где и свалился

Врач, которого вызвали по телеграфу из Тюмени, немедленно сделал операцию, а потом отправил его в больницу в Тюмень. Здесь раненый находился несколько дней между жизнью и смертью, но его невероятная, почти сверхъестественная сила и здоровье победили и он стал медленно поправляться

Гусева была сразу же арестована. Ее судили, признали невменяемой и отправили в дом для умалишенных.

Придворные на яхте «Штандарт» собирались группами и шепотом разговаривали, обсуждая дело покушения на Распутина, и только при приближении кого-то из сторонников «старца», эти разговоры умолкали, Пьер Жильяр пишет:²²¹

«.. Преобладало чувство надежды увидеть себя, наконец, освобожденными от этого дурного существа, но не решались еще предаваться безграничной радости: этот окаянный мужик, казалось, имел душу, пришитую к телу, и можно было опасаться, что он с ней не расстанется»

Через несколько дней Цесаревич Алексей почувствовал себя гораздо лучше, но не мог еще ходить. Его только выносили на руках.

Благодаря уходу врачей Наследник стал быстро поправляться, и поправлялся он без «помощи» Григория Распутина, который лежал в больнице при смерти.

К концу 1913 года уже многие государственные деятели Европы разделяли мнение, что война неизбежна. Но Российский Император Николай II считал, что все недоразумения политического характера в международной сфере могут быть разрешены мирным путем. Большинство же членов русского правительства: министр Земледелия Кривошеин, министр Иностранных дел Сазонов, и даже Военный министр Сухомлинов, хотя он обычно был оптимистом - считали, что войны не избежать.

Несмотря на хозяйственный расцвет России и повышение жизненного уровня народа, в стране распространялись различные вредные слухи; продолжались нападки на отдельных министров. Как выражался покойный Петр Аркадьевич Столыпин, Россия по-прежнему была «недовольна собой».

Основное влияние на рабочих имели марксисты. Но не только они одни старались нарушить благополучие России. В этом участвовали и другие партии, которые вели активную подрывную работу.

Член Государственной Думы Александр Керенский, представитель партии трудовиков, и другие, ему подобные разрушители страны, ездили по России, произнося революционные речи.

После событий на Лене, когда там было убито 200 рабочих, Керенский поехал на место трагедии и резко обвинял во всем полицию. С Ленских приисков он направился в район реки Волги, где вел кампанию по выборам в 4-ю Государственную Думу. В своих выступлениях он критиковал русское правительство, устраивал митинги, произносил зажигательные речи. И, как он сам высказывался позднее, всю Россию он и подобные ему покрыли сетью рабочих и либеральных организаций: кооперативами, профсоюзами, различными рабочими объединениями.

Александр Керенский писал:²²²

²²¹ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», с. 80.

²²² Robert K. Massie «Nicholas and Alexandra», с 273.

«В те дни, человек, открыто и враждебно настроенный к правительству, как я, путешествовал из города в город, вполне свободно выступая с речами на общественных собраниях. На этих митингах я резко критиковал правительство... (и никогда) не пришлось в голову царской полиции лишить меня права парламентской неприкосновенности». (пер. с англ.)

В результате работы господина Керенского и подобных ему, в 1913 году в России бастовало семьсот тысяч рабочих, а в январе 1914 года эта цифра достигла одного миллиона.²²³

В России ощущалась германофобская настроенность. В Германии тоже подогревались антирусские выпады и распространялось мнение, будто Россия готовится к войне. Во многом этому способствовал тон и русской печати.

Интересно пишет С.Д. Сазонов о Германии и ее отношении к России.²²⁴

«Я вижу ясно психологию этих немцев, которые были заинтересованы в политическом и других отношениях - приблизить всю Восточную Европу в орбиту влияния Германии. Они знали, что Россия стала вооружаться только пять или шесть лет со времени окончания Русско-японской войны, и если ждать того времени, когда Россия будет технически подготовлена, то реализация немецкого плана станет или невозможной, или очень затруднительной. Тем не менее я должен признать, что инициатива Европейской войны, вне сомнения, принадлежит не Германии, а Австро-Венгрии. Совсем неподготовленная, она решила предпринять это во что бы то ни стало... Она была вполне уверена в германскую непобедимость... Германия, которая приняла на себя большую ответственность в поощрении преступного легкомыслия своей союзницы, бросилась, закрыв глаза, в эту войну, тоже веря в свою непобедимость...» (пер. с англ.)

О ненависти кайзера Вильгельма к славянам С.Д. Сазонов пишет:²²⁵

«В мемуарах австрийского генерала, графа С., который был прикомандирован к Главному штабу кайзера во время войны, я нашел следующую запись - высказывание, которое автор слышал от самого кайзера:

«Я ненавижу славян. Я знаю, что это грех так рассуждать. Мы не должны никого ненавидеть. Но я не могу ничего поделать с моей ненавистью».

28го июня 1914 года эрцгерцог Франц Фердинанд, наследник престола Австро-Венгрии и его морганатическая супруга были убиты в Сараево, столице Боснии. Убийцей оказался молодой серб, босниец по рождению, австрийский подданный. Он был арестован на месте.

Государь Император Российский выразил соболезнование престарелому императору Австро-Венгрии Францу Иосифу, а австрийского посла в Петербурге посетили русские великие князья и другие сановники.

Хотя убийца эрцгерцога был австрийским подданным, Австро-Венгрия стала обвинять Сербию в соучастии в преступлении. В Боснии начались аресты сербов и погромы сербских магазинов. Было ясно, что Австро-Венгрия старалась использовать убийство эрцгерцога для своих политических целей на Балканах.

Сербское правительство держалось очень осторожно. В стране были запрещены какие-либо демонстрации и протесты против австрийцев.

В это время в России усилились беспорядки и забастовки среди рабочих. Началось все это с Баку, а оттуда перекинулось на Петербург, Москву и Ревель. Ко дню приезда в русскую столицу французского президента Пуанкаре, в городе остановились трамваи. Бастующие рабочие били каменные мостовые и бросали этими камнями в полицию.

²²³ Там же, с. 273.

²²⁴ Serge Sazonov «Fateful Years», 1909-1916, сс. 163,164.

²²⁵ Там же, с. 163.

В воспоминаниях французского посла Мориса Палеолога о днях посещения России президентом Пуанкаре, имеются записи его разговора с Государем. Палеолог пишет,²²⁶ что когда он находился вместе с Императором на русской яхте «Александрия», ожидая прибытия президента Франции, он выразил Государю свои опасения в отношении милитаристических намерений Германии.

Государь ответил:

«Я не могу поверить, что император (Вильгельм) хочет войны... Если бы вы его знали так хорошо, как я! Если бы вы знали, сколько театрального в его позах!» (пер. с англ.)

Когда после встречи президента Франции, Морис Палеолог вернулся в Петербург, он узнал, что рабочие многих фабрик и заводов объявили забастовку, что в некоторых местах города произошли стычки между рабочими и полицией. Один из осведомителей Палеолога доложил ему, что эти беспорядки были инспирированы немецкими агентами.

На следующий день продолжались яростные демонстрации в промышленных районах Санкт-Петербурга. Вечером того же дня начальник полиции уведомил Палеолога, что среди арестованных подстрекателей к забастовкам оказалось несколько известных немецких агентов.

Далее, в книге Мориса Палеолога имеется интересное описание поездки Царской Семьи и президента Франции в Красное Село, где были расположены воинские части.

Государыня Императрица Александра Феодоровна ехала в карете с Пуанкаре по правую руку, а две старшие Великие княжны сидели напротив. Сам же русский Царь гарцевал на коне, рядом с каретой, сопровождаемый блестящим эскортом великих князей и адъютантов.

Все остановились на невысоком холме среди равнины, а там уже стояли войска, построенные по полкам, и расстились они от самого подножия холма вдаль, на огромное расстояние.

Солнце уже клонилось к западу, и небо было окрашено пурпуром и золотом. По знаку Государя, артиллерийский залп возвестил о начале вечерних молитв. Военный оркестр заиграл «Боже, царя храни», и все обнажили головы. Офицер громким голосом стал читать молитвы. И тысячи и тысячи воинов молились за Царя и за Святую Русь. Тишина и сосредоточенность этих многочисленных войск на громадной равнине, магическая поэзия вечернего часа - создавали величественную картину, которая осталась в памяти Палеолога на всю жизнь.

В день отъезда президента Пуанкаре из России, Государь сказал Палеологу:²²⁷

«Я доволен моим разговором с президентом. Мы во всем сходимся во взглядах. Я не меньше желаю мира, чем он, и он не менее решителен, чем я - сделать все возможное, чтобы предотвратить причины, которые могут нарушить мир. Он обеспокоен некоторыми маневрами Австро-Германии против Сербии и думает, что мы должны держаться объединенным фронтом в общей дипломатической политике. Я того же мнени Мы должны быть твердыми и объединиться в наших усилиях, чтобы найти возможное решение в урегулировании создавшегося положени Чем ситуация становится более трудной, тем важнее становится единение и твердость». (пер. с англ.)

В ответ на беспокойство посла Франции в отношении позиции Германии и Австро-Венгрии, Государь сказал:

«... Нет, нет. Несмотря ни на что, император Вильгельм слишком осторожный, чтобы увлечь свою страну в какую-то дикую авантюру, а император Франц-Иосиф только и желает, чтобы умереть в мире».

На следующий день после отбытия президента Франции Пуанкаре из России, 24-го

²²⁶ Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs», том I, сс. 12,15,20-22,27,28.

²²⁷ Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs», том I, сс. 27,28.

июля, русское министерство Иностранных Дел получило телеграмму из Сербии, что австрийский посланник передал сербскому правительству ультиматум с явно неприемлемыми для Сербии требованиями. Когда Государь Император ознакомился с содержанием этой ультимативной ноты, он воскликнул:²²⁸

«Это возмутительно!»

и созвал экстренное совещание Совета Министров, после которого было выпущено краткое коммюнике:

«Правительство весьма озабочено наступившими событиями и посылкой Австро-Венгрии ультиматума Сербии. Правительство зорко следит за развитием австро-сербского столкновения, к которому Россия не может оставаться равнодушной.»

В ответ на телеграмму сербского королевича Александра, где он взывал о помощи, Государь ответил телеграммой:²²⁹

«Пока имеется малейшая надежда избежать кровопролития, все мои усилия будут направлены к этому. Но если, несмотря на наши искренние желания мира, мы не сможем достигнуть этого, Ваше Королевское Высочество может быть уверенным, что Россия ни в коем случае не останется равнодушной к судьбе Сербии». (пер. с. англ.)

Министр Иностранных дел С.Д. Сазонов высказывает следующую мысль в своей книге:²³⁰

«Я был глубоко уверен в то время, и все еще уверен теперь, что если бы британское правительство присоединилось к России и Франции в сербском вопросе с начала, то Берлин не стал бы поощрять Австрию в ее политике агрессии, а наоборот, посоветовал бы осторожность и выдержку. Тогда час расчетов между двумя враждебными лагерями, на которые была разделена Европа, был бы отложен на годы, если не навсегда...» (пер. с. англ.)

Об этом говорит и Великий князь Александр Михайлович:²³¹

«До полуночи 31 июля 1914 года британское правительство могло бы предотвратить мировую катастрофу, если бы ясно и определенно заявило о своем твердом намерении вступить в войну НА СТОРОНЕ РОССИИ И ФРАНЦИИ. Простое заявление, сделанное по этому поводу Асквитом и сэром Эдуардом Греем, умиротворило бы самых воинственных берлинских юнкеров... Англия вступила позже в войну, не потому, что свято чтит международные договоры, но скорее всего из чувства зависти в отношении растущего морского могущества Германии...»

Сербское правительство пошло на уступки и во многих вопросах удовлетворило требования Австро-Венгрии.

Когда кайзер Вильгельм прочел ответ Сербии, то решил, что этого достаточно, но австрийское правительство в тот же день прервало дипломатические отношения с Сербией, а 28-го июля объявило Сербии войну.

В России все были этим возмущены и в Санкт-Петербурге прошли уличные манифестации, призывающие к войне.

Но Государь Император все еще надеялся, что Германия окажет давление на Австро-Венгрию и уладит этот конфликт. Государь несколько раз посылал телеграммы кайзеру Вильгельму.

Не имея утешительного ответа от Германии, российскому правительству пришлось

²²⁸ С.С. Ольденбург «Царствование Императора Николая II», сс. 529,530.

²²⁹ Serge Sazonov «Fateful Years», 1909-1916, с. 178.

²³⁰ Serge Sazonov «Fateful Years», 1909-1916, с. 180.

²³¹ Великий князь Александр Михайлович «Книга воспоминаний», с. 256.

объявить частичную мобилизацию против Австрии, хотя некоторые ответственные министры настаивали на полной мобилизации армии.

С.Д. Сазонов пишет, что Государь следил с большим беспокойством, чем кто-либо из членов русского правительства, за каждым шагом держав, вовлеченных в европейский кризис. Он думал о каждом возможном средстве, чтобы спасти Европу от всемирного пожара. Государь послал кайзеру Вильгельму телеграмму:²³²

«Будет справедливым представить австро-сербский конфликт на рассмотрение Гаагского суда. Я верю в Вашу дальновидность и в Вашу дружбу». (пер. с англ.)

Сазонов пишет, что нельзя не восхищаться простыми словам Царя, полным глубокой любви к миру и полным благородного довери

Император был так озабочен сохранением мира в Европе, что даже забыл поставить в известность об этой телеграмме своего министра Иностранных дел Сазонова. Текст этой телеграммы стал известен только через шесть месяцев.

Ответа на нее Государь от кайзера Вильгельма не получил.

Пьер Жильяр в своей книге сообщает один интересный факт.²³³ Он пишет, что в то время, как государственные умы находились в возбуждении и дипломаты заставляли работать все отделы своих канцелярий, из царской виллы Александрии слались в далекую Сибирь, в госпиталь Григорию Распутину телеграммы, приблизительно одного содержания:

«Мы опасаемся возможности войны. Думаешь ли ты, что она возможна. Молись за нас. Поддержи нас своими советами».

Распутин отвечал, что войны следует избежать во что бы то ни стало, если не желают навлечь самые худшие бедствия на Династию и на всю страну.

Эти советы, как пишет Жильяр, вполне отвечали личным желаниям Государя, в миролюбивых намерениях которого никто не сомневался

В сноске на странице 83 своей книге, Пьер Жильяр пишет:

«Зимой 1918-1919 года, когда я находился в Тюмени, я видел собственными глазами копии этих телеграмм, текста которых позднее я не мог получить».

Сазонов, с полного согласия Государя, продолжал переговоры, стараясь уладить все мирным путем. На вопрос германского посла Пурталеса - на каких условиях Россия будет согласна остановить свои приготовления к войне, Сазонов написал на листе бумаги, что если Австрия готова отказаться от своего ультиматума, пункты которого нарушают суверенитет Сербии, Россия остановит свои приготовления к войне.²³⁴

Германия ответила, что предложение России не может быть принято Австрией.

Настал критический момент. И начальник Генерального штаба и Военный министр просили С.Д. Сазонова, чтобы он склонил Императора на общую мобилизацию.

Сазонов позвонил по телефону Государю в Петергоф. Он не сразу узнал голос Императора. На просьбу Сазонова принять его, последовало долгое молчание. Потом Сазонов услышал:

«Я приму вас в три часа».

При разговоре Сазонова с Императором присутствовал генерал Татищев, один из самых благородных и верных слуг Государя. Он потом последовал за Императором в Екатеринбург, где и принял мученическую смерть от рук палачей-коммунистов.

Сазонов докладывал Государю о создавшейся обстановке в течение 50 минут. Он сказал, что откладывать общую мобилизацию будет опасно потому, что согласно информации, всеобщая мобилизация немецких военных сил началась, хотя официального

²³² Serge Sazonov «Fateful Years», 1909-1916, cc. 194,195.

²³³ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», cc. 82,83.

²³⁴ Serge Sazonov «Fateful Years», 1909-1916, cc. 197,200-205.

сообщения еще нет. При сложившихся обстоятельствах ничего не остается делать, как дать приказ об общей мобилизации в России.

Государь молчал. Потом он сказал Сазонову голосом, полным внутреннего волнения:

«Это значит - послать сотни тысяч русских людей на смерть. Как можно не колебаться перед принятием такого шага?» (пер. с англ.)

Сазонов возразил, что ответственность за бесценные жизни, которые унесет война, не падет на голову Императора. Ни он, ни его правительство не хотят войны. И Государь и правительство сделали все возможное, чтобы избежать ее. Государь может сказать, с полной уверенностью в свою правоту, что его совесть чиста и что он не будет отвечать за это перед Богом.

Император сидел бледный, и выражение его лица выдавало страшную борьбу, происходившую внутри.

Наконец, он ответил с затруднением:

«Вы правы. Для нас ничего не осталось, как быть готовыми к атаке на нас. Дайте начальнику Генерального штаба мой приказ о мобилизации».

Государь в тот же день послал кайзеру Вильгельму телеграмму следующего содержания:²³⁵

«Технически невозможно остановить наши военные приготовления, ставшие неизбежными ввиду мобилизации Австрии. Мы далеки от того, чтобы желать войны. Пока будут длиться переговоры с Австрией по Сербскому вопросу, мои войска не предпримут никаких военных действий. Я торжественно даю тебе в этом мое слово».

В ночь с 31-го июля на 1-е августа германский посол в России Пурталес явился к русскому министру Иностранных дел Сазонову и предложил ему ультиматум - немедленно остановить мобилизацию русских военных сил.

Удовлетворить это требование Россия не имела возможности.²³⁶ Пурталесу было объявлено, что русские войска не перейдут границу Российской Империи.

Тогда 1-го августа 1914 года в 7 часов вечера германский посол вручил Сазонову ноту об объявлении войны Германией.

С.Д. Сазонов пишет,²³⁷ что Пурталес, передавая ему ноту об объявлении войны, потерял контроль над собой. Прислонившись к окну, он зарыдал. Затем, с жестом отчаяния, он сказал:

«Кто мог подумать, что я буду уезжать из Санкт-Петербурга при таких обстоятельствах!»

Несмотря на внутренние эмоции, С. Сазонов сдержал себя. Они оба обнялись, и Пурталес неверным шагом вышел из комнаты.

В те дни Пьер Жильяр вел свои записки ежедневно. О последнем дне в царском дворце перед началом войны он рассказывает,²³⁸ что в тот вечер, когда Германия объявила войну России, Государь, Государыня и Царские дочери присутствовали на вечернем богослужении в маленькой церкви виллы Александрия в Петергофе.

За несколько часов перед церковной службой Жильяр встретил Императора. Он был

²³⁵ С.С. Ольденбург «Царствование Императора Николая II», с. 533.

²³⁶ Германский Главный штаб отлично знал, что перерыв в русской мобилизации ввиду громадного пространства России и малого количества железнодорожных путей, вызовет в России замешательство и беспорядок в служебных учреждениях, и потребовалось бы около трех недель, чтобы возобновить общую мобилизацию. А три недели срока дали бы Германии большое преимущество в военных силах и в наступлении.

²³⁷ Serge Sazonov «Fateful Years», 1909-1916, с. 213.

²³⁸ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», сс. 85-87.

поражен его видом: лицо Государя потемнело, черты его изменились, и маленькие мешочки под глазами, которые появлялись у него во время усталости, теперь казались невероятно большими.

В церкви Государь очень усердно молился. Он был весь охвачен религиозным порывом. Можно было догадаться, что Государь просил Господа избавить его народ от войны, которая казалась неизбежной.

Около него стояла его супруга, печальное лицо которой выражало большое страдание. Такое выражение лица Пьер Жильяр видел у Государыни только во время болезни Цесаревича. Сейчас она горячо молилась, и определенно о том, чтобы Господь отвратил угрозу войны.

Потом Императорская Семья проследовала в столовую Александрии. Прежде чем садиться к столу, это было около 8-и часов вечера, Император направился в свой кабинет, чтобы просмотреть депеши, которые были доставлены в то время, когда он находился в церкви. И здесь, из докладной записки министра Иностранных дел Сазонова, Государь узнал об объявлении войны Германией. Император немедленно позвонил по телефону Сазонову и попросил его приехать.

Все это время Государыня с дочерьми ожидала супруга в столовой. Ожидала долго, уже стала беспокоиться и послала одну из дочерей за ним. В это время появился Государь. Его лицо было очень бледным, и голосом, который выражал сильное волнение, он сообщил Семье о начале войны. Императрица заплакала и Великие княжны, видя скорбь матери, тоже залились слезами.

Обо всем этом подробно рассказала на следующий день Пьеру Жильяру Царевна Анастаси

В 10 часов вечера в Александрию прибыл Сазонов. Он оставался у Государя долгое время. Также приехал и посол Великобритании Бьюкенен.

Жильяр встретился с Императором только на следующий день, когда Государь зашел к Наследнику, чтобы поцеловать его перед тем как ехать в Зимний дворец для объявления народу манифеста о начале войны.

Вид у Государя был еще хуже, чем накануне. Его глаза лихорадочно блестели. Обратившись к Жильяру он сказал, что немцы атакуют французские таможенные заставы без объявления войны Франции.

Император с Императрицей и Великими княжнами отправились в Зимний дворец. Это было 2-го августа в 3 часа дня.

В Зимнем дворце, в Николаевском зале, к этому времени собрался весь двор, а также и высшие чины армии и флота. Все были одеты в парадные мундиры. Всего там находилось около шести тысяч человек.²³⁹ В центре зала был сооружен алтарь и на престоле стояла чудотворная икона Божией Матери Казанской, та самая, перед которой во время войны с Наполеоном молился фельдмаршал Кутузов.

В зале чувствовалась напряженность и стояла полная тишина. В этот момент распахнулись двери и вошла Императорская Семья. Они прошли через весь зал и заняли место слева от алтаря. Государь пригласил Мориса Палеолога занять место напротив него, как знак уважения к союзнице - Франции.

Начался молебен. Император истово молился. Его бледное лицо было сосредоточено. Государыня Императрица Александра Феодоровна стояла рядом с ним. Ее взгляд был устремлен вперед, грудь вздымалась, голова поднята кверху. Иногда она закрывала глаза, и тогда ее очень бледное лицо казалось безжизненным.

После окончания богослужения придворный священник прочитал Царский манифест - обращение к народу России. В манифесте излагался ход переговоров между враждебными государствами перед началом войны, и каким образом произошло объявление войны

²³⁹ Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs», том I, сс. 50-52.

Германией.

В Высочайшем манифесте звучали следующие слова:²⁴⁰

«... В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение Царя с его народом и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага.

Видит Господь, что не ради воинственных замыслов или суетной мирской славы подняли мы оружие, но ограждая достоинство и безопасность Богом хранимой нашей Империи, боремся за правое дело... Да благословит Господь Вседержитель наше и союзное нам оружие и да поднимется вся Россия на ратный подвиг с железом в руках, с крестом в сердце».

Потом Государь Император вошел в алтарь, и подняв правую руку к святому Евангелию, которое держали перед ним, сказал, отчеканивая каждое слово:²⁴¹

«Офицеры моей гвардии, здесь присутствующие, я приветствую в вашем лице всю мою армию и посылаю ей мое благословение. Я торжественно заявляю, что я не заключу мира до тех пор, пока не останется ни одного неприятельского солдата на земле нашего Отечества».

Эта присяга Государя Императора Российского была покрыта оглушительными приветствиями всех здесь собравшихся, и всеобщие выкрики приветствий перекинулись за Зимний дворец, туда, где вся Дворцовая площадь и прилегающие к ней улицы были заполнены народом. Над этой людской массой развевались национальные флаги, реяли знамена и плакаты. Кроме святых икон, многие держали в руках портреты Царя и Царицы.

Громовое «ура» и пение гимна «Боже, царя храни» - вырывалось из груди каждого русского патриота и христианина.

Государь вышел на балкон, чтобы его увидел весь народ, а за ним появилась Императрица. Наследник Алексей Николаевич еще недостаточно оправился после своей болезни. Состояние его здоровья ухудшилось из-за его неосторожности, и он не мог сопровождать Августейших родителей в Зимний дворец, что очень огорчило и Государя и Государыню.

М.В. Родзянко пишет,²⁴² что когда толпа увидела Государя, ее словно пронзила электрическая искра, и громовое «ура» огласило воздух. Флаги и плакаты с надписями: «Да здравствует Россия и славянство» склонились до земли, и вся бесчисленная толпа, как один человек, опустилась на колени. Для них Император Николай II был абсолютным монархом, их главой и защитой. Он был для них истинным Помазанником Божиим.

Государь хотел что-то сказать. Он поднял руку, но несмолкаемое «ура» не дало ему говорить. Император опустил голову и стоял некоторое время, охваченный этим торжественным моментом -единением Царя со своим народом. Потом он повернулся и медленно скрылся во внутренних покоях дворца.

Когда М.В. Родзянко вышел из дворца и пошел по улицам Петербурга, он встретил рабочих. Он их спросил, почему они здесь, когда незадолго до этого бастовали чуть ли не с оружием в руках, предъявляя свои требования политического и экономического характера. В ответ рабочие сказали:

«То было наше семейное дело. Мы находили, что через Думу реформы идут слишком медленно. Но теперь дело касается всей России. Мы пришли к своему Царю как к нашему знамени и мы пойдем с ним во имя победы над немцами».

Племянница Великой княгини Елизаветы Феодоровны, Мария Павловна, пишет,²⁴³

²⁴⁰ С.С. Ольденбург «Царствование Императора Николая II», с. 534.

²⁴¹ Maurice Paleologue «An Abassador's memoirs», том I, с. 51.

²⁴² М.В. Родзянко «Крушение Империи», с. 79.

²⁴³ Marie, Grand Duchess «Education of a Princess». Viking Press, New York, 1931. с 163.

что когда Россия провожала свои первые полки на фронт, воодушевление и грандиозный подъем патриотизма охватил всех. Чувство национального единения ощущалось везде. Беспорядки на фабриках и заводах прекратились сразу же, как только была объявлена мобилизация. Политические организации рабочих почти всех партий переорганизовались в различные товарищества помощи воюющим. Великая княгиня Мария Павловна пишет, что это было впервые, как она помнит, когда русские оставили свои разногласия и споры и принялись за общее дело с необыкновенным рвением и четкостью.

Морис Палеолог в своей книге говорит,²⁴⁴ что неслыханная с давних пор волна патриотизма охватила русский народ. В Москве, Ярославле, Казане, Симбирске, Туле, Киеве, Харькове, Одессе, Ростове, Самаре, Тифлисе, Оренбурге, Томске, в Иркутске - везде устраивались демонстрации в поддержку начавшейся войны. По всей стране наблюдался подъем национального сознания, объединение вокруг Царя и вера в окончательную победу над врагом. Не слышно было нигде голосов оппозиции против войны, не было инакомыслящих выступлений. Казалось, что печальные дни 1905 года навсегда ушли из памяти русского народа. Палеолог пишет, что со времени войны с Наполеоном 1812 года общая душа Святой Руси еще никогда не поднималась так единодушно, как это было в августе 1914 года.

Государственная Дума проявила горячий патриотизм, что очень обрадовало Императора, и утвердила единогласно все военные кредиты.

Государь изъявил желание встать во главе войска и быть Верховным Главнокомандующим, но Совет Министров воспротивился этому и предложил двух кандидатов: Военного министра В.А. Сухомлинова и Великого князя Николая Николаевича. Государь выбрал Николая Николаевича.

Великий князь Николай Николаевич доводился внуком Императору Николаю I. Его называли: Николай Николаевич «младший» - в отличие от его отца Николая Николаевича «старшего», третьего сына Николая I. Родился он в 1856 году и к началу войны ему было 58 лет. Он был женат на Анастасии Николаевне, «Стане», княжне Черногорской. Как сказано выше, Стана и ее сестра Милица, супруга брата Николая Николаевича, Петра, сыграли роковую роль в продвижении Григория Распутина к царскому двору, к Императрице Александре Феодоровне.

Великий князь Николай Николаевич был очень популярен среди Российских войск, а также и среди населения всей страны.

Англия вступила в войну 5-го августа. Австрия же объявила войну России только 6-го августа. Она выжидала, чтобы Россия первой объявила ей войну.

Согласно установившемуся обычаю, перед началом военных действий русские государи ездили в Москву, чтобы у могил своих предков-царей и у гробниц патриархов Российских испросить их святых молитв перед Господом.

Государь Император Николай II и вся его Семья поехали в Первопрестольную 17-го августа.

Пьер Жильяр пишет, что этот визит Императора в Москву произвел на него сильнейшее впечатление и был самым трогательным из всех событий, которые он пережил в своей жизни.

С вокзала Государь с Семей, сопровождаемый свитой, направился в экипаже к Кремлю. Громадные толпы народа заполняли все площади и примыкающие улицы. Люди стояли на крышах домов и магазинов. Все проемы дверей и окон были заполнены народом. Колокола московского Кремля непрерывно звонили, а поверх их звона слышался из груди многотысячной толпы, сильный и грозный по своему религиозному величию, гимн: «Боже, царя храни». Все храмы по пути следования Государя были открыты, и можно было видеть

244 Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs», том I, с. 74.

мерцание свечей перед сияющими иконостасами и священников в парадных облачениях, держащих в руках Распятия и благословляющих ими Государь

У Иверских ворот Император вышел из кареты и по давнему обычаю вошел в Иверскую часовню, чтобы приложиться к великой русской святыне - Иверской иконе Божией Матери. Когда он вышел оттуда, то не сразу сел в экипаж, а сделав несколько шагов, остановился, окидывая взглядом неисчислимую толпу его верноподданных. Жильяр пишет, что Государь стоял с достоинством и как бы прислушивался к голосу своего народа. Он внимал биению сердца великой России.²⁴⁵

Потом Император повернулся в сторону часовни, перекрестился, надел фуражку и медленными шагами направился к экипажу.

Наследник Алексей Николаевич, которому 12-го августа исполнилось десять лет, снова жаловался на боль в ноге. Государь с Государыней были в отчаянии. Их сын не присутствовал на церемонии в Зимнем дворце. Неужели и на этот раз придется держать его на руках? Жильяр говорит, что почти всегда получается так, что когда Цесаревич должен показаться народу, можно быть уверенным, что в последний момент что-то случится, что воспрепятствует Наследнику нормально идти рядом с Августейшими родителями. Император с Императрицей очень переживали, что и на этот раз, в Москве, пришлось казаку носить Цесаревича на руках. Царская чета боялась, что в народе может укрепиться мысль, будто Великий князь и Наследник Российского престола неизлечимо болен.

На второй день после прибытия Государя в Москву, утром, в зале Большого Кремлевского дворца собрались высокопоставленные лица Империи, министры, представители от различных сословий народа и от разных организаций. Ровно в одиннадцать часов в зал вошли Государь, Государыня, четыре их дочери. Наследника внес на руках казак, а за ними вошла Великая княгиня Елизавета Феодоровна.

Громким, твердым голосом Государь обратился к присутствующим. Он напомнил, что следуя установившейся издавна традиции его предков, он прибыл в Москву, чтобы найти моральную поддержку в молитвах перед святынями Кремля. Он сказал, что героический национальный подъем охватил всю Россию без различия расы или национальности. Заключил он свою речь словами:²⁴⁶

«Отсюда, из самого сердца России, я посылаю мое сердечное приветствие моим доблестным войскам и моим благородным союзникам. Да будет Господь со всеми нами!» (пер. с англ.)

Из Кремлевского дворца Государь под руку с Государыней и со всеми членами Императорской Семьи проследовал в Успенский собор.

Когда Царь с Царицей появились на Красном крыльце, загудели колокола Ивана Великого, а за ним и все колокола Кремля. Ураган неистовых оваций необозримой толпы почти покрыл гром колоколов. Лицо Государя сияло, Императрица была как бы в экстазе.

Посол Великобритании Бьюкенен сказал на ухо Морису Палеологу:²⁴⁷

«Стоило жить, чтобы увидеть этот потрясающий момент!... Подумайте о историческом будущем, которое созидается здесь сейчас!»

Палеолог ответил:

«Да, я так же думаю и о историческом прошлом, которое исполнялось здесь. Здесь, на этом самом месте, где мы сейчас стоим, Наполеон смотрел на пожар Москвы. Этой самой дорогой его Великая армия начала свое незабываемое отступление!»

Дале Палеолог описывает Успенский собор:

²⁴⁵ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», с. 95.

²⁴⁶ Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs», том I, с. 90.

²⁴⁷ Там же, с. 90.

«Мы вошли в собор, который представляет собой четырехугольное здание, увенчанное громадным куполом, подпираемым четырьмя массивными колоннами. Его стены покрыты фресками на золотом фоне. Иконостас - величественное сооружение, покрытое массой драгоценных камней.²⁴⁸ Тусклый свет, который падает от купола, и мерцающее сияние свечей - освещали неф храма рубиновым полусветом.

Царь и Царица стали с правой стороны у подножия колонны, расположенной напротив трона патриархов. С левой стороны разместился хор, одетый в костюмы 16-го века серебряно-голубого цвета. Хор исполнял изумительные песнопения православного обряда, которые, вероятно, являются самыми красивыми песнопениями из всех духовных произведений мира.

В конце храма напротив иконостаса стояли три митрополита России (Санкт-Петербургский, Московский и Киевский), и в одну линию выстроились двенадцать архиепископов. В боковой части храма, слева от архиепископов, стояла группа в сто десять священнослужителей: епископов, архимандритов и монахов. Легендарное, неопишущее богатство бриллиантов, сапфиров, рубинов и аметистов сверкало на парче их митр и риз. Временами храм озарялся как бы сверхъестественным светом...» (пер. с англ.)

После окончания богослужения Императорская Семья и Великая княгиня Елизавета Феодоровна, следуя друг за другом, преклоняли колени и с благоговением прикладывались к святыням Успенского собора: к чудотворной иконе Владимирской Божией Матери и к мощам Угодников Божиих. Они также обошли гробницы патриархов Российских, перед которыми клали земные поклоны.

Еще долгое время, после того как Царская Семья скрылась в покоях Кремлевского дворца, большая толпа народа стояла на площади, в надежде еще раз увидеть своего Царя

Все члены Императорской Семьи побывали и на молебне в Троице-Сергиевой лавре. Когда Государь с Государыней опустились на колени и приложились к мощам святого Сергия Радонежского, игумен лавры преподнес Императору икону святого Сергия, написанную на доске из дерева от его гроба. Государь был тронут и пожелал, чтобы эта икона была перенесена в Ставку и помещена в походной церкви Верховного Главнокомандующего.

ГЛАВА 15

Пьер Жильяр о Государе и Государыне. Император отдает все свои деньги на нужды войны. Закон о запрещении продажи спиртных напитков. Неудовлетворительная работа санитарной службы в начале войны. Работа членов дома Романовых для фронта. Военный министр Сухомлинов. Обращение к польскому народу. Начало наступления русских войск на Восточную Пруссию. Задержка в наступлении, битва при Сольдау и полный разгром российской армии. В Ставке во время поражения при Сольдау. Храбрость русских воинов и их преданность Отечеству и Царю. Героизм духовенства. Государь в Ставке. Великий князь Николай Николаевич и Распутин: «Приезжай - повешу». Жизнь во дворце Царского Села во время войны. Ф. Винберг - о работе Императора за первый год войны. Работа Государыни во время войны. Ранение А. Вырубовой во время крушения поезда. Вера Государыни в силу Распутина.

Пьер Жильяр пишет,²⁴⁹ что когда началась война, Государь и Государыня стали подолгу с ним разговаривать. Условные преграды этикета и дворцовых правил как бы упали.

²⁴⁸ В настоящее время в Успенском соборе нельзя увидеть ни одного драгоценного камня. Где все это? Это демонические руки палачей-коммунистов все сняли, все разграбили...

²⁴⁹ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», сс. 88,91-93,101,102.

Император и Императрица нуждались тогда в настоящем друге, с кем они могли бы поделиться своими мыслями. И зная искреннюю преданность Пьера Жильяра, Государь говорил с ним непринужденно и с доверием. Начавшуюся войну он назвал «крайней борьбой, борьбой за существование». О Государственной Думе он говорил, что доволен ею; что она оказалась на высоте своего положения и явилась действительным выражением воли народа, и он теперь смотрит на будущее с полной уверенностью, потому что он сделал все, что было в его силах, чтобы избежать этой войны; говорил, что он испытал в те дни перед войной такое чувство беспокойства, которого не испытывал еще никогда в своей жизни. Теперь он уверен, что в России произойдет то же явление, какое произошло в 1812 году во время войны с Наполеоном - весь народ как один поднимется на врага.

В разговорах с Пьером Жильяром Александра Феодоровна подчеркивала, что она сохранила в своем сердце прекрасные и поэтические воспоминания о Дармштадте. Она имела там много друзей. Но когда она побывала потом в Германии, она не узнала ее. Эта страна показалась ей чужой. Государыня говорила, что Пруссия причинила много зла Германии, что народ германский обманут. Ему внушили чувство ненависти и мести, которые не свойственны натуре немецкого народа. «Борьба будет страшная, чудовищная, - сказала Императрица, - и человечеству предстоит впереди ужасные страдания».

Жильяр пишет, что несмотря на громадную ответственность, Император еще никогда не проявлял столько твердости, решительности и активной энергии, какие он проявил в начале войны. Чувствовалось, что Государь отдался всей душой тяжелой задаче - вести Россию к победе. Раньше Государь не проявлял столько авторитета, как теперь. В нем была заметна какая-то внутренняя сила, которая притягивала к нему всех, кто находился тогда близ него.

По мнению Пьера Жильяра, обычно Император отличался кротостью и скромностью. Он принадлежал к числу людей, которые все время колеблются в чрезвычайных обстоятельствах и которые, благодаря чувствительности и крайней деликатности, способны заглушать свою собственную волю. Государь не имел уверенности в себе. Он был убежден в том, что его все время преследуют неудачи; придавал значение дню своего рождения - дню Иова многострадального. Жильяр говорит, что увы, жизнь Государя была тому доказательством. И последствием этого и была нерешительность Государя и бесконечные сомнения, которые обуревали его. Жильяр выносит заключение, что в Государе произошла перемена потому, что он был уверен в справедливости дела, которое защищал. Он распознал лукавство немцев и, кроме того, почувствовал, что никогда еще он не стоял так близко к своему народу, как теперь. Его поездка в Москву показала ему, насколько эта война поддерживалась населением и как ему признательны за его непоколебимую решимость, проявленную им в критические дни перед войной. Никогда еще народный энтузиазм не выражался так открыто и с такой полнотой, как это было теперь. Государь сознавал, что вся Россия стоит за ним и надеялся, что те политические разногласия, которые прекратились с наступлением общей опасности, больше не повторятс

Ф. Винберг в своей книге говорит о Государе:²⁵⁰

«Вся жизнь Государя Императора, с самого начала войны и до дня подлейшего переворота 27-го февраля 1917 года, сосредоточилась в трех чувствах, характеризующих для историка его светлую личность. Чувства эти были - безграничная любовь к Родине; полное самоотвержение в дни народного испытания и отвлечение от личных интересов жизни; лояльность и верность заключенным договорам. Этими стимулами проникнуты были все помыслы, чувства и действия его Величества».

Когда была объявлена война, Государь Император перевел все свои деньги, которые лежали в Английском банке в Англии, в Россию. Англия не сразу выдала эти деньги, и пришлось преодолеть некоторые трудности. Затем Император пригласил к себе на

²⁵⁰ Ф. Винберг «Крестный путь», сс. 68, 69.

совещание купцов первой гильдии и банкиров и сказал:²⁵¹

«Вот, у меня на столе девяносто два миллиона рублей. Я никого не принуждаю, но прошу и вас дать деньги для военной победы, которой будет гордиться русский народ!»

Но ни купцы, ни банкиры не расстались со своим богатством.

[отсутствуют 2 страницы: 249-50]

Когда началась война Государыня Императрица Александра Феодоровна вместе с Елизаветой Феодоровной и другими дамами двора устроили совещание, где наметили план работы санитарной службы на первые месяцы войны.

Государыня Императрица вместе со своими старшими дочерьми Ольгой и Татьяной прошли ускоренные курсы сестер милосердия и стали работать в организованном Императрицей в Царском Селе госпитале. Государыня до того была поглощена этой работой, что на время как бы забыла о своих недомоганиях. Вернее, она превозмогала свою болезнь и работала до изнеможения и в этой работе она забывала свои заботы и находила себе утешение. Своей дочери Ольге она поручила возглавлять комитет помощи семьям военнослужащих, а в 1915 году Великая княжна Татьяна стала во главе комитета помощи беженцам войны.

Великая княгиня Елизавета Феодоровна, уже высоко квалифицированная сестра милосердия, имевшая большой опыт работы как во время войны с Японией, так и в своей Марфо-Мариинской обители, открыла несколько госпиталей для раненых в Москве и в провинции, которыми сама и руководила.

Санитарные поезда, организованные Императрицей Александрой Феодоровной и ее сестрой Великой Княгиней Елизаветой, увозили раненых с линии фронта, а доставляли туда медикаменты, обмундирование и подарки для солдат, а также святые иконки, Евангелие и походные церкви. Несколько сестер Марфо-Мариинской обители испросили благословение своей Настоятельницы, Великой княгини, и получив его, отправились в качестве сестер милосердия на фронт.

Особенно отличилась своей работой сестры милосердия в Первую мировую войну сестра Государя Великая княгиня Ольга Александровна. Она с первых же дней боевых действий, пройдя курс сестер милосердия, отправилась на фронт работать в полевом госпитале. Она, как рядовая сестра, не зная отдыха, дни и ночи ухаживала за ранеными. Ольга Александровна этим снискала себе любовь русского народа и оставила неизгладимую по себе память.

Племянница и воспитанница Великой княгини Елизаветы Феодоровны, Мария Павловна, также отправилась на линию военных действий, а потом возглавляла госпиталь для раненых в Пскове.

Пользуясь ее книгой, которую она написала уже за границей,²⁵² приводим несколько эпизодов из ее жизни на фронте в качестве сестры милосердия

Когда Мария Павловна проводила своего любимого брата Дмитрия Павловича²⁵³ на войну, она решила исполнить свой долг, как и другие члены дома Романовых, и тоже послужить России. Успешно пройдя курсы сестры милосердия и сдав экзамен, она получила право носить форму сестры Красного Креста. Присоединилась она к поезду княгини Елены Петровны, принцессы сербской, супруги князя Иоанна Константиновича,²⁵⁴ которая на свои

²⁵¹ "Царские коронации на Руси», с. 423.

²⁵² Marie, Grand Duchess «Education of a Princess», глава XV.

²⁵³ Великий князь Дмитрий Павлович впоследствии участвовал в убийстве Распутина.

²⁵⁴ Князь Иоанн Константинович - сын Великого князя Константина Константиновича, известного поэта «К.Р.», оставившего по себе добрую память у русского народа. Кроме собственной поэзии, Константин Константинович занимался переводами иностранной литературы на русский язык, был начальником

средства везла на фронт все необходимое, чтобы экипировать там полевой госпиталь.

Проводить свою племянницу и благословить ее на подвиг прибыла из Москвы Великая княгиня Елизавета Феодоровна. Прежде чем ехать на вокзал, она повезла Марию Павловну в дом Петра Великого, где находилась часовня с глубоко чтимой иконой Христа Спасителя. Когда Мария Павловна выходила из часовни, ее окружили женщины, благословляя ее. Некоторые из них плакали и старались поцеловать ее руку. Это очень смутило Марию Павловну.

Специальный поезд княгини Елены Петровны вез на фронт не только медикаменты и перевязочный материал, но и амбулаторные и другие повозки, полевую кухню, котелки для солдат и палатки. Санитарная единица Елены Петровны состояла из двух докторов, восьми сестер милосердия, двадцати санитаров и представителя Красного Креста.

Когда Елизавета Феодоровна просталась со своей племянницей на перроне, слезы стояли у нее на глазах. Она поцеловала ее и перекрестила.

С большими трудностями поезд прибыл в Восточную Пруссию, в расположение армии генерала Ренненкампа. Русские начали там наступление, чтобы отвлечь немецкие войска от Франции, уже угрожавшие Парижу. Армия генерала Ренненкампа была растянута на большую дистанцию. Укреплённых позиций у русских не было и тыл оставался незащищенным.

Здесь Мария Павловна впервые столкнулась со своими обязанностями сестры милосердия. Это произошло, когда ее вежливо остановил офицер на лошади. Он показал ей свою руку, забинтованную старым грязным бинтом и попросил переменить повязку. Мария Павловна сразу начала перебинтовывать его руку и вдруг она услышала сзади голос другого офицера, который обратился к ней - «Ваше Высочество», - и попросил разрешения снять ее. Мария Павловна вся вспыхнула от смущения и наотрез отказалась. Рука раненого офицера дрогнула. Он не знал, кто делает ему перевязку. Он был поражен. И только когда она закончила, он взглянул на нее глазами полными слез и спросил ее имя. Она сказала. Внимательно взглядываясь в ее лицо, как бы изучая его, офицер опустил на колени и поцеловал край ее одежды. Мария Павловна была очень смущена и молча пошла в направлении своего госпиталя.

Когда офицеры и солдаты узнали, что их сестра милосердия - Мария Павловна, они говорили, что это так хорошо, что представительница дома Романовых среди них, что они теперь будут драться с немцами еще с большим упорством. И Мария Павловна знала, что это было правдой, знала, что они чувствовали, что опасность и лишения войны теперь разделяет с ними она. Отношение к ней солдат было искренним и без всякой натянутости. Этому помогала ее форма сестры милосердия, которая равняла их всех. Сестры милосердия на фронте представляли для солдат и офицеров что-то возвышенное, соединяющее в себе и материнскую любовь и заботу жены. Что-то святое было для них в образе женщины, одетой в форму сестры милосердия.

Тяжелое чувство испытала Мария Павловна, когда первый раненый умер буквально у

военно-учебных заведений, где много потрудился. Он преобразовал методы военного обучения солдат и офицеров, смягчил суровые правила военной педагогики, сам лично занимался с солдатами словесностью. Особое внимание он обратил на кадетские корпуса. Кадеты называли его своим отцом и каждый из них сохранил любовь и уважение к Великому князю до конца своей жизни. Все его сыновья учились в кадетских корпусах. Константин Константинович был очень гуманным и просвещенным человеком. Свою жизнь он отдавал семье, книгам и солдатам. У него было шесть сыновей и две дочери. Своим детям он привил горячую веру и чувство долга перед родиной Россией. Он всегда им говорил, чтобы они помнили, кто они, и с честью носили имя Романовых. Его пять сыновей: Олег, Гавриил, Игорь, Константин и Иоанн - отправились на фронт воевать с немцами. Трагическая судьба постигла четырех сыновей Константина Константиновича: Олег был убит во время войны, а три брата: Игорь, Константин и Иоанн были сброшены в пустую шахту в Алапаевске живыми, вместе с Великой княгиней Елизаветой Феодоровной, где и умерли в страшной агонии от ранений, жажды и голода.

нее на руках. Она поддерживала ему плечи в ожидании доктора, но он внезапно перестал дышать, и его голова тяжело склонилась на ее руку. Мария Павловна с трудом поднялась на ноги. Она вся дрожала и шатаясь вышла из палаты. Это было первый раз в ее жизни, когда она смотрела в глаза смерти.

Приблизительно в это время в бою отличился брат Марии Павловны, Великий князь Дмитрий. Он участвовал в кавалерийской атаке, где была захвачена неприятельская батарея И в разгар битвы, увидев раненого капрала, Дмитрий Павлович соскочил с коня и вынес на своей спине из-под огня раненого, а потом снова помчался в атаку со своим эскадроном. За этот подвиг Великий князь Дмитрий был награжден Георгиевским крестом.

Быстрое наступление русских в Восточной Пруссии было остановлено и немцы стали преследовать отступающую армию генерала Ренненкампа. Мария Павловна в тот день перевозила раненых к станции, чтобы их срочно эвакуировать. Над головой летали немецкие аэропланы и бросали бомбы. Мария Павловна боялась, что каждый момент бомба может разорваться над станцией, над беспомощными ранеными, и спешно выполняла свой долг. Весь тот день она без отдыха отправляла раненых и за это была награждена медалью святого Георги

Главным виновником того, что Россия не была готова к войне 1914 года, являлся Военный министр генерал Сухомлинов. О нем не сказано ничего положительного ни в книге графа Коковцева, ни у Родзянко, ни у Сазонова, ни у М. Палеолога.

Бывший министр Иностранных дел С.Д. Сазонов пишет,²⁵⁵ что Сухомлинов не был популярным не из-за каких-либо политических убеждений, каковых у него вообще не существовало, а потому, что был беспечным и безрассудным человеком, не имеющим никаких данных для того, чтобы занимать пост Военного министра даже в мирное время

Несмотря на свой зрелый возраст, Сухомлинов легкомысленно предавался удовольствиям жизни, как молодой человек. Работать он не любил, и его Военное министерство при нем находилось в плачевном состоянии, где царили злоупотребления и неразбериха, и это дискредитировало русское правительство. Заставить Сухомлинова работать было нелегко, но заставить его говорить правду - почти невозможно.

Протопресвитер Георгий Шавельский в своей книге пишет,²⁵⁶ что самым большим местом вышедшей на поле брани русской армии был недостаток вооружения и боевых припасов, и ответственность за это падала на Военного министра В.А. Сухомлинова.

Еще до войны стали ходить слухи о его нечистых сделках с поставщиками для армии и даже о будто бы получаемых им огромных суммах от иностранных агентов. Еще в апреле 1914 года генерал А.В. Самсонов рассказывал отцу Георгию Шавельскому, что у него имеются несомненные данные о преступных сношениях генерала Сухомлинова с австрийской фирмой Альтшуллер, находившейся в Петербурге. Слухи о связях Сухомлинова с фирмой Альтшуллер и о его сомнительных денежных делах ходили тогда в столице. К тому же он скомпрометировал себя в обществе, женившись на молодой г-же Бутович из Киева, скандальный развод которой с первым мужем наделал много шума. Молодая жена Сухомлинова, на тридцать два года моложе своего мужа, любила роскошную жизнь. Она устраивала приемы, одевалась в парижских салонах, ездила на Ривьеру и в другие места за границей.

Отцу Георгию Шавельскому были известны финансовые затруднения Сухомлинова, который в беседе с протопресвитером сетовал на то, что ему не хватает 18 тысяч рублей в год. Вероятно, Сухомлинов жаловался и Государю на нехватку денег и Император повелел

²⁵⁵ Serge Sazonov «Fateful Years», 1909-1916, cc. 284,286.

²⁵⁶ О. Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», том I, cc. 99,102,103,263,264.

отпускать из своих личных средств Сухомлинову 60 тысяч в год в дополнение к казенному жалованию.

Известна была также связь В.А. Сухомлинова с полковником Мясоедовым, впоследствии повешенным во время войны по обвинению в шпионаже в пользу Германии.

Полковник Мясоедов, человек с самым предосудительным прошлым, связанным с контрабандным промыслом, был уволен от должности по корпусу Жандармов П.А. Столыпина. Несмотря на это он пользовался покровительством генерала Сухомлинова и получил назначение по полицейскому розыску на фронте с ведома и даже по рекомендации Сухомлинова.²⁵⁷

В начале 1913 года на одном из совещаний министров в присутствии Государя, В.Н. Коковцев доложил Императору о плохой работе Военного министра Сухомлинова. Он сказал, что план по усилению русской армии, который должно было составить Военное министерство Сухомлинова, и над которым оно работало целых два года - никуда негоден. Там даже на беглый взгляд становятся очевидными элементарная неточность и пропуски. Как пример, Коковцев указал Государю на отсутствие в плане статьи расходов на казармы для солдат, исчисляемые во многие миллионы рублей. Он указал и на другие ошибки и пропуски в плане.

Здесь же, на этом совещании министров присутствовал и В.А. Сухомлинов. Государь Император, обратясь к нему, сказал:

«Подумайте, Владимир Александрович, над этим вопросом, но только, ради Бога, не медлите этим делом, - мы и без того потеряли слишком много времени».

Но несмотря ни на что, дело усиления армии снова застопорилось, и только в марте 1914 года, с опозданием на целый год, план усиления армии был внесен в Государственную Думу, но с большими ошибками и неточностью в расчетах.

Сухомлинов в своих докладах Государю вводил его в заблуждение утверждая, что армия находится в блестящем состоянии. На самом же деле российская армия не была готова к войне: не было достаточно вооружений, снарядов; командный состав не был как следует подобран.

В середине августа было обнародовано обращение к польскому народу от имени Верховного Главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича. В этом обращении польский народ призывался объединиться вокруг скипетра Русского Царя и идти на врага - немцев и австрийцев. Польше было обещано самоуправление и большая свобода.

Идея обращения к польскому народу исходила от самого Государя Императора. Об этом Морис Палеолог пишет,²⁵⁸ что министр Иностранных дел С.Д. Сазонов уведомил его, что Государь намерен дать Польше больше автономии и сказал, что передал уже свой проект этого манифеста Государю и собирается послать его Верховному Главнокомандующему, который желает внести свои небольшие поправки. На вопрос Палеолога, почему Император не от своего имени намерен опубликовать этот документ, Сазонов ответил, что он думал так же, но министры Горемыкин и Маклаков настояли на том, чтобы манифест исходил от Великого князя Николая Николаевича.

На Западе первые дни войны показали преимущество немцев. Они прорвались через Бельгию и повели наступление на север Франции.

Посол Морис Палеолог в личной аудиенции у Императора стал просить о помощи. На Западе составилось тогда неправильное мнение о военной мощи России. Там думали, что российские войска своей силой будут сметать все на своем пути. Им не было известно, что к тому времени сеть железных дорог на западе России была еще слабо развита и это

²⁵⁷ Граф В.Н. Коковцев «Из моего прошлого», том II, сс. 61,62,158-162.

²⁵⁸ Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs», том I, сс. 81,84.

затрудняло переброску войск к границе; не знали и того, что немцы сильно превышали Россию в вооружении, особенно в тяжелой артиллерии. А самое главное: тогда еще не была полностью завершена мобилизация русских войск, и не все военные силы были подтянуты к линии фронта.

Но, несмотря на это, давлением союзников, российское командование начало наступление на Восточную Пруссию.²⁵⁹ Туда двинулись две русские армии Северо-Западного фронта: с востока пошла 1-я армия генерала Ренненкампа, а с юга - 2-я армия генерала Самсонова. Разделяли эти две армии Мазурские озера. Российское командование надеялось, что обе армии, обойдя эти озера с севера и с запада, войдут друг с другом в соприкосновение.

Под натиском армии генерала Ренненкампа, немцы стали быстро отступать. Это продолжалось с 17-го по 21-е августа. Но здесь генерал Ренненкампф задержал свое дальнейшее наступление, ссылаясь на усталость российских воинов, и ожидал прибытия новых частей. Вследствие такого бездействия 1-ой армии, немцы ушли от преследования. В это же время 2-я армия генерала Самсонова, опасаясь упустить отходившего противника, стала уклоняться к западу, чтобы перекрыть путь отступавшим немцам и не дать им возможности подойти к переправам реки Вислы. Армия Самсонова стала растягиваться и все более отдаляться от армии Ренненкампа, которая целых три дня продолжала стоять в бездействии.

В результате этого, вместо постепенного сокращения фронта Северо-Западных армий и сжатия ими немецких войск в кольцо, корпуса армии генерала Самсонова расплзлись веером. Это было открыто немцами благодаря их авиации и послужило основанием для составления ими нового плана действий. Они воспользовались хорошо развитой сетью железных дорог и тем, что армия Ренненкампа стояла на месте, и сосредоточили свои большие силы против армии генерала Самсонова. Им удалось окружить два с половиной корпуса этой армии в лесах севернее шоссе Нейденбург-Вилленберг.

29-го и 30-го августа катастрофа постигла 2-ю русскую армию. Она была полностью разбита. Сам генерал Самсонов, чтобы не попасть к немцам в плен, покончил с собой выстрелом из револьвера.

Немецкий генерал Людендорф, отличившийся в этой битве, писал в своих воспоминаниях следующее (помещено в книге ген. Ю.Н. Данилова):²⁶⁰

«Мощная армия генерала Ренненкампа угрожающей грозой стояла на северо-востоке. Ей стоило только нажать на нас и мы были бы разбиты...»

Это страшное поражение русских вошло в историю как битва при Сольдау. Немцы же дали ей название - сражение у Танненберга, что исторически неправильно. Танненберг не находился в районе бою. Но немцы дали это название как бы «в реванш» за битву, которая произошла в 1410 году под Танненбергом (Грюнвальдом), когда славяне нанесли сокрушительное поражение немецким рыцарям Тевтонского ордена.

Генерал Ю.Н. Данилов пишет, что Англии и Франции было бы несправедливо говорить о победе французов на Марне, не вспомнив с благодарностью жертвенность русских героев, положивших свою жизнь и проливших свою кровь в сражении на полях Восточной Пруссии.

Протопресвитер Георгий Шавельский описывает, что происходило в Ставке Главнокомандующего во время поражения русской армии при Сольдау.²⁶¹

²⁵⁹ Ю.Н. Данилов, б. Ген. - Квартирмейстер штаба Верховного Главнокомандующего, «Великий князь Николай Николаевич», Париж 1930, сс. 125-132.

²⁶⁰ Ю.Н. Данилов «Великий князь Николай Николаевич» с. 131.

²⁶¹ О. Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», том I, сс. 144-156.

Он увидел Великого князя Николая Николаевича прогуливающимся по садику около вокзала, что не было в привычке Великого князя. Подойдя к отцу Георгию, князь почти шепотом сказал, что получены ужасные сведения с фронта, что армия генерала Самсонова разбита, а сам генерал покончил с собой. От Ренненкампа - никаких известий. Если армия Ренненкампа будет поражена, то у

России не останется никаких сил, чтобы задержать продвижение немцев не только на Вильну, но и на Петербург. Николай Николаевич просил отца Георгия молиться. Он очень переживал, не зная как отнесется к страшной вести Государь. Но от Императора пришла телеграмма со словами:

«Будь спокоен; претерпевший до конца, тот спасен будет».

Николай Николаевич передал эту телеграмму протопресвитеру Георгию Шавельскому. Тот, прочитав ее, прослезился. Телеграмма Государя его очень тронула.

«Добрый Государь!» - сказал отец Георгий, и Великий князь ответил:

«В нашем положении его добрые слова - огромная поддержка».

Великий князь Николай Николаевич был очень религиозным. Он утешался мыслью, что Император посылает ему в Ставку икону Явления Божией Матери Преподобному Сергию Радонежскому, полученную им от игумена Троице-Сергиевой лавры. Этот святой образ с 17-го века всегда сопровождал в походах русские войска. Он находился при Царе Алексее Михайловиче, в армии Петра Великого, у Императора Александра I во время войны с Наполеоном, у Императора Александра II.

Святые иконы помогали русским людям, особенно тем, кто обращался к ним с благоговением. Отец Георгий Шавельский приводит один такой случай, когда в начале войны немцы угрожали городу Гродно. Тогда крепость Гродно еще не была закончена и укреплена. Недостроенные форты стояли без орудий. К началу войны сама крепость и граница перед ней охранялись только четырьмя полками и артиллерийской бригадой. Против этой небольшой силы русских стояли три или четыре немецких корпуса. Ужас и паника охватили жителей Гродно. Гродненский архиепископ Михаил с духовенством стал служить на площади молебн перед святыней города - Коложанской иконой Божией Матери. Почти весь народ города собрался и горячо молился Пресвятой Владычице Богородице. Стон стоял от рыданий толпы... И случилось чудо. В этот же вечер немецкие силы повернули от Гродно и пошли на Францию.²⁶²

Глубоко верующий Великий князь Николай Николаевич с нетерпением ждал прибытия образа от Государя в Ставку, в Барановичи - местечко, расположенное в Минской губернии. Барановичи были узлом важнейших железнодорожных линий западно-пограничных районов. Но святыня прибыла в Ставку только в сентябре месяце из-за того, что местонахождение ее - Барановичи, было засекречено и Ставку пришлось долго искать...

Отступавшая в беспорядке армия генерала Ренненкампа бросила свыше ста орудий. Генерал Ренненкампа умалчивал о потерях, и в своих донесениях в Ставку не только старался оправдать свои действия, но даже представить их героическими.

За недостаточную распорядительность и непонимание общей обстановки на фронте, генерала Ренненкампа следовало немедленно отчислить от командования фронтом, но благодаря протекции при дворе, Ренненкампа этой участи избежал и остался на своем месте.

Через несколько дней после вторжения русских армий Северо-Западного фронта в Восточную Пруссию, согласно директиве Верховного Главнокомандующего, началось наступление российских армий Юго-Западного фронта.²⁶³ Австрийское командование,

²⁶² О. Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», том I, с. 141.

²⁶³ Ю.Н. Данилов «Великий князь Николай Николаевич», сс. 136-156.

своим быстрым продвижением в пределы Польши, намеревалось остановить наступление русских. Австрийцам, при помощи немцев, удалось перерезать железнодорожную линию, связывающую часть наступавшей русской армии с остальными армиями Юго-Западного фронта. Трудное положение русских могло быть выправлено быстрым сближением частей, наступавших с востока. Но генерал Рузский, командовавший боевыми действиями этих армий, решил приостановить продвижение войск. Тогда Великий князь Николай Николаевич послал телеграмму Рузскому, где приказал в категорической форме продолжать безостановочно дальнейшее наступление.

Русские армии стали наступать и взяли Львов, а за ним и Галич. Свыше сорока дивизий австрийских войск в беспорядке отступило, бросая оружие и сдаваясь массами в плен. Но им все же удалось избежать полного уничтожения, и они отступили в направлении Кракова.

Соединенная армия немцев и австрийцев вскоре повела наступление на русских в районе р. Вислы.

Русские воевали в невероятно тяжелых условиях. Наступила осень и полили дожди. Дороги превратились в болото. Солдаты увязали выше колена в грязи. Приходилось вытаскивать застрявшие орудия и повозки. Но русские с доблестью выполнили эту трудную задачу - они остановили наступление неприятел

Дальнейшее продвижение наших войск на левом берегу р. Вислы оказалось задачей чрезвычайно трудной. Войска были утомлены. Железнодорожное сообщение разрушено. Из-за плохого состояния дорог автомобильное движение затруднялось, да и автомобильного транспорта у русских армий было мало. Войска терпели недостаток в продовольствии, и в некоторых местах даже наблюдались перебои в снабжении хлебом.

План контр-маневра в районе Лодзи, намеченный Верховным Главнокомандующим, не был благополучно завершен. Генерал Ренненкампф опять совершил роковую ошибку. На этот раз он был отстранен от командования армией...

Отец Георгий Шавельский в своей книге рассказывает о храбрости русских воинов и их преданности Отечеству и Царю, и о том, как раненые и больные солдаты рвались обратно на фронт.²⁶⁴

В Гродненском большом военном госпитале отец Георгий обходил тяжело больных. В палате тифозных, в углу лежали два больных солдата, оба уже немолодые, лет по сорок. Протянув к отцу Георгию руки, они испросили благословения и стали просить его отправить их обратно на фронт. Но, как узнал отец Шавельский от сопровождавшей его сестры, положение обоих солдат оказалось тяжелым. Температура у них была около сорока градусов и надежды на скорое возвращение на фронт у них не было.

Другой солдат умирал от страшного ранения в груди. Склонившись над ним, отец Георгий спросил, не желает ли он поручить ему написать что-либо отцу и матери. Умирающий прошептал:

«Напишите, что я счастлив... спокойно умираю за Родину... Господи, спаси ее!» - и с этими словами раненый скончался

Обходя однажды воинов на Западном фронте, отец Георгий произнес речь перед полком и передал им привет от Государя После этой речи солдаты окружили отца Георгия Из толпы вышел унтер-офицер и, поклонившись ему в ноги, сказал дрожащим от волнения голосом:

«Передайте от нас этот поклон Батюшке-Царю и скажите ему, что все мы готовы умереть за него и за нашу дорогую Родину...»

Его дальнейшие слова покрыло громовое «ура» всего полка.

Рассказывает отец Георгий Шавельский и о героизме духовенства, которое исполняло

²⁶⁴ О. Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», том I, сс. 161,162.

свой долг пастырей на войне.²⁶⁵

Особенно отличилось духовенство, посланное архиепископом Платоном из Бессарабии.

Архиепископ Платон Кишиневский командировал на линию боевых действий группу молодых священников, с полным семинарским образованием, хорошо подготовленных, скромных, отзывчивых и безропотно переносивших опасность, труд и лишения. Эти священники отправились на фронт, снабженные всем необходимым для совершения богослужений.

Видя их самоотверженную работу, протопресвитер Шавельский уже в конце сентября 1914 года телеграфировал архиепископу Платону, что труды Бессарабского духовенства на боевой линии выше всякой похвалы.

Некоторые из этих священников героически погибли на войне: отец Григорий Ксифти умер от тифа, заразившись при напутствии больных воинов; о. Александр Тарноруцкий был смертельно ранен вражеской пулей в октябре 1914 года, когда он, встав во главе полка с крестом в руках, поднял воинов в контратаку; о. Иоанн Донос погиб во время Гражданской войны. Его подняли на штыки большевики.

Архиепископ Платон Кишиневский развил огромную помощь фронту. Он организовал в Кишиневе трудовое братство монахов-портных, которые вместе с местными портными, преимущественно евреями, шили теплую одежду для сражающихся солдат. Там же архиепископ Платон устроил приют для воинов-инвалидов. В течение всей войны Владыка Платон посылал на театр военных действий вагоны с продуктами и одеждой для солдат и офицеров...

Государь Император ездил по фронтам, посещал военные училища и госпитали. В декабре месяце он поехал на Кавказский фронт, где русские воевали в чрезвычайно трудных условиях. На обратном пути он остановился в Москве. Здесь его встретила Государыня Императрица с детьми. Они всей Семьей посещали госпитали для раненых и другие учреждения военного характера. В Москве народ встречал Государя с таким же энтузиазмом, как это было и в августе месяце. Из Москвы Император отправился в Ставку, где его уже давно ждали. Там спешно готовились к Высочайшему посещению.²⁶⁶

На перроне Государя встречал Верховный Главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич со своим начальником штаба. Остальные чины штаба ждали Императора в церкви.

С вокзала Государь поехал прямо к храму, где был встречен духовенством. Во время богослужения неприятное впечатление произвело на всех то, что по непонятным причинам погасло электричество и храм освещался одними свечами и лампадами. Электричество появилось только во время пения хвалебного гимна «Тебе Бога хвалим». Некоторые восприняли это как плохое предзнаменование.

Протопресвитер Георгий Шавельский встречался с Государем и раньше, но здесь, в Ставке, в дружеской обстановке, он почувствовал, что Император стал ко всем ближе. Его простота и доступность делали то, что каждый чувствовал себя в его присутствии свободно, как у себя дома.

Отец Георгий заметил, что во время пребывания Государя в Ставке, начальник походной Канцелярии Императора, генерал князь В.Н. Орлов каждый вечер, после обеда, заходил в вагон к Великому князю Николаю Николаевичу, и там засиживался иногда за полночь. Зная, каким ярким противником Григория Распутина был князь Орлов, отец Георгий Шавельский

²⁶⁵ О. Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», том I, сс. 202-204.

²⁶⁶ О. Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», том I, сс. 186,187.

догадался, что беседа у князя с Верховным Главнокомандующим шла о Распутине.²⁶⁷

Князь В.Н. Орлов был очень предан Государю, и он глубоко переживал, что мужик Распутин имеет влияние на Царскую Семью. Он считал это прямой опасностью для династии Романовых и старался всеми силами ослабить влияние «старца».

Все усилия князя Орлова привели к тому, что его невзлюбила Императрица, считавшая всех врагов Распутина своими личными врагами.

Великий князь Николай Николаевич также ненавидел этого проходимца Распутина, и все это знали. Как-то в разговоре с отцом Георгием, Николай Николаевич сказал:

«Представьте мой ужас: Распутин ведь прошел через мой дом!»

Великий князь потом старался поправить дело и принимал все меры, чтобы избавить царский двор от Распутина. Но все его усилия были тщетны. По своему влиянию на Царскую Семью Распутин оказался сильнее Великого князя

М.В. Родзянко в своей книге «Крушение Империи» пишет,²⁶⁸ что он спросил Николая Николаевича, правдивы ли те слухи, которые ходят по Петрограду (Санкт-Петербург во время войны был переименован в Петроград), что когда Распутин хотел приехать в Ставку и запросил об этом Верховного Главнокомандующего, то последний ему ответил:

«Приезжай - повешу».

Великий князь засмеялся и сказал:

«Ну, это не совсем так».

По его ответу Родзянко понял, что нечто в этом роде имело место.

Отец Георгий Шавельский знал, что как князь В.Н. Орлов, так и Великий князь Николай Николаевич были озабочены внутренним положением в стране. Оба они опасались возможности возникновения больших потрясений и, чтобы предотвратить это, считали неотложным делом ликвидации распутинского вопроса.

Частые таинственные беседы князя Орлова с Николаем Николаевичем, конечно, не остались тайной. Отец Георгий пишет, что у него не было сомнения в том, что в Ставке, а в особенности во время пребывания там Государя, как за Великим князем, так и за Орловым следили и ловили каждое их слово. Этим человеком, по всей вероятности, был генерал Воейков.

Дворцовый комендант генерал Воейков был при дворе одним из самых опасных врагов Николая Николаевича. Отец Георгий пишет, что в Ставке считали, что коалиция врагов Николая Николаевича состояла из Военного министра Сухомлинова, генерала Воейкова и некоторых штатских министров. На стороне этой коалиции всецело находился и Григорий Распутин, а под его влиянием против Великого князя Николая Николаевича была настроена и Императрица...²⁶⁹

В конце сентября Распутин возвратился из Сибири совершенно оправившись после своего серьезного ранения, которое нанесла ему Гусева. Теперь он мог везде говорить, что выздоровление его произошло только благодаря помощи свыше и что он избранник Божий.

Война внесла изменения в жизнь Царского Села. С разрешения Августейших родителей, Пьер Жильяр стал брать Цесаревича Алексея для автомобильных прогулок. Жильяр понимал, что Наследника необходимо хотя бы на несколько часов в день освобождать от окружающей его ежедневной среды. Пьер Жильяр разработал целый ряд автомобильных экскурсий для Цесаревича в разных окрестностях в радиусе тридцати

²⁶⁷ Там же. сс. 189-192.

²⁶⁸ М.В. Родзянко «Крушение Империи», с. 85.

²⁶⁹ О. Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», том I, с. 185.

километров от Петрограда.

Наследник был очень рад этим прогулкам. По дороге им встречались деревни, где Алексей Николаевич разговаривал с крестьянами, и они охотно и чистосердечно отвечали на его вопросы, не подозревая - кто он. Это очень развлекало Цесаревича. Он любил наблюдать за движением поездов на небольших станциях; интересовался подвижным составом и работами, которые производились по ремонту железнодорожных путей и мостов...

Жизнь во дворце теперь стала еще строже, чем она была до войны. Государь часто отсутствовал в разъездах, посещая воинские части, госпитали и благотворительные учреждения для пострадавших от войны.

О работе Императора за первый год войны Ф. Винберг пишет:²⁷⁰

«Государь Император за этот год был неутомим, находясь в постоянных разъездах: то в Петрограде, то в одной из армий, - причем Его Величество всегда знакомился близко с боевой обстановкой, осматривая позиции и находясь часто в сфере артиллерийского огня; то в тылу, в лазаретах, в различных областях и городах своей Империи. То опять в Петрограде и так без перерыва. Государь бывал и в Ставке, но ничем не стеснял распоряжений и работы Великого князя Николая Николаевича, чутко понимая, с одной стороны, ответственность Верховного Главнокомандующего, а с другой - и собственную нравственную ответственность».

Государыня Императрица и две ее старшие дочери постоянно носили форму сестер милосердия и работали в госпиталях.

Царские дочери, как пишет Пьер Жильяр, очень просто и смиренно относились к образу своей жизни во дворце. Они там были лишены всяких развлечений, которыми обычно увлекаются девушки их возраста. Домашняя атмосфера, учение, молитва, посещение богослужений, забота о родителях и о больном брате - это была жизнь Великих княжен. На балах они не бывали, кроме нескольких вечеров, которые устроила для них их тетя, Великая княгиня Ольга Александровна.

К началу войны старшей Великой княжне Ольге шел девятнадцатый год, а Татьяне Николаевне исполнилось семнадцать. Строгий образ жизни Великих княжен подготовил их к еще более суровой атмосфере военного времени. Теперь все их заботы сводились к тому, чтобы облегчить бремя войны, которое легло на плечи Государя и Государыни. Они старались окружить родителей своей любовью и проявляли к ним самое трогательное внимание.²⁷¹

О Царских дочерах Ф. Винберг пишет:²⁷²

«... все, кроме, разумеется, самых младших Великих княжен и малолетнего Наследника, ушли в сосредоточенную работу военного времени. Старшие Великие княжны, в уединенной и тихой семейной жизни и без того мало искушенные в светских удовольствиях и развлечениях, столь свойственных их возрасту, совершенно теперь были отделены от «света» и его суетных забот.

Лазареты, раненые и панихиды - вот чем заполнены были эти молодые жизни».

Государыня Императрица работала в своем лазарете, посещала другие госпитали и была занята в разных организациях по оказанию помощи раненым воинам. Пьер Жильяр пишет, что она не жалея сил отдавалась работе. Трудилась Императрица с усердием и пылкостью, и здесь она, несмотря на свое слабое здоровье, проявляла удивительную

²⁷⁰ Ф. Винберг «Крестный путь», с. 76.

²⁷¹ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», с. 112.

²⁷² Ф. Винберг «Крестный путь», сс. 67,68.

стойкость. Война благоприятно подействовала на нее в том отношении, что она на время перестала терзаться мыслями о больном сыне, и теперь Григорий Распутин был отодвинут на второй план. На него стали меньше обращать внимания и его посещения царского дворца стали редкими. Кроме того, состояние здоровья Цесаревича Алексея в продолжении всей зимы было хорошим и, таким образом, Распутин был лишен возможности показать свою «чудотворную силу».

Морис Палеолог в своей книге передает разговор с графиней Б., сестра которой была очень дружна с Распутиным.²⁷³ Графиня рассказывала, что в ее присутствии Григорий Распутин позвонил в Царское Село Анне Вырубовой и изъявил желание видеть в тот вечер Императрицу. Ответ последовал, чтобы он подождал несколько дней. Распутин был этим очень раздосадован. Не попрощавшись ни с кем из гостей, он уехал домой.

На вопрос Мориса Палеолога, как графиня объясняет такую внезапную перемену Государыни к Распутину, графиня ответила, что Императрица теперь не страдает от приступов меланхолии, какие появлялись у нее раньше. С утра до вечера она занята то в госпиталях, то инспекцией различных учреждений и санитарных поездов. Графиня добавила, что Государыня еще никогда не выглядела так хорошо, как теперь.

Этот разговор о Распутине Морис Палеолог передал министру Иностранных дел С.Д. Сазонову. Сазонов покраснел и ответил:

«Ради Бога, не упоминайте этого имени при мне! Я ненавижу его... Он не просто авантюрист и шарлатан, он воплощение самого Сатаны. Он Антихрист!» (пер. с англ.)

К сожалению, вскоре произошел несчастный случай с Анной Вырубовой (см. главу 8-ю настоящей книги): она была тяжело ранена во время крушения поезда. Государыню это глубоко потрясло и она срочно вызвала Распутина. Анна Вырубова лежала без сознания Распутин, в присутствии Императрицы, обратясь к раненой, силой своего гипноза привел ее в сознание. Это произвело огромное впечатление на Государыню.

Пьер Жильяр пишет,²⁷⁴ что Императрица в этом несчастии, которое постигло Анну Вырубову, усмотрела новое проявление своей роковой судьбы, которая, как думала Государыня, ожесточилась против тех, кого она любила. Императрица спросила Распутина, выживет ли Анна? Григорий Распутин дипломатично ответил, что Господь сохранит ее, если она полезна для Государыни и для страны, а если она не нужна, если ее поступки вредны, то Бог возьмет ее.

Здесь хитрый Распутин правильно угадал: если Вырубова не выживет, то Императрица увидит в этом волю Провидения и легче будет переносить утрату своего друга, а если поправится - Государыня будет навеки благодарна Распутину.

Анна Вырубова стала медленно выздоравливать, и это опять укрепило веру Государыни в силу Распутина, в его, как она думала, святость.

Пьер Жильяр имел разговор с швейцарским посланником в Петрограде относительно Распутина.

И Жильяр и посланник придерживались одних взглядов о «старце», а именно, что это развращенный мистик, обладающий силой воздействия на психику людей; существо, способное после ряда ночных оргий, предаваться религиозному экстазу.

Но Жильяр не знал того, какое важное значение придавали политической роли Распутина не только в русских общественных сферах, но и в иностранных посольствах. Только после разговора с швейцарским посланником, Жильяр осознал, какую большую опасность для престижа их Величеств представлял Распутин; осознал, что «старец» являлся оружием врагов Царского дома.

²⁷³ Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs», том I сс. 136-138.

²⁷⁴ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», сс. 109-111.

ГЛАВА 16

Возникновение вредных слухов в народе. Популярность Великого князя Николая Николаевича. Продвижение русских войск вперед. Недостаток орудий, винтовок и снарядов. Морис Палеолог у Военного министра Сухомлинова и у генерала Беляева. Молебен в Казанском соборе. Взрыв на военном заводе на Охте. Посещение Государем Галиции. Энтузиазм народа при виде Императора. Положение русских войск на фронте. Отступление русских. Беспорядки в Москве. Смерть Великого князя Константина Константиновича, поэта «КР» и его сына. Морис Палеолог о Государе. Григорий Распутин по записям охраны. С.П. Белецкий - о Распутине. Нашумевший скандал в московском ресторане «Яр». Гнев Государя Торжество Распутина.

Когда к концу 1914 года стало ясно, что война будет затяжной, в народе начали возникать прежние настроения. Поползли слухи о том, что какие-то правые круги при дворе стремятся к сепаратному миру, хотя это и не соответствовало действительности. Только один граф Витте везде говорил, что необходимо скорее заключить мир и пророчествовал, что иначе в России произойдут великие потрясения.

Посол Франции Морис Палеолог был этим обеспокоен и имел разговор с Сазоновым.

Министр Иностранных дел ответил:²⁷⁵

«... Интриги графа Витте не только неблагородны, но и преступны. Я несколько раз докладывал Государю об этом, и его Величество очень возмутился». (пер. с англ.)

Палеолог просил аудиенции у Императора и получил ее в конце ноября. Государь сказал ему:

«... Мы должны диктовать условия мира, и я твердо решил продолжать войну до тех пор, пока Центральные Силы не будут уничтожены. Но я считаю необходимым, чтобы условия мира были обсуждены нами тремя - Францией, Англией и Россией - и только нами тремя. Я не соглашусь ни на Конгресс, ни на посредничество! И когда время настанет, мы наложим нашу волю на Германию и Австрию».

Тем временем в России с новой силой стала разжигаться ненависть к немцам. Упоминалось имя Императрицы Александры Феодоровны о ее якобы симпатиях к немцам. Из Петрограда эти слухи перекинулись на Москву, где в связи с этим начали называть имя молитвенницы и подвижницы Великой княгини Елизаветы Феодоровны.

Морис Палеолог встретился с одним коммерсантом из Одессы, который по торговым делам ездил по всей России. Интересуясь настроением народа и, главным образом, крестьянства, Палеолог задал приезжему несколько вопросов.²⁷⁶

Ответ последовал, что патриотизм не упал в народе, а наоборот, возрос, и ненависть к немцам усилилась. Все хотят продолжать войну до победного конца, и в победе никто не сомневается. В Москве же замечается некоторое волнение из-за слухов, которые ползут из Петрограда. Императрица и ее окружение заподозрены в секретной корреспонденции с Германией, и это обвинение падает даже и на сестру Императрицы, Елизавету Феодоровну. Снисходительное отношение Императора к Вырубовой и мужику Распутину - резко критикуется, но, с другой стороны, популярность Великого князя Николая Николаевича возрастает с каждым днем...

В народе слава Верховного Главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича росла помимо его воли. Его имя окружалось ореолом героя, хотя он сам ничего

²⁷⁵ Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs», том I, сс. 184,191.

²⁷⁶ Там же, с. 168.

не делал, чтобы закрепить свою популярность. Он даже не любил выезжать из Ставки к армии и предпочитал находиться в своем штабе.

Протопресвитер Георгий Шавельский, а также и генерал Янушкевич, начальник штаба Главнокомандующего считали, что Великому князю необходимо появляться среди войск, чтобы солдаты и офицеры чувствовали близость своего Верховного.

Вскоре представился такой случай, когда по совету генерала Янушкевича Николай Николаевич выехал навстречу к новоприбывшему Сибирскому корпусу. Великий князь своей осанкой, речью и приветливостью произвел на всех прекрасное впечатление. После этого Верховный Главнокомандующий отправился в Гомель на смотр вновь сформированного корпуса. Он не был природным оратором, но он умел говорить с большим подъемом и горячностью. И на этот раз его речь, наружность, осанка, его всеобщая популярность сделали то, что после его приветственной речи уже немолодой барабанщик, без всякой команды забил в барабан и, вслед за этим, раздалось громовое «ура». Великий князь Николай Николаевич до того расчувствовался, что со слезами на глазах бросился к барабанщику, обнял его и расцеловал.²⁷⁷

Генерал Данилов пишет,²⁷⁸ что в течение первых четырех месяцев 1915 года русские войска вели наступление, имея целью притянуть к себе как можно больше немецких сил, чтобы отвлечь их внимание от западных союзников и занять такое стратегическое положение, которое открывало бы русским широкое поле действий на левом берегу р. Вислы.

К середине января 1915 года русские имели на Западном фронте против себя 83 неприятельских пехотных дивизий, из которых 42 дивизии были германские.

Русские войска с доблестью продвигались вперед. После четырехмесячной осады, во второй половине марта, пал Перемышль. В плен было взято свыше 100 тысяч австрийцев и до 1000 орудий. Эта радостная весть разнеслась по всей России и вызвала патриотические манифестации.

Государь Император ликовал. Он прибыл в Ставку. Наконец-то, судьба русских армий повернулась в пользу России!²⁷⁹

С невероятными трудностями русские добрались до вершин Карпат и стояли на хребте этих гор. Перед русскими расстилалась Венгерская долина.

Русские уже держали в своих руках более двух третей Галиции и Буковины. Многие тогда усыпляли себя радужными надеждами, что Россия уже навсегда закрепила за собой эти завоеванные земли. В различных кругах страны думали, что положение на фронте к началу апреля 1915 года вполне благополучно. Но на самом деле все было иначе.

Еще в 1914 году в России на 6.5 миллионов солдат приходилось только 5 миллионов винтовок. Производство ружей достигало 700 тысяч в год, снарядов - 100 тысяч в месяц. Уже в сентябре 1914 года Верховный Главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич отметил, что на некоторых фронтах ощущается недостаток снарядов, и что это тормозит боевые операции. Еще хуже обстояло дело с орудиями.²⁸⁰

О нехватках боеприпасов - ружейных, и особенно артиллерийских, было сообщено Ставкой Военному министру генералу Сухомлинову уже в октябре 1914 года. Но Военное министерство вначале недоверчиво отнеслось к сообщениям из Ставки. Сухомлинов стал

²⁷⁷ О. Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», том I, сс. 233,234.

²⁷⁸ Ю.Н. Данилов «Великий князь Николай Николаевич», сс. 157-160,177.

²⁷⁹ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», с. 114.

²⁸⁰ С.С. Ольденбург «Царствование Императора Николая II», с. 547.

обращаться, помимо Ставки, с запросами к различным лицам армии.²⁸¹

Как пишет генерал Данилов, «наступал голод» в боеприпасах. По самой скромной смете, на наличный состав армии требовалось ежемесячно не менее 1.5 миллионов снарядов для одной только легкой артиллерии. Поступало же в течение зимы 1914-1915 года около четвертой части необходимого количества.

В плохом положении находилось дело снабжения армии пулеметами и другими предметами боевого и технического снаряжения

Морис Палеолог, обеспокоенный слухами о нехватке вооружения в русской армии, направился к Военному министру Сухомлинову.²⁸² Последний принял его чрезвычайно любезно, но весь его вид производил впечатление физической усталости и лукавства.

Палеолог досконально расспрашивал Сухомлинова о положении на фронте.

В ответ Сухомлинов только говорил:

«Не беспокойтесь; я все приготовил». (пер. с англ.)

И он привел Палеологу утешительные цифры. Потом он пригласил его к длинному столу, где лежала карта военных действий, и стал своим толстым, дрожащим пальцем водить по ней и рассказывать о положении на фронте:

«... таким образом, все идет хорошо; я уверен, что мы скоро получим очень хорошие вести».

Не удовлетворяясь заверениями Сухомлинова, Морис Палеолог пошел к генералу Беляеву, который работал в Военном министерстве.

Беляев сказал, что потери русских огромные, но что пополнение возможно потому, что имеется 800 тысяч солдат в резерве, но в стране недостает винтовок, чтобы вооружить этих солдат и обучить их. Генерал продолжал:

«Наш первоначальный запас винтовок был в 5.6 миллионов; так мы думали и Великий князь Николай Николаевич также думал и я тоже. Но мы были преступно обмануты. Запасы почти пусты... Чтобы восполнить этот дефицит, мы собираемся покупать винтовки в Японии и Америке, и мы надеемся, что наши заводы будут давать до 100 тысяч ружей в месяц. Может быть Франция и Англия смогут снабдить нас несколькими сотнями тысяч. Положение со снарядами не лучше...»

Палеолог пишет, что генерал Беляев был человеком безупречной совести и чести, и он всецело отдавался своей работе...²⁸³

19 декабря, день Святителя Николая Чудотворца был днем Ангела Императора Николая II.

Торжественный молебен в Высочайшем присутствии состоялся в Казанском соборе в Петрограде. Там находилась вся государева свита, высокопоставленные лица и все дипломаты иностранных держав.

Морис Палеолог любил православные богослужения. В своих книгах о России он, с присущим ему талантом, всегда описывает красоту русских храмов и православных служб. И в этом случае он пишет примерно следующее:²⁸⁴

В ослепительном блеске паникадил и свечей сияли ризы святых икон. Это была сплошная масса золота и драгоценных камней. Казанский собор - изумительный храм, и является национальной святыней России. В продолжение богослужения в соборе духовные

²⁸¹ Ю.Н. Данилов «Великий князь Николай Николаевич», с. 160.

²⁸² Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs», том I, с. 217.

²⁸³ Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs», том I, с. 222.

²⁸⁴ Там же, с. 223.

песнопения следовали одно за другим. Это богатство мелодий и совершенство их исполнения с их широтой и торжественностью -вызывали самые высокие религиозные чувства.

К концу молебна Палеолог увидел председателя Совета Министров Горемыкина. Он подошел к нему и повлек его за колонну храма. Между ними начался разговор в присутствии посла Англии Бьюкенена и министра Иностранных дел С. Сазонова.

Горемыкин, своим медленным, скептическим голосом, старался защищать Сухомлинова:

«... и кто мог ожидать такое расточительное расходование снарядов и патронов?» (пер. с англ.)

В середине апреля 1915 года на Охте произошел страшный взрыв на заводе по изготовлению снарядов.²⁸⁵ Взрыв был до того сильный, что сотряс землю на десятки километров от Петрограда. Пламя от горящих остатков завода поднималось вверх, озаряя кровавым заревом горизонт столицы. Вокруг завода горели и жилые дома. При взрыве погибло много людей. Это ужасное несчастье потрясло Государ Охтинский завод был одним из главных по снабжению армии взрывчатый материал. Причиной взрыва, как тогда думали, была работа немецких агентов. Выпуск снарядов в стране после уничтожения завода на Охте значительно сократилс..

Верховный Главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич знал о превосходстве врага в вооружении и технике и предвидел возможное отступление русских в Галиции. Поэтому он не хотел, чтобы Государь Император приезжал в завоеванные Львов и Перемышль.

Раздавались и в Ставке разговоры, что Императору не следует ехать в Галицию, пока эта территория не будет твердо закреплена за Россией. Говорили, что если неприятель вернется обратно, то посещение Императором Перемышля и Львова станет предметом насмешек и глумления врага.²⁸⁶

Генерал Данилов пишет,²⁸⁷ что недостаточно отзывчивое отношение Верховного Главнокомандующего к посещению Государем Галиции было истолковано при дворе как честолюбие Великого князя, его нежелание допустить Монарха в завоеванную русскими территорию. За спиной Николая Николаевича сплеталась гнусная клевета вроде того, будто он, благодаря своей популярности, намерен занять Российский престол. В эту низкую клевету сам Император не верил. Он был уверен в преданности Великого князя

Но Государь пожелал посетить завоеванную часть Галиции. Он хотел встретиться с населением Львова и Перемышля, наградить героев солдат и офицеров и ступить на ту землю, которая была обильно полита кровью русских.

В конце апреля 1915 года Император со свитой прибыл поездом на пограничную станцию Броды, где его уже ждал Верховный Главнокомандующий со своим штабом. Отсюда поездка Государя во Львов состоялась в автомобиле. По дороге, близ Золочева, Император приказал остановиться в поле, на месте недавнего сражения, где находилась братская могила павших смертью храбрых чинов 166-го пехотного Ровенского полка.²⁸⁸

Государь вышел из автомобиля, подошел к братской могиле, молча молясь о упокоении

²⁸⁵ Там же, с. 329.

²⁸⁶ О. Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», том I, с. 239.

²⁸⁷ Ю.Н. Данилов «Великий князь Николай Николаевич», с. 171.

²⁸⁸ Там же, с. 172,175,176.

душ убиенных воинов, потом прошелся по полю и выслушал рассказ о действиях здесь русских полков.

По случаю приезда во Львов Императора, город был украшен арками, гирляндами и флагами. На улицах стояли шпалерами войска и толпы празднично одетого народа. Громогласное «ура» усиливалось и перекатывалось по мере приближения Государя

В соборе состоялся молебен, и архиепископ Евлогий произнес задушевное слово. Все чувствовали умиление и всем хотелось верить в окончательную победу.

После торжественного обеда во дворце наместника, Император вышел на балкон. Внизу стояла масса народа, которая с энтузиазмом приветствовала Государя

Во время поездки по Галиции Государь лично вручил многим награды за боевые отличия. Это подняло дух полков.

После посещения Императором Львова, состоялась его встреча в Самборе с командующим 8-ой армией генералом Брусиловым. Генерал в бодрых и полных надежды тонах доложил Государю о положении на фронте, но просил подкреплений и патронов.

С Карпатских гор был вызван сюда почетный караул 16-го стрелкового полка, шефом которого состоял Император. Эти солдаты принадлежали к составу 4-ой стрелковой бригады, которая еще за отличия в Турецкую войну была названа «железной».

Теперь, смуглые, загорелые на горном солнце лица «железных стрелков», их выправка, бравый вид, хорошее обмундирование и георгиевские кресты на груди - ничего не свидетельствовало о том, в каких страшных трудностях и страданиях русские воины карабкались с камня на камень Карпатских гор. Они теснили впереди себя штыками австрийцев без поддержки артиллерийского огня или ружейных залпов - их не было из-за отсутствия снарядов и пуль.

Последним местом посещения Государя была крепость Перемышль. Там он был встречен толпами радостного народа.

Протопресвитер Георгий Шавельский пишет,²⁸⁹ что эти народные приветствия были искренними: всегда притеснявшееся и гонимое австрийцами русское население Галиции, в большей своей части не одурманенное украинофильством, давно ждало освобождения и уже испытывало чувство любви к своему Царю-освободителю.

К весне 1915 года галицийский фронт оказался очень растянутым и представлял собой дугу, обращенную своей выпуклостью к врагу. Фронт имел много слабых мест. Русские силы были истощены. В продолжительных боях на Карпатах русская армия понесла огромные потери. Но настоящая катастрофа состояла в недостатке боевых припасов и вооружении²⁹⁰

Генерал Данилов говорит, что в этих тяжелых условиях русская армия могла продвигаться вперед, если бы имела своим противником только австрийцев, но выдержать натиск более энергичного и сильного врага - немцев, русским было не по силам. Только полная победа над австрийцами могла влить в истомленную русскую армию свежие силы.

В это время немцы стали спешно готовиться к наступлению.

В то время, когда Государь Император после своей поездки по Галиции возвращался в Россию, в германском штабе генерала Макензена разрабатывались детали наступления немцев. И мощная германская артиллерия уже устанавливалась на р. Дунайце между Вислой и Бескидами, чтобы нанести сокрушительный удар русским войскам.

1-го мая 1915 года свыше 1000 неприятельских орудий загрохотало на протяжении около 80 километров от Вислы до Бескид. Двумстам тяжелым неприятельским орудиям у р.

²⁸⁹ О. Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», том I, с. 240.

²⁹⁰ Ю.Н. Данилов «Великий князь Николай Николаевич», сс. 180,182.

Дунаец русская армия могла противопоставить только четыре. На неприятельский ураганный огонь русские отвечали ружейной стрельбой и только пятью или десятью выстрелами на орудие в день.²⁹¹

Газеты тогда писали, что немцы за несколько часов в районе Дунайца выпустили из своих орудий 700 тысяч снарядов, а русским заводам требовалось полгода, чтобы произвести такое же количество.

Наши проволочные заграждения и окопы оказались сравнены с землей. Фронт между Вислой и Карпатами был прорван. Русские стали отступать. Хребет Карпат, занятый с такими трудностями, пришлось оставить. Один из русских корпусов оказался в особо тяжелом положении. Храбрый генерал Лавр Георгиевич Корнилов, раненый в руку, с остатками своей дивизии попал в плен, из которого вскоре бежал и снова вернулся под свои родные знамена.

3-го июня был оставлен Перемышль, а 22-го июня пал город Львов.

Российская армия и народ не могли поверить в такую перемену на позициях: после блестящих побед - поражение шло за поражением. Поползли слухи: «измена». Началась «шпиономания», как в армии, так и в тылу. Начальников, носивших немецкие фамилии, подозревали в предательстве. Подозрения в измене даже падали на преданного Государю и России министра Двора графа Фредерикса. В придворных же кругах обвиняли в измене, тайком, самого Верховного Главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича.²⁹² «Измена кругом» - слышалось везде.

В армии распускались слухи, что нарочно не выдают снарядов и патронов; что генералы - изменники и министры тоже.

После падения Перемышля, что особенно больно ранило сердце русского человека, начались серьезные беспорядки в Москве. Но здесь уже участвовали не только негодующие патриотические силы, но и революционеры.

Сначала группы людей бросились по разным фабрикам, заводам, магазинам и частным домам, чтобы «проверить», нет ли там немцев или австрийцев.

Группа хулиганов, во главе с агитаторами, собралась у ворот Марфо-Мариинской обители и стала бросать камни и выкрикивать ругательства по адресу Настоятельницы обители Великой княгини Елизаветы Феодоровны. В это время она возвращалась в свою обитель в автомобиле. Ругательства, плевки и камни полетели в ее направлении. Она сидела не шевелясь. Только бледность покрыла ее лицо. Она не ожидала, что москвичи, которые так ее любили за ее добрые дела, за благотворительность, могли к ней сразу перемениться. Поэтому, по совету своего духовника, протоиерея Митрофана Сребрянского, Великая княгиня решила прекратить свое хождение по лачугам Хитрова Рынка, где она собирала бездомных детей и кормила нищих.

Собравшаяся толпа на Красной площади выкрикивала оскорбления по адресу Государыни Императрицы, а Распутина требовали повесить.²⁹³

В городе стали грабить магазины, и это обернулось в настоящий погром. На помощь полиции были вызваны войска.

Пострадало много торговых и промышленных предприятий и частных домов. Пострадавшими оказались не только иностранцы, но даже и русские, с русскими фамилиями. Этот погром, который продолжался три дня, принес убытки на сумму около 40 миллионов рублей.²⁹⁴

²⁹¹ С.С. Ольденбург «Царствование Императора Николая II», с. 551.

²⁹² Ю.Н. Данилов «Великий князь Николай Николаевич», с. 203.

²⁹³ Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs», том II, с. 13.

²⁹⁴ С.С. Ольденбург «Царствование Императора Николая II», с. 552.

Заботы, волнения, переживания из-за неудач на фронте очень отразились на внешности Государя Императора. Морис Палеолог заметил это, когда увидел Императора во время похорон Великого князя Константина Константиновича, поэта «К.Р.»

Великий князь скончался в июне 1915 года от болезни сердца в возрасте 57-ми лет, оставив после себя вдову и семерых детей. Он глубоко переживал смерть любимого сына Олега, на которого возлагал большие надежды. Олег был смертельно ранен в атаке против немцев. Пролежал он недолго в госпитале в Вильне, и в присутствии своих родителей, причастившись Святых Таин Христовых, скончался со словами:²⁹⁵

«Я так счастлив, так счастлив! Это нужно было. Это поддержит дух. В войсках произведет хорошее впечатление, когда узнают, что пролита кровь Царского дома».

Смерть сына Олега, а вскоре и смерть мужа дочери Татьяны, князя Константина Багратиона (был сражен вражеской пулей в лоб) -отразились на больном сердце Великого князя Константина Константиновича, и он вскоре последовал за усопшими.

Это был последний представитель дома Романовых, которого хоронили с почестями в соборе Петропавловской крепости -усыпальнице дома Романовых.

Государь и все великие князья шли пешком за гробом почившего, когда его тело переносили в собор.

Морис Палеолог стоял недалеко и мог хорошо его разглядеть.²⁹⁶ Он видел Царя последний раз только за три месяца до этого. За это короткое время Государь сильно изменил. Волосы у него поредели и в некоторых местах проглядывала седина. Лицо похудело и взгляд был печальным и отсутствующим. Рядом с ним стояла Императрица Александра Феодоровна. Стояла она неподвижно и только нервно перебирала пальцами рук. Ее лицо временами становилось мертвенно-бледным и напоминало мрамор, и дышала Государыня учащенно и порывисто. Великая княжна Ольга все время бросала беспокойные взгляды на мать. Было очевидно, что Императрица очень больна.

Через день состоялось отпевание Великого князя Константина Константиновича. Государыня не присутствовала. У нее не было сил выдержать эту печальную погребальную службу. Государь Император, как наблюдал Морис Палеолог, внимал каждому слову отпевания. Держался он естественно и с большим самообладанием. Иногда Государь полузакрывал глаза, и когда их открывал, казалось, что его взгляд отражал какой-то внутренний свет.

Разгульная жизнь Григория Распутина особенно проявилась во время войны. Он почти каждый вечер находился в нетрезвом состоянии, несмотря на то, что была запрещена продажа спиртных напитков. Его влияние при дворе также усилилось после того, как он «воскресил» Анну Вырубову.

В книге «Красный архив»²⁹⁷ собраны некоторые записи охраны Распутина. Эти записи были получены из архива Советского Союза и переведены на английский язык. Приводим только небольшую часть из них за 1915 год (обратный перевод с англ. на русский Л.М.)

12/2 Распутин был привезен неизвестной женщиной в дом №15-17 на Троицкой ул. к

²⁹⁵ Вел. князь Гавриил Константинович «В Мраморном дворце», изд. им. Чехова, Нью-Йорк, США, 1955, с. 270.

²⁹⁶ Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs», том II, сс. 15,16.

²⁹⁷ The Red Archives, Russian State Papers and Other Documents. Selected and edited by C.E. Vulliamy, translation by A.L. Hynes. London, 1929, сс. 26-34.

князю Андронникову... в половине пятого утра он (Распутин) вернулся домой в сопровождении шести пьяных мужчин (один из них держал гитару). Эти люди оставались у него до шести часов утра, пели песни и танцевали. Утром Распутин никого не принимал, т.к. он отсыпался

10/3 Распутин принял Евгению Карловну Егову, которая пришла, чтобы просить содействия Распутина в ее стараниях получить контракт по снабжению армии бельем на сумму в 2 миллиона рублей. Приблизительно в час ночи к Распутину пришли семь или восемь мужчин и женщин во главе с офицером Карпотным (молодой человек лет 19-и). Все они оставались до 3-х часов утра. Компания громко выкрикивала, пела, плясала и топотала; и вместе с Распутиным все уехали в пьяном состоянии в неизвестном направлении.

11/3 в 10.15 утра Распутина заметили на Гороховой ул. и проследили его до ул. Пушкинской №8, к пр-тке Трегубовой, а оттуда - в баню.

3/4 Распутин привел с собой женщину, которая оставалась в его квартире всю ночь.

26/4 Приблизительно в 10 часов вечера десять или двенадцать неизвестных мужчин и женщин собрались на квартире у Распутина. Среди них были: Алексеев, Лисенко и Рубинштейн с женщиной. Слышались звуки гитары и пляски. Кому-то аплодировали. Компания разошлась в два часа утра.

27/4 Говорили, что Распутина вызвали в Царское Село, но т.к. он не пришел в себя после бурно проведенной ночи, Волынский и баронесса Кусова советовали ему не ехать, говоря, что «он все этим расстроит». Охрана подслушала их разговор между собой: «Наш старец эти дни очень много пьет». В результате, они уговорили его отдохнуть часа два и приказали, чтобы его никто не тревожил.

9/5 ... Распутин отправился к восемнадцатилетней швее Кате, которая живет в том же квартале домов. «Почему ты не пришла ко мне?» - спросил он ее. Она ответила, что у нее нет одежды. «Приходи ко мне через неделю и я дам тебе пятьдесят рублей» - ответил он.

12/5 Распутин послал телеграмму Саблеру: «Дорогой, милый, вчера мы разговаривали там с Мамой (Императрицей); мы думаем, что это не так легко беспокоить нашего Хозяина. Они надеются задержать это дело». Распутин привел пр-тку в свою квартиру и запер ее в комнате; позднее, днем, ее отпустил слуга.

26/5 Распутин и пр-тка Трегубова приехали в машине Мануса в пьяном состоянии. Расставаясь с ней, он ее страстно целовал и ласкал. Позднее он послал жену швейцара за швеей Катей, но ее не оказалось дома.

27/6 Распутин получил телеграмму из Царского Села: «Я несчастна и скучаю. Напиши. Благослови мен Анна.»

29/6 Он отправил телеграмму Вырубовой; содержание ее неизвестно.

5/7 ... Он (Распутин) отправил две телеграммы: «Царское Село. Вырубовой. Как ты? Целую». И в Петроград №17 Пушкинская, Добровольскому: «Дай мне знать, кто уехал третьего».

С.П. Белецкий в своих воспоминаниях пишет,²⁹⁸ что когда он был на посту директора Департамента полиции, то знал, что было установлено наблюдение за Распутиным, и сводки агентов, уже с самого начала, рисовали отрицательные стороны его характера: склонность к пьянству и к эротическим похождениям.

В бытность Белецкого сенатором, в конце 1914 года к нему обратился через полковника Балинского Великий князь Николай Николаевич с просьбой дать сведения о порочных наклонностях Распутина. Великому князю нужны были доказательства, чтобы поговорить о Распутине с Императором и настаивать на удалении его из Петрограда.

Сведения эти Белецкий передал Великому князю и последний имел разговор с Государем. Распутин узнал об этом через А. Вырубову и возненавидел Великого князя на всю жизнь.

Серия поражений на фронте в 1915 году дала повод Распутину удовлетворить эту свою непримиримую ненависть, и когда Великий князь отправился на Кавказ, Распутин стал утверждать, что Николай Николаевич мечтает о короне.

Распутин всегда старался вмешиваться в политические дела. Он даже осмелился написать «письмо» послу Франции Морису Палеологу. Его неразборчивые каракули не имеют никакого смысла.²⁹⁹ Это «письмо» - как «мысли старца» о Франции, было передано Палеологу графиней Л., а она получила его от Анны Вырубовой.

В качестве директора Департамента полиции, С.П. Белецкий знал, что Распутин был близким человеком семьи графа Витте и мечтал о возвращении Витте к власти. Распутин также был в хороших отношениях с министром Внутренних дел Маклаковым, с которым познакомил его князь Мещерский. Ненавидел же Распутина всей своей честной душой генерал Джунковский, тогдашний Товарищ министра Внутренних дел и Командир отдельного корпуса Жандармов. Генерал Джунковский неоднократно докладывал Государю о похождениях Григория Распутина. Одним из таких докладов был - о нашумевшем скандале в ресторане «Яр» в Москве.

В середине апреля 1915 года Распутин отправился в Москву, чтобы «молиться» у раки Священномученика Патриарха Гермогена.³⁰⁰ Это «моление» и закончилось грандиозным скандалом в «Яре».

За неделю до своего отъезда из Петрограда, Распутин не переставая предавался пьянству и разврату и возвращался домой около 4-х часов утра в совершенно нетрезвом состоянии. Причиной его поездки в Москву было не только «почитание» Св. Патриарха Гермогена, но и коммерческие дела - там должны были встретить его некоторые дельцы, желающие при помощи «старца» устроить свои сделки по снабжению действующей армии.

В Москве Распутина видели утром в Успенском соборе, всецело погруженным в молитву перед ракой Святителя. Затем он обошел и другие гробницы патриархов, перед которыми иступленно молился и бил себя в грудь.

В течение всего этого дня Распутин находился в возбужденном состоянии. «Намолившись» в Успенском соборе, его порочная душа теперь требовала хорошо

²⁹⁸ С.П. Белецкий «Воспоминания», Архив русской революции, сс. 6-9.

²⁹⁹ Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs», том I, с. 179.

³⁰⁰ Священномученик и чудотворец Гермоген Патриарх Московский и всей России во время Смутного времени на Руси стал слать воззвания русскому народу против узурпаторов-поляков. Был ими схвачен и заточен в каменный подвал-темницу, где его содержали в жутких условиях и морили голодом, стараясь заставить его покориться польской власти. Патриарх остался непреклонным и умер в страшных мучениях. Его воззвания против поляков имели огромное значение для народного движения во главе с князем Пожарским и Кузьмой Мининым. Войска князя Пожарского, неся с собой чудотворный образ Казанской Божией Матери, освободили Москву от поляков. Тело Патриарха Гермогена было похоронено в Успенском соборе в Москве. Он был причислен к лику святых в мае 1913 года при горячем участии Государя Императора Николая II.

отпраздновать этот «подвиг».

Два журналиста и три дамы, одна из них принадлежавшая к высшему классу общества, горели желанием познакомиться с Распутиным. Они пригласили его ехать к «Яру».³⁰¹

В отдельном кабинете, после нескольких бокалов вина, Распутин стал забавлять гостей хвастовством, шутками и непристойностями. Затем он вдруг замолчал. Его лицо приняло угрюмое выражение, он стал зевать, икать и начал усиленно пить. Потом потребовал балалаечников. Они немедленно явились. Сразу же, подзадориваемый их игрой, Распутин стал рассказывать о своих амурных похождениях в Петрограде, называя имена женщин, с которыми имел связь. Обед подходил к концу. Балалаечники уступили место цыганам. Распутин, совершенно пьяный, начал упоминать имя Государыни Императрицы и посмел назвать ее «старой женщиной». Показывая свою вышитую жилетку, которая была на нем, он стал громко хвастать, что это она ему вышила.

Московская «дама высшего общества» так растерялась, что стала протестовать, плакать и умолять, чтобы ей позволили уехать.

Взбешенный Распутин, шатаясь от опьянения, стал показывать свои низменные инстинкты, таща к себе цыганок. Поднялся женский визг. В книге Рене Фулоп-Миллера написано, что Распутин разделся донага. Картина создалась до того отвратительная, что журналист потребовал немедленно принести счет за обед. Как только счет был подан, московская дама бросила на стол пачку кредитных билетов, которые представляли собой гораздо большую сумму, чем требовалось по счету, и убежала из зала. За ней бросились бежать и цыганки, а за ними - и все остальные гости.

Распутина, которого официанты кое-как одели, вывели из ресторана под руки. Он изрыгал ругательства.

В продолжение нескольких дней скандал в «Яре» был главной темой разговора москвичей. Люди останавливались на улицах и говорили об этом. Все были возмущены и жалели Государыню, которая подпала под влияние этого ужасного человека - Распутина.

К настоятельнице Марфо-Мариинской обители, Великой княгине Елизавете Феодоровне, пришли ее друзья, преданные Императорской Семье, и рассказали о случившемся. Мучительно было слушать это Великой княгине. Она хорошо знала, что представляет собой Распутин и считала его воплощением самого Сатаны.

Ее друзья стали умолять ее поехать в Петроград и постараться открыть глаза своей сестре-Императрице, и сказать ей, что дальнейшее пребывание Распутина в столице может привести к страшной катастрофе.

Елизавета Феодоровна ответила, что ее старания не помогут, что она уже пробовала несколько раз говорить об этом Государыне и даже самому Императору, но ее не слушают. Великая княгиня сказала, что остается только одно - молиться за Государя и Государыню.

Единственно в чем уступила просьбам своих друзей Елизавета Феодоровна - это позволить Е.Ф. Джунковской поговорить со своим братом, генералом Джунковским и просить его довести до сведения их Величеств о том, какое возмущение в народе вызвал скандал в ресторане «Яр».

Начальник полиции Москвы генерал Адрианов решил сам доложить Императору о случившемся. Он поехал в Царское Село, но Воейков не допустил его к Государю. И уже после этого генерал Джунковский, как имеющий право лично приходить с докладами к Императору, поехал в Царское Село.

Государь внимательно выслушал Джунковского и вызвал к себе Распутина.

С.П. Белецкий пишет,³⁰² что, как ему рассказал сам Распутин, доклад генерала

³⁰¹ Описание скандала в «Яре» заимствовано из книг: Maurice Paleologue «Aux portes du jugement dernier», глава 13. Sir Bernard Pares «The Fall of the Russian Monarchy», сс. 224, 225, 264. Rene Fulop-Miller «Rasputin the holy Devil», с 276.

³⁰² С.П. Белецкий «Воспоминания», Архив русской революции, с. 9.

Джунковского вызвал сильный гнев Императора. Таким Распутин его никогда до этого не видел. Распутин же оправдывался только тем, что он, как и все люди, человек грешный, не святой.

Государыня Императрица, узнав о скандале в «Яре», не могла поверить этому и послала в Москву для расследования своего доверенного и сторонника «старца» - Саблина.

Саблин не смог ничего скрыть. Дело оказалось слишком шумевшим и было много свидетелей. Но Вырубова с Саблиным убедили Императрицу, что «старец» попался в ловушку, расставленную ему Дьяволом; что всех святых людей всегда искушает Сатана и расставляет им всякого рода сети.

Распутин смеялся: он победил и в этот раз. Он не потерял доверия Императрицы. У него там, в Царском Селе, есть беспредельно преданный ему друг - Анна Вырубова...

Теперь Григорий Распутин стал «проповедовать» везде, что война не угодна Богу. На вечере у г-жи Головиной, большой поклонницы Распутина, он говорил,³⁰³ что Россия вмешалась в войну против воли Божией; что кара постигнет тех, кто этому не верит; что генералы посылают мужиков на войну, а сами благоденствуют и т.д. Г-жа Головина, «внимая» Распутину, только повторяла: «Господи помилуй».

Задумываясь о все возрастающем влиянии Распутина, Морис Палеолог решил искать возможности подкупить этого зловредного человека, чтобы он оставил Царскую Семью и не вмешивался в политику.

Он пригласил к себе одного русского патриота, который ненавидел «Гришку», чтобы его расспросить о нем и узнать о возможности подкупа.

Ответ последовал, что этот негодяй не имеет никакого чувства морали и способен на любую подлость. Но деньгами его купить нельзя. Он и так получает больше денег, чем ему требуется: одевается он как мужик, еда ему ничего не стоит - ее ему доставляют; женщины приносят ему подарки; за удовольствия он не платит. Получает он громадные деньги от просителей, которые всегда окружают его и хотят получить при его помощи какую-то выгоду для себя. Этот «святой человек», как говорил собеседник Палеолога, всегда имеет деньги. Часть из них он жертвует нуждающимся, а остальные откладывает в банк на будущее, о котором очень беспокоится. Вручить ему деньги не трудно, но убедить его навсегда уехать из Петрограда - невозможно. Он необразован, но хитер. В политике он ничего не понимает, но знает, что его охраняют день и ночь и за ним везде следят. Это охрана его сторонника, генерала Воейкова. Распутин сознает, что у него много врагов, и он их боится и опасается, что кто-то другой займет его место в сердце Императрицы. Поэтому, если что-то подозрительное будет ему предложено, он немедленно донесет об этом Воейкову.

ГЛАВА 17

С.Д. Сазонов на докладе у Государя Прибытие Императора в Ставку и смена им министров. Письма Государыни супругу. А.Д. Самарин - обер-прокурор Святейшего Синода. Письмо Государя супруге. Императрица против Великого князя Николая Николаевича. Ее письма. Мистицизм Государыни. Ее советы Императору. Душевные страдания Государыни. Заседание Государственной Думы. Встреча М. Палеолога с А. Вырубовой и его впечатление. Решение Государя стать во главе российских войск. М.В. Родзянко старается отговорить Государя от этого шага. «Я знаю, пусть я погибну, но спасу Россию». Совет Министров высказывается против принятия Государем на себя верховного командования Коллективное письмо Государю Совета Министров. Увольнение князя В. Орлова. Ф. Винберг - о принятии Государем на себя верховного командования Роль Г. Распутина в увольнении Великого князя

³⁰³ Maurice Paleologue «An Ambassador's Memoirs» том I, сс. 341-345.

Когда в Москве прошли беспорядки и погромы магазинов и жилых домов, иностранцы взглянули на это, как на негодование русского народа, направленное не только против немцев, но и против союзников, которые не пришли на помощь русским в их трудном положении в Галиции.

В правящих же кругах России хорошо знали настроение народных масс и смотрели на московские события с еще более широкой точки зрения. Военные неудачи и тот факт, что союзники не помогли русским - было одной стороной столь бурных проявлений народных настроений. Другой же стороной являлось сильное раздражение народа против внутреннего положения в стране. Доказательством этому была отвратительная демонстрация у ворот Марфо-Мариинской обители Великой княгини Елизаветы Феодоровны, а также и оскорбительные выкрики народа на Красной площади против Императрицы и проходимца - Распутина.

Генерал Данилов пишет,³⁰⁴ что события в Москве дали новый толчок тому течению, которое уже давно образовалось в среде Совета Министров, в среде его наиболее здравомыслящих членов. Это течение возглавлялось министром Земледелия А.В. Кривошеиным и поддерживалось министром Иностранных дел С.Д. Сазоновым.

Кривошеин составил подробный и обстоятельный доклад Государю, где говорил о необходимости правительству опереться на общественные силы.

С.Д. Сазонов знал,³⁰⁵ что как в народе, так и в Государственной Думе, возрастает возмущение против Военного министра Сухомлинова. Он попросил М. Палеолога одолжить ему письмо Сухомлинова - его ответ на запрос Военного департамента Франции в самом начале войны 1914 года. Франция тогда запрашивала Военного министра, нуждается ли русская армия в амуниции и хотела помочь в ее снабжении. Сухомлинов ответил, что Россия ни в чем не нуждается и вполне обеспечена амуницией на долгое время вперед.

Когда С.Д. Сазонов направился к Государю с докладом, он передал ему это письмо - ответ Сухомлинова.

Сазонов пишет, что он смотрел на лицо Императора, когда тот читал это письмо. Государь был поражен. Его лицо приняло мучительное выражение. Он ничего не знал о письме и всегда доверял Сухомлинову.

Вскоре после этого Сухомлинов был снят с поста Военного министра, и на его место назначен генерал А.А. Поливанов, что было встречено с большим удовлетворением в народных массах, а также и в Государственной Думе.

С.Д. Сазонов также неоднократно просил Государя снять обер-прокурора Сятейшего Синода Саблера и министра Внутренних дел Маклакова, указывая на их постоянные ошибки. Сазонов еще высказывался и против министра Юстиции И.Г. Щегловитого.

Вскоре Государь Император прибыл в Ставку и там, при поддержке Верховного Главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича, сменил трех министров: министр Юстиции был заменен А.А. Хвостовым, министр Внутренних дел Маклаков должен был сдать свои дела князю Н.Б. Щербатову, а вместо Саблера обер-прокурором Святейшего Синода стал А.Д. Самарин, московский губернский Предводитель дворянства.

Генерал Данилов пишет,³⁰⁶ что, соглашаясь на эти назначения, Император поступался даже собственными симпатиями и симпатиями Императрицы. К примеру, Царская чета не любила генерала Поливанова за его близость к думским кругам; Самарин же представлялся

³⁰⁴ Ю.Н. Данилов «Великий князь Николай Николаевич», сс. 204,205.

³⁰⁵ Serge Sazonov «Fateful Years», 1909-1916, сс. 286-289.

³⁰⁶ Ю.Н. Данилов «Великий князь Николай Николаевич», с. 207.

лицом, готовым пойти на решительные меры по оздоровлению высшего церковного управления и по борьбе с распутинским влиянием.

Государыня Императрица была очень встревожена и в своих письмах Государю писала:³⁰⁷

Письмо №87 от 15/6/1915 г. (ст.ст.)

»...наш Друг (Распутин - Л.М.) к которому Аня (Вырубова - Л.М.) ездила прощаться, очень хотел знать, что правда, как будто бы также Самарин вместо Саблера, которого лучше не менять, прежде чем найти очень хорошего, чтобы заменить его; конечно, Самарин пойдет против нашего Друга и будет заступаться за епископов, которых мы не любим - он такой настоящий «москвич» и так узок... по поводу Самарина я гораздо более огорчена, я просто в отчаянии. Это именно один из ... ханжеской клики Эллы (Вел. княгини Елизаветы Феодоровны - Л.М.), близкий друг Софии Ивановны Тютчевой.³⁰⁸ У меня есть серьезные основания не любить этого епископа Трифона,³⁰⁹ так как он всегда говорил и теперь говорит в армии против нашего Друга - теперь у нас опять начнутся истории против нашего Друга и все пойдет дурно. Я от всей глубины сердца и души надеюсь, что он (Самарин - Л.М.) не примет назначения - это бы означало влияние Эллы... И он против нас, раз он против Гр. (Григория)...»

Письмо №88 от 16/6/1915

»... На сердце такая тяжесть и такая грусть. Я всегда вспоминаю, что говорит наш Друг, и как часто мы не обращаем достаточного внимания на его слова.

Он был против твоей поездки в Ставку, потому что там тебя обхаживают и заставляют тебя делать вещи, которых лучше было не делать... Ты видишь, у меня абсолютно нет доверия к Николаше (Великий князь Николай Николаевич - Л.М.) - я знаю, что он далеко не умен и, так как он пошел против человека, посланного Богом (Распутина - Л.М.), его дела не могут быть угодны Богу, и его мнение не может быть правильно. Когда Гр. (Григорий) вчера слышал в городе, перед отъездом, что Самарин назначен, уже тогда вся публика это знала, он был в полном отчаянии, так как он в последний вечер, здесь проведенный, умолял тебя не менять Саблера сейчас и говорил, что скоро, может быть, найдется настоящий человек, а не московская банда, которая опутает нас, как паутина. Враги нашего Друга - наши собственные враги, и Щербатов, я уверена, будет с ними заодно... Я теперь вижу, почему Гр (Григорий) не хотел, чтобы ты туда ездил. Здесь я могла бы тебе помочь. Моего влияния боятся, Григорий так сказал, и Воейкова также, потому что они знают, что у меня упорная воля, и что я лучше других вижу их насквозь и помогу тебе быть твердым... Если только он (Самарин) примет назначение, Николаша постарается его обойти и восстановить против нашего Друга. Это его тактика! Умоляю тебя, при первой встрече с С. (Самариным), когда ты его увидишь, говори с ним очень твердо. Сделай это, дорогой мой, во имя России, над Россией не будет благословения, если ее повелитель допустит, чтобы человек, посланный Богом на помощь нам (Распутин - Л.М.), подвергался преследованиям...»

Из писем Государыни видно, что она была буквально околдована Распутиным и видела

³⁰⁷ Письма Императрицы Александры Феодоровны к Императору Николаю II, книгоиздательство «Слово», Берлин, 1922, том I, сс. 131-134.

³⁰⁸ С.И. Тютчева, внучка поэта, бывшая воспитательница Великих княжен, оставившая службу из-за несогласия с Императрицей по поводу Г. Распутина.

³⁰⁹ Епископ Трифон, в миру князь Туркестанов, сторонник Великой княгини Елизаветы Феодоровны и ярый противник Распутина.

в нем Божьего посланца, а не темную силу, какой он был на самом деле. Императрице казалось, что этот «Божий человек» ночами молится за Государя, и не допускала даже и мысли о том, что он все ночи проводит в кутежах и любовных наслаждениях.

Распутин не хотел, чтобы Император ехал в Ставку. Он чувствовал, что там произойдут изменения в составе кабинета министров, чего он так боялся, а боялся он за свое будущее.

Протопресвитер Георгий Шавельский думает, что в удалении нежелательных министров сыграл большую роль Великий князь Николай Николаевич и князь В.Н. Орлов, который выдвинул кандидатуру Самарина на пост обер-прокурора Святейшего Синода.

Во время своего пребывания в Ставке, Государь созвал туда весь новый состав Совета Министров, с намерением координировать работу фронта с работой министров тыла.

Перед совещанием, в воскресенье 27-го июня, состоялось торжественное богослужение в походной церкви, устроенной в деревянном бараке. Генерал Данилов вспоминает, что тогда стоял прекрасный день, ярко блистало солнце, и у всех настроение было приподнятое; хотелось надеяться, что настанет лучшее будущее, и что застой уже закончился, и что все пойдет к лучшему с прибытием новых сил.

В переполненной церкви вдохновенно служил протопресвитер Георгий Шавельский вместе с несколькими военными священниками и иеромонахами, которые привезли из своих монастырей особо чтимые иконы. Среди них была одна, которая находилась среди русских войск во время Бородинского сражения. Проникновенно пел небольшой мужской хор.

На левом клиросе стояли рядом Государь Император и Великий князь Николай Николаевич. Было умирительно видеть, как они оба усердно молились и клали поклоны.

А.Д. Самарин неохотно согласился быть обер-прокурором Святейшего Синода. Он сказал Государю:³¹⁰

«Между Вами, Ваше Величество, и обер-прокурором в настоящее время существует средостение (Распутин), которое для меня делает невозможным исполнение по совести предлагаемой должности».

Император ответил, что желает, чтобы Самарин принял эту должность. Самарин согласился. Он не мог идти против воли Государя.

Отец Георгий Шавельский, поговорив с Самариним, зашел к князю В. Орлову, и последний сообщил ему, что граф Фредерикс только что имел решительный разговор с Императором о Распутине и просил его удалить проходимца от двора. Государь обещал это исполнить.

Услышав такую радостную весть, отец Георгий поспешил к Верховному Главнокомандующему и рассказал ему все.

Николай Николаевич вскочил с места, бросился к иконе Божией Матери, перекрестился и поцеловал ее, потом, неожиданно, лег на пол и сказал, смеясь:

«Хочется перекувырнуться от радости!»

Поднявшись, он взял шашку и быстро направился к Государю. Вернулся он минут через 15 и сказал присутствующим, что поблагодарил Императора в таких словах:

«Вы и не представляете, Ваше Величество, какое великое дело Вы решили сделать. Мы все любим Вас и готовы все сделать для Вас, но будем совершенно бессильны спасти Вас, если Вы сами не будете заботиться об этом».

Государь сделал вид, что не понял Великого князя и ответил: «Я сам рад, что уволил Саблера». Великий князь продолжал:

«С Государем можно работать: он поймет и согласится с разумными доводами. Но она... она всему виной...»

Государь в письме своей супруге, Императрице Александре Феодоровне, по поводу

³¹⁰ О. Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», том I, сс. 291-294.

назначения Самарина на пост обер-прокурора Святейшего Синода, писал:³¹¹

Ставка 15/6/1915.

«Мое любимое, дорогое солнышко,

... Я говорил с Шавельским об организации в какой-то день по всей России Крестного хода.³¹² Он думает, что это очень хорошая идея, и предложил день 8-го июля (ст.ст.) - день явления иконы Божией Матери Казанской, который празднуется везде. Он посылает тебе свой глубокий поклон. Во время нашего разговора он упомянул Саблера, и сказал, что его необходимо заменить. Это замечательно, что все это понимают, и желают видеть чистого, благочестивого, с хорошими намерениями человека на его месте. Старый Горемыкин, и Кривошей и Щербатов - все говорили мне то же самое и думают, что Самарин будет наилучшим человеком на этот пост. Я вспоминаю теперь, что около шести лет тому назад, Столыпин желал иметь его в своем Министерстве и говорил с ним с моего разрешения, но он отказался. Я позволил Горемыкину послать за ним (за Самариным - Л.М.) и предложить ему это назначение. Я знаю, что тебе это не понравится, потому что он москвич, но эти перемены должны быть произведены, и необходимо выбрать человека, имя которого известно всей нации, и кто всеми уважаем. Все смогут работать с таким человеком в Правительстве и все там будут единогодушны, и это очевидно...»

На заседании Совета Министров под председательством Императора и при участии Великого князя Николая Николаевича и его близких сотрудников, было решено созвать в ближайшее время Государственную Думу. Так же Государь, в своем рескрипте на имя Горемыкина, говорил о созыве Особого Совещания, о призыве промышленности и общественных сил на общую борьбу с врагом.

Все в Ставке ликовали, но враги Верховного Главнокомандующего стали вести пересуды о растущем его влиянии. «Императрица все более настораживалась. Ей казалось, что намеренно убирали самых верных ее слуг...» - пишет отец Георгий Шавельский.

Государыня Императрица, как уже упоминалось, не любила Великого князя Николая Николаевича. И эта неприязнь к князю у нее усиливалась под влиянием Распутина. Об этом говорят ее письма:³¹³

Письмо №35 от 22/1/1915.

«... Сидела с Аней (Вырубовой - Л.М.), которая поправляетс Она просит меня сказать тебе то, что она позабыла сказать, когда была у тебя вчера, от имени нашего Друга (Распутина - Л.М.): чтобы ты ни в каком случае не упомянул ни разу имени главнок. (Вел. кн. Николая Николаевича - Л.М.) в Манифесте. Он должен быть обращен к народу исключительно от теб...»

Письмо №55 от 4/4/1915.

«...и если бы Николаша (Вел. кн. Николай Николаевич - Л.М.) чтонибудь сказал Воейкову, как бы в форме жалобы, сейчас же положи этому конец и покажи, что ты хозяин... Хотя Н. (Николаша) так высоко поставлен, все же ты выше его. Нашего Друга, как и меня, одинаково поразило, что Н. составляет телеграммы, отвечает губернаторам и т.д. в твоём стиле. Он должен быть проще, скромнее...»

³¹¹ The letters of the Tsar to the Tsaritsa, 1914-1917. R. Clay & Sons, Ltd. Great Britain, 1929, cc. 59, 60. (Русский текст писем дается в переводе с англ. - Л. Миллер).

³¹² Государыня Императрица выразила желание, чтобы в один из ближайших подходящих дней по всей России было устроено всенародное моление о даровании русским победы. Государь, по совету протопресвитера Георгия Шавельского, назначил этим днем - день явления чтимой всем русским народом иконы Божией Матери Казанской.

³¹³ Письма Императрицы Александры Феодоровны к Императору Николаю II, том I, cc. 56,84,118,120,137.

Письмо №81 от 10/6/1915.

«... Поэтому наш Друг (Распутин -Л.М.) боится твоего присутствия в Ставке, так как все приходят к тебе со своими объяснениями, и невольно ты им уступаешь, тогда как твое собственное чувство было как раз верно, но для них неподходяще. Вспомни, что ты долго царствовал и имеешь гораздо больше опыта, чем они. Н (Николаше) приходится думать только об армии и об успехе - ты несешь внутреннюю ответственность уже годами. Если он делает ошибки, -после войны он обратится в ничто, а тебе придется все опять исправлять. Нет, слушайся нашего Друга, верь Ему, у Него твой интерес и интерес России лежат близко к сердцу. Бог для чего же нибудь послал Его нам -только мы должны обращать больше внимания на то, что Он говорит. Его слова не легкомысленно сказаны. И очень важно, что мы имеем не только Его молитвы, но и Его совет...»

Письмо №82 от 11/6/1915.

«... Пожалуйста, мой ангел, заставь Н. (Николашу) смотреть твоими глазами. Не позволяй, чтобы кто либо из второго разряда был призван... пожалуйста, прислушивайся к Его совету (Распутина), когда Он высказывается так серьезно и не спит ночей из-за этого...»

Письмо №88 от 16/6/1915.

«... Говорил ли ты с Воейковым насчет Данилова, пожалуйста, сделай это - только не с... Орловым, который большой друг Н (Николаши) - они все время переписываются, когда ты здесь. В. (Воейков) это знает. Это не означает ничего хорошего. Он наверное негодует насчет посещения нашего дома Гр. (Григорием) и потому хочет отдалить тебя от него, увезти в Ставку. Если бы только они знали, как они вредят, вместо того, чтобы помогать тебе, все эти слепцы с их ненавистью к Гр. (Григорию)...»

Все письма Государыни Императрицы Александры Феодоровны своему Августейшему супругу, которые она писала с апреля 1914 года до конца 1916 года (всего ею было написано 404 письма), говорят о ее глубокой любви к Государю, к детям и к России. Она отдает всю себя заботам о своей Семье и раненым воинам. Страдания раненых она близко принимает к сердцу. Она часто ездит по разным городам, посещая госпитали. Она заботится о русских пленных в Германии, чтобы улучшить там их положение. Она возглавляет различные благотворительные комитеты. Государыня очень религиозна. Она каждый день, идя в свой лазарет работать или перед отъездом в другие места, идет в храм Знамени Божией Матери в Царском Селе, где ставит свечу и усердно молится

Здесь хочется задать вопрос: какая из королев или императриц других стран когда-либо так работала для пользы своих ближних, как это делала наша Императрица? Большинство из них проводило время в развлечениях. А удовольствия для нашей Государыни не существовали. Она о них никогда и не думала.

О работе Императрицы Александры Феодоровны во время войны Ф. Винберг пишет:³¹⁴

«Государын.. сама, насколько позволяло ее слабое, расшатанное здоровье, отдалась работе с той усидчивостью, вдумчивостью и щепетильной добросовестностью, которые вообще составляли отличительную особенность ее Величества и делали ее чужой и равнодушной среди мирской суеты светского угара, которым увлечено было большинство нашего петербургского общества, в клубах, театрах, на балах, обедах и ужинах, в пустых сплетнях и пересудах, а главным образом, в пошлом убивании времени за картами...»

Но отдавая честь громадным заслугам Государыни Императрицы, нельзя пройти мимо и ее недостатков. К примеру, мистицизм, который развился у нее до крайности.

³¹⁴ Ф. Винберг «Крестный путь», с. 68.

Доказательством ее болезненного мистицизма являются некоторые ее письма:³¹⁵

Письмо №88 от 16/6/1915.

»... Я ненавижу быть в разлуке с тобой. Это для меня самое большое наказание, в такое время особенно. Наш первый Друг (Филипп) дал мне этот образ с колокольчиком, чтобы предупреждать меня насчет тех, которые несправедливы, и чтобы не дать им приблизиться ко мне. Я его буду чувствовать и, таким образом, охраню тебя от них... Господь желает, чтобы твоя бедная женка тебе помогала. Гр. (Григорий) всегда так говорит и Мг. Ф. (Филипп) говорил также, и говорил, чтобы я тебя предупреждала вовремя, когда я знаю в чем дело. Ну, теперь я могу только молиться и страдать, и молить Бога, чтобы Он охранил тебя и руководил тобой... «

Письмо №117 от 19/9/1915.

»... Вчерашний мой образ от 1911 года с колокольчиком в самом деле помог мне почувствовать людей - сперва я не обращала достаточно внимания, не доверяла своему мнению. Но теперь я вижу, что образ и наш Друг (Распутин - Л.М.) помогли мне быстро узнавать людей. И колокольчик стал бы звонить, если бы они пришли с дурными намерениями и не позволил бы им подойти ко мне - вот Орлов, Джунк (Джунковский), Дрент (Дрентельн), которые так странно боятся меня, принадлежат к тем, за которыми надо особенно наблюдать...»

В этих письмах Императрица пишет о колокольчике, который оставил ей месье Филипп, шарлатан, оккультист, выдающий себя за «доктора душ» (см. главу 4-ю настоящей книги).

Почему духовники Государыни не объяснили ей, что пользоваться этим колокольчиком - идет вразрез с верованием нашей Православной Церкви, что это является грехом. Почему ей не было разъяснено, что ее «Друг», Григорий Распутин, не может являться духовным отцом и посланником Божиим, как думала Императрица? Почему ей не было сказано, что духовные отцы и настоящие старцы не живут семейной жизнью, как жил Распутин, а тем более - в распутстве; что они не напиваются допьяна, а живут в отдаленных монастырях, или в затворе, подальше от светского мира, от людей? Почему Государыне не сказали, что Распутин не имеет никакого права ни носить священнический наперсный крест, ни давать благословение. Впрочем, возможно, ей кто-то об этом и говорил, но она не придавала этому значения, уверенная в своей правоте.

Государыня Императрица пришла в Россию из чужой страны и из протестанства перешла в Православие. Она не могла знать всех правил и тонкостей нашего православного вероучения. А по своему характеру Александра Феодоровна была властной и, вероятно, ее нелегко было переубедить в том, что она считала правильным.

Властность Государыни даже простиралась на Императора. По ее письмам видно, как она старалась диктовать Государю как и что ему делать.³¹⁶

Письмо №55 от 4/4/1915.

»... Дорогой мой, будь решительней и уверенней в себе. Ты прекрасно знаешь, что следует делать, и, когда ты несогласен и правда ш твоей стороне, открыто выскажи свое мнение и заставь его перевесить чужие. Они должны лучше помнить, кто ты такой, и что им следует прежде всего обращаться к тебе. Твоя личность чарует каждого в отдельности, но я хочу, чтобы ты держал их в повиновении умом и опытом...»

³¹⁵ Письма Императрицы Александры Феодоровны к Императору Николаю II, том I, сс. 135,216.

³¹⁶ Письма Императрицы Александры Феодоровны к Императору Николаю II, том I, сс. 84,117.

Письмо №81 от 10/6/1915.

»... Если бы только ты мог бы быть строгим, мой дорогой, это так необходимо. Они должны слышать твой голос и видеть неудовольствие в твоих глазах. Они слишком привыкли к твоей мягкой, всепрощающей доброте.

Иногда даже тихо сказанное слово далеко доходит, но в такое время, какое мы сейчас переживаем, необходимо, чтобы послышался твой голос, громко звучащий протестом и упреком, когда они продолжают не повиноваться твоим приказаниям, когда они медлят в их выполнении. Они должны выучиться дрожать перед тобой. Ты помнишь, Мр. Ф. (Филипп) и Гр (Григорий) говорили то же самое. Ты должен просто приказать, чтобы то или другое было выполнено, не спрашивая, возможно ли это (ты ведь никогда не потребуешь ничего нелепого или безумного), - например, приказать, как во Франции, республике, чтобы те или другие заводы производили снаряды, патроны (если пушки или винтовки слишком сложная работа) - пусть большие заводы пошлют инструкторов. Там, где есть воля, там есть и способ осуществления, и они все должны понять, что ты настаиваешь на том, чтобы твое желание было быстро выполнено...»

Государь очень нежно и глубоко любил свою супругу. Повидимому, он и не замечал властного тона в ее письмах. Он иногда поддавался ее влиянию, но в важных вопросах у Императора была своя воля, свое решение.

Что касается Григория Распутина, вполне возможно, что он действовал на Государыню своим гипнозом, внушал ей то, что хотел. Своей гипнотической силой он успокаивал страдающего Цесаревича Алексея и морально страдающую мать - Императрицу. А что она душевно сильно страдала - это бесспорно. Об этом говорят ее письма:³¹⁷

Письмо №89 от 17/6/1915.

»... Приходится переносить больше, чем сердце может вынести. Хотелось бы уснуть надолго....»

Письмо №94 от 22/6/1915.

»... Так иногда хотелось бы уснуть и проснуться тогда, когда все будет кончено - мир - внешний и внутренний - снова будет царствовать...»

Письмо №96 от 25/6/1915.

»... Боюсь, что я тебя сержу и волную моими письмами - но я одна в моих страданиях и тревоге и я не могу скрывать то, что считаю честным долгом сказать тебе...»

Письмо №98 от 22/8/1915.

»...Я чувствую совершенное изнеможение и только с усилием держусь - пусть они не думают, что я падаю духом или боюсь -я уверена и спокойна...»

Письмо №124 от 16/9/1915.

»... Как хотелось бы вместе куда-нибудь улететь и обо всем забыть - по временам чувствуешь себя такой утомленной, мой дух бодр, но мне так противно все, что говорят...»

Письма Государыни Императрицы полны тревоги и нервозности. Она перескакивает с одной темы на другую. Чувствуется, как ее мысли летят. Она не может успокоиться. Одного министра предлагает заменить другим. Государыня мечтает. Она ищет путей, чтобы помочь своему Царственному супругу; жаждет спасения России. Сколько моральных страданий она

³¹⁷ Письма Императрицы Александры Феодоровны к Императору Николаю II, том I, сс. 139,149,153,160,240.

вынесла к концу своей жизни: заточение, издевательства стражи и, наконец, страшную смерть в подвале Ипатьевского дома. Палачи глумились над телами убитой Царской Семьи: раздели донага, рубили топорами, жгли огнем и лица разбили ударами прикладов, увезли в чащу леса и там бросили тела в яму, залив серной кислотой и засыпав землей. И вместо молитв над телами Царственных жертв раздавалась сатанинская брань изуверов-палачей...

Государыня Императрица несла свой крест смиренно, покоряясь во всем воле Божией. Теперь она прославлена вместе со всей Семьей Русской Православной Церковью за границей. Преклоним же колена и помолимся Ей и будем просить Ее молитв перед Богом о прощении русского народа, о спасении нашей Родины России.

Государь Император сдержал свое слово, данное в Ставке относительно Распутина. Он выслал его в Покровское.

Императрица была очень этим огорчена и обещала своему «Другу», что вернет его обратно после окончания заседаний Государственной Думы.

Распутин ответил обычной угрозой:³¹⁸

«Помни, что я не нуждаюсь ни в Императоре ни в тебе. Если ты оставишь меня среди моих врагов - это меня не беспокоит. Я смогу с ними справиться Демоны беспомощны предо мной... Но ни Император, ни ты ничего не сможете сделать без мен Если я не буду с вами, чтобы вас защищать, то скоро беда постигнет вашего сына!» (Пер. с англ.)

Немцы продолжали наступать быстрым темпом. Они стояли к северу от Ивангорода и угрожали Люблину.

Министр Иностранных дел Сазонов пришел к Морису Палеологу, очень встревоженный:³¹⁹

«Ради Бога, заставьте ваше правительство дать нам винтовки! Разве можно ожидать, что наши солдаты будут воевать без винтовок?» (пер. с англ.)

Через несколько дней Сазонов получил через Палеолога ответ от французского правительства, что Франция не в состоянии помочь России.

Сазонов в отчаянии воскликнул, что этот отказ будет страшным ударом по русской армии.

Открытие Государственной Думы назначалось на 1-е августа 1915г., но уже за несколько дней до этого в Петроград стали съезжаться члены Думы. Отовсюду неся вопль русской души: «Россия в опасности!» Со всех концов страны и из всех слоев населения слышалась критика правительства, обвинения в коррупции и в немецком влиянии при дворе. Упоминалось имя Царицы и Распутина.³²⁰

31-го июля Государь Император присутствовал при спуске на воду крейсера «Бородино», построенного на верфи у реки Невы. Когда крейсер благополучно опустился на воду, лицо Государя осветилось радостью.

Народ восторженно встречал Императора. Он, проходя по верфи, останавливался и разговаривал с рабочими, пожимая им руки.³²¹ Еще вчера, как пишет М. Палеолог, среди этих же самых рабочих наблюдалось революционное настроение, а сегодня, при виде Царя, эти люди мгновенно переменялись. Они сейчас готовы были идти за ним хоть на смерть.

318 Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs», том II, с. 35.

319 Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs», том II, сс. 36, 40.

320 Там же с. 38.

321 Там же, с. 39

Заседание Государственной Думы прошло благополучно. Там все усилия были направлены к тому, чтобы создать крепкое большинство единомышленников. Удалось объединить несколько партий. Было решено, в виде пожелания, высказаться за создание ответственного министерства, и что должны быть призваны к власти люди, пользующиеся доверием страны.³²²

На следующий день, на закрытом заседании Думы, было вынесено решение привлечь к ответственности лиц, виновных в том, что русская армия не имела достаточно вооружения. Был также принят закон об учреждении Особых Совещаний при министерствах: при Военном министре, при министрах Путей Сообщения, Торговли и Промышленности, Земледелия и при министре Внутренних дел. В этих Совещаниях должны были принять участие представители Думы и Государственного Совета, представители торговли и промышленности.

Через несколько дней Государь назначил Чрезвычайную Следственную комиссию для привлечения к ответственности лиц, виновных в тяжелом положении армии.

В середине августа Морис Палеолог был приглашен на обед в дом Великого князя Павла Александровича. Узнав об этом, Императрица послала туда Анну Вырубову, чтобы поговорить с Палеологом. Интересно описывает Палеолог эту встречу с Вырубовой.³²³

Пришла она на костылях, так как все еще не оправилась после железнодорожной катастрофы, где была тяжело ранена. Выглядела она располневшей и была одета как провинциалка.

После обеда Вырубова села рядом с Палеологом и сказала, что по поручению Императрицы хотела бы знать, что думает Палеолог о настоящем положении в России и о ее будущем.

Посол Франции ответил, что он верит в хорошее будущее потому, что недавно, по распоряжению Императора, было вынесено несколько исключительных постановлений и что доклады министров, прочитанные от имени Монарха на заседании Государственной Думы, вполне соответствуют его собственному мышлению.

Вырубова внимательно слушала и иногда повторяла слова Палеолога заикающимся и пониженным голосом, как будто хотела хорошо их запомнить. Сама она ничего не говорила, и Палеологу казалось что он разговаривает с фонографом.

Когда Вырубова уходила, М. Палеолог смотрел ей вслед: на ее густые волосы, узкую черепную коробку, толстую красную шею, влажную спину, на ее широкие бедра и громаду мясистого тела. Ему стало страшно при мысли, что такое посредственное существо, которое не имеет ни умственных ни физических достоинств - имеет влияние на судьбу России в такое ответственное время

6-го августа пала Варшава, что явилось большим ударом для русских. Вскоре было потеряно Ковно.³²⁴ Одну крепость сдавали за другой. Россия теряла Польшу и все ее ресурсы.

Положение на фронте принимало размеры катастрофы, которая уже угрожала самой России.

Деревни страдали от постоянных поборов и реквизиций. На полях недоставало рабочих рук и лошадей. В городах жизнь вздорожала; начались беспорядки на железных дорогах из-за притока беженцев. Русское общество, такое неустойчивое, отличающееся крайностями,

³²² М. В. Родзянко «Крушение Империи», сс. 101,102.

³²³ Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs», том II, сс. 49-51.

³²⁴ Отец Георгий Шавельский пишет в своей книге «Воспоминания», том I, с. 300, что когда Великий князь Николай Николаевич узнал о падении Ковно, он рыдал.

как в радости, так и в печали, высказывало самые мрачные предположения - так освещает положение в стране в середине 1915 года Пьер Жильяр.³²⁵ И в такое тяжелое время Государь Император решает стать во главе российских войск.

Императрица уже несколько месяцев побуждала Государя уволить Великого князя Николая Николаевича и занять его место. Но Государь все время противостоял ее настойчивым просьбам. Он знал о лояльности к нему князя, верил в его военный талант и не хотел его обидеть. Теперь же, когда в руках немцев оказалась почти вся Польша и они шли к границам России, Император больше не колебался.

Пьер Жильяр записал интересный разговор с Государем, который имел место 16-го июля 1915 года. В этот день Жильяр гулял с Цесаревичем по парку Царского Села. Подошел Император. Сначала он рассказывал Наследнику о своем посещении Ставки, а потом обратился к Жильяру и сказал, что его очень угнетает пребывание в тылу; что здесь все, даже воздух, ослабляет энергию и парализует волю. Здесь заняты только интригами и везде разглашаются самые невероятные слухи. Здесь хитрят и преследуют свои корыстные цели, а там, на фронте - сражаются и умирают за свое отечество. На фронте стремятся к победе, все остальное там забыто и, несмотря на неудачи, все верят в скорые успехи. «Каждый человек, способный носить оружие, - сказал Император, - должен быть в армии». И что касается его, главы России, то он не может дождаться того момента, когда соединится со своими войсками.

Пьер Жильяр говорит, что Императрица сумела использовать пылкое желание Государя находиться в среде своей армии. Она смогла усыпить его беспокойство в отношении того, что ему придется оставить столицу - центр управления Россией. Государыня убеждала супруга удалить Николая Николаевича из Ставки, хотя Государь одно время думал оставить его при себе, как советника и помощника. Императрица, на основании «сведений», передаваемых ей Анной Вырубовой, была уверена, что Ставка является центром заговора, который имеет целью отделить ее от Императора и заточить в монастырь.

Жильяр пишет, что Государь уступил своей супруге только после того, когда уверился в том, что его обязанность, его долг - стать во главе российской армии. Он считал, что в это тяжелое время его присутствие вблизи фронта воодушевит воинов, которые пали духом из-за постоянных неудач, возвратит им уверенность и придаст им силы в борьбе с врагом.

О решении Государя взять на себя обязанности главнокомандующего М.В. Родзянко пишет,³²⁶ что вера в Великого князя Николая Николаевича стала колебаться. Нераспорядительность командного состава, отсутствие плана, безостановочное отступление наших войск - это доказывало бездарность начальника штаба генерала Янушкевича. Его давно надо было заменить генералом Алексеевым, который был начальником штаба у генерала Иванова во время нашего наступления в Галиции. Об этом имени говорили все, но Николай Николаевич не хотел расстаться с Янушкевичем.

Стали усиливаться слухи, что верховное главнокомандование хочет принять на себя сам Государь Император. Говорили также, что это является желанием Императрицы.

Родзянко утверждает, что в думских кругах и вообще в обществе удаление Великого князя считалось большой ошибкой. Все знали, что во время нахождения в Ставке Императора, внутренними делами станет распоряжаться Императрица. А против нее в народе, наряду с правдой, распространялись самые вздорные слухи.

М. В. Родзянко испросил у Государя аудиенцию и поехал к нему. Там он стал умолять Императора отказаться от мысли руководить войсками.

Между Родзянко и Государем произошел следующий разговор:

Государь:

³²⁵ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», сс. 117-119.

³²⁶ М. В. Родзянко «Крушение Империи», сс. 103, 104.

«Я решил бесповоротно удалить Великого князя Николая Николаевича и стать самому во главе войск».

Родзянко:

» На кого Вы, Государь, поднимаете руку? Вы верховный судья, а если будут неудачи, кто будет Вас судить? Как можете Вы становиться в подобное положение и покидать столицу в такое время? Ведь, в случае неудач, опасность может угрожать и Вам, Государь, и всей династии».

Государь твердо заявил:

«Я знаю, пусть я погибну, но спасу Россию».

Министр Иностранных дел С.Д. Сазонов рассказывает,³²⁷ что Совет Министров сделал все возможное, чтобы убедить Государя не брать на себя верховного командования 20-го августа 1915 г., на собрании министров, где присутствовал Император, все министры высказались за это: кто в более мягкой форме, кто в твердой.

О себе Сазонов пишет, что он говорил, что Высочайшее присутствие необходимо в центре страны - в столице; что функции главы государства - Императора - гораздо шире, чем функции верховного главнокомандующего. Они включают управление не только фронтом, но и тылом. Они охватывают всю систему национальной защиты, а также и военный флот. Тыл не может быть игнорирован за счет фронта, или наоборот. Ввиду этого, Сазонов просил Государя оставаться в центре администрации всего - в столице.

Сазонов также имел беседу с Государем наедине. Он ему говорил, что оставлять столицу - опасно; что это повлечет к усилению народного беспокойства и к усилению революционного брожения:

»... Я умолял его обратить внимание на факт, что его место не останется незанятым (во дворце), что, определенно, его займут лица, которые на это не имеют права, и это сделает положение в стране еще более сложным и запутанным, что повлечет за собой злоупотребления под прикрытием его (Императора) имени. Я не уточнял детали и не назвал имен, и в этом не было необходимости. Государь хорошо понял то, что не было сказано, и я видел, как неприятны были ему мои слова. Мне было больно сказать об опасной роли, которую Императрица начала играть с того времени, как Распутин стал обладателем ее воли и ума...» (пер. с англ.)

Совет Министров, за исключением председателя Горемыкина, который смотрел на все, как на пустяки, решил послать Государю коллективное письмо.

21-го августа министры, кроме Военного министра Поливанова, который не имел на это права, собрались на квартире у С.Д. Сазонова. Здесь А.Д. Самарин составил обращение к Императору следующего содержания:³²⁸

«Всемиловейший Государь!

Не поставьте нам в вину наше смелое и откровенное обращение к Вам. - Поступить так нас обязывает верноподданнический долг, любовь к Родине и тревожное сознание грозного значения совершающихся ныне событий.

Вчера на заседании Совета Министров, под Вашим личным председательством, мы повергли перед Вами единодушную просьбу о том, чтобы Великий князь Николай Николаевич не был отстранен от участия в Верховном Командовании армией. Но мы опасаемся, что Вашему Императорскому Величеству не угодно было склониться на просьбу нашу и, смеем думать, всей верной Вам России.

Государь, еще раз осмеливаемся Вам высказать, что принятие Вами такого решения грозит, по нашему крайнему разумению, России, Вам и династии Вашей тяжелыми

³²⁷ Serge Sazonov «Fateful Years», 1909-1916, cc. 291, 292.

³²⁸ Русский текст письма приводится из книги Ю.Н. Данилова «Великий князь Николай Николаевич», с. 267.

последствиями.

На том же заседании воочию сказалось коренное разномыслие между председателем Совета Министров и нами в оценке происходящих внутри страны событий и в установлении образа действий правительства.

Такое положение, во всякое время недопустимое, в настоящие дни губительно.

Находясь в таких условиях мы теряем веру в возможность с сознанием пользы служить Вам и Родине».

Это письмо подписало восемь министров и оно было передано по назначению, но осталось без ответа.

Министры, подписавшие это обращение: П. Харитонов, А. Кривошеин, С. Сазонов, П. Барк, князь Н. Щербатов, А. Самарин, граф П. Игнатьев и князь В. Шаховской.

Великий князь Дмитрий Павлович, любимец Государя, как и большинство членов дома Романовых, был против того, чтобы Государь покидал столицу и ехал в Ставку. От решения Императора князь Дмитрий пришел в отчаяние. Он срочно взял отпуск и приехал с фронта, чтобы повидать Государя. Дмитрий Павлович хотел упротить его хотя бы не отсылать от себя Николая Николаевича, а оставить в Ставке. Но Государь остался непреклонным. Он даже пошел дальше. По каким-то причинам он уволил из своей свиты безгранично преданного ему князя Владимира Орлова, ярого противника Распутина.

Теперь в свите Государя не осталось никого, кто бы мог противостоять этому злему гению Царской Семьи и России.

О принятии Государем на себя верховного командования, Ф. Винберг пишет:³²⁹

«... Государь Император счел необходимым принять на себя тяготы и ответственность по званию и должности Верховного Главнокомандующего.

Момент, как должен согласиться каждый, был выбран Самодержцем Всероссийским не из благоприятных для личного самолюбия, и для каких либо соображений о прославлении своего имени. Государь принимал на себя высшее руководство своими армиями именно тогда, когда наш военный престиж упал очень низко и в глазах противников, и в ревнивом, обеспокоенном мнении бывших союзников наших. Государю предстоял не блеск триумфальных шествий и благодарных восторгов толпы за успехи и победы русского оружия, но тяжелый труд в условиях почти безнадежных и безрадостных, среди всеобщего брожения, уже чреватого грозными предостережениями.

Принять при таких условиях на себя бремя главного командования было великим подвигом самоотвержения, которое не сумел оценить русский народ, но оценит беспристрастная история».

Перед тем как отбыть в Ставку, Государь с супругой поехали в Петроград, чтобы помолиться у великих святынь. Их видели в автомобиле. Лица у Царственных особ были сосредоточены и серьезны. Сначала они направились в Петропавловский собор, где коленопреклоненно молились у гробниц Императоров: Александра I, Николая I, Александра II, и Александра III. Государь испрашивал благословения у своих царственных предков на этот решительный шаг - встать во главе своей армии.

Из Петропавловского собора Император с Императрицей поехали в часовню дома Петра Великого, и там молились у чудотворного образа Христа Спасителя. Оттуда они проследовали в Казанский собор, где долго стояли на коленях, погруженные в молитву, у всероссийской святыни - Казанской иконы Божией Матери.

5-го сентября Государь Император выехал в Ставку, которая была перемещена из Барановичей в Могилев, чтобы занять место Великого князя Николая Николаевича.

Военный министр Поливанов передал Великому князю приказ Государя о его смещении и назначении на Кавказ. Николай Николаевич принял это очень спокойно, даже перекрестил

³²⁹ Ф.Винберг «Крестный путь», с. 129.

О роли Григория Распутина в увольнении Великого князя находим в воспоминаниях его личного секретаря Аарона Симановича.³³⁰

Симанович пишет, что политика Николая Николаевича становилась угрожающей для евреев и вызывала среди них большое волнение.

Представители еврейства собрались на квартире адвоката Слиозберга, куда был приглашен и Распутин. Они встретили его очень торжественно, с почестями. Евреи рассказали ему о преследовании их Великим князем, а также и другими сановниками-антисемитами. Этот рассказ евреев очень тронул Распутина и он обещал им помочь. Он сказал, что Николай Николаевич будет отстранен от должности Главнокомандующего русской армии в течение десяти дней, и что «тогда Царь возьмет на себя командование армией, - продолжал Распутин, - и мы сможем, может быть, сделать что-нибудь для евреев».

Еврейские делегаты были потрясены этим обещанием. Тогда Симанович предложил им преподнести Распутину подарок в сто тысяч рублей, что и было одобрено.

В один из последующих дней Симанович заметил, что Распутин ничего не ест, а только пьет мадеру. Он часто вскакивал, как будто хотел поймать кого-то, грозил кулаком и вскрикивал:

» Я ему покажу!»

Распутин находился в каком-то особом состоянии и был погружен в себя целый день. Вечером пошел в баню. Когда вернулся, то имел утомленный вид и молчал.

Симанович и раньше замечал в Распутине такое состояние и распорядился, чтобы в тот вечер никого не принимали.

Молча, ни на кого не глядя, Распутин прошел в свою рабочую комнату и что-то написал на записке. Потом направился в спальню, засунул записку под подушку и лег спать.

Симанович замечал, как Распутин делал то же самое и раньше, и когда он его спрашивал, то Распутин говорил, что пишет на записке свои желания и они исполняются

На следующее утро Распутин вышел довольный. В руках у него была записка, которую он растер пальцами в мелкие кусочки и выбросил.

Из дальнейшего повествования Симановича известно, что это колдовство касалось удаления Великого князя Николая Николаевича из Ставки и назначения его на Кавказ.

Николай Николаевич знал, что Распутин его ненавидит и приложит все усилия, чтобы восстановить против него Царскую чету. Теперь, после своего увольнения, Великий князь, по словам протопресвитера Шавельского, сказал ему, что Распутин открыто везде хвастает:³³¹

» Я утопил Верховного!»

Воспоминания Аарона Симановича неоспоримо подтверждают, что Григорий Распутин занимался колдовством, т.е. черной магией. Он не раз говорил своему секретарю, что обладает особой силой, при помощи которой может достигнуть всего, вплоть до спасения своей жизни. Эту силу Симанович испытал даже на себе. Он был страстным игроком и основал несколько карточных клубов. Однажды он так увлекся, что провел в своем клубе трое суток. Он проиграл много денег и не мог отыграть. В это время он потребовался Распутину по важному делу. Узнав, почему его секретарь так долго отсутствовал, Распутин пригласил его за стол и сказал повелительно:

«Садись, теперь выпьем!»

Сказав это, он принес бутылку вина, налил два стакана и дал Симановичу пить из своего. Затем Распутин смешал вино в обоих стаканах и они оба снова стали пить. Потом,

³³⁰ Аарон Симанович «Распутин и евреи», главы: «Распутин обещает увольнение Николая Николаевича» и «Сила Распутина», сс. 73-81.

³³¹ О. Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», том I, с. 313.

после некоторого молчания, Распутин заявил Симановичу, что тот больше никогда не будет играть, что этому конец. Говоря это, Распутин не отрываясь напряженно смотрел ему в глаза. Симанович все это время испытывал какое-то неприятное, странное чувство. И действительно, после этого он до смерти Распутина больше не играл, хотя и остался владельцем карточных домов.

ГЛАВА 18

Приказ Государя армии и флоту. Прибытие Императора в Могилев. Письма Государя супруге об успехе русской армии. Цесаревич Алексей в Ставке. Жизнь в могилевском доме. Письма Императора Государыне. Инспекция Государем войск. Характер Наследника. Религиозность Императора. Прибытие Государыни с дочерьми в Могилев. Работа Императрицы во время войны. Ее поездка в Псков. Жизнь Царских дочерей во время войны и их работа. Болезнь Цесаревича. Выздоровление Наследника приписывается вмешательству Распутина. Морис Палеолог - о Государе. Уверенность Императора в окончательной победе. Кампания против И.Л. Горемыкина, председателя Совета Министров. Увольнение генерала В.Ф. Джунковского, противника Распутина. Увольнение А.Д. Самарина. Епископ Варнава и прославление Иоанна митрополита Тобольского. Перевод митрополита Владимира Петроградского, горячего противника Распутина, на Киевскую кафедру. Назначение архиепископа Питирима митрополитом Петроградским. Письма Императрицы Государю о назначении новых министров. Назначение А.Н. Хвостова министром Внутренних дел. Вмешательство Распутина в государственные дела. Вера Государыни в «святость» Распутина. Следователь Н.А. Соколов - о Распутине.

Принятие Государем Императором Николаем II на себя верховного командования было для союзников России неожиданностью, но в этом акте они усмотрели гарантию окончательного соединения Российской Империи, в лице ее Монарха, с судьбою Антанты. И это было важно для них, и именно в то время, когда они боялись, что Россия, ввиду тяжелого положения на фронте, может заключить сепаратный мир с Германией. Теперь же, с Государем во главе российской армии - этого произойти не могло.

Союзники также надеялись, что решение русского Императора быть Верховным Главнокомандующим возымеет большое моральное воздействие на российскую армию.³³²

За несколько дней до прибытия Государя в Ставку туда приехал его новый начальник Главного штаба, генерал М.В. Алексеев.

Государь прибыл в Могилев 5-го сентября и сразу же выпустил свой приказ по войскам:³³³

«ПРИКАЗ
АРМИИ И ФЛОТУ
23-го августа (ст. ст.) 1915 года

Сего числа я принял на себя предводительство всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театре военных действий. С твердой верой в милость Божию и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамям земли Русской.»

Государь не сразу занял губернаторский дом, а поселился в своем поезде, в котором приехал из Петрограда. С Императором прибыла и его свита во главе с графом Фредериксом. В глаза всем бросилось отсутствие князя Орлова.

7-го сентября состоялся прощальный обед для отбывающего Великого князя Николая

³³² Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», с. 121.

³³³ Игумен Серафим «Православный Царь Мученик», с. 106.

Николаевича и его генералов. Обед был приготовлен в царском поезде.³³⁴

Вагон-столовая этого поезда разделялся на две половины. В первой, обшитой зеленым шелком, был устроен салон,³³⁵ где приготовили закуску. Во второй части стоял обеденный стол, покрытый белой скатертью и уставленный серебряным сервизом.

Государь был по своему обыкновению одет в простую суконную рубаху защитного цвета, с полковничьими погонами с вензелями на них Императора Александра III. Рубаха была подпоясана ремнем, а на ногах Государя надеты высокие сапоги.

После обеда Император обошел всех отъезжающих из Ставки и тепло с ними попрощался

Великий князь Николай Николаевич, как во время обеда, так и после, держался очень спокойно. Он казался разговорчивым и задавал много вопросов о Кавказе, куда назначался

На следующий день Николай Николаевич отбыл на отдых на несколько дней в свое имение «Першино», а оттуда - на Кавказ.

С прибытием Императора в Ставку, фронт был разделен на три части, вместо двух, как это было раньше. Северным фронтом командовал генерал Рузский, Западным - генерал Эверт, Юго-Западным фронтом остался командовать генерал Иванов.³³⁶

Сразу же после обнародования по войскам приказа Императора о принятии на себя верховного командования, в Галиции русские одержали значительную победу. Об этом Государь сообщает своей супруге в письме от 25-го августа (ст. ст.) 1915 года.³³⁷

«... я получил через Алексеева телеграмму от Иванова, который докладывает, что сегодня наша 11-ая армия (Щербачева) в Галиции атаковала две германских дивизии (3-ю гвардейскую и 48-ю пехотную), в результате чего они захватили свыше 150 офицеров и 7000 рядовых, 30 орудий и много пулеметов.

И это случилось сразу же после того, как наши войска узнали, что я принял на себя Верховное Командование. Это действительно Божие благословение, и такое скорое!»

Своим начальником штаба, генералом Алексеевым, Государь был очень доволен. Он писал Императрице (письмо от 27/8/1915):³³⁸

«...Я не могу передать тебе как я доволен генералом Алексеевым. Какой он добросовестный, умный и скромный человек и какой он работник!...»

О положении на фронте Император сообщает супруге следующее:³³⁹

Могилев, 31/8/1915.

«... Теперь, несколько слов о военном положении. Оно выглядит угрожающим в направлении Двинска и Вильны; тяжелым - в центре к Барановичам, и хорошим - на юге (генерал Иванов), где наши успехи продолжают

Опасность лежит в страшно слабом состоянии наших полков, которые исчисляются из менее, чем четверти их нормальной силы; будет невозможным пополнить их раньше месяца, так как новобранцы не будут еще готовы, и, кроме того, у них очень мало винтовок, а сражения продолжают и с ними и потери.

Но, несмотря на это, большие усилия прилагаются, чтобы подвести все возможные

³³⁴ Ю.Н. Данилов «Великий князь Николай Николаевич», сс 277,278.

³³⁵ В этом вагоне и произошло отречение Государя Императора от престола.

³³⁶ С.С. Ольденбург «Царствование Императора Николая II», с. 562.

³³⁷ The letters of the Tsar to the Tsaritsa, 1914-1917, с.72.

³³⁸ Там же, с. 74.

³³⁹ The letters of the Tsar to the Tsaritsa, 1914-1917, сс. 77, 78.

резервы из других частей к Двинску, чтобы отбросить там врага назад...»

В Царское Село Государь Император поехал в начале октября и привез с собой в Ставку Цесаревича Алексея. Государь знал, что присутствие Наследника в Ставке возымеет положительное действие на солдат, а также, что и Цесаревич, как будущий монарх, получит там хорошую военную подготовку.

Пьер Жильяр пишет,³⁴⁰ что разлука с любимым сыном для Государыни была большим переживанием. Она раньше никогда не расставалась с ребенком, но она понимала, что Государь, находясь в отлучке от Семьи, чувствовал себя одиноким; понимала что Император желает показать Наследника своим войскам.

Когда Императрица провожала на вокзале Государя и Цесаревича, она просила Жильяра писать ей каждый день о сыне.

С Наследником ехали в Могилев: Пьер Жильяр, учитель английского языка Гиббс, преподаватель П.В. Петров и матрос Деревенько.

Не доезжая до Ставки, на станции Режица, Государь пожелал произвести смотр войскам, прибывшим с фронта.

Несмотря на тяжелые потери, которые понесли в боях эти части, они проходили перед Императором церемониальным маршем с «восторгом» - как выражается Жильяр. Солдаты теперь видели перед собой не только своего Царя, нового Верховного Главнокомандующего, но и Наследника престола.

После парада Император подошел к воинам и стал с ними разговаривать. За отцом, не отставая, следовал Цесаревич Алексей. Он слушал с большим вниманием все, о чем рассказывали Государю солдаты, боялся пропустить и слово. От большой сосредоточенности вся фигура Наследника даже вытягивалась.

По мере удаления Государя от рядов солдат, среди них слышался разговор. Они обменивались мнением о Наследнике. Особенно их умиляло то, что мальчик был одет в простую солдатскую форму.

В Могилеве Император жил в губернаторском дворце, где занимал две большие комнаты, из которых одна была рабочим его кабинетом, а вторая - спальней.

Наследник поселился в комнате отца. Для него поставили походную кровать рядом с кроватью Императора.

Каждое утро в половине десятого Государь ехал в Главный штаб, где оставался до часу дня, а Цесаревич в это время занимался с Пьером Жильяром в кабинете отца. Затем следовал завтрак в большом зале губернаторского дома, где собиралось до тридцати человек.

Протопресвитер Георгий Шавельский, который всегда присутствовал на царских завтраках и обедах, пишет,³⁴¹ что он всегда с чрезвычайным вниманием следил глазами за Государем. Он так хорошо его изучил, что потом, спустя много лет, мог себе представить облик Императора во всех его деталях. Протопресвитер даже мог припомнить каждую морщинку на лице Государя, мог слышать его голос и видеть его приветливые глаза.

Во время завтраков и обедов не могло ускользнуть от внимания отца Георгия отношение Императора к напиткам. Государь во время еды выпивал только одну или две рюмки водки или один-два стакана вина.

Отец Георгий никогда не видел Императора подвыпившим, или сколько-нибудь выведенным алкоголем из нормального состояния.

После завтрака Государь работал в своем кабинете, а часа в три он вместе с Наследником и Жильяром ехал в автомобиле за город, где все трое совершали прогулку

³⁴⁰ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», сс. 127 -130.

³⁴¹ О. Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», том I, сс. 355,356.

пешком.

По возвращении, Государь опять садился работать, а Наследник готовил здесь же свои уроки к следующему дню.

О жизни Цесаревича Алексея в Могилеве Император писал своей супруге:³⁴²

Могилев, 6/10/1915.

»... Его (Наследника) присутствие дает свет и жизнь всем нам, включая и иностранцев.

Очень уютно спать рядом с ним. Я молюсь с ним каждый вечер... Он был очень рад смотрю войск; он шел за мной и стоял все время, пока мимо маршировали войска, что было замечательным...

Жизнь здесь протекает как обычно. Алексей завтракал в его комнате вместе с г-ом Жильяром только в первый день, но потом он очень просил позволить ему завтракать со всеми нами. Он сидит с левой стороны от меня, и ведет себя хорошо, но иногда становится слишком веселым и шумным, особенно, когда я разговариваю с другими в гостиной. Но, во всяком случае, это приятно присутствующим и заставляет их улыбаться..

Я удивлен тем, как он хочет и может много ходить, не жалуясь на усталость! Спит он хорошо, и я тоже, несмотря на яркий свет лампадки. Просыпается он рано утром, около 7-8, садится на кровать и начинает со мной тихо разговаривать... «

Могилев, 7/10/1915.

»...я пошел в садик, где Алексей маршировал и громко пел, - Деревенько (матрос) шел по другой дорожке и насвистывал... Его левая рука немного болит, потому, что он вчера копался в песке на берегу реки, но он не обращает на это внимания и очень веселый. После завтрака он всегда отдыхает около получаса, а Жильяр читает ему в то время, как я пишу... Это удивительно - как он перестал быть застенчивым! Он всегда идет за мной, когда я приветствую собравшихся, и стоит не двигаясь во время нашей закуски... «

П. Жильяр пишет, что жизнь в могилевском дворце протекала в сердечной обстановке и отличалась простотой. Когда Государь сидел в своем кабинете за письменным столом и работал, тут же Жильяр занимался с Цесаревичем Алексеем.

Однажды, это было в октябре, когда Болгария напала на Сербию - Император сидя за своим столом, обернулся к Жильяру с пером в руке и поделился с ним своими мыслями:³⁴³

«Если кто-нибудь сказал бы мне, что я когда-нибудь подпишу объявление войны Болгарии, я назвал бы его безумцем... Однако, сегодня это случилось. Но я подписываю против своего желания потому, что имею доказательство, что народ болгарский был обманут своим королем и австрийскими партизанами, и что в большинстве он остался привязан к России. Племенное чувство скоро пробудится в нем, и он поймет свое заблуждение, но это будет слишком поздно».

В конце октября Государь с Наследником поехал в направлении фронта, где в городе Ровно генерал Брусиллов имел свой Главный штаб. Оттуда Император вместе с генералом отправился к ожидающим войскам. Государя сопровождала эскадрилья аэропланов. Наследнику все это было очень интересно видеть.

Император с Цесаревичем пешком прошли по линии фронта войск, после чего все части проходили церемониальным маршем перед Государем. Здесь же Император вручил Георгиевские кресты особо отличившимся воинам.

На обратном пути, уже ночью, Государь, узнав, что недалеко находится перевязочный пункт, пожелал отправиться с Цесаревичем туда.

В густом лесу стоял небольшой дом, служивший перевязочным пунктом. Он освещался

³⁴² The letters of the Tsar to the Tsaritsa, 1914-1917, cc. 95-97.

³⁴³ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», с. 131.

только огнями факелов. Войдя в этот лазарет, Император обошел всех раненых, беседуя с каждым.

Один из солдат, которого только-что принесли после перевязки, не веря своим глазам, что перед ним стоит сам русский Царь, своей здоровой рукой стал ощупывать одежду Императора, чтобы убедиться, что это действительно Государь, а не галлюцинация

Цесаревич следовал позади отца. Он был очень чувствительным мальчиком и стоны раненых огорчали его.³⁴⁴

По дороге обратно в Ставку, Государь приказал остановить поезд в Богдановке, где были собраны отряды генерала Щербачева. Посетив их, Император поехал к Печерскому полку, который находился в пяти километрах от первых траншей линии фронта, и куда мог достигать огонь неприятельских батарей. Потом Государь с Цесаревичем направился в автомобиле к армии генерала Лечицкого, находившейся приблизительно в двадцати пяти километрах.

Пьер Жильяр пишет, что на обратном пути их застигла уже ночь. Туман стал застилать поля, и они сбились с пути. Пришлось довольно долго искать железнодорожную станцию, где стоял императорский поезд. И только поздно ночью поезд с Государем направился к Могилеву.

Император вынес из смотра всех полков отрадное впечатление. Он видел солдат на линии огня, видел их бодрость духа и их воодушевление.

В ноябре Государь с сыном поехал в Ревель, где осматривал флотилию подводных лодок, а оттуда - в Ригу на смотр Сибирских стрелков, покрывших себя славой в боях.

Через несколько дней Император проследовал в Тирасполь, где произвел смотр войскам генерала Щербачева. Там же Государь пожелал посмотреть, сколько бойцов этих войск прослужило там с момента начала войны. Был отдан приказ - поднять руки тем, кто служил с начала военных действий. Над тысячами солдатских голов поднялось только несколько рук. Это произвело грустное впечатление на Цесаревича Алексея. Его детская душа тогда особенно почувствовала все ужасы войны.

Через день состоялся смотр славной Кавказской дивизии, где находились и Кубанские и Терские казаки.

Пьер Жильяр, который везде сопровождал Цесаревичу Алексею, пишет,³⁴⁵ что при обратном следовании Государя к поезду, Кавказская дивизия, провожая Монарха, рассыпалась по двум сторонам дороги и пустилась в галоп, взбираясь на бугры и лихо беря препятствия. Эта грозная лавина представляла собой грандиозное и устрашающее зрелище.

Государь писал Императрице:³⁴⁶

Могилев, 12/11/1915.

»... Да, слава Богу, наша поездка прошла и закончилась превосходно! Целая радуга впечатлений! Только, увы, погода не была приветливой. Мы надеялись немного погреться, но юг встретил нас холодом с пронизывающим ветром. Единственный солнечный день был в Одессе. Там нас встретили Кирилл, Борис и Щербачев. Улицы были полны молодыми солдатами, кадетами, студентами военных школ и народом. Это напомнило мне мой визит туда весной, но теперь со мной было наше Сокровище (Алексей). Он сидел с серьезным лицом, все время отдавая честь. Через шум толпы и крики «ура», я слышал женские голоса, которые восклицали: «Наследник - ангел, хорошенький мальчик!» Это так трогательно! Он (Алексей) слышал их также и в ответ им улыбалс..»

³⁴⁴ Там же, сс. 131-133.

³⁴⁵ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», с. 136.

³⁴⁶ The letters of the Tsar to the Tsaritsa, 1914-1917, с 108.

О характере Наследника Алексея рассказывает протопресвитер Георгий Шавельский в своей книге. Он приводит следующий случай.³⁴⁷

В алтаре штабной церкви прислуживал гимназист Шура Котович, очень скромный и воспитанный мальчик. Цесаревичу Алексею он понравился, и он, стоя на клиросе, во время богослужений, стал делать ему знаки, чтобы привлечь его внимание. Шура, находясь в алтаре, мог только почтительно смущаться

Как-то сидя за завтраком, Цесаревич спросил отца Георгия о Шуре, кто он и бывает ли он в саду. Протопресвитер Шавельский ответил, что Шура каждый день несколько раз проходит через сад, когда идет в школу и тогда заходит в церковь, а когда возвращается обратно домой, то тоже идет в церковь.

Наследник удивился, что Шура каждый день бывает в церкви, и спросил священника, чем занимается дома Шура. Отец Георгий сказал, что мальчик учит уроки и ухаживает за больной матерью, и предложил Цесаревичу познакомить его с ним.

«Хорошо, - как-то нерешительно сказал Наследник, а потом, помолчав минутку, прибавил - а, может быть, ему нужно быть около больной матери?»

Отец Георгий смотрел на Цесаревича и любовался его чистой, неподдельной скорбью, которая в это время отражалась на его прекрасном личике.

При штабе был храм, и Государь Император с Наследником посещали богослужения во все праздничные и воскресные дни и накануне их. Пропуски Государем церковных служб были чрезвычайно редки и вызывались уважительными причинами.

Протопресвитер Георгий Шавельский не раз слышал от Императора следующие слова:³⁴⁸

«Как-то тяжело бывает на душе, когда не сходишь в праздник в церковь».

Штабная церковь была в прежнем семинарском храме, который раньше служил кафедральным собором Могилева и располагался недалеко от губернаторского дома. Ризница этого храма, благодаря щедрым пожертвованиям московских и петербургских купцов, была богаче даже ризницы царскосельского Феодоровского собора. Храм отличался прекрасным резонансом и акустикой, но лучшим украшением этой церкви был замечательный хор и прекрасный голос диакона Н.А. Сперанского. Хор состоял всего из 16-ти человек, но это все были отборные певцы из придворной капеллы и петербургских соборов. Хор, как пишет отец Шавельский, поражал не только своею мощностью и музыкальностью, но и захватывал молящихся своей проникновенностью и духовностью.

Государь любил церковное пение, но был в этом отношении консерватором. Он любил слушать то, к чему привыкло его ухо с детства. Это были песнопения композиторов Бортнянского, Турчанинова, Львова. Произведения новых композиторов в присутствии Императора всегда исполнялись с опаской, рискуя получить от него замечание или выражение неудовольствия

Отец Георгий описывает такой случай:

После одного богослужения Государь спросил протопресвитера:

«Какую это херувимскую сегодня пели? Я никогда ее не слышал». Отец Георгий:

«Регент Носков сказал мне, что она несколько раз исполнялась капеллою в Вашей церкви».

Государь:

«Ничего подобного! А чья это херувимская?» «Носкова» - ответил Шавельский. Император добродушно сказал:

³⁴⁷ О. Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», том I, сс. 364,365.

³⁴⁸ Там же, сс. 356-358.

«Ну, теперь понятно! Чтобы провести свое творение, он неверно доложил Вам».

От времени до времени церковный хор Ставки давал концерты в зале женского Епархиального училища Могилева. На этих концертах исполнялись не только песнопения духовного содержания, но и песни светских композиторов. Билеты на эти концерты быстро расходились и почти всегда не хватало мест для всех желающих. Государь и его свита посещали эти концерты регулярно. Однажды Император, по причине занятости, не смог прибыть на концерт, но узнав, что большая часть прибыли от концерта идет в пользу раненых, прислал 2 тысячи рублей.

В октябре месяце в Могилев прибыла Государыня с дочерьми. Красивая, величественная, но всегда со скорбным лицом, Императрица с Великими княжнами появлялась в столовой во время завтраков. Обедала же Царская Семья всегда отдельно. Жила Государыня с дочерьми в своем поезде.

Сэр Самуил Хор вспоминает,³⁴⁹ что он по долгу своей службы иногда приезжал в царскую Ставку и встречался там с Государем. Он пишет, что атмосфера в могилевском дворце была всегда домашней и уютной.

Когда он первый раз приехал туда, то удивился простоте дома и простоте обстановки. В гостиной он встретил Цесаревича Алексея, который, прячась за картами, играл в прятки со своими сестрами и воспитателем. Завтрак в могилевском доме проходил очень непринужденно, как в семейном кругу. Великие княжны, после монотонности и замкнутости Царского Села, были рады приехать сюда и пожить совершенно новой жизнью.

Разговор за столом, а потом и в саду, велся самый легкий и обыденный. Император с Императрицей обходили гостей и с каждым из них приветливо разговаривали. Цесаревич, изумительно красивый ребенок, каких когда-либо встречал сэр Самуил, смеялся и шутил с сестрами и молодыми князьями. Даже Государыня, вообще молчаливая, какой ее всегда знал весь мир, здесь свободно вела разговор и чувствовала себя очень спокойно. Она показывала Сэру Самуилу цветы, которые росли в саду могилевского дома, и рассказывала о них. Самуил Хор пишет, что он никогда не встречал более любящую и более дружную семью, какой была Царская Семья

Императрица Александра Феодоровна очень много работала. Только за период 1914-1915 года она посетила больше городов и различных мест, чем это сделала за всю свою жизнь в России до войны.³⁵⁰

Когда она ездила с инспекцией госпиталей или других учреждений, то делала это без предупреждений во избежание специальных встреч, а главное, она хотела видеть положение на месте, без прикрас. Но Государыня была и обидчивой и подозрительной. Однажды, когда ее не узнали в форме сестры милосердия, она почувствовала себя уязвленной и решила, что это интрига против нее, что это было допущено намеренно.

В каждом госпитале, который навещала Императрица, она обращала особое внимание на тяжело раненых и подолгу оставалась у их постелей.

Обычно, после инспекций госпиталей, Государыня возвращалась в свой поезд до того измученной, что падала на первый же стул и не имела сил с него подняться, чтобы пройти в свой вагон. Но здесь же, сидя на этом стуле, она принималась рассматривать многочисленные прошения на ее имя, и это продолжалось до тех пор, пока ее дочери не уговаривали ее идти отдыхать.

К сожалению, Императрица проявляла непринужденность и сердечность только в

³⁴⁹ Sir Samuel Hoare «The Fourth Seal,» cc. 168-170, 349.

³⁵⁰ Baroness Sophie Buxhoeveden «The life and tragedy of Alexandra Feodorovna Empress of Russia», cc. 199-201.

небольшом, знакомом ей кругу. В чужой же обстановке она терялась, замыкалась в себе и проявляла холодность. Об этом рассказывает в своей книге племянница и воспитанница Великой княгини Елизаветы Феодоровны - Мария Павловна.³⁵¹

В ноябре 1915 года Государыня приехала в г. Псков, чтобы произвести инспекцию военного госпиталя, которым заведовала Мария Павловна. Императрица хотела приехать туда неожиданно, но в больнице узнали об этом накануне и встречать Государыню на вокзал поехала Мария Павловна. Увидя ее, Императрица была удивлена. В госпитале ее встречал медицинский персонал и учащиеся приходской школы. С Государыней прибыли две ее старшие дочери - Ольга и Татьяна, и Анна Вырубова. Все они были одеты одинаково: в форму сестер милосердия

Раненые, предупрежденные о приезде Императрицы, были смущены и находились в замешательстве, видя четырех сестер милосердия Они не могли распознать - кто же среди них Царица?³⁵² Лица большинства солдат выражали удивление и разочарование. Они не представляли себе, что Государыня может появиться в одежде сестры милосердия Они хотели ее видеть одетой так, как подобает императрице Российской.

Государыня хорошо говорила по-русски, почти без акцента. Она обошла в каждой палате каждого раненого и подолгу с ними разговаривала.

Мария Павловна, которая шла за Императрицей, особенно не вникала в ее слова, которые были везде почти одинаковы, а смотрела на выражение лиц раненых воинов.

Несмотря на слова Государыни, исполненные симпатии и сердечности, в выражении ее лица и во всем ее облике отсутствовало что-то, и это препятствовало ее сближению с ранеными. Казалось, что они не понимают Царицу, что ее слова остаются для них далекими и загадочными. Все они следили за ней глазами, полными недоумения и даже страха.

Мария Павловна пишет, что она много раз присутствовала, когда Государь Император навещал госпитали. Она говорит, что когда он только появлялся в палате, все сразу же ощущали величие и важность этого момента. Несмотря на свой невысокий рост, Государь всегда казался выше всех присутствующих. Он переходил от одной кровати к другой с изумительным достоинством. Его глаза излучали теплоту и свет. И уже после нескольких секунд разговора с ранеными, их лица теряли выражение напряженности и беспокойства, и вместо этого у них появлялось выражение восхищения и радости. Казалось, что какая-то загадочная связь устанавливалась между Государем и ранеными, с которыми он говорил; казалось, что новая жизненная сила вливалась в них. Мария Павловна часто наблюдала, как раненые, после разговора с Императором, закрывали глаза, чтобы подольше задержать в своем сознании образ Монарха и то блаженное состояние, которое они только-что испытали.

Государыня Императрица, после инспекции госпиталя Марии Павловны, поехала в другие военные госпитали Пскова, а потом навестила и комитет Красного Креста.

В Пскове был большой Кадетский корпус. Старшие кадеты, двадцатилетние молодые люди, только-что окончившие эту школу, должны были отправляться на фронт. Директор корпуса просил Марию Павловну устроить так, чтобы кадеты могли увидеть Императрицу, и устроить!» это было нетрудно ввиду того, что корпус был расположен на пути обратного следования Государыни к вокзалу.

В ответ на просьбу Марии Павловны остановиться у здания корпуса, Государыня наотрез отказалась, мотивируя это тем, что она приехала в Псков, чтобы только осмотреть военные госпитали, но не школы. В этом проявились крайняя застенчивость Императрицы и ее упрямство.

Чтобы не обидеть кадет, Мария Павловна предложила директору корпуса выстроить их на улице по пути следования Государыни. Она надеялась, что Императрица при виде их

³⁵¹ Marie, Grand Duchess «Education of a Princess», сс. 193-197.

³⁵² Государыня приезжала в одежде сестры милосердия по совету Распутина.

остановится и скажет несколько приветливых слов.

При приближении кареты Государыни, слышались звуки кадетского оркестра. Императрица была удивлена и раздражена, но отказалась остановиться и выйти из экипажа. К счастью, кучер сам замедлил экипаж, и ей пришлось несколько раз кивнуть головой в знак приветствия. Ее лицо все покраснело от волнения.

После отъезда Государыни, Мария Павловна от усталости едва держалась на ногах и должна была прилечь на некоторое время. Она удивлялась, как Императрица, при своем слабом здоровье, могла выдержать такой длинный и напряженный день.

Отказывая себе и своим дочерям в каких-либо удовольствиях, Государыня требовала этого и от других. Узнав, что Мария Павловна иногда по воскресным дням ходит на лыжах с кадетами военной школы, запретила ей этим заниматься. Она сказала, что являясь заведующей госпиталем, Мария Павловна должна забыть все свои интересы и всецело отдаться долгу - служению ближним.

Сэр Самуил Хор пишет,³⁵³ что в военное время блестящая светская жизнь Санкт-Петербурга остановилась. Шли без перерыва лишь постановки русского балета Мариинского театра. Билеты туда достать было почти невозможно. Абоненты держали свои места и ревниво оберегали их, передавая только из рук в руки, а иногда и по завещанию, своим наследникам. Как заметил Самуил Хор, императорская ложа Мариинского театра во время войны всегда была пуста. Перед началом спектакля и в антрактах лучи от электрического света театральных люстр падали на пустую императорскую ложу, освещая только солдат государевой охраны, стоявших на карауле. Правила же театра строго соблюдались: все офицеры в формах во время антрактов не имели права садиться, а должны были стоять, как бы в присутствии Императора, или кого-то из членов его Семьи. Все это создавало грустное настроение. Чувствовалось отсутствие контакта между Монархом и его подданными.

Сэр Самуил наблюдал, как во время представлений публика живо реагировала на каждое движение танцоров и горячо все это обсуждала в антрактах. И неудивительно, что сэр Самуил подметил это, ведь русские - это известные балетоманы, известные любители и ценители искусства.

Царским дочерям, конечно, очень хотелось бывать на представлениях знаменитого Мариинского театра, но это им не позволялось матерью-Царицей.

Со стороны казалось, что молодые Великие княжны не чувствовали суровости их жизни и не стремились к увеселениям, хотя это было бы естественным в их годы. Единственным их развлечением были редкие концерты, которые устраивались в госпиталях для раненых, а также небольшие приемы в доме Анны Вырубовой, где бывало как правило женское общество из поклонниц Распутина.

Великая княжна Татьяна в середине 1915 года стала заведовать комитетом помощи беженцам, наводнившим тогда со всех сторон Россию. На имя Татьяны Николаевны ежедневно поступало множество писем и прошений, которые она аккуратно рассматривала и делала заметки. Нередко в этом помогала ей Императрица.

Комитет помощи беженцам Великой княжны Татьяны занимался подыскиванием убежища для несчастных жителей западного края страны, которые бежали отсюда с приближением немцев. Их надо было где-то разместить, позаботиться о их питании и здравоохранении. Сначала деньги на это благое дело собирались от частных пожертвований, но позднее комитет стал получать от государства субсидию.

Великая княжна Ольга, уже с начала войны, работала в своем комитете помощи семьям военнослужащих. Контора этого комитета располагалась в Зимнем дворце.

Царевны Ольга и Татьяна старались всеми силами облегчить работу матери. Они

³⁵³ Sir Samuel Hoare «The Fourth Seal», сс. 82-84.

сопровождали ее в поездках по госпиталям, и часто, после занятий в своих комитетах, спешили навестить многочисленные госпитали Петрограда - делали то, что входило в работу Государыни. Обе Великие княжны во время войны проявили себя большими труженицами, работая до предела своих юных сил.

В середине декабря 1915 года Цесаревич Алексей сильно простудился. В результате, вследствие кашля и чихания, у него из носа пошла кровь. Профессор Федоров, все время находившийся в Ставке при Цесаревиче, не мог остановить кровотечения.

В это время Государь Император намеревался ехать с сыном на смотр российских войск, расположенных в направлении Галиции. Несмотря на болезнь Цесаревича, Государь решил не откладывать намеченной поездки. Поезд тронулся вместе с большим Наследником, но ночью состояние больного ухудшилось и у него поднялась температура. Профессор Федоров, дежуривший у постели больного, разбудил Императора и попросил его дать приказ повернуть поезд обратно в Могилев, где он мог бы в лучших условиях оказать помощь Наследнику. Приказ был отдан и поезд повернули в направлении Ставки, но утром состояние больного до того ухудшилось, что было решено везти его в Царское Село.

В Могилеве Государь все же провел около двух часов в штабе с генералом Алексеевым и только после этого поехал в Царское.

Пьер Жильяр пишет,³⁵⁴ что в пути Цесаревич несколько раз терял сознание, и Жильяр думал, что уже приближается конец. Но утром состояние больного немного улучшилось и кровотечение уменьшилось.

На вокзале Царского Села поезд встретила Императрица с дочерьми. Вид у Государыни был измученный.

Во дворце Наследнику была оказана медицинская помощь. Ему сделали прижигание ранки кровоточившего сосуда. Истечение крови прекратилось и он стал быстро поправляться. Но Государыня выздоровление сына всецело приписала Распутину. Подробно об этом написано в книге Мориса Палеолога:³⁵⁵

Как только Императрица узнала о болезни сына, она сразу же вызвала Распутина. Изливая перед ним свою изболевшую душу, она молила его спасти ребенка. Тогда «старец» склонил голову, как-бы в размышлении. Потом, после короткого молчания, сказал с оттенком гордости в голосе:

«Слава Богу! Он дал мне опять жизнь твоего сына...» (пер. с англ.)

Когда Императрица встречала на вокзале больного сына, то у него уже было заметное улучшение. И Государыня тогда уверовала, что ее ребенка спас один Распутин.

Морис Палеолог при этом восклицает:

» Как же Императрица могла не поверить Распутину?»

Фрейлина Императрицы баронесса София Буксгевден пишет:³⁵⁶

«Доктора старались дать (Императрице) медицинское объяснение выздоровлению, но мать вообразила, что все их попытки были напрасны, а помог только Распутин.

Цесаревич поправлялся, и репутация «старца» - как человека обладающего божественной силой - стала еще выше, чем когда-либо». (пер. с англ.)

Наследник Алексей теперь находился вне опасности, и Государь оставался в Царском Селе недолго. Он спешил к своим войскам. Он видел, что его поездки на фронт имели удивительный успех.

Пьер Жильяр пишет, что не только войска, но и народ везде с энтузиазмом встречал

³⁵⁴ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», сс. 136-138.

³⁵⁵ Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs», том II, с. 135.

³⁵⁶ Baroness Sophie Buxhoeveden «The life and tragedy of Alexandra Feodorovna Empress of Russia», с. 215.

Императора. При каждой остановке поезда к нему бежали толпы людей, чтобы увидеть его. Государь этому радовался. Он знал, что должен вызывать в армии и в народе чувство горячего патриотизма и чувство лояльности к нему, как к Монарху.

Пребывание в Ставке действовало на Государя благотворно. Он снова приобрел уверенность в себе и утерянное спокойствие. И он верил в окончательную победу русских.

Морис Палеолог посетил Императора в Царском Селе в октябре 1915 года. О своем впечатлении он пишет следующее:³⁵⁷

«Он (Император) выглядел хорошо. Выражение его лица было спокойным и уверенным. Это было то, чего я не видел у него уже давно. Мы сразу перешли к теме моего визита...

Потом наш разговор принял более личный характер. Я спросил Императора о его впечатлениях на фронте.

«Мои впечатления замечательные», - ответил он. «Я все более уверен в победе и полон энтузиазма более, чем когда-либо. Жизнь, которую я веду во главе моей армии - такая здоровая и успокоительная! Какой это замечательный солдат - русский! Я и не знаю, чего он может не сделать! И его решимость победить, и его уверенность в победе - изумительные!»

М. Палеолог:

«Я рад это слышать от Вас, так как задана, которая стоит перед нами - все еще огромная, и мы выиграем только путем непоколебимой твердости».

Сжав руки в кулаки и подняв их над головой, Император ответил:

«Я преисполнен непоколебимой твердости. Я никогда не прекращу войны, пока мы не достигнем полной победы». (Пер. с англ.)

Когда Государь Император стал Верховным Главнокомандующим, внутренними делами страны стала распоряжаться Императрица. Министры, особенно председатель Совета Министров И.Л. Горемыкин, стали ездить к ней с докладами.

На заседании Совета Министров И.Л. Горемыкин поднял вопрос о роспуске Государственной Думы.³⁵⁸ Министры не были согласны с этим, и только один министр Юстиции А.А. Хвостов поддержал председателя. Министры предлагали выработать условия компромисса, чтобы избежать роспуска Думы, но Горемыкин отверг всякие попытки к компромиссу и поехал к Государю в Ставку. Оттуда он привез готовый указ о перерыве занятий Думы.

Когда на вторичном собрании министров Горемыкин объявил об этом, министры возмутились, и против него начались резкие выпады. Тогда председатель покинул собрание и уехал, ни с кем не попрощавшись. В ответ на это министры решили корпоративно подать в отставку и поручили Поливанову и Щербатову ехать в Могилев, чтобы передать Императору их письменные заявления об отставке и сказать ему, что они служить с Горемыкиным не могут.

В те дни И.Л. Горемыкин почти ежедневно ездил к Императрице, где оба прислушивались к высказываниям Распутина. Жена Горемыкина стала открытой поклонницей «старца».

Когда Государь принял в Могилеве А.А. Поливанова и князя Щербатова, он взял привезенные ими прошения об отставке, разорвал их на куски и сказал:

«Это мальчишество. Я не принимаю вашей отставки, а Ивану Логиновичу (Горемыкину - Л.М.) я верю».

Императрица настолько верила в «святость» шарлатана-Распутина, что перед встречей Государя с министрами отправила ему письмо, где были следующие слова:³⁵⁹

³⁵⁷ Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs», том II, с. 89,90.

³⁵⁸ М. В. Родзянко «Крушение Империи», сс. 105-107.

³⁵⁹ Письма Императрицы Александры Феодоровны к Императору Николаю II, том I, с. 235.

Письмо №123 от 15/9/1915.

»... Не забудь опять подержать образок в твоей руке и несколько раз причесать волосы Его (Распутина - Л.М.) гребенкой перед заседанием министров...»

Горемыкин после «своей победы» почувствовал еще большую уверенность в себе. Указ о перерыве заседаний Государственной Думы он передал М.В. Родзянко.

Председатель Думы М.В. Родзянко пишет, что Горемыкин умышленно спешил с роспуском, чтобы не дать сговориться членам Думы, и чтобы в случае резких выступлений воспользоваться этим и совсем распустить Государственную Думу. Но этого не произошло. Члены Думы оказались на высоте положения и никаких провокационных выпадов с их стороны не было.

На Земских и Дворянских собраниях по всей стране стали выносить резолюции с просьбой к Императору назначить правительство, пользующееся доверием народа - «министерство доверия».

Дворянское собрание Москвы решило послать в Ставку к Государю выборных лиц для доклада, но Император их не принял.

М.В. Родзянко отправил в Могилев доклад Государю с просьбой убрать председателя Совета Министров И.Л. Горемыкина и прислушаться к голосу народа.

Но получилось все по-другому. Министры, пользовавшиеся доверием страны - были сняты. Началось падение верных слуг Государя и противников Распутина.

В сентябре 1915 года был уволен от должности Товарища Министра Внутренних дел и Командира Жандармов, друг молодости Императора - генерал В.Ф. Джунковский.

В книге сэра Бернарда Пареса написано,³⁶⁰ что генерал Джунковский следил за Распутиным, особенно в деле его вмешательства в политику. Беспредельно преданный Государю и Монархии, благородный генерал видел в Распутине большую опасность не только для России, но и для Императора и для всей династии Романовых.

Григорий Распутин ненавидел В.Ф. Джунковского. Он был злопамятным и мстительным человеком и не мог простить Джунковскому его правдивого доклада Императору о скандале в «Яре» в Москве.

Протопресвитер Георгий Шавельский пишет:³⁶¹

«Увольнению Джунковского способствовала целая коалиция его врагов. Во главе их стоял Распутин с Вырубовой, которых подзадаривали б. министр Внутренних дел А.Н. Хвостов и сенатор С.П. Белецкий. С другой стороны и совсем по другим причинам против Джунковского интриговал В.Н. Воейков, считавший Джунковского, в виду исключительного расположения к нему Государя, одним из главных своих конкурентов при дворе. Весьма осведомленные в деле Джунковского люди, как его начальник штаба, ген. В.П. Никольский, категорически утверждали, что Воейков много способствовал падению Джунковского».

Под влиянием Распутина не выносила генерала В.Ф. Джунковского и Государыня Императрица. Это известно из ее писем Государю:³⁶²

Письмо №93 от 22/6/1915.

»... Об этом незачем знать Н. (Николаше) так же, как и моему врагу Джунк (овскому). Ах, дорогой мой, он нечестный человек, он показал эту гнусную грязную бумагу³⁶³

³⁶⁰ Sir Bernard Pares «The Fall of the Russian Monarchy». Vintage Books, New York, 1961, с 225.

³⁶¹ О. Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», том II, с. 23 (сноска).

³⁶² Письма Императрицы Александры Феодоровны к Императору Николаю II, том I, сс. 146,147.

³⁶³ Протокол о скандале, учиненном Распутиным в «Вилла Родэ» на островах.

(направленную против нашего Друга), Дмитрию, который все повторил Павлу, а этот Але. Это такой грех. И будто бы ты сказал ему, что тебе надоели эти грязные истории, и что ты хочешь чтобы Его (Распутина ~ Л.М.) строго наказали... Ах, дорогой мой, когда, наконец, тыхватишь рукой по столу и накричишь на Джунк (овского) и на других, если они неправильно поступают. Тебя не боятс А должны боятьс Ты должен их напугать, иначе все садятся на нас верхом. Довольно, мой дорогой, не заставляй меня тратить попусту слова. Если Дж(унковский) при тебе, призови его, скажи ему, что ты знаешь (не называя имен), что он показал в городе эту бумагу и что ты приказываешь ему разорвать ее и не сметь говорить о Гр. (игории) так, как он говорит, и что он действует, как изменник, а не как верный подданный, который должен был бы заступаться за друзей своего Государя, как это делают во всех других странах...»

Вскоре после генерала Джунковского был уволен от должности и заменен А. Н. Волжиным обер-прокурор Святейшего Синода, верный Государю и стойкий противник Распутина, А.Д. Самарин.

Предлогом для увольнения Самарина послужило преждевременное прославление митрополита Иоанна Тобольского епископом Варнавой Тобольским, который произвел это самовольно, без предварительного согласия на то Святейшего Синода. Епископ Варнава был протеже Григория Распутина и, пользуясь этим, бывал в Царском Селе.

Епископа Варнаву вызвали в Святейший Синод и постановили прославление митрополита Иоанна считать недействительным, а епископа Варнаву временно устранили от управления епархией.

Но это постановление Святейшего Синода утверждено не было, а обер-прокурора Синода Самарина Государь уволил.³⁶⁴ Была назначена новая сессия Святейшего Синода, где предлагалось пересмотреть первоначальное решение и проявить снисходительность к епископу Варнаве.

В это время произошел перевод митрополита Владимира Петроградского, горячего противника Распутина, на Киевскую кафедру, а на его место был назначен экзарх Грузии архиепископ Питирим, которому покровительствовал Распутин. Протопресвитер Георгий Шавельский пишет:

«Перевод первенствующего члена Св. Синода Петроградского митрополита на Киевскую кафедру был фактом небывалым в истории русской Церкви. Его не могли понимать иначе, как опалу...»

Вскоре после А.Д. Самарина ушел с поста министра Внутренних дел князь Щербатов. Он говорил, что не может выдержать интриг; что при создавшейся обстановке, он не в состоянии работать.

Травля Н.Б. Щербатова началась после того, как он ослабил цензуру печати и в прессе стали появляться статьи о скандальном поведении Распутина.

Морис Палеолог пишет,³⁶⁵ что общественность хвалила Щербатова за ослабление цензуры, но все знали, что он уже недолго продержится на посту министра Внутренних дел.

В этот период времени Императрица в своих письмах супругу настоятельно просила об удалении нежелательных министров.³⁶⁶

Письмо №117 от 9/9/1915.

»... Я не могу повторить тебе всех бранных слов, которыми они обзывали нашего

³⁶⁴ О. Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», том I, сс. 369-376.

³⁶⁵ Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs», том II, с. 61.

³⁶⁶ Письма Императрицы Александры Феодоровны к Императору Николаю II, том I, сс. 215,216,222,223.

Друга. Прости меня, что я опять к тебе пристаю со всем этим, но это для того, чтобы показать тебе, что ты должен немедленно сменить С. (Самарина)...

Выгони всех, дай Горем(ыкину) новых министров, чтобы он с ними работал, и Бог благословит тебя и их работу... Я ему (Горемыкину) написала, чтобы он дал список, как ты просил, но он просит тебя подумать и о приемнике Сазонова, и о Щербатове... «

Письмо №119 от 11/9/1915.

«... Ты глава и покровитель церкви, а он (Самарин - Л.М.) старается подорвать тебя в глазах церкви. Сразу, любимый мой, выкипи его, а также Щербатова... Пожалуйста, возьми Хвостова на его место. Просмотрел ли ты его книгу? Он очень хочет меня повидать, смотрит на меня, как на ту, которая спасает положение, пока тебя нет (сказал об этом Андр(онникову), он хочет излить мне свою душу и сказать мне обо всех своих идеях. Он очень энергичен, никого не боится и безгранично предан тебе, а это главная вещь в эти дни... «

На место министра Внутренних дел князя Щербатова был назначен А.Н. Хвостов, бывший губернатор Нижнего Новгорода, племянник А.А. Хвостова, министра Юстиции.

Наблюдательный воспитатель Наследника Пьер Жильяр высказывает интересное мнение о роли Императрицы в государственной политике России, Он пишет,³⁶⁷ что Государыня вмешивалась в политику не в силу личного честолюбия и жажды власти, а потому, что хотела быть полезной своему супругу-Императору в его ответственной работе. Она считала, что помогает ему своими советами. К этой новой своей обязанности, которую она сама на себя наложила, Императрица относилась с той же горячностью, с той же энергией, но, увы, с тем же ослеплением, которые она проявила в борьбе за жизнь своего сына. Она думала, что Распутин - это избранник Божий, и что он своей сверхъестественной силой может принести пользу не только больному Наследнику, но и Императору и всей России.

П. Жильяр говорит:

«... Будучи ловким и хитрым человеком, Распутин решился давать политические советы с большой осторожностью. Он постоянно заботился о том, чтобы иметь точные сведения обо всем, что происходило при дворе, и об интимных чувствах Государя и Государыни. Его пророческие слова чаще всего подтверждали тайные желания Императрицы. Фактически, без сомнения, сама Императрица внушала ему «внушение», причем, ее собственные желания, проходившие через Распутина, приобретали в ее глазах авторитет и таинственную силу...

Очень осторожная, но в то же время очень самолюбивая, прежде всего жена и мать, Императрица считала себя счастливою только среди своих...

Однако, страдание надломило ее, и от нее осталась только тень. Она часто впадала в мистический экстаз, благодаря чему теряла правильное представление о вещах и людях. Ее вера в «святость» Распутина служит этому неопровержимым доказательством».

О влиянии Распутина на Государыню и о ее вере в него, как в «святого» человека, находим в книге следователя Н. Соколова.

Судебный следователь по особо важным делам Омского Округного суда Николай Алексеевич Соколов несколько лет трудился над раскрытием адского злодеяния в Екатеринбурге - убийства Царской Семьи и их служащих. Его книга «Убийство Царской Семьи» вышла в 1925 году через несколько месяцев после его загадочной смерти в ноябре 1924 года. Книга Н.А. Соколова признана всем миром и является одним из авторитетных трудов по расследованию убийства Государя Императора Николая II и его Семьи.

Н.А. Соколов в своей книге уделяет много внимания Григорию Распутину. Он

³⁶⁷ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», сс. 123-125.

пишет:³⁶⁸

«Конечно не существовало внешне видимого участия Распутина в политической жизни страны. В такой форме его влияние не могло проявляться, так как, благодаря своим личным свойствам, он не мог открыто выступать на политическом фоне.

Но, оставаясь внешне скрытым, его влияние в действительности было огромно. Одно положение его около Государыни делало из него политическую фигуру, так как люди, узнав, каким положением пользуется Распутин, пошли к нему. Мало по малу он перестал быть явлением только частной жизни Семьи, и его политическая роль стала расти...

Лже-монархисты распутинского толка пытаются ныне утверждать, что Распутин «благотворно» влиял на здоровье Наследника. Неправда. Его болезнь никогда не проходила, не прошла, и он умер, будучи болен...

Лгать помогала Распутину сама болезнь Наследника. Она всегда была одна: он начинал страдать от травмы или ушиба, появлялась опухоль, твердела, появлялись параличи, мальчик испытывал сильные муки.

Около него был врач Деревенко. Наука делала свое дело, наступал кризис, опухоль рассасывалась, мальчику делалось легче.

Состояние матери понятно. Веря в Распутина, она в силу целого комплекса психо-патологических причин, весь результат благополучного исхода относила не к врачу, а к Распутину.

Но каким же образом на одной вере матери держался Распутин столько лет?

Ложь Распутина требовала помощников...

Во дворце был его раб - Анна Александровна Вырубова...»

Далее следователь Н. Соколов приводит слова Камер-юнгферы М.Ф. Занотти:³⁶⁹

«В конце концов, около Государыни было два человека, с которыми никто бороться не мог: Распутин и Вырубова. Больше для нее из посторонних никого не существовало».

Н. Соколов говорит:³⁷⁰

«Потом Распутин пошел дальше лжи. Став необходимостью для больной Императрицы, он уже грозил ей, настойчиво твердя: Наследник жив, пока я жив. По мере дальнейшего разрушения ее психики, он стал грозить более широко: моя смерть будет Вашей смертью».

ГЛАВА 19

Страницы «Красного архива» - о Распутине. Скандал на пароходе. Еще из «Красного архива» о Распутине. Последствия скандала на пароходе. С.П. Белецкий - о Распутине и Вырубовой. Распутин ненавидит Великую княгиню Елизавету Феодоровну. Согласие Распутина на назначение Волжина обер-прокурором Святейшего Синода. Новый митрополит Петроградский Питирим. Денежные дела Распутина. Именины Распутина, окончившиеся скандалом. Отношение Императора к Распутину. Отношение Великой княжны Ольги к Распутину. Рассказ Н.А. Тэффи о Распутине (в сокращенном виде). Пересказ записок-дневника о встречах с Распутиным Елены Джанумовой. Из книги Юрия Анненкова «Дневник моих встреч» - о Распутине. Из воспоминаний - дневника С.П. Мельгунова - о Распутине. Распутин - участник хлыстовских радений. С.П. Белецкий - о Распутине. Вл. Маевский - о Распутине. Следователь Н. Соколов - о Распутине. Ф. Винберг - о Распутине. Пьер Жильяр - о Распутине. Григорий Распутин - как орудие в руках врагов

³⁶⁸ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи». Изд. «El Verbo Ruso». Буэнос-Айрес, 1978, сс. 71,75.

³⁶⁹ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», с. 76.

³⁷⁰ Там же, с. 77.

России. Окружение Распутина.

Григорий Распутин продолжал вести разгульную жизнь и предавался безудержному пьянству и разврату.

В «Красном архиве» находим следующие записи:³⁷¹

13/7/1915 После бани Распутин пошел к жене местного псаломщика Ермола Они, вероятно, сговорились о свидании, так как она ждала его у окна. Он приходит к ней каждый день с намерениями интимного характера. В этот раз он оставался у нее полчаса.

Патушинская уехала обратно в Я. по требованию мужа. Она страстно просталась с Распутиным, покрывая его лицо, руки и бороду поцелуями.

22/7 Патушинская встретила их (Распутина и его друзей - Л.М.) на станции в карете, запряженной парой ее собственных лошадей. Она посадила Распутина рядом с собой, а остальных рассадилa в нанятых экипажах. Ее муж встретил всех у их квартиры... Приблизительно в десять часов (это было очевидно заранее устроено) видели Распутина, как он выпрыгнул из окна на веранду, где его ждала Патушинская, которая вышла задними дверями. Они оба исчезли в темноте.

5/8 (Распутин говорит агентам его охраны - Л.М.): «Соловьев получил очень неприятный выговор от Самарина за то, что встретил меня в Петрограде 31-го июля. Но Самарин не продержится долго на посту обер-прокурора Синода...»

На страницах 37-39 «Красного архива» подробно описан скандал, учиненный Распутиным на пароходе, который шел из Тюмени к Тобольску.

На пароходе Распутин заказал себе отдельную каюту. Там в течение двух часов он пил, и когда вышел на палубу, то был совершенно пьяным. Подойдя к группе солдат, он стал с ними разговаривать, потом дал им 25 рублей и приказал петь. Солдаты запели. Послушав их некоторое время, Распутин отправился в свою j каюту и вынес еще 100 рублей. Песни зазвучали громче и веселее. Распутин стал подпевать и притоптывать. Потом он повел солдат в столовую 2-го класса и собрался угощать их обедом. Но капитан этого не позволил. Тогда Распутин поставил солдат в круг, сам встал посередине и стал весело и шумно дирижировать. Потом он дал солдатам еще 25 рублей и приказал официанту принести для них обед, а через некоторое время стал громко жаловаться, будто у него украли три тысячи рублей. На палубе Распутин стал задираться и ссориться то с одним пассажиром, то с другим. Один из них намеревался избить Распутина, но был удержан охранниками. Второй же, плюнув в сторону «старца», ушел. Увидя официанта, Распутин стал обвинять его в краже трех тысяч рублей и назвал его вором. (У С.П. Белецкого написано, что Распутин избил официанта). Официант пожаловался капитану парохода. Но Распутин ушел в свою каюту, где некоторое время сидел, опустив голову на стол. Потом свалился на пол и так лежал до прибытия парохода в Покровское.

Агенты охраны Распутина, с помощью матросов, с трудом стащили пьяного на берег, подняли его на экипаж и повезли домой.

На следующий день Распутин спрашивал охранников о своем поведении на пароходе. Он был удивлен тем, что ему рассказали и говорил, что выпил только три бутылки водки...

В «Красном архиве» далее читаем:

9/9 ... Старик (отец Распутина) стал ругать Григория, ужасно выражаясь. Распутин, в

³⁷¹ The Red Archives, Russian State Papers and Other Documents, cc. 33-46. (Даты по ст. ст.)

дикой ярости, вскочил из-за стола, за которым сидел, вытолкнул отца на двор, свалил его с ног и стал бить кулаками. Старик кричал: «Как ты смеешь, негодяй!» Их с трудом разъединили. У отца был большой кровоподтек, который совсем закрыл его глаз. Придя в себя, упорный старик опять набросился на сына, ругая его еще хуже, чем раньше. Он угрожал рассказать всем, что Григорий - невежественный старый дурак, который только знает «как ласкать Дунины (прислуга Распутина) мягкие места». Распутина надо было крепко держать, чтобы он опять не набросился на отца. Оба были сильно пьяны...

24/9 Распутин уехал из Покровского в Петроград, куда прибыл 28-го сентябр

14/10 Распутин вернулся домой в час ночи, совершенно пьяный. На лестнице он выругал жену швейцара за получение взятки в 28 рублей от одного министра. Он закончил словами: «Он хотел закопать меня, но, наоборот, его закопают раньше меня».

28/10 Распутин дал Белянину рекомендательное письмо к помощнику министра Юстиции Веревкину, который, однако, отказался взять письмо, сказав, что это дело может быть решено только в высших сферах. Тогда Распутин обещал Белянину, что поможет ему через Вырубову...

3/11 Неизвестная женщина пришла к Распутину просить помощи для своего мужа, прапорщика, который лежал в одном из петроградских госпиталей. Она хотела, чтобы его там дольше продержали. Спускаясь вниз по лестнице, она рассказала жене швейцара о своем приеме у Распутина: «Меня впустила девушка, которая ввела меня в комнату, где я ожидала Распутина. Раньше я его никогда не встречала. Первое, что он мне сказал: «Идем со мной, раздевайся». Я сбросила с себя одежду и пошла за ним через коридор в комнату налево. Он едва взглянул на мое прошение, но стал трогать мое лицо, потом грудь, все время бормоча: «Поцелуй мен Ты мне нравишься». Когда он написал записку, о которой я просила, он стал опять приставать ко мне: «Поцелуй меня, поцелуй меня; я тебя люблю». В конце концов, не дал мне записки, сказав: «Я на тебя сержусь. Приходи завтра»...

Но женщина больше к Распутину не пошла.

5-6/11 Распутин поехал в Царское Село автомобилем и вернулся тоже на машине 6-го в 10.15 утра с Вырубовой. Выходя из автомобиля, он перекрестил Вырубову, которая уехала.

10/11 Распутин отправил агента Свистунова с письмом к министру Внутренних дел.

14/11 Распутин пришел домой очень пьяным вместе с Татьяной Шаховской. Они сразу же уехали. Он вернулся обратно в два часа ночи совершенно пьяным.

15/11 Секретарь Распутина Симанович принес корзинку с шестью бутылками мадеры, икрой и сыром.

25/11 Распутин пришел домой в пять часов утра. Актриса Варварова провела ночь с 25-го на 26-е в его комнатах.

3/12 Распутин вышел из своей квартиры в сопровождении Филипповой и вернулся домой пьяным. Вскоре Лейкхарт, урожденная Мордвинова, пришла к нему в первый раз, чтобы просить его посредничества для своего мужа. Когда, однако, Распутин потребовал, чтобы она поцеловала его, она ушла. За ней вышла возлюбленная сенатора Мамонтова - Воскобойникова, которой Распутин сказал, чтобы она пришла к нему в час ночи.

8/12 За Распутиным приехал в автомобиле Рубанович, и они оба поехали в ресторан «Донон» (Мойка 24). Потом они отправили шофера в отель «Россия», чтобы захватить Джанумову и Филиппову...

14/12 Приблизительно в два часа ночи Распутина видели выходящим ... из квартиры Свечиной... в сопровождении М.М. Ясинской... Они поехали автомобилем в направлении Новой Деревни к ресторану «Вилла Родэ», куда их не пустили из-за позднего часа. Чтобы попасть туда, Распутин стал колотить в дверь и дергать за звонок, перед тем дав взятку дежурному полицейскому, чтобы он не обращал внимания на его бесчинства. В конце концов, они поехали к дому №49 Новой Деревни, к цыганскому хору Массальского, где они оставались до десяти часов утра. Вышли они оттуда пьяными и поехали на квартиру Ясинской, откуда Распутин уехал в двенадцать часов. К вечеру он поехал в Царское Село.

15/12 Распутин поехал в автомобиле в ресторан «Вилла Родэ» вместе с полковником Езерским, Варваровой и двумя неизвестными женщинами. Охрана оставила наблюдение в два часа ночи.

17/12 Княгиня Долгорукая послала автомобиль за Распутиным, чтобы привезти его в отель «Астория», где они заняли отдельную комнату. Вскоре к ним присоединился бывший губернатор Петрограда генерал К., который оставался там около двух часов.

20/12 Распутин и секретарь Питирима (митрополита Петроградского - Л.М.) ... Иван Зиновьевич Осипенко поехали... к Андрею Ипполитовичу Книрша... Из ресторана «Вилла Родэ» туда были доставлены две корзины вина и прибыл хор цыган. Агент видел через окно, как Распутин танцевал. Два неизвестных человека привезли его домой в семь часов утра мертвецки пьяным.

Подобных записей в «Красном архиве» много. И это только то, что смогли проследить и записать агенты охраны Распутина.

О последствиях скандала на пароходе, где Распутин оскорбил и избил официанта, находим в книге С.П. Белецкого, бывшего Товарища министра Внутренних дел.³⁷²

Об этом скандале полиция составила протокол. Но этот протокол не был направлен в суд ввиду того, что имелось предписание считаться с личностью Распутина и затушевывать факты его скандального поведения. Протокол был послан тобольскому губернатору Станкевичу, который препроводил его вместе со всею перепиской министру Внутренних дел князю Щербатову. Щербатов отправил все это министру Юстиции А.А. Хвостову, который вернул дело обратно Щербатову. Об этом уведомили председателя Совета Министров И.Л. Горемыкина. Слухи прошли и в думские кулуары. Наконец, вся эта переписка попала к новому министру Внутренних дел А.Н. Хвостову. Потерпевший официант отказался от примирения и дело должно было разбираться в волостном суде. Скандал разгорался. Все это очень беспокоило А. Вырубову и Распутина.

В Петроград был вызван тобольский губернатор Станкевич, которого ненавидел Распутин и добивался его смещения с поста губернатора Тобольска.

Станкевич привез с собой и второе дело о Распутине по обвинению его в неуважительном отзыве в пьяном виде об Императрице и Августейших дочерях.

Распутин был напуган тем, что о его неуважительном отзыве об Императрице узнает Государь, но продолжал настаивать на удалении из Тобольска Станкевича. Он хотел поставить туда «своего человека» - Ордовского-Танеевского.

³⁷² С.П. Белецкий «Воспоминания», Архив русской революции, сс. 27-29.

С.П. Белецкий пишет, что вопрос о Станкевиче был улажен, и А. Вырубова согласилась на его перевод губернатором в Самару. Относительно же назначения губернатором в Тобольск Ордовского-Танеевского, оказалось, что об этом уже Распутин условился с Вырубовой, и последняя заручилась на это согласием Императрицы.

Белецкий пишет:

«... А.А. Вырубова была также весьма довольна нашим планом покончить первое пароходное дело Распутина примирением с лакеем, для чего я выдал Распутину 3 т. р.; и еще более довольна тем, что я передал ей в подлиннике второе дело о Распутине (оскорбление Высочайших особ), чем оно и было ликвидировано...»

Таким образом стараниями министра Внутренних дел А.Н. Хвостова и его Товарища С.П. Белецкого, назревавший скандал уладили. Распутину была предложена поездка по монастырям и выдано на расходы 5 тысяч рублей, и на примирение с оскорбленным официантом - еще 3 тысячи рублей. Эти 3 тысячи рублей Распутин не отдал для передачи официанту.³⁷³

Знакомство С.П. Белецкого с Распутиным произошло на квартире князя Андронникова. Потом Белецкий бывал у Распутина на Гороховой улице и познакомился там с Анной Вырубовой. Это произошло в конце 1915 года, когда влияние Распутина при дворе настолько упрочилось, что он считал себя неотъемлемо связанным с Высочайшей Семьей - не только в личной жизни, но и в сфере государственного правления.³⁷⁴

От поездки по монастырям, которую предлагали Распутину Белецкий и Хвостов, чтобы избавить Петроград, хотя-бы на некоторое время, от присутствия «старца», Распутин уклонился. Он не хотел оставлять Царское Село и столицу без «своего присмотра», боясь, что кто-то другой постарается занять его место. Когда умер его отец, он даже не поехал на его похороны в Покровское. К своему отцу Распутин относился плохо. Он ругал его всякими скверными словами, а в пьяном виде бил его и как-то раз вырвал у него клочок бороды. После смерти отца Распутин не изменил своей личной жизни: так же пил, кутил и так же относился к женщинам.³⁷⁵

Белецкий пишет, что Распутин стал держать себя по отношению к Государыне уже не с той почтительностью, как раньше, а к А. Вырубовой - наоборот: с ней он стал более вежлив. Он видел в Вырубовой безропотное исполнение своей воли и своих приказаний.

Чтобы влиять на Распутина и быть в курсе всего дела, С.П. Белецкий, А.Н. Хвостов и князь Андронников пришли к взаимному соглашению - выдавать частями Распутину по 1500 рублей в месяц. Цель была та, чтобы Распутин не брал со своих посетителей денег за протекцию, и чтобы не посылал их открыто с письмами к А.Н. Хвостову. Частичная выдача денег имела также своей целью - чаще видеться с Распутиным, чтобы оказывать на него влияние, и чтобы узнавать подробности его личной жизни.

Свидания с Распутиным решили устраивать на квартире Андронникова за обеденным столом, в своем тесном кругу, чтобы, не стесняясь, иметь возможность руководить Распутиным. Посредницей этого плана была выбрана Н.И. Червинская, друг Андронникова.

Но несмотря на званые обеды у Андронникова, на выдаваемые Распутину крупные суммы денег, несмотря на обещания «старца» не посылать просителей с письмами к министру Внутренних дел А.Н. Хвостову, Распутин стал заваливать своими записками не только Белецкого и Хвостова, но и их жен, крайне отрицательно относившихся к проходимцу.

³⁷³ С.П. Белецкий «Воспоминания», Архив русской революции, с. 29.

³⁷⁴ Там же, с. 14.

³⁷⁵ Там же, с. 51.

Тогда заговорщики решили, что кроме ежемесячной выдачи Распутину 1500 р., они будут давать ему еще по 3 тысячи.³⁷⁶

С.П. Белецкий пишет, что он и А.Н. Хвостов, для того, чтобы проводить свои дела и проекты, посвящали во все Анну Вырубову, а также и Распутина. Последний подозрительно относился к влиянию на Вырубову вне его участия Он всегда проверял - что было сказано министрами А. Вырубовой. Он, так же как и Вырубова, записывал все, что его интересовало. Распутин придавал большое значение своей осведомленности, чтобы при свиданиях с Царственными особами показывать свое знание и интерес к вопросам государственного значени³⁷⁷

С.П. Белецкий, как Товарищ министра Внутренних дел, решил добиться аудиенции у Государыни. Императрица приняла его очень милостиво³⁷⁸ и сказала, что знает о его благожелательном отношении к Распутину. Белецкий поблагодарил Государыню за доверие и уверил ее, что он будет принимать все меры к охране жизни Распутина. Белецкий также сказал Императрице, что он и А.Н. Хвостов намерены организовать и широко распространить среди народа издания и картины, обрисовывающие деятельность Государя, Государыни и Августейших дочерей во время войны.

К этому Императрица отнеслась с большим вниманием и просила предварительно посылать ей на просмотр корректурные листы.

От приема его Государыней, С.П. Белецкий вынес впечатление, что интересы Распутина ей очень близки; что Вырубова посвящает ее во все, что она узнает от лиц ее окружающих; а также, что Императрицу очень захватывают вопросы, выдвигаемые обстановкой времени. Белецкий также теперь знал, что Государыня, если пожелает, может быть простой, благодарной и доступной для тех, кто служит ее интересам.

Белецкий видел, что у Императрицы укрепилось мнение, поддерживаемое Распутиным, о необходимости иметь около себя, Государя и Наследника только тех людей, в личной преданности которых она не могла сомневаться

В своих «Воспоминаниях» С.П. Белецкий говорит, что Распутин старался парализовать влияние великих князей на Государя, а сам, когда к этому представлялась возможность, старался завязать знакомства с дворами князей.

Распутин все время поддерживал в Государыне мысли об «опасности» со стороны младшего брата Императора, Великого князя Михаила Александровича, который был популярен и в армии и в народе. А. Вырубова поручила Белецкому сообщать ей для докладов Императрице все сведения о Михаиле Александровиче.³⁷⁹

Белецкий также заметил огромное влияние Распутина на возраставшее в то время охлаждение Государыни к своей сестре Великой княгине Елизавете Феодоровне. Со слов Распутина Белецкий знал, что приезды Елизаветы Феодоровны в Царское Село, особенно если там находился Государь, сильно нервировали Императрицу. Распутин говорил, что Великая княгиня постоянно поднимает вопрос об его удалении от Царской Семьи, и добавлял, что этим Елизавета Феодоровна добьется того, что ее перестанут принимать во дворце.

В книге Вл. Маевского «На грани двух эпох» приводится выписка из «Дневника» Великого князя Андрея Владимировича,³⁸⁰ где говорится о Великой княгине Елизавете

³⁷⁶ С.П. Белецкий «Воспоминания», Архив русской революции сс. 21, 22, 26.

³⁷⁷ Там же, с. 35.

³⁷⁸ Там же, сс. 31-33.

³⁷⁹ С.П. Белецкий «Воспоминания», Архив русской революции, с. 36.

³⁸⁰ Вл. Маевский «На грани двух эпох», сс. 91,92.

Феодоровне, Джунковском и о Самарине. Вел. князь Андрей Владимирович пишет следующее:

«Я узнал, что Государь написал министру Внутренних дел кн. Щербатову письмо с приказанием немедленно уволить ген. Джунковского. Причина этого кроется в Распутине, который мстит Джунковскому за то, что он раскрыл целый ряд неблагоприятных поступков Распутина и донес об этом Государю. Молва говорит, что Распутин в пьяном виде публично похвалялся, что прогнал Николашку, прогонит обер-прокурора Самарина, Джунковского и Вел. княгиню Елизавету Феодоровну... Единственный способ теперь - это обелить себя решительным действием, - покончить с Распутиным...»

В. Маевский пишет и о ненависти, которую питал Распутин к Елизавете Феодоровне:³⁸¹

«Григорий Распутин, при посещении в Москве своих почитателей, если замечал портрет княгини-подвижницы Елизаветы Феодоровны, основательницы обители Милосердия в честь евангельских сестер Марфы и Марии - поворачивал портрет лицом к стене, приговаривая в раздражении: «Больше всего не люблю в Москве обитель в серых платьях...» Но и эта кроткая подвижница, мученица русского лихолетья, не выдержала и решилась, ради блага Церкви, Царя и России, настойчиво бороться с распутинщиной...»

Во время одного из обедов А.Н. Хвостова и С.П. Белецкого в присутствии Распутина, кто-то произнес имя генерала Джунковского. Из перемены голоса Распутина, выражения его глаз и нервности - можно было догадаться, что он не способен забывать ударов, которые были ему когда-то нанесены. Затем речь зашла о Самарине и Владыке Варнаве, в связи с конфликтом по поводу прославления митрополита Иоанна Тобольского. Тогда Распутин стал со злобой говорить о Самарине.³⁸²

Хвостов с Белецким понимали, что увольнение Самарина взволнует не одну Москву, где его знали и любили; обидит дворянство; заденет не только Государственную Думу, где приветствовали его назначение, но и общественное мнение всей России и те круги православного духовенства, которое, во главе с митрополитом Владимиром, видело в Самарине начало новой эры в деле церковного управления

После ухода Распутина Хвостов и Белецкий решили, что будут проводить на пост обер-прокурора - Волжина, свойственника Хвостова. Сам Волжин, хотя и был согласен занять этот высокий пост, умолял избавить его от знакомства с Распутиным

Необходимо было теперь получить согласие Распутина на назначение Волжина обер-прокурором. Для этого вызвали из Москвы епископа Варнаву, которого познакомили с Волжиным. На Владыку последний произвел хорошее впечатление.

С.П. Белецкий пишет:³⁸³

«... тогда общими силами нам удалось добиться согласия Распутина на назначение Волжина и на поддержку в сферах, причем даже Распутин согласился на первых порах предварительно не видеться с Волжиным во избежание излишних разговоров. Правда, к этому Распутин отнесся несколько подозрительно, но ничего прямо не высказал. Но он был доволен тем, что Волжин, в свою очередь, обещал ликвидировать инцидент епископа Варнавы по поводу открытия мощей (митрополита Иоанна Тобольского - Л.М.) по плану, мною предложенному и всеми принятому, в том числе и Волжиным. План этот был одобрен и Вырубовой, и об этом было доложено Государыне, от которой получено также одобрение...»

381 Там же, с. 240

382 С.П. Белецкий «Воспоминания», Архив русской революции, сс. 22, 23.

383 Там же, с. 24.

Кандидатуру на кафедру митрополита Петроградского выдвинул и провел Распутин. Им оказался экзарх Кавказа Питирим.³⁸⁴

Новый митрополит пользовался доверием Государя и Государыни, а также и Вырубовой, но Владыке приходилось считаться и с Распутиным.

Митрополит Питирим был очень осторожным и избегал показывать свое расположение к Распутину, поэтому он держал связь со «старцем» только через своего секретаря Осипенко.

Распутин же, наоборот, везде говорил о своей близости к митрополиту, и этим очень ему портил. Благодаря этому, вскоре отношение общественности к митрополиту Питириму изменилось в худшую сторону.

Поведение Распутина по отношению к митрополиту Питириму оставалось таким же, как и к другим лицам правящего круга - на него он смотрел как на своего ставленника.

При каждой смене министра Внутренних дел или председателя Совета Министров поднимался вопрос о материальном обеспечении Распутина. Никто из них не имел мужества разоблачить его перед Государем, и все старались убедить Императора, а в особенности Императрицу и Вырубову, что Распутин бескорыстный, что он желает помочь каждому, кто к нему обращается, и что все это поглощает все даваемые ему его знакомыми небольшие суммы денег. При этом, каждый из министров обсуждал с Вырубовой вопрос о его материальной поддержке.³⁸⁵

Все свои денежные дела Распутин вел в большом секрете. Наблюдая за ним, Белецкий убедился, что «старец» был погружен в проведение больших коммерческих дел. После смерти Распутина, Белецкий узнал от Аарона Симановича, который заведывал материальными делами Распутина, что у него осталось хорошее состояние, по крайней мере в 300 тысяч рублей.

В январе 1916 года Распутин праздновал свои именины.³⁸⁶ С согласия министра Внутренних дел А.Н. Хвостова, Белецкий отпустил из секретного фонда большую сумму на покупку ценных подарков для Распутина и всей его семьи: обеденное серебро, брошь, золотые часы и браслеты.

После церковной службы, на квартире Распутина состоялся завтрак в присутствии А. Вырубовой. Все гости приходили с ценными подношениями. Один из приглашенных сказал напыщенную речь, в которой подчеркнул государственное значение Распутина, как простого человека, доводящего до подножия трона народные нужды.

После отъезда Вырубовой, в течение всего дня приходили гости. К вечеру Распутин был совершенно пьян. Но вечером, с приходом интимного кружка, преимущественно «дам», началась оргия Распутин спойл почти всех «дам». Благоразумные поспешили уехать домой, а оставшиеся, вместе с Распутиным, в пляске и опьянении дошли до полного безумия Хор цыган, напуганный происходившим, постарался скорее уехать, а агенты охраны, которые все это видели, не могли потом без омерзения вспоминать виденные ими сцены. «Дамы» остались ночевать у Распутина.

На другой день утром мужья двух дам с оружием в руках ворвались в квартиру Распутина. Но агенты охраны успели предупредить их жен, и те скрылись из квартиры, пользуясь черным ходом.

Государь подозревал о нечистой жизни «старца». Как сказано выше, англичанин сэр Самуил Хор имел в своих руках документ, где говорилось, что Император определенно решил ликвидировать вопрос о Распутине и выгнать его окончательно со двора.

Об отношении Государя Императора к Распутину у Вл. Маевского в его книге «На

³⁸⁴ С.П. Белецкий «Воспоминания», Архив русской революции, с 30.

³⁸⁵ Там же, сс. 50, 51, 56.

³⁸⁶ С.П. Белецкий «Воспоминания», Архив русской революции, сс. 57, 58.

границ двух эпох» находим следующее:³⁸⁷

«... Время шло, и постепенно Государь стал склоняться к удалению «старца». Так было, например, при обер-прокуроре Св. Синода А.Д. Самарине. Но когда наступали припадки кровоизлияния у Цесаревича, то Царица приходила в ужас и требовала от Государя, чтобы он не считался с клеветнической кампанией против «праведного Григория»... А чтобы еще более поддержать в глазах Государя мистический авторитет Распутина, сторонники «Божьего человека», помимо праведности, приписывали ему - особый дар прозорливости, для чего иногда пускались на всевозможного рода обманы...»

Несмотря на всякого рода обманы и ухищрения, Император желал удалить Распутина. Об этом пишет и С.П. Белецкий в своей книге.³⁸⁸ Он говорит, что Распутин ясно понимал по настроению Государя, что близится начало поворота в отношении к нему его Величества, и поэтому он заранее подготовлял себе почетный отход от двора.

Белецкий был свидетелем, как во время одного из воскресных часов у Распутина на квартире, в июне 1916 года, в присутствии А. Вырубовой, Распутин говорил, что ему положено на роду еще пять лет пробыть в миру с ними, а после этого он скроется от мира в известном только ему одному глухом месте, вдали от людей, где и будет спасаться Белецкий понимал, что это свое намерение Распутин не мог бы привести в исполнение потому, что он до того погряз в порочную жизнь, пал так низко, что оттуда уже возврата не было.

Старшая дочь Императорской четы Великая княжна Ольга своим умом и сердцем поняла, что из себя представляет Григорий Распутин. Она относилась к нему с подозрением. Об этом узнаем из книги С.Р. Минцлова «Прошлое».³⁸⁹ Там написано следующее:

«Ольга Распутина ненавидела; причина этого лежала в особом чутье ее и здоровых нервах, давших ей возможность уловить и увидеть фальшивость Распутина: двуликий Янус не мог быть всегда обороченным только одним лицом ко дворцу. Проникали во дворец и газеты с вестями о его подвигах. В 1916 году Ольга переживала большую душевную драму: материнская любовь к Алексею заставляла Александру Феодоровну быть и слепой и глухой по отношению к молве о Распутине. Помочь же делу и горячо любимому отцу Ольга ничем не могла».

Следователь Н. Соколов в своем труде «Убийство Царской Семьи» также говорит об отрицательном отношении Великой княжны Ольги Николаевны к Распутину:³⁹⁰

«Девушка «с налетом грусти...» Девушка, в душе которой чувствовалось «горе». Это облик Великой княжны Ольги Николаевны. Слушая свидетелей, невольно думаешь, что она, может быть и смутно, понимала отраву распутинского яда. Она не пожелала, между прочим, присутствовать на панихиде по Распутине, когда он был убит».

О своих встречах с Григорием Распутиным интересно пишет Н.А. Тэффи. Этот рассказ имеется в ее «Воспоминаниях».³⁹¹

Рассказ Н.А. Тэффи приводится здесь в сокращенном виде:

«... Полуграмотный мужик, царский советник, греховодник и молитвенник, оборотень с именем Божьим на устах.

³⁸⁷ Вл. Маевский «На грани двух эпох», с. 112.

³⁸⁸ С.П. Белецкий «Воспоминания», Архив русской революции, сс. 18,19.

³⁸⁹ С.Р. Минцлов «Прошлое...» («Очерки из жизни Царской Семьи»). Изд. «Зарницы», София, Болгария, с. 60.

³⁹⁰ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», сс. 73,74.

³⁹¹ Н.А. Тэффи «Воспоминания». Изд. Возрождение, Париж, 1931, сс. 269-307.

Хитрым называли его. Одна ли только хитрость была в нем? Расскажу две мои краткие встречи с ним».

Н. Тэффи уже видела Распутина как-то раз мельком:

«Это было в вагоне. Ехал он, очевидно, к себе в Сибирь в купе первого класса, и не один, а со свитой: какой-то человек - нечто вроде секретаря, пожилая дама с дочерью и известная фрейлина В. (Вырубова - Л.М.)

Было очень жарко, двери купе были открыты настежь. Распутин развел чаепитие с жестяным чайником, с баранками, с сахаром в прикуску.

Сидел в розовой ситцевой рубашке навыпуск, утирал лоб и шею вышитым полотенцем, говорил хлопотливым говорком на «о»: «Милай! Спроворь еще кипяточку-то! Кипяточку, говорю, спроворь. Заварили крепко - а кипяточку и нету. А ситечко где? Аннушка, ситечко, куда засунула? Аннушка! Ситечко, говорю, где? От-то раззява!»

Однажды обедала Тэффи у знакомых, где было много приглашенных. В столовой, на каминном зеркале висел плакат:

«Здесь о Распутине не говорят».

Тэффи пишет, что уже видела в некоторых домах такие плакаты. Но ей хотелось поговорить о Распутине, и она громко и медленно прочла вслух:

«Здесь о Рас-пу-ти-не не го-во-рят».

После обеда к ней подошла одна барышня, фрейлина Е. Писательница почувствовала, что она хочет начать с ней разговор о Распутине.

На вопрос Тэффи - приходилось ли этой барышне встречать Распутина, девушка сразу задвигалась, забеспокоилась и на ее худеньких бледных щеках выступили красные пятна:

«Распутина? Да ... очень мало... редко. Он хочет непременно со мной познакомиться. Говорят, что это очень, очень интересно. Вы знаете, когда он смотрит пристально, я всегда чувствую страшное сердцебиение... Это удивительно. Я встречала его раза три у знакомых. В последний раз он вдруг подошел ко мне близко-близко и сказал: «Ты чего же, ты приходи ко мне, шупленькая, слышишь?» Я ужасно растерялась, ответила, что не знаю, что не могу... А он тогда положил мне руку на плечо и сказал: «Непременно приходи. Слышишь? Придешь!» И так властно, так сильно сказал, «придешь», точно это уже кем-то решено, и ему открыто. Понимаете? Как будто судьба моя ему открыта. Он видит ее и знает. Вы, конечно, понимаете, что я ведь ни за что к нему не пойду, но эта дама, у которой я его встречала, говорит, что пойти надо, что у него бывает много дам нашего круга, что в этом нет ничего предосудительного. Да, но... .. я не пойду.

Это «не пойду» она как-то взвизгнула. Вообще вид у нее стал такой, будто она сейчас истерически закричит и заплачет.

Что за история! Барышня тихая, серенькая, худенькая, лет ей на вид не меньше тридцати пяти. И вдруг так неприлично теряет всякое самообладание при одном имени Распутина, того мужика в розовой ситцевой рубашке, который заставлял «Аннушку» искать «ситечко»...

Группа писателей, друзей Н.А. Тэффи, предложила ей встретиться инкогнито с Распутиным. Ее просили одеться «пошикарнее» и приехать на обед в одий незнакомый ей дом Ф-а. Она согласилась.

Было уже больше десяти часов, когда Тэффи подъехала к дому Ф-а. В небольшой комнате сидело человек шесть:

»... Был он (Распутин - Л.М.) в черном суконном русском кафтане, в высоких лакированных сапогах, беспокойно вертелся, ерзал на стуле, пересаживался, дергал плечом. Роста довольно высокого, сухой, жилистый, с жидкой бородачкой, с лицом худым, будто втянутым в длинный мясистый нос, он шмыгал блестящими колючими, близко притиснутыми друг к дужке глазами из под нависших прядей масляных волос. Кажется, серые были у него глаза. Они так блестели, что цвета нельзя было разобрать. Беспокойные. Скажет что-нибудь и сейчас всех глазами обегает, каждого кольнет, что, мол, ты об этом думаешь, доволен ли, удивляешься ли на меня?»

Писательницу познакомили с Распутиным, не назвав ее имени:

«Посмотрел на меня внимательно - словно подумал «из каких такех»».

Настроение было скучно-напряженное, никому ненужное.

Что-то в манере Распутина - это ли беспокойство, забота ли о том, чтобы слова его понравились - показывало, что он как будто знает с кем имеет дело, что кто-то, пожалуй, выдал нас, и он себя чувствует окруженным «врагами-журналистами» и будет позировать в качестве старца и молитвенника».

Тэффи стало скучно и противно. Захотелось ей ехать домой. Было ей и ее коллегам как-то неловко сидеть в незнакомом доме и слушать, как выдавливают из себя Распутин никому ненужные душеспасительные фразы.

Один из заговорщиков-писателей, Розанов, встал, отвел Тэффи в сторону и тихо сказал:

«Весь расчет на обед. Может быть он еще развернется Мы с хозяином уже условились: вас он посадит рядом. А мы около вас. Вы его разговорите. С нами он так говорить не станет - он любит дам. Непременно затроньте эротические темы. Тут он будет интересен, тут надо его послушать. Это может выйти любопытнейший разговор».

Тэффи пишет, что поняла особый интерес Розанова к такому разговору с Распутиным:

«... Ведь чего только про Распутина ни говорили: и гипнотизер, и магнитизер, и хлыст, и сатир, и святой, и бесноватый».

Писательницу посадили за стол рядом с Распутиным. Кроме группы «заговорщиков», за столом оказалось еще человек двенадцать гостей.

По другую сторону Распутина села молодая, красивая женщина, очень разряженная, но с печальным лицом. Как узнала Тэффи, у мужа этой красивой дамы, адвоката, была большая неприятность по службе, и он надеялся, что при помощи жены сможет повлиять на Распутина, и «старец» уладит это нехорошее дело.

В конце стола сидели музыканты: с гитарой, с гармоникой и с бубном.

Распутин сразу же обратил внимание на писательницу. Онпил быстро и много и стал ее шепотом уговаривать, чтобы она тоже пила:

«Ты чего же это не пьешь-то? Ты пей. Бог простит. Ты пей».

«Да я не люблю вина, оттого и не пью».

«Пустьяки! Ты пей. Я тебе говорю - Бог простит. Бог простит. Бог тебе многое простит. Пей!»

«... Так не хочешь пить? Ишь ты какая строптива Не пьешь, когда я тебя уговариваю».

И он быстрым, очевидным, привычным движением тихонько дотронулся до моего плеча. Словно гипнотизер, который хочет направить через прикосновение ток своей воли.

И это было не случайно.

По напряженному выражению всего его лица я видела, что он знает, что делает. И я вдруг вспомнила фрейлину Е., ее истерический лепет: «Он положил мне руку на плечо и так властно сказал...»

Так вот оно что! Гриша работает всегда по определенной программе. Я, удивленно приподняв брови, взглянула на него и спокойно усмехнулась.

Он судорожно повел плечом и тихо застонал. Отвернулся быстро и сердито, будто совсем навсегда, но сейчас же снова нагнулс

«Вот», - сказал, - «ты смеешься, а глаза то у тебя какие - знаешь? Глаза то у тебя печальные. Слушай, ты мне скажи - мучает он тебя очень? Ну чего молчишь?... Э-х, все мы слезку любим, женскую то слезку. Понимаешь? Я все знаю...»

Как человек человека от любви мучает. И как это надо мучить то - все знаю. А вот твоей муки не хочу. Понимаешь...

Что за кольцо у тебя на руке? Что за камешек?»

«Аметист».

«Ну все равно. Протяни мне его тихонько под столом. Я на него дыхну, погрею... Тебе от моей души легче станет».

Я дала ему кольцо.

«Ишь, чего ж ты сняла то? Я бы сам снял. Не понимаешь ты...»

Но я отлично понимала. Оттого я и сняла сама.

Он, прикрыв рот салфеткой, подышал на кольцо и тихонько надел мне его на палец.

«Вот, когда ты придешь ко мне, я тебе много расскажу, чего ты и не знала».

«Да ведь я не приду», - сказала я и опять вспомнила фрейлину Е.

Вот он, Распутин, в своем репертуаре. Этот искусственно-таинственный голос, напряженное лицо, властные слова. Все это, значит, изученный и проверенный прием. Если так, то уж очень это все наивно и просто. Или, может быть, слава его как колдуна, вещуна, кудесника и царского любимца, давала испытуемым особое острое настроение любопытства, страха и желания приобщиться этой жуткой тайне? Мне казалось, будто я рассматривала под микроскопом какую-то жужелицу. Вижу чудовищные мохнатые лапы, гигантскую пасть, но при том прекрасно сознаю, что на самом то деле это просто маленькое насекомое.

«Не при-дешь? Нет, придешь. Ты ко мне придешь».

И он снова тайно и быстро дотронулся до моего плеча.

Я спокойно отодвинулась и сказала:

«Нет, не приду».

И он снова судорожно повел плечом и застонал.

Очевидно, каждый раз (и потом я заметила, что так действительно, и было) когда он видел, что сила его, волевой его ток, не проникнет и отталкивается, он чувствовал физическую муку. И в этом он не притворялся, потому что видно было, как хочет скрыть и эту плечевую судорогу и свой странный тихий стон.

Нет, все это не так просто. Черный зверь ревет в нем... Посмотрим...»

После некоторого разговора, Распутин поманил пальцем молодого человека, сидевшего на другом конце стола:

«Милай! Вот принеси-ка сюда листочки с моими стихами, что вы давеча на машинке то отстукивали».

«Милай» живо сбегал за листками.

Распутин раздал. Все потянулись - Листков, переписанных на машинке, было много - на всех хватило.

Прочитали.

Оказалось стихотворение в прозе, в стиле «Песни Песней», туманно любовное. Еще помню фразу:

«Прекрасны и высоки горы. Но любовь моя выше и прекраснее их, потому что любовь есть Бог».

Это, кажется, и была единственная понятная фраза. Остальное было набор слов.

Пока читала, автор очень беспокойно оглядывая всех, следил за впечатлением.

«Очень хорошо», - сказала

Он оживилс

«Милай! Дай чистый листочек, я для ей сам напишу». Спросил:

«Как твое имя?» Я сказала,

Он долго муслил карандаш. Потом корявым, еле разборчивым, мужицким почерком нацарапал: «Надежде». «Бог есть любовь. Ты люби. Бог простит.

Григорий»

Основной, значит, лейт-мотив распутинских чар был ясен: Люби - Бог простит.

Но почему же его дамы от такой простой и милой формулы впадают в истерический экстаз?

Отчего дергалась и пятнами краснела фрейлина Е.?

Тут дело не проста.

Я долго смотрела на корявые буквы, на подпись «Григорий»...

Какая страшная сила была в этой подписи. Я знала случай, когда эти восемь корявых букв вернули человека, осужденного судом и уже сосланного на каторгу.

Вероятно, эта же подпись могла бы и отправить кого-нибудь туда же...»

Вдруг хозяин дома озабоченно подошел к Распутину:

«Телефон из Царского».

Тот вышел.

Значит, в Царском знали, где он сейчас находится. Может быть, даже всегда знали где его искать.

Воспользовавшись его отсутствием, Розанов стал давать инструкции, как наводить разговор на всякие интересные темы.

«Главное - пусть расскажет о своих хлыстовских радениях. Правда-ли, мол, это, и если да, то как именно он это устраивает, и нельзя ли, мол, попасть на них. - Пусть он вас пригласит, а вы и нас захватите».

Я согласилась охотно. Это, действительно, было бы интересно.

Но Распутин к столу не вернулся. Хозяин сказал, что его срочно вызвали в Царское, Село (а был уже двенадцатый час ночи), что он, уезжая, просил сказать мне, что непременно вернетс

«Ты ее не отпускай», - повторил Ф. его слова. - «Пусть она меня ждет. Я вернусь».

Разумеется, никто его ждать не стал. Во всяком случае, наша компания сразу после обеда уехала.

Все мои знакомые, которым я рассказывала о состоявшейся встрече, высказывали какой-то совершенно необычайный интерес, Расспрашивали о каждом слове старца, просили подробно описать его внешность и, главное «нельзя ли тоже туда попасть?»

«Какое он на вас произвел впечатление?»

Отвечала:

«Не сильное, но довольно противное».

Советовали этим знакомством не пренебрегать. Никто не знает, что его ждет в будущем, а Распутин такая сила, с которой нельзя не считаться. Он смещает министров, тасует придворных как колоду карт. Его немилости страшатся пуще, чем царского гнева...

Для человека, ведущего какую-нибудь серьезную политическую линию, Распутин показался мне недостаточно серьезным. Слишком дергался, слишком рассеивался вниманием, был сам весь какой-то запутанный. Вероятно, поддавался уговорам и подкупам зря, не особенно обдумывая и взвешивая. Самого его несла куда-то та самая сила, которою он хотел управлять. Не знаю, каков он был в начале своей карьеры, но в те дни, когда я его встретила, он, словно, уже сорвался и несся в вихре, в смерче сам себя потеряв. Повторял бредовые слова: «Бог... молитва... вино», путал, сам себя не понимая, мучился, корчился, бросался в пляс с отчаянием и с воплем, как в горящий дом, за забытым сокровищем. Я потом видела этот пляс его, сатанинский...

Рассказывали, что он собирал своих поклонниц, дам из общества, в бане, и заставлял, «чтобы сломить дух гордости и научить смирению» мыть ему ноги. Не знаю, правда ли это, но могло бы быть правдой. Там, в этой истерической атмосфере, самая идиотская выдумка могла казаться правдой.

Магнетизер ли он?

Мне довелось говорить о нем с человеком, серьезно изучавшим гипнотизм, магнетизм, влияние на чужую волю.

Я рассказала ему о странном жесте Распутина, об этом быстром прикосновении и о судороге, которая корчила его каждый раз, когда он видел, что приказ его не исполнял

«Да неужели же вы не знаете?» - удивился мой собеседник. - «Ведь это прикосновение - это типичный магнетический акт. Это передача волевого тока. И каждый раз как ток этот не воспринимается, он летит обратно и ударяет магнетизера. Этот ток тем сильнее, чем напряженнее и сильнее была направленная им волна. Вы рассказываете, что он очень долго настаивал, значит, напрягал свою силу. Поэтому, обратный ток ударял его до такой боли, что он корчился, стонал. Ему, наверное, было очень тяжело и он мучительно напрягался победить отпор. Все, что вы рассказываете, - типичный случай магнетического опыта».

На второй обед у Ф-а Н. Тэффи поехала позже назначенного часа. Все уже давно

сидели за столом. Гостей было значительно больше, чем в первый раз. Прежние были все. Музыканты тоже сидели на своих местах. Распутин сидел там же. Он снял свою поддевку и был в колкой канаусовой рубашке навывпуск с косым вышитым воротом:

«Лицо у него было почерневшее, напряженное, усталое, глубоко западали колючие глаза. Повернулся почти спиной к сидевшей рядом с ним той самой разряженной жене адвоката, что была в прошлый раз. Мой стул по другую руку старца был пуст.

«А-а! Вот она» - дернулся он. - «Ну, садись скорее. Я жду. Чего в прошлый раз укатила? Я вернулся, а ее и нету! Пей! Чего же ты? Я тебе говорю пей! - Бог простит».

Потом Распутин нагнулся к Тэффи и сказал:

«Тяжко я по тебе тосковал».

«Ну, это все пустяки, Это вы говорите из любезности», - отвечала я громко. - «Расскажите лучше, что-нибудь интересное. Правда, что вы устраиваете хлыстовские радения?»

«Радения? Здесь то в Питере?»

«А что - разве нет?»

«А кто сказал?» - спросил он беспокойно. - «Кто сказал? Говорил, что сам был, что сам видал, али слышал, али как?»

«Да я не помню кто».

«Не по-мнишь?» Ты вот лучше, умница, ко мне приходи, я тебе много чего порасскажу, чего не знаешь. Ты не из англичанок будешь?»

«Нет, совсем русская».

«Личико у тебя англичанское. Вот есть у меня в Москве княгиня Ш. Тоже личико англичанское Нет, брошу все, в Москву поеду».

«А Вырубова?» - совсем уж без всякого смысла, единственно, чтобы угодить Розанову, спросила

«Вырубова? Нет, Вырубова нет. У нее лицо круглое, не англичанское. Вырубова у меня деточка. У меня, скажу я тебе так: у меня есть которые деточки, и которые другие. Я врать не буду, это так»

«А... царица?» - вдруг осмелев, сдавленным голосом, просипел Измайлов. - «Александра Феодоровна?»

Я неможко испугалась смелости вопроса. Но, к удивлению моему, Распутин очень спокойно ответил:

«Царица? Она больна У нее очень грудь болит. Я руку на нее наложу и молюсь. Хорошо молюсь. И ей всегда от моей молитвы легче. Она больна Молиться надо за нее и за деточек. Плохо... плохо...», забормотал он.

«Что плохо?» «Нет, ничего... молиться надо. Деточки хорошие...»

«А вы знаете фрейлину Е?» - спросила

«Это такая востренькая? Будто видал. Да ты приходи ко мне, всех покажу и про всех расскажу».

«Зачем же я приду? Они еще рассердятся».

«Кто рассердится? «

«Да все ваши дамы. Они меня не знают, я человек для них совсем чужой. Наверное, будут недовольны».

«Не смеют!» - он стукнул кулаком по столу. - «У меня этого нет. У меня все довольны, на всех благодать почиет. Прикажу - ноги мыть, воду пить будут! У меня все по Божьему. Послушание, благодать, смирение и любовь».

«Ну вот, видите - ноги мыть. Нет, уж я лучше не приду».

«Придешь. Я зову».

«Будто уж все и шли, кого вы звали?»

«До сих пор - все».

Справа от Распутина сидела жена адвоката. Ее муж все шептал ей что-то. Тэффи сказала:

«Вот вы лучше пригласите к себе вашу соседку», - сказала я Распутину - «Посмотрите, какая милая».

Она, услышав мои слова, подняла на меня глаза, испуганные и благодарные. Она даже побледнела, так ждала ответа.

Распутин взглянул, быстро отвернулся и громко сказал:

«А-а! Дура собачья!».

Все сделали вид, что не слышат. Я повернулась к Розанову: «Ради Бога» - сказал тот - «наведите разговор на радени Попробуйте еще раз».

Но у меня совсем пропал интерес к разговору с Распутиным. Мне казалось, что он пьян... Распутин пил, мотал головой, дергался и бормотал что-то...

И в эту минуту вдруг ударили музыканты по своим инструментам. Звякнул бубен, зазвенела гитара, запела гармонь плясовую. И в тот же миг вскочил Распутин. Вскочил так быстро, что опрокинул стул.

Сорвался с места, будто позвал его кто и, отбежав от стола (комната была большая), вдруг заскакал, заплясал, согнул колено углом вперед, бородашкой трясет и все кругом, кругом... Лицо растерянное, напряженное, торопится, не в такт скачет, будто не своей волей, исступленно, остановиться не может...

Все вскочили, окружили, смотрят.

Тот «милай», что за листками бегал, побледнел, глаза выпучил, присел и в ладоши хлопает.

«Гоп! Гоп! Гоп! Так! Так! Так!

И никто кругом не смеялся Все смотрели точно испуганно, и во всяком случае, очень очень серьезно.

Зрелище было до того жуткое, до того дикое, что глядя на него хотелось завизжать и кинуться в круг вот тоже так скакать, кружить, пока сил хватит.

А лица кругом становились все бледнее, все сосредоточеннее. Нарастало какое-то настроение. Точно все ждали чего-то... Вот, вот... Сейчас...

«Ну, какое же может быть после этого сомнение?» - сказал за мной голос Розанова - «Хлыст!»

А тот скакал козлом, страшный, нижняя челюсть отвисла, скулы обтянулись, пряди волос мотаются, хлещут по впалым орбитам глаз. Розовая колкая рубаха раздулась на спине пузырем.

«Гоп! гоп! гоп! « - хлопал в ладоши «милай».

И вдруг Распутин остановился Сразу. И музыка мгновенно оборвалась, словно музыканты знали, что так надо делать.

Он упал в кресло - водил кругом уже не колючими, а растерянными глазами.

«Милай» поспешно подал ему стакан вина...

Тэффи больше не могла этого выдержать. Было душно. Учащенно билось сердце и дрожали руки. Она направилась к передней. И тут ей наперерез вышел Распутин. Он взял ее за локоть и стал говорить:

«Подожди минутку, что я тебе скажу. Только слушай хорошенько. Видишь, сколько кругом нас народу? Много? Много, а никого нет. Вот: я и ты и только всего. Вот стоим мы здесь с тобой, я и ты. И я тебе говорю: ты приходи! Тяжко хочу, чтобы ты пришла. Так тяжело, что вот прямо о землю бы бросился!»

Он судорожно дергал плечом и стонал.

И было все так нелепо, и то, что мы стоим посреди зала, и что он так мучительно серьезно говорит...»

Распутин продолжал:

«Ты Распутиным не брезгуй, мужиком. Я кого полюблю, я тому палаты каменные строю. Не слыхала что- ли?»

«Не слыхала» - ответила

«Врешь, умница, слыхала. Это я могу. Палаты каменные. Увидишь. Я много могу.

Только приходи ты, ради Бога, скорее. Помолимся вместе. Чего ждать то! Вот меня все убить хотят. Как на улицу выхожу, так и смотрю во все стороны, не видать ли где рожи. Да. Хотят убить. Ну, что-ж! Не понимают, дураки, кто я таков. Колдун? А может и колдун. Колдунов жгут, так и пусть сожгут. Одного не понимают: меня убьют и России конец. Помни, умница: убьют Распутина - России конец. Вместе нас с ней и похоронят».

Он стоял посреди залы, худой, черный, как иссохшее, горелое, суковатое дерево.

«И России конец... конец России...»

Тряс вытянутой крючковой рукой, похожий на мельника из «Русалки» в игре Шаляпина.

Страшный он был в эту минуту и совсем безумный.

«А? А? Уходишь? Ну, уходишь, так уходи. А только вспомни... вспомни...»

Возрачалась Н. Тэффи домой вместе с Розановым. Она ему говорила:

»... в этой распутинской атмосфере есть для меня что-то беспредельно противное и очень тяжелое. Подхалимство, кликушество и одновременно обдѣлывание каких-то неизвестных нам темных, очень темных дел. Подойдешь, запачкаешься и не выпутаешься. Противно это все и не весело, а весь интерес к разным «жутким тайнам» этой среды поглощается этим отвращением.

Жалкое, напряженное и несчастное лицо адвокатской жены, которую муж так бесстыдно навязывает пьяному мужику - во сне мне снится, как кошмар. И ведь у него там, верно, много таких, про которых. он кричал и кулаком стучал, что «не смеют и всем довольны».

Противно уж очень. До жути противно! Боюсь!»

Через несколько дней знакомая дама позвонила писательнице и упрекала ее, что она не была на ее вечере.

«Была Вырубова», - говорила дама. «Ждала вас. Ей очень хочется с вами познакомиться, и я ей это обещала. Ужасно, ужасно обидно, что вы не могли быть».

«Ага!» - подумала «Начались вести из «того» мира. Чего же ей от меня нужно?»

Н. Тэффи пригласили на вечер к С. Там к ней подошла незнакомая дама в черном домино и маске. Голос ее был незнакомый. Но говорила она истерическим голосом той-же интонации, как говорила фрейлина Е. Домино упрашивало Тэффи поехать к Распутину в четверг. Когда писательница сказала, что не поедет к нему, у домино задрожали плечи. Казалось, что она плачет. И потом, вдруг, она стала ее умолять не ездить к Распутину:

«Умоляю вас всем, что у вас есть святого, - откажитесь идти в четверг. Надо, чтобы он отменил этот вечер. Он не должен приезжать из Царского в четверг. Этому надо помешать, потому-что это будет ужасно»...

У нее опять задрожали плечи и опять показалось мне, что она плачет.

Спасибо вам, дорогая, дорога..»

И быстро нагнувшись, она поцеловала мне руку. Вскочила и ушла»

После этого Тэффи кто-то вызывал по телефону. Горничная сказала ей, что «кто-то» - назвался Распутиным. Вскоре писательница уехала из Петрограда

Еще существуют записки-дневник о встречах с Распутиным Елены Джанумовой. Эти записки были напечатаны в парижском журнале «Современные новости» в 1923 году.

Фамилия Джанумовой, и ее прозвище «Франтик», данное ей Распутиным, встречается в некоторых книгах о Распутине, а также и в «Красном архиве».

Елена Джанумова - молодая, красивая женщина, обратилась за помощью к Распутину. Ее мать, как немецкая подданная, во время войны должна была отправиться куда-то в ссылку. Джанумова думала, что всемогущий Распутин поможет ей, и ее мать не будет тревожить.

Знакомство Елены с Распутиным произошло в Москве, на частной квартире во время завтрака.

Джанумову посадили за стол рядом со «старцем». Ее сразу же поразили его глаза:

страшные, глубоко сидящие, серые, которые впились в нее, как будто хотели ее всю прощупать.

Пристально смотря на Елену, Распутин протянул ей стакан вина и приказал пить. После этого он приказал ей взять карандаш и писать под его диктовку. Сразу же услужливые руки дали Елене бумагу и карандаш, и она стала записывать слова Распутина. Это был набор каких-то слов о Боге, о смирении и о любви. В это время одна из присутствующих дам стала шептать Елене на ухо, что это счастье, что так «возлюбил» ее «старец».

Потом Распутин стал разглагольствовать о войне и, что если бы его «не пырнули ножом», то он не допустил бы войны, и что Государь его слушает

Когда завтрак был окончен, Распутин потребовал от одной из дам, чтобы она села за рояль и стала играть «По улице мостовой». Когда зазвучала эта плясовая, Распутин пустился в дикую пляску, приседая и выбивая дробь ногами и маня к себе то одну, то другую даму. Внезапно он оборвал танец и пошел с Еленой в другую комнату. Там он выслушал ее и сказал, что это дело трудное, но что он поговорит с Нею (с Императрицей), а Она с Ним, но что Елена должна приехать к нему в Петроград.

На следующий день Распутин приехал к Джанумовой к завтраку. Он много говорил, перескакивая с одной темы на другую, но вскоре уехал на обед к цыганам, который устраивали для него московские купцы. Перед отъездом Распутин нацарапал своими каракулями записку для Елены, где писал, чтобы она не избегала любви, и что «любовь - мать ей».

Когда Распутин надевал в передней свою шикарную шубу с бобровым воротником, кто-то спросил его, откуда у него такая дорогая шуба и шапка. Он ответил, что дантисты подарили.³⁹²

Елена Джанумова решила ехать к Распутину в Петроград, чтобы хлопотать там о своем деле.

Распутин пригласил ее к себе. Когда она приехала к нему, там уже находилось многочисленное общество. Джанумову поразили наряды дам: меха и брильянты бросались в глаза. Но наряду с богато одетыми дамами, тут же были и бедно одетые женщины: одна старушка, а другая - в одежде сестры милосердия. Это оказалась Килина, бывшая монахиня, которая ушла из монастыря и везде следовала за Распутиным.

Елену усадили за стол и налили чай. Когда же она протянула руку за сахарницей, то Килина, взяв ее стакан, сказала, обращаясь к «старцу»: «Благослови, отец». И «отец», взяв своими пальцами с грязными ногтями кусок сахара, положил его в стакан Джанумовой. Килина сказала ей, что это Божья благодать, когда «отец» своими руками кладет сахар.

Е. Джанумова в своих записках не называет фамилий поклонниц Распутина. Она дает только их инициалы. Но в других книгах мы находим их имена: княгиня Шаховская, О. Лохтина, графиня О. Креуц, княгиня Долгорукая, г-жа Турович, г-жа Головина и ее дочь Муня (Мария), актриса Лерма, актриса Варварова и многие другие. Также в среде распутинских последовательниц были и женщины легкого поведения: Трегубова и Терехова.

Елену Джанумову удивило выражение глаз Муни Головиной, которая с беззаветным обожанием смотрела на Распутина и ловила каждое его слово.

За столом, рядом со знатными дамами, сидела и прислуга Распутина, Дун

Дочь Распутина Мария в своей книге «*Rasputin the man behind the myth*» на с 164 пишет, что Дуня находилась в постоянной близкой связи с Распутиным, вплоть до его смерти.

Джанумова наблюдала, как баронесса К. собирала со стола посуду, а княгиня Д. мыла

³⁹² Евреи-дантисты были обвинены в том, что получили дипломы зубных врачей нелегальным путем для того, чтобы проживать в столице. По ходатайству Распутина это дело было прекращено. Благодарные евреи-дантисты преподнесли Распутину в подарок дорогую шубу и бобровую шапку и, конечно, немалую сумму денег.

эту посуду. Муня же, когда раздавались звонки в передней, вскакивала и открывала дверь. Она также снимала с гостей шубы и боты. По приказанию прислуги-Дуни, Муня доливала самовар и подбрасывала туда угли.

В это время в комнату вбежала молодая, красивая девушка, дочь одного из великих князей. Она села за стол и стала весело щебетать. Распутин начал напевать «русскую» и дал знак молодой княжне. Она вышла на середину комнаты и стала грациозно танцевать. Навстречу ей поднялся Распутин. И началась пляска.

Когда гости стали расходиться, Распутин всех обнимал и целовал в губы, а дамы целовали его руку. «Сухариков, отец» - стали они просить, и он своими руками стал раздавать им черные сухари, которые они, с благоговением, прятали в свои сумочки. Потом вышла Дуня и стала раздавать некоторым свертки в бумаге. Это было грязное белье «старца», которое дамы несли домой стирать. Некоторые из них просили Дуню дать им «погрязнее, самое ношенное, с его потом...» В коридоре Муня надевала на ноги гостей боты.

Этот психоз, это сумасшествие охватило тогда женщин разных слоев общества. Распутин своей страшной магнетической силой, силой своей воли, подчинял их себе. Эта группа поклонников Распутина стала новой опасной сектой, родившейся на основе хлыстовщины, где «старец» был опытным растлителем человеческих душ. Он внушал женщинам, что близость к нему не является грехом, а наоборот, дает «благодать». Это «учение» Распутин хорошо усвоил, когда был активным членом, а возможно, и вождем секты хлыстов.

Распутин стал настойчиво приставать к Елене Джанумовой, стараясь совратить ее. Он говорил ей, что если она не согласится на близость с ним, то он ничего для нее не сделает.

Джанумова вернулась в Москву разочарованная и устала. Она не могла согласиться принадлежать этому мужику. Но Распутин и в Москве продолжал беспокоить ее своими телеграммами, где едва понятным языком писал ей о своей любви.

В это время к Джанумовой пришла ее подруга, Лел. Она стала просить Елену познакомить ее с Распутиным. Ей нужна была помощь в каком-то судебном деле. Елена согласилась и они обе поехали в Петроград.

Распутин обрадовался их приезду и пригласил к себе вечером. Когда Елена с Лелей пришли, Распутин встретил их очень приветливо. Он был уже полупьяным. Из соседней комнаты доносились звуки музыки и пени. Там веселилась распутинская компания.

Распутин, не получив удовлетворения от Джанумовой, теперь не отрываясь смотрел на Лелю своими светящимися глазами. Леля, красивая блондинка, стала рассказывать ему о своем судебном деле. Но разговор прервала Дуня, которая требовала, чтобы «старец» ехал в ресторан «Донон» с какими-то господами. Распутин пригласил туда Елену и Лелю. Там он много пил.

На следующее утро Распутин позвонил по телефону молодым женщинам и просил их приехать к нему. Они поехали. Там уже было много народа. Просители толпились в приемной. Вскоре приехала Анна Вырубова. Все обращались к ней просто, называя ее «Аннушкой». Вырубова прошла в приемную и вернулась с пачкой прошений, которые, наскоро просмотрев, сунула в свой портфель.

Распутин выбежал из комнаты и стал вытирать пот с лица и говорить, что у него больше «нет силушек», что «народу-то столько привалило...» Анна Вырубова подошла к нему и начала целовать его и говорить, что она поможет ему, что часть просителей сама примет.

Елена Джанумова в это время сильно переживала: ее племянница, которая жила в Киеве, опасно заболела. Она здесь и рассказала Распутину об этом. Тогда произошло следующее: Распутин взял ее за руки, лицо его изменилось так, что стало похоже на мертвеца - сделалось желтым, неподвижным, как-бы восковым. Глаза его закатились совсем и были видны только белки. Он резко рванул Елену за руку и глухо сказал: «Она не умрет, она не умрет...» Потом выпустил руки Елены и лицо его приняло прежний вид.

Когда молодые женщины уехали в свою гостиницу, туда вскоре пришла телеграмма из

Киева, что племяннице лучше и температура спала.

Елена с Лелей теперь каждый день бывают у Распутина. Они хотят уехать в Москву, но какая-то сила их удерживает. В присутствии Распутина они чувствуют какой-то острый интерес ко всему, что происходит вокруг него.

Как-то утром заехала к ним певица Варварова. Она стала упрекать их, что они «мучают отца», что они должны принадлежать ему, что такому СВЯТОМУ нельзя в этом отказывать. На вопрос Елены и Лели - какой же он святой, если имеет сношения с женщинами, Варварова ответила, что он все делает святым, и с ним всякое дело свято, и что и она принадлежала ему и считает это величайшей благодатью. «Но ведь вы замужем, как же ваш муж?» - воскликнули Елена с Лелей. В ответ Варварова заявила, что ее муж знает и считает это великим счастьем.

Молодые женщины были возмущены таким цинизмом певицы, и та ушла от них обиженной.

Вечером пришел к ним Распутин. Видно было, что его страсть к Леле сильно разгорелась. Он, не стесняясь Елены, стал целовать Лелю.

Елена сказала Распутину:

«Как тебе не стыдно. Тебя считают святым, а ты ее склоняешь к прелюбодеянию. Ведь это же грех!»

«Какой я святой, я грешнее всех. А только грех не в ентом. Греха в ентом нет. Это люди придумали. Посмотри на зверей. Разве они знают грех?»

Распутин сделался злым. Он стал быстро ходить по комнате. Лицо его приняло хищное выражение; глаза стали дикими и горящими. Он начал требовать вина. Вино у женщин оказалось только белое, но Распутин хотел своей мадеры и потребовал, чтобы Елена ехала за вином. Он хотел остаться наедине с Лелей. Джанумова отказалась. Распутин вышел из себя:

«А я тебе говорю, что ты поедешь. Если я посылаю, ты должна идти».

Распутин впился глазами в Елену. Она видела, как там разгорались и прыгали огни бешенства. Она крикнула:

«Ты не забывай! Я не прислуга твоя и таких поручений исполнять не буду!»

Распутин забегал по комнате с искаженным лицом. Глаза его метали молнии, и только через некоторое время он успокоился и вскоре уехал.

Однажды Распутин очень настойчиво приглашал обеих женщин поехать с ним на обед «где будут все министры». Но Елена с Лелей отказались и остались в своей гостинице. Было уже около часу ночи, когда раздался стук в дверь и голос Распутина, требовавший, чтобы ему открыли. Женщины притаились и молчали. Распутин стал так сильно бить в дверь, что казалось, еще немного, и он выломает дверь. Он орал, чтобы ему скорее открыли, и что он привез с собой министра. Вдруг сразу все прекратилось. Оказалось, что живущий напротив офицер вышел и стал в упор смотреть на Распутина и на министра, которым оказался Хвостов. Министр почувствовал себя неловко и уговорил Распутина уехать.

Через несколько дней Распутин стал приглашать Елену с Лелей в ресторан «Вилла Родэ» - послушать цыган. Он был очень настойчивым и, чтобы скрыться от него, молодые женщины переехали на ночь из гостиницы к родственнице Лели.

Как рассказывал потом швейцар гостиницы, Распутин приехал за ними, но не нашел их. Он пришел в ярость и стал ругаться площадной бранью.

На следующий день, утром, в гостиницу позвонила Килина, бывшая монахиня. Она спросила, ночевал ли у них «старец»? Когда Елена с возмущением спросила - как она может задавать такой вопрос? Килина ответила, что если бы это было так, то это было бы -счастьем для молодых женщин. Она добавила, что Распутин уехал вчера вечером и сказал, что едет к ним. Вот она и другие решили, что «согласились московские барыни благодать принять...»

Через час Килина опять позвонила и сказала, что Распутин вернулся. Он всю ночь провел с цыганами и просит Елену и Лелю приехать к нему. Женщины поехали.

Передняя Распутина была полна народа. В столовой испуганные дамы о чем-то шептались. Там находились княгиня Шаховская, Муня и другие. Из соседней комнаты

доносился звон разбиваемой посуды. Вот показался Распутин, держа в руке бутылку вина. Он был очень бледен. Спутанные волосы прилипли к потным вискам, взгляд - мрачный. Жутко было смотреть в его глаза. Он подошел к сидевшей за столом жене полковника, певице Варваровой, которая уговаривала Лелю «не мучить отца», налил в чайные стаканы вино и приказал пить ей, и тут же стоявшему мужу. Певица взмолилась; она говорила, что сегодня у нее концерт и она не может пить. Она просила Распутина позвонить министрам, чтобы они пришли на ее выступление.

Распутин был неумолим и заставлял ее пить. Варварова отпила немного и продолжала просить его позвонить министрам. Тогда Распутин приказал Дуне соединить его с Белецким и Хвостовым. Он сказал обоим министрам в тоне приказа, что сейчас приедет к ним певица Варварова с билетами, и что они должны билеты взять и прийти на концерт.

Потом Распутин сделал несколько шагов к Леле, затем повернулся и ушел в соседнюю комнату и стал опять в ярости бить посуду.

Все притихли. Они видели перед собой не пьяного, разнузданного мужика-хама, а какое-то божество, перед которым трепетали.

В это время зазвонил телефон. Это из Царского Села вызывали туда срочно Распутина. Дамы бросились к нему и стали уговаривать его ехать в баню, чтобы протрезвиться. Одна из них предлагала свои сани, чтобы прокатить Распутина. Его стали тут-же переодевать. Принесли новую шелковую белую рубашку, суконный армяк на парчевой подкладке и сапоги. Потом надели на него шубу. Повели его под руки Муня и г-жа Г. А Распутин весело напевал: «Еду, еду, еду к ней, еду к любушке своей...» и прищелкивал пальцами.

Вскоре после этого Елена Джанумова уехала домой в Москву, а Леля еще осталась, надеясь, что Распутин поможет ей в ее судебном деле. Когда Леля вернулась в Москву, то рассказала Елене, что побывала с Распутиным на роскошном вечере. За ней заехали на автомобиле Лидия Б-ая, Муня, г-жа Головина и Килина. Секретарь митрополита Питирима Осипенко сидел рядом с шофером. На вечере было высшее общество. Там был и Протопопов, будущий министр, ставленник Распутина. «Отец» был весел: много пил и плясал. Часто подходил к Леле и говорил ей о «миге любви». Он ей прямо заявил, что если она порадует его мигом любви, то он все устроит в ее пользу, а если нет - то он ничего не будет для нее делать.

Леля не могла согласиться провести ночь с Распутиным, который был ей отвратителен, и уехала в Москву.

В мае 1916г. Распутин опять приехал в Первопрестольную. Там он ужинал у Елены, а потом, вместе со всей компанией, поехал в ресторан «Яр». Администрация «Яра» хорошо помнила предыдущий скандал, учиненный там Распутиным, и дала знать городскому начальству. Оттуда прислали двух чиновников особых поручений. Цыганский хор держал себя настороже, напуганный прежним поведением Распутина.

Распутин, бледный, с полузакрытыми глазами, с черными прядями волос, спадавшими на лоб - пил, плясал и дирижировал. Его голос выражал распаленную страсть и удаль. Его лицо, с пылающими глазами - когда он их раскрывал, врезалось в память Елены Джанумовой.

Какая мощная сатанинская стихия была заложена в этом страшном человеке!

В книге Юрия Анненкова, известного портретиста того времени, «Дневник моих встреч», имеется несколько штрихов о Григории Распутине:³⁹³

«В 1915 году, за год до исчезновения Распутина, мне довелось ужинать вместе с ним у одного приятеля моего отца. Принадлежа к высокой аристократии, но придерживаясь весьма либеральных убеждений, этот человек сохранил вместе с тем все условности и знакомства

³⁹³ Юрий Анненков «Дневник моих встреч». Изд. «Международное литературное I содружество», Нью-Йорк, 1966, сс. 221,223.

своего социального класса. Среди многочисленных приглашенных - шесть или семь мужчин и около пятнадцати женщин (от двадцати и до тридцатипятилетнего возраста). Центром всеобщего внимания был Григорий Распутин. Вульгарная примитивность этого сибиряка, которому удалось проникнуть в Императорскую семью, была нескрываемая. Его средневековый успех не доказывал ничего другого, кроме интеллектуального упадочничества Двора, придворных и аристократии. В этом смысле распутинская эпопея чрезвычайно показательна.

На Распутине была деревенская рубаха сомнительной свежести; мужицкие штаны и очень тщательно начищенные сапоги. Жирные, липкие волосы, грязные ногти. Только его глаза, слишком близкие один к другому, почти прилипшие к переносице и назойливо пристальные, могли, пожалуй, объяснить его гипнотическую силу. Он, несомненно, сознавал эту свою физическую особенность и умел извлекать из нее довольно блистательные эффекты.

Присутствующие с почтительным вниманием прислушивались к каждому слову этого гостя, который изрекал только короткие фразы. Хозяин дома, незаметно для других, иронически подмигивал мне. В моей памяти удержались лишь три или четыре распутинские фразы: «Водка! - провозгласил он, подымая свою рюмку, - славно питейный напиток!»

(Откуда хозяин дома раздобыл тогда водку - я не знаю).

Восторженные «О!» и «А!» раздались среди ужинавших.

Другая фраза, сказанная с нескрываемой чувственностью, относилась к молодой красавице, к которой Распутин, остановив на ней свой взгляд, протянул указательный палец, длинный, почти до неприличия:

«Когда в тебе проснется дьявол... (благоговейная тишина наступила в комнате) ... в тебе будет что-то дьявольское!»

Это было его исключительным жанром. Экстаз (искренний и лицемерный) наполнил возгласы приглашенных. Молодая красавица, принадлежавшая к очень знатной фамилии, была потрясена и ликовала...

Чувство справедливости заставляет меня, однако, прибавить, в защиту молодых аристократок, что они далеко не все были так чувствительны. Я дружески знал одну молоденькую и весьма красивую графиню, придворную девицу, жившую в императорском Гатчинском дворце, которая на одном из подобных вечеров, дала при всех пощечину Распутину за его слишком галантное внимание по отношению к ней. Скандал был заглушен, но красавица-графиня, на другой же день должна была покинуть дворец... Сколько мы смеялись с ней в те дни!...

Наш ужин продолжался до поздней ночи.

«Музыку!» - закричал Распутин, когда подали десерт и шампанское.

Слово «мызыка» в понятии Распутина означало: балалайка, гармонь и цыганские гитары. Но так как у гостеприимного хозяина дома ни балалаечников, ни гармонистов, ни гитаристов не оказалось, Распутин со своей свитой уехал в ночное кабаре...

Я все же успел за ужином, незаметно от Распутина, набросать его портрет на обратной стороне «меню»... «

В воспоминаниях-дневнике С.П. Мельгунова³⁹⁴ отведено место и Г. Распутину. Приводим некоторые выдержки оттуда. Из главы книги «1915 год»:

«18-го ноябр..

В Петербурге видел В.А. Жуковскую - племянницу проф. Жуковского... По моему форменная истеричка. Валандается она со старцем уже второй год. Не живет ли с ним? Сама утверждает, что ее цель направить его влияние в другую сторону. Тут же показывает кинжал, приготовленный на случай какого либо насилия со стороны старца. Рассказывает сама, как

³⁹⁴ С.П. Мельгунов «Воспоминания и дневники». Выпуск I, (часть I и II). Издано П. Мельгуновой, Париж, 1964, сс. 204-207,213,214.

«старец» тащил ее в спальню. Она решительно отказалась....»

«10 декабр Была В.А. Жуковска О старце рассказывала приблизительно то же, что и в Петербурге... Влияние Распутина основано на том, что в нем видят спасение от революции (а это ведь, очень правдоподобно), А.Ф.... заболела после 9 января - так повлияла на нее паника в Зимнем дворце. Для нее Распутин - представитель народа, поэтому за него так и держатс..

У себя дома Распутин окружен дамами - всегда Шаховская, Муля Головина, Сана Пистолькорс. Около него всегда два стула - сидят две; он кладет руки на животы их и гладит рукой по подбородку. Это де большое наслаждение. Каждая готова умолять, чтобы старец своими руками положил ей сахар в чай. У Распутина около 70 дамских телефонов. По очереди вызывает. Сам лежит на постели, а рядом с ним на постели сидят 4 дамы. День у Распутина весь на расхват: то завтрак, то обед. На квартиру посылается всякая живность и сласти.

Сейчас он занимается банковскими аферами. Руководит им Митька Рубинштейн. Барк - самый близкий человек. Каждый день приходят письма с пасквилями. Генеральша Головина их громогласно читает, а Распутин бросает в печку.

У старца какие-то особые изумительные глаза. Серые, вдруг загорающиеся красным. Глаза неотразимы - в них внутренний магнетизм. При женщинах загораются необычайной страстностью, и всегда, сколько бы не было этих женщин, он готов на любовные утехы утром, днем и вечером.

Жуковская так понравилась старцу, что он умолял ее остаться у него ночевать. Делал это открыто при Муне Головиной. Жуковская отказалась. И после Муля ей строго выговаривала. Старец хватает ее за ноги и целует чулки, гладит шею и грудь. Но в губы - гордо заявляет Жуковская - старцу ни разу не удалось ее поцеловать...

Женщины совершенно испортили Распутина. Им создана теория: надо грешить внизу, чтобы наверху было светло. Выработаны и особые приемы. Посылает причаститься, а вечером явиться к нему. Наэлектризует и требует отдаться ему. Если следует отказ, начинается молитва: молится сам и заставляет молиться обольщаемую...

Дочери Распутина обучаются во французском пансионе. Живут у тятеньки и осведомлены о всех его делах.

Распутин сказал, между прочим, Жуковской, что он уничтожит черту оседлости для евреев, но равноправия не даст. Уверял, подвыпивши, что за это он получил большой куш».

«26-го декабр..

С.В. Петерсен ехала в Петербург в одном купе с некоей Ежовой, одной из клеветок Распутина. Он иногда у нее останавливается в Москве. Глупая (красивая) женщина рассказывала незнакомой ей Петерсен, как муж ее все проиграл в карты. Теперь они зарабатывают на Распутине. Устраивают различные дела, являясь посредниками. Но Распутин не всегда все может сделать. Так за одно дело давали 100 тыс. руб. Ничего не вышло. Когда Распутин бывает у них, они поставляют ему певичек.»

В Петровском Парке появился новый «старец». Растил малолетнюю. Отвезли в больницу. Мать отправилась к митрополиту. Последний посоветовал: «если дорожите головою, держите язык за зубами». Дело касалось, очевидно, Распутина. Жуковская утверждает, что его нет и не было в Москве. По моим сведениям, он только-что приезжал в Мьскву. Просил Жуковскую позвонить по телефону к Решетниковым - купеческая семья, где по преимуществу останавливается Распутин. Ответили, что он только-что уехал в Петербург.

Из главы книги «1916 год». «1-го январ..

Встречали новый год у Шуберт. Там была дама, много рассказывавшая мне о Распутине. Рассказывала, как тот добивался любви от ее подруги Б. Рассказывавшая сама врач, поэтому не очень стеснялась в подробностях. Б. встречалась с Распутиным у кн. Голицыных. В этом салоне якобы подготавливаются все темные делишки, в которых замешан Распутин - через этот салон идут и уплачиваемые взятки. Б. - дама лет 40, переживающая вторую молодость. Оставшись с нею наедине, Распутин стал ее хватать повсюду. Б. не

протестовала, так как он мог ей понадобиться, но к себе его не пустила, так как он очень противен».

«5-го январ Опять прежде всего о Распутине. Вчера проф. Яроцкий рассказывал о своей знакомой. Ей нужно было видеть Распутина. Позвонила по телефону и была принята. Распутин привел ее в спальню. - «Ну, раздевайся». Ошарашенная, она вырывается из объятий старца - «Не хочешь?». Так зачем же ты пришла. Не хочешь, не надо, но смотри, приходи в 10 час. веч.» - Дама эта потом поехала обедать в ресторан с мужем и знакомым доктором. К 10 час. веч. она стала проявлять сильное беспокойство, и, наконец, заявила, что поедет к Распутину. Никакие уговоры не действовали. Доктор ее загипнотизировал - так только удалось отклонить ее от свидания с Распутиным. Она говорила, что на нее неотразимо действовали глаза старца».

Кем был Григорий Распутин? На этот вопрос никто не может дать ответа. Единственно ясно то, что его сверхъестественная сила не была от Бога. В Распутине сидело звероподобное дьявольское существо, которое вело к гибели и Царскую Семью и Российское государство.

Камер-юнгфера двора М.Ф. Занотти говорила о Распутине:³⁹⁵

«Я относилась к нему (Распутину) отрицательно. Я считала его и теперь считаю тем именно злом, которое погубило Царскую Семью и Россию. Он был человек вовсе не святой, а был развратный человек...»

Распутин создал новый культ блуда, безудержного пьянства и дикой сатанинской пляски. Все дозволено! Все надо испытать! Бог - любовь! Бог - простит! Не согрешишь - не покаешься! Грех обмывается грехом! Распутин вписал в историю России одну из самых темных ее страниц.

То, что Распутин был хлыстом - факт неоспоримый. Об этом пишет его дочь Мария (Матрена) в своей книге,³⁹⁶ где она, в омерзительных подробностях, описывает радение хлыстов с участием Распутина. Испытав «сладо́сти» радения, он тогда же решил стать не только активным членом хлыстов, но и добиться того, чтобы сделаться их вождем.

В книге Вл. Маевского написано,³⁹⁷ как в конце 1916 года, поклонницы Распутина устроили для него «вечер» на Бассейной улице на квартире А.И. Нелидова, жена которого была в рядах почитательниц Распутина. «Старец» в начале вечера был мрачен, неразговорчив и груб. Он открыто выражал свое неудовольствие тем, что на вечере не было молодых женщин. Но позже, подвыпив, и услышав звуки музыки, он вскочил из-за стола и выразил желание поплясать. Он потребовал от А. Нелидова длинную белую рубаху. Распутина нарядили в длинную ночную рубашку хозяина и подпоясали ее голубым шарфом. Распутин, пьяный и красный, стал дико плясать, приговаривая и требуя постепенного ускорения темпа музыки. Сцена была такой жуткой, что изумила даже верных поклонниц Распутина, которые знали кое-что о хлыстовских радениях.

С.П. Белецкий пишет,³⁹⁸ что Распутин уклонился от исповедания Православия потому, что его порочные наклонности нашли свое место в учении хлыстов. Этим и объясняется его неуважительное отношение к православному духовенству и к авторитетам Церкви. Распутин позволял себе третировать священников и высшую церковную иерархию. Он вмешивался в дела обер-прокурорского надзора.

Далее Белецкий пишет:

³⁹⁵ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», сс. 76.

³⁹⁶ Maria Rasputin and Patte Barham «Rasputin the man behind the myth», сс. 84-86

³⁹⁷ Вл. Маевский «На грани двух эпох», с. 97.

³⁹⁸ С.П. Белецкий «Воспоминания», Архив русской революции, сс. 19, 20.

»... (Распутин - Л.М.) чувствовал в себе молитвенный экстаз лишь в момент наивысшего удовлетворения своих болезненно-порочных наклонностей, что мною и было засвидетельствовано в свою пору Вел. кн. Николаю Николаевичу, на основании точно проверенных данных. Мне лично пришлось, бывая на воскресных завтраках-чаях Распутина в ограниченном кругу избранных, слышать своеобразное объяснение им своим неопиткам проявления греховности. Распутин считал, что человек, впитывая в себя грязь и порок, этим путем внедрял в свою телесную оболочку те грехи, с которыми он боролся, и тем самым совершал «преображение» своей души, омытой своими грехами...»

Женщины, окружавшие Распутина, разделялись на две категории. Одни, как он сам называл их в разговоре с писательницей Тэффи - «деточки», а остальные - «другие». К «деточкам» принадлежали женщины, которые были подчинены Распутину только в духовном плане. К таким относилась и Анна Вырубова. Она была необходима Распутину как посредница между ним и Государыней. «Другие» - это женщины, которых Распутин использовал и духовно и физически.

Об Анне Вырубовой судебный следователь Н.А. Соколов пишет:³⁹⁹

«При развратности своей натуры и истеричности Вырубовой, Распутину ничего не стоило бы сделать ее жертвой своих вождлений. Он не делал этого, так как понимал, что он может утратить, если не свое положение, то Вырубову, нужную ему «.

Вл. Маевский в своей книге пишет:⁴⁰⁰

«Среди многочисленных светских поклонниц Распутина были женщины разной степени подчинения воле «старца»: начиная с тех, которыми он овладевал только духовно, и кончая теми, которые становились его жертвами всецело: и духовно и физически. В этих последних он нередко внедрял особую хлыстовскую «мистику». Случалось, что иная раба Божия согрешит со «старцем», а затем, опомнившись, впадет в отчаяние. И Распутин ее успокаивает: «Не плачь, родная! Все в порядке: ты очищена, освящена, будешь здрава и спокойна»... Другие, более скромные поклонницы, имевшие общение с Григорием только в духовном плане, самым различным образом проявляли свое восторженное и благоговейное отношение к нему. Так, например, Распутин иногда раздавал им яйца; съев их, они осторожно прятали скорлупу в свои сумочки и хранили ее как священную реликвию. Вырубова подавала ему кусок огурца на хлебе; он часть откусывал, а остальное она съедала сама с выражением благоговения и наслаждения на лице... Как-то, придя на подобную трапезу, одна старая дама упала на колени перед Распутиным и стала истерически восклицать:

«Отец! Бог Саваоф!»

Оказалось, что она приняла на себя обет юродства... Старуха, повидимому, сильно надоела «старцу», так как он, наконец, стал отбиваться от нее и кричать:

«Отстань от меня, тварь поганая!»

А когда и это не подействовало, и она продолжала лезть к нему и целовать руки, он бросился на нее с кулаками, крича:

«Отойди, дьявол, а то вот, как перед Истинным расшибу тебя!»

В своей книге следователь Н. Соколов задает себе вопрос о Распутине:⁴⁰¹

«Кем он был в своей личной жизни?»

Крестьянин по происхождению, он не был мужиком-хозяином. За него работали другие: его отец и его сын. Он всегда носил в себе черты мужика-лодыря, и легкая жизнь, которая ему потом выпала на долю, легко затянула его.

³⁹⁹ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», с. 76.

⁴⁰⁰ Вл. Маевский «На грани двух эпох», сс. 92,93.

⁴⁰¹ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», сс. 77- 79.

Его дочь говорит о нем: «Пил много... Больше всего любил мадеру и красное вино. Пил он дома, но больше в ресторанах и у знакомых».

Женщина, жившая в его квартире и наблюдавшая его, показывает: «Пил он очень много, и часто за это время я видела его пьяным. Окружен он был группой его поклонниц, с которыми он находился в связи. Прodelывал он свое дело с ними совершенно открыто, нимало не стеснясь. Он щупал их и вообще всех женщин, которые допускались до его столовой или кабинета и, когда он или они этого хотели, вел их при всех тут же к себе в кабинет и делал свое дело. Пьяный он чаще сам приставал к ним; когда он был трезв, чаще инициатива исходила от них... Часто я слышала его рассуждения, представлявшие смесь религиозной темы и разврата. Он сидел и поучал своих поклонниц: «Ты думаешь, я тебя оскверню? Я тебя не оскверню, а очищаю». Вот это и была его иде Он упоминал еще слово «благодать», т.е. высказывал ту идею, что сношением с ним женщина получает благодать»....

По мере укрепления его положения около Государыни росло и его честолюбие...

Руднев считает Распутина бедняком, бессребренником. Не знаю, на чем он основывается. Мною установлено, что только в Тюменском Отделении Государственного Банка после его смерти оказалось 150 000 рублей...

Он обладал редкой нервной приспособляемостью к жизни. Это позволяло ему очень быстро схватывать обстановку и человека. Подобное свойство всегда сильно действует на нервных людей, особенно на женщин. Они всегда склонны видеть в таких людях прорицателей, пророков. Мужичий облик, как контраст, служил в данном случае в пользу Распутина. Его громадная наглость сильно укрепляла общее впечатление.

В конце концов, как бы ни относиться к Распутину, нельзя отрицать в нем одной несомненной черты: его колоссального невежества.

Учитывая в то же время его бешеную активность, я решительно отказываюсь видеть в нем самодовлеющую личность. Он не был ею, и в своей политической роли он подчинился, благодаря своему невежеству, чьим-то иным директивам».

Интересный анализ натуры Распутина дает Ф. Винберг в своей книге «Крестный путь». Он пишет:⁴⁰²

«... Хитрый, умный мужик обладал такими внутренними силами из неизведанных и неисследованных областей оккультизма, какие, может быть, никогда не снились нашим мудрецам, но «мудрецами сионскими» давно исследованы и использованы.

Прежде всего, сила внушения, действовавшая, как говорят, на окружающих почти непреодолимым воздействием, была у Распутина огромна. Даже люди с вполне уравновешенными нервами и рационалистического, позитивного метода мышления - попадали под влияние необыкновенной личности Распутина, под власть его страшных глаз и под руководство его парадоксального, первобытного, но сильного своеобразной логикой, ума. Кроме холопства, кроме низких карьеристических побуждений и соображений, притягивавших к Распутину его презренную свиту, эти могучие, гипнотические, порабащующие волю, и разум, особенности личности Распутина делали то, что в его «свите» встречались не одни холопы и агенты-подстрекатели, но и порядочные люди, ставшие жертвами темных, неразгаданно-страшных излучений окружавших сибирского мужика наподобие какого-то противоположения тому, что, исходя из светлых областей Духа, называется ореолом...

Был у Распутина еще дар целебной силы: одним прикосновением, или даже взглядом, он прекращал боли и излечивал болезни, признанные врачами очень серьезными и подлежащими длительному лечению. Умел он также останавливать кровь одним прикосновением руки...»

Ф. Винберг пишет, что гипнотизм, сила внушения, особые необъяснимые целительные

⁴⁰² Ф. Винберг «Крестный путь», сс. 285, 286.

способности, теперь уже не вызывают недоверия даже со стороны самых крайних скептиков. Ф. Винберг говорит:⁴⁰³

«Кто не знает, в дебрях русской народной жизни, знахарства... Часто эти знахари бывают действительно сведущими в лечении болезней как у людей, так и у животных, причем, между ними встречаются совершенно поразительные примеры, когда, посредством «заговаривания» (соответствующего, вероятно, особому виду гипнотического внушения), сразу прекращаются боли, а то и часто останавливается кровь, как ни глубока была бы рана и обильно кровотечение, почти в одно мгновение истечение крови прекращается под действием воли такого деревенского гипнотизера...

Встречаются и знахари, отличающиеся развратной, а не то безнравственной, или бесчестной жизнью, и тем не менее могущие оказывать помощь и воздействие почти наравне с категорией праведников. Повидимому, сила из них или от них исходящая, не всегда зависит от нравственной высоты собственной их жизни. Да всегда ли бывает особая сила? Может быть, дело сводится часто и к особым знаниям, или к простому гипнотизму...»

Рассказывая о жизни людей высокой духовности, достигших уже на земле святости, вознесенных в даль от земных скверн и низких побуждений, которые своей образцовой жизнью во Христе приобретают влияние в народе - каковыми являются старцы, Ф. Винберг переходит к самозванцам:

«Мельком, но с благоговением упомянув об этом прообразе в земной жизни, жизни неземной, мы обратимся к оборотной стороне медали, и от праведных Старцев перейдем к тому, что представляет собой искажение этого явления, а именно к тем многочисленным изуверам, обманщикам, а то и просто преступникам, которые под видом не то старцев, не то разного рода сектантов, вводят в соблазн верующих, религиозно настроенных людей и распространяют вокруг себя много зла, горя, страданий, раздора, разлада и развала.

К несчастью таких фальшивых старцев встречается в России немало, как немало встречается и готовых для них жертв, людей с повышенной чувствительностью, с возбужденными нервами, с экзальтированными на почве горячей веры и приверженности к Церкви стремлениями приблизиться возможно ближе к заповедным областям высокого одухотворения. Таких жертв находится много главным образом среди женщин...

Я бы прибавил еще, только для тех читателей моих, которые признают мистику в своих умовозрениях, что надо еще обладать какой-то страшной связью с духами мрака и зла, которые помогали бы такому «фальсификатору» поддерживать чары своего обмана...»

Ф. Винберг также останавливается и на вопросе - был ли Григорий Распутин агентом врагов России и Монархии:⁴⁰⁴

«По аналогии,⁴⁰⁵ нельзя прийти к другому заключению, что и Распутин был орудием в руках врагов России, но по всей вероятности, гораздо менее сознательным, нежели Калиостро, а может быть - чему, однако, имеются и противоречия - и совершенно не подозревавшим своей роли. Не надо забывать, что, хотя и очень смышленным от природы, умным, ловким, смелым и хитрым авантюристом, но Распутин был все же темным и порядком-таки невежественным мужиком, так что возможно допустить и полную его неосведомленность... «

О работе Григория Распутина на врагов России - Пьер Жильяр пишет:⁴⁰⁶

«Я не думаю, что Распутин был, собственно говоря, германским агентом на жаловании,

⁴⁰³ Ф. Винберг «Крестный путь», сс. 274,276.

⁴⁰⁴ Ф. Винберг «Крестный путь», с. 277.

⁴⁰⁵ Здесь Ф. Винберг говорит о Калиостро - как агенте людей, подготовивших революцию во Франции.

⁴⁰⁶ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», с. 162.

но он был, несомненно, ужасным орудием в руках Германской Ставки, которая, будучи заинтересована продлить жизнь такого драгоценного помощника, окружила его шпионами, которые в то же время были его телохранителями. Немцы нашли в нем удивительно сильное средство для того, чтобы скомпрометировать двор, и широко это средство использовали.

Лица, близко стоявшие к Императрице, сделали много попыток, чтобы открыть ей глаза на истинную личность Распутина, но все эти попытки разбивались о непоколебимую ее веру в Распутина».

«Был ли Григорий Распутин агентом внешних или внутренних врагов России?» - задает вопрос В. Маевский в своей книге, и отвечает так:⁴⁰⁷

«Едва ли. Но орудием в руках этих врагов он мог быть. Действительно: не может быть, чтобы враги не использовали подобного козыря для революционизирования России и ослабления ее военной мощи. «Запломбированный» вагон с большевиками, присланный впоследствии, вполне подтверждает подобную мысль. Для своих целей наши враги, можно думать, пользовались этим полуграмотным и беспринципным мужиком. Сначала усиленно ими раздувалась его «слава», открывшая перед ним двери великосветских и великокняжеских салонов. А наряду с этим, - при помощи добровольных или несознательных пособников, - раздувалась противоположная слава со всевозможными инсинуациями и клеветой, особенно против Царицы. Над созданием влияния Распутина работали невидимые агенты, имевшие в лице окружавших его проходимцев, ценных сотрудников.

Теперь, спустя почти полвека, когда появилось много воспоминаний свидетелей описываемых событий, - не приходится отрицать, что, по мере усиления своего влияния, Распутин в какой-то степени стал вмешиваться не только в церковные дела, но и в государственные, убирая с дороги противников и внедряя в состав правительства своих ставленников.

Разумеется, сторонники «старца» старались приуменьшить значение подобного вмешательства; некоторые из них даже его отрицали. Вырубова, например, в своих воспоминаниях утверждает, что никакого давления при назначениях Распутин не оказывал, и что она ничего не слышала об этом. По ее словам, Распутин приезжал в Царское Село редко, раза 2-3 в год и о политике ничего не говорил; рассказывал о своих странствиях, о нуждах крестьян, о здоровье Наследника, и когда уезжал, оставлял Государя и Государыню веселыми, с радостными упованиями в душе... Всего этого А.А. Вырубова не решилась бы написать, если бы предвидела, что вскоре после появления ее воспоминаний, выйдут из печати показания министров и высших должностных лиц, а также переписка высокопоставленных особ.

Вообще, утверждения Вырубовой во многом неверны. Уже та огромная роль, которую играла при дворе эта недалекая женщина, находившаяся в полной власти Распутина, противоречит ее утверждениям. Вот, например, какого мнения о ней и ее роли при дворе был б. министр внутренних дел. А.Н. Хвостов, а ему и карты в руки: «На дурковатую истеричку (Вырубову) Распутин влиял поразительно: она целовала полы его кафтана! А он всячески над нею надругивался.. Мне кажется, что при дворе она была единственным человеком, которому доверяли всецело».⁴⁰⁸

Судебный следователь Николай Алексеевич Соколов в своей книге «Убийство Царской Семьи» доказывает, что Распутина окружали лица не только из его истеричных поклонниц, но и те, которые руководили им самим.

Н. Соколов пишет:⁴⁰⁹

⁴⁰⁷ Вл. Маевский «На грани двух эпох», сс. 132,133.

⁴⁰⁸ Сноска Вл. Маевского: Стеногр. отчеты Ч. следств. Ком. В. Пр., т. I, сс. 27,28.

⁴⁰⁹ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», с. 73.

«Ограничивался ли Распутин только пассивной ролью советника, или же он был активен и боролся за свое влияние?»

Его дочь говорит: «Чаще всего отец и расстраивался по той причине, что ему противодействовали министры. Он часто приезжал из дворца расстроенный и, когда мы его спрашивали, что с ним, он бранил министров за то, что они дурно влияют на Государь.. Отец из-за этого и вздорил с Государем».

«Кто окружал Распутина?» - спрашивает Н. Соколов, и отвечает:⁴¹⁰

«Самым близким человеком к русскому мужику Распутину, почти неграмотному, быть может идолопоклоннически, но все же православному, был Иван Федорович Манасевич-Мануйлов, лютеранин, еврейского происхождения

Человек весьма умный, энергичный, с громадным кругом знакомств, он был по натуре крупный авантюрист, обладавший большими связями не только в России. В душе это был стяжатель широкого размаха...

Как только министр Иностранных дел Сазонов был заменен Штюмером, Мануйлов сейчас же был назначен при нем чиновником особых поручений.

Это он был волей Распутина и поборол министра Внутренних дел Хвостова, когда он пытался разоблачить шпионство Распутина.

Это он через Распутина добился ухода министра Юстиции Макарова, последнего защитника нашего национального правосудия, неподкупного слуги закона, и замены его распутинцем Добровольским.

Скорбь охватывает душу, когда слушаешь свидетеля-очевидца дружеской беседы Распутина и авантюриста Мануйлова, решавших судьбу российских министров.

Его последней креатурой был роковой человек, министр Внутренних дел Протопопов. Я не буду говорить о нем. Приведу лишь показание свидетеля Маклакова: «Первое движение лиц, знавших Протопопова, когда они узнали, что он будет министром, был неудержимый смех, а не негодование, так как всем показалось смешным, что Александр Дмитриевич Протопопов может оказаться когда-нибудь на таком посту...»

Другим близким к Распутину человеком был банкир Дмитрий Рубинштейн, еврей...»

Против Д. Рубинштейна было возбуждено уголовное дело в измене России в пользу Германии.

Следователь Н. Соколов считает, что Распутин в своей политической роли подчинился чьим-то директивам. Соколов приводит показание Маклакова:⁴¹¹

«Член Государственной Думы Маклаков показывает: «Я хорошо припоминаю, как Хвостов, бывший министром Внутренних дел, в последние дни своего министерства рассказывал мне, что он учредил наблюдение за Распутиным и что для него было совершенно ясно, что Распутин был окружен лицами, которых подозревали, как немецких агентов...»

Н. Соколов думает, что существовала таинственная организация, руководившая Григорием Распутиным. Это «зеленые», о которых упоминает князь Ф.Ф. Юсупов в своей книге «Конец Распутина», в главе VIII.

Следователь Н. Соколов пишет:⁴¹²

«Кто же эти таинственные «зеленые»?»

Юсупов попробовал выведать у Распутина, кто эти незнакомцы с их записными книжками, которых он видел в его кабинете. «Хитро улыбаясь», показывает Юсупов,

⁴¹⁰ Там же, сс. 81,82.

⁴¹¹ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», с. 79.

⁴¹² Там же, с. 84.

Распутин ответил: «Это наши друзья Их много. А главные - в Швеции. Их зовут зелеными».

Стокгольм был главной базой, где находились немецкие организации в борьбе с Россией.

Не сомневаюсь, что отсюда шли директивы и тем людям, которые окружали Распутина».

ГЛАВА 20

Циммервальдская конференция Выступление Ленина. Обращение Государя к войскам. Назначение Штюмерера председателем Совета Министров. Свидание Штюмерера с Распутиным. Посещение Императором Государственной Думы. Речь Штюмерера в Думе. Встречи Штюмерера с Распутиным. Увольнение министра Внутренних дел А.Н. Хвостова. Успехи русских войск на Кавказе. Письма Государя супруге. Усиление влияния Распутина. «Наш Друг» - Распутин в письмах Государыни. Император не доверяет Распутину - выдержки из его писем. Протопресвитер Георгий Шавельский - о Распутине и М. Рубинштейне. Разговор протопресвитера Георгия с Государем о Распутине. М.В. Родзянко у Государя и доклад его о Распутине. Император приказывает выслать Распутина в Тобольск. Военный министр Поливанов уволен. Письма Государыни. Взятие русскими Трапезунда. Письма Государя о праздновании Св. Пасхи в Ставке. Беседа митрополита Питирима с протопресвитером Георгием Шавельским относительно Распутина. Письма Государя о начале наступления русских под командой генерала Брусилова. Распутин старается вмешиваться в военные дела и дает советы. Министр Земледелия А.Н. Наумов выгнал Распутина. Наумов покидает свой пост министра. «Министерская чехарда». Увольнение министра Иностранных дел С. Сазонова. Участие Распутина в деле увольнения С. Сазонова. На место Сазонова назначен Штюмерер. Пьер Жильяр - о работе немцев против Российского Престола и клевета на Государыню. Жильяр - о Распутине, в котором многие видели Сатану и Антихриста. Письма Государыни. Генерал А.И. Спиридович - о Государыне. Великая княгиня Ольга Александровна - о Государе. Смещение обер-прокурора А.Н. Вожина и назначение на его место Н.П. Раева. Отец Георгий Шавельский - о князе Жевахове и о прибытии в Ставку чудотворной иконы Божией Матери. Работа знаменитого иконописца Васнецова.

Всю тяжесть войны за 1915 год вынесла на себе Россия. В течение лета этого года никакие боевые действия на фронтах союзников не принесли России того облегчения, которое русская армия дала союзникам в начале войны.

После того, как наступление немцев было приостановлено, российская армия стала пополнять свои резервы; жизнь в стране начала нормализоваться; движение на железных дорогах постепенно приходило в порядок. В России быстрым темпом стала развиваться военная промышленность: строились новые заводы и переоборудовались старые. С союзниками было достигнуто финансовое соглашение относительно оплаты больших заказов, главным образом, в Америке и в Англии.⁴¹³

Пьер Жильяр пишет,⁴¹⁴ что немцы, видя, что не смогут одолеть Россию, стали, с помощью ловкой пропаганды и интриг, стараться спровоцировать смуту внутри Российской Державы, чтобы добиться ее распада. Для этого им необходимо было прежде всего сокрушить престиж русской Монархии. К этому времени семена Циммервальдской конференции уже дали в России хорошие всходы.

Циммервальдская конференция происходила в швейцарской деревне Циммервальде в

⁴¹³ С.С. Ольденбург «Царствование Императора Николая II», сс. 567, 568.

⁴¹⁴ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», с. 140.

сентябре 1915 года. Туда съехалось тридцать три делегата от десяти государств: это были представители левых социалистических партий, целью которых являлось восстановление разрушенного войной Интернационала. Среди российских делегатов присутствовали: Ленин, Зиновьев, Троцкий и др.

Циммервальдская конференция вынесла резолюцию, где осуждалась «империалистическая война», и целью пролетариата объявлялась борьба за немедленный мир.⁴¹⁵

С.С. Ольденбург пишет:

«Около трети делегатов, с Лениным во главе, считали и эту резолюцию недостаточной. Ленин говорил, что необходимо «империалистическую войну превратить в гражданскую», и воспользовавшись тем, что под оружием десятки миллионов «пролетариев», отважиться на захват власти в целях социального переворота».

Французский посол Морис Палеолог говорит,⁴¹⁶ что еще в ноябре 1914 года, Ленин, живя в Швейцарии, начал свою пораженческую кампанию против России:

«Русские социалисты должны желать победы Германии потому, что поражение России повлечет за собой падение царизма...» (пер. с англ.)

Циммервальдская резолюция и призыв Ленина стали известны в России, и это дало толчок к революционному движению.

Как сообщает Морис Палеолог,⁴¹⁷ в конце декабря 1915 года, лидеры различных российских социалистических группировок устроили в Петрограде под председательством Керенского секретное совещание.

Целью этого собрания было обсуждение программы ленинского выступления в Циммервальде. На совещании поднимались следующие вопросы: поражение русской армии; усталость народа от войны; спад экономики страны; вопрос Распутина и Царицы. Говорилось о том, что возможен сепаратный мир с Германией, но что необходимо заключить мир только после того, как будет свергнута Монархи

Закрывая собрание, Керенский сказал:

«То, что мы видели - это момент наивысшего кризиса войны, и мы должны низложить царизм, захватить власть в свои руки и установить социалистическую диктатуру». (пер. с англ.)

Оставив выздоравливающего сына в Царском Селе, Государь сам продолжает ездить по линиям фронта, своим присутствием подбадривая изнуренных войной солдат и офицеров. Он произносит горячие речи, которые воспроизводятся в печати и распространяются в полках и среди народа.⁴¹⁸

По случаю нового года (ст. ст.), Государь Император обратился к армии со следующими словами:⁴¹⁹

«На пороге 1916 года я посылаю вам мое приветствие, мои дорогие войска. В моем сердце и в уме я с вами и во боях и в траншеях... Никогда не забывайте, что наша любимая Россия не может быть уверенной в своей независимости, в своих правах до тех пор, пока она не достигнет окончательной победы над врагом... Помните, что не может быть и никогда не

⁴¹⁵ С.С. Ольденбург «Царствование Императора Николая II», сс. 562,563.

⁴¹⁶ Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs», том II, с. 224.

⁴¹⁷ Там же, сс. 145,146.

⁴¹⁸ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», с. 141.

⁴¹⁹ Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs», том II, с. 150.

будет никакого мира без победы. Несмотря ни на какие усилия и жертвы, мы должны добиться победы для нашей страны». (пер. с англ.)

Благодаря усилиям Ставки, снабжение армии винтовками улучшилось. Началось наступление русских на Бессарабском фронте.

Армия Великого князя Николая Николаевича на Кавказе делала чудеса в северной Армении. Через груды камней и льда русская армия гнала турок и быстро приближалась к Эрзеруму.⁴²⁰

В это время началась новая смена министров. Был уволен опытный и долголетний министр Земледелия Кривошеин. На его место был назначен А.Н. Наумов. В начале февраля 1916 года И.Л. Горемыкин был снят с поста председателя Совета Министров, и на его место назначен Б.В. Штюрмер (Согласно книге М. Палеолога - Горемыкину тогда было 87 лет, а Штюрмеру - 67).

С.П. Белецкий пишет,⁴²¹ что Штюрмера на пост председателя Совета Министров рекомендовал митрополит Петроградский Питирим по ходатайству Манусевича-Мануйлова. Последний также говорил о Штюрмере и с Распутиным. Григорий Распутин решил поддержать кандидатуру Штюрмера и пожелал с ним познакомиться. Свидание Штюрмера с Распутиным произошло на квартире артистки Лермы. Штюрмер просил «старца» оказать ему поддержку и обещал, со своей стороны, с ним советоваться по делам, имеющим важное значение для трона. При прощании они расцеловались.

О назначении Штюрмера председателем Совета Министров С. Сазонов пишет:⁴²²

«Отставка Горемыкина могла быть счастливым днем для России, если бы она означала перемену во внутренней политике. Но Горемыкина заместил Штюрмер, протеже Распутина, и Россия от этого ничего не выиграла». (пер. с англ.)

О Штюрмере, как новом Премьере, М.В. Родзянко говорит,⁴²³ что это назначение привело всех в негодование. Те, которые знали Штюрмера по его прежней деятельности, не уважали его. Они знали, что назначение произошло под влиянием Распутина.

Водрузившись в кресло Премьера, Штюрмер выбрал начальником своего секретариата Манасевича-Мануйлова. Этот выбор, как пишет М. Палеолог, считали «скандальным».⁴²⁴

Во второй половине февраля 1916 года Государственная Дума возобновила свою работу. На открытие сессии Думы в Таврический дворец приехал Государь. Это произошло впервые после открытия Первой Думы.

Описание этого знаменательного события взято из книги М. Палеолога.⁴²⁵

В большом зале, где Потемкин когда-то устраивал блестящие приемы для Императрицы Екатерины II, был установлен алтарь для благодарственного молебна.

Государь прибыл со своим братом Великим князем Михаилом Александровичем.

Началось богослужение с изумительным хоровым пением, таким захватывающим,

⁴²⁰ Там же, с. 162.

⁴²¹ С.П. Белецкий «Воспоминания», Архив русской революции, сс. 67,68.

⁴²² Serge Sazonov «Fateful Years», 1909-1916, с. 297.

⁴²³ М.В. Родзянко «Крушение Империи», с. 116.

⁴²⁴ Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs», том II, с. 167.

⁴²⁵ Там же, сс. 186-188.

парящим ввысь, неземным...

Палеолог видел слезы на глазах многих членов Думы. Министр Иностранных дел С. Сазонов, который стоял рядом с ним, истово молил Военный министр ген. Поливанов прошептал на ухо Палеологу:

«Понимаете ли вы всю важность и красоту всего этого?... Это торжественный час для России; новая эра в ее истории начинается». (пер. с. англ.)

Император, как всегда, казался спокойным. Но он был очень бледен и его губы - сжаты. Кисть левой руки, на которой он держал перчатки и фуражку, судорожно сжималась и разжималась. Повидимому, он нервничал.

Когда была провозглашена «вечная память всем на поле брани живот свой положившим», - Император опустился на колени. За ним опустилась и вся Дума.

По окончании богослужения Государь обратился с речью к членам Думы. Эта речь была покрыта громовым «ура».

Тогда обычное спокойствие и очарование вернулись к Императору. Он стал пожимать всем руки и улыбаться

М.В. Родзянко пишет, что когда он остался рядом с Государем вдали от других, то сказал:⁴²⁶

«Воспользуйтесь, Ваше Величество, этим светлым моментом и объявите здесь же, что даруете ответственное министерство.⁴²⁷ Вы не можете себе представить величие этого акта, который благотворно отразится на успокоении страны и на благополучии исхода войны. Вы впишете славную страницу в историю Вашего царствования...»

Государь помолчал, а затем ответил: «Об этом я подумаю».

После отъезда Императора, Штюмер прочитал свою декларацию. Прочитал ее невнятно и бледно. М. В. Родзянко пишет:⁴²⁸

«В длинных и путанных фразах ничего не было сказано о намерениях правительства. Сошел он с кафедры при гробовой тишине и только кто-то на крайней правой попробовал ему аплодировать. С первых же шагов Штюмер предстал как полное ничтожество, и вызвал к себе насмешливое отношение, выразившееся в яркой речи Пуришкевича. Он тогда пустил свое крылатое слово «чехарда министров»...

О Штюмере генерал Спиридович, начальник Секретной Охраны Государя, пишет,⁴²⁹ что Штюмер был опытным, умным бюрократом, и знал, что происходит в тылу, но отличался инертностью и не всегда говорил Государю правду. Как пример, генерал Спиридович рассказывает о съезде губернаторов из 15-ти губерний, который состоялся в Петрограде в мае 1916 года. О результатах этого съезда Штюмер подал Императору доклад, где говорилось о подпольной работе немцев над развалом тыла России; указывалось на их пропаганду среди рабочих и крестьян, но говорилось также и о довольстве и богатстве крестьянского сословия, и о полном доверии правительству со стороны дворянства, - что было неправдой. Штюмер умолчал о том, что в губерниях наблюдалось тревожное настроение умов в связи с разговорами о Распутине, и о том, что начал падать престиж имени Монарха.

Государь принял этот доклад, где скрывалась правда об обстановке в стране, и оказался

⁴²⁶ М.В. Родзянко «Крушение Империи», с. 118.

⁴²⁷ В правительственных кругах в это время возникла мысль о создании специального министерства, чтобы заведовать ведением войны и положением в стране.

⁴²⁸ М.В. Родзянко «Крушение Империи», с. 119.

⁴²⁹ Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга II. Нью Йорк, Всеславянское издательство, 1960, сс. 90,91,98.

фактически обманутым Штюмером.

Ген. Спиридович также говорит, что свидания Штюмера с Распутиным происходили обычно в доме коменданта Петропавловской крепости, а иногда на квартире одного из чиновников Штюмера. Дочь коменданта Петропавловской крепости, фрейлина Государыни Никитина, являлась поклонницей «старца». Она устраивала встречи Штюмера с Распутиным.

В феврале 1916 года министр Внутренних дел А.Н. Хвостов был уволен. Штюмер занял его место. Хвостов был уволен из-за того, что намеревался убить Распутина. Он поручил выполнение этого дела Ржевскому. С. П. Белецкий, узнав об этом, доложил о заговоре Штюмеру в присутствии Распутина.

Теперь Б.В. Штюмер стал во главе министерства Внутренних дел.

По поводу истории с Хвостовым, Государыня писала Императору:⁴³⁰

Письмо №217, Царское Село, 2/3/1916.

«... Я так несчастна, что мы через Гр.(игория) рекомендовали Х(востова) тебе - я просто не могу успокоиться - ты был против этого, а я уступила их давлению, хотя с самого начала я сказала Ане, что мне нравится его большая энергия, но что у него слишком много себялюбия, и в нем что-то для меня неприятное; и им овладел дьявол, иначе этого нельзя назвать...»

1916 год ознаменовался успехами русской армии. В середине февраля российская доблестная Кавказская армия, которой командовал генерал Юденич, пятидневным штурмом взяла крепость Эрзерум. Эта победа произвела сильное впечатление по всей России.

Морис Палеолог в своей книге, в цифровых данных, приводит потери турок:⁴³¹

40 тысяч солдат убитых и раненых; 13 тысяч взято в плен; добыто 323 орудия и девять неприятельских знамен.

М. Палеолог восклицает:

«Русские теперь хозяева Армении!»

(пер. с англ.)

Государь был счастлив, что взят Эрзерум. Он писал Императрице:⁴³²

Ставка, 4/2/1916.

«Я очень рад такому большому нашему успеху на Кавказе - я никогда не предполагал, что Эрзерум будет взят так быстро...»

Настроение в Ставке было бодрое. Готовилось наступление русских на Западном фронте.

Государь писал Императрице:

Ставка 3/3/1916.

«... От 3.15 до 5.15 я был занят с Алексеевым... Он показал мне, что почти все готово для нашего наступления...»

Ставка 9/3/1916.

«Если мы подождем еще неделю, то траншеи во многих местах нашего фронта будут залиты водой и войска придется отвести далеко назад. Если это произойдет, то войска не смогут продвигаться вперед и задержатся на месяц или полтора, пока дороги не высохнут.

Тогда немцы, определенно, атакуют нас огромной массой тяжелой артиллерии, так, как они сделали прошлым летом. По этой причине и было решено взять инициативу в наши руки...

⁴³⁰ "Письма Императрицы Александры Феодоровны к Императору Николаю II, том II, с. 23.

⁴³¹ Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs», том II, с. 186.

⁴³² The letters of the Tsar to the Tsaritsa, 1914-1917, сс. 144,150,154.

Да благословит Господь наши героические войска! Я умоляю тебя никому не говорить об этом...»

В 1916 году Григорий Распутин был в апогее своей силы. Укреплению авторитета Распутина способствовал митрополит Петроградский Питирим.⁴³³ Хитрый Распутин понял, что такая поддержка для него полезна и стал, в свою очередь, восхвалять перед Государыней митрополита.

Протопресвитер Георгий Шавельский пишет:

»... Царица еще крепче ухватилась за Питирима, надеясь, что он своим святительским авторитетом парализует все подозрения, обвинения, недоброжелательства, сплетшиеся около имени ее «надежного» Тобольского друга...»

Морис Палеолог говорит,⁴³⁴ что Императрица Александра Феодоровна совершенно подпала под влияние Распутина. Какое бы мнение или желание ни высказывал ей «старец», она сразу же оказывала ему полное повиновение, и у нее никогда не появлялось ни малейшего сомнения в правильности того, что «изрекал» Распутин.

В отношении Государя, Морис Палеолог предполагает, что Император имел свое свободное суждение и не позволял Распутину проявлять инициативу.

Посредницей между Государыней и Распутиным оставалась все та же А. Вырубова, которая почти каждый день ездила к «старцу». Об этом известно из писем Государыни Императору:⁴³⁵

Письмо N 159 от 15/11/1915.

»... Ане удается прохаживаться в течение получаса на костылях по нашему саду - как она крепка! Хотя жалуется, что она калека - почти каждый день трясется в моторе в город, взбирается на третий этаж, чтобы видеть нашего Друга (Распутина)...»

Чуть ли не в каждом письме супругу Императрица упоминает имя Распутина. По ее письмам видно, как ее «Друг» старается вмешиваться в политику, даже в военные действия, и хочет все знать и руководить всем:⁴³⁶

Письмо №136 от 7/10/1915.

»... Наш Друг был очень доволен твоим указом насчет Болгарии. Он нашел его хорошо изложенным...»

Письмо №138 от 9/10/1915.

»... Наш Друг всегда хотел, чтобы я тоже видела войска. Он говорит об этом уже с прошлого года и до сих пор, и уверяет, что это им принесет счастье...»

Письмо №139 от 10/10/1915.

»... Он (Распутин - Л.М.) находит необходимым оставаться здесь, чтобы наблюдать, как идут дела, но если она (Вырубова - Л.М.) уедет, то Он тоже, так как у Него нет никого другого, чтобы Ему помогать. Да, он благословляет тебя на устройство этих вагонов и поездов...»

⁴³³ О. Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», том I, с. 385.

⁴³⁴ Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs», том II, с. 93.

⁴³⁵ Письма Императрицы Александры Феодоровны к Императору Николаю II, том I, с. 314.

⁴³⁶ Письма Императрицы Александры Феодоровны к Императору Николаю II, том I, сс. 270,274,277,279,285,293,296,297,299,305,316.

Письмо № 141 от 28/10/1915.

«... Нет надобности теперь ездить на моторе с Фредериксом и Воейковым. Устрой, чтобы за стариком был всегда надзор: Наш Друг боится, что он может выкинуть какую-нибудь глупость перед войсками...»

Письмо №145 от 1/11/1915.

«... Наш Друг очень огорчен его назначением, так как он знает, что он (Трепов - Л.М.) очень против Него...»

Письмо №148 от 3/11/1915.

«... Гр(игорий) просил меня повидаться с ним завтра в маленьком доме, чтобы поговорить насчет старика, которого я еще не видела».

Письмо №150 от 6/11/1915.

«... Наш Друг, которого мы видели вчера вечером, когда он послал тебе телеграмму, боялся, что если у нас не будет большой армии, чтобы пройти через Румынию, мы можем попасть в западню с тыла...

Он (Распутин) находит, что ты должен был высказать Волжину, что ты желаешь назначить ему помощником Ж(евахова)...»

Письмо №151 от 6/11/1915.

«... Милый ангел, мне хочется много вопросов предложить тебе по поводу твоих планов, касающихся Р (Румынии), наш Друг так хотел бы знать об этом...»

Письмо №155 от 11/11/1915.

«... Завтра Гр(игорий) увидит старого Хвост(ова), а потом я его увидаю вечером. Он (Распутин) хочет рассказать мне о своем впечатлении, достоин ли тот быть преемником Горем(ыкина)...»

Письмо №160 от 15/11/1915.

«... Но наш Друг сказал прошлый раз, что если только у нас будет победа, Думу не надо созывать, если же нет, то надо, - и что ничего особенно дурного там не будет сказано - что старик (Горемыкин - Л.М.) должен на несколько дней заболеть, так, чтобы туда не являтьс.. Ну, после того, как я с ним увижусь, я тебе скажу, что Он (Распутин - Л.М.) теперь говорит...»

В письмах Государя своей супруге очень редко упоминается имя Распутина. По некоторым же письмам Императора можно догадаться, что он не доверяет Распутину:⁴³⁷

Ставка, 7/3/1916.

«... Вчера дорогой Пильц⁴³⁸ уехал в Петроград на место своего нового назначени.. Прощаясь со мной в моей комнате, он плакал и умолял быть настороже относительно истории с нашим Другом (Распутиным - Л.М.) - конечно, он говорил с самыми лучшими намерениями и для нашего личного благополучи..»

Ставка, 5/6/1916.

«Несколько дней тому назад Алексеев и я решили не атаковать на севере, но сконцентрировать все наши усилия немного южнее. Но я умоляю тебя не говорить об этому

⁴³⁷ The letters of the Tsar to the Tsaritsa, 1914-1917, cc. 153,200,256.

⁴³⁸ Пильц - губернатор г. Могилева, ярый противник Распутина.

никому, даже нашему Другу. Никто не должен знать об этом...»

Ставка, 9/9/1916.

»... Мнение нашего Друга относительно людей иногда очень странное - как ты сама знаешь, - поэтому, надо быть осторожным, особенно с назначением на высшие посты...»

Здесь следует сказать несколько слов о губернаторе города Могилева, Александре Ивановиче Пильце, о котором упоминает Государь в своем письме от 7-го марта 1916 года.

А.И. Пильц не стесняясь говорил голую правду не только членам государевой свиты, но и генералу Алексееву и самому Императору.

В первых числах февраля 1916 г. А. Пильц зашел к протопресвитеру Георгию Шавельскому, закрыл за собой дверь, чтобы его никто не слышал, и сказал:⁴³⁹

»...Вы знаете Распутина. Знаете, что он значит теперь. Вы должны понимать, чем грозит распутинская истори Сейчас я был у ген. Алексеева. Я требовал от него, требовал, грозя общественным судом, чтобы он решительно переговорил с Государем о Распутине, чтобы он открыл Государю глаза на этого мерзавца. Теперь я пришел к вам. Вы тоже должны говорить с Государем...»

Через несколько дней А. Пильц опять зашел к отцу Георгию Шавельскому и сообщил, что ему удалось убедить генерала Воейкова и генерала Алексеева - «взяться за петроградских дельцов, евреев «Митьку» Рубинштейна, Мануса и К-о, которые через Распутина устраивают разные разорительные для армии сделки и даже выведывают военные тайны...»⁴⁴⁰

Генерал Алексеев поручил расследовать это дело генералу Батюшину, который находился при штабе Северного фронта.

Отец Геогий Шавельский, желая узнать настроение солдат Северного фронта, сам поехал туда, где побывал на позициях трех корпусов.

Отец Георгий везде слышал среди военных разговоры о деле Рубинштейна и о причастии к этому Распутина.

Побывав на фронте, протопресвитер отправился в Петроград. Там также говорили о Рубинштейне, и, главным образом, о Распутине: о его оргиях, о темных коммерческих делах, и даже обвиняли его в выдаче военных секретов.

К отцу Георгию пришел хозяин ресторана «Медведь», расположенного на Конюшенной улице, Алексей Акимович Судаков. Он обратился к протопресвитеру с просьбой:

«Посоветуйте, что делать! Повалился ездить в мой ресторан этот негодяй - Распутин. Пьянствует без удержу. Пусть бы пил, - чорт с ним. А то, как напьется, начинает хвастать: «Вишь, рубаха... сама мама (т.е. Царица) вышивала. А хошь, - сейчас девок (Царских дочерей) к телефону позову» и т.д. Боюсь, как бы не вышло большого скандала: у меня некоторые лакеи, патриотически настроенные, уже нехорошо поговаривают. А вдруг кто из них разmozжит ему бутылкой голову, - легко это может стать.. Его-то головы мне не жаль,

⁴³⁹ О. Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», том II, сс. 7-16.

⁴⁴⁰ В результате расследования Рубинштейн был арестован, но его освободили в декабре 1916 г. (См. письма Имп. А.Ф. к Императору, том 2, с. 223, сноска).

Следователь Н. Соколов в своей книге «Убийство Царской Семьи», на с. 82 о банкире Д. Рубинштейне пишет:

«Он был другом Распутина, и последний с нежностью именовал его «другом Митей». В 1916 году против Рубинштейна было возбуждено уголовное преследование за измену его России в пользу Германии, выразившуюся в том, что он, а) как директор страхового общества «Якорь», в коем правительство страховало наши военные, заграничные заказы, сообщал немцам секретные сведения о движении наших военных транспортов, благодаря чему немцы топили их; б) как директор банков Русско-Французского и Юнкер-Банка, в широких размерах тормозил производство боевого снабжени..»

но ресторан мой закроют».

Вернувшись в Ставку в марте 1916 года, отец Георгий Шавельский решил поговорить с Императором.

Государь принял его в могилевском доме, в своем кабинете. Он предложил отцу Георгию сесть около письменного стола, а сам сел в кресло напротив.

Протопресвитер, ничего не преувеличивая и ничего не скрывая, доложил Государю о разговорах, которые он слышал в армии на фронте. Говорил, что военные возмущаются развратом Распутина и его попойками со всякими темными личностями; что в армии говорят о получаемых через Распутина огромных подрядах и поставках для русских войск; что с именем Распутина связывают выдачу врагу военных тайн; что ввиду близости Распутина к Царской Семье - поносится Царское имя и падает престиж Монарха.

Император слушал отца Георгия молча, и, повидимому, спокойно. Потом он сказал:

«А вы не боялись идти ко мне с таким разговором?»

Отец Георгий Шавельский ответил, что ему было тяжело докладывать неприятное Государю, но что он не боялся идти к нему.

Император поблагодарил отца Георгия за исполнение долга, не сказав больше ничего. На этом они расстались.

В начале марта, когда Император призжал в Царское Село, М.В. Родзянко испросил у него аудиенции.

Аудиенция была получена, и Родзянко рассказывает о ней следующее:⁴⁴¹

«... Я говорил обо всем с полной откровенностью, рассказал об интригах министров, которые через Распутина спихивают один другого, о том, что по-прежнему нет сильной системы, что повсюду злоупотребления, что с общественным мнением и с народом не считаются, что всякому терпению бывает предел. Я упомянул об авантюрах Д. Рубинштейна, Мануса и прочих тыловых героев, об их связи с Распутиным, об его кутежах и оргиях, и о том, что близость его к Царю и к Царской Семье и влияние его на все существенные вопросы государственной жизни в дни войны доводят до отчаяния честных людей. Участие Распутина в шпионаже, как агента Германии, не подлежит сомнению...

Я опять должен доложить Вашему Величеству, что так долго продолжаться не может. Никто не открывает Вам глаза на истинную роль этого гнусного старца. Присутствие его при дворе Вашего Величества подтачивает доверие к Верховной Власти и может пагубно отразиться на судьбах Династии и отвратить от Государя сердца его подданных».

Во время этого доклада Государь молчал, или же выражал свое удивление. Но, видимо, слова Родзянки произвели на него впечатление. Через три дня Император приказал выслать Распутина в Тобольск. Но это распоряжение Государя вскоре было отменено Императрицей.

Снятие министров и замена их другими продолжалась. Министр Путей Сообщения Рухлов был заменен А.Ф. Треповым. 2 апреля 1916 года генерал Поливанов был уволен от должности Военного министра, и на его место назначен генерал Шуваев, который не долго оставался министром и через несколько месяцев был смещен генералом М.А. Беляевым.

Морис Палеолог пишет,⁴⁴² что за время своего пребывания на посту Военного министра ген. Поливанов упорядочил систему работы Военного министерства и исправил, по возможности, ошибки своего предшественника, генерала Сухомлинова. Поливанов был прекрасным администратором и хорошим стратегом. Генерал Алексеев, который не любил слушаться советов других, считался с мнением Поливанова.

Но генерала Поливанова поддерживала Государственная Дума, и этого было достаточно, чтобы его невзлюбили.

⁴⁴¹ М.В. Родзянко «Крушение Империи», с. 121.

⁴⁴² Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs», том II, с. 227.

Императрица писала Государю:⁴⁴³

Письмо №221, Царское Село, 6/3/1916.

«... Штюрмер сидел со мной около часа... Поливанов приводит его в отчаяние, и ему хочется, чтобы ты его сменил, но он понимает, что ты этого не можешь сделать, пока не будет ему хорошего преемника...»

Письмо №227, Царское Село, 12/3/1916.

«... Маклаков был у Ани и настойчиво просит, чтобы я его приняла, и также умоляет, чтобы я тебя умолила поскорее избавиться от Поливанова...»

Наступление русских на Западном фронте сначала увенчалось успехом, но потом ослабело. Причиной этому была оттепель, непроходимость дорог, болото.

На Кавказе русские продолжали наступать и вскоре был взят Трапезунд. Об этом Государь сообщает супруге:⁴⁴⁴

Ставка, 5/4/1916.

«Слава Богу, наши доблестные войска совместно с нашим Черноморским флотом взяли Трапезунд!...»

Государь продолжал ездить на фронтовые позиции и посещал полевые лазареты. Это везде поднимало дух солдат и офицеров.

На святую Пасху Христову Государь впервые остался один. Он не мог в эти дни покинуть Ставку и свои войска, чтобы ехать домой и праздновать «праздников праздник» с семьей. Император писал супруге:

Ставка, 8/4/1916.

«... Трудно быть разлученными на Страстную неделю и на Пасху. Конечно, я не пропустил ни одной службы. Сегодня два раза Алексеев, Нилов, Иванов и я несли Плащаницу. Все наши казаки и толпы солдат стояли вокруг храма по пути следования Крестного хода...»

Ставка, 10/4/1916.

«... Сегодня погода прекрасная, нет ни одного облака; весело поют птицы и звонят колокола. В 10.30 я христосовался со всеми моими домочадцами, со свитой, со штабом и со священниками. Все прошло хорошо, но в первый раз в моей жизни я раздавал пасхальные яйца один!...»

Отцу Георгию Шавельскому Государь передал от Императрицы большое фарфоровое яйцо, с изображением Спасителя. Такие же пасхальные яйца получили: генерал Алексеев, генерал Иванов и адмирал Нилов. Остальным членам штаба и свиты были переданы маленькие яйца.

Вскоре после Пасхи Государь поручил отцу Георгию съездить в Москву, чтобы уладить возникшие между епархиальным и военным духовенством трения. Там отец Георгий посетил Великую княгиню Елизавету Феодоровну и долго с ней беседовал.⁴⁴⁵ Великая княгиня не скрывала своего беспокойства относительно Распутина и одобрила все, что протопресвитер говорил на эту тему с Императором.

В мае месяце отец Георгий поехал в Петроград и присутствовал на заседании Святейшего Синода. После заседания к нему подошел митрополит Петроградский Питирим и сказал, что по поручению Императрицы он желает с ним поговорить.

Митрополит начал с того, что Государыня обеспокоена тем, что в армии много

⁴⁴³ Письма Императрицы Александры Феодоровны к Императору Николаю II, том II, сс. 32,42.

⁴⁴⁴ The letters of the Tsar to the Tsaritsa, 1914-1917, сс. 167,171,173.

⁴⁴⁵ О. Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», том II, с. 20,21,24-26,29,30.

разговоров о Григории Распутине:

«Какое кому дело, что хороший человек стоит около Царской Семьи? А вот мешает же он кому-то! В армии говорят и то, и то...»

И митрополит передал отцу Георгию Шавельскому почти дословно то, о чем говорил протопресвитер Государю.

«Вот Императрица и просит вас повлиять на армию, чтобы в ней не было таких разговоров. Вас армия знает, вас она любит...»

Отец Георгий ответил, что этого сделать невозможно; что в армии сейчас 10 миллионов, и она расположена на двухтысячеверстном фронте и в беспредельном тылу, ибо тыл - это вся Россия Отец Георгий говорил:

«... Каким путем убеждать ее? Живым словом? Вы же понимаете, что это невозможно. Чтобы мне переговорить со всеми частями, потребовалось бы несколько лет. Обратиться к армии с воззванием? Тогда заговорят о Распутине и те, которые доселе молчали. Да и с каким словом, с какими наставлениями я обратился бы к армии? Я не умею врать. А если бы и стал врать, разве тут враньем можно помочь делу?... Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что вы совершенно не представляете, какой это страшный вопрос - вопрос о Распутине. Это самый страшный из всех вопросов нашего времени. Его необходимо разрешить, надо разрешить как можно скорее и разрешению его должна помочь Церковь...»

Близость Распутина к Царской Семье грозит страшными последствиями. Надо избавить эту Семью от опасной распутинской опеки. Надо их убедить, чтобы они освободились от Распутина. Если нельзя этого сделать, убедите Распутина уехать от них, чтобы, если они дороги для него, спасти их. Другого способа успокоить армию и народ и охранить падающий престиж Государя я не вижу».

Митрополит Питирим был удручен и только повторял: .

«Как тяжело, как тяжело!»

На этом они расстались.

Григорий Распутин попытался оказать свое бездействие и на самого протопресвитера Георгия Шавельского. Он послал к нему одного дьякона с прошением. Случилось это в один из приездов отца Георгия в Петроград. К нему явился неизвестный ему и невзрачный по виду дьякон и протянул помятый конверт с отпечатком грязных пальцев.

Отец Георгий вскрыл конверт. На почтовом листе большими каракулями было написано:

«Дарагой батюшка

Извиняюсь беспокойство. Спаси его миром устрой его трудом Роспутин»

На вопрос отца Георгия, что это? Дьякон пояснил:

«Григорий Ефимович просит вас предоставить мне место священника».

«А вы какого образования?» - спросил протопресвитер. «С Восторговских курсов» - ответил дьякон.

Отец Георгий ответил, что места священника он предоставить ему не может, что в военные священники он принимает только с семинарским образованием.

«Тогда дайте дьяконское место в столице». Отец Георгий:

«И сюда вы не подойдете».

Дьякон в волнении:

«Ну, в провинции».

Протопресвитер ответил, что в провинцию он устроить его может, но что он должен на следующий день послужить в Сергиевском соборе, где его службу прослушает один из протоиереев, а после службы он должен явиться к отцу Георгию для экзамена.

Дьякон ушел. Но ни на богослужение, ни на экзамен он не явился

В начале июня 1916 года русские начали готовиться к большому наступлению. Генерал А.А. Брусилов был назначен начальником этой операции.

Приблизительно в это время в Ставку вернулся Цесаревич Алексей. Государь был рад

иметь сына рядом с собой.

По поводу начала наступления, Государь писал Императрице:⁴⁴⁶
Ставка, 22/5/1916.

«... Сегодня вечером мы начали бомбардировку австрийских позиций немного севернее Ровно. Да благословит Господь наши войска, которые там рвутся в атаку...»

Блестящее наступление генерала Брусилова началось. Император попросил протопресвитера Шавельского распорядиться, чтобы привезли в Ставку чудотворную икону Божией Матери Владимирскую.⁴⁴⁷ Об этом Государь уведомил Императрицу в письме от 23-го ма

В следующих письмах он пишет:

Ставка, 24/5/1916.

«... Слава Богу, новости продолжают быть хорошими! - наши войска захватили пленными 30 тысяч и много орудий и пулеметов...»

Ставка, 27/5/1916.

«... В Ставке подсчитали, что общее число немецких и австрийских пленнх, захваченных нами, достигло 70 тысяч солдат и тысячи офицеров! И слово «победа» теперь прозвучало в первый раз в официальных сообщениях...

Икона прибывает из Москвы завтра. Ей будет устроена торжественная встреча...»

Ставка, 29/5/1916.

«... У меня опять нет совсем времени писать... Вчера солдаты несли икону вдоль улиц; это мне напомнило Бородино. Завтра ее отвезут на фронт, к войскам, которые скоро начнут атаковать немецкие позиции...

Слава Богу, новости очень хорошие! - наши войска атакуют и прижимают врага. Число пленнх превысило 100 тысяч, и взят один генерал...»

Ставка, 30/5/1916.

«... Сегодня утром шел ливень, и под этим дождем совершался очень длинный молебен перед нашим домом в присутствии войск и огромной толпы народа. Потом все приложились к иконе. Сегодня ее отвезут на фронт...

Мы уже взяли свыше 1600 офицеров и 106 тысяч солдат. Наши потери не велики...»

Ставка, 7/6/1916.

«... Вчера вернулась с фронта икона Владимирской Божией Матери. Старый священник, который привез ее из Москвы, доволен войсками, которых он видел, и их духом...»

Ставка 9/6/1916.

«... Все имеющиеся в распоряжении войска посланы Брусилову, чтобы дать ему как можно больше подкреплени Этот ужасный вопрос со снарядами для тяжелой артиллерии начинает давать себя чувствовать...»

Ставка. 11/6/1916.

«... Самый тяжелый и самый срочный сейчас вопрос - это топливо и металлы - железо и медь для военного снаряжени..

⁴⁴⁶ The Letters of the Tsar to the Tsaritsa, 1914-1917, cc. 186,189,191-194,203,204,206,229.

⁴⁴⁷ Эта великая святыня, после прибытия в Ставку, оставалась в Могилева, в штабной церкви, до апреля 1917 г.

Как только будет перерыв в заседании Думы, я вызову сюда всех министров, чтобы обсудить все эти вопросы и вынести решение...»

Ставка, 14/7/1916.

»... У нас большой успех на Кавказском фронте. Завтра начинается наше второе наступление вдоль всего фронта Брусилова. Гвардейцы идут вперед к Ковелю! Да поможет Господь нашим храбрым войскам! Я нервничаю перед решающим моментом, но когда это наступает, глубокое спокойствие находит на меня и страшное нетерпение - узнать новости как можно скорее...»

Из писем Государыни супругу видно, как Распутин старается вмешиваться в военные дела:⁴⁴⁸

Письмо №322 от 25/7/1916.

»... и только вечером буду у Ани, чтобы повидать нашего Друга. Он находит, что было бы лучше не наступать слишком настойчиво, так как потери будут чрезмерно велики, - можно быть терпеливым и ничего не форсировать, так как в конце концов мы все получим...»

Письмо №327, Царское Село, 8/8/1916.

»... Наш Друг надеется, что мы не станем переходить Карпаты, и не попытаемся овладеть ими, так как Он повторяет, что потери опять будут слишком велики...»

Письмо №341, Царское Село, 6/9/1916.

»... Наш Друг предпочел бы, чтобы мы взяли в свои руки румынские войска, тогда мы будем в них увереннее...»

С.С. Ольденбург пишет,⁴⁴⁹ что блестящее наступление брусиловских войск на Волыни и в Галиции спасло Италию и отразилось на Вердене - атаки немцев на Верден прекратились.

Победа русских сильно подняла дух во всех союзных странах. Но в августе 1916 г. наступательный порыв русских армий уже иссяк. Немцы успели сосредоточить на Восточном фронте большие силы, и русские атаки, которые стоили огромных жертв, уже не давали хороших результатов.

В середине июля должен был уйти с поста министра Земледелия А.Н. Наумов. Это был один из немногих министров, который «посмел» выгнать Распутина.

В книге Вл. Маевского приводится отрывок из воспоминаний А.Н. Наумова («Из уцелевших воспоминаний», том II сс. 431-434). Там рассказывается, как Распутин пожелал нанести визит Наумову, но тот ему отказал. Несмотря на это, «старец» все же явился на другой день.

Когда министр Земледелия вышел в приемную, он увидел там Распутина:⁴⁵⁰

»... При моем приближении к Распутину, последний все же встал и пристально уставился на меня своими воспаленными, слегка растарашенными и, надо сказать правду, отвратительными глазами. Его истасканная физиономия, обрамленная темной, висевшей мочалой, бородой, имела совершенно отталкивающее выражение. Особенно омерзительны были выглядывавшие из темных впадин глаза, которыми Распутин в упор смотрел на меня, то расширяя, то суживая свои нечистые «зенки». Мне вспомнились рассказы про будто бы присущую ему необыкновенную силу внушения Я решил испытать эти чары на себе и,

⁴⁴⁸ Письма Императрицы Александры Феодоровны к Императору Николаю II, том II, сс. 150,156,170.

⁴⁴⁹ С.С. Ольденбург «Царствование Императора Николая II, сс. 582,587.

⁴⁵⁰ Вл. Маевский «На грани двух эпох», сс. 163.164.

подойдя вплоть к Распутину, с вызовом принял глазами направленный на меня не просто пристальный, но напряженный его взгляд. Но ничего, кроме отвращения, я в себе не ощутил.

«Что нужно?» - спросил я его.

Трясущимися руками Распутин достал из-за пазухи своей поддевки лоскуток бумаги, который я поручил своему секретарю взять и прочесть. На бумажке была изложена просьба зачислить какого-то студента в гидротехническую организацию. Приказав заявление это передать на рассмотрение Мосальского, я вновь обратился к Распутину с вопросом, имеется ли у него еще какая-либо просьба? Ответ получился отрицательный. Тогда я показал ему рукой на выходную дверь и, уже не имея сил больше себя сдерживать, крикнул:

«Идите вон!»

Распутин, весь съежившись, и бросив на Наумова злобный взгляд, быстро скрылся из зала на площадку лестницы, где его поджидала дама под вуалью, как потом выяснилось, принадлежавшая к одной из самых высоких титулованных фамилий.

Распутин, со своей спутницей, накинув на себя соболью шубу, поднял кверху кулак и с неистовой злобой потряс им в воздухе. Оба сели в шикарный автомобиль и направились в Царское Село с жалобой.

После этого, отношение к министру Земледелия А.Н. Наумову со стороны Императрицы резко изменилось к худшему.

Наумов должен был покинуть свой пост министра. Его место занял граф А.А. Бобринский.

«Министерская чехарда» продолжалась. В июле 1916 года произошло увольнение опытного министра Иностранных дел С. Сазонова, который пробыл на этом посту шесть лет. Предлогом к увольнению послужил польский вопрос.

Посол Франции М. Палеолог пишет,⁴⁵¹ что Император хотел дать автономию Польше и удовлетворить большинство из польских желаний, но с тем, чтобы Польша оставалась под скипетром русского Царя. Такого же мнения придерживался и Сазонов, но против этого выступал Штюмер.

В первой половине июля Палеолог встретил Сазонова, который ему сообщил следующее.

«... Император вполне согласился со мной, хотя мы и имели довольно горячую дискуссию! Но сейчас все это закончено! Я выиграл по всем пунктам. Вам надо было посмотреть на шторм со стороны Штюмера и Хвостова! Но что еще лучше! Его Величество дал приказание, чтобы проект манифеста, объявляющего автономию Польши, был представлен ему без промедления: он уполномочил меня приготовить этот проект!...» (Пер. с англ.)

Палеолог говорит, что Император и С. Сазонов были одного мнения относительно политики в иностранных делах. Это касалось и польского вопроса.

Сазонов был умеренных либеральных взглядов, но не вмешивался в политику внутренних дел России и оставался в хороших отношениях с генералом Алексеевым. Поэтому Палеолог считает, что увольнение Сазонова можно объяснить происками «камарильи», во главе которой стоял Штюмер, желавший овладеть портфелем министра Иностранных дел. Распутин, один из главных участников этой группы, уже в течение нескольких недель повторял:

«Довольно с меня Сазонова, довольно!» (пер. с англ.)

На место уволенного Сазонова был назначен Штюмер, с оставлением звания Премьера.

Об этом назначении о. Георгий Шавельский высказывает следующее:⁴⁵²

⁴⁵¹ Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs», том II, сс. 199,297,305.

⁴⁵² О. Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», том II, с.

«... Мы вступили в такую полосу государственной жизни, когда при выборе министров близость к Распутину ставилась выше таланта, образования, знаний, опыта и всяких заслуг. Штюмер был другом Распутина... И этим компенсировал все... Теперь Штюмер был всемогущим...»

С.Д. Сазонов, по поводу назначения Штюмера министром Иностранных дел, говорит:⁴⁵³

«... я не буду обсуждать его работу как министра Иностранных дел; эта его деятельность дала пищу для бесконечных анекдотов...» (пер. с англ.)

А.А. Хвостов, министр Юстиции, стал министром Внутренних дел, а Макаров, заняв место Хвостова - стал во главе министерства Юстиции.

В начале сентября, без ведома Штюмера, по приказу нового министра Внутренних дел А.А. Хвостова, был арестован секретарь Штюмера Манасевич-Мануйлов, по обвинению в банковских махинациях.⁴⁵⁴

В это время, когда министры сменялись один за другим, Императрица по всем вопросам обращалась к «Другу» - Распутину. Когда она ездила в Ставку, «старец» нередко посылал ей туда телеграммы, а также и Анне Вырубовой.

О положении в стране в это время и о подпольной работе немцев пишет Пьер Жильяр.⁴⁵⁵

«... Присутствие Распутина при дворе послужило причиной, как я это предвидел, беспрестанно увеличивающегося ущерба престижу Царственных особ и дало место самым дурным комментариям. Атаки были направлены не против частной жизни Императрицы, но ее обвиняли открыто в германофильстве, и можно было слышать, что симпатии Императрицы к Германии могли стать опасными для России. Слова измены - не было еще на устах, но молчаливые подозрени.. Как я знал, это было результатом пропаганды немцев и их интриг. ... берлинское правительство пришло к заключению осенью 1915 года, что оно никогда не достигнет своих целей в России, пока последняя останется объединенной вокруг своего Царя, и что с этого времени оно имело только одну мысль: вызвать революцию, которая повлекла бы за собой падение Николая II.

... Императрица была в курсе этой интриги (немцев), которая велась против нее, и сильно страдала от глубокой несправедливости, потому что она приняла свое новое отечество равно, как и свою новую религию, с полным увлечением своего сердца: она была русская по чувству и православная по убеждениям...»

Пьер Жильяр пишет, что страна страдала от войны. Усталость и лишения порождали общее недовольство. Ощущался недостаток в подвижном составе, в горячем материале, цена на который возросла неимоверно. Вопрос со съестными припасами также давал себя знать. Жизнь дорожала с каждым днем.

Штюмер, как пишет Жильяр, делал ошибку за ошибкой. Имя Штюмера и его поступки - внушали к нему ненависть. Говорили, что он держится у власти только благодаря Распутину.

Далее Жильяр продолжает:

«Политическое положение становилось все более и более тяжелым, и чувствовалась близость грозы. Недовольство стало настолько общим, что, несмотря на цензуру, стало

⁴⁵³ Serge Sazonov «Fateful Years», 1909-1916, сс. 306,307.

⁴⁵⁴ Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs, том III, сс 17,34.

⁴⁵⁵ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», сс. 150-157.

появляться в печати. Смуты постоянно увеличивались. Был только один вопрос, по которому все приходили к соглашению, - это необходимость положить конец всемогуществу Распутина. Все видели в нем злополучного советника при дворе и считали его ответственным за те бедствия, от которых страдала страна...

Для многих он был исчадием Сатаны, Антихриста, ужасное появление которого было признаком худших бедствий...»

Распутин же пил и кутил без удержу.⁴⁵⁶ Когда близкие «старца» упрасивали его со слезами прекратить это пьянство, он только безнадежно махал рукой и снова пил. Больше чем когда-либо, теперь его окружали всякого сорта женщины. Раньше какое-то сдерживающее влияние на Распутина имел Манасевич-Мануйлов, но с его арестом это прекратилось.

Императрица, ослепленная чарами Распутина, ничего не сознавала и не хотела знать. Она находилась полностью в его власти. Об этом говорят ее письма, которые ко второй половине 1916 года, становятся все более беспорядочными и нервными. Видно, что она мечется, перескакивает от одной мысли к другой и ищет путей, как бы помочь Государю, Наследнику и России. Она видит в Распутине святого, посланца от Бога.⁴⁵⁷

Письмо №334, Царское Село, 14/8/1916.

»... наш Друг всегда советует Штюмеру со мной говорить, так как тебя здесь нет для этих разговоров...»

Письмо №340, Царское Село, 4/9/1916.

»... пожалуйста, умоляю тебя, - не спешить с польским вопросом, - не давай другим толкать себя на то, чтобы это сделать прежде, чем мы перейдем границу, - я вполне доверяю мудрости нашего Друга, который владеет Божьим даром - давать советы полезные для тебя и для нашей страны. Он умеет всматриваться в далекое будущее, и потому можно положиться на его суждение...»

Письмо №343, Царское Село, 7/9/1916.

»... Бог пусть даст мне силы быть твоей помощницей и найти настоящие слова, чтобы все правильно тебе передать и убедить тебя сделать так, как того желает Наш Друг и Господь Бог...»

Генерал Спиридович пишет,⁴⁵⁸ что Императрица искренне верила, что она помогает Государю. Она во всех письмах дает один совет за другим. Она думает, что только Распутин, Вырубова, Саблин и некоторые другие - преданы и верны Императору, а все остальные - на подозрении. Государыня в это верила и старалась в этом убедить и Государя, но Император часто поступал против советов своей супруги. Генерал Спиридович говорит, что утверждать, что Император делал только то, что хотела Императрица - является неправильным, и думать, что Государь был бесхарактерным - это большая ошибка тех, кто не знал фактов и не знал принципов Императора.

Великая княгиня Ольга Александровна, сестра Государя, во время интервью, говорила Яну Ворресу,⁴⁵⁹ что знала Ники (Императора) очень хорошо, и уверена, что Распутин не имел на него влияния. Это сам Государь запретил Распутину посещать дворец и не раз высылал его обратно в Сибирь.

⁴⁵⁶ Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга II, с. 123.

⁴⁵⁷ Письма Императрицы Александры Феодоровны к Императору Николаю II, том II, сс. 163,168,174.

⁴⁵⁸ Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга II, с.58.

⁴⁵⁹ Ian Vorres «The Last Grand-Duchess», сс. 144,145.

Великая княгиня сказала:

»... И некоторые письма Ники к Аликс (Императрице) вполне доказывают, как он в действительности думал о советах Распутина.

Когда Ники находился в Могилеве, и Аликс была одна в Царском Селе, то все шло от плохого к худшему. Я признаю, что ее письма действительно, показывают, что она обращала все больше и больше внимания на советы Рапутина. Но, не забывайте, что она видела в нем спасителя своего сына. Измученная почти до предела, она не могла нигде найти поддержку, и вообразила, что Распутин является спасителем страны. Но Ники никогда не разделял этих взглядов Аликс. И, несмотря на всю свою преданность ей, он увольнял и назначал людей против ее желани...» (пер. с англ.)

Вскоре обер-прокурор А.Н. Волжин был смнен Н.П. Раевым.

Протопресвитер Георгий Шавельский по этому поводу говорит,⁴⁶⁰ что Волжин стал в оппозицию митрополиту Питириму. Он шел прямым путем. Митрополит, в свою очередь, в беседах с Государыней, не стесняясь аттестовал Волжина и его действия с выгодной для себя стороны и восстанавливал против него Распутина и Вырубову. Последние старались привлечь на свою сторону обер-прокурора, но честный Волжин даже отказался сделать визит Вырубовой, хотя ему и говорили, что Вырубова ждет его визита.

Волжина уволили в сентябре месяце и на его место назначили Раева, избранника митрополита Питирима, директора женских курсов.

Государыня писала супругу:⁴⁶¹

Письмо №341, Царское Село, 6/9/1916.

»... Он (Распутин) больше часа говорил с Раевым, - он говорит, что это воистину посланец Божий, и так хорошо говорит о всех церковных вопросах, в таком духовном смысле. Он огорчен, что масса народа пишет гадкие письма против Него Алексееву⁴⁶²...»

В книге о. Георгия Шавельского написано,⁴⁶³ что почти одновременно с назначением Раева обер-прокурором Святейшего Синода, на должность Товарища обер-прокурора был назначен князь Н.Д. Жевахов, который приходился родственником по боковой линии Св. Иоасафу Белгородскому.

Отец Георгий пишет:

»... Все прочие его права и достоинства подлежали большому сомнению: князек он был захудалый; университетский диплом не совсем гармонировал с его общим развитием; деловитостью он совсем не отличался. Внешний вид князя: несимпатичное лицо, сиплый голос, голова редькой - тоже были не в его пользу. Однако, кн. Жевахов совсем иначе мыслил о своей особе и, ... при падении Волжина метил попасть из третьестепенных чиновников канцелярии Государственного Совета в обер-прокуроры Св. Синода. А «для верности» родственник Святителя Иоасафа завязал дружеские отношения с Распутиным и добился внимания Императрицы...»

Приблизительно, в октябре 1915 года отец Георгий получил телеграмму от кн. Жевахова из Харьковской губернии, где говорилось, что такого-то числа, по повелению Императрицы, он привезет в Ставку Песчанскую чудотворную икону Божией Матери.

Поводом к прибытию чудотворной иконы в Ставку, как передается в листовке,

⁴⁶⁰ О. Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», том I, сс. 386,387,391.

⁴⁶¹ Письма Императрицы Александры Феодоровны к Императору Николаю II, том II, с. 169.

⁴⁶² Генерал Алексеев ненавидел Распутина.

⁴⁶³ О. Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», том II, сс. 70-80.

изданной в 1927 г. на основании «Воспоминаний» Жевахова (Мюнхен 1923 г.) послужило следующее:

«В 1915 г., во время войны, Св. Иоасаф, в явлении одному верующему военному врачу по поводу ранее показанных им ужасов, ожидающих Россию, сказал: «Поздно! теперь только одна Матерь Божия может спасти Россию. Владимирский образ Царицы Небесной, которым благословила меня на иночество мать моя, и который ныне пребывает над моею ракою в Белгороде, также и Песчанский образ, что в селе Песках, подле г. Изюма, обретенный мною в бытность мою епископом Белгородским, нужно немедленно доставить на фронт, и пока они там будут находиться, до тех пор милость Божия не оставит Россию. Матери Божией угодно пройти по линиям фронта и покрыть его Своим омофором от нападений вражеских. В иконах сих источник благодати. И тогда смилуется Господь по молитвам Матери Своей».

Об этом сновидении было доложено Жеваховым Императрице, и она приказала святую икону привезти в Ставку. Но по каким-то причинам Государыня не известила об этом Императора.

Отец Георгий Шавельский, получив телеграмму от кн. Жевахова, доложил Государю, что по повелению Ее Величества прибывает в Ставку икона.

Император был удивлен и сказал:

«Странно! Ее Величество ни словом не предупредила меня об этом».

Государь поручил отцу Георгию встретить святыню и поставить ее в штабной церкви. Никаких военных нарядов при встрече иконы Император не велел устраивать.

Отец Георгий поехал на вокзал, где и встретил Песчанскую икону Божией Матери. Приложившись к ней, о. Георгий направился к штабной церкви, где на паперти уже ждало в облачениях духовенство и певчие хора. Святыня была встречена колокольным звоном. Здесь был отслужен молебен и святую икону поставили около правого клироса.

Вместе с Песчанской иконой Божией Матери привезли и в новом футляре-складне Владимирскую икону Пресвятой Богородицы - благословение Святителея Иоасафа. Ее поставили на левом клиросе.

Через некоторое время обе святыни возвращались обратно в Россию.

Когда кн. Жевахов пришел в храм, чтобы взять Владимирскую икону, то произошло следующее (как рассказывает отец Георгий Шавельский):

«... он (Жевахов) быстро прошел на левый клирос к нужной ему иконе. Я следовал вместе с ним и, подойдя к образу, убрал лампаду. После этого Жевахов ударил по левой и правой створке, как бы невидимого врага в правую и левую щеку, закрыл таким образом футляр, схватил его подмышку и, злобно бормоча что-то, пошел к выходу. Сопровождая его, я вышел на паперть храма, где стоял ожидавший Жевахова открытый автомобиль. Тут стояли церковник Семейкин и несколько человек солдат-уборщиков, которые были свидетелями вместе со мной возмутительнейшего обращения Жевахова с этой иконой.

Подойдя к автомобилю, он бросил ее на сиденье, а затем вошел в него, запахнулся в свою Николаевскую шинель, и уселся на икону. Когда Семейкин подбежал к нему и крикнул: «На икону сели, ваше Сиятельство», то «Сиятельство», не обращая внимания на это предупреждение, крикнуло шоферу: «На вокзал», и так уехало...»

Отец Георгий Шавельский в сноске своей книги (с. 75, 76) с возмущением отрицает, что кн. Жевахов в «Воспоминаниях» взваливает всю вину за недопущение святой иконы на фронт - на него:

«Жевахов желал, чтобы икона была отправлена на фронт и пронесена по боевой линии. И Государь, и начальник штаба, ген. М.В. Алексеев, в виду положения фронта, признали это невозможным. В своих «Воспоминаниях» Жевахов вину за неторжественную встречу и за недопущение иконы на фронт взвалил на мен Я будто бы осмелился даже произнести кощунственные слова: «Да разве мыслимо носить эту икону по фронту! В ней пуда два весу... А откуда же людей взять? Мы перегружены здесь работой, с ног валимс Это Петербург ничего не делает, ему и снятся сны, а нам некогда толковать их, некогда

заниматься пустяками»... А в изданной в 1927 г. листовке с изображением Песчанской иконы Божией Матери я назван церковным злодеем, которого достанет в свое время рука Божия, ибо «Мне отмщение и Аз воздам».

На эти очевиднейшие глупости и гнусности я считал лишним отвечать».

Еще в книге протопресвитера Шавельского рассказано об иконе, написанной Васнецовым накануне грядущих страшных событий в России.

Группа инженеров путей сообщения, в память своей службы на фронте Великой войны, решила соорудить икону, но не знала - какую. Инженеры обратились за советом к отцу Георгию Шавельскому.⁴⁶⁴ Он предложил заказать икону Спасителя, но не древнего стиля, а современную, написанную знаменитым художником-иконописцем Васнецовым, и предложил узнать мнение Государя по этому вопросу. Инженеры согласились. Тогда отец Георгий доложил об этом Императору и получил от него одобрение.

Васнецов принял заказ. Это было в августе 1916 года. Но проходили месяцы, а об иконе ничего не было слышно. Тогда один из инженеров наведлся к Васнецову в ноябре месяце. Художник ответил, что ему не удастся написать лик Спасителя

Отец Георгий Шавельский пишет:

«Наконец, в феврале 1917 года, за несколько дней до революции, прибыла в Ставку икона.

Как все, вышедшее из под кисти Васнецова, заказ был исполнен чудесно. Но лик Спасителя отражал какую-то невообразимую скорбь. Жутко становилось, когда всмотришься в него.

«Не могу иначе икону написать», - пояснил В.М. Васнецов, передавая икону заказчиком. И это не было случайностью. У В.М. Васнецова, все, начиная с его внешнего облика, кончая его творениями, было особенное, что приближало его к пророкам».

Отец Георгий сообщает, что летом 1918 года эта икона была перевезена в церковь протопресвитера военного и морского духовенства (С. Петербург, угол Воскресенского проспекта и Фурштадтской ул.) О дальнейшей судьбе этой иконы отец Георгий ничего не знает.⁴⁶⁵

Когда, уже в 1918 году, отец Георгий Шавельский побывал в мастерской Васнецова, то увидел на стене огромное, еще незаконченное полотно. Там был изображен бой русского богатыря с многоголовым Змеем Горынычем. Несколько голов было отрублено, а остальные - с оскаленными зубами устремились на обессилевшего богатыря. Картина производила жуткое впечатление.

Васнецов сказал:

«Три года тому назад начал я писать эту картину и никак не могу закончить. Не думал я, что окажусь пророком... Эта гидра - теперешняя революция, а богатырь - наша несчастная Россия. Дай Бог, чтобы она одолела змея! Не знаю, кончу ли я эту картину...».

ГЛАВА 21

Кампания распутинцев по выдвижению А.Д. Протопопова на пост министра Внутренних дел. Работа революционеров: Керенский, Гучков и др. С.С. Ольденбург - о работе иностранных агентов в пользу революции в России. Государь в Киеве у своей матери. Великая княгиня Ольга Александровна о встрече с братом-Государем. Государь помиловал дезертира. Приезд Великого князя Николая Михайловича в Могилев и беседа с Императором. Речь П.Н. Милюкова в Государственной Думе. Письма Государыни

⁴⁶⁴ О. Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», том II, сс. 114-116.

⁴⁶⁵ Возможно, что эта икона была уничтожена варварами-коммунистами - Л.М.

Императору. Прибытие в Ставку Великого князя Николая Николаевича. Император увольняет Штюмера и назначает на пост председателя Совета Министров А.Ф. Трепова. Генерал Спиридович - о Трепове. Император склонен уволить Протопопова. Письмо Государыни. Попытка А.Ф. Трепова подкупить Распутина, окончившаяся неудачей. Болезнь генерала Алексеева. Речь Пуришкевича в Государственной Думе. Разговор П.М. Кауфмана с Государем. Увольнение Кауфмана. Последняя попытка Великой княгини Елизаветы Феодоровны - открыть глаза Государя на Распутина. Великая княгиня не была допущена к Императору. Ее разговор с сестрой-Императрицей. Колдовство Распутина перед поездкой Великой княгини в Царское Село. Поездка Государыни с дочерьми в Новгород. Письмо Императрицы супругу с описанием этой поездки. Приезд Государыни в Ставку с А. Вырубовой. Разговор протопресвитера Георгия Шавельского с Вырубовой. Собрания различных союзов в Москве и резкие выпады против правительства. Письма Государыни супругу. Икона - подарок Императрицы Распутину.

Во второй половине 1916 года начинается кампания распутинцев по выдвижению Протопопова. Из писем Государыни Императору известно следующее:⁴⁶⁶

Письмо №343, Царское Село, 7/9/1916.

«Хотя я очень устала, но я должна начать письмо сегодня же вечером, чтобы не забыть то, что сказал мне наш Друг...

Гр(игорий) убедительно просит тебя назначить на эту должность Протопопова...

Я думаю, что лучше всего было бы назначить его (Протопопова), ... Он в дружбе с нашим Другом уже по крайней мере четыре года, и это очень много говорит за него... Я его не знаю, но я верю в мудрость и советы нашего Друга...»

В книге С.С. Ольденбурга написано,⁴⁶⁷ что Протопопов побывал в Ставке и понравился Императору. Сам же Протопопов был «обворужен» Государем.

А.Д. Протопопов стал министром Внутренних дел.

Государыня писала Императору:

Письмо №349, Царское Село, 14/9/1916.

«Да благословит Господь твой новый выбор - Протопопова, - наш Друг говорит, что ты очень мудро поступил, назначив его...»

В книге Вл. Маевского написано,⁴⁶⁸ что Протопопов, еще в бытность свою членом Государственной Думы и Товарищем ее председателя, встретился с Распутиным у «доктора» тибетской медицины Бадмаева.

Интересовавшийся оккультизмом Протопопов сразу понравился Распутину, и там был составлен план о проведении Протопопова в министры. «Старец» рекомендовал его Императрице, а Штюмер поддержал его кандидатуру.

О роли Бадмаева в выдвижении Протопопова на пост министра, ген. Спиридович говорит,⁴⁶⁹ что Бадмаев принял все меры, чтобы использовать Распутина для назначения Протопопова министром. Анне Вырубовой же внушали, что Протопопов сможет обеспечить личную безопасность Распутину и оградит его от нападок Государственной Думы.

Все это услужливая Вырубова передавала Государыне, и Царица уверилась, что Протопопов - подходящая кандидатура на пост министра Внутренних дел.

Морис Палеолог пишет о Протопопове, что последний занимался спиритуализмом, а

⁴⁶⁶ Письма Императрицы Александры Феодоровны к Императору Николаю II, том II, сс. 172,173,179.

⁴⁶⁷ С.С. Ольденбург «Царствование Императора Николая II», с. 589.

⁴⁶⁸ Вл. Маевский «На грани двух эпох», сс. 142,143.

⁴⁶⁹ Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914 -1917», книга II, сс. 125,126.

также, что он имел раньше инфекционное заболевание, которое отразилось на нервной системе, и что у него появились первые симптомы прогрессивного паралича.⁴⁷⁰

Далее Палеолог говорит, что Протопопов заявляет, будто он бесстрашный, не боится революционеров и может уничтожить их. Он чувствует себя человеком, который спасет Монархию и Святую Русь.

О признаках ненормальности Протопопова узнаем и из книги протопресвитера Георгия Шавельского.⁴⁷¹

Отец Георгий приехал в Петроград и встретил там начальника штаба Корпуса Жандармов, генерала Никольского.

Генерал сказал протопресвитеру, что считает А.Д. Протопопова психически больным человеком, а Штюрмера - послушным клеветником Распутина, и что по приказанию Штюрмера «Гришку» теперь охраняют чуть ли не тщательней, чем самого Императора.

Еще генерал сказал об общем положении в России:

«Вы не можете представить, какой хаос в правительстве. Кажется, все делается, чтобы государственная машина остановилась, и если еще вертится колесо ее, то только потому, что раньше она была хорошо заведена. Мы живем на вулкане. Месяц тому назад можно было поправить дело. А сейчас... боюсь, что уже поздно. Может быть, уже никакие меры не помогут спасти нас от катастрофы».

Генерал Спиридович пишет,⁴⁷² что большой успех русской армии на Юго-Западном фронте дал надежду на скорый и победоносный конец войны. Но этот же успех толкал революционеров на совершение переворота в России.

А.Ф. Керенский говорил, что надо спешить с революцией, в противном же случае, - с победой - самодержавие окрепнет и не пойдет на уступки; говорил, что революция может удался только во время войны, но не после.

В борьбе с правительством видную роль играл Гучков. Он взял себе работу по пропаганде среди высшего состава армии, в частности распространял свое письмо, которое написал генералу Алексееву, где нападал на отдельных членов правительства.

В октябре месяце в Петрограде состоялось собрание, где приняли участие: Милюков, Федоров, Гучков, Терещенко, Шидловский и др. Там было решено, что Император Николай II не должен более царствовать, что необходимо добиться его отречения, но что отречение должно быть «добровольным». Царский престол заговорщики хотели передать Наследнику Алексею Николаевичу при регенстве Великого князя Михаила Александровича.

Гучков, как пишет ген. Спиридович, не верил в добровольное отречение Государя Он уехал до конца собрания, и решил со своими сообщниками держать свою линию.

Во время показаний перед Верховной Следственной комиссией Временного правительства, в августе 1917 года, А.И. Гучков говорил:⁴⁷³

«К вопросу об отречении Государя я стал ближе не только в дни переворота, но задолго до этого, когда я и некоторые мои друзья, в предшествовавшие перевороту месяцы, искали выхода из положения, мы полагали, что в каких-нибудь нормальных условиях, в смене состава правительства, в обновлении его общественными деятелями, обладающими доверием страны, в этих условиях выхода найти нельзя; что надо идти решительно и круто,

⁴⁷⁰ Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs», том III, сс. 46,51,52.

⁴⁷¹ О. Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», том II, с. 204.

⁴⁷² Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга II, сс. 164-166.

⁴⁷³ С.С. Ольденбург «Царствование Императора Николая II», сс. 599,601.

идти в сторону смены носителя Верховной власти...»

Далее С.С. Ольденбург продолжает:

«Действовали в России, конечно, и другие силы: несомненно, что германские агенты, в меру возможности, работали против существующей власти и всячески стремились вызвать смуту. В правых кругах ходили слухи, что в пользу революции работают и английские агенты: говорили также об американских евреях («Яков Шифф»), о международном масонстве. Весьма вероятно, что еврейские круги, как и в 1905 г., поскольку могли, содействовали революционному движению против Царской власти. Известно также, что некоторые видные деятели блока были масонами. С другой стороны, весьма мало правдоподобно, чтобы Англия, особенно в такой момент, когда исход войны еще не определился, отважилась бы пойти на страшный риск - крушение союзной великой державы».

О деятельности революционеров в Петрограде и в Москве был составлен доклад жандармским офицером Мартыновым. Этот доклад был передан генералу Курлову, который исполнял обязанности Товарища министра Внутренних дел. Генерал Курлов не придавал этому докладу серьезного значения и отнесся к нему даже иронически. Протопопов также не обратил на это должного внимания⁴⁷⁴

Один из видных общественных деятелей поехал в Могилев и предупредил о задуманном перевороте Дворцового коменданта Воейкова. Воейков был встревожен всем услышанным и в тот же вечер пошел к Государю с докладом.

Куря папиросу, Император спокойно слушал генерала, а затем перевел разговор на хозяйственные вопросы.

Генерал Спиридович пишет, что так был пропущен едва ли не самый важный момент по предупреждению задуманного государственного переворота, и он поясняет, что Государь был большим фаталистом, но еще более и патриотом. Он, по своей глубочайшей моральной честности, не мог поверить, чтобы русские политические деятели пошли на заговор, задумали государственный переворот во время войны. Такое преступление даже не укладывалось в уме чистого и честного Монарха.

Уже потом, после революции, ген. Спиридович задал Воейкову вопрос - предупреждал ли его тогда о задуманном перевороте Протопопов. Ответ был, что никакого официального доклада о заговоре он не получал.

Так вел себя легкомысленный, опьяненный властью и уже не совсем психически здоровый министр Внутренних дел Протопопов.

В начале ноября Государь с Наследником выехал в Киев, чтобы навестить Царицу-мать. В Киеве тогда находились: Великие княгини Ольга Александровна, сестра Императора, и Мария Павловна (старшая), Великий князь Александр Михайлович и другие. Все эти члены Царской фамилии относились очень отрицательно к Распутину и знали, что творится в тылу.

Генерал Спиридович говорит,⁴⁷⁵ что тогда думали, что может быть в Киеве, близкие к Государю лица, пользуясь отсутствием молодой Царицы, расскажут Императору многое.

Генерал Алексеев просил Великого князя Георгия Михайловича повлиять на Вел. князя Александра Михайловича - просить Вдовствующую Императрицу, чтобы она посоветовала Государю расстаться со Штюрмером и поставить вместо него другого. Эту же просьбу передал Александру Михайловичу и один из сопровождавших Императора флигель-адъютантов.

Императрица Александра Феодоровна, предчувствуя, что в Киеве постараются

⁴⁷⁴ Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914 -1917», книга II, сс. 168,169.

⁴⁷⁵ Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга II, сс. 170,171.

повлиять на Государя, волновалась.

Император пробыл в Киеве два дня. Он произвел смотр выпускному классу школы прапорщиков и возвел их в звание офицеров. Сказал им ласковое напутственное слово. Посетил Государь и несколько лазаретов, в том числе лазарет своей сестры, Великой княгини Ольги Александровны. Он дал также ей и формальное разрешение на брак с ротмистром Николаем Александровичем Куликовским.⁴⁷⁶

Завтракал и обедал Государь со своей матерью и проводил с ней вечера в долгих беседах. Императрица Мария Феодоровна тогда сказала сыну многое, и сказала откровенно.

Великая княгиня Ольга Александровна на этот раз видела в Киеве своего Царственного брата в последний раз. О том, какое впечатление произвела на нее эта встреча, говорится в книге Яна Ворреса.⁴⁷⁷

Ольга Александровна рассказывала:

«Я была поражена, когда увидела такую перемену в Ники, - таким бледным, худым и усталым он выглядел. Моя мама была обеспокоена его чрезмерной молчаливостью. Я знаю, что он хотел иметь со мной длинный разговор, но там не было и момента свободного - надо было сделать так много и повидать многих людей». (пер. с англ.)

В лазарете Великой княгини Ольги Александровны лежал раненый молодой дезертир, которого военно-полевой суд приговорил к смертной казни. Его день и ночь охраняли два солдата. Он выглядел таким невинным мальчиком и весь больничный персонал жалел его.

Когда Государь приехал в этот лазарет, то доктор больницы первым же делом рассказал ему об этом молодом человеке. Император, выслушав врача, сразу же направился в тот угол палаты, где лежал несчастный дезертир. Все видели, как при приближении Государя, он весь съежился от страха. Император, подойдя к его кровати, положил ему руку на плечо и тихим, спокойным голосом спросил его - почему он так поступил. Молодой человек, заикаясь, рассказал, что у него вышли все патроны и он в страхе и панике бежал.

Великая княгиня Ольга Александровна продолжала:

«... Мы все ждали, затаив дыхание. И вот, Ники сказал ему, что он свободен. В следующий момент молодой человек сполз с постели, упал на пол, обхватил руками колени Ники и зарыдал, как ребенок. Помнится, все мы были в слезах, даже те, очень закаленные сестры из Петрограда. В палате водворилась необычайная тишина - взоры всех людей были устремлены на Ники, и какая была преданность в их глазах! В тот момент все тяжелое, все неприятное ушло. И опять Царь и его народ слились воедино.

Тут голос Великой княгини дрогнул: «Я храню это в своей памяти все эти годы. Я больше никогда не видела Ники». (пер. с англ.)

Когда Император вернулся в Могилев, то все заметили, что он был очень нервным, что бывало с ним чрезвычайно редко. Пьер Жильяр записал следующее:⁴⁷⁸

«... Советы, полученные Императором, произвели на него очень сильное воздействие, и я никогда не видел его таким взволнованным. Он выказал сам себя нервным, вспыльчивым и даже два или три раза грубо обошелся с Алексеем Николаевичем».

В середине ноября в Могилев приехал Великий князь Николай Михайлович. Об этом рассказывают и протопресвитер Георгий Шавельский и генерал Спиридович.⁴⁷⁹

⁴⁷⁶ Этот брак вскоре состоялся. Зазнавшийся мужик-Распутин посмел вмешиваться и в семейные дела фамилии Романовых. Императрица Александра Феодоровна писала Государю (письмо №383 от 5/11/1916): «Наш Друг так недоволен, что Ольга вышла замуж - так как она по отношению к тебе поступила неправильно и это не может принести ей счастья».

⁴⁷⁷ Ian Vorres «The Last Grand Duchess», сс. 150,151.

⁴⁷⁸ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», с. 158.

⁴⁷⁹ Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914 -1917», книга II, сс. 171-174.

Под влиянием просьб Вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны и Великих княгинь Ольги Александровны и Ксении Александровны, Николай Михайлович решился на откровенную беседу с Императором. Он обрисовал ему внутреннее положение в России и, главным образом, коснулся его супруги, Александры Феодоровны. Великий князь просил Государя не поддаваться влиянию Императрицы потому, что ее обманывают близко стоящие к ней лица и политиканы, и она, веря им, невольно вводит в заблуждение самого Императора. Великий князь говорил, что Государь находится накануне больших волнений и даже покушений. Но, как пишет генерал Спиридович, Николай Михайлович при весьма обширных и разносторонних знакомствах много знал, но знал это в общих чертах, и его сведения не имели ничего конкретного. Кроме того, излагая все это Императору, он очень волновался. У него несколько раз гасла папироса и Государь зажигал ее. Последний же был совершенно спокоен и ничего не оспаривал. Он распрощался с князем очень приветливо, в когда Николай Михайлович вручил ему все изложенное в письменной форме, то Государь взял это письмо, но переслал его Императрице. Государыня была сильно рассержена.

В тот же день, в Петрограде, в Государственной Думе произнес громовую речь П.Н. Миллюков. Его речь была направлена против Штюрмера. Говоря об ошибках правительства, Миллюков неоднократно спрашивал аудиторию:

«Глупость это или измена?» И в конце сам сказал: - «Нет, господа, воля ваша, уже слишком много глупости...»⁴⁸⁰

Генерал Спиридович пишет, что правительство на речь Миллюкова ответило молчанием. Министр Протопопов, говоривший, что «скрутит» революцию, не понял, что речь Миллюкова - есть первый удар революции. Ни один из шефских полков Императрицы не предпринял никаких шагов, чтобы обуздать клеветника. Эта безнаказанность поступка Миллюкова окрылила оппозицию и показала ей, что при Протопопове все можно делать.

Императрица Александра Феодоровна, как пишет генерал Спиридович, не придавала речи Миллюкова должного значения. Она видела в ней только личный выпад против Штюрмера. Протопопов сам не понимал всего того, что происходило, и укреплял Государыню в ее отношении к речи Миллюкова. Все же Императрица склонялась к тому, что Штюрмер должен уехать на отдых.

Государыня писала Императору:⁴⁸¹

Письмо №385, Царское Село, 7/11/1916.

«Я имела продолжительное свидание с Протопоповым, а вечером короткое с нашим Другом, и оба они находят, что для успокоения Думы Шт(юрмер) должен был бы сказаться больным и уехать на отдых на три недели...»

В другом письме Государыня писала:

Письмо №387, Царское Село, 9/11/1916.

«Наш Друг говорит, что Шт(юрмер) может еще некоторое время оставаться пред. С(овета) М(инистров), так как за это его не так много упрекают, но весь шум начался с тех пор, как он стал министром иностранных дел. Гр(игорий) это понял летом и уже тогда ему сказал - с этим тебе конец будет. Вот почему Он умоляет, или чтобы Штюрмер уехал в отпуск на месяц, или же сейчас же был назначен кто-либо другой на его место м. ин. дел, например, Щегловитов, так как он очень умен...»

Во второй половине ноября в Ставку приехал Великий князь Николай Николаевич.⁴⁸²

⁴⁸⁰ Там же.с. 172.

⁴⁸¹ Письма Императрицы Александры Феодоровны к Императору Николаю II, том II, сс. 231,233.

⁴⁸² Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга II, сс. 173,174.

Приехал он со своим братом Петром Николаевичем.

Великий князь имел с Государем горячий и даже резкий разговор. Он уговаривал Императора даровать ответственное министерство, и даже предостерегал Государя, что он может потерять корону. Император был невозмутим и спокоен, что нервировало Николая Николаевича.

В книге генерала Ю.Н. Данилова приводится запись Великого князя Андрея Владимировича о разговоре между Государем и Николаем Николаевичем:⁴⁸³

«Неужели ты не видишь, что теряешь корону ! Опомнись, пока не поздно. Дай ответственное министерство!... Смотри, чтобы не было поздно. - Пока еще время есть, потом будет поздно!...»

Во время этого разговора Государь оставался с виду спокойным. Он только слушал. На другой день Великий князь Николай Николаевич уехал обратно на Кавказ.

После свидания с родными в Киеве, и видя отрицательное отношение общественности к Штюмеру, Государь, вопреки желанию Императрицы, решил уволить Штюмера. Он освободил его от должности председателя Совета Министров, и снял с поста министра Иностранных дел. На место председателя был назначен А.Ф. Трепов.

Государыня писала Императору:⁴⁸⁴

Письмо №388, Царское Село, 10/11/1916.

«... Я принимала старика (Штюмера), и он мне сказал о твоих решениях - дай Бог, чтобы все оказалось к лучшему, хотя для меня было горестным ударом, что ты его также удаляешь из совета министров... Я жалею, так как он любит нашего Друга и в этом отношении поступал так правильно - Трепова я лично не люблю и не могу иметь к нему того чувства, которое было у меня к Горемыкину, Штюмеру... а этот, увы, я сомневаюсь, чтобы он меня любил и, если он не верит мне или нашему Другу, трудно будет работать. Я сказала Штюмеру, чтобы он передал ему, как нужно вести себя по отношению к Гр(игорию) и всегда Его оберегать...»

Генерал Спиридович пишет,⁴⁸⁵ что Александр Федорович Трепов откровенно высказал Государю свое мнение о положении в России и просил снять с поста министра Внутренних дел Протопопова и еще двух министров, которые не пользовались популярностью из-за связи с Распутиным.

Император склонялся убрать Протопопова и написал Императрице письмо, где просил ее «не втягивать в это дело» Распутина. Государь желал здесь действовать по своему усмотрению:⁴⁸⁶

Ставка 10/11/1916.

«... Мне жаль Протопопова - он хороший, честный человек, но перескакивает от одной мысли к другой и не может решиться ни на что. Я это заметил с самого начала. Говорят что несколько лет тому назад он не был вполне нормальным после некоторой болезни (когда он обращался к Бадмаеву). Рискованно оставлять министерство Внутренних дел в руках такого человека в такие времена!

Старый Бобринский должен быть также смещен. Если мы найдем умного и энергичного человека на этот пост, тогда я надеюсь, вопрос со снабжением будет улажен без изменения в настоящей системе... Во всяком случае, Трепов будет стараться делать все, что он может. Вероятно, он вернется в воскресенье и привезет с собой лист лиц, о которых мы

⁴⁸³ Ю.Н. Данилов «Великий князь Николай Николаевич», с. 290.

⁴⁸⁴ Письма Императрицы Александры Феодоровны к Императору Николаю II, том II, с. 235.

⁴⁸⁵ Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга II, сс. 175-177.

⁴⁸⁶ The letters of the Tsar to the Tsaritsa, 1914-1917, с 297.

говорили с ним и со Шт(юрмером).

Только я очень прошу тебя, не втягивай в это дело нашего Друга (Распутина - Л.М.) Ответственность здесь лежит на мне, и поэтому я желаю быть свободным в моем выборе... «

Генерал Спиридович говорит, что А.Ф. Трепов был умный, ловкий и энергичный человек, который понимал, что надо дружно работать с Государственной Думой. Но Трепов не мог указать Императору на достойного кандидата на пост министра Внутренних дел. Только он сам годился на эту роль.

Государыня, получив письмо Императора, была поражена. Она в этом увидела интригу, направленную против ее влияния И она решила сделать все возможное, чтобы сохранить Протопопова на посту министра Внутренних дел. Телеграммами и письмами она умоляла супруга не менять ничего до личного с ней свидани

Она писала Императору:⁴⁸⁷

Письмо №389, Царское Село, 10/11/1916.

»... умоляю тебя - не меняй Протопопова теперь - он будет вполне хорош... Протопоп(ов) честно за нас. Ах, душка, ты можешь мне поверить. Возможно, что я недостаточно умна, но у меня есть сильное чувство, и это часто более помогает, чем мозг. Не меняй никого, пока мы не встретимся, давай поговорим об этом спокойно вместе... еще раз вспомни, что для твоего царствования, для Бэби и для нас тебе нужны сила, молитвы и советы нашего Друга. Вспомни, как в прошлом году все были против тебя и за Н. (Николашу), а наш Друг дал тебе помощь и силу, ты все на себя взял и спас Россию, мы более уже не отступали. Он сказал Штюрмеру, что он не должен был принять назначения министром иностранных дел, что это его погубит - немецкое имя, и станут говорить, что это все я делаю. Протопопов) благоговееет перед нашим Другом и будет благословен. Штюрмер⁴⁸⁸ испугался и целый месяц Его не видел - это так дурно, и он потерял точку опоры...»

На следующий день Государыня выехала с дочерьми и с А. Вырубовой в Могилев, и после этого Протопопов остался на своем посту. Генерал Спиридович пишет, что, приехавший с докладом в Ставку Трепов склонился перед волей Императора, но вскоре допустил ошибку. Он поручил генералу Мосолову переговорить с Распутиным и предложить ему 150-200 тысяч рублей единовременно, а потом ежемесячную помощь с условием, чтобы он не вмешивался в министерские распоряжения Распутин сначала пришел в ярость, но потом, выпив хорошо с генералом Мосоловым, успокоился и сказал, что посоветуется с «папой» и чтобы генерал заехал к нему дня через два за ответом. Распутин рассказал все их Величествам. История с попыткой подкупить «старца» вышла некрасивой и теперь Императрица потеряла уже всякое доверие к Трепову, что стало очень затруднять его работу. Почитание же «Друга» возросло за его «неподкупность».

Об А.Ф. Трепове Пьер Жильяр пишет следующее:⁴⁸⁹

«Император сначала соглашался с мнением Трепова, но затем, под влиянием Императрицы, он раздумал и находился в нерешительности и смущении перед необходимостью принять решение.

Его так часто обманывали, что он не знал более, на кого он мог положиться Он себя чувствовал одиноким и покинутым всеми...»

На с. 159 своей книги Жильяр рассуждает:

»... Разумные инициативы таких патриотов, как Сазонов, Кривошеин, Самарин,

⁴⁸⁷ Письма Императрицы Александры Феодоровны к Императору Николаю II, том II, с. 237.

⁴⁸⁸ Аарон Симанович в своей книге «Распутин и евреи» на с. 115 пишет, что Штюрмер был еврейского происхождения

⁴⁸⁹ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», сс. 159,160.

Игнатъев, А. Трепов, чтобы не перечислять остальных, не были поддержаны настолько, насколько они могли быть поддержаны. Если бы вся сознательная часть русского народа сгруппировалась около них, то они имели бы силу предотвратить возрастающую опасность. Однако, они не нашли поддержки... критика, интриги, соперничество отдельных личностей и партий явились препятствием для этого единения, которое единственно могло быть спасением. Если бы это единение осуществилось, оно представляло бы из себя такую силу, что нечестивый образ действий Распутина и его адептов был бы парализован. К сожалению, лица, понимавшие это, являлись исключением. Большинство же относилось безразлично к этой бесполезной борьбе и... предоставило полную свободу действий авантюристам и интриганам...»

В это время сильно заболел генерал Алексеев и Император дал ему отпуск, чтобы поехать в Крым на лечение. Заместителем Алексеева в Ставке стал генерал В.И. Гурко.

В стране продолжало нарастать революционное движение.

Генерал Спиридович пишет,⁴⁹⁰ что выступление Милюкова, оставшееся безнаказанным, имело колоссальный успех по всей России. Этой клеветнической речи верили.

На заседании Государственной Думы громовую речь произнес Пуришкевич. Он резко говорил о правительстве, упоминал о темных силах, которые окружают Государя; некрасиво обрисовал деятельность Дворцового коменданта генерала Воейкова.

В книге С.С. Ольденбурга об этой речи написано следующее:⁴⁹¹

«В горячей и сумбурной речи, обвиня самых разнообразных лиц - кого в корысти, кого в интригах, кого в потворстве немцам, Пуришкевич в заключение призывал министров отправиться в Ставку, пасть к ногам Царя и умолять его избавить Россию от Распутина. «Ночи последние спать не могу, даю вам честное слово, лежу с открытыми глазами и мне представляется целый ряд телеграмм, сведений, записок, то одному, то другому министру...»

В ноябре месяце к протопресвитеру Георгию Шавельскому⁴⁹² зашел член Государственного Совета П.М. Кауфман, который состоял при Императоре в качестве лица, объединявшего все учреждения Красного Креста на фронте. Государь, как пишет о. Георгий Шавельский, сердечно и с уважением относился к Кауфману.

Теперь же протопресвитер видел его расстроенным и взволнованным:

«Благословите меня! Сейчас я иду к Государю. Выскажу ему всю горькую правду», - сказал Кауфман.

Когда он вернулся от Императора, то был еще более взволнованным:

«Все, что накопилось на душе, я высказал ему. Между прочим, я сказал: Ваше Величество, Вы верите мне? Верите, что я верноподданный Ваш, что я безгранично люблю Вас? Отвечает: верю. Тогда, - говорю, - разрешите мне: я пойду и убью Гришку!»

Государь расплакался, обнял и поцеловал мен Мы несколько минут простояли, молча в слезах».

«Какой же результат выйдет от вашего, с таким трагическим концом, разговора?» - спросил отец Георгий.

Кауфман:

«Никакого! Несчастный он...»

В декабре месяце П.М. Кауфман был извещен, что освобождается от обязанностей при Ставке. Такое его увольнение было неожиданным для всех. Протопресвитеру Шавельскому

⁴⁹⁰ Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга II, сс. 178,179.

⁴⁹¹ С.С. Ольденбург «Царствование Императора Николая II», с. 606.

⁴⁹² О. Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», том II, сс. 224,225,246.

государева свита объяснила, что Кауфмана уволили по требованию из Царского Села, где нашли, что он своими разговорами нервирует Императора.

Одну из последних попыток открыть глаза Государю на Распутина и его темные дела сделала сестра Императрицы Великая княгиня Елизавета Феодоровна. Она поехала в Царское Село по просьбе своих друзей. Поехала она туда тогда, когда там находился Император.

Об этом визите рассказано во многих книгах. Остановимся на брошюре графини Александры Олсуфьевой, личном друге Великой княгини Елизаветы Феодоровны.⁴⁹³

Графиня пишет, что Елизавета Феодоровна всегда уклонялась от политики. Только дважды она сделала попытку вмешаться в дела государства. Первый раз - это было, когда она написала письмо Императору, где в подобающих выражениях, говорила, что боится той опасности, которая нависла над Царской Семьей и над Россией.

Вскоре после этого, в декабре 1916 года, Елизавета Феодоровна поехала в Петроград, чтобы опять говорить о том же.

«Если бы ее совет был принят, - пишет графиня, - то, возможно, что пошатнувшаяся Монархия была бы спасена. Она стояла за то, чтобы было полное согласие между Императором и Думой в соответствии с конституционным законом, опубликованным в октябре 1905 г., и за ответственное министерство. Она также настаивала на том, чтобы выслали в Сибирь рокового Распутина».

Когда Великая княгиня Елизавета Феодоровна приехала в Царское Село, чтобы поговорить с Императором, то Государыня не допустила ее:

«Императрица умоляла ее не говорить с Императором по поводу ее письма - по причине того, что он уезжает на следующий день на фронт и его нельзя тревожить разными политическими вопросами, но что она сама готова ее выслушать».

Когда Великая княгиня коснулась наиболее болезненного вопроса о Распутине, Императрицу нельзя было разубедить в ее веровании в его святость несмотря на то, что Великая княгиня рассказала ей о его скандальном образе жизни, которую он умел успешно скрывать от глаз ее Величества. Последняя так ошибалась в его личности, что все, что она могла сказать в ответ на увещевания сестры, было: «Мы знаем, что святых злословили и раньше».

Тогда Великая княгиня предсказала будущее: «Помни, - сказала она, - судьбу Людовика XVI».

«Увы, она ошиблась только в размерах и ужасе той катастрофы, которая надвигалась».
(пер. с англ.)

О визите Великой княгини Елизаветы Феодоровны в Царское Село пишет и секретарь Распутина Симанович.⁴⁹⁴ Он говорит, что Распутин очень волновался, когда узнал, что Великая княгиня едет во дворец. Он стал писать какие-то записки и класть себе под подушку. На другой день он уже казался уверенным в своей победе. Симанович еще пишет, что перед визитом Елизаветы Феодоровны в Царское Село, Распутин сжег какие-то бумаги, которые, в случае выступления против него, могли бы оказаться опасными.

Императрица в письме Государю упомянула о своем разговоре с Великой княгиней (Эллой):⁴⁹⁵

Письмо №392, Царское Село, 5/12/1916.

⁴⁹³ Countess Alexandra Olsoufieff «H.R.H. The Grand Duchess Elisabeth Feodorovna of Russia». London, John Murray, 1922, с 12.

⁴⁹⁴ Аарон Симанович «Распутин и евреи», с. 147.

⁴⁹⁵ Письма Императрицы Александры Феодоровны к Императору Николаю II, том II, с. 245.

»... уверяю тебя, ты поступишь правильно, следуя советам нашего Друга - Он так усердно молится днем и ночью за тебя - и Он тебя удержал там, где ты находишься - только будь также убежден, как я, и как я доказала Элле, и всегда буду доказывать - тогда все пойдет хорошо...»

Это было последнее свидание между Великой княгиней Елизаветой Феодоровной и ее сестрой-Императрицей. Больше они никогда уже не встретились на этой земле.

Вел. княгиня Мария Павловна (младшая), племянница Елизаветы Феодоровны пишет,⁴⁹⁶ что ее тетя была очень обижена тем холодным приемом, который оказала ей Государыня в последний раз. Великая княгиня, даже уже после совершившейся революции в России, не могла без горечи вспоминать об этой встрече.

Императрица решила совершить паломничество в Новгород. Эта поездка была предпринята по совету данному генералом Ивановым Государю. Генерал высказал мнение, что Императрице необходимо выезжать и показываться народу для снискания популярности.⁴⁹⁷

Подробно об этой поездке написано в книге генерала Спиридовича.⁴⁹⁸

С Государыней поехали все ее четыре дочери, графиня Гендрикова и Анна Вырубова, хотя ей не следовало бы ехать, но такова была воля Распутина, который хотел потом все узнать от Вырубовой.

Поездка в Новгород оказалась очень удачной. Государыню везде встречали с восторгом, и она была приветлива со всеми и мила. Она даже забыла о своих недомоганиях и сама взбиралась по лестницам (обычно ее поднимали из-за ее больного сердца).

Императрица приложилась к мощам Св. Великомученицы Варвары, ходила по разным церквям, монастырям, восхищалась старинными иконами. В одном из монастырей Государыня пожелала навестить известную старицу, которой было 107 лет.

О посещении Новгорода Императрица подробно написала супругу в одном из писем. Приводим некоторые из него выдержки:⁴⁹⁹

Письмо №399, Царское Село, 12/12/1916.

»... Новгород был успехом - хотя страшно утомительно было, но душа была приподнята, и это всем нам дало силы... Я посидела минуту в комнате настоятельницы и потом попросила, чтобы меня провели к старице Марии Михайловне... Ей 107 лет, она носит вериги (теперь они лежат возле)... Она благословила нас и поцеловала нас. Тебе она посылает яблоко (пожалуйста, съешь его) - сказала, что война скоро кончится - «скажи ему, что мы сыты». Мне она сказала: «а ты красавица - тяжелый крест - не страшись» (несколько раз) - «за то, что ты к нам приезжала будут в России две церкви строить» (дважды это повторила) - «не забывай нас, приезжай опять».

... Старица встречает каждого словами: «радуйся невеста невестная»... посылаю тебе икону, которую я ... купила, она так прелестна, пожалуйста, повесь ее над твоей кроватью... потом принесли чудотворную икону Св. Николая, чтобы мы приложились...

Наш мотор застрял и толпа его подтолкнула. Оттуда в крошечную часовню, в саду, где на печке Просфорни появилась (много лет назад) Богоматерь - она не тронута и только

⁴⁹⁶ Marie, Grand Duchess «Education of a Princess», с. 315.

⁴⁹⁷ О. Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», том II, с. 238 (сноска).

⁴⁹⁸ Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга II, сс. 190-193.

⁴⁹⁹ Письма Императрицы Александры Феодоровны к Императору Николаю II, том II, сс. 254-257.

покрыта стеклом и обделана драгоценными камнями. Такое необыкновенно сильное благоухание, девочки и я это заметили...»

Вскоре после паломничества Императрица приехала в Ставку. Протопресвитер Георгий Шавельский сделал попытку, чтобы поговорить с ней, но Государыня в аудиенции ему отказала, хотя и имела много свободного времени. Протопресвитеру пришлось вести разговор с Анной Вырубовой. Разговор этот никакой пользы не принес. Она перебивала священника и не давала ему высказаться.⁵⁰⁰

«Ничего вы не знаете, ничего не понимаете! Совсем не так! Войска нас любят... Народ тоже нас любит. Вот ее Величество ездила в Новгород. И я ездила с нею. Как нас встречали! Толпы народа!... Цветами засыпали, руки целовали! А у вас говорят: народ не любит Царицу. Неправда! Это - общество петроградское, которому нечего делать. Вот оно и сплетничает, интригует... Ваша Ставка с ума сходит! Раньше Алексеев запугивал Государя, теперь Воейков теряет голову, вы - тоже... Мы знаем, чего хочет Дума. Ей надо ограничить власть Государя, отнять у него верных людей. Вот теперь Дума против Протопопова. Почему?... Довольно, что свалили Штюмерера, Протопопова свалить не удастс...»

Отец Георгий пишет:

«Мне приходилось более слушать, чем говорить, ибо лишь только я раскрывал рот, как Вырубова уже перебивала мен Ей было все ясно и понятно. В войсках, в народе не видно никаких признаков надвигающейся революции, все зло в нас, запугивающих Государя и интригующих против самых верных слуг его, т.е. против Распутина, Штюмерера, Протопопова и Ко, да еще в сплетничающем петроградском обществе. Особенно удивило меня в разговоре то, что Вырубова постоянно выражалась во множественном числе «мы», не отделяя себя от Царя и Царицы, точно она уже была соправительницей их...»

В Москве был сделан ряд попыток собраний Земского и Городского Союзов. Полиция стала мешать собраниям, но все же были приняты заготовленные резолюции и разосланы по всей России. Резолюция Земского съезда под председательством князя Львова требовала создания нового правительства.⁵⁰¹ Резолюции других Союзов объявляли, что «Отечество в опасности». Рабочая же делегация Военно-промышленных комитетов пошла еще дальше. Она требовала ликвидации войны в интересах международного пролетариата. Выступило против правительства и дворянство, которое считалось оплотом Трона. В Государственной Думе начались резкие выпады против правительства.

Генерал Спиридович пишет, что справиться с таким напором могла только сильная власть, какая была во время революции 1905 года. Но такие люди, как Витте, Дурново и великий Столыпин - давно спали в своих могилах. Теперь, в смутное время 1916 года, в России, фактически, не было министра Внутренних дел. Там сидел психически полубольной и болтун - Протопопов.

После возвращения из Новгорода, Государыня обедала с Распутиным у Вырубовой. Она рассказывала ему о своем паломничестве в этот старинный город России. Распутин слушал ее рассеянно. В последние дни он беспокоился: ему были по телефону угрожающие звонки. Он боялся и редко теперь выезжал из дому. Но он продолжал говорить Царице, что Дума, Союзы, либералы, революционеры, пресса - все против Царя; что Трепову нельзя верить, так как он водится с Родзянко. Верить можно только Протопопову.⁵⁰²

⁵⁰⁰ О. Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», том II, сс. 238-240.

⁵⁰¹ Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга II, сс. 187-190.

⁵⁰² Там же, с. 193.

Государыня волновалась и писала супругу:⁵⁰³

Письмо №400, Царское Село, 13/12/1916.

».. Он умоляет тебя быть твердым, быть хозяином и не уступать всегда Тр(епову) - ты гораздо лучше все знаешь, чем этот человек (и все-таки даешь ему руководить собой), - а почему не нашему Другу, который ведет через Бога. Вспомни, за что меня ненавидят - это показывает, что правильно быть твердым и внушать страх, и ты будь таким же, ты ведь мужчина, - только больше доверяйся нашему Другу (вместо Тр(епова)); Он живет для тебя и для России. И мы должны передать Бэби крепкое государство и ради него не смеем быть слабыми, иначе у него будет еще более трудное царствование... Прости мне это письмо, но я не могла спать эту ночь, все тревожилась за тебя - не скрывай ничего от меня - я крепка, но послушайся меня, т.е. это значит, нашего Друга, и доверься нам во всем - и остерегайся Тр(епова) - ты не можешь любить или уважать его...»

Письмо №401, Царское Село, 14/12/1916.

»... Будь Петром Великим, Иоанном Грозным, императором Павлом - раздави их всех под собой - нет, не смейся, нехороший, - но я так хотела бы видеть тебя таким со всеми, которые стараются управлять тобой - а должно быть наоборот...»

16 декабря (ст. ст.) Государственная Дума была распущена на рождественские праздники. В тот же день Императрица передала Вырубовой икону, которую она привезла из Новгорода, для передачи Распутину. На оборотной стороне Государыня, все Великие княжны и Вырубова написали свои имена. Вырубова поехала к Распутину и пила там чай вместе с г-жой Головиной, Шаховской и Сухомлиновой. Распутин сказал, что вечером едет к князю Юсупову и познакомится там с его красавицей-женой, княгиней Ириной Александровной.

Вернувшись в Царское Село, Вырубова рассказала об этом Императрице. Последняя удивилась, так как знала, что княгиня Юсупова находится в Крыму.

Поздно вечером к Распутину заехал епископ Исидор, а потом и Протопопов, а около часу ночи к Распутину приехал князь Юсупов в повозку к себе в гости.⁵⁰⁴

ГЛАВА 22

Знакомство князя Ф. Юсупова с Распутиным. Юсупов решается убить Распутина. Князь Юсупов: Распутин работал на врагов России. «Лечение» князя Юсупова Распутиным путем гипноза. Князь Юсупов, Вел. князь Дмитрий Павлович, поручик Сухотин, Пуришкевич и доктор Лазоверт - участники заговора по убийству Распутина. Подробности убийства Распутина. Труп убитого бросают в прорубь реки. Последствия убийства. Великая княгиня Елизавета Феодоровна считает убийство политическим актом. Она видела в Распутине темную силу. Государь возвращается в Царское Село. Ликование в народе по случаю смерти Распутина. Мысли Пуришкевича о России.

Князь Феликс Юсупов познакомился с Распутиным в доме Марии Головиной еще в 1909 году.⁵⁰⁵ Весь вид Распутина вызвал тогда в князе отвращение. Но вскоре после этого

⁵⁰³ Письма Императрицы Александры Феодоровны к Императору Николаю II, том II, сс. 258,259,261.

⁵⁰⁴ Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга II, с. 194.

⁵⁰⁵ Эта глава написана на основании книг: Князя Ф.Ф. Юсупова «Конец Распутина», Воспоминани Изд. «Лев», Париж, 1927, и В.М. Пуришкевича, из дневника, «Убийство Распутина». Русское книгоиздательство Я. Поволоцкий и Ко, Париж, 1923

Юсупов уехал в Англию учиться в Оксфордском университете и вернулся в Россию только к началу войны.

Ф. Юсупов видел, какой страшный вред приносит Распутин и его клика Трону. Видел, что нет никакой надежды на то, чтобы Государь и Императрица поняли всю правду о зловредном человеке и удалили его. В голове Юсупова стала мелькать мысль об уничтожении этого злого гения России. Эта мысль зародилась у него в 1915 году и все время укреплялась по мере развития политических событий в стране.

Князь Юсупов пишет, что во время войны влияние Распутина на государственные дела возросло и окрепло. По желанию «старца» постепенно увольнялись все честные и преданные долгу и Трону люди; увольнялись даже те, которые горячо любили Императора, и на их место назначались ставленники Распутина.

После того, как Государь принял на себя Верховное командование, проходимец-Распутин стал почти ежедневно бывать в Царском Селе, встречаясь с Императрицей в доме Анны Вырубовой. Там он давал ей советы государственного значени

Ф. Юсупов захотел узнать мнение петроградской общественности о Распутине. Он начал встречаться с влиятельными людьми и говорить с ними о временщике, и пришел к заключению, что большинство из этих лиц понимает, какой вред приносит Династии и России Распутин, но что почти все они предпочитают молчать, опасаясь за свое благополучие.

Князь Юсупов пишет, что приближался решительный момент войны, к весне 1917 года предполагалось всеобщее наступление союзников, и Россия усиленно готовилась к этому наступлению. Но тогда требовалось крепкое единодушие власти с народом; требовалось полное взаимное доверие; требовался общенациональный подъем духа. Черная же тень Распутина по-прежнему нависала над Ставкой и над правящим Петроградом. Не дремала и Германи Кайзер Вильгельм очень ловко использовал влияние Распутина, и германский Генеральный штаб невидимо держал его в своих руках путем денег и искусных интриг.

Юсупов думал, что ликвидация Распутина спасет Царскую Семью и откроет глаза Государю, и Царь поведет Россию к победе.

Князь просыпался ночами и думал об одном и том же: как уничтожить этого злоде

Юсупов пишет следующее:⁵⁰⁶

«Как можно убить человека и сознательно готовиться к этому убийству?

Мысль об этом томила и мучила мен

Но вместе с тем внутренний голос мне говорил: «Всякое убийство есть преступление и грех, но, во имя Родины, возьми этот грех на свою совесть, возьми без колебаний. Сколько на войне убивают неповинных людей, потому что они «враги отечества»...

Понемногу все сомнения и колебания оставили князя, и он почувствовал решимость уничтожить Распутина. Он стал готовиться к этому: посвятил в свой план убийства поручика Сухотина и Великого князя Дмитрия Павловича, племянника Великой княгини Елизаветы Феодоровны. Оба дали свое согласие принять участие в ликвидации зловредного мужика.

Ф. Юсупов решил поближе познакомиться с Распутиным, чтобы хорошо изучить его. Он встретился с ним опять в доме Марии Головиной и заметил в нем перемену: лицо «старца» стало одутловатым, он как-то обрюзг и опустилс Весь вид его производил отталкивающее впечатление. Чувствовалось в нем что-то необычайно отвратительное. Держал себя он развязно: хлопал по плечу и по спине г-жу Головину и ее дочь, Марию. Говорил какие-то бессвязные слова из Священного Писани Юсупов старался вникнуть в смысл его слов, но ничего там путного не мог уловить.

Зная, что «старец» хвастается, будто может исцелять от болезней, князь решил испробовать это на себе. Он сказал Распутину, что чувствует себя нездоровым.

Распутин сказал:⁵⁰⁷

«Вылечу тебя Вылечу.... Что доктора? Ничего не смыслят... Так себе, только разные лекарства прописывают, а толку нет... Еще хуже бывает от ихнего лечения У меня, милый, не так, у меня все выздоравливают, потому что по-Божьему лечу, Божьими средствами, а не то, что всякой дрянью... Вот сам увидишь».

Потом Распутин потребовал, чтобы Юсупов спел ему и сыграл на гитаре. Князю стоило больших усилий, чтобы взять гитару и петь перед Распутиным. Но он все-же спел ему несколько цыганских песен. Всесильный мужик с удовольствием слушал исполнение песен Юсуповым и после этого стал звать его ехать к цыганам, но князь отказался

Ф. Юсупов понравился Распутину и он пригласил его к себе. С этого времени князь стал бывать у Распутина.

Во время одной из бесед на квартире «старца», последний сказал Юсупову о Государственной Думе:⁵⁰⁸

«Там про меня только худое распускают, да смущают этим Цар.. Ну, да недолго им болтать: скоро Думу распущу, а депутатов всех на фронт отправлю: уж я им покажу, тогда и вспомнят меня».

На вопрос князя, - действительно ли он может распустить Думу. Распутин ответил:

«Эх, милый, дело-то простое... Вот будешь со мной дружить, помогать мне, тогда все и узнаешь, а покамест вот я тебе что скажу: Царица уж больно мудрая правительница... Я с ней все могу делать, до всего дойду, а Он (Император Николай II)...» - и Распутин неподобающим образом выразился о Государе.

Князь с негодованием слушал, как этот зазнавшийся мужик-конокрад говорит о русском Императоре. Но он сдержал себя и стал спрашивать Распутина:

«Почему вы знаете, Григорий Ефимович, чего от вас самих разные люди добиваются и какие у них цели?...»

Распутин усмехнулся:

«Что Бога хочешь учить? Он, Бог-то, недаром меня послал Своему Помазаннику на помощь... Говорю тебе: пропали бы Они без меня вовсе. Я с Ними попросту: коли не по-моему делают, сейчас стукну кулаком по столу, встану и уйду, а Они за мной вдогонку бегут, упрашивать начнут: «останься, Григорий Ефимович. Что прикажешь - все сделаем, только уж не покидай ты нас». Вот оно, милый, как Они меня любят да уважают. Намедни говорил я Им про одного человека, что назначить его нужно, а Они все оттягивают, да оттягивают... Ну я и пригрозил: «уеду, говорю, от Вас в Сибирь, а Вы тут все без меня сгниете, да и мальчика своего погубите, коли от Бога отвернетесь, и к дьяволу попадете». Вот как, милый... «

Юсупов пишет, что Распутин работал на врагов России. Он рассказывал ему о своих руководителях и называл их «зелеными» и сказал, что «зеленые» живут в Швеции.

На вопрос князя, есть ли «зеленые» в России, Распутин ответил, что в России есть «зелененькие», друзья их:⁵⁰⁹

»... «зелененькие», друзья ихние, да еще наши есть, умные все люди»,

Однажды, когда князь был на квартире Распутина, он явился свидетелем того, как пришло к хозяину несколько человек. Распутин тогда был очень пьян. Он едва держался на ногах, но соображения не терял. Юсупова он спрятал в своем кабинете и сам пошел открывать дверь новым гостям. Князь, приоткрыв дверь, мог видеть их. Он пишет

⁵⁰⁷ Там же, сс. 81,82.

⁵⁰⁸ Кн. Ф.Ф. Юсупов «Конец Распутина», сс. 95-97.

⁵⁰⁹ Кн Ф Ф Юсупов «Конец Распутина», с 105.

следующее:⁵¹⁰

«Я мог рассмотреть тайных гостей Распутина лица у всех были неприятные. У четырех был, несомненно, ярко выраженный еврейский тип, трое других, до странности похожие между собою, были белобрысы с красными лицами и маленькими глазами. Одного из них, как мне показалось, я где-то видел, но не мог вспомнить, где именно Одеты они все были скромно, некоторые из них сидели, не снимая пальто.

Распутин среди них совсем преобразился Небрежно развалившись, он сидел с важным видом и что-то им рассказывал.

Вся группа эта производила впечатление собрания каких-то заговорщиков, которые что-то записывали, шепотом совещались, читали какие-то бумаги. Иногда они смеялись.

У меня мелькнула мысль не «зелененькие» ли это, о которых мне рассказывал Распутин?

После всего того, что я от него слышал, у меня не было сомнений, что передо мною было сборище шпионов...»

Когда эта группа покинула Распутина, он появился перед князем с веселым и самодовольным видом. Юсупову было трудно бороться с тем чувством отвращения, которое охватило его при виде этого негодяя, и он, быстро простившись с ним, уехал.

Как-то, при очередной встрече с Распутиным, последний говорил князю, как надо подавлять в себе гордыню:⁵¹¹

«А вот что, милый, бабы эти хуже мужчин, с их то и надо начинать. Да... Вот вожу я всяких барынь в баню, приведу их туда и говорю: раздевайся теперича и мой меня, мужика... Ну, ежели, которые начнут жеманиться, кривляться, у меня с ними расправа коротка.....тут вся гордыня и соскочит...»

Юсупов пишет:

«Я молча с ужасом его слушал, боясь своими вопросами или замечаниями прервать этот чудовищный рассказ, совершенно непередаваемый в печати...»

Распутин продолжал:

«... А знаешь ты Бадмаева? Ужо познакомлю тебя с ним. Вот у него лекарства какие хочешь, вот уж это настоящий доктор. Что там Боткины и Деревенки - ничего они не смыслят... У Бадмаева средства все природные, в лесах, в горах добываются, насаждаются Господом Богом и, значит, Божеская благодать в них».

«Григорий Ефимович, - перебил его Юсупов, - а что Государя и Наследника тоже лечат этими средствами?»

«Как не лечат. Даем им. Сама (Императрица) и Аннушка доглядывают за этим. Боятся они все, что Боткин узнает, а я им и говорю: коли узнает кто из ваших докторов про эти мои лекарства, больному заместо пользы от них, только большой вред будет. Ну, вот, они и опасаются - все делают втихомолку».

«Какие же это лекарства, которые вы даете Государю и Наследнику?»

«Разные, милый, разные... Вот ему Самому-то дают чай пить и от этого чаю благодать Божия в нем разливается, делается у него на душе мир, и все ему хорошо, все весело. ...»⁵¹²

Когда князь Юсупов пришел к Распутину для «лечения», то произошло следующее:⁵¹³

«Старец» уложил князя на диван и стал пристально на него смотреть, поглаживая его

⁵¹⁰ Там же, с 119

⁵¹¹ Кн. Ф.Ф. Юсупов «Конец Распутина», сс. 112,113,114.

⁵¹² Ни в письмах Императрицы супругу, ни в ответных письмах Государя - нигде не говорится о лекарствах Бадмаева.

⁵¹³ Кн. Ф.Ф. Юсупов «Конец Распутина», сс. 106-109.

по груди, шее и голове. Затем он опустился на колени, положив обе руки на лоб Юсупова. В такой позе он простоял довольно долго. Потом, быстрым движением, Распутин вскочил на ноги и стал делать пассы.

Юсупов почувствовал, что сила гипноза начала охватывать его и разливаться теплотой по всему телу. Руки князя и ноги оцепенели и стали неметь. Он попытался что-то сказать, но язык не повиновался ему и он стал медленно погружаться в сон. Он видел только одни глаза Распутина, которые светились каким-то фосфорическим светом, увеличиваясь и сливаясь в один яркий круг. Этот круг то отдалялся от Юсупова, то снова приближался к нему. До слуха князя доносился голос «старца»- неясное бормотанье, но слов разобрать было невозможно.

В таком положении Юсупов лежал неподвижно, не имея сил ни кричать, ни двигаться. Только его мысль еще работала и он сознавал, что постепенно подчиняется власти этого страшного человека. Но он вскоре почувствовал, как в нем начала пробуждаться его собственная внутренняя сила, которая противодействовала гипнозу и не давала телу и сознанию всецело подпасть под волю Распутина.

Через некоторое время он стал различать фигуру гипнотизера, его лицо и глаза. Страшный яркий круг совершенно исчез.

Распутин сказал:

«Ну, милый, вот на первый раз и довольно будет».

Он внимательно следил за князем, но вероятно, не заметил, что внутренняя сила Юсупова противодействовала его гипнозу.

«Это Божья благодать. Вот увидишь, как скоро тебе полегчает и вся болезнь твоя пройдет». - Сказал он.

Юсупов продолжал ездить к Распутину и тот доверял ему. Однажды Распутин сказал:⁵¹⁴

«Знаешь, милый, смысленный больно ты и говорить с тобой легко: все сразу понимаешь. Захочешь - хоть министром сделаю, только согласишься».

Такое предложение сильно смутило князя и он стал умолять Распутина отказаться от этой идеи.

Распутин, наконец, согласился:

«Ну, пожалуй, пускай будет по твоему, коли так. А редко вот, кто этак говорит, все больше меня просят: то устрой, это устрой; всякому что-нибудь нужно».

Ф. Юсупов:

«А как же вы эти просьбы исполняете?»

Распутин:

«Пошлю кого к министру, кого к другому важному лицу с моей записочкой, чтобы устроили, а то и прямо в Царское... Так вот и распределяю».

Юсупов:

«И вас все министры слушают?»

Распутин воскликнул:

«Все! Все... Ведь мной они поставлены, как же им меня-то не слушаться? Знают, что коли пойдут против меня, не сдобровать им...»

После этих встреч с Распутиным князь окончательно убедился, что в этом страшном человеке скрыто все зло и причина несчастий России. Юсупов понял хорошо, что если не будет Распутина, то не будет той сатанинской силы, в руки которой попали Государь и Императрица. Князь Юсупов думал, что Распутина нельзя щадить, что Распутин губит Россию и Династию, и своим предательством увеличивает количество жертв на войне.

Князь решил действовать. Он предложил Распутину приехать к нему в один из ближайших дней, чтобы провести вместе вечер. «Старец» давно хотел познакомиться с красавицей женой Юсупова, и охотно ответил, что с удовольствием приедет.

⁵¹⁴ Там же, сс. 110, 111.

Член Государственной Думы Пуришкевич, речь которого в Думе наделала столько шума в стране, пишет о своей первой встрече с князем Юсуповым:⁵¹⁵

«Сегодня, ровно в 9 час. утра, ко мне приехал князь Юсупов. Это молодой человек лет 30 в форме пажа... Он просидел у меня более двух часов...

«Ваша речь не принесет тех результатов, которых вы ожидаете», - заявил он мне сразу. «Государь не любит, когда давят на его волю, и значение Распутина, надо думать, не только не уменьшится, но, наоборот, окрепнет, благодаря его безраздельному влиянию на Александру Феодоровну, управляющую фактически сейчас государством, ибо Государь занят в Ставке военными операциями».

После этого вступительного слова, Юсупов сказал, что необходимо устранить Распутина, убив его, и предложил Пуришкевичу принять в этом участие. Пуришкевич согласился

В план убийства был еще посвящен и доктор Лазоверт. Теперь заговорщиков было уже пять человек: князь Юсупов, Великий князь Дмитрий Павлович, поручик Сухотин, Пуришкевич и доктор Лазоверт.

9-го декабря (ст. ст.) 1916 г. В.М. Пуришкевич записал в своем дневнике следующее:⁵¹⁶

«Боже мой! чем бы я ни занимался, где бы я ни был, с кем бы я ни был, о чем бы я ни говорил, - червем точит меня мысль везде и всюду: жив он - этот позор России; каждый час можно ожидать какой-либо новой неожиданности, каждый день он марает все более и более Царя и его Семью. Уже грязная клевета черни касается, на этой почве, чистых и непорочных Великих княжен - Царских дочерей, а этот гад, этот хлыст забирает что день, то больше и больше силы, назначая и смещая русских сановников и обдывая через шарлатанов вроде Симоновича и князя Михаила Андронникова свои грязные денежные дела».

Князь Юсупов провел несколько совещаний со всеми участниками заговора против Распутина.

Великому князю Дмитрию Павловичу было поручено найти подходящее место на Неве, куда можно было бы сбросить труп убитого Распутина.

Вечером, в день последнего совещания заговорщиков, Дмитрий Павлович приехал к Юсупову. Он был очень усталым после нескольких часов, проведенных в поисках удобного места на реке.

Юсупов пишет:⁵¹⁷

«Мы долго с ним сидели и разговаривали в этот вечер. Он рассказал мне о своем последнем пребывании в Ставке. Государь произвел на него удручающее впечатление. По словам Великого князя, Государь осунулся, постарел, впал в состояние апатии и совершенно инертно относится ко всем событиям.

Слушая Великого князя, я невольно вспомнил и все слышанное мною от Распутина. Казалось, какая-то бездна открывалась и готовилась поглотить Россию».

В подвальном помещении дома князя Юсупова была отремонтирована и красиво обставлена комната, которую решили использовать для совершения убийства. К одиннадцати часам вечера были приготовлены чай, бисквиты и сладкие пирожные. Отдельно стояло вино и бокалы.

Доктор Лазоверт, надев перчатки, растолок палочки цианистого калия и, отделив верхний слой пирожных, всыпал туда яд. В бокалы вина тоже был всыпан цианистый калий.

Общее количество яда получилось огромное и, по словам доктора, во много раз сильнее

⁵¹⁵ В.М. Пуришкевич «Убийство Распутина», сс. 19,20.

⁵¹⁶ Там же, с. 53.

⁵¹⁷ Кн. Ф.Ф. Юсупов «Конец Распутина», с. 134.

той дозы, которая необходима для смертельного исхода.

Когда все было готово, Ф. Юсупов с доктором Лазовертом, переодетым под шофера, поехали за Распутиным.

Дверь Юсупову открыл сам хозяин. Одет он был в белую вышитую шелковую рубашку, подпоясанную малиновым шнуром, и в черные бархатные шаровары. На ногах его были новые высокие сапоги. Даже волосы на голове и бороде Распутин особенно тщательно расчесал и пригладил. От него пахло дешевым мылом. Повидимому, он много времени уделил своему туалету. Юсупов его никогда еще не видел таким чистым и опрятным.

«А что, к цыганам поедем?» - спросил Распутин.⁵¹⁸

Князь ответил, что не знает, может быть.

Вышли они на темную площадку лестницы и стали спускаться в темноте. Распутин потянул князя вниз. Его рука причиняла Юсупову боль и ему хотелось закричать и вырваться. На него нашло какое-то оцепенение, и он потом не помнил, о чем они тогда говорили. В ту минуту князь хотел только одного: не чувствовать прикосновения этой ужасной руки и скорее увидеть свет, увидеть как можно больше света.

Когда они приехали и вошли в дом Юсупова, то услышали голоса друзей и веселую американскую музыку граммофона.

«Что это - кутеж?» - спросил Распутин.⁵¹⁹

Князь ответил, что у жены гости, но что они скоро уйдут и предложил Распутину спуститься вниз и выпить чаю.

Сначала Распутин от чая и вина отказался, но потом стал пить чай и есть пирожные.

Действие цианистого калия должно было начаться немедленно, но, к изумлению Юсупова, Распутин продолжал с ним разговаривать, как ни в чем не бывало.

Потом гость стал пить вино. Пил он медленно, маленькими глотками, но лицо его не менялось, лишь иногда он прикладывал руку к горлу, точно что-то мешало ему глотать, и на вопрос Юсупова - что с ним? - ответил:

«так, пустяки, просто першит в горле».

Распутин сидел и пил. Глаза его лукаво улыбались и, казалось, что он говорил Юсупову:

«Вот видишь, как ты ни стараешься, а ничего со мною не можешь поделать».

Но внезапно выражение его лица изменилось. На смену слащавой улыбке, появилось выражение ненависти и злобы. Он смотрел на князя дьявольскими глазами.

Юсупов чувствовал, что теряет самообладание, что между ними идет глухая борьба; что еще мгновение и он будет побежден. У него кружилась голова и он уже ничего не сознавал. Очнувшись, он увидел Распутина, сидящим на том же месте. Голова его была опущена:

«Налей чашку, жажда сильная»- сказал он. Глаза его были тусклыми.

«Сыграй, голубчик, что-нибудь веселенькое, люблю, как ты поешь».

Юсупову было очень трудно петь, но он спел. Станным и жутким показался ему его собственный голос.

Время шло. Часы показывали половину третьего утра. Больше двух часов длился этот кошмар.

«А что будет, если мои нервы не выдержат больше?» - подумал он.

Князь поднялся наверх. К нему бросились его товарищи с револьверами в руках. Посыпались вопросы:

«Ну что, как? Готово? Кончено?»

«Яд не подействовал», - ответил Юсупов.

518 Там же, с. 144.

519 Кн. Ф.Ф. Юсупов «Конец Распутина», сс. 149-160.

Все были поражены. Ведь доза была огромной. Тогда князь предложил, что он убьет Распутина выстрелом из револьвера. С большим трудом ему удалось уговорить своих сообщников предоставить ему самому покончить с Распутиным. Они долго не соглашались, боясь за него.

Юсупов с револьвером спустился вниз. Распутин сидел за чайным столом. Голова его была низко опущена и он тяжело дышал. Потом он поднял глаза на князя. Взгляд его был тусклый, с бессмысленным выражением.

Юсупов предложил ему мадеры. Распутин выпил залпом и сразу оживился и стал предлагать князю ехать к цыганам. Последний отказался, ссылаясь на поздний час.

«Старец» сказал, многозначительно подмигнув: «Ничего, они привыкли. Иной раз всю ночь меня поджидают. Бывает, вот в Царском-то задержат меня делами какими важными, али просто беседой о Боге... Ну, а я отсюда на машине к ним и еду. Телу-то, поди, тоже отдохнуть требуется.. Верно я говорю? Мыслями с Богом, а телом-то с людьми. Вот оно что!»

Юсупов в эту минуту мог ожидать от Распутина всего, но не такого разговора. И особенно его поражало то, что прозорливый Распутин, который все чувствовал и угадывал, теперь был далек от сознания своей близкой смерти. Как он не заметил, что за спиной князя в одной руке зажат револьвер?

«Господи, дай мне сил покончить с ним!» - подумал князь, и медленным движением вынул револьвер из-за спины.

«Куда выстрелить - в висок или в сердце», - мелькнуло в голове Юсупова. И точно молния пробежала по его телу и он выстрелил.

Распутин дико заревел по-звериному и повалился навзничь на медвежью шкуру.

На лестнице раздался шум. Это друзья князя спешили к нему на помощь. Второпях они зацепили за электрический выключатель и свет потух. Юсупов очутился в темноте. Наконец, зажгли свет и все бросились к Распутину. Он лежал на спине и лицо его подергивалось, глаза были закрыты. Через некоторое время Распутин совсем затих. Пуля прошла навылет в области сердца и сомнений не было, что он мертв.

Ф. Юсупов пишет:

«Настроение у всех было повышенное. Мы верили, что событие этой ночи спасет Россию от гибели и позора».

Великий князь Дмитрий Павлович, поручик Сухотин и доктор Лазоверт уехали, чтобы устроить фиктивный отъезд Распутина из дома Юсупова на тот случай, если тайная полиция проследила, - куда уехал Распутин. Для этого Сухотин, чтобы изобразить Распутина, переделался в шубу и шапку «старца». Также они захватили и кое-что из одежды Распутина, чтобы сжечь это в топке санитарного поезда Пуришкевича.

Во дворце Юсупова остались только сам князь и Пуришкевич.

Почему-то Юсупов почувствовал смутную тревогу и желание пойти и посмотреть на тело Распутина.

Он спустился вниз. Распутин лежал на том же месте, где его оставили раньше. Но, прикоснувшись к нему, князь заметил, что тело его было еще теплое. Не зная, почему, он схватил Распутина за обе руки и сильно встряхнул. Тело поднялось, покачнулось и упало на прежнее место. Но внезапно, веко на левом глазу дрогнуло. Юсупов стал пристально вглядываться в Распутина и увидел, что его лицо начало конвульсивно вздрагивать все сильнее и сильнее. Потом его левый глаз приоткрылся и, через мгновение, и правое веко, также задрожав, приподнялось и оба глаза, с выражением дьявольской злобы, впились в князя.

Юсупов застыл в ужасе. Мускулы его тела окаменели. Он хотел бежать, звать на помощь, но ни голос, ни ноги ему не повиновались. Он стоял, как прикованный, к каменному полу. И вдруг, Распутин, резким движением, вскочил на ноги. Из его рта шла пена. Он был ужасен. Он стал издавать страшный рев. Юсупов видел, как в воздухе метнулись сведенные судорогой пальцы, и они, как раскаленное железо, впились в плечо князя, стараясь схватить его за горло. Глаза Распутина скосились и совсем выходили из орбит. Хриплым шепотом он все время повторял имя Юсупова: «Феликс».

Князя обуял такой ужас, сравнить который нельзя было ни с чем.

Началась кошмарная борьба:⁵²⁰

«В этом умирающем, отравленном и простреленном трупe, поднятом темными силами для отмщения своей гибели, было что-то до того страшное, чудовищное, что я до сих пор вспоминаю об этой минуте с непередаваемым ужасом.

Я тогда еще яснее понял и глубже почувствовал, что такое был Распутин: казалось, сам дьявол, воплотившийся в этого мужика, был передо мной и держал меня своими цепкими пальцами, чтобы никогда уже не выпустить...»

Но Юсупов рванулся и с невероятным усилием освободился из цепкой хватки дьявола-человека. Распутин, хрипя, повалился на спину, держа в руке погон князя, оборванный им во время борьбы. Он лежал неподвижно, весь скрючившись. Но вот он опять зашевелился

Князь бросился наверх и стал звать на помощь Пуришкевича:

«Скорее, скорее револьвер! Стреляйте, он жив!» - кричал князь и побежал в свой кабинет, чтобы схватить резиновую палку, которую дал ему «на всякий случай» Маклаков.

Распутин, на четвереньках, быстро поднимался из нижнего помещения вверх, рыча и хрипя, как раненый зверь. Весь съежившись, он достиг потайной двери, которая вела во двор. Зная, что дверь заперта и ключ увезен уехавшими товарищами, Юсупов встал на верхней площадке лестницы, крепко сжимая резиновую палку.

Но к его изумлению и ужасу потайная дверь распахнулась и Распутин исчез в темноте.

Пуришкевич бросился за ним. Он пишет следующее:⁵²¹

«То, что я увидел внизу, могло бы показаться сном, если бы не было ужасною для нас действительностью: Григорий Распутин, которого я полчаса тому назад созерцал при последнем издыхании, лежащим на каменном полу столовой, переваливаясь с боку на бок, быстро бежал по рыхлому снегу во дворе дворца вдоль железной решетки...

Первое мгновение я не мог поверить своим глазам; но громкий крик его в ночной тишине на бегу: «Феликс, Феликс, все скажу Царице»... убедил меня, что это он, что это Григорий Распутин, что он может уйти, благодаря своей феноменальной живучести...

Я бросился за ним вдогонку и выстрелил.

В ночной тиши чрезвычайно громкий звук моего револьвера пронесся в воздухе - промах!

Распутин надал ходу; я выстрелил вторично на бегу - и... опять промахнул..

Мгновения шли... Распутин подбегал уже к воротам, тогда я остановился, изо всех сил укусил себя за кисть левой руки, чтобы заставить себя сосредоточиться, и выстрелом (в третий раз) попал ему в спину. Он остановился, тогда я уже тщательнее прицелившись, стоя на том же месте, дал четвертый выстрел, попавший ему, как кажется, в голову, ибо он снопом упал ничком в снег и задергал головой. Я подбежал к нему и изо всей силы ударил его ногою в висок. Он лежал с далеко вытянутыми вперед руками, скребя снег и как будто бы желая ползти вперед на брюхе; но продвигаться он уже не мог и только лязгал и скрежетал зубами».

Князь Юсупов подошел к Распутину. Теперь он уже не подавал никаких признаков жизни.

Услышав выстрелы, ко дворцу спешил городовой, и из дома бежали двое служащих.

Князь стал говорить городовому, что это пустяки, что сегодня у него была вечеринка и кто-то из выпивших товарищей стал стрелять.

Вернувшись к трупу, Юсупов увидел, что тело переменило свое положение.

«Боже мой, он все еще жив!» - подумал князь и на него опять напал ужас при мысли,

⁵²⁰ Кн Ф Ф. Юсупов «Конец Распутина», сс 165-172.

⁵²¹ В.М. Пуришкевич «Убийство Распутина», сс. 81,82,84.

что Распутин вскочит и опять начнет его душить.

Юсупов вошел в свой дом. Ужасный шепот Распутина, звавшего его по имени, преследовал его. В глазах Юсупова темнело, ему стало плохо.

Пуришкевич нашел князя в уборной. Он стоял над умывальником, держал голову руками, и отплевывал

«Голубчик! что с вами, успокойтесь, его уже больше нет! Я с ним покончил! Идем со мною, милый, к вам в кабинет».

Испытав тошноту, Юсупов посмотрел на Пуришкевича блуждающим взглядом, но повиновалс Пуришкевич увел князя на его половину. Юсупов шел и все время повторял: «Феликс, Феликс, Феликс...»

В это время вернулся городской и стал опять спрашивать о выстрелах. Пуришкевич рассказал ему всю правду и просил молчать. Городской ответил:

«Хорошее дело совершили. Я буду молчать; а вот коли к присяге поведут, тут, делать нечего, - скажу все, что знаю; грех утаить».

Труп Распутина уже внесли в дом и положили на нижней площадке лестницы.

Юсупов чувствовал себя плохо: голова кружилась и он едва мог двигаться Но он все же взял со стола резиновую палку и пошел к трупу.

Тяжелое и отгалкивающее впечатление производило это тело: из всех его ран обильно лилась кровь. Юсупову хотелось убежать и забыть эту страшную действительность, но что-то влекло его к трупу. Он бросился к нему и начал избивать его резиновой палкой. Бил он Распутина в бешенстве и остервенении, куда попало... Тщетно старались остановить князя, но он все продолжал бить, а потом потерял сознание...

В.М. Пуришкевич пишет:⁵²²

«Я, стоявший наверху у перил лестницы, в первое мгновение ничего не понял и оторопел тем более, что и к моему глубочайшему изумлению, Распутин даже и теперь еще, казалось, подавал признаки жизни!

Перевернутый лицом вверх, он хрипел, и мне совершенно ясно было видно сверху, как у него закатился зрачек правого, открытого глаза, как будто глядевшего на меня бессмысленно, но ужасно (этот глаз я и сейчас вижу перед собою)».

В это время Великий князь Дмитрий Павлович, поручик Сухотин и доктор Лазоверт вернулись в закрытом автомобиле за трупом Распутина.

Завернув его в сукно и положив в автомобиль, они повезли его на Петровский остров.

Этот страшный путь с мертвецом описывает В.М. Пуришкевич.⁵²³ Он пишет, что дорога дальше пошла скверной и стали попадаться ухабы, на которых, лежавший на полу машины труп Распутина подпрыгивал несмотря на то, что на нем сидел солдат. По телу В. Пуришкевича пробежала нервная дрожь, когда его колена касался труп. Он , несмотря на мороз, еще не застыл, а был мягким. Подъезжая к мосту, с которого заговорщики собирались сбросить убитого в реку, князь Дмитрий Павлович замедлил ход машины и остановился у перил моста. Как можно тише открыв дверцу автомобиля, выскочил наружу В.М. Пуришкевич, а за ним солдат и доктор Лазоверт. К ним подоспел и, сидевший рядом с князем, поручик Сухотин. И все они вчетвером, раскачав труп Распутина, с силою бросили в прорубь, которая находилась перед мостом. Но второпях они забыли привязать к телу убитого гири. Пришлось эти гири побросать отдельно в прорубь, а цепи, которыми собирались привязать гири к телу, засунули в шубу Распутина и бросили тоже в прорубь. Затем, обыскав машину, нашли в ней бот убитого, и доктор Лазоверт швырнул его с моста в прорубь. Все это заняло не более двух или трех минут, после чего заговорщики сели в машину, и князь Дмитрий Павлович зажег опять фары и направил автомобиль вперед через

⁵²² В.М. Пуришкевич «Убийство Распутина», с. 85.

⁵²³ Там же, сс. 92,93.

мост...

Чтобы скрыть следы преступления, князь Юсупов пожертвовал одной из своих собак, которую застрелили, а потом протащили по следам Распутина, когда он полз по снегу, и оставили ее там.

Утром к князю явился полицмейстер, генерал Григорьев, который хотел узнать подробности ночных выстрелов.

Ф. Юсупов постарался убедить генерала, что ничего страшного там не произошло. Удовлетворенный пояснениями Юсупова, полицмейстер поехал к градоначальнику.

Сразу после отъезда генерала, раздался телефонный звонок. Это звонила Мария Головина, которая, находясь в страшном волнении, просила князя скорее приехать к ней.

Для Ф. Юсупова было невыносимо лгать ей в лицо. Но он это сделал. Мария Головина сказала, что Императрица и Анна Вырубова уверены в том, что Распутин убит, и убит именно во дворце князь Юсупов постарался успокоить Марию.

Ф. Юсупову пришлось написать письмо Государыне. Это была скорее докладная записка. Там он, конечно, все отрицал и повторял ту версию, которую передал генералу Григорьеву: о ночной вечеринке во дворце, и о том, что кто-то из гостей, уезжая, выстрелил во дворе.

Потом князь поехал к своему дяде, председателю Государственной Думы, Родзянко, который знал, что племянник готовит покушение на Распутина.

В коротких словах Ф. Юсупов сообщил Родзянко и его жене о случившемся, и, прощаясь, сказал:⁵²⁴

«Теперь мы отойдем в сторону и предоставим действовать другим. Дай Бог, чтобы общими усилиями можно было воздействовать на Государя и дать ему возможность увидеть всю правду, пока еще не поздно. Более благоприятный момент для этого трудно себе представить».

Родзянко ответил:

«Я уверен, что убийство Распутина будет понято, как патриотический акт, и что все, как один человек, объединятся и спасут погибающую Родину».

Ф. Юсупов решил сразу же уехать из Петрограда в Крым. Когда же он приехал на вокзал, то к нему подошел жандармский полковник, и очень волнуясь сказал, что по приказанию ее Величества, выезд князю из столицы запрещен. Юсупову пришлось вернуться к себе домой.

Великому князю Дмитрию Павловичу позвонил по телефону генерал-адъютант Максимович и заявил, что по приказанию Государыни Императрицы он арестован и не может покидать своего дворца.

Великий князь был этим очень расстроен, так как Государыня не имела на это права. Только Император мог отдать приказ об аресте члена Императорской фамилии.

В это время были перехвачены две телеграммы, которые послала Великая княгиня Елизавета Феодоровна: одну телеграмму она послала великому князю Дмитрию Павловичу, а другую - княгине Юсуповой.

В книге Воейкова «С Царем и без Царя» имеется текст этих телеграмм:⁵²⁵

1. «Москва, 18-12, 9.30. Великому князю Дмитрию Павловичу. Петроград. Только-что вернулась вчера поздно вечером, проведя неделю в Сарове и Дивееве, молясь за вас всех дорогих. Прошу дать мне письмом подробности событий. Да укрепит Бог Феликса после патриотического акта, им исполненного.

Элла».

⁵²⁴ Кн. Ф.Ф. Юсупов «Конец Распутина», сс. 190,191.

⁵²⁵ Дворцовый комендант Государя Императора В.Н. Воейков «С Царем и без Царя». Воспоминания последнего Дворцового коменданта Государя Императора Николая II. Москва, изд. «Родник», 1994, с. 112.

2. «Москва, 18-12, 8.52. Княгине Юсуповой. Кореиз. Все мои глубокие и горячие молитвы окружают вас всех за патриотический акт вашего дорогого сына. Да хранит вас Бог. Вернулась из Сарова и Дивеева, где провела в молитвах десять дней.

Елисавета».

Великая княгиня Елисавета Феодоровна видела в Распутине темную силу, и думала, что князь Ф. Юсупов, убив его, исполнил то, что было предназначено ему Провидением.

Протопопов прочитал эти личные телеграммы Великой княгини, снял с них копии и отправил их в Царское Село Императрице. Вследствие этого, Государыня решила, что и ее сестра причастна к заговору.

19 декабря из Ставки приехал Государь. Сопровождавшие его рассказывали, что после получения известия о смерти Распутина, Император находился «в таком радостном настроении, в каком его не видали с самого начала войны».

Князь Юсупов пишет:⁵²⁶

«Очевидно, Государь сам почувствовал и поверил, что, с исчезновением «старца», с него спадут тяжелые оковы, которые его связывали и которых он не имел сил с себя сбросить. Но лишь только он возвратился в Царское Село, как его душевное состояние резко изменилось, и он снова оказался всецело под влиянием окружающих».

Труп Распутина был найден в проруби у Петровского моста. Сначала на мосту нашли галошу Распутина с пятнами крови. Снег в этом месте был покрыт следами ног и изъезжен автомобильными шинами.

Князь Юсупов пишет, что достаточно назвать - кто присутствовал при осмотре моста по делу убийства Распутина, чтобы убедиться, какой «государственной катастрофой» являлась его смерть. Там были:⁵²⁷

«высшие чины Министерства Юстиции с министром во главе, прокурор Петроградской Судебной Палаты, Товарищ прокурора, судебный следователь по особо важным делам и представитель Министерства Внутренних Дел...»

Были вызваны водолазы, которые в течение двух с половиной часов производили обследование речного дна.

Вскоре обнаружили, недалеко от полыньи, примерзший ко льду рукав бобровой шубы Распутина. Лед прорубили около этого места и извлекли труп Распутина.

В это время к Петровскому мосту прибыли: министр Внутренних дел Протопопов, главный начальник Петроградского Военного округа, начальник Охранного отделения и другие чины администрации.

При осмотре трупа оказалось, что его ноги и руки были связаны веревкой, а правая рука была крепко сжата в кулак.

На теле Распутина обнаружили две пулевые раны, признанные врачами смертельными: одна в области груди, а другая на шее. Тело положили в деревянный гроб и перевезли в Чесменскую богадельню для вскрытия. Но по приказанию Императрицы, вскрытие было остановлено. Вскоре прибыл богато отделанный дубовый гроб и труп увезли в неизвестном направлении.

Арестованные во дворце князь Юсупов и Великий князь Дмитрий Павлович читали газеты и слушали рассказы тех, кто их навещал.

Князь Юсупов пишет,⁵²⁸ что он видел среди людей боязнь проявить смелую инициативу, видел лишь одно пассивное ожидание завтрашнего дня. Лица, которые имели возможность действовать, отходили в сторону, и, как бы нарочно, давали дорогу другой

⁵²⁶ Кн. Ф.Ф. Юсупов «Конец Распутина», с. 204.

⁵²⁷ Там же, с. 208.

⁵²⁸ Кн. Ф.Ф. Юсупов «Конец Распутина», сс.216-220.

слепой силе рока, которая решала судьбу России. Родственники Государя, сплотившись, могли бы повлиять на Императора, что привело бы к положительным результатам. Государь узнав в Ставке о смерти Распутина, был в радостном состоянии духа, следовательно, он понимал весь вред Распутина для России. Приехав же в Царское Село, Император очутился в атмосфере негодования против князя и его сообщников, негодования, которое было настолько велико, что во дворце поднимался вопрос о суровом наказании Юсупова и Дмитрия Павловича, вплоть до расстрела.

Князь Юсупов пишет:

«Одна за другой гасли наши недавние радостные надежды, ради которых мы решились на убийство Распутина и пережили весь кошмар незабываемой ночи с 16-го на 17-ое декабр..

Сколько было во мне и во всех нас чисто юношеской веры в то, что одним ударом можно победить зло!..

Еще печальнее было бы предположить тогда, что появление Распутина не было несчастной случайностью, а стояло в какой-то невидимой внутренней связи с тем незаметным процессом разложения, который совершался уже в какой-то части русского государственного организма...»

Князь Юсупов говорит, что весть об убийстве Распутина была принята жителями Петрограда с восторгом. Люди на улицах останавливались и поздравляли друг друга. То же самое наблюдалось и в армии.

Великая княгиня Мария Павловна, сестра Дмитрия Павловича, приехала из Пскова и передала брату и Юсупову свои впечатления. Она рассказывала, что в армии смерть Распутина вызвала огромное воодушевление, что там верят, что Император теперь разгонит окружившую его распутинскую клику и призовет к себе новых честных и благородных людей.

Из Киева приехал Великий князь Александр Михайлович. Он отправился в Царское Село, чтобы говорить с Государем о судьбе Дмитрия Павловича и Юсупова.

Результатом этого свидания явилось распоряжение Императора отправить Великого князя Дмитрия Павловича в Персию в распоряжение генерала Баратова.⁵²⁹ Князю же Юсупову было приказано покинуть Петроград и ехать в свое имение «Ракитное» в Курской губернии.

В заключение этой главы об убийстве Распутина, хочу привести последнюю запись из дневника В.М. Пуришкевича, который, простившись с Юсуповым, Дмитрием Павловичем и Сухотиным, вернулся в свой санитарный поезд и отправился на фронт. Эта запись очень трогательная и наводит на глубокие размышления В.М. Пуришкевич, большой патриот нашей Родины России, лежа в своем купе, записал 18-го декабря (ст. ст.) 1916 года следующее:⁵³⁰

«Еще темно, но я чувствую, что день уже близок. Я не могу заснуть. Вихрем проносится в разгоряченном мозгу моем рой быстро сменяющихся одна другую мыслей. Я не могу забыть; я думаю о будущем, не мелком, не личном, нет, а о будущем того великого края, который дороже мне семьи и жизни, - края, который зову Родиной.

Боже мой! Как темно грядущее в эти тяжелые годы ниспосланных нам рукою Всевышнего бранных испытаний.

Вынесем ли мы всю тяжесть бремени духовной непогоды, или обессилим, и уставшие и измученные, веру в себя потерявшие, утратим и то место в мире, которое занимали мы в течение многих веков нашего исторического существования

Кто скажет? Кто ответит? Кто сдернет завесу, рассеет туман, застилающий грядущие дали?

Великий ли мы народ, способный в русле национальной реки пробивать себе путь

⁵²⁹ Этим приказом Великий князь был фактически спасен от смерти от рук большевиков.

⁵³⁰ В.М. Пуришкевич «Убийство Распутина», с. 99.

вперед, поглощая в водах своих другие племена и мелкие народы, или? Или для нас все кончено, и мы, изжившиеся, измельчавшие, растленные ходом времени, обречены стать лишь ареною борьбы между собою других племен, других народов, почитающих славянство низшею расою, способною лишь утучнять чужие поля стран, шествующих по костям его к свету, к знанию и к мировому господству, коего нам достичь судьбою не дано!

Кто скажет? Кто ответит? Кто предречет поток событий в густом молочном тумане просыпающегося дня?...»

В.М. Пуришкевич был свидетелем революции в России, но он не увидел полного разорения любимой его Родины. Он вскоре скончался⁵³¹

ГЛАВА 23

Военный совет в Ставке. Похороны Распутина. Увольнение А.Ф. Трепова. Начало 1917 года. Новый председатель Совета Министров князь Голицын. А. Вырубова и Протопопов. Разговор Великого князя Александра Михайловича с Государыней. Последнее свидание Родзянко с Императором. Отъезд Государя в Ставку. Начало Февральской революции. Болезнь Царских детей. Генерал Хабалов. Вел. князь Михаил Александрович и М.В. Родзянко. Государь решает ехать в Царское Село. Власть переходит к Временному Комитету Государственной Думы. Ставка в дни революции в Петрограде. Государь получает тревожные телеграммы от Государыни. Генерал Иванов назначается ехать в столицу. Арест генералов Хабалова и Беляева. Анархи Генерал Рузский и его роль в отречении Государя. Роль генерала Алексева. Телеграмма, посланная главнокомандующим фронтами. Ответные телеграммы. Гучков и Шульгин приезжают на станцию Псков с предложением отречения Гучков: «всякая борьба для Вас, Государь, бесполезна». Отречение Императора.

17-го декабря⁵³² 1916 г. в Ставку прибыли на военный совет генералы Брусиллов, Эверт, Рузский и Военный министр Беляев.⁵³³ На совете обсуждался план военных действий на 1917 год. Было решено произвести весной этого года общее наступление, и главный удар по немцам предполагалось нанести армией генерала Брусилова.

Генерал Спиридович пишет, что русская армия была тогда готова во всех отношениях, и что в успехе решительного удара по врагу уже никто не сомневался

Бывший начальник Службы Связи Ставки полковник Сергеевский пишет, что Германия была истощена. Все ее людские запасы исчерпаны, военные заводы Германии принуждены были сократить работу на нужды войны на 50 процентов и население Германии стояло на грани голода.⁵³⁴

После совещания Государь с Наследником отбыли в Царское Село, где состоялись похороны Распутина. Его похоронили на земле, принадлежащей Анне Вырубовой, между Александровским парком и деревней Александровкой. В гроб Распутина положили ту икону, которую Императрица привезла из Новгорода, и которую А. Вырубова ему преподнесла.

⁵³¹ В книге Аарона Симановича «Распутин и евреи», на с. 198 написано, что Пуришкевич, после революции, попал в Новороссийск, где заболел тифом и был помещен в лазарет, где врачебный персонал состоял исключительно из евреев. Когда Пуришкевич находился уже на пути к выздоровлению, две сестры, во время припадка, дали ему выпить холодное шампанское, и он скоро после этого скончался

⁵³² Все даты этой главы - по ст. ст.

⁵³³ Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга II, сс. 208-211, 216-219.

⁵³⁴ Генерального Штаба Полковник Сергеевский «Отречение 1917». Нью-Йорк, изд «Военный Вестник», 1969, с. 6.

Отпевание совершал епископ Исидор. Утром к открытой могиле приехала Царская чета и Великие княжны. Были также А. Вырубова и г-жа Ден. Отец Александр, духовник их Величеств, отслужил литию. Государыня привезла букет белых цветов. Эти цветы бросили в могилу вместе с землей.

О переживаниях Государыни в связи с убийством Распутина, пишет Пьер Жильяр:⁵³⁵

«Я никогда не забуду того глубокого волнения, какое я испытывал при виде Императрицы. Ее взволнованное лицо, помимо ее воли, обнаруживало всю глубину ее страдания. Ее горе было огромно. У нее разбили ее веру, убили того, кто один, по ее мнению, мог спасти Цесаревича. Его нет, и всякие бедствия, всякие катастрофы возможны теперь. И началось ожидание, мучительное ожидание несчастья, которого не избежать».

Вся Царская Фамилия, за исключением Августейшей Семьи, приняла весть об убийстве Распутина с радостью. В этом убийстве Романовы видели избавление России от великого зла. Даже Императрица Мария Феодоровна, узнав о кончине Распутина, сказала:⁵³⁶

«Слава Богу, Распутин убран с дороги. Но нас ожидают теперь еще большие несчастья».

20-го декабря был освобожден от должности Премьера А.Ф. Трепов, требовавший устранения Протопопова, и на его место состоялось назначение князя Голицына.

Министр Юстиции Макаров был также уволен и его пост занял Добровольский.

Настал новый, страшный 1917 год.

Во время новогоднего Высочайшего приема, Государь очень милостиво разговаривал с послом Франции М. Палеологом, но, подойдя к английскому послу Бьюкенену, сказал ему что-то неприятное. Бьюкенен казался очень смущенным. Это увидели все присутствующие. Оказывается, Император заметил ему, что посол Англии не оправдал его доверия - он принимает у себя в посольстве врагов Государя

Императору стала известна закулисная игра Бьюкенена, который сносился с лидерами оппозиции царского правительства.⁵³⁷

В Петрограде носились всякого рода слухи. Из Москвы передавали о якобы предстоящем принудительном отречении Государя и о назначении регентом Великого князя Михаила Александровича при Наследнике Алексее.⁵³⁸ Тревожные вести проникали и в Царскосельский дворец. Императрица почти все время лежала и выглядела измученной и физически и душевно. Генерал Воейков казался самоуверенным и всезнающим. Но он о конкретных заговорах ничего не знал и верил заверениям Протопопова, что все обстоит благополучно.

Тогда существовало мнение, что Император не знал о том, что делается кругом. Но генерал Спиридович утверждает, что Государь знал все, кроме тайной революционной работы. Некоторые из многочисленных лиц, которых принял Государь за время своего пребывания в Царском Селе, откровенно говорили ему о надвигающейся катастрофе и даже об угрожающей ему лично опасности. Об этом говорил министр Иностранных дел Покровский. Он советовал Императору пойти на уступки и сменить Протопопова. Докладывал Государю о тревоге в обществе князь Голицын. Он доносил о слухах из Москвы о предстоящем перевороте. Также об этом сообщил Императору Великий князь Павел

⁵³⁵ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», с. 164.

⁵³⁶ Вел. князь Александр Михайлович «Книга воспоминаний», с. 269.

⁵³⁷ Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга III, с. 14,

⁵³⁸ Там же, сс. 17-31.

Александрович. Председатель Государственной Думы М.В. Родзянко, с присущей ему прямолинейностью, говорил Императору даже о том, что Императрицу не любят, и что надо ее отстранить от государственных дел. Московский Предводитель дворянства Самарин пришел к Государю и сказал ему то же самое, что и Родзянко. Иркутский генерал-губернатор Пильц, которого Государь любил еще по его службе в Могилеве, доложил Императору о всеобщем недовольстве и о потере престижа власти. Государь ему ответил, что предстоящее наступление русских войск будет победоносным и тогда это всех успокоит.

Брат Государя Императора Великий князь Михаил Александрович не раз предупреждал Государя о всеобщей тревоге, о непопулярности правительства и особенно Протопопова, о желании широких кругов иметь ответственное министерство.

В конце января новый председатель Совета Министров князь Голицын пришел к Императору с докладом и старался убедить его в непригодности Протопопова как министра Внутренних дел, прося удалить его.

Государь всех внимательно выслушивал, но не хотел перемен в правительстве во время войны. Он верил Протопопову, верил, что этот протеже Распутина в критическую минуту примет все меры предосторожности и предотвратит надвигающуюся беду.

В январе месяце Император высказал генералу Гурко пожелание вызвать в столицу для отдыха кавалерийские части с фронта: одну гвардейскую кавалерийскую дивизию и одну армейскую, а также и Гвардейский экипаж.

Генерал Спиридович пишет со слов генерала Гурко, что тот отправил соответствующие телеграммы начальникам частей. Но генерал Хабалов, командующий Петроградским военным округом, категорически заявил, что в Петрограде и в его окрестностях нет места для расквартировки такого количества кавалерии. Хабалов сам лично об этом доложил Императору, и Государь отменил свое первое повеление относительно кавалерии, но подтвердил приказание о вызове Гвардейского флотского экипажа.

Генерал Спиридович думает, что генерал Хабалов сделал свой необдуманный ошибочный доклад под влиянием чинов своего штаба. И если бы в Петрограде в начале бунта находилось несколько кавалерийских полков, то события повернулись бы в другом направлении.⁵³⁹

Анна Вырубова еще больше сблизилась с Государыней на почве почитания ушедшего «Друга»-Распутина. Протопопов это заметил и внушил Вырубовой мысль о своей «духовной» связи с душой Распутина. Теперь Анна стала посредницей между Протопоповым и их Величествами.

Как сказано выше, Протопопов не был психически здоровым человеком. Он лечился у Бадмаева и психиатра Бехтерева. Он также находился под большим влиянием одного хироманта, оккультиста и магнетизера Перрэн, ⁵⁴⁰ австрийца, который приезжал в Петроград, но потом был выслан из России из-за подозрения в шпионаже в пользу немцев. Перрэн еще при назначении Протопопова министром стал слать ему письма, где предвещал ему большое будущее и славу. Он писал Протопопову, что под его управлением Россия станет новой, сильной и счастливой. Уверял министра, что он находится под влиянием Юпитера, и что он, Перрэн, будет защищать его при помощи астральной силы, которая поможет Протопопову преодолеть все препятствия и трудности.

После смерти Распутина, Протопопов, как и раньше, приезжал в Царское Село, разыгрывал из себя энергичного и знающего государственного деятеля; лгал, что он все предвидит и все предупредит. Он «доверительно» рассказывал Императрице о том, что им руководит из потустороннего мира сам Распутин и уверял ее, что даже видел его

⁵³⁹ Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга III, сс. 26,27.

⁵⁴⁰ Там же, сс. 37-41.

«астральное» тело.

В феврале месяце Петроград находился как в лихорадке. Шли забастовки на заводах, по улицам бродили рабочие.

Генерал Глобачев докладывал об увеличивающемся недовольстве среди населения из-за недостатка некоторых продуктов. Он предостерегал Протопопова о возможности так называемых «голодных бунтов»; предупреждал его, что можно ожидать шествия рабочих к Таврическому дворцу, и что об этом было вынесено общее решение большевиков, меньшевиков и социал-демократов.

Великий князь Александр Михайлович, понимая, какое тревожное положение создалось в Петрограде, решил поговорить об этом с Императрицей. Он добился у нее аудиенции.

Государыня приняла его, лежа в своей спальне, в присутствии Государя Александр Михайлович стал говорить о политической ситуации в стране, и о том, что вся клевета и сплетни принимаются народом за правду. Дальнейший разговор принял такую форму, что Императрица возвысила голос. Великий князь сделал то же самое. Он был в сильном гневе.⁵⁴¹

»... Я вижу, что Вы готовы погибнуть вместе с Вашим мужем, но не забывайте о нас! Разве все мы должны страдать за Ваше слепое безрассудство? Вы не имеете права увлекать за собою Ваших родственников в пропасть».

Императрица отказалась продолжать этот горячий разговор, и Великий князь удалился

Через час приехал к Государю с докладом Родзянко.⁵⁴² Расстроенный предыдущим разговором супруги с Александром Михайловичем, Император просил Родзянко прочесть его доклад. Это изложение председателя Государственной Думы носило резкий характер. Там критиковалось отношение правительства к Думе и были нападки на Протопопова. Родзянко предупредил Императора о возможности революции.

Государь расстался с Родзянко сухо. Это было их последнее свидание.

В середине февраля социалист А.Ф. Керенский выступил с речью, в которой затрагивал Императрицу.

Протопопов, по своему обыкновению, струсил и никаких мер против Керенского принимать не стал.

Через два дня Керенский, Коновалов и Чхеидзе опять атаковали правительство. С этого времени началась революционная «слава» Керенского.

Император уезжал в Ставку. Перед отъездом он со всей семьей говел. Накануне отъезда Государь видел Протопопова и тот уверял его, что в столице все спокойно, и пожелал Императору хорошего путешествия

22-го февраля, после напутственного молебна в Феодоровском соборе, Государь с Императрицей проехали в церковь Знамения и приложились к чудотворной иконе Божией Матери.

Императрица, проводив супруга, вернулась во дворец. Красные пятна покрывали ее лицо. Она стала молиться и плакала. Плакали и дети.

23-го февраля, в «День женщины», работницы текстильной фабрики объявили забастовку. К полудню на Выборгской стороне уже бастовало 30 тысяч рабочих. Были брошены лозунги: «Долой войну», «Давайте хлеба». Толпа стала бить стекла и устремилась на Невский проспект. Трамваи останавливались. Конная полиция старалась рассеять толпу. Люди разбегались, а потом снова собирались и шли. Только поздно вечером прекратились столкновения рабочих с полицией. Но по тротуарам продолжали бродить бастующие, ездили

⁵⁴¹ Вел. князь Александр Михайлович «Книга воспоминаний», сс. 273-275.

⁵⁴² Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга III, сс. 51-53

казаки и конная полиция Так началась февральская революция 1917 года.⁵⁴³ Министр Внутренних дел Протопопов и командующий Петроградским военным округом генерал Хабалов не поняли истинного характера манифестаций, считая, что все это несерьезно.

В этот же день в Царском Селе заболели корью Великая княжна Ольга и Наследник. Заболела и А. Вырубова.

Государыня сама стала ухаживать за больными детьми. Настроение ее было очень тревожное. Но о беспорядках в городе Императрице ничего официально донесено не было.

На следующий день демонстрации в Петрограде возобновились. Бастовало уже около 170 тысяч рабочих. На Выборгской стороне большевики объявили забастовку политической. Их поддержали меньшевики и социалисты. Были провозглашены лозунги: «Долой царское правительство!», «Долой войну!», «Да здравствует Временное правительство!» Толпа останавливает трамваи, бьет стекла, громит магазины, поет Марсельезу и «Вставай, подымайся, рабочий народ!» Убит пристав, появляются раненые...

Государыню Протопопов обманывает и говорит, что все спокойно. В своем письме Императору она не высказала никакой тревоги. В тот день у Великой княжны Татьяны также появилась корь.

Вечером у городского Головы состоялось заседание по продовольственному вопросу, которое вылилось в политическое. Этому способствовал Керенский, который приехал туда со своей зажигательной речью.

Протопопов послал в Ставку генералу Воейкову первую телеграмму о беспорядках в столице, и объяснил это недостатком хлеба. Он ничего не сообщил о политическом характере демонстраций.

25-го февраля генерал Хабалов послал генералу Алексееву, который вернулся уже в Ставку, первое сообщение о беспорядках, объяснив это также продовольственным вопросом.

В тот день, вечером, Хабалов получил личную телеграмму от Государя:

«Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией.

Николай».

Генерал Хабалов растерялся и не знал, что делать. У него собрались командиры запасных батальонов и начальники участков военной охраны. Хабалов отдал приказ: толпы незначительные - разгонять кавалерией; толпы же агрессивные с революционными флагами - рассеивать огнем по уставу. Открывать огонь после трехкратного предупреждения сигналом.

Генерал Спиридович пишет, что это распоряжение было неправильным; что об огне должен решать каждый начальник на месте.

Поздно вечером началось заседание Совета Министров на квартире князя Голицына. Это было первое заседание с начала беспорядков в столице.

Протопопов говорил сбивчиво, путал, высказывался за роспуск Думы и за подавление беспорядков вооруженной силой. Производил он впечатление человека испуганного и растерянного.

Князь Голицын старался примирить всех и поручил двум министрам переговорить с некоторыми думскими лидерами. Совет согласился с проектом генерала Хабалова - опубликовать с утра и расклеить по городу предупреждения, что толпы будут рассеиваться оружием.

Императрица была против репрессивных мер: «Не надо стрельбы, не надо стрельбы» - говорила она.

Протопопов после собрания написал Государыне успокоительное письмо, но Императору в Могилев он не отправил ни одного доклада.

На основании сведений, полученных от Протопопова, Государыня написала супругу

⁵⁴³ Описание Февральской революции в России заимствовано из книги генерала Спиридовича «Великая война и Февральская революция».

письмо, где назвала беспорядки «хулиганским движением», и что «мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба».

26-го февраля, в воскресенье, газеты не вышли. С утра войсковые части уже стояли повсюду. Среди рабочих на Выборгской стороне был брошен лозунг - «брататься с солдатами».

С полудня Невский проспект был уже залит толпой. В два часа начались демонстрации: появились красные флаги, стали слышны революционные песни.

Начали стрелять. Появились убитые и раненые.

В Царском Селе Императрица была всецело поглощена уходом за больными. Она переходила от постелей детей к Анне Вырубовой и обратно.

В полночь она послала первую тревожную телеграмму Государю, где писала, что ее очень беспокоят события в городе.

Генерал Спиридович позвонил Воейкову и рассказал ему о положении в столице; говорил, что Думу надо распустить и волнения подавлять силой, но что для этого необходимо присутствие в Петрограде самого Императора.

В этот день произошел бунт 4-ой роты запасного батальона Лейб-Гвардии Павловского полка. Слух о бунте стал известен во всех казармах.

Протопопов продолжал верить, что генерал Хабалов справится с бунтовщиками. Он не видел ничего угрожающего в том, что солдаты Павловского полка перешли на сторону толпы. Протопопов пил в гостях послеобеденный кофе и не хотел говорить о неприятной теме - о демонстрантах. Он рассказывал анекдоты и о том, как его любят их Величества.

Посылая телеграмму Воейкову, Протопопов ни одним словом не упомянул о бунте Павловцев.

На квартире князя Голицына опять собрался Совет Министров, который и утвердил роспуск Думы с 26-го феврал. Это было сообщено М.В. Родзянко.

Родзянко, получив сообщение о роспуске Государственной Думы, послал генералу Алексееву и некоторым главнокомандующим телеграммы, где просил о назначении ответственного лица для формирования нового правительства, которое бы пользовалось доверием народа.

27-го февраля произошел бунт в запасном батальоне Лейб-Гвардии Волынского полка. Был убит капитан. Часть взбунтовавшихся волынцев пошла к преображенцам. Бунтующие солдаты соединились с рабочими. В городе начались поджоги. Было много убитых и раненых. Бушующая толпа осадила тюрьму «Кресты» и выпустила на свободу преступников, подожгла здание Окружного суда и стала строить баррикады. После этого беснующаяся масса устремилась к Таврическому дворцу.

Несмотря на роспуск Думы, туда стали собираться депутаты. Они выбрали Временный Комитет - «для водворения порядка в столице...»

При приближении толпы к Государственной Думе, депутаты бежали. Остались только Керенский, Чхеидзе и некоторые другие. С тех пор, как выражается генерал Спиридович, - Дума стала «штабом революции».

Посланный Хабаловым отряд полковника Кутепова двинулся на усмирение бунтующих, но был ими раздавлен. Сам Кутепов укрылся в одном из госпиталей.

Генерал Хабалов растерялся. Отовсюду просили войск для охраны, а их не было.

Одна или две роты преображенцев вышли на площадь Зимнего дворца. Вскоре туда подошли две роты Гвардейского экипажа, которые были посланы Великим князем Кириллом Владимировичем. Он думал, что войска собираются по приказанию генерала Хабалова. Подошел эскадрон жандармского дивизиона. Все стояли в ожидании приказаний, но их не последовало и солдаты стали расходиться.

Премьер Голицын, после рассказа генерала Хабалова о том, что творится в городе, стал спешно собирать Совет Министров. Хабалов был перепуган и производил странное впечатление. У него даже тряслись руки.

Только теперь Военный министр Беляев стал понимать, что творится что-то

чрезвычайно серьезное. В это время приехал Великий князь Кирилл Владимирович и стал упрекать Хабалова, что он не дает никаких распоряжений. Великий князь также убеждал Беляева принять меры к устранению Протопопова.

Около 4-х часов собрались министры в Мариинском дворце. Князь Голицын высказал Протопопову, что необходим его уход. Протопопов, пробормотав что-то, удалился, успев сказать кому-то, что ему остается только застрелиться. Сам же спрятался у кого-то из младших служащих дворца.

В шесть часов вечера, с общего согласия, Голицын послал Государю телеграмму, что Совет Министров объявляет город на осадном положении и просит назначить в Петроград для командования войсками популярного генерала, что Совет Министров не может справиться с беспорядками, а сам Голицын просит Императора его уволить и назначить лицо, пользующееся общим доверием, чтобы составить новое правительство.

Вечером в Мариинский дворец приехал Великий князь Михаил Александрович и М.В. Родзянко. Здесь князь Голицын и Родзянко стали упрашивать Михаила Александровича, ввиду исключительных катастрофических событий, объявить себя Регентом за отсутствием Государя и принять на себя командование над всеми войсками города, а князю Львову поручить образовать министерство.

Генерал Спиридович пишет, что, верный своему брату-Императору, Великий князь Михаил Александрович не мог принять на себя регенство, а сделаться командующим всеми силами столицы и обрушиться на революцию - не было в характере Великого князя. Помочь же Государю и России он хотел; и Великий князь согласился переговорить с Императором.

При участии князя Голицына, Родзянко, генерала Беляева и Статс-секретаря Гос. Совета С.Е. Крыжановского, был составлен текст разговора.

Был вызван к проводу генерал Алексеев в 10.30 часов вечера, и Михаил Александрович стал говорить, что для успокоения беспорядков необходимо уволить весь состав Совета Министров и поручить князю Львову образовать новое правительство. Великий князь просил Императора безотлагательно уполномочить его, Михаила Александровича, объявить об этом от имени Монарха. Также Великий князь советовал Императору отложить свой приезд в Царское Село на несколько дней.

Через полчаса генерал Алексеев передал ответ его Величества: что Государь не считает возможным отложить свой приезд в Царское Село; что он выезжает 28-го числа в 2 часа 30 минут дня; что все меры по перемене Государь откладывает до своего возвращения в Царское Село; что завтра в Петроград отправляется генерал-адъютант Иванов в качестве главнокомандующего Петроградским округом, и что завтра же направляются с фронта четыре пехотных и четыре кавалерийских полка.

Беляев прочел ответ Императора Совету Министров. Все были подавлены. Князь Голицын спрашивал: «Что же делать?»

В это время разнесся слух, что ко дворцу идет толпа. Среди министров произошло смятение и они решили разойтись. В этот момент погасло электричество. В панике министры успели скрыться. Вскоре во дворец ворвалась толпа и началось разграбление здания. Так окончил свое существование последнее царское правительство.

К вечеру почти весь Петроград был во власти революционеров. По улицам ходили солдаты и вооруженные рабочие. Слышалась оружейная стрельба. Над городом пылало зарево - горели здания. По улицам выискивали городских и убивали их. В разных концах Петрограда толпы осаждали казармы, где еще укрывались не присоединившиеся к революции солдаты. Дикая толпа увлекала слабовольных и убивала офицеров. К ночи были вовлечены в бунт почти все солдаты запасных частей.

Все устремились к зданию Государственной Думы. Люди всякого рода заполнили Таврический дворец. Среди думских делегатов была видна растерянность. Депутаты стали упрашивать М.В. Родзянко, чтобы Временный Комитет объявил себя революционной правительственной властью. Родзянко колебался. Он сказал, что не хочет бунтовать, что он никаких революций не делал и не желает делать. Его упрашивали. Тогда он попросил дать

ему 15 минут на размышление. В это время к нему пришло известие, что солдаты и офицеры запасного батальона Преображенского полка предоставляют себя в распоряжение Государственной Думы. Это сообщение перевесило сомнения Родзянко, он дал свое согласие и стал во главе Временного Комитета Думы.

В 6 часов утра 28-го февраля Родзянко послал генералу Алексееву и всем командующим фронтами телеграммы, что власть перешла к Временному Комитету Государственной Думы.

Новая власть совершенно игнорировала Императора. В ту ночь эта власть, без официального обсуждения, решила низвергнуть русского Царя

Почти одновременно с Временным Комитетом народился второй революционный комитет - Совет Рабочих и Солдатских депутатов. Этот Совет утвердил Исполнительный Комитет, председателем которого стал Чхеидзе, а Товарищем председателя - Керенский.

Генерал Спиридович пишет, что никаких войск в распоряжении солдатского штаба не было. Напрасно Хабалов боялся каких-то сорока пяти тысяч восставших. Но восставшие обладали инициативой и были опьянены революционным порывом. И главная их сила заключалась в позорном бездействии царского правительства - в лице Протопопова и Хабалова...

В Царском Селе только 27-го февраля Императрица поняла, что началась революция. Она хотела быть спокойной, но очень волновалась. Вскоре после 11-и часов утра она отправила первую тревожную телеграмму Императору, а после часу дня написала, что необходимы уступки.

В 10 часов вечера в Царскосельский дворец звонил Беляев. Он, по совету Родзянко, просил немедленно увезти Императрицу с детьми из Царского Села.

Был вызван по телефону Воейков и ему поручили доложить о событиях его Величеству. Государь повелел приготовить немедленно поезд для отъезда Императрицы с детьми.

В эти грозные дни революции в Петрограде, в Ставке происходило следующее.

Государь Император, прибыв в Ставку, сразу же принял генерала Алексеева, который только-что вернулся из Крыма, где проходил курс лечения. Государь остался доволен докладом генерала, хотя Алексей тогда еще не оправился от своей болезни и чувствовал себя плохо.

В первый день своего приезда Император получил извещение от Государыни о болезни детей. Это очень его встревожило. Вероятно, и тяжелые предчувствия томили Государя. Это видно из его писем супруге, где проскальзывает грусть.

24-го февраля, вечером, из разговора с Государыней Император узнал кое-что о «голодных беспорядках». Узнали об этом и в свите, но никто не обратил на это должного внимания

25-го числа, несмотря на сильный мороз, Государь поехал в автомобиле на прогулку и заехал в монастырь, чтобы приложиться к иконе Божией Матери и помолиться о Царице, детях и о России. Об этом Государь сообщает супруге в письме от 26-го февраля

По возвращении с прогулки, Император получил письмо от Государыни, где говорилось о беспорядках из-за того, что бедняки осаждали булочные. Император этому значения не придавал. Он знал, что в столице хлеба достаточно.

В этот день начинают поступать в Ставку сведения о манифестациях в Петрограде: начальнику Штаба доносят Военный министр Беляев и генерал Хабалов, а Дворцовому коменданту - Протопопов.

Телеграммы, направленные генералу Алексееву Беляевым, носили успокоительный характер, и поэтому не вызвали в Ставке беспокойства.

А. Бубнов в своей книге «В Царской Ставке» пишет,⁵⁴⁴ что Верховное командование

⁵⁴⁴ А. Бубнов «В Царской Ставке», Воспоминания адмирала Бубнова. Изд. имени Чехова. Нью-Йорк, 1955,

несомненно знало о нарастании революционного настроения в Петрограде. Но министр Внутренних дел Протопопов уверял Верховное командование, что он справится со всякими беспорядками.

А. Бубнов продолжает, что генерал Алексеев, зная Протопопова, в руках которого находилась высшая гражданская власть в столице, зная этого всеми ненавидимого человека:

»... должен был со своей стороны принять особо сугубые меры для обеспечения порядка в столице».

В оправдание генерала Алексеева необходимо сказать, что он в дни революции очень страдал от своей болезни почек. У него температура доходила до 40 градусов и были сильные боли.⁵⁴⁵

26-го февраля, в воскресенье, когда Государь шел из дворца в церковь, по пути его следования стояло много народа. Все кланялись Императору, и некоторые женщины - в ноги. Кое-кто крестил Государя вслед. Это показалось странным - какое-то было непонятное настроение у толпы.

Храм был переполнен. Очень горячо молился генерал Алексеев и многие другие.

Император стоял на правом клиросе и тут ему стало плохо. Об этом Государь пишет Императрице в письме от 26-го февраля:⁵⁴⁶

»... Сегодня утром, во время богослужения, я почувствовал мучительную боль в груди, которая продолжалась с четверть часа. Я едва простоял службу и мой лоб покрылся каплями пота. Я не могу понять - что это было, так как у меня учащенного сердцебиения не было, но потом это внезапно прекратилось, когда я встал на колени перед иконой Пресвятой Богородицы... «

Государь продолжает верить Протопопову. Об этом он пишет в том же письме от 26-го февраля:

»... Я надеюсь, что Хабалов сможет остановить эти уличные беспорядки. Протопопов должен дать ему ясные и определенные инструкции. Только бы старый Голицын не потерял своей головы...»

Протопопов же ничего не делал, лгал Императрице, что все будет хорошо, радовался, что все свалил на Хабалова, а потом, перетрусивши, и совсем исчез.

К вечеру пришла от Родзянко телеграмма о том, что в столице анархия, что транспорт в полном расстройстве, что необходимо поручить лицу, пользующемуся полным доверием, составить новое правительство. В конце телеграммы стояло: «Всякое промедление смерти подобно»⁵⁴⁷

Телеграмме Родзянко серьезного значения в Ставке не придали.

Генерал Спиридович пишет, что тогда же у генерала Дубенского появилась несчастная мысль - послать в Петроград для усмирения бунтующих генерала Иванова с войсками. Дубенский думал, что поскольку генерал Иванов блестяще справился с подавлением какого-то бунта в революцию 1905 года, то он и теперь усмирит волнение.

Дубенский пошел к профессору Федорову и стал его склонять, чтобы он подсказал эту мысль Императору. Федоров согласилс

Поздно ночью 26-го февраля пришла от Родзянко Алексееву еще телеграмма, где Родзянко писал, что волнения в Петрограде принимают стихийные и угрожающие размеры. Основа их - слабый подвоз муки к городу, но, главное, - это недоверие народа к власти. В

⁵⁴⁵ Полковник Сергеевский «Отречение 1917», сс. 21,22.

⁵⁴⁶ The letters of the Tsar to the Tsaritsa, 1914-1917, с 316.

⁵⁴⁷ Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга III,с. 163.

телеграмме Родзянко стояло, что единственным выходом из создавшегося положения является безотлагательное призвание лица, которому верит вся страна, и которому будет поручено составить новое правительство, пользующееся всеобщим доверием.

Тождественные телеграммы были посланы и командующим армиями, где Родзянко просил поддержать его перед Императором.

Таким образом, впервые официально втягивались в политку командующие генералы.⁵⁴⁸

Эту телеграмму генерал Алексеев прочел поздно вечером и решил доложить о ней Императору утром, 27-го феврал

Генерал Спиридович пишет, что Ставка, не обладавшая правильной информацией ни со стороны Дворцового коменданта, ни со стороны военных властей, и имевшая многомиллионную армию, опоздала в своих действиях относительно подавления революции на несколько дней. Царская Ставка стала принимать соответствующие меры только с позднего вечера 27-го феврал

Поговорив с Алексеевым, Государь согласился назначить ответственное лицо для урегулирования продовольственного вопроса и транспортного дела. Назначить же министерство доверия Император не хотел. В тот день все заметили, что он казался озабоченным.

Вскоре были принесены телеграммы от Хабалова и от Беляева. Там говорилось о бунте запасных батальонов Павловского, Волынского, Литовского и Преображенского полков.

Военный министр Беляев писал, что он твердо уверен в скором наступлении спокойствия, и что для этого принимаются меры. Писал также, что власти уверены в успехе.

Генерал Спиридович характеризует эту телеграмму Беляева, как «легкомысленную и преступную по лживости и по желанию успокоить Ставку».

Принесли телеграмму от Родзянко в 12 ч. 40 м., где говорилось о перерыве в занятиях Государственной Думы, что запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом, что убивают офицеров, что гражданская война началась и разгорается Родзянко писал: «.. Государь, не медлите. Если движение перебросится в армию, восторжествует немец и крушение России, а с ней и Династии неминуемо..»⁵⁴⁹

В это время генерал Дубенский и профессор Федоров агитировали за отправку в Петроград генерала Иванова. О том, что он уже в преклонных годах, и что он уже не тот, каким был в 1905 году - они не думали.

Полковник Сергеевский пишет,⁵⁵⁰ что генерал Алексеев не одобрял кандидатуру Иванова. Он знал этого генерала и знал, что он для этого поручения не годится

Вечером пришла от Беляева тревожная телеграмма, и теперь в Ставке поверили, что в Петрограде творится, действительно, что-то очень серьезное.

Генерал Алексеев пошел к Императору и было вынесено решение:

1. Послать в Петроград генерала Иванова с назначением его командующим Петроградским Военным округом. Ему повелевалось выехать 28-го числа с тремя ротами Георгиевского батальона, который находился в Ставке.

2. Послать в Петроград от Северного и Западного фронтов по бригаде пехоты, по бригаде кавалерии и по одной пулеметной команде.

В этот день, 27-го февраля, Государь получил от Императрицы три тревожных

⁵⁴⁸ Там же, с. 165.

⁵⁴⁹ Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга III, с. 172.

⁵⁵⁰ Полковник Сергеевский «Отречение 1917», с. 11.

телеграммы, где говорилось, что революция приняла ужасающие размеры, что уступки необходимы, и что горит Окружной суд. Государь, ввиду создавшегося опасного положения в столице, решил ехать в Царское Село.

Теперь в Ставке стали понимать, что положение в столице очень серьезное, что Петроград и вся Россия в опасности.

В книге «Последние дни Императорской власти», Александр Блок, основываясь на записках генерала Дубенского, пишет:⁵⁵¹

«Во всяком случае, настроение Ставки резко изменилось к вечеру 27 феврал Воейков, который балаганил, устраивал свою квартиру и до 5 часов дня «прибивал шторы и привешивал картинки», вдруг понял трагичность положения и «стал ходить красный, тараща глаза»...

Дубенский рассказывает в своем дневнике (от 3 марта), что «27 февраля вечером было экстренное заседание под председательством Государя, Алексеева, Фредерикса и Воейкова. Алексеев, ввиду полученных известий из Петрограда, умолял Государя согласиться на требование Родзянко дать конституцию, Фредерикс молчал, а Воейков настоял на непринятии этого предложения и убеждал Государя немедленно выехать в Царское Село».

Около 10 часов вечера 27-го февраля от генерала Рузского пришла телеграмма, где он поддерживал Родзянко в необходимости принятия срочных мер, которые могли бы успокоить население.

После 10 часов вечера был вызван к телефону Великим князем Михаилом Александровичем генерал Алексеев.

Великий князь просил уполномочить его образовать новое правительство (см. выше).

Через полчаса от Государя пришел отрицательный ответ. Тогда Великий князь Михаил Александрович передал генералу Алексееву следующее:⁵⁵²

«Со своей стороны сообщаю лично вам, что я опасаясь, как бы не было упущено время до возвращения Е.В., так как при настоящих условиях дорог буквально каждый час...»

Вскоре для Государя пришла телеграмма от председателя Совета Министров князя Голицына, где он доносил, что правительство не может справиться с волнениями, просил уволить его и всех министров и назначить Премьером лицо, пользующееся доверием общества и поручить ему составить новый кабинет министров.

Император не согласился и Голицыну была отправлена следующая телеграмма:⁵⁵³

«... О главном военном начальнике для Петрограда мною дано повеление начальнику моего штаба с указанием немедленно прибыть в столицу. То же и относительно войск. Лично вам предоставляю все необходимые права по гражданскому управлению. Относительно перемен в личном составе, при данных обстоятельствах, считаю их недопустимыми.

Николай»

Телеграмма была отправлена из Ставки в 23 ч. 25 м., но она не могла быть вручена князю Голицыну, так как правительство уже прекратило свое существование.

В могилевском доме шли приготовления к отъезду Государя в Царское Село. В час ночи 28-го февраля к Императору пришел генерал Алексеев и принес телеграмму от Хабалова, где говорилось, что большинство воинских частей изменили своему долгу и отказались бороться против мятежников, и что к вечеру бунтовщики овладели большей частью города.

Полковник Сергеевский пишет,⁵⁵⁴ что решение Императора ехать в Царское Село -

⁵⁵¹ "Последние дни Императорской власти", по неизданным документам составил Александр Блок. Париж, второе издание, Librarie de Sialsky, 1978,cc 80,82

⁵⁵² Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга III,с. 181.

⁵⁵³ Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга III, сс. 181,182.

очень взволновало генерала Алексеева, и он, направляясь к Государю, сказал, что на коленях будет умолять Императора не ехать, и что отъезд Монарха погубит Россию.

Алексеев довольно долго оставался в кабинете Государя Потом, перед прощанием с Государем, Алексеев, став около Мордвинова, сказал ему, что напрасно Император уезжает из Ставки; что он пытался убедить Государя не ехать в Царское Село, но Его Величество очень беспокоится за Семью и стремится к Ней.

Государь вышел в 2 часа ночи. Одет он был в походную солдатскую шинель и папаху. Пожав руку генералу Алексееву, Император сел в автомобиль. С ним сел граф Фредерикс. За Государем ехали Воейков и Мордвинов. Воейков ругал Родзянко и верил в успех генерала Иванова.

Приехав к поезду, Государь Император принял генерала Иванова, который просил монаршего повеления, чтобы его слушались все министры. Император согласился Иванов сказал Государю, что он постарается уладить все миролюбиво, что он предполагает не вводить сразу отряд в столицу, а остановиться где-либо недалеко. Император дал свое согласие. Прощаясь с Ивановым, Государь сказал:⁵⁵⁵

«До свиданья, вероятно, в Царском Селе завтра увидимся».

В поезде Воейков получил телеграмму, где сообщалось, что мятежники захватили Мариинский дворец...

Рано утром 28-го февраля отбыли из Могилева два императорских литерных поезда. Поезд с Государем отправился в 5 ч. утра.

В 8 ч. 25 м. утра Хабалов послал генералу Алексееву телеграмму:⁵⁵⁶

«Число оставшихся верных долгу уменьшилось до 600 человек пехоты и до 500 чел. всадников при 13 пулеметах и 12 орудиях с 80 патронами всего. Положение до чрезвычайности трудное».

Настроение Хабалова и Беляева было тяжелое. Они знали, что генерал Иванов еще не выезжал из Могилева...

Положение создалось такое, что генерал Беляев отдал распоряжение войскам разойтись кто как хочет - кто с оружием, кто без оружи

На улице стояла сплошная толпа из рабочих, солдат и молодежи. К орудиям привязали красные лоскуть Эта дикая масса людей восторженно орала: «ура!»...

В 1 ч. 30 м. Беляев телеграфировал Алексееву:⁵⁵⁷

«Около 12 часов дня 28 февраля остатки оставшихся еще верными частей, в числе 4 рот, 1 сотни, 2 батарей и пулеметной роты, по требованию Морского министра, были выведены из Адмиралтейства, чтобы не подвергнуть разгрому здание...»

В 4 часа вооруженная толпа нахлынула в Адмиралтейство и арестовала там генералов Хабалова и Беляева.

В Таврическом дворце известие о конце сопротивления генерала Хабалова было встречено восторженно.

Родзянко приказал вынуть в зале из великолепной рамы портрет Государя⁵⁵⁸ Несколько солдат штыками сорвали его. Другие смотрели на это и острили. Вместо портрета Монарха стала зиять пустота.

554 Полковник Сергеевский «Отречение 1917», с. 16.

555 Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга III, с. 184.

556 Там же, с. 188.

557 Там же, с. 190.

558 Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга III, с. 191.

Генерал Спиридович пишет, что пока Император не отрекся от престола, офицеры, в своей массе, были верны ему. Агитаторы натравливали солдат на офицеров, и началось разоружение командного состава. Офицеров арестовывают и привозят в Думу. Солдатам агитаторы вдалбливают в головы, что офицеры - это дворяне, «царисты», а революция идет против Царя

В Петрограде стало известно, что на город двигается генерал Иванов. Революционный штаб дает распоряжение о занятии революционными войсками главных пунктов столицы.

Арестовывают престарелого Штюрмера, митрополита Питирима, всех офицеров Жандармского управления Начальника Жандармов генерала Волкова толпа убила.

Вечером в здание Думы пришел добровольно жалкий и униженный Протопопов. Керенский спас его от расправы толпы.

Идут бесконечной вереницей арестованные чины полиции и жандармы. Многие из них избиты. Солдаты приводят своих арестованных офицеров. Родзянко по-начальнически принимает их, а когда революционеры уходят, то освобождает их.

Вскоре весь министерский павильон, хоры и даже подвалы обратились в тюрьму.

Празднуя победу, революционеры боялись возвращения Императора и прихода с фронта войск. Поэтому было решено овладеть сетью железных дорог, чтобы не допустить прибытия Государя и войск. Это дело взял на себя член Государственной Думы инженер Бубликов.

По всем станциям железных дорог Бубликов разослал телеграммы, где воспрещал движение каких-либо воинских поездов в районе 250 верст вокруг Петрограда.

Бубликов также вызвал из Царского Села инженера Ломоносова, служащего Министерства Путей Сообщения, и предложил ему работать на революцию. Ломоносов согласился, и Бубликов поручил ему узнать, где находятся императорские поезда и дал приказание - руководить их движением.

В Таврическом дворце под одной крышей с Временным Комитетом Думы работал Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских депутатов. Совершая вместе с буржуазией революцию, Исполнительный Комитет не забывал, что буржуазия - враг его, и что она является только временной попутчицей Совета Рабочих и Солдатских депутатов.

Был опубликован составленный большевиками манифест «Ко всем Гражданам России». Там говорилось, что задачей рабочего класса и революционной армии является создать Временное Революционное правительство, которое должно стать во главе нового республиканского строя в стране. В этом манифесте призывалось «немедленно прекратить кровавую человеческую бойню, которая навязана поработенным народам». Этот манифест распространялся везде...

В Царском Сельском дворце Императрица волновалась. Она не знала, что делать. Ей советовали уезжать с больными детьми, но она не хотела.

В Царское Село пробрался окружными путями из Петрограда генерал Глобачев. Он рассказал то, что делается в Петрограде, но ему не верили. Вдруг разнесся слух, что идут рабочие громить дворец. Прислуга заволновалась.

Из Петрограда пришла весть, что убили камергера Валуева, начальника Северо-Западных железных дорог, который спешил навстречу Государю. Толпа с воплем, что он хочет увести Царя к немцам, набросилась на него. На помощь поспешил священник, отец Митрофан. Он в облачении и с крестом в руке, хотел остановить дикую расправу над Валуевым, но того все же увезли и расстреляли.

Вечером солдаты Царского Сельского гарнизона высыпали на улицу с оружием в руках и под звуки оркестра, игравшего Марсельезу, стали кричать «ура» и стрелять в воздух.

Начался бунт. Электричество Везде погасло. Вооруженная толпа двинулась к тюрьмам и освободила арестантов. Громили магазины и вся эта масса бросилась ко дворцу. Но сюда уже были вызваны некоторые воинские части: Собственный полк, Конвой Его Величества, рота Железнодорожного полка и батарея воздушной охраны; подошли и две роты

Гвардейского экипажа. Отряд выстроился в ограде дворца...

На улице спустилась ночь и мороз стал крепчать. Солдаты мерзли от холода.

Во дворце Императрица получила телеграмму от Государя: «Завтра утром надеюсь быть дома». Все приободрились. Радовались и солдаты. Государыня тогда решила выйти к войскам. Узнав об этом, солдаты подтянулись и все смотрели на широкие двери дворца.

И вот они распахнулись и появились два камердинера, нарядно одетых. Они держали высоко в руках серебряные канделябры с зажженными свечами. За ними вышла Императрица с единственной незаболевшей дочерью - Марией Николаевной.

Спокойная и величественная Царица шла по рядам солдат с улыбкой и говорила несколько обыкновенных слов. Великая княжна Мария, эта настоящая русская красавица, шла с ней рядом и всем ласково улыбалась. Солдаты, офицеры и моряки были очарованы как видом Императрицы, так и Великой княжной. Это успокоило солдат и расположило их сердца к Государыне и Монархии.

В ту ночь Императрица не раздевалась. Она устроила спать на ночь в своем салоне баронессу Буксгевден и графиню Апраксину, и сама принесла им подушки.

В левом крыле здания, около больной Вырубовой, устроились ее родители и Лили Ден. Присутствие во дворце Анны Вырубовой и ее родителей нервировало всех: и придворных, и прислугу и даже солдат - все так ненавидели Вырубову...

В ту ночь под 1-е марта в Таврическом дворце решалась судьба Императора. Большинство хотело его отречения в пользу Наследника при регенстве Великого князя Михаила Александровича. Был составлен проект акта отречения Императора. Для предъявления Государю требования об отречении должны были ехать к Императору Родзянко и С. Шидловский.

В исполкоме Совета Рабочих и Солдатских депутатов обсуждался вопрос «об Николае II». Суханов-Гиммер - «худой, тщедушный, бритый с холодной жестокостью в лице до того злобном... У дьявола мог бы быть такой секретарь»⁵⁵⁹ - злобно доказывал, что Родзянко пускать к Императору нельзя; что через Родзянко буржуазия сговорится с Царем и образуется контрреволюционная сила; что на Петроград будут двинуты войска.

Мнение Суханова-Гиммера было поддержано Исполкомом, и в поезде, чтобы ехать к Императору, Родзянко было отказано.

В это время Совет Рабочих и Солдатских депутатов выпустил свой губительный для армии и флота Приказ №1. Этим приказом отменялось отдание чести и вставание во фронт солдат перед офицерами вне службы и стро

Составителями этого приказа были: присяжный поверенный Соколов, Суханов-Гиммер, большевик Стеклов-Нахамкес, Чхеидзе и Керенский.

С утра 1-го марта к зданию Государственной Думы шли военные части. Шли с красными бантами, со старыми боевыми знаменами, к которым тоже были привязаны красные тряпки.

Временный Комитет, во главе с Родзянко, разместился в двух задних комнатах дворца. Его члены выходят и благодарят войска, «пришедшие на поклон», и говорят им приветственные речи. Но уже у Временного Комитета нет сомнений в том, что хозяевами положения являются не они, а Совет Рабочих и Солдатских депутатов с Исполкомом во главе. Горячий по своей природе Родзянко чувствует это и то и дело слышатся его эпитеты: «мерзавцы», «негодяи», «собачьи депутаты».⁵⁶⁰

Около 4-х часов к Думе подошел Гвардейский экипаж Великого князя Кирилла Владимировича.

⁵⁵⁹ Характеристика Гиммера депутатом Шульгиным. См. книгу ген. Спиридовича «Великая война и Февральская революция», с. 210.

⁵⁶⁰ Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга III.С.209.

Генерал Спиридович пишет, что Кирилл Владимирович был поставлен в известность о беспокойном состоянии экипажа, и поэтому согласился вести его к Думе. Но он сел в машину, и, опередив Гвардейский экипаж, первым явился в Таврический дворец.

Появление Великого князя Кирилла Владимировича в Думе вызвало тогда разговоры. Многие видели в этом поступке присоединение Великого князя к революционерам и считали поведение Кирилла Владимировича недостойным для члена Династии Романовых.⁵⁶¹

Усталый и разбитый физически и морально, Великий князь вернулся к себе. Там его ждал Гучков и предложил его Гвардейскому экипажу занять главный вокзал. Кирилл Владимирович наотрез отказался.

Генерал Спиридович говорит, что некоторые утверждали, что у 1 Великого князя был приколот красный бант. Офицер же Павловского училища, который видел тогда Кирилла Владимировича, категорически утверждал противное, и говорил Спиридовичу, что у Великого князя банта не было, но другие заметили, что Великий князь был одет не по форме - его палаш находился под пальто...

В комнате №13 Государственной Думы разместился Исполком. Здесь всем распоряжаются присяжный поверенный Соколов и журналисты Суханов-Гиммер и Стеклов-Нахамкес.

В Думе радостно встречают новость, что «взята» Петропавловская крепость. Передают о бунте в Кронштадте. Замучен и убит там главный начальник адмирал Вирен.

Военная комиссия, во главе которой стоял Гучков, разрабатывает план, - как встретить идущие с фронта войска. Комендантом Таврического дворца назначен полковник Энгельгардт. Он отдал по гарнизону приказ, воспрещающий офицерам отбирать у солдат оружие. Такой приказ ущемлял права офицеров и был как раз на руку Исполкому и его главному руководителю - Суханову-Гиммеру...⁵⁶²

В Царском Селе все с тревогой ждали вестей от Государя. Но вот, в 5 часов утра, пришла страшная весть, что императорский поезд задержан и его не пропускают в Царское Село.

Государыня была в ужасе: как и кто посмел задержать поезд с Императором? Что же делали Алексеев, Воейков и другие?

Около полуночи стало известно, что на вокзал прибыл вагон с генералом Ивановым, но что его эшелоны с войсками где-то задержаны.

Прибыв во дворец, генерал Иванов направился к Императрице, у которой провел долгое время. Вернувшись от нее, он сказал, что собирать войска в Царском Селе не будет, никакого приказа отдавать тоже не будет, что Государыня против этого.

Иванову была передана телеграмма от Государя следующего содержания:⁵⁶³

«Царское Село. Надеюсь прибыли благополучно. Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не принимать.

Николай. 2 марта 1917г. 0ч. 20м.»

Когда императорский поезд прибыл на станцию Малая Вишера, то стало известно, что дальше ехать нельзя, так как следующие станции заняты революционерами. Когда доложили об этом Государю, то он повелел повернуть поезд обратно, а на станции Бологое свернуть на запад и следовать на Псков.

В 9 часов утра 1-го марта императорский поезд прибыл в Бологое. Около 3-х часов дня поезд остановился на станции Дно. Здесь Императору вручили телеграмму от Родзянко с

⁵⁶¹ Там же, с. 217.

⁵⁶² Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга III, с. 210.

⁵⁶³ Там же, с. 222.

просьбой об аудиенции. Государь стал ждать его, но Родзянко, как известно из предыдущего, не прибыл по причине того, что Исполком Совета Рабочих и Солдатских депутатов отказал ему в поезде.

Тогда Государь приказал ехать дальше на Псков и сообщить Родзянко, что он будет ждать его в Пскове.

После семи часов вечера поезд Государя прибыл в Псков. Никакой встречи здесь генерал Рузский для Императора не приготовил. Эта дерзость генерала была замечена всеми. В это время Воейкову передали телеграмму от Родзянко, что он приехать не может.

Генерал Рузский решил взять на себя труд уверить Императора в необходимости даровать ответственное министерство. В разговоре с Государем он горячился, доказывая необходимость реформы. В это время принесли для Государя телеграмму от Алексеева - №1865. В ней генерал Алексеев писал, что ежеминутно растущая опасность распространения анархии по всей стране, разложения армии и невозможность продолжения войны при создавшейся обстановке, требует немедленного Высочайшего акта, который мог бы успокоить умы.⁵⁶⁴ Далее следовал текст манифеста о даровании ответственного министерства и о возложении обязанности образования его на Родзянко.

Государь прочитал телеграмму и решил склониться к уступке. Он вызвал к себе генерала Воейкова.

Об этом Воейков пишет:⁵⁶⁵

«... Государь позвал меня к себе и передал телеграмму, составленную им на имя Родзянко, в которой Его Величество объявлял свою Монаршую волю дать ответственное министерство, сохранив ответственность лично перед ним, как Верховным Вождем армии и флота, министров Военного и Морского, а также - по делам иностранной политики, министра Иностранных дел. Государь повелел мне сейчас же отправить по Юзу эту телеграмму Родзянко, чтобы по возможности скорее получить от него ответ, как и сведения обо всем, что творится в Петрограде».

Далее Воейков пишет, что генерал Рузский, узнав об этом, запротестовал и захотел сам лично отправить эту государеву телеграмму Родзянко. Чтобы прекратить недоразумение, Император взял от Воейкова телеграмму и передал ее Фредериксу с приказанием отдать ее Рузскому для отправки. Но, как узнал Воейков на следующий день, эту телеграмму Рузский не отправил:

«... генерал Рузский добавил, что та телеграмма, которую Государь ему накануне передал относительно ответственного министерства, настолько, по его мнению, запоздала, что он ее, после переговоров с Родзянко, даже не отправил и что сейчас единственный выход - отречение Государь..»

В 12 часов ночи генерал Рузский опять пошел к Государю и стал убеждать его приостановить репрессивные меры против революции, и, прежде всего, остановить действия генерала Иванова. Согласившись на это, Император в первом часу ночи послал генералу Иванову в Царское Село телеграмму, в которой повелевал до своего приезда никаких мер не принимать. (См. выше).

Рузский же поспешил отдать приказание о возвращении на фронт взятых от него войск и послал Алексееву телеграмму об отозвании войск, посланных с Западного фронта.

Генерал Спиридович пишет, что таким образом Рузский ликвидировал вопрос о вооруженном подавлении революции.⁵⁶⁶

Спиридович также пишет, что генерал Рузский сломил измученного, издерганного

⁵⁶⁴ Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга III, сс. 251,252.

⁵⁶⁵ В.Н. Воейков «С Царем и без Царя», сс. 130-132.

⁵⁶⁶ Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга III, с. 253.

морально Императора, который не находил в те дни около себя настоящей поддержки.

Государь сдал морально. Он уступил грубой, напористой силе человека, который топал ногами и стучал рукой по столу. Об этом Император потом рассказывал своей матери, Марии Феодоровне, и Государь не мог забыть этого даже в Тобольске...

В ночь на 2-е марта в Таврическом дворце произошло совещание Временного Комитета Думы и Исполкома. От Временного Комитета там были: Родзянко - председатель, Милюков, Шульгин, Львов, Некрасов, Чхеидзе, Годнее, Керенский, Шидловский и другие. От Исполкома были: Соколов, Стеклов-Нахамкес и Суханов-Гиммер.

Собрание было бурным. Настроенные друг против друга, они обсуждали вопрос о составе правительства, а потом перешли к вопросу о Монархии. Исполком не хотел, чтобы принимались какие-либо шаги к предрешению будущей формы правления в России. Милюков же горячо отстаивал установление конституционной монархии при Цесаревиче Алексее и регенстве Великого князя Михаила Александровича. Спор продолжался, но в это время Родзянко попросили в главный штаб для разговора с генералом Рузским. Это было в 3 часа 20 мин. ночи 2-го марта. Рузский сказал, что Император согласен даровать ответственное министерство, и о том, что об этом уже готов манифест. Родзянко ответил, что этого теперь недостаточно, что «династический вопрос поставлен ребром», и что, «к сожалению, манифест запоздал»⁵⁶⁷

Текст разговора между Родзянко и Рузским был отправлен генералу Алексееву.

Между тем, бурное собрание в Таврическом дворце продолжалось. Очень горячился А.И. Гучков, который настаивал на отречении Императора. Он сам предложил себя, чтобы ехать к Государю и просить его об отречении. С Гучковым выразил желание ехать В.В. Шульгин.

В шестом часу утра Гучков и Шульгин покинули здание Государственной Думы и направились в Псков.

Генерал Спиридович пишет, что на поездку Гучкова и Шульгина - двух добровольцев-политиканов, согласились семь или восемь усталых, растерявшихся членов Временного Комитета Думы во главе с Родзянко и Милюковым...

В Ставке в это время шла лихорадочная работа. Рано утром, 2-го марта, генерал Алексеев узнал о разговоре Рузского с Родзянко.

Около 9-ти часов утра, по приказанию Алексеева, генерал Лукомский вызвал к телеграфу Пскова генерала Данилова и передал ему следующее:⁵⁶⁸

«... Генерал Алексеев просит сейчас же доложить Главкосеву, что необходимо разбудить Государя и сейчас же доложить ему о разговоре генерала Рузского с Родзянко. Переживаем слишком серьезный момент, когда решается вопрос свержения Государя с престола...»

Далее в этой телеграмме Лукомский добавил от себя:

«... по моему глубокому убеждению, выбора нет и отречение должно состоять. Надо помнить, что вся Царская Семья находится в руках мятежных войск...»

Эти слова Лукомского о занятии Царскосельского дворца войсками были неверны. Генерал Спиридович пишет, что здесь или Ставка была в заблуждении, или же Ставка хотела напугать этим Государя и подтолкнуть его на отречение.

Была отправлена всем главнокомандующим телеграмма №1872,⁵⁶⁹ где говорилось, что

⁵⁶⁷ Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга III, сс. 258-267.

⁵⁶⁸ Там же, с. 276.

⁵⁶⁹ Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга III, сс. 277, 278. Генерал А.И. Спиридович пишет, что остается невыясненным - чья это была инициатива послать телеграмму №1872 всем главнокомандующим - самого ли генерала Алексеева, или же кого-либо из его помощников. Как

Император изъявил свое согласие учредить ответственное перед палатами министерство, поручив Родзянко образовать кабинет. Но ввиду того, что этот акт уже запоздал, то династический вопрос теперь поставлен ребром и войну можно продолжать до победного конца лишь при отречении от престола Императора в пользу сына при регенстве Михаила Александровича.

Далее в телеграмме шло личное мнение Алексеева и желание, чтобы главнокомандующие послали свои телеграммы в Псков, Государю.

Эта телеграмма №1872 была послана главнокомандующим: Брусилову, Эверту и Сахарову, а также в Тифлис генералу Янушкевичу для Великого князя Николая Николаевича.

Генерал Алексеев хотел узнать также мнение о возможном отречении Императора у начальника Морского штаба при Ставке, адмирала Русина.

Адмирал Русин был приглашен в Ставку к Алексееву и последний стал говорить ему о предполагаемом отречении Императора. Реакция Русина выразилась восклицанием:⁵⁷⁰

«Какой ужас, какое несчастье!»

Генерал Алексеев молчал. Тогда адмирал Русин встал, попрощался и вышел из кабинета Алексеева, даже не спросив его, для чего он его приглашал.

Ночь с 1-го на 2-е марта Государь провел почти без сна. Он написал телеграмму Императрице, потом долго молился, целовал образки и фотографию Наследника.

Около Государя не было ни одного близкого человека, кто мог бы поддержать его морально и дать правильный совет.

Во время утреннего чая Император сидел очень бледным. Это заметили все. Потом он пригласил к себе генерала Рузского, который доложил ему о ночном разговоре с Родзянко и положил перед Государем ленту текста разговора.

Император внимательно читал ленту. Потом он встал и в раздумье подошел к окну. Затем, обратившись к Рузскому, стал спокойно говорить об отречении от престола. Он сказал, что рожден для несчастья, что приносит несчастье России, и что если необходимо для блага России, то он отойдет в сторону. Но далее Государь выразил опасение, что народ этого его шага не поймет, что его начнут обвинять в том, будто он изменил своей клятве, данной в день священного коронования

В это время Рузскому подали телеграмму Алексеева №1872. Рузский сказал, что ему надо подумать и посмотреть, что ответят другие главнокомандующие. Тогда Государь сказал: «Да, и мне надо подумать».

Генерал Воейков пишет, что когда он пришел к Государю, его поразила перемена, происшедшая в облике Императора:⁵⁷¹

«... Казалось, что он, после громадных переживаний, отдался течению и покорился своей тяжелой судьбе. Мой разговор с Рузским не дал мне основания сказать что-либо в утешение Его Величеству, несмотря на самое горячее и искреннее желание это сделать».

В ответ на телеграмму Алексеева №1872 Государю пришли телеграммы от главнокомандующих фронтами.

В телеграмме Великого князя Николая Николаевича стояло:⁵⁷²

говорил позже Алексеев Лукомскому, то была инициатива Рузского, но это не подтверждено никакими документами.

⁵⁷⁰ Там же, с. 282.

⁵⁷¹ В.Н. Воейков «С Царем и без Царя», с. 132.

⁵⁷² Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга III, сс. 290.291.

«Генерал-адъютант Алексеев сообщает мне создавшуюся небывало роковую обстановку и просит меня поддержать его мнение, что победоносный конец войны, столь необходимый для блага и будущности России и спасения Династии, вызывает принятие сверхмеры. Я, как верноподданный, считаю, по долгу присяги и по духу присяги, необходимым коленопреклоненно молить Ваше Императорское Величество спасти Россию и Вашего Наследника, зная чувство святой любви Вашей к России и к нему. Осенив себя крестным знаменем, передайте ему Ваше наследие. Другого выхода нет...»

Генерал-адъютант Брусиллов в своей телеграмме писал, что в данный момент единственный выход - это отказаться от престола в пользу Наследника.

Генерал-адъютант Эверт также писал, что он умоляет Императора принять решение, согласованное с заявлением председателя Государственной Думы, выраженное генералу-адъютанту Рузскому.

Позже пришли телеграммы от генерала Сахарова и вице-адмирала Непенина.⁵⁷³

В телеграмме генерала Сахарова среди прочего, говорилось:

«... Переходя же к логике разума и учтя создавшуюся безысходность положения, я, непоколебимо верноподданный Его Величества, рыдая, вынужден сказать, что, пожалуй, наиболее безболезненным выходом для страны и для сохранения возможности биться с внешним врагом, является решение пойти навстречу уже высказанным условиям, дабы промедление не дало пищу к предъявлению дальнейших, еще гнуснейших притязаний».

Телеграмма от вице-адмирала Непенина:

«С огромным трудом удерживаю в повиновении флот и вверенные войска. В Ревеле положение критическое, но не теряю еще надежды его удержать. Всеподданейше присоединяюсь к ходатайствам Вел. Кн. Николая Николаевича и главнокомандующих фронтами о немедленном принятии решения, формулированного председателем Гос. Думы...»

Генерал Спиридович пишет, что Государь знал Непенина как выдающегося морского начальника. Поэтому эта телеграмма произвела большое впечатление на него. Это были добавочные капли горечи в чашу, испитую Императором.

Командующий Черноморским флотом адмирал Колчак на циркулярную телеграмму из Ставки ответа не прислал. Вероятно, он думал так же, как и адмирал Русин.

Генерал Рузский, мнение которого совпадало с мнением других главнокомандующих, явился к Государю вместе с генералами Даниловым и Савичем.

Рузский сказал Императору, что для спасения России сейчас выход один - отречение от престола в пользу Наследника.

Государь ответил:⁵⁷⁴

«Но я не знаю, хочет ли этого вся Россия».

Рузский предложил Императору выслушать мнение генералов Данилова и Савича.

Государь сказал:

«Хорошо, но только я прошу откровенного мнения».

Все очень волновались. Первым говорил Данилов. Он сказал, что не видит другого выхода, кроме принятия предложения Государственной Думы.

Государь обратился к Савичу:

«А вы такого же мнения?»

Савич так волновался, что не мог говорить. Он чувствовал, что может разрыдаться Он только произнес:

«Я человек прямой и потому я вполне присоединяюсь к тому, что сказал генерал Данилов».

⁵⁷³ Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга III, сс. 300,304.

⁵⁷⁴ Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга III, сс. 293-296.

После этих слов Государь тихо отошел к окну и стал туда смотреть. Прошло минуты две жуткой и тягостной тишины. Потом Император обернулся и как-то странно сказал:

«Я решил Я отказываюсь от престола», - и перекрестилс Перекрестились и три генерала.

Обратясь к Рузскому, Государь сказал:

«Благодарю вас за доблестную и верную службу» - и поцеловал его. Затем Император удалился к себе в вагон.

Как ошеломленные, остались стоять в салоне генералы.

Через несколько минут Государь принес и дал Рузскому две телеграммы. В одной, для председателя Гос. Думы стояло:

«Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родимой матушки России.

Посему я готов отречься от престола в пользу моего сына, с тем, чтобы он оставался при мне до совершеннолетия, при регенстве брата моего Михаила Александровича.

Николай».

В другой телеграмме на имя генерала Алексеева было написано:

«Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России, я готов отречься от престола в пользу моего сына. Прошу всех служить ему верно и нелицемерно.

Николай».

Никто из свиты, кроме графа Фредерикса и Воейкова, не знал об отречении Государя от престола. Когда узнали - поднялась суматоха. Одному из присутствующих стало плохо. Все протестовали и стали просить графа Фредерикса идти к Императору и умолять его переменить это решение.

Фредерикс пошел к Государю и вернулся за Воейковым. Дворцовый комендант поспешил к Императору:⁵⁷⁵

«Неужели верно то, что говорил граф - что Ваше Величество подписали отречение? И где оно?»

Государь ответил, передавая Воейкову лежавшую у него на столе пачку телеграмм:

«Что мне оставалось делать, когда все мне изменили? Первый Николаша... Читайте».

Воейков стал убеждать Императора взять обратно акт отречения и ждать разговора с Гучковым и Шульгиным. Государь согласился и послал к генералу Рузскому Нарышкина.

Рузский отказался дать акт отречения Нарышкину и сам принес его Императору.

Уходя из императорского поезда, Рузский приказал скороходу, что когда приедут депутаты от Думы, то чтобы они предварительно зашли к нему, а потом уже шли к Императору.

Вся свита волновалась. Граф Фредерикс плакал. Все ждали чего-то и хотели, чтобы Государь взял свое отречение обратно.

Император пригласил к себе профессора Федорова и спросил его о Наследнике - будет ли он совершенно здоровым или нет?

Федоров ответил, что нет. Сказал, что чудес в природе не бывает, что Цесаревич может прожить и очень долго, но может и умереть каждую минуту от простой случайности.

Тогда Государь стал говорить, как он будет жить вместе с Наследником после отречени На это профессор Федоров сказал, что, по всему вероятно, Цесаревичу придется жить в семье регента Великого князя Михаила Александровича.

Тогда Император решительно запротестовал, говоря, что никогда не отдаст сына в руки супруги брата, и выразился о ней очень резко.

После этого разговора Федорову стало ясно, что Государь намеревается отречься и за своего сына.

Во время пятичасового чая было заметно по глазам Императора, печальным и

⁵⁷⁵ В.Н. Воейков «С Царем и без Царя», с. 133.

задумчивым, да и по нервному движению, когда он доставал папиросу, - как у него тяжело на душе.

Как утопающий хватается за соломинку, так и государева свита думала, что Гучков и Шульгин могут приехать с каким-либо другим предложением, и что при помощи этого предложения можно будет изменить решение Государя об отречении.

В это время генерал Алексеев в Ставке поручил генералу Лукомскому и церемонимейстеру Н. Базили составить проект манифеста об отречении.

Этот манифест был передан генералу Данилову в 17 ч. 40 м. С манифестом пошла и телеграмма:⁵⁷⁶

«Сообщаю проект выработанного манифеста на тот случай, если бы Государь Император соизволил принять решение и одобрить изложенный манифест. 2 марта. № 1896. Генерал-адъютант Алексеев».

В девятом часу вечера Государю передали телеграмму Родзянко, направленную Алексею. Там Родзянко, игнорируя Верховную Власть, сообщал об образовании Временного правительства во главе с князем Львовым.

Родзянко также просил о назначении на должность командующего Петроградским военным округом генерал-лейтенанта Корнилова, «как доблестного боевого генерала, имя которого было бы популярно и авторитетно в глазах населения».⁵⁷⁷

Генерал Алексеев послал вместе с этой телеграммой следующее:

«Всеподданнейше докладываю эту телеграмму и испрашиваю разрешения Вашего Императорского Величества исполнить ее...

Вместе с тем, прошу разрешения отозвать генерал-адъютанта Иванова в Могилев...»

Государь Император проставил свою резолюцию: «Исполнить».

В 9 ч. 40 м. вечера экстренный поезд привез на станцию Псков Гучкова и Шульгина. Поезд был украшен красными флагами.

Первыми из вагона выскочили несколько субъектов в военной форме с винтовками. Было видно, что они не умели обращаться с ружьями.

В вагон поднялся флигель-адъютант Мордвинов и сказал депутатам, что Император их ждет. Гучков и Шульгин забеспокоились, так как они были небриты и неряшливо одеты, но все же пошли. Их провели в салон, где уже находился министр Двора граф Фредерикс. Он был безукоризненно одет с тремя, осыпанными бриллиантами, портретами русских Императоров на груди. Салон охраняли с двух сторон, чтобы никто не мог даже близко подойти.

Вошел Государь. Он был в пластунской черкеске, спокойный, но бледный. Подав руку депутатам, Император спросил: «а где же генерал Рузский?»

Ему ответили, что сейчас придет. Государь жестом предложил занять места. Там был Фредерикс, и в углу разместился за отдельным столиком начальник походной канцелярии Нарышкин, чтобы записывать все, что будет происходить.

По знаку Государя начал говорить Гучков. Очень волнуясь, опустив голову и глядя на стол, он говорил довольно долго и вполне корректно. Он сказал:⁵⁷⁸

«Всякая борьба для Вас, Государь, бесполезна», - и привел, как пример, что в ночь на 1-е марта в Государственную Думу явилась депутация из Царскосельского дворца, где были

⁵⁷⁶ Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга III, с. 302.

⁵⁷⁷ Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга III, с. 303.

⁵⁷⁸ Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга III, сс. 308,309.

представители Конвоя,⁵⁷⁹ Железнодорожного полка и Дворцовой полиции - около 30 человек. Все они сказали, что присоединяются к новой власти.

Далее Гучков советовал последовать решению Временного Комитета и отречься от престола. Он также подчеркнул, что большинство из них стоит за конституционную монархию. Гучков предлагал отречься в пользу Наследника при регенстве Великого князя Михаила Александровича.

В это время в вагон вошел генерал Рузский. Он прошептал Шульгину, что это «дело» уже решенное.

Гучков закончил свою речь словами: чтобы Государь «помолившись Богу», исполнил пожелание Государственной Думы и отречься в пользу Цесаревича.

При словах о молитве, Император как-то странно взглянул на Гучкова.

Возможно, что Государь был удивлен, услышав от Гучкова «поучительные» слова о молитве и о Боге.

Гучков передал Императору проект манифеста. Государь взял его, аккуратно сложил и стал говорить. Говорил он твердым и спокойным голосом.

Он сказал, что принял решение отречься в пользу сына, но что не может расстаться с большим ребенком, и поэтому отречается и за него в пользу своего брата Михаила.

«Надеюсь, что вы поймете чувства отца» - тихим голосом закончил Император.

Взяв со стола сложенную бумагу - проект манифеста, который привез Гучков, Государь удалился в свой вагон.

Депутаты растерялись. Они не были готовы к тому, что сказал им Император. Они не знали, имеет ли право Государь по основным законам отречься за своего сына. Но после обсуждения, они решили принять отречение так, как предложил им Император. Государь сам лично составил черновик акта отречения в пользу

Великого князя Михаила Александровича и приказал переписать его на машинке генералу Нарышкину.

Войдя в салон, государь передал готовый акт Гучкову. Тот стал читать его вслух. Это был красивый и благородный манифест отречения

После этого депутаты попросили Императора о назначении его именем председателем Совета Министров князя Львова, а Верховным Главнокомандующим - Великого князя Николая Николаевича. Государь охотно согласился и лично написал два указа Сенату.

Государь Император стал прощаться и удалился в свой вагон. Часы показывали 11 ч. 45 м. ночи. Депутаты пошли к вагону генерала Рузского, где их ждала закуска. На путях стояла толпа народа. На вопросы толпы отвечал Гучков. Толпа молчала. Некоторые крестились.

Так закончилась великая эра Династии Романовых, этих Царей и Цариц, собирателей Земли Русской.

Акт об отречении Императора Николая II:

«В дни великой Борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание.

Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны, во что бы то ни стало, до победоносного конца. Жестокий враг напрягает последние силы и уже близок час, когда доблестная армия наша, совместно со славными нашими союзниками, может окончательно сломить врага.

В эти решительные дни в жизни России, почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали мы за благо отречься от Престола

⁵⁷⁹ Полк. Н.В. Галушкин «Собственный Е.В. Конвой», Сан-Франциско, 1961, на с. 252 - «Клевета на Конвой», - пишет, что представителями Конвоя являлись: есаул Караулов с несколькими казаками и солдатами нестроевой команды Конво

Государства Российского и сложить с себя Верховную Власть.

Не желая расставаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему Великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на Престол Государства Российского.

Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу.

Во имя горячо любимой Родины, призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним повиновением Царю в тяжелую минуту всенародного испытания и помочь ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России!»

НИКОЛАЙ

2 марта 15 час.⁵⁸⁰ 1917 г.

Министр Императорского Двора
генерал-адъютант граф Фредерикс.

ГЛАВА 24

Телеграмма Государя для своего брата Великого князя Михаила Александровича. Встреча Государя на станции Могилев. Отречение от престола Великого князя Михаила Александровича. Свидание вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны с сыном. Прощание Императора со своим штабом. Приезд генерала Корнилова в Царское Село и арест Царской Семьи. Прибытие государева поезда в Царское Село: «Открыть ворота бывшему Царю!» Выписка из журнала заседаний Временного правительства №10 от 7-го марта 1917 года. Жизнь Царской Семьи в заточении во дворце Царского Села. Оскорбления и унижения, которые пришлось вынести Государю и его Семье. Арест А. Вырубовой и Л. Ден. Письмо Государыни Лили Ден. Кремация останков Г. Распутина в лесу. Праздник Св. Пасхи в Царском Селе. Гражданские похороны «товарищей» в парке Царского Села. Случаи низкого поведения солдат, причинившие страдания Царским детям. Отношение солдат к Государю и его Семье начинает меняться в лучшую сторону. Душевные страдания Государя Керенский привез весть о вывозе Императорской Семьи. Последний день перед отъездом и томительное ожидание. Автомобиль с Царской Семьей покидает навсегда Царское Село.

После ухода Гучкова и Шульгина, государева свита собралась в столовой пить запоздалый чай. Настроение у всех было подавленное. Как будто покойник находился где-то рядом. Все жалели Императора, который был один в своем купе.

Глубокой ночью императорский поезд направился к Могилеву. Перед отходом поезда Государь передал Воейкову телеграмму для своего брата Михаила Александровича:⁵⁸¹

«Его Императорскому Величеству МИХАИЛУ. Петроград.

События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если огорчил тебя и что не успел предупредить. Останусь навсегда верным и преданным братом. Возвращаюсь в Ставку и оттуда через несколько дней надеюсь приехать в Царское Село. Горячо молю Бога помочь тебе и твоей Родине.

НИКА»

⁵⁸⁰ По просьбе Шульгина Государь Император указал время отречения тем часом, когда Он принял первоначально решение об отречении от престола - 2 марта 15 часов (Ген. А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция», с. 312.)

⁵⁸¹ Ген А.И. Спиридович «Великая война и Февральская революция 1914-1917», книга III, сс. 314,315.

Когда телеграмма была передана, Воейков, по повелению Государя, пришел к нему в купе. Там светила только одна лампада перед образом. Император встал, обнял Воейкова и разрыдался. Его нервы не выдержали.

В свой дневник Государь в ту ночь записал:

«В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом ИЗМЕНА, ТРУСОСТЬ И ОБМАН».

Поезд Государя направился в Могилев. О встрече там отрекшегося Императора подробно написано в книге полковника Сергеевского.⁵⁸² Полковник пишет, что 3-го марта (ст.ст.), около 7 часов вечера в Ставке пришло распоряжение от генерала Алексеева, чтобы на платформу станции Могилева немедленно собрались все генералы и штаб-офицеры для встречи Государя

Машины должны были делать по два рейса, чтобы перевезти к вокзалу всех офицеров, желающих встретить Императора.

Когда полковник Сергеевский подъехал к станции Могилева, то императорский поезд уже стоял на путях, а на платформе находились, вытянувшись в бесконечной шеренге, офицеры. Государь был еще в поезде, куда вошел генерал Алексеев.

Полковник Сергеевский скорее побежал на левый фланг, чтобы занять там место. Когда он поровнялся с вагоном Императора, то остановился. Этот вагон легко было отличить от других тем, что у его дверей стояли два часовых казака его Величества Конвоя, с обнаженными шашками, а к ступеням вагона вела красная суконная дорожка.

В этот момент дверь вагона отворилась и показался Император. За ним шел генерал Алексеев. Государь был одет в форму своего Конво

Полковник Сергеевский заметил, что Император как-то неестественно улыбался, когда к нему подошли Великие князья Сергей Михайлович и Борис Владимирович. Сергеевский видел, что Государь старался быть веселым и беззаботным. Он поцеловался с Великими князьями и стал им что-то говорить. Но когда Великие князья расступились, и перед Императором представилась вся платформа, покрытая офицерским составом, Государь перестал улыбаться. Он быстро поправил на голове папаху, и, приложив к ней руку, направился к правому флангу, где стояли иностранные представители и генералы. Государь не ожидал, что его будет встречать такое множество офицеров.

Полковник Сергеевский побежал к левому флангу и занял там место одним из последних. Расстояние до правого фланга было таким далеким, что Сергеевский не мог видеть, что там делается. По шеренге передали команду, чтобы все сняли перчатку, так как Государь подает руку каждому. Рука Сергеевского, приложенная к козырьку фуражки без перчатки, стала мерзнуть.

Наконец, полковник увидел Императора. Государь шел медленно, подавая руку каждому офицеру. По лицу Императора текли слезы. Они замерзли у него на усах и бороде.

Вот Император подходит к Сергеевскому, подает ему руку и крепко ее жмет. Он жмет руку дольше обычного, как бы прощается навеки.

Когда Государь увидел, что на левом фланге осталось только два офицера, он закрыл левой рукой свой глаз, а правую протянул для пожатия. Эти двое офицеров бросились к Государю и стали жать его руку.

Потом Император закрыл обеими руками свое лицо и скорыми шагами направился к вагону. Его плечи вздрагивали от рыданий. Не останавливаясь, Государь быстро вошел в свой вагон, а за ним поднялся генерал Алексеев.

3-го марта (ст.ст.) состоялось отречение от Российского престола нового Императора Михаила.

По получении Временным правительством из рук Гучкова и Шульгина акта об

⁵⁸² Полковник Сергеевский «Отречение 1917», сс. 58-60.

отречении Государя Императора Николая II, самозванное правительство устроило продолжительное совещание, после которого все члены его во главе с князем Львовым, отправились к новому Императору. Подробности об этом имеются в книге Воейкова.⁵⁸³

Михаил Александрович после разговора с прибывшими членами правительства, выразил желание побеседовать с Родзянко и князем Львовым.

Удалившись с названными лицами в соседнюю комнату, он вскоре вышел и сказал, что не считает для себя возможным принять престол без одобрения народа.

Все выслушали это молча. Тогда Керенский, лицемера, произнес следующие слова:

«Ваше Высочество, Ваш поступок оценит истори... ибо он дышит благородством. Он высоко патриотичен и обнаруживает великую любовь к Родине».

Последний Российский Император Михаил подписал акт об отречении от престола, где говорилось:

»... принял я твердое решение в том лишь случае воспринять Верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые законы Государства Российского...»

Великий князь Михаил Александрович думал о законном Учредительном собрании, которое и решит форму будущего правления России. Но он глубоко ошибался. Революционеры не имели своей целью говорить людям о демократии и о созыве Учредительного собрания. Они преподнесли наивным массам российского народа свое учение - коммунизм, целью которого являлось закабаление крестьянства и всего населения, уничтожение десятков миллионов людей, отнятие веры в Бога у народа и полное разрушение Державы Российской...

4-го марта Государь пошел в штаб, чтобы проститься с генералом Алексеевым и принять от него последний доклад. В этот же день прибыла из Киева мать Императора, Императрица Мария Феодоровна. Приехала она вместе с Великим князем Александром Михайловичем.

Великий князь в своей книге об этом последнем свидании матери с сыном пишет:⁵⁸⁴

«Через минуту к станции подъехал автомобиль Никки. Он медленно прошел по платформе, поздоровался с двумя казаками конвоя, стоявшими у входа в вагон его матери, и вошел. Он был бледен... Государь оставался наедине с матерью в течение двух часов. Вдовствующая Императрица никогда мне потом не рассказала, о чем они говорили. Когда меня вызвали к ним, Мария Феодоровна сидела и плакала навзрыд, он же неподвижно стоял... Мы обнялись. Я не знал, что ему сказать. Его спокойствие свидетельствовало о том, что он твердо верил в правильность принятого им решения, хотя и упрекал своего брата Михаила Александровича за то, что он своим отречением оставил Россию без Императора... После неловкой паузы, он стал объяснять причины своего решения. Главные из них были: 1. Желание избежать в России гражданского междоусобицы 2. Желание удержать армию в стороне от политики для того, чтобы она могла продолжать делать общее с союзниками дело, и 3. Вера в то, что Временное правительство будет править Россией более успешно, чем он».

Полковник Сергеевский пишет,⁵⁸⁵ что Государь жил в Могилеве как бы прежней жизнью. К завтраку приезжала Царица-мать, а обедал он в материнском поезде. Государь послал новому правительству телеграмму, что отъезжает к Семье в Царское Село и будет пребывать там до выздоровления детей, а потом желает переехать всей Семьей в Англию и

⁵⁸³ В.Н. Воейков «С Царем и без Царя», сс. 149-151.

⁵⁸⁴ Вел. князь Александр Михайлович «Книга воспоминаний», сс. 279,280.

⁵⁸⁵ Полковник Сергеевский «Отречение 1917», сс. 73,74.

жить там до окончания войны, после которой намерен поселиться с Семей в «лично ему принадлежащем имении Ливадии».

В Могилев стали поступать сведения о царившем в Петрограде хаосе - там действовал Совет Рабочих и Солдатских депутатов. Еще гениальный П.А. Столыпин своим пророческим взором видел, что может принести этот Совет России. В своей речи, произнесенной в 1910 году в Государственной Думе, Петр Аркадьевич сказал:⁵⁸⁶

«Если бы нашелся безумец, который в настоящее время одним взмахом пера осуществил бы политические свободы России, то завтра же в Петербурге заседал бы совет рабочих депутатов, который через полгода своего существования вверг бы Россию в геенну огненную».

Последнее прощание Государя Императора со своим штабом описывает Великий князь Александр Михайлович:⁵⁸⁷

«... Входит Никки, спокойный, сдержанный, с чем-то похожим на улыбку на губах. Он благодарит свой штаб и просит всех продолжать работу «с прежним усердием и жертвенностью». Он просит всех забыть вражду, служить верой и правдой России и вести нашу армию к победе. Потом он произносит свои прощальные слова, короткими военными фразами, избегая патетических слов. Его скромность производит на присутствующих громадное впечатление. Мы кричим «ура», как никогда еще не кричали... Старые генералы плачут...»

Адмирал Бубнов об этом страшном моменте русской истории говорит:⁵⁸⁸

«Кончился многовековой период русской истории, во время которого Романовы создали Великую Русскую Империю; и в этот бо гроба незабываемый час все мы поняли безмерную глубину горя последнего из них, невольно способствовавшего гибели любимой им России, ибо над ним тяготел неумолимый рок...»

На следующий день генерал Алексеев предложил всем присягнуть Временному правительству.

О своих переживаниях в этот день пишет Великий князь Александр Михайлович:⁵⁸⁹

«Мы стоим за генералом Алексеевым. Я не знаю, как чувствуют себя остальные, но лично не могу понять, как можно давать клятву верности группе интригантов, которые только что изменили данной присяге. Священник произносит слова, которые я не хочу слушать. Затем следует молебен. Впервые за триста четыре года существования Монархии, на молебне не упоминается имени Государ Мои мысли с Никки, который до окончания этой церемонии находится у себя. Что-то он переживает в этот момент...»

На следующий день назначен отъезд Государя в Царское Село. При прощании он осыпает поцелуями лицо своей матери, потом оборачивается и обнимает Великого князя Александра Михайловича. Затем Император входит в свой салон-вагон. Члены Думы, которые прибыли в Ставку, чтобы конвоировать Государя и следить за его приближенными, пожимают руку генералу Алексееву.

Сопровождали Императора в этой последней поездке в Царское Село лица государевой свиты:⁵⁹⁰

⁵⁸⁶ В.Н. Воейков «С Царем и без Царя», с. 147.

⁵⁸⁷ Вел. князь Александр Михайлович «Книга воспоминаний», сс. 281,282.

⁵⁸⁸ А. Бубнов «В Царской Ставке», с. 315.

⁵⁸⁹ Вел. князь Александр Михайлович «Книга воспоминаний», сс. 282,283.

⁵⁹⁰ М.К. Дитерихс «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале». Типография Военной Академии, Владивосток, 1922. Перепечат. Н. Сахновским, часть II, сс. 159,161.

Гофмаршал князь В.А. Долгоруков, начальник походной Канцелярии Свиты генерал-майор Нарышкин, флигель-адъютант герцог Лейхтенбергский и флигель-адъютант полковник Мордвинов.

При отходе царева поезда из Могилева, на вокзале собрался почти весь офицерский состав и много народу из местного населения. Чувствовалось, что все глубоко сочувствуют отъезжавшему Императору. Когда поезд тронулся, все сняли головные уборы, а офицеры отдали честь. У многих были видны слезы и многие крестили отходящий поезд.

Государь стоял у широкого зеркального окна своего вагона. Он грустно кивал на прощание головой. Одет был Государь в простую защитного цвета рубаху с орденом Св. Георгия на груди.

Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна уже не могла сдерживать своих слез. Когда поезд с Государем скрылся, она громко рыдала.

Великий князь Александр Михайлович и его брат Сергей Михайлович обнялись. Они чувствовали, что расстаются навсегда. Сергей Михайлович через десять минут отправлялся в Петроград.

Перед отъездом из Могилева Государь Император обратился в письменном приказе в последний раз к своим войскам:

Приказ Императора 8-го марта 1917 г. к своим войскам:⁵⁹¹

«В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска.

После отречения моего за себя и за сына моего от престола Российского, власть передана Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствию. Да поможет Бог и вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага. В продолжении двух с половиной лет вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий, и близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы.

Кто думает теперь о мире, кто желает его - тот изменник Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестно нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайте ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагам.

Твердо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей Великой Родине. Да благословит вас Господь Бог и да ведет вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий».

Этот приказ, решением Временного правительства, никогда до сведения армии доведен не был.⁵⁹²

Отречение Императора от Российского престола оставило в народных массах неизмеримую пустоту. «Неисправимый акт совершился», - пишет Пьер Жильяр. Народ был предоставлен сам себе - покинутый и блуждающий в поисках чего-то, что могло бы возместить им то, что они потеряли. Но вокруг себя они видели только обман и ничтожных людей. Жильяр говорит, что не волна народных масс ниспровергла Монархию, а падение Монархии подняло такой громадный вал, который поглотил не только всю Россию, но грозил перекинуться и на соседние государства. Те устои, на которых держалась веками Россия, рухнули, и к этому была причастна Германия. Немцы, помогая врагам России, послали туда в запломбированном вагоне лютого врага Монархии Ленина и его приспешников, предварительно снабдив их золотом...⁵⁹³

⁵⁹¹ Там же, с. 154.

⁵⁹² Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», с. 185.

⁵⁹³ Там же, сс. 173, 181.

Вскоре после отречения Императора французский посол Морис Палеолог встретился с бывшим министром Иностранных дел С. Сазоновым. Как Палеолог и думал, зная глубокую религиозность Сазонова, последний видел в этом руку Божию. Он сказал Палеологу со слезами на глазах:⁵⁹⁴

«Мы заслужили наказание Божие. Но я не думал, что оно будет таким суровым... Господь не допустит уничтожения России... Очищенная Россия восстанет после этого испытани..

Вообразите, - уничтожить трехсотлетнюю Династию и огромную работу Петра Великого, Екатерины II и Александра I! Какая трагедия! Какое несчастье!» (пер. с. англ.)

Государыня Императрица не имела вестей от супруга целых три дня, и по словам Пьера Жильяра, очень волновалась.

Когда известие об отречении Императора достигло Царского Села, Императрица этому не поверила. И только после того, как пришел к ней Великий князь Павел Александрович и подтвердил, что Государь отрекся от престола, она поняла, что это так. Государыня была в отчаянии. Только ее громадное мужество помогло ей скрывать это от больных детей. Она не имела сил сказать об отречении Наследнику и попросила Пьера Жильяра сделать это.⁵⁹⁵

Жильяр в своей книге описывает, как он осторожно подготовил Цесаревича к этому фатальному известию. Когда Наследник понял, что его отец уже не Император, он очень взволновался, его личико покраснело и он, немного помолчав, спросил Жильяра:

«Но, однако, если не будет более императора, то кто же будет управлять Россией?»

Царственный мальчик ничего не спросил о себе, и эта его скромность поразила Пьера Жильяра.

Г-жа Ден, которая находилась в то время при Государыне, пишет,⁵⁹⁶ что Императрица 5-го марта повелела служить молебен перед чудотворной иконой Божией Матери Знамения, и эту икону пронесли по комнатам дворца. Аромат ладана и тихое пение хора, сопровождавшего крестный ход с чудотворной иконой, наполнили роскошные, но одинокие комнаты дворца. Казалось, что это последняя мольба к Богу Самой Царицы Небесной о даровании мира России...

К Государыне пришел генерал Корнилов и от имени Временного правительства объявил ей, что она и Император теперь находятся под арестом, а также и их приближенные, которые желают остаться с ними. Остальные же должны покинуть дворец к четырем часам дня

Известие об аресте Государыня приняла спокойно. Она была удовлетворена тем, что это сообщил ей генерал Корнилов, которого она и Государь уважали и считали доблестным воином и честным человеком.⁵⁹⁷

В четыре часа дня, когда закрыли ворота Александровского дворца, произошла смена караула. Сводный полк государственной охраны был сменен революционными частями.

Полковник Сводного полка Лазарев не выдержал и разрыдался Он попросил разрешения

⁵⁹⁴ Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs», том III, сс. 265,266.

⁵⁹⁵ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», сс. 193-196.

⁵⁹⁶ Madame Lili Dehn «The real Tsaritsa», сс. 171,172.

⁵⁹⁷ М.К. Дитерихс «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале», часть II, сс. 132,134,135,158.

у генерала Корнилова пойти проститься с Императрицей. Разрешение было дано. Со слезами на глазах, полковник Лазарев вынес из дворца знамя полка. Большинство офицеров и солдат полка также плакало.

В четыре часа, после смены частей охраны дворца, генерал Корнилов уехал и ворота дворца закрылись, замкнув там Царственных узников и их приближенных. Это произошло 8-го марта (ст. ст.).

Генерал Корнилов назначил полковника Кобылинского начальником Царскосельского гарнизона, а комендантом дворца был поставлен штабс-ротмистр Коцебу.

Генерал М.К. Дитерихс пишет, что Временное правительство хотело вывезти Царскую Семью за границу, но препятствием к этому было следующее: нежелание Государя оставлять Россию, болезнь детей и отрицательное отношение к отъезду Императора и его Семьи со стороны Совета Рабочих и Солдатских депутатов, где председателем был Чхеидзе, а его Товарищем - Керенский. Этот Совет стремился заключить Государя и Государыню в Петропавловскую или Шлиссельбургскую крепость. Тогда Временное правительство поспешило договориться с Советом и арестовало Императорскую Семью во дворце Царского Села...

Утром 9-го марта поезд с Государем прибыл на станцию Царского Села.⁵⁹⁸ Перед прибытием поезда, Император собрал всех и обратился к ним с прощальным словом. Он благодарил их за верную службу и просил подчиняться Временному правительству. Закончил свою речь Государь словами:

«До свидани.. Прощайте!»

Когда поезд остановился, Император вышел и быстро направился к выходу. С ним шел князь Долгоруков. Одет был Государь в черкеску казачьего пластунского батальона и папаху. На плечах его висел пурпурный башлык, на поясе был кавказский кинжал, а на груди - орден Св. Георги

На перроне встречал Императора новый начальник гарнизона полковник Кобылинский. Он впоследствии отмечал, что лица государевой свиты буквально посыпались на платформу и стали быстро разбегаться в разные стороны. Особенно некрасиво убегал, озираясь по сторонам, генерал-майор Нарышкин.

Государь шел быстро и не смотрел ни на кого. Он проследовал к своему автомобилю. С ним сел его верный друг гофмаршал князь Долгоруков. Во второй машине следовал за Императором полковник Кобылинский.

Перед воротами Александровского дворца собралась группа офицеров новой революционной охраны и взвод несшего в этот день охрану полка, с их командиром капитаном Аксютой. На всех были красные банты, а на некоторых и красные ленты через плечо.

Когда автомобиль Государя подъехал к воротам, то вышел вперед дежурный прапорщик Верин и громко скомандовал:

«Открыть ворота бывшему Царю!»

Ворота открылись, и, пропустив автомобили, закрылись снова. Император стал узником.

Когда Государь вышел из машины, то, поровнявшись с капитаном Аксютой, сказал:

«Здравствуйте».

И на это последовал ответ:

«Здравствуйте, господин полковник».

Император, испытав это первое унижение, ничего не сказал, только внимательно посмотрел на Аксюту, а потом поднялся на крыльцо дворца и прошел на половину детей, где ждала его Государын Они обнялись, поцеловались и на минуту застыли. Не было тогда произнесено между ними и слова. В эти первые мгновения Царская чета испытывала только

⁵⁹⁸ М.К. Дитерихс «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале», часть II, сс. 162-167.

радость, что нашла друг друга живыми. Обнявшись, молча, супруги прошли в комнату детей.

Когда Государь вышел, он спросил о флигель-адъютантах: герцоге Лейхтенбергском и полковнике Мордвинове, с которыми ехал вместе из Могилева. Граф Бенкердорф ответил Императору, что они не приехали и не приедут. Государь ничего не сказал. Вероятно, он в душе переживал. Он любил Мордвинова и доверял ему. Теперь же Мордвинов покинул своего Монарха.

Настоящим же фаворитом и любимцем как Императрицы, так и Императора был флигель-адъютант Саблин. Он также скрылся: после переворота в Петрограде он не явился ни в свою воинскую часть, ни во дворец.

Начальник конвоя граф Граббе тоже покинул Государя. Он тайно скрылся, бежал не только от Царской Семьи, но и от своей службы.⁵⁹⁹

С Царственными узниками во дворце остались:

Обер-гофмейстерина Е.А. Нарышкина, фрейлина А.В. Гендрикова, фрейлина баронесса С.К. Буксгевден, гоф-лектриса Е.А. Шнейдер, гофмаршал князь В.А. Долгоруков, обер-гофмаршал граф Бенкендорф, граф Апраксин, лейб-медик Е.С. Боткин, доктор В.Н. Деревенько и воспитатель Наследника Пьер Жильяр.

Кроме этих лиц во дворце жили А.А. Вырубова и мадам Лили Ден.

Граф Апраксин не выдержал заключения и через несколько дней подал заявление с просьбой, чтобы его выпустили. А. Вырубова и Л. Ден были арестованы по приказу Керенского и увезены из дворца. В мае месяце тяжело заболела пожилая Е.А. Нарышкина и ее отправили в госпиталь. Верный Царской Семье граф Бенкендорф был вынужден покинуть Семью по причине серьезной болезни жены. Вместо него к Государю прибыл генерал Илья Леонидович Татищев, который не принадлежал к государевой свите, но был безгранично предан Императору.

Лили Ден в то время еще оставалась во дворце. Она вспоминает свое первое впечатление, когда увидела Государя⁶⁰⁰ Она пишет, что слышала шаги его, когда он шел к детской комнате. Но это были не шаги того уверенного Монарха, каким он был раньше. Это шел усталый и измученный физически и душевно человек.

Император вошел в комнату. Лили Ден посмотрела на него и встретила страдающий и утомленный взгляд его глаз. Он очень изменился: лицо его приняло серый оттенок и было покрыто морщинками. Волосы на висках поседел. Государь выглядел пожилым человеком.

Видя, какое впечатление он произвел на г-жу Ден, Император грустно улыбнулся. Вошла Государыня. Государь попытался начать разговор, но это ему плохо удавалось. Он сказал:

«Я, пожалуй, пойду погулять, прогулка всегда помогает мне». (пер. с англ.)

Он вышел в сад и быстрыми шагами направился к главной аллее парка, но внезапно откуда-то появился солдат и преградил ему дорогу. Император нервно поднял руку, но повиновался и повернул обратно.

В тот первый день Государь и Государыня обедали одни и вечер провели только вдвоем.

Императрица потом рассказывала Лили Ден, что когда они пошли в ее будуар, то Государь потерял контроль над собой и стал горько рыдать. Императрице было очень трудно его успокоить. Она говорила ему, что для нее муж и отец важнее, чем Император, трон которого она разделяла.

На следующий день, наблюдая разнузданность солдат охраны и их неряшливый вид, Государь сказал Лили Ден:⁶⁰¹

⁵⁹⁹ Н Соколов «Убийство Царской Семьи», с 16.

⁶⁰⁰ Madame Lili Dehn «The real Tsaritsa», сс. 189-191.

⁶⁰¹ Там же, сс. 193,194,198.

В своей книге Лили Ден пишет, что передает слова Императора и Императрицы очень точно, не делая

«Вероятно, все идет к концу в России, так как без закона, повиновения и уважения - Империя существовать не может».

Когда Государыня спросила супруга о последних его днях в Ставке, Император ответил:

«Некоторые моменты там были очень тяжелыми. Моя мать ехала со мной по городу, который был повсюду украшен красными флагами и красной материей. Моя бедная мать не могла смотреть на эти флаги... но их вид меня не волновал. Все это казалось мне глупым и бесполезным. Поведение же толпы было удивительным контрастом с этой революционной выставкой: люди становились на колени, как это бывало раньше, когда проезжал наш автомобиль».

«Мне было трудно проститься с Воейковым, Ниловым и Фредериксом. Они не хотели меня покидать...»

Далее Император рассказал, как на платформе станции Могилева, когда он уезжал, стояло несколько девочек. Они старались привлечь его внимание. Он подошел к окну. Тогда девочки стали просить написать для них что-нибудь. Государь написал на бумаге свое имя и передал им. Но дети продолжали стоять на платформе. Глубоко растроганный этими воспоминаниями, Император сказал:

«Они благословили меня, эти бедные девочки. Я надеюсь, что их чистое благословение принесет нам счастье».

О генерале Рузском Государь сказал следующее:

«Генерал Рузский был первым, который поднял вопрос о моем отречении от трона. Он поднялся на поезд во время моего следования и вошел в мой вагон-салон без доклада».

Император, как пишет Лили Ден, все время беспокоился о том, что его отречение и волнения в стране могут пагубно отразиться на готовящемся наступлении на фронте...

Кто же осмелился дать распоряжение, чтобы арестовать Царскую Семью и содержать ее под стражей во дворце Царского Села? Этот вопрос возникал, вероятно, у многих.

В книге М.П. Никулиной и К.К. Белокурова «Последние дни Романовых» приводится выписка из журнала заседаний Временного правительства №10 от 7го марта 1917 года.⁶⁰² Там сказано, что в заседании участвовали:

министр-председатель кн. Г.Е. Львов, министры: военный и морской А.И. Гучков, иностранных дел - П.Н. Милюков, путей сообщения - Н.В. Некрасов, финансов - М.И. Терещенко, обер-прокурор Святейшего Синода - В.Н. Львов и товарищ министра внутренних дел - Д.М. Щепкин.

Присутствовал также государственный контролер И.В. Годнев. Это заседание постановило:

«Признать отрекшегося Императора Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося Императора в Царское Село».

В этой же выписке из журнала указаны и фамилии членов Государственной Думы, командированных в Могилев: А.А. Бубликов, В.М. Вершинин, С.Ф. Грибунин и С.А. Калинин.

Жизнь во дворце протекала монотонно. Государь читал ежедневные газеты, но грязь бульварной прессы удручала его. Однажды он показал г-же Ден газету, где были помещены

никаких изменений.

Английский текст из книги Л. Ден дан в переводе Л. Миллер.

⁶⁰² М.П. Никулина и К.К. Белокуров «Последние дня Романовых». Документы, материалы следствия, дневники, версии. Изд. Средне-Уральское книжное издательство, Ассоциация уральских издателей, 1991. Свердловск, с. 224.

фотографии министров нового Кабинета, и сказал с оттенком горечи в голосе:⁶⁰³

«Только посмотрите, Лили, посмотрите на этих людей... Их лица - это лица настоящего криминального типа. И меня просили утвердить этот Кабинет и согласиться на конституцию».

Лили Ден пишет, что ни Государь ни Государыня не хотели покидать Россию. Они думали, что долг каждого русского оставаться в России, поддерживать Россию и встречать опасность всем вместе.

Однажды небольшая заметка в газете вывела Императора из себя: в газете писали, что Совет Рабочих и Солдатских депутатов не выпустит Царскую Семью за границу по той причине, что Государь много знает. И если поезд отправится из Царского Села с Высокими узниками, их всех расстреляют.

Император был возмущен этой заметкой до глубины души. Он воскликнул:

«Животные! Как они смеют такое говорить!»

Унижения, которым подвергалась Царская Семья во время царскосельского заключения, продолжались. Один из таких возмутительных случаев описан в книге генерала Дитерихса.⁶⁰⁴

На второй или третий день после приезда Императора, когда Царственные дети были еще больны, к коменданту дворца явился офицер 2-го полка прапорщик Ерынич и потребовал от имени солдат следующее:

«Мы их должны сами видеть. А то они арестованы, а мы их не видим».

По поведению и словам Ерынича чувствовалось, что солдаты хотят причинить умышленное унижение Августейшим узникам.

Никакие благоразумные уговоры не действовали на Ерынича. Он продолжал упорно добиваться своего. Тогда было решено установить следующий порядок: во время смены караула, оба караульных офицера, уходящей и вступающей смены, идут к Государю и, в присутствии Императрицы, прощаются и здороваются с ним.

В тот день, когда охрана 2-го полка сменяла 1-ый полк, и Ерынич был очередным вступающим офицером, то Император подал руку, прощаясь с караульным офицером 1-ой смены, а затем протянул руку, чтобы поздороваться с Ерыничем. Тогда наглый прапорщик отступил назад и не пожал руки Государю, которая и осталась в воздухе. Император этого не ожидал. Изменившись в лице, со слезами на глазах, он положил руки на плечи Ерынича и тихо спросил:

«Голубчик, за что же?»

Опять, сделав шаг назад, Ерынич выпалил заранее приготовленную им фразу:

«Я из народа. Когда народ Вам протянул руку, Вы не приняли ее. Теперь я не подам Вам руки».

Если бы Государь спросил Ерынича - о какой протянутой народом руке он говорил, то, конечно, негодяй не смог бы дать ответа. Он знал, что его поступок пройдет безнаказанно, и хотел оскорбить и нанести моральный удар уже лежащему, низложенному Императору.

Выходка прапорщика Ерынича нашла себе полную поддержку в лице такого же негодяя - прапорщика Домодзянца. Этот Домодзянец вместе с Ерыничем подучили некоторых солдат 2-го полка не отвечать Государю, когда он здоровался с ними во время своих прогулок по парку дворца.

Один из подученных солдат так и поступил. Он не ответил на приветствие Императора. Государь, думая, что охранник не расслышал его слов, повторил опять:

«Здорово, стрелок».

Ответа опять не было. После такого злобного поведения солдат, комендант попросил

⁶⁰³ Madame Lili Dehn «The real Tsaritsa», сс. 196,198,199.

⁶⁰⁴ М.К. Дитерихс «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале», часть II, сс. 174-178.

Императора больше не приветствовать охрану во время прогулок.

В книге генерала Дитерихса описан еще случай дерзкого произвола революционеров.

К коменданту дворца явился какой-то неизвестный человек в форме полковника и назвал себя Масловским. Он предъявил коменданту бумагу, подписанную Чхеидзе. Там стояло требование Исполкома Совета Рабочих и Солдатских депутатов на доставку Императора в Петропавловскую крепость.

Полковник Кобылинский категорически этому воспротивился. Тогда Масловский стал угрожать оружием, но видя, что Кобылинский непоколебим и Императора ему не выдаст, Масловский направился к командиру 1-го полка Аксюте и потребовал, чтобы ему показали Государь Аксюта повел его и показал проходившего издали Императора. Масловский этим не удовлетворился и пошел в местный Совдеп, где стал агитировать среди охраны, но, к счастью, на этот раз наткнулся на более рассудительных солдат, которые сказали, что исполняют приказания только Временного правительства...

Керенский приезжал во дворец несколько раз. Первый раз он прибыл 21-го марта. Приехал Керенский в автомобиле Императора, и шофер был у него из государева гаража.⁶⁰⁵

Одет был он демонстративно неряшливо: в грязную, засаленную тужурку, надетую поверх черной на выпуск рубашки, без воротничка. В его манерах и жестах была заметна напускная развязность.

Вся Царская Семья собралась в комнатах Великих княжен. Войдя, Керенский представился:

«Я главный прокурор Керенский». и стал пожимать всем руки. Потом, обратись к Императрице, он сказал:

«Английская королева спрашивает известий относительно экс-императрицы».

Государыня покраснела. Ее еще никто так не называл. Но она ответила, что чувствует себя неплохо.

Потом Керенский сказал, что желает говорить с Императором наедине. Он пошел вперед, а Государь следовал за ним.

Это было большим ударом для Цесаревича. Он в первый раз увидел, что его отец слушается чьих-то приказаний.

Когда Керенский уехал, Государь рассказывал супруге, смеясь, что Керенский чувствовал себя неловко. Он смущался и не знал, как себя держать в присутствии Императора.

Через несколько дней Керенский опять приехал во дворец.⁶⁰⁶ На этот раз одет он был прилично: во френче и гетрах. На шее его виднелся воротничек, а на рукавах - манжеты.

Он потребовал к себе полковников Кобылинского и Коровиченко (новый комендант дворца, сменивший Коцебу), и приказал доложить о себе Государю. Император вышел и пригласил их в свой кабинет. Здесь Керенский объявил, что намерен произвести изъятие бумаг Государя и уполномачивает это сделать Коровиченко в присутствии Кобылинского.

Император, не возражая, подошел к стоящему в кабинете ящику и открыл его. Там находилось много аккуратно сложенных бумаг. Объясняя по порядку значение их, Государь взял одно письмо, лежавшее, вероятно, не на месте, и сказал:

«Это письмо частного характера».

Коровиченко порывисто выхватил из рук Императора письмо, думая, что там что-то важное.

Государь пытался объяснить ему:

«Нет, позвольте».

⁶⁰⁵ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», сс. 201-203.

⁶⁰⁶ М.К. Дитерихс «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале», часть II, сс. 187-190.

Но Коровиченко письма не отдавал. Император возмутился и, махнув рукой, сказал: «Ну, в таком случае я не нужен. Я иду гулять», - и вышел из кабинета.

Коровиченко долго рылся в ящике. Он забрал почти все бумаги и доставил их Керенскому в Петроград. Керенский надеялся найти там документы, доказывающие связь Императора и Императрицы с кайзером Вильгельмом, но никаких компрометирующих писем он там не нашел. Была одна зашифрованная телеграмма Государя к супруге. Долго бились над ней чиновники Временного правительства, и когда разгадали шифр, то оказалось там три слова:

«Целую крепко, здоров».

Пока разбирались переписка и расшифровывалась эта телеграмма, Керенский решил принять некоторые меры «предосторожности». Он задумал отделить Государя от остальной Семьи. По его приказу, Император должен был жить на своей половине дворца, и видаться с Государыней и детьми только во время общего обеда и за вечерним чаем. Причем, разговаривать они могли только по-русски и в присутствии дежурного офицера.

Это очень возмутило Императрицу и она сказала Пьеру Жильяру:

«Так низко поступать с Государем после того, как он пожертвовал собой и отказался от престола, чтобы избежать гражданской войны... Как это скверно, как это мелко! Император не хотел, чтобы из-за него пролилась кровь хотя бы одного русского. Он всегда был готов от всего отказаться, если бы был уверен, что это будет ко благу России... Да, надо перенести и эту горькую обиду!»

Ознакомившись с содержанием бумаг и убедившись в невинности Государя и Государыни, Керенский через три дня отменил свое приказание об отделении Императора от Семьи. Он также изменил свое отношение к Царственным узникам и стал держать себя с ними вежливо и почтительно.

Переносить обиды со стороны охраны приходилось Императорской Семье каждый день, и каждый день приносил новое переживание.

Г-жа Ден пишет,⁶⁰⁷ что когда Государь гулял по парку, он возвращался во дворец глубоко огорченным. Причиной были различные неуважительные эпитеты, которые слышал Император со стороны солдат.

Как-то Государыня сказала Лили Ден:

«Можете ли вы представить, что значит для Императора сознавать, что он оторван от активной жизни?»

Еще г-жа Ден пишет о том, что ни Государь, ни Государыня не имели никаких других предчувствий относительно себя, но они очень страдали, видя, что творится в России.

Вскоре Лили Ден и Анна Вырубова по приказу Керенского были арестованы и увезены из Александровского дворца. Императрица тяжело переживала, расставаясь с А. Вырубовой и Л. Ден.

При отъезде из дворца А. Вырубова допустила оплошность. Она захватила с собой некоторые письма Государыни и Распутина и две его фотографии.

Г-жа Ден, узнав об этом, взяла эти бумаги и, разорвав их на мелкие кусочки, спустила все это в раковину туалетной комнаты. А. Вырубова стала протестовать, но Лили Ден ей ответила, что письма Распутина могут принести вред Императрице, а также и ей самой - Вырубовой.

Г-жа Ден говорила:

»... опасно оставлять что-то, что касается ее Величества или Распутина. Самое плохое может быть построено на невинных оборотах речи... вы, конечно, не хотите повредить Императрице!»

Интересный материал о царскосельском заключении имеется в книге фрейлины Государыни баронессы Софии Буксгевден, которая находилась в Александровском дворце

⁶⁰⁷ Madame Lili Dehn «The real Tsaritsa», cc. 201,205,219.

вместе с Царской Семьей во время их пребывания там.

София Буксгевден пишет,⁶⁰⁸ что двери, ведущие из покоев Государыни на балкон, по приказанию стражи, были заколочены, и Императрица не имела возможности выходить туда и дышать свежим воздухом. Ее возили по комнатам дворца и в парк в кресле. Охрана это видела, а также обращала внимание и на печальное выражение лица Государыни. Это очень раздражало солдат. Они ругали слуг, которые везли Императрицу. Однажды они увидели, что ее кресло ведет матрос Нагорный. Они стали оскорблять его, укоряя, что он служит «жене тирана», и послали ему несколько писем, где говорилось, что если он будет продолжать это делать, то они убьют его.

Бывало, что когда Царская Семья собиралась на прогулку, то нарочно задерживали ключ от выходных дверей, и Царственным узникам приходилось стоять и ждать. Однажды такой ключ «не был найден», и Царской Семье пришлось вернуться в свои комнаты.

Как-то раз, в начале заключения, Государь взял свой велосипед и поехал по дорожке парка. Когда же он поровнялся с часовым, то тот, чтобы «позабавиться», воткнул свой штык в колесо велосипеда Императора.⁶⁰⁹

Государь чуть не упал, и только благодаря своей ловкости избежал ранени Другие солдаты, которые видели это безобразие, захохотали.

После этого возмутительного случая уже никто из членов Царской Семьи не брал с собой велосипеда.

Когда Государыня сидела в саду со своим рукоделием, то солдаты старались подсесть к ней поближе, чтобы слышать - о чем она говорит. Разговаривать разрешалось только по-русски. Очи часто курили свой гадкий табак прямо в лицо Императрице и обменивались непристойными шутками и смотрели - какое это произведет на нее впечатление.

Один из солдат стражи как-то вступил в разговор с Государыней. Он стал упрекать ее в том, что она не ездила по России и не старалась сблизиться с народом. Царица ответила, что в ранние годы она нянчила сама своих пятерых детей и не имела времени, чтобы разъезжать по стране, но потом она стала болеть и уже не могла путешествовать.

Солдат, после такого объяснения Государыни, стал с ней более любезным и начал расспрашивать ее о жизни в Германии и о ее семье там.

Императрица сказала, что была рождена немкой, но что ее муж и дети - русские, и она тоже стала русской всем своим сердцем.

Об отношении стражи к Царским детям, София Буксгевден пишет, что, как правило, солдаты относились к ним лучше, чем к их родителям. На Цесаревича Алексея солдаты смотрели с добротой и называли его «Алексей».

Газеты того времени были полны всякой клеветой в отношении Государя и Государыни и пестрели карикатурами на них.⁶¹⁰ Прислуга дворца старалась прятать эти газеты, чтобы их не видела Августейшая чета. То же делали и некоторые офицеры стражи, но солдаты нарочно подкладывали такие газеты Императору с супругой, и следили - какое впечатление на них это произведет.

Баронесса Буксгевден пишет, что Императрица поручила свою Семью милости Божией, зная, что человеческой помощи ждать неоткуда. Она постоянно молилась, и в общении с Богом находила удивительное успокоение и мужество, и это Императрица сохранила до конца своих дней.

⁶⁰⁸ Baroness Sophie Buxhoeveden «The life and tragedy of Alexandra Feodorovna Empress of Russia», сс. 298-300.

⁶⁰⁹ Трудно поверить, что русский человек способен на такую гадость, но, к сожалению, это так. (Л.М)

⁶¹⁰ Baroness Sophie Buxhoeveden «The life and tragedy of Alexandra Feodorovna Empress of Russia», сс. 288-293.

Если же приходили на имя Государя короткие письма с теплыми словами, или с вложенной туда иконкой, то это очень подкрепляло Царскую чету. После получения такого маленького теплого письма, Государыня находилась в веселом настроении целый день.

В июне месяце 1917 года Государыня послала письмо Лили Ден, которая теперь уже находилась в Петрограде.

В этом письме Императрица называет себя дочерью солдата и женой солдата:

«... Сердце дочери солдата и жены ужасно страдает видя, что происходит. Оно не может к этому привыкнуть и не желает этого. Они были такими героями, и как теперь они испорчены и в такое время, когда необходимо начать бороться с врагом (немцами)...

Сегодня будет богослужение в 12 часов дн Анастасии сегодня исполняется 16 лет, - как время летит... Я вспоминаю прошедшее. Надо на все посмотреть спокойнее. Что можно сделать? Если Он послал нам такое испытание, вероятно, Он знает, что мы для этого готовы. Это своего рода экзамен, и надо верить, что мы не пройдем через это испытание напрасно. Можно найти во всем что-то хорошее и полезное. Какие бы страдания нам ни предстояли - пусть так и будет. Он даст нам силы и терпение и не оставит нас. Он милостив. Только надо преклониться перед Его Волей без ропота... Я твердо уверена, что плохое пройдет, и что будет чистое и безоблачное небо. Но шторм еще не прошел, и это тяжело - но я знаю, что потом будет лучше. Надо только иметь немного терпения - и разве это тяжело? За каждый день, который проходит тихо, я благодарю Бога...»

Далее София Буксгевден пишет, что Императрица все время думала о политическом положении в России и стала понимать, что она и Император иногда доверяли людям, которые не соответствовали своему назначению. Это доставляло Государыне добавочные страдания Она думала о министрах, которые давали пагубные советы Императору. Но Царица была уверена, что несчастья преследуют ее супруга и также и ее, и она верила в то, что она и Государь являются жертвами искупления за те ошибки и грехи, которые были допущены правителями в России в предыдущие царствования Относительно же Цесаревича Алексея Императрица твердо верила, что его царствование будет блестящим.

В марте месяце произошло омерзительное событие: из могилы, которая находилась недалеко от Александровского парка, было выкопано тело Григория Распутина и увезено для сожжения

В книге Мориса Палеолога имеется описание этого отвратительного дела.⁶¹¹

Ночью гроб с телом Распутина был выкопан из могилы и увезен в лес, находящийся в пятнадцати верстах от Петрограда на север. Солдаты, которые привезли гроб, собрали в лесу много дров для костра. Гроб открыли, но, по причине сильного разложения тела, его руками не касались, а вывалили на землю при помощи палок, а потом втащили на груды дров. Затем тело и дрова полили бензином и подожгли. Эта кремация продолжалась до рассвета. К месту сожжения трупа собралось много крестьян. Их превлек сюда смрад, разнесшийся по окрестностям. Крестьяне стояли молча и смотрели на это жуткое зрелище.

Когда труп был уничтожен огнем, солдаты собрали золу и захоронили ее под снегом, там же, в лесу.

Игумен Серафим об этом безобразии пишет:⁶¹²

«Привезенный бензин, не толпой, а людьми, ехавшими на автомобиле, свидетельствует о том, что это сделано по распоряжению того, кто послал автомобиль, т.е. людьми, стоявшими у власти. Но и на жом злоба людей не остановилась. Об этом печатается во всех газетах с прибавлением непристойных иллюстраций и клеветнических выпадов по адресу Царской Семьи, и газеты эти, подчеркнутые красным карандашом, были преподнесены

⁶¹¹ Maurice Paleologue «An Ambassador's memoirs», том III, с. 266.

⁶¹² Игумен Серафим «Православный Царь Мученик», с. 137.

Государю».

На Страстной неделе во дворце каждый день шли божественные службы.⁶¹³ Но священнику не позволялось разговаривать с Царской Семьей.

Во время одной из таких Литургий, когда батюшка вышел со Святыми Дарами и должен был помянуть Временное правительство, он ничего не произнес, и молча, со слезами на глазах, повернулся к алтарю и унес Святые Дары.

В Великую пятницу, когда вся Царская Семья собиралась исповедоваться, случилось так, что София Буксгевден пошла первой к исповеди. Но к ее изумлению, за ней последовал солдат. Она была возмущена до глубины души и стала объяснять солдату - что представляет собой таинство исповеди, и что кроме священника и исповедника там никто другой присутствовать не может.

Фрейлина Буксгевден пишет, что охранник, громко ругаясь, пошел за офицером, и тот, явившись, и поняв, в чем дело, увел солдата из комнаты.

Царственные узники знали, что они окружены враждебно настроенными воинскими частями. Отдельные отряды солдат Царского Села раз или два в день проходили перед воротами Александровского дворца. И здесь они останавливались и играли или Марсельезу, или похоронный марш. Это делалось нарочно - чтобы усугубить и без того нелегкую жизнь Царской Семьи.

В Страстной четверг, когда служитя особая Литургия в память Тайной Вечери Господа нашего Иисуса Христа, в парке дворца солдаты устроили похороны своих убитых товарищей.

Голос священника, который совершал Божественную Литургию во дворце, заглушался звуками Марсельезы и Интернационала, которые играл духовой оркестр, сопровождая гражданские похороны.

Сначала могилы хотели копать у самых окон дворца, но потом, когда оказалось, что там нет достаточно места, могилы выкопали на широкой аллее, ведущей ко дворцу. Там собрались тысячи рабочих и солдат, которые, держа в руках красные плакаты и транспаранты с коммунистическими лозунгами, медленно двигались по дорожкам парка.

Об этих похоронах упоминается и в книге Лили Ден, которая тогда еще жила в Александровском дворце. Она пишет:⁶¹⁴

«Это были красные похороны - гробы были покрыты красным... и красные флаги везде. На расстоянии казалось, что эта процессия - не что иное, как река крови, которая текла медленно через парк. Все было красным и белым, и суеверные, видя это, могли предположить, что скоро польется рекой невинная кровь...» (пер. с англ.)

У открытых гробов произносились зажигательные речи. Ясно было всем, что эти показательные похороны задуманы для того, чтобы доставить новую боль Царственным мученикам. По словам Софии Буксгевден, речи становились все более горячими и враждебными по отношению к Государю и его Семье. Толпа возростала и страсти разгорались. Когда стало ясным, что Царской Семье угрожает опасность, вмешался отряд охраны. Но в этот самый момент разбушевалась стихия Ветер перешел в ураган. Небо почернело и разразилась страшная снежная буря Красные знамена и транспаранты стало рвать из рук толпы. Много красных полотнищ сорвало с палок и понесло по парку. Старые деревья грозно трещали и качались. Обломанные ветви носило по воздуху. Ораторам снег залепил глаза и слов их речей разобрать было невозможно. Поток их «красноречий» прекратился и толпа стала разбегаться Парк быстро опустел. У свежих могил, которые наскоро закидали кусками мерзлой земли, остались лишь лохмотья от красных полотнищ...

⁶¹³ Baroness Sophie Buxhoeveden «The life and tragedy of Alexandra Feodorovna Empress of Russia», сс. 294-296.

⁶¹⁴ Madame Lili Dehn «The real Tsaritsa», с 206.

В книге Пьера Жильяра описано, как Императорская Семья встретила праздник Святой Пасхи в 1917 году.⁶¹⁵

Вся Царская Семья причащалась Святых Таин Христовых в Великую субботу, а вечером, в 11 часов, все собрались для пасхальной Заутрени. Там присутствовал также и комендант дворца Коровиченко и три офицера из охраны.

Богослужение закончилось в два часа ночи и все направились в библиотеку для обмена поздравлениями.

Государь, как он всегда это делал, похристосовался со всеми, в том числе и с Коровиченко и с дежурным офицером. Эти оба революционера не могли скрыть своего волнения от внимания со стороны Императора. Потом все пошли в столовую и сели за стол. Их Величества заняли места друг против друга. Всего было там семнадцать человек, включая и двух офицеров. Отсутствовали только Великие княжны Ольга и Мария и Цесаревич Алексей. Пьер Жильяр пишет, что относительное оживление, которое наблюдалось до этого, постепенно стихло и разговор умолк. Особенно грустной была Императрица.

На четвертый день Пасхи, когда Царская Семья после обеда возвращалась с прогулки во дворец, дорогу Государю преградил часовой со словами:

«Полковник, нет прохода».

Тогда подошел офицер и Императора пропустили. Цесаревич видел это и сильно покраснел от обиды, нанесенной его отцу.

Пьер Жильяр говорит, что прогулки Царской Семьи совершались два раза в день: с 11 часов до 12 и после обеда - с 2.30 часов до 5.

Когда Царские узники шли гулять в парк, их окружали солдаты с ружьями и с примкнутыми к ним штыками. Они, с офицером во главе, следовали по пятам Императорской Семьи. Если Государь останавливался, чтобы поработать в парке, вокруг него располагались солдаты.

Когда Царская Семья выходила на прогулку, то у ограды парка собирался любопытный народ, чтобы посмотреть на Царственных узников.⁶¹⁶ Обычно эта толпа вела себя спокойно, обмениваясь между собой впечатлениями. Но, однажды, когда Император начал рубить лед на пруду, толпа за решеткой ограды сильно возросла и оттуда стали раздаваться отдельные выкрики - угрозы по адресу Государя. Среди людей появились шныряющие субъекты, которые перебежали от одной группы к другой, подстрекая их на безобразия. Шум усиливался, и некоторые хулиганы полезли на ограду, стараясь перебраться через нее в парк.

Комендант дворца, боясь осложнений, попросил Императора уйти от пруда подальше в глубь парка.

Тогда Государь, не теряя спокойствия, повернулся к галдящей толпе и сказал:

«Я не боюсь их. Эти честные люди меня совсем не стесняют».

Однажды Наследник играл в парке со своим маленьким игрушечным ружьем. Группа солдат 2-го полка, подзадориваемая прапорщиками Ерыничем и Домодзянцем, и желая причинить неприятность Царской Семье, потребовала это ружье у Цесаревича. Царственный мальчик положил ружье и пошел к матери, которая сидела в нескольких шагах от него, и начал плакать.

Видя все это, Пьер Жильяр попытался вмешаться,⁶¹⁷ доказывая солдатам, что ружье игрушечное. Но сделать ничего было нельзя. Охранники ружье унесли.

Полковник Кобылинский, узнав о случившемся, выразил протест, и получил ружье

⁶¹⁵ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», сс. 204-206.

⁶¹⁶ М.К. Дитерихс «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале», часть II, с. 178.

⁶¹⁷ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», сс. 210,211.

обратно, но в разобранном виде. Он отдал его Наследнику, и просил его играть с ним только в комнатах дворца.

Еще один случай низкого поведения солдат охраны, причинивший страдания Царским детям, описан в книге генерала Дитерихса.⁶¹⁸

Солдат, стоявший на часах в парке дворца, увидел там пасшихся прирученных диких козочек, которые принадлежали Великим княжнам и Цесаревичу. Солдат выстрелил и убил одну из коз и унес ее с собой. На следующий день, другой солдат убил вторую козу. Все это происходило на глазах Высоких узников...

Чтобы заниматься физическим трудом, а также чтобы иметь свежие овощи к столу, Царская Семья стала устраивать в парке огород. Пьер Жильяр в своем дневнике записал, что Государь с детьми и приближенными, снимали дерн и переносили его в место будущего огорода. Императорской Семье помогали слуги и некоторые из солдат. Чтобы поливать огород, воду возили в бочках. Все это дало хорошие результаты. К лету было собрано много овощей...

П. Жильяр пишет, что режим, в котором находилась Царская Семья, стал постепенно ухудшаться. Выдача дров на отопление комнат дворца была уменьшена и там становилось холодно. Императорской Семье пришлось думать и о топливе. Они обратились к страже и получили разрешение срезать сухие деревья в парке и рубить их на дрова.

Пьер Жильяр записал:⁶¹⁹

«... Мы становимся хорошими дровосеками, и это дает нам большой запас дров на следующую зиму».

В книге генерала Дитерихса говорится, что во дворце были случаи кражи солдатами. К примеру, один солдат 2-го полка проник в коридор и взломал штыком сундук, принадлежавший Императрице.⁶²⁰ Он успел похитить несколько пледов. Хотел украсть и сапоги ее Величества, но не успел.

О том, что представляли из себя солдаты охраны Царской Семьи, генерал Дитерихс рассказывает:

«Грязный, невымытый, непричесанный вид, небрежно одетая одежда, шныряние без толку из конца в конец, бесконечное лущение подсолнуха, валяние кучами по углам, под заборами и под деревьями...»

Постепенно отношение солдат охраны к Государю и его Семье начало меняться в лучшую сторону. Они видели простой образ жизни Императора и чувствовали его внимание к ним. Солдаты караула 1-го и 4-го полков, присмотревшись к Царской Семье, перестали следовать за ними по пятам, и даже начали вступать с ними в разговор. Сначала отдельные охранники попробовали заговорить с Государем и его Семейей, а потом и остальные стали собираться группами и разговоры принимали продолжительный и интересный характер. Беседовали с солдатами Император и Императрица, а из детей - чаще всего Великая княжна Мария Николаевна. Она любила поболтать с охранниками так, как она раньше это делала со слугами и крестьянами. Сами же солдаты, как пишет генерал Дитерихс, больше любили беседы с Государем. Среди офицерского состава появились и такие, которые испрашивали себе на память фотографии Государя, Государыни и их детей. И им не отказывали и давали со своими автографами.

Во время болезни Наследника некоторые солдаты хотели видеть его не из-за простого любопытства, а благодаря внутреннему доброму побуждению, которое стало воскресать в них...

⁶¹⁸ М.К. Дитерихс «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале», часть II, с. 180.

⁶¹⁹ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», с. 211.

⁶²⁰ М.К. Дитерихс «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале», часть II, сс. 179-183.

Генерал Дитерихс пишет о душевных страданиях Императора. Он переживал измену почти всех его любимых чинов свиты. Но его личные переживания были ничто в сравнении с той болью, которую он испытывал за судьбу России.

Сначала Император хотел верить, что Временное правительство является действительным выразителем воли русского народа, но когда он начал узнавать из газет и от своих приближенных о настоящем положении в стране, его мучения за будущее России и народ стали невыносимыми.

Генерал Дитерихс говорит:⁶²¹

«Он потерял возможность сдерживать себя, и окружающие стали замечать прорывавшиеся наружу сильное волнение и внутренний ужас, охватывавшие все его существо; сплошь да рядом, не будучи в силах сдерживать свои страдания, он начал делиться своими мыслями и чувствами с окружавшими его приближенными, чего раньше никогда не делал.

Первым доверенным в этом отношении явился князь Долгоруков. Прочтя полученные утром газеты и сведения, Государь уводил Долгорукова на утреннюю прогулку и, идя быстрыми шагами в отведенном для прогулок районе, делился с ним своими впечатлениями о текущих событиях...»

Страдая за Россию, Государь особенно мучился за армию. Он читал губительный приказ №1 и видел, какое разрушительное действие имел этот приказ на войска. На глазах Государя началось разложение его любимой армии, и он знал об участии здесь Германии. Но что больше всего ужасало Императора - это личное отношение к нему со стороны Англии и ее прессы. Теперь английские газеты подхватывали все гнусные сплетни и печатали их. Государь понял, что раньше, до его отречения, англичане молчали только потому, что чувствовали силу его монаршего авторитета. Но они и тогда поддерживали революционные стремления социалистов в России. Англия боялась все возрастающего могущества Российской Державы и стремилась к ее ослаблению. Коварные англичане не могли не знать о тех великих человеческих жертвах, которые принес российский народ во имя спасения союзников, т.е. Англии и Франции. Только ценою русской крови, пролитой безропотно за Царя, за Родину и за Веру Православную, союзники были спасены от разгрома в самом начале Великой войны.

Такое вопиюще-наблагодарное отношение Англии к России и лично к нему, низвергнутому Императору Российскому, глубоко ранило сердце Государя

Когда Керенский приехал во дворец еще в конце апреля 1917 года, доктор Боткин нашел удобную минуту и спросил его о возможности отправки Царской Семьи в Ливадию, где теплый климат способствовал бы восстановлению здоровья детей.

Керенский ответил доктору, что в настоящее время это осуществить невозможно.⁶²²

Об этом пишет и фрейлина Государыни София Буксгевден.⁶²³ Она говорит, что и Император просил Керенского отправить его с семьей в Ливадию. Тогда Керенский уклончиво ответил, что ничего не имеет против Крыма, но что есть в глубине России поместья, расположенные далеко от заводов и больших городов, и что переезд туда Царской Семьи будет для их же пользы. Тогда же Керенский спросил Государя - верит ли он ему? Император ответил, что верит.

⁶²¹ М.К. Дитерихс «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале», часть II, сс. 200-204

⁶²² Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», с. 206.

⁶²³ Baroness Sophie Buxhoeveden «The life and tragedy of Alexandra Feodorovna Empress of Russia», сс. 303,304.

Несмотря на это, Царская Семья думала, что их перевезут в Ливадию. Особенно мечтала об этом Императрица. Она надеялась, что они останутся в Крыму навсегда, и что им будет дана там большая свобода, чем в Царском Селе; что мягкий климат пойдет им на пользу и они не будут там мерзнуть так, как мерзли в Александровском дворце.

Но вскоре радужные надежды Императорской Семьи оборвались. В начале августа во дворец приехал Керенский. Вид у него был официальный и конспиративный. Все поняли, что он приехал с какой-то важной целью.

Керенский вызвал к себе полковника Кобылинского и прапорщика Ефимова, и объявил им под секретом, что по постановлению Совета министров, вся Царская Семья будет вывезена из Царского Села. Но куда - Керенский не сказал.

Генерал Дитерихс пишет,⁶²⁴ что разговор в этот день Керенского с Государем и Государыней произвел на Царственную чету впечатление какой-то недоговоренности. Во время беседы Керенский был очень смущен и старался подчеркнуть свою личную почтительность. Императору с супругой тогда показалось, что их переезд куда-то в неизвестность диктуется не столько их личной безопасностью, сколько как бы отправкой в ссылку.

Генерал Дитерихс говорит следующее:

«В сущности вопрос о том, какие в действительности причины понудили тогдашний состав Временного правительства принять решение о вывозе Царской Семьи в Тобольск, до сих пор следует считать открытым. Одно можно сказать с достаточной степенью убеждения, что меньше всего в этом решении могли играть роль причины, вытекавшие из интересов самой Семьи, и из стремления гуманитарного характера, так как все последующее отношение Временного правительства к Семье, в период ее содержания в Тобольске, служит лишь подтверждением для обратных выводов (лишение Семьи средств на содержание, оставление охраны без положенного содержания; обыски в Семье...)

Следователь Н. Соколов, который допрашивал в Париже князя Львова, А.Ф. Керенского и П.Н. Милюкова в 1920 и в 1922 гг., сделал заключение,⁶²⁵ что мотивом перевоза Царской Семьи в Тобольск являлась ссылка Государя с Семьей туда, куда раньше ссылались другие - в холодную, далекую Сибирь.

Керенский несколько раз приезжал в Царское Село, но по-прежнему скрывал место назначения переезда Царственных узников. И только после настойчивых просьб полковника Кобылинского, Керенский сказал:

«Передайте, что надо побольше брать теплых вещей».

За два дня до намеченного отъезда Царской Семьи, Керенский вызвал полковника Кобылинского и приказал ему составить отряд охраны. Но назначать охранников, как это было раньше, полковник Кобылинский уже не мог по причине того, что разложение армии зашло слишком далеко. Боясь, что в состав охраны могут попасть недостойные лица, Кобылинский хотел выбрать сам на каждую роту по пять офицеров. Но этого ему не удалось - в состав охраны все же попали некоторые неподходящие элементы.

Когда полковник Кобылинский принес Царской Семье весть, что нужно брать с собой теплые вещи, всем стало ясно, что поездка предстоит куда-то вдаль, на север.

Генерал Дитерихс пишет, что в ту ночь все дети Царской четы горько плакали. Они чувствовали, что расстаются с Царским Селом навсегда. И жуть о неведомом, страшном грядущем, подкрадывалась в их невинные сердца. Особенно Императорские дети боялись за Августейшего отца, предчувствуя приближающийся кошмарный конец.

Государь с Государыней в тот вечер провели вдвоем у себя, тихо беседуя о чем-то. О

⁶²⁴ М.К. Дитерихс «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале», часть II, сс. 213-215, 225-229.

⁶²⁵ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», с. 27.

чем? Никто никогда не узнает.

Гернал Дитерихс ясно представляет себе настроение Царственной четы в ту ночь.⁶²⁶
«Мы готовы все перенести, если это нужно для блага России», - говорили они... «Но эта ссылка... нужна ли она для блага России?»

И горячая, убежденная вера в волю Всевышнего Творца, вероятно, успокаивала их сердца, утоляла их страстную жажду блага любимой Родине ясным ответом... Значит, нужна!»

Керенский поручил некоему Макарову организовать детали поездки, но куда направлялась Царская Семья - никто ничего не знал.

По распоряжению Макарова сборы в дорогу производились секретно, так, чтобы об этом не узнали солдаты охраны.

12-го августа (30-го июля ст.ст.), в день рождения Цесаревича Алексея - ему исполнилось тринадцать лет, был отслужен молебен перед чудотворной иконой Божией Матери Знамения, которая была принесена во дворец.⁶²⁷ После молебна Царская чета обошла всех слуг дворца, которые не ехали с ними, поблагодарила их и попрощалась.

Государыня пересмотрела все свои платья, и, отобрав часть из них, отправила эти посылки друзьям и беженцам, которые жили в городе Царского Села.

Генерал Дитерихс пишет, что когда Августейшая чета укладывала вещи, их главное внимание было обращено на то, чтобы взять все реликвии, относящиеся к Православной вере. «Все», - пишет генерал Дитерихс, - «до мельчайшего пузырька со святой водой, веточки, вывезенные из святого места, все было ими захвачено с собой в новое место заключены..» И все эти реликвии были впоследствии найдены Следственной комиссией в Ипатьевском доме после адского там злодеяния Эти предметы не представляли никакой ценности для палачей-изуверов, и они оставили их там нетронутыми.

Отъезд Царственных узников был назначен на 13-е августа.

Перед отъездом состоялось последнее свидание Императора с его братом, Великим князем Михаилом Александровичем.

Великого князя привез во дворец Керенский в 11.30 вечера.⁶²⁸ Он присутствовал при свидании братьев, но сидел в углу комнаты и старался не вслушиваться в слова Государя и Михаила Александровича. Разговора особенного между братьями не было. Они были так удручены разлукой, что могли только обменяться обычными фразами. Великий князь выразил желание видеть Императрицу, но Керенский этого не позволил.

Цесаревич Алексей хотел встретиться с «дядей Мими», но зная, что этого ему не позволят, притаился в соседней комнате и смотрел в дверную щель на Михаила Александровича.

Свидание Императора с братом продолжалось всего минут десять. Потом Великий князь уехал, и уехал навсегда. Они больше уже никогда не встретились.

Отъезд Царственных узников был назначен на полночь, и вся Царская Семья, уже готовая к путешествию, спустилась в полукруглый зал и там ждала. Они сидели там несколько часов. Их поднимали к отъезду каждые полчаса, а потом опять приходилось ждать. Багаж уже увезли, которого было много. Все двери во дворце были открыты настежь, и по комнатам все время ходили то туда, то сюда офицеры и солдаты. Государыня сидела рядом с детьми. Бедный мальчик, Цесаревич Алексей, зеленый от усталости, усевшись на ящик, держал свою любимую собачку «Джоя». Император все эти долгие часы стоял и разговаривал со своими приближенными. Он хотел их как-то ободрить. Раз или два Семья

⁶²⁶ М.К. Дитерихс «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале», часть II, с 226.

⁶²⁷ Baroness Sophie Buxhoeveden «The life and tragedy of Alexandra Feodorovna Empress of Russia», с 304.

⁶²⁸ Там же, сс. 305-307.

уходила в свои комнаты, чтобы немного отдохнуть, но тут же немедленно раздавался сигнал к отъезду, который оказывался ложным, и опять Царской Семье приходилось садиться и ждать, и ждать...

Такое промедление отъезда объяснялось тем, что Советы не хотели дать разрешение на отправку поезда Императорской Семьи, и Керенский прилагал все усилия, чтобы получить согласие от Советов.

Томление Царственных узников продолжалось свыше пяти часов. Наконец, около 6 часов утра появился Керенский и объявил, что разрешение на отъезд получено.

Автомобили были поданы к подъезду Александровского дворца. В первый сели Керенский с полковником Кобылинским, следом за ними - в одном автомобиле разместились вся Царская Семья

София Буксгевден пишет, что в ту печальную ночь перед глазами Императрицы промелькнули ее годы в Царском Селе. Это были годы первой ее молодости и надежд, затем годы разочарований, внутренней борьбы, переживаний...

Государыня оставила для Софии Буксгевден несколько прощальных строк, где было написано:

«Что ожидает в будущем моих бедных детей? Мое сердце разрывается, думая о них...»
(Пер. с англ.)

Лицо Императрицы, когда она покидала Александровский дворец, было пепельно-серым. Она оставляла свой дом навсегда.

На крыльце Царскую Семью провожали только граф Бенкендорф и фрейлина Буксгевден. Государыня ей писала потом, что в тот момент она чувствовала их полное одиночество, полную оставленность, когда увидела только две фигуры провожающих.

София Буксгевден говорит, что она и граф Бенкендорф находились тогда в таком тяжелом состоянии душевном, что не имели сил стоять, а должны были прислониться к стене, чтобы не упасть. Они даже не могли поднять рук для последнего прощального приветствия

София Буксгевден не ехала с Царской Семьей потому, что ложилась на операцию. Она присоединилась к ним позже. Граф Бенкендорф принужден был остаться по состоянию своего здоровья и болезни жены.

С Царственными узниками поехали в ссылку:

Графиня Гендрикова, г-жа Шнейдер, князь Долгоруков и Пьер Жильяр.

К ним у поезда присоединился генерал Татищев.

Автомобиль с Царской Семьей подъехал к платформе Варшавской железной дороги.⁶²⁹ Там их ждал поезд. На перроне никого провожающих не было, кроме Керенского. Он дал знак рукой, и поезд медленно двинулся в неизвестность. Было без десяти минут шесть часов утра 14-го августа 1917 года.

ГЛАВА 25

Жизнь Царской Семьи в Тобольске. Падение Временного правительства и новая власть большевиков. Отношение стражи к Семье. Провозглашение диаконом многолетия Государю и последствия этого необдуманного поступка. Император принужден снять свои погоны. Затруднительное материальное положение Царственных узников. Ложные сведения о готовящемся освобождении Царской Семьи, исходившие от Б.Н. Соловьева, зятя Распутина. Вера Государыни в скорое спасение. Судьба драгоценностей Царской Семьи. Владимир Ленин - как агент Германии по книге следователя Н. Соколова. Прибытие в Тобольск комиссара В. Яковлева и беспокойство Царской Семьи. В. Яковлев увозит Государя, Государыню и Великую княжну Марию. Тяжелый путь Царской четы и прибытие

⁶²⁹ М.К. Дитерихс «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале», часть II, с. 229.

в Екатеринбург. Кем был в действительности комиссар В. Яковлев и тайное ему задание вывезти Царскую Семью на Урал. Дальнейшая судьба Яковлева-Мячина. Издевательства Родионова над Царскими детьми в Тобольске и путешествие детей на пароходе «Русь» из Тобольска в Тюмень. Прибытие Царских детей в Екатеринбург.

Для перевоза Царской Семьи и сопровождающих ее - было предоставлено два поезда. Оба следовали под японским флагом. Всего с Семьей, включая служащих, ехало 39 человек.⁶³⁰

Оба поезда проследовали по просторам России благополучно, и на станции Тюмень Царская Семья, пересев на пароход «Русь», прибыла в Тобольск 19 августа. Там Семью разместили в губернаторском доме, который оказался просторным и довольно уютным.

Позднее в Тобольск приехали преподаватель английского языка Сидней Гиббс, доктор В.Н. Деревенько и фрейлина Императрицы баронесса София Буксгевден.

Следователь Н. Соколов пишет, что первое время пребывания Императорской Семьи в Тобольске было спокойным. Около 9-и часов утра подавался утренний чай. Государь пил его в своем кабинете всегда со старшей дочерью Ольгой Николаевной. После чая Император проводил время у себя Он или читал, или писал свой дневник.

В час дня подавался завтрак, и после него Государь с детьми шли на воздух, и там занимались физическим трудом - пилили дрова. Общими усилиями Семьи и их приближенных была построена площадка с лестницей. Здесь, на устроенной террасе, любили сидеть Царственные узники.

Перед пятичасовым чаем Император преподавал Наследнику историю. После чая Государь шел в свой кабинет, а дети занимались уроками. Обед подавался в 8 часов вечера, К обеду приглашались: фрейлина А. Гендрикова, г-жа Шнейдер, генерал Татищев, князь Долгоруков, доктор Боткин, Пьер Жильяр и С. Гиббс. По праздничным дням обедал и доктор Деревенько со своим сыном гимназистом Колей. Стол был удовлетворительный.

После обеда все собирались вместе в зале и сюда приходили доктор Боткин, Татищев, Долгоруков и другие. Здесь велись беседы, играли в карты, а иногда Император читал вслух.

Государыня обычно не выходила из своей комнаты до завтрака. Там она преподавала некоторые предметы детям, а иногда занималась чтением или рукоделием. Она часто жаловалась на сердце и не всегда ходила в столовую обедать. Когда она оставалась одна, то любила играть на пианино и петь.

По сравнению с царскосельским заключением, пребывание в Тобольске имело одно большое преимущество. Здесь Царской Семье было разрешено посещать церковные богослужения. Всенощные совершались на дому, Божественная же Литургия служилась в церкви, ранняя, специально для Императорской Семьи. Посторонние молящиеся в это время в храм не допускались. За Царственными узниками, во время богослужений, зорко следила стража. Этот храм, который посещала Царская Семья, был посвящен Благовещению Пресвятой Богородицы.

Мимо дома заключения проходили люди, и если они замечали кого-то из Царской Семьи, то снимали шапки, а некоторые и крестили их.

В губернаторский дом поступали продуктовые посылки от разных лиц, но особенное участие в жизни Императорской Семьи проявил Ивановский женский монастырь. Монахини приносили для Царской Семьи яйца и другие продукты.

В Тобольске жилось спокойнее, чем в Царском Селе, но здесь это спокойствие было «сибирским». Все дни проходили однообразно. Большого парка, как в Царском Селе, не было. Сад был маленький, и вокруг дома стоял высокий забор. Общение Царской Семьи всегда проходило с одними и теми же приближенными. Развлечением являлись пилка дров и

⁶³⁰ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», сс. 28-32.

качели.

Чтобы скрасить как-то время, Царские дети усиленно занимались уроками. Государь преподавал им историю, Императрица - богословие, Пьер Жильяр учил французскому языку, а С. Гиббс - английскому. Другие приближенные преподавали остальные предметы. Иногда ставили пьесы на русском, английском или французском языках. Роли исполнялись Царскими детьми.

Несмотря на это, Великие княжны и Наследник очень скучали. Они часто сидели у окна и смотрели на улицу, где проходили «свободные люди». В ноябре месяце Цесаревич Алексей записал в своем дневнике:

«Весь день прошел как вчера, и так же скучно».

В сентябре месяце в Тобольск приехали комиссар Панкратов и его помощник Никольский.

Полковник Кобылинский, давая показания следователю Соколову, рассказывал:

«Панкратов привез с собой бумагу за подписью Керенского, в коей говорилось, что я поступаю в полное подчинение Панкратова и должен исполнять то, что он мне будет приказывать».

В.С. Панкратов, еще в 18-летнем возрасте, защищая какую-то женщину, убил жандарма. Его судили и приговорили к заключению в Шлиссельбургской крепости. Потом он был сослан в Якутскую область.

Помощник Панкратова Никольский также находился в Якутской области, где они и подружились.

Характеристику Панкратову и Никольскому дает в своей книге Пьер Жильяр.⁶³¹ Он пишет, что Панкратов был человеком довольно образованным и с мягким характером, но - фанатиком по натуре. Он привязался к Царским детям и произвел хорошее впечатление на Государя

Никольский же по своей природе был настоящим зверем. Ограниченный и упрямый, он каждый день изоощрялся во все новых притеснениях Императорской Семьи. Сразу же по приезде он потребовал от полковника Кобылинского, чтобы были сфотографированы все члены Семьи и их приближенные.

На возражения Кобылинского, Никольский ответил:

«Когда-то нас заставляли это делать, теперь настала их очередь».

Пришлось подчиниться и всем сняты После этого каждый получил арестантские карточки с фотографией и регистрационным номером.

Когда комиссар Макаров, который доставил Императорскую Семью в Тобольск, прислал из Царского Села вино «Сан-Рафаель», которое в Семье употребляли как лекарство, Никольский, увидев ящики с вином, пришел в ярость и собственноручно перебил топором все бутылки. Даже солдаты охраны за это его называли идиотом.⁶³²

Пьер Жильяр пишет, что Царская Семья страдала из-за отсутствия известий. Письма доходили в Тобольск с большим запозданием. В городе выходил местный листок, который печатали на оберточной бумаге, но там помещались только старые телеграммы, с изменениями и сокращениями.

Император томился и с тоскою следил за событиями в России. Одно время к нему вернулась надежда, когда генерал Корнилов предложил Керенскому пойти штурмом на Петроград, чтобы положить конец агитации большевиков. Но надежды не оправдались: Временное правительство отказало Корнилову.

Пьер Жильяр тогда в первый раз услышал от Государя о той муке, которая терзала его сердце - он пожалел о своем отречении от престола. Государь осознал, что его отречение

⁶³¹ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», сс. 218-225.

⁶³² Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», с. 33.

принесло России не пользу, а катастрофу.

Около 15-го ноября в губернаторский дом пришла весть о падении Временного правительства, и о том, что власть захватили большевики. Доходившие до Тобольска слухи становились все хуже и страшнее. Коммунистическая пропаганда стала проникать и в отряды охраны Царственных узников.

В первое время солдаты 1-го и 4-го полков были расположены к Царской Семье. Великие княжны, с чарующей простотой, умели разговаривать с солдатами. Они расспрашивали их о боях, в которых они раньше участвовали, и о их семейной жизни. Цесаревича Алексея солдаты любили и старались сделать для него что-то приятное. Когда дежурил 4-ый полк, состоявший из солдат старшего возраста, которые особенно дружелюбно относились к Царской Семье, то Император с детьми тайно ходили в помещение караула и разговаривали с ними, или играли в домино.

Во время одной из таких бесед, в комнату караула вошел комиссар Панкратов. Он был очень удивлен тем, что увидел, и остановился в нерешительности у двери. Государь, видя его смущение, пригласил его присоединиться к ним и сесть за стол, но Панкратов, почувствовав себя неловко, произнес несколько непонятных слов и удалился.

Панкратов, как только приехал в Тобольск, организовал занятия с солдатами. Он хотел развить в них чувство патриотизма и гражданского долга, но одновременно привил солдатам и идеи коммунизма.

После октябрьского переворота в Петрограде, некоторые солдаты охраны тобольского дома обнаглели. Особенно стали отличаться этим солдаты 2-го полка, которые причиняли много неприятностей Царственным узникам еще в Царском Селе.

Следователь Н. Соколов пишет,⁶³³ что кроме пропаганды, были и другие причины неприязненного отношения некоторых солдат к Царской Семье. Одним из главных поводов было невыполнение обещаний Керенского по улучшению быта солдат и по выдаче им суточных денег и т.д. Все это вызывало недовольство у охранников и порождало в них раздражение, которое выливалось в неприязнь к Царской Семье. Они начали измышлять разные гадости. Первое, на что они устремили свое внимание - были качели детей Государя. Солдаты стали исписывать доску качелей отвратительными циничными надписями.

Царским детям было скучно сидеть за высоким забором. Им хотелось на воздух, хотелось увидеть и других людей. Зная это, Никольский терпеливо следил из окна своей комнаты - что делается в саду. И когда он увидел, что Цесаревич Алексей выглянул через забор, он выскочил, накричал на охранника и сделал выговор Цесаревичу. Мальчик обиделся и пожаловался полковнику Кобылинскому. Кобылинский был возмущен и потребовал от Панкратова унять «усердие» Никольского.

Наглое поведение Никольского давало пример и солдатам. Так, на приветствие Императора, они перестали отвечать. Как-то Государь поздоровался с солдатом:

«Здорово, стрелок».

Солдат ответил:

«Я не стрелок, Я- товарищ».

Вскоре произошла опять большая неприятность: Император надел черкеску, где у пояса висел кинжал. Солдаты, увидя это, подняли настоящий скандал. Они кричали:

«Их надо обыскать. У них есть оружие!»

Полковнику Кобылинскому удалось кое-как уговорить эту банду потерявших стыд солдат, чтобы они не производили обыска. Сам же Кобылинский пошел к Государю и объяснил ему, в чем дело. Император понял и отдал кинжал полковнику.

Императрица и Великие княжны, за несколько недель до праздника Рождества Христова усердно работали, приготавливая подарки для всей Семьи, для приближенных и для

⁶³³ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», сс. 33-35.

служащих.⁶³⁴ Императрица связала несколько шерстяных фуфаяк. Подарками она хотела выразить свою благодарность тем, кто остался с Царской Семьей разделить их судьбу.

В первый день праздника Рождества Христова в церкви была отслужена Божественная Литургия Диакон Евдокимов, по распоряжению священника Васильева, провозгласил за молебном многолетие Императору по старой формуле. Это вызвало бурю среди солдат. Они вынесли постановление убить священника.

Чтобы избежать опасности, епископ Гермоген Тобольский,⁶³⁵ был вынужден временно удалить священника Васильева в монастырь. Но возмущение солдат не утихло. Царской Семье запретили посещать храм Божий. И только благодаря Кобылинскому, Семье разрешили посещать церковь по двенадцатым праздникам. Приходилось узникам молиться дома в присутствии охранника. Никаких разговоров между священнослужителем и Царской Семьей не разрешалось.

Однажды священник упомянул в молитве Св. Царицу Александру. Солдат, по фамилии Дорофеев, не понял смысла слов и поднял опять скандал. Снова пришлось вмешаться полковнику Кобылинскому, который умиротворил солдата.

Без всякого повода, солдаты приказали приближенным и прислуге, которые жили в доме купца Корнилова, находящегося напротив тобольского дома заключения, перебраться к Императорской Семье. Теперь в доме стало тесно.

С приходом к власти коммунистов, офицерский состав перестал носить погоны. Среди охраны Царственных узников стали обсуждать вопрос о снятии офицерских погон. Солдаты постановили, чтобы и Государь снял свои погоны.

Полковник Кобылинский, зная, какое это оскорбление нанесет Императору, долго боролся и даже пригрозил им жалобой английскому королю и немецкому императору. Но солдаты настаивали на своем и стали угрожать, что если Император не снимет своих погон, они применят насилие. Кобылинский видел, что не может больше ничего сделать. Но он не решился сам говорить об этом Императору, а обратился к Татищеву.

Пьер Жильяр в своей книге рассказывает, как в канун праздника Крещения Господня, после богослужения, которое совершалось новым священником на дому Царской Семьи, Татищев и князь Долгоруков подошли к Императору и попросили его снять погоны. Было видно, как возмутился Государь, но потом, поговорив с Императрицей, он овладел собой и согласился, во избежание неприятностей, снять свои погоны.

Через два дня, когда выпал большой снег, Царская Семья с приближенными, стала устраивать ледяную гору.⁶³⁶ Князь Долгоруков и Пьер Жильяр носили в ведрах воду и поливали гору. Через несколько дней ледяная горка, к радости детей, была готова, и они могли на ней кататься

В феврале месяце, когда началась демобилизация армии, старые солдаты, в своем большинстве хорошо относившиеся к Царской Семье, должны были оставить охрану тобольского дома и уехать. Эти солдаты 4-го полка пришли тайком к Государю и Государыне, чтобы попрощаться с ними. В день их отъезда Царственная чета поднялась на ледяную горку, чтобы лучше видеть, как уезжают солдаты. Об этом стало известно солдатскому Комитету. Поднялся шум. Солдаты устроили совещание и постановили срыть горку. Но они все же чувствовали, что поступают скверно. Вероятно, у некоторых заговорила совесть. Пришли они поздно вечером, как воры, и ударами кирок снесли ледяную горку до основани Когда Царские дети увидели это утром, они пришли в отчаяние и плакали.

⁶³⁴ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», сс 225-228

⁶³⁵ Епископ Гермоген, бывший Саратовский, после революции был назначен на кафедру епископа Тобольского. (См. главу этой книги №9).

⁶³⁶ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», сс. 229-232.

Ежедневно возникали все новые притеснения Царской Семьи. Но это происходило со стороны солдат, а не офицерского состава. Офицеры хорошо относились к Царственным узникам, и не было ни одного случая, чтобы офицер нанес какое-либо оскорбление Государю или Государыне.

Обслуживать тобольский дом заключения становилось все труднее в денежном отношении.⁶³⁷ Государю и его Семье приличествовал определенный образ жизни. Поддерживать уклад этой жизни обязано было Временное правительство, когда оно еще существовало. Но это правительство как бы забыло о Царской Семье и их приближенных, и перестало присылать деньги на их содержание. Платить служащим стало нечем. У Государя личных средств не было. Создалось очень затруднительное положение.

В книге Н. Соколова дается показание полковника Кобылинского:

«Деньги уходили, а пополнений мы не получали. Пришлось жить в кредит. Я писал по этому поводу генерал-лейтенанту Аничкову, заведывавшему хозяйством гофмаршальской части, но результатов никаких не было. Наконец, повар Харитонов стал мне говорить, что больше «не верят», что скоро и отпускать в кредит больше не будут».

Полковнику Кобылинскому пришлось идти по городу и просить денег на содержание Царской Семьи. Он достал деньги под вексель за своей личной подписью и за подписью Татищева и Долгорукова. Все это делалось в строжайшей тайне от Государя

Из показаний полковника Кобылинского:

«... Все эти истории были мне тяжелы. Эта была не жизнь, а сущий ад. Нервы были натянуты до последней крайности. Тяжело ведь было искать и выпрашивать деньги для содержания Царской Семьи. И вот, когда солдаты вынесли постановление о снятии нами, офицерами, погон, я не выдержал. Я понял, что больше нет у меня власти, и почувствовал полное свое бессилие. Я пошел в дом и попросил Теглеву доложить Государю, что мне нужно его видеть. Государь принял меня в ее комнате. Я сказал ему: «Ваше Величество, власть выскальзывает из моих рук. С нас сняли погоны. Я не могу больше Вам быть полезным. Если Вы мне разрешите, я хочу уйти. Нервы у меня совершенно растрепались. Я больше не могу». Государь обнял меня одной рукой. На глазах у него навернулись слезы. Он сказал мне: «Евгений Степанович, от себя, жены и детей я Вас прошу остаться Вы видите, что мы все терпим. Надо и Вам потерпеть». Потом он обнял меня, и мы поцеловались. Я остался и решил терпеть».

Денежный вопрос при большевиках еще более ухудшился, чем при Временном правительстве. Полковник Кобылинский получил телеграмму от комиссара по министерству Двора, где говорилось, что «у народа нет средств содержать Царскую Семью», что она должна жить на свои средства; что Советская власть дает ей квартиру, отопление, освещение и солдатский паек. Вместе с этим распоряжением, запрещалось тратить из своих денег больше, чем 600 рублей в месяц на человека.

Со стола Царской Семьи исчезли кофе, сливки, масло. Сахара было недостаточно и стол стал скудным. Пришлось уволить 10 человек служащих, которых не на что было дольше содержать.

Пьер Жильяр⁶³⁸ пишет, что жители города, узнав о бедственном положении Императорской Семьи, стали доставлять различными путями в дом заключения яйца и сладости...

Жильяр рассказывает, что наступила масленица и под окнами дома проносятся сани с бубенчиками; слышится игра на гармонии и песни. Это жители Тобольска веселятся перед Великим постом. Царские же дети с тоскою смотрят на всех этих людей. Им скучно. Они

⁶³⁷ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», сс. 36-38.

⁶³⁸ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», сс. 232-236.

ходят по небольшому двору, окруженному сплошным высоким забором. Их ледяная горка разрушена и единственным развлечением является пилка и рубка дров.

В апреле месяце пришло письменное распоряжение от Центрального Исполнительного Комитета большевиков, в силу которого генерал Татищев, князь Долгоруков, графиня Гендрикова и г-жа Шнейдер находились теперь в тобольском доме на положении арестованных.

Пьер Жильяр говорит в своей книге, что это время, когда сменялась власть и приезжали новые молодые солдаты охраны, - было весьма благоприятным для побега Царственных узников. Достаточно было иметь несколько энергичных людей, чтобы обмануть бдительность наглой и распущенной охраны солдат и устроить побег заключенных. Жильяр пишет, что иногда между Царской четой и приближенными возникал вопрос о побеге, и когда шел разговор об этом, то Император ставил два условия: он не допускал, чтобы Семья была разделена, а также он не желал покинуть территорию России. Особенно в возможность побега верила Государыня Императрица. Она говорила Жильяру, что в Тюмени собрано триста верных офицеров, которые уже готовы организовать спасение Царской Семьи. Но она не открыла Жильяру - откуда у нее такие сведения

В первой половине февраля 1918 г. комиссары Панкратов и Никольский, по требованию солдат, покинули свои посты. 24-го марта прибыл из Омска комиссар Дуцман. Он поселился в доме Корнилова. Латыш по национальности, Дуцман не вмешивался в жизнь Царской Семьи. Он держал себя очень осторожно и только наблюдал за губернаторским домом.⁶³⁹

Через два дня после прибытия Дуцмана, в Тобольске появился первый отряд красноармейцев под командой красных офицеров: Демьянова и Дегтярева.

Увидя из окна этот отряд, Императрица стала говорить, что это «хорошие русские люди».

Она думала, что в этом отряде имеются переодетые в красноармейскую форму офицеры из Тюмени, которые готовятся спасти Царское семейство. Своим энтузиазмом Государыня заразила и остальных членов Семьи, и те поверили в скорое освобождение.

Вера Императрицы в то, что в Тюмени находится отряд из монархистов-офицеров, которые собираются устроить побег Царской Семьи - была основана на ложных сведениях.

Как пишет Н. Соколов, следствием было установлено, что ни в Тюмени, ни где-либо в другом месте Тобольской губернии, никаких офицерских групп, готовящих освобождение Государя с Семьей - не было. Эти ложные сведения о спасении Царской Семьи исходили от Бориса Николаевича Соловьева, зятя покойного Распутина.

Б.Н. Соловьев был арестован Белыми частями во Владивостоке в декабре 1919 года. Это произошло, когда стало известно о близости Соловьева к социалистическим элементам, готовившим свержение власти адмирала Колчака. Следователь Н. Соколов начал следствие, и по ходу дела выяснилось следующее:

Соловьев окончил школу прапорщиков. В 1915 году стал членом распутинского кружка. Во время революции он примкнул к бунтующим и привел к зданию Государственной Думы солдат. Потом был назначен обер-офицером для поручений и адъютантом председателя Военной комиссии. Он тогда же и организовал истребление кадров полиции. По словам Н. Соколова - эта Военная комиссия была большевистской по духу и работала против Временного правительства.

В августе 1917 года Б. Соловьев поехал в Тобольск и пытался войти в доверие к епископу Гермогену, который находился в добрых отношениях с Царской Семьей. Но Владыка Соловьеву не поверил. В начале октября 1917 года Соловьев женился на дочери Распутина Матрене (Марии) и поселился с женой в Тюмени, узловом пункте, который нельзя было миновать тем, кто ехал в Тобольск. Здесь Б. Соловьев проживал под именем

⁶³⁹ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», сс 41,88-94

Станислава Корженевского.

Следователь Соколов пишет:

«По чужой воле и не любя, вышла дочь Распутина за Соловьева. Не знаю, была ли она ему женой, или рабыней. Но ему нужна была не она, а имя Распутина.

Зачем?

Распутина не было, но его кружок и руководители существовали. По-прежнему царила в нем сплошная истерия По-прежнему там пребывала самый вредный его член Вырубова».

Из книги капитана Павла Булыгина, который участвовал в расследовании убийства Царской Семьи, о Борисе Соловьеве узнаем следующее:⁶⁴⁰

Борис Соловьев побывал в Индии, где занимался оккультными науками в школе Блавацкой. Вернувшись в Петербург, где оккультизм был тогда в моде, Соловьев проник в кружок Распутина и Анны Вырубовой.

После убийства Распутина князем Юсуповым и Пуришкевичем, поклонницы «старца» начали вызывать «дух» убитого Распутина на истерических спиритических сеансах.

В дневнике дочери Распутина Матрены, который попал в руки следователя Соколова, было написано о том, как Матрена пошла в дом Анны Вырубовой на спиритический сеанс, и как там Распутин «говорил» с ней.

Когда Борис Соловьев женился на Матрене Распутиной, он, по желанию А. Вырубовой и г-жи Л. Ден, как доверенный различных монархических организаций, поехал в Тюмень.

В Тобольске Б. Соловьев установил связь с настоятелем церкви Благовещения Пресвятой Богородицы, отцом Алексеем Васильевым и с горничной Императрицы Анной Романовой. При помощи этой горничной, Соловьев передал Государыне привезенные им из Петрограда письма и часть денег, которыми снабдили его монархические организации. Но самым главным в миссии Соловьева являлось то, чтобы уверить Царственных узников, что их освобождение близко; уверить, что «семья Распутина и его друзья активно действуют».

После Октябрьской революции, положение Б. Соловьева в Тюмени не изменилось. Он сблизился с местными властями и не прерывал связи с Царственными узниками в Тобольске.

В этот период времени Императрица все время говорила приближенным, что она вполне уверена в том, что спасение близко, что все будет хорошо; что триста преданных офицеров ожидают только сигнала, чтобы поспешить к ним на помощь. По желанию самой Императрицы, эта несуществующая организация, возглавляемая Борисом Соловьевым, была названа: «Братство Св. Иоанна Тобольского», и знак, определяющий это общество, был свастика (индийский знак, означающий бесконечность).

Соловьев сообщил в Петроград и Москву, что восемь красных полков, перешедших на сторону Монархии, заняли каждую дорогу, ведущую к Тобольску; что в тобольском доме заключения имеется несколько верных солдат охраны; что взрывчатые вещества подложены под мосты, ведущие к Тобольску и т.д. Б. Соловьев настаивал на том, чтобы к нему не присылали из столицы других лиц, желающих помочь Царской Семье. Он говорил, что это только испортит налаженное уже им дело. Он только просил посылать ему больше денег.

Некоторые конспираторы, которые не доверяли Соловьеву и требовали от него доказательств, были им устранены. Павел Булыгин пишет, что трое из них, настойчиво доискивавшиеся правды относительно существования тайного общества по освобождению Царской Семьи, были Соловьевым переданы в руки большевиков и расстреляны чекистами.⁶⁴¹

Следователь Н. Соколов в своей книге сообщает:⁶⁴²

⁶⁴⁰ Captain Paul Bulygin «The murder of the Romanovs», Hutchinson and Co. Ltd., London, 1935 cc. 197-202.

⁶⁴¹ Captain Paul Bulygin «The murder of the Romanovs», с 200.

⁶⁴² Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», сс. 94,95,101,104.

«Следствие вскрыло, кто был тот «хороший русский человек», который обманывал Императрицу и усыплял ее лживыми надеждами на мнимое спасение. Это был Соловьев. Не нужно доказывать, почему ему верили. Ведь он - зять Распутина.

Но он делал нечто большее.

Боткина показывает:⁶⁴³ «Надо отдать справедливость нашим монархистам, что они собирались организовать дело спасения Их Величеств, вели все это, не узнав даже подробно тобольской обстановки и географического положения города... Соловьев действовал определенно с целью погубить Их Величества и для этого занял очень важный пункт Тюмень, фильтруя всех приезжавших и давая директивы в Петроград и Москву... Всех стремившихся проникнуть к Их Величествам, Соловьев задерживал в Тюмени, пропуская в Тобольск или на одну ночь, или совершенно неспособных к подпольной работе людей. В случае же неповиновения ему, он выдавал офицеров совдепам, с которыми был в хороших отношениях... Никакой организации не было, и все 300 человек, о которых любил говорить о. Васильев, и о которых даже Их Величества знали, были чистым вымыслом».

На с. 104 своей книге Н. Соколов пишет:

«Как бы ни было, роль Соловьева ясна. Он вел наблюдение за Царской Семьей и пресекал попытки русских людей прийти к ней на помощь.

В чьих интересах делалось это?...

И далее Н. Соколов делает следующее заключение: «Не питаю сомнений, что Соловьев работал на немцев».

Капитан Павел Булыгин в своей книге пишет,⁶⁴⁴ что Борис Соловьев являлся немецким агентом. Он также имел связь и с большевиками. Это был период времени союза между немцами и Красными, и Соловьев работал для двух господ, получая деньги из нескольких различных источников.

Когда Государь с Государыней, а затем и Царские дети были вывезены из Тобольска, туда бросился Соловьев. Он встретился с горничной Императрицы Анной Романовной, и узнал от нее - где спрятаны в Тобольске драгоценности, часть которых была оставлена там Царской Семьей.

Следователь Н. Соколов пишет (с. 101):

»... Позднее он продал содержанке атамана Семенова бриллиантовый кулон за 50 000 рублей»

Бориса Соловьева арестовали Белые части в конце 1919 года и он находился под следствием в Чите. Но в это дело вмешалась та же возлюбленная атамана Семенова Мария Михайловна, слово которой было законом в то время в Чите, - так пишет капитан Булыгин. Фамилия содержанки Семенова была Розенцвейг.⁶⁴⁵

Во время допроса следователем Соколовым Матрены Соловьевой-Распутиной, в комнату вошла Мария Михайловна, и обе женщины обнялись. Содержанка атамана немедленно вступилась за Бориса Соловьева, и по ее желанию Семенов приказал в тот же день выпустить Соловьева на свободу. Уходя из камеры, Соловьев злобно сказал следователю Соколову:⁶⁴⁶

«Мы еще встретимся».

В книге Эдварда Радзинского⁶⁴⁷ имеются интересные данные о судьбе тех царских

⁶⁴³ Дочь доктора Е.С. Боткина, Татьяна Мельник-Боткина.

⁶⁴⁴ Captain Paul Bulygin «The murder of the Romanovs», сс. 217,218.

⁶⁴⁵ М.К. Дитерихс «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале», часть I, с. 77.

⁶⁴⁶ Captain Paul Bulygin «The murder of the Romanovs», сс. 267.

⁶⁴⁷ Эдвард Радзинский «Господи... спаси и умири Россию» Николай II: жизнь и смерть Изд. «Вагриус»,

драгоценностей, которые Государыня и Великие княжны не смогли защитить в свои одежды и принуждены были оставить в Тобольске.

Согласно книге Э. Радзинского, розыск этих царских ценностей начался в 1933 году. Выяснилось, что драгоценности были переданы камердинером Государя Чемодуровым матушке игуменье Ивановского женского монастыря на хранение.

Незадолго до своей смерти, игуменья открыла тайну драгоценностей своей ближайшей помощнице благочинной Марфе.

Монахиня Марфа передала их Корнилову, дом которого находился напротив дома заточения Царской Семьи в Тобольске. Чекисты арестовали Марфу и Корнилова. Несчастный Корнилов не выдержал этого страшного испытания и открыл истязателям, где были зарыты царские сокровища - в подполье его дома.

Ценности чекисты отыскивали, но на этом не остановились, а продолжали дальнейшие поиски. Начались аресты тех лиц, которые так или иначе были связаны с Царской Семьей. Чекисты нашли вдову расстрелянного ими верного Императору полковника Кобылинского, которая скрывалась в маленьком городке Орехово-Зуево. Она рассказала, что ее покойный муж показывал ей шашку Государя и некоторые драгоценности, которые были потом зарыты в сибирской тайге.

Через вдову полковника Кобылинского чекисты нашли брата и сестру по фамилии Печекос, у которых некоторое время жили Кобылинские.

Палачи так пытали несчастную Печекос, желая узнать от нее - где спрятаны драгоценности, что она в тюрьме покончила с собой, проглотив несколько кусков от железных предметов. Ее брат тоже пытался покончить с собой, выбросившись из окна тюрьмы. Но он не умер, а остался жив.

Чекисты поняли, что Печекос не выдаст тайны захоронения драгоценностей и выпустили его на свободу. Но они зорко следили за каждым его шагом, думая найти таким образом место захоронения. Только смерть Печекоса прекратила это преследование.

Неустанно палачи-чекисты продолжали искать царские сокровища. Они узнали, что Государыня отдала чемодан с драгоценностями священнику Алексею Васильеву. Но о. Алексей к этому времени успел уже уйти в лучший мир, не открыв ничего даже своим детям.

Так, и до настоящего времени сибирская тайга свято хранит тайну места захоронения государевой шашки и других ценностей. Лежит шашка Российского Императора где-то под вековыми деревьями тайги. Не пожелал Государь, чтобы его шашкой воспользовались палачи-коммунисты.

В середине марта 1918 года в Тобольск пришла весть, что Ленин подписал с Германией постыдный Брест-Литовский мир. Император был сражен этой новостью. Он говорил:⁶⁴⁸

«Эта такой позор для России, и это равносильно самоубийству. Я никогда не думал, что император Вильгельм и германское правительство могут опуститься до такой степени, чтобы пожимать руку этим нечестным, которые предали свою страну...»

О роли Ленина, как агента Германии, в разложении русской армии и гибели России, Н. Соколов в своей книге пишет следующее:⁶⁴⁹

«Первая попытка Ленина свергнуть власть Временного правительства в июле месяце 1917 года кончилась неудачей. Он бежал. Над ним было назначено судебное следствие.

Его производил судебный следователь по особо важным делам Александров. Акты следствия после 25 октября были захвачены большевиками. Но В.Л. Бурцев успел получить в свое время сводку материалов этого следствия

Москва, 1993, сс. 344-347.

⁶⁴⁸ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», с. 234.

⁶⁴⁹ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», сс. 84-86.

Я проверял достоверность ее допросами Переверзева и Керенского. Первому принадлежала в этом деле главная роль, так как он работал над изменой Ленина еще до его выступления, занимая пост прокурора Петроградской Судебной Палаты. Позднее, будучи министром Юстиции, он возбудил формальное следствие.

Переверзев показал: «... Еще будучи прокурором Палаты, я вел расследование немецкого шпионажа вообще, и, в частности, деятельности Ленина. Работа эта производилась подведомственными мне чинами под моим личным наблюдением. Добытыми данными роль Ленина и целого ряда других лиц, как агентов Германии, удостоверилась воочию...»

Далее Н. Соколов продолжает:

«Резолютивная часть этих документов так определяла вину вражеских агентов: «На основании изложенных данных Владимир Ульянов (Ленин), Овсей Герш Аронов, Апфельбаум (Зиновьев), Александра Михайловна Колонтай, Мечислав Юльевич Козловский, Евгения Маврикиевна Суменсон, Гельфанд (Парвус), Яков Фюрстенберг (Куба Ганецкий), мичман Ильин (Раскольников), прапорщики Семашко и Рошаль обвиняются в том, что в 1917 году, являясь русскими гражданами, по предварительному между собою уговору, в целях способствования находящимся в войне с Россией государствам... вошли с агентами названных государств в соглашение содействовать дезорганизации русской армии и тыла для ослабления боевой способности армии, для чего на полученные от этих государств денежные средства, организовали пропаганду среди населения и войск с призывом к немедленному отказу от военных против неприятеля действий, а также в тех же целях в период времени с 3 по 5 июля организовали в Петрограде вооруженное восстание против существующей в государстве верховной власти, сопровождавшееся целым рядом убийств и насилий и попытками к аресту некоторых членов правительства...» Н. Соколов продолжает:

«Как агент-пропагандист, Ленин давно был привлечен к сотрудничеству немецко-австрийской властью в борьбе с Россией.

Уже через три месяца после начала войны возникла его связь с австрийским штабом, и он, будучи задержан, как русский подданный, получил не только свободу, но и покровительство. В том же году он выехал в Швейцарию. Этот период его деятельности установлен следствием Александра.

Над разоблачением его дальнейшей роли работал Бурцев. Его работой установлено, что в 1915 году в Берне, куда Ленин специально приезжал из Цюриха, он вошел в тесную связь с немецким генеральным штабом, и получая от него деньги и инструкции, организовал широкую антинациональную борьбу с Россией. Подобрал штат сотрудников, он усиленно распространял пораженческую литературу, вербовал и отправлял агентов-пропагандистов для работы в рядах Русской Армии и в тылу.»

Следователь Н. Соколов переходит к дальнейшей работе Ленина, как предателя России:

«После отречения Царя неслыханное наше национальное разложение открыло широко двери Ленину и его сотрудникам в Россию.

Я имею списки этих сотрудников. В числе их был один, кому принадлежала немалая роль в убийстве Царской Семьи.

Ныне измена Ленина открыто признана таким авторитетом, как немецкий генерал Людендорф. В его воспоминаниях значится: «Наше правительство, посылая в Россию Ленина, приняло на себя тем самым большую ответственность. Это путешествие Ленина оправдывалось с военной точки зрения; нужно было, чтобы Россия была повержена...»

В Тобольске, с прибытием отряда красноармейцев, которых Государыня приняла за «хороших русских», суд, земская управа и городская управа были заменены большевистскими учреждениями. Председателем Совдепа стал Павел Хохряков, бывший кочегар броненосца. Это был полуграмотный, распропагандированный русский рабочий

Из Екатеринбурга прибыл новый отряд красноармейцев, под командой некоего

Заславского. Как говорит в своей книге Н. Соколов, Заславский стал прямой угрозой Царской Семье.⁶⁵⁰ С первых же дней он начал требовать, чтобы Императорскую Семью перевели в тюрьму, где содержались каторжники.

Н. Соколов приводит слова свидетеля Мундела:

«Этот (Заславский) был злобный еврей. Он собирал наших солдат на митинг и настраивал их, чтобы Семья немедленно была переведена в каторжную тюрьму».

Полковнику Кобылинскому с большим трудом удалось устранить эту угрозу.

22-го апреля в Тобольск прибыл комиссар Василий Васильевич Яковлев. С ним приехало 150 человек красноармейцев. Яковлев сразу встал на твердую позицию против Заславского.

Представившись полковнику Кобылинскому и предъявив свои документы, Яковлев отрекомендовался «чрезвычайным комиссаром».

Документы Яковлева состояли из трех удостоверений: первое - удостоверение его личности, где говорилось, что он член ЦИК-а, и что на него возложено поручение «особой важности». Второй документ - на имя полковника Кобылинского, а третий - для отряда охраны. Там предписывалось беспрекословное исполнение приказаний Яковлева, и предоставлялось ему право расстрелять каждого, кто не будет ему повиноваться

Все три документа были подписаны Янкелем Свердловым, председателем ЦИК-а.⁶⁵¹ (Центрального Исполнительного Комитета).

Ни в одном из документов не было ни слова о том, в чем состояло это поручение «особой важности». Яковлев также хранил об этом молчание.

Побеседовав с полковником Кобылинским, Яковлев отправился с ним в губернаторский дом. Осмотрев внимательно этот дом заключения, комиссар познакомился с Императором и пошел в комнату Наследника. Алексей Николаевич снова лежал в постели и сильно страдал от приступа гемофилии. Он ушибся, и у него парализовало обе ноги. При Наследнике находился г-н Гиббс.

Государь сказал Яковлеву: «Мой сын и его воспитатель».

Яковлев смотрел на Цесаревича. Потом все вышли, но комиссар почти сразу же вернулся назад и опять стал всматриваться в больного, но ничего не говорил. О Государыне и Великих княжнах он даже не спросил, как будто они его не интересовали.

В книге Пьера Жильяра написано, что приезд Яковлева очень обеспокоил всю Царскую Семью.⁶⁵²

22-го апреля П. Жильяр в своем дневнике записал:

»... Все обеспокоены и опечалены, чувствуют в прибытии комиссара неопределенную, но действительную угрозу...»

Запись 24-го апреля:

«Все мы очень грустны и чувствуем, что мы забыты всем миром, предоставлены сами себе и милости этого человека. Возможно ли, чтобы никто не сделал малейшей попытки, чтобы спасти Царскую Семью? Где же те, которые остались верными Императору, и почему они медлят?»

Эта запись Жильяра ранит сердце каждого русского патриота. Ведь не было создано ни одной солидной организации для спасения Государя. Что-то слабое предпринималось, но зловещая тень Распутина, в лице его зятя Бориса Соловьева, это пресекала...

Комиссар Яковлев отправился к солдатам охраны и стал вести с ними беседу в

⁶⁵⁰ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», сс. 42,43.

⁶⁵¹ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи» сс. 39-41.

⁶⁵² Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», сс. 236,237.

дружеском тоне, стараясь привлечь их на свою сторону. Он обещал им выплатить хорошие деньги. Это подействовало и солдаты не стали оказывать никакого противодействия планам Яковлева.

Через два дня Яковлев опять зашел в комнату больного Цесаревича. Там находилась Императрица. Он извинился и стал молча смотреть на Наследника, как будто хотел проверить - действительно ли Цесаревич так серьезно болен, и нет ли там притворства. Убедившись, что состояние больного тяжелое, он пошел к телеграфу и начал там вести через своего телеграфиста переговоры с Москвой.⁶⁵³

В этот день, поздно вечером, комиссар Яковлев тайно собрал Комитет отряда государевой охраны и секретно открыл им цель своего приезда - увоза Царской Семьи.

На следующий день он отправился к полковнику Кобылинскому и сказал, что должен вывезти Императорскую Семью из Тобольска, но, ввиду болезни Цесаревича, возьмет только одного Императора. Сообщив это в лаконичном тоне, Яковлев попросил аудиенции у Государя

Император принял его в два часа дня. При свидании присутствовала Императрица.

Комиссар сказал, обращаясь к Государю:

«Вы завтра безотлагательно должны ехать со мной». Государь ответил:

«Я никуда не поеду». Яковлев:

«Прошу этого не делать. Я должен исполнить приказание. Если Вы отказываетесь ехать, то я должен или воспользоваться силой, или отказаться от возложенного на меня поручения. Тогда могут прислать вместо меня другого менее гуманного человека. Вы можете быть спокойны. За Вашу жизнь я отвечаю головой. Если Вы не хотите ехать один, можете ехать с кем хотите. Завтра в 4 часа мы выезжаем».

Поклонившись Императору и Императрице, Яковлев удалился. С Государем остался полковник Кобылинский.

Кобылинский думал, что комиссар Яковлев является посланцем из Москвы, и что он ведет борьбу с местными большевистскими элементами, чтобы исполнить поручение из центра и доставить туда Государя

Когда Кобылинский поделился своими мыслями с Императором, то последний сказал:

«Ну, это они хотят, чтобы я подписался под Брестским договором. Но я лучше дам отсечь себе руку, чем сделаю это».

Кобылинский передает слова Императрицы:

«Сильно волнуюсь, Государыня сказала: «Я тоже еду. Без меня опять его заставят что-нибудь сделать, как раз уже заставили»... Безусловно, Государыня намекала на акт отречения Государя от престола».

Ради своего долга как жены и императрицы, Государыня оставляла ребенка, который был тяжело болен, и на этот раз - тяжелее, чем в Спале. Для нее было мукой расстаться с больным сыном. Но она решилась на эту жертву.

Прислуга рассказала Жильяру, что комиссар Яковлев увозит Государя⁶⁵⁴. Жильяр не знал, что ему делать и пошел к себе в комнату. Вскоре раздался стук в дверь. Это была Великая княжна Татьяна, которая, плача, попросила Пьера Жильяра прийти к Императрице.

Государыня, увидя Жильяра, сказала взволнованным голосом:

«Я не могу отпустить Императора одного. Его хотят отделить от своей Семьи как тогда... Хотят попытаться толкнуть его на что-нибудь дурное... Император им необходим, и они хорошо понимают, что он один представляет Россию... Вдвоем мы будем сильнее, чтобы противостоять, и я должна быть около него при этом испытании... Но сын еще так нездоров... Если случится осложнение... Боже, какая ужасная пытка... Это первый раз в

⁶⁵³ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», сс. 43-47.

⁶⁵⁴ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», сс. 237-241.

моей жизни я не знаю, что я должна делать... «

Жильяр видел, как Государыня волновалась. Она ходила по комнате и разговаривала сама с собой. Потом, обратясь к Жильяру, сказала:

«Да, вот так лучше. Я отправлюсь с Императором, а Вам доверяю Алексея».

В это время в комнату вошел Государь. Императрица сказала ему:

«Это решено. Я отправляюсь с тобой, и Мария будет сопровождать нас».

Император ответил:

«Хорошо, если ты этого хочешь».

Было решено, что с Царской четой поедут: князь Долгоруков, доктор Боткин, камердинер Государя Чемодуров, горничная Императрицы Демидова и камердинер Великих княжен Седнев. Из государственной охраны назначались ехать восемь офицеров и солдат.

Все послеобеденное время Царская Семья провела в комнате больного Наследника. Вечером Императрица сидела на диване с двумя своими дочерьми. Лица их распухли от слез. Во время чая Государь с Государыней были молчаливы и серьезны. Впечатление у Жильяра тогда создалось такое, что Царская чета была готова принести в жертву все, даже свою жизнь, если это потребуется для спасения России.

После одиннадцати часов вечера все собрались в большом зале. Здесь Император с Императрицей прощались со всеми. Они каждого целовали. Почти все плакали.

В три с половиной часа утра во двор въехали «экипажи». Пьер Жильяр записал в своем дневнике:

«... это ужасные тарантасы, из коих один только имеет откидной верх. Мы отыскиваем на заднем дворе немного соломы, которую мы расстилаем на дно экипажей и постилаем матрас в тарантас, предназначенный для Императрицы...»

В четыре часа Царская чета вышла из комнаты Цесаревича. Они и Великая княжна Мария прощаются с остающимися Царевны плачут. Император находит для каждого ободряющее слово и старается казаться спокойным. Государыня просит Жильяра не спускаться вниз, а идти в комнату Наследника, который остался весь в слезах в своей постели. Через несколько минут раздается шум отъезжающих тарантасов. Три Великие княжны - Ольга, Татьяна и Анастасия, поднимаясь к себе, рыдают...

В книге следователя Соколова написано,⁶⁵⁵ что комиссар Яковлев очень почтительно разговаривал и держал себя с Государем. Увидя, что Государь только в одной шинели, комиссар забеспокоился и приказал принести для Государя еще что-нибудь. Был принесен плащ. Когда Император сел в сибирскую «кошеву», Яковлев стоял на крыльце и держал руку под козырек.

Дочь доктора Боткина Т.Е. Мельник, давая показания, рассказывала:

«Комиссар Яковлев шел около Государя и что-то почтительно говорил ему, часто прикладывая руку к папахе... Все это (подводы) со страшной быстротой промелькнуло и скрылось за углом. Я посмотрела в сторону губернаторского дома. Там на крыльце стояли три фигуры в серых костюмах и долго смотрели вдаль, потом повернулись и медленно одна за другой пошли в дом».

27-го апреля Пьер Жильяр записал,⁶⁵⁶ что кучер, который вез Императрицу до первой станции, вернулся с запиской от Марии Николаевны. Там говорилось, что дороги ужасные, повсюду выбоины и условия путешествия очень тяжелые. Жильяр пишет:

«Будет ли в состоянии Императрица перенести это путешествие? Как волноваться приходится за них!»

На следующий день полковник Кобылинский получил телерамму, что все прибыли в Тюмень и были размещены в большом зале, который служил домашней церковью.

⁶⁵⁵ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», сс. 49,50.

⁶⁵⁶ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», сс. 241-243.

В понедельник Царские дети получили письмо от Государыни, где Императрица писала, что путешествие было ужасным, что при переезде через реки лошади шли по грудь в воде, и что часто ломались колеса.

Несколько дней от Царственных узников не было известий. В тобольском доме все беспокоились.

Запись Пьера Жильяра:

Четверг, 2-е мая:

«Постоянно без известий с того времени, как они покинули Тюмень. Где же они? Они могли бы уже прибыть в Москву во вторник!»

Пятница, 3-го мая:

«Полковник Кобылинский получил телеграмму, сообщающую, что путешественники задержались в Екатеринбурге. Что произошло?»

Суббота, 4-го мая:

«Печальный канун Пасхи. Чувствуется угнетение».

Воскресенье, 5-го мая:

«Пасха. Все время без известий».

Вторник, 7-го мая:

«Наконец, дети получили письмо из Екатеринбурга, сообщающее, что все в добром здоровье, но не объясняющее причины задержки в названном городе. Что-то тоскливое чувствуется между строк».

В среду 8-го мая офицеры и солдаты государственной охраны, сопровождавшие отъезжающих, вернулись в Тобольск. Они рассказали, что произошло с Царственными узниками. Подробно об этом написано в книге Н. Соколова «Убийство Царской Семьи» и в книге М.П. Никулиной и К.К. Белокурова «Последние дни Романовых».

Следователь Н. Соколов в своей книге пишет,⁶⁵⁷ что во время поездки комиссар Яковлев очень торопился. Он не допускал никаких остановок и никакого промедления. Когда подъезжали к станциям, сразу же перепрягали лошадей и мчались дальше. Путь был ужасный. Во многих местах вода покрывала мосты. Царственным узникам приходилось идти по таким местам пешком. Доктор Боткин не выдержал этих условий и заболел, и только тогда Яковлев позволил остановиться на несколько часов для отдыха.

По прибытии в Тюмень, комиссар без всякого промедления повез узников в специальном поезде на запад, к Екатеринбургу. Но дорогой он получил известие, что в Екатеринбурге собираются его задержать и дальше не пропустят. Тогда Яковлев направился в Тюмень, и оттуда помчался на восток к Омску. До Омска он не доехал. Его поезд остановили и окружили красноармейцы. Там Яковлеву было сказано, что он объявлен вне закона за то, что якобы пытается увезти Царскую Семью за границу. Тогда, отцепив паровоз, Яковлев поехал в Омск, и там говорил по прямому проводу с Москвой, с ЦИК-ом, откуда и получил приказание везти узников в Екатеринбург.

В Екатеринбурге поезд Яковлева был оцеплен большим отрядом вооруженных красноармейцев. Яковлев отправился в Совдеп, где пытался добиться пропуска, но вернулся в поезд расстроенным и предложил солдатам тобольского отряда ехать с ним в Москву, чтобы свидетельствовать о том, что происходило в пути. Но эти солдаты были сразу же разоружены и посажены в какой-то погреб. Их выпустили на свободу только через несколько дней. Комиссар Яковлев поехал в Москву. Оттуда он послал своему телеграфисту телеграмму:

«Собирайте отряд. Уезжайте. Полномочия сдал. За последствия не отвечаю».

Далее Н. Соколов пишет, что большевики не были готовы к приему Царственных узников в Екатеринбурге. Владелец Ипатьевского дома очистил его только к 3-м часам дня 29 апреля

⁶⁵⁷ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», сс. 51,52.

На станции Екатеринбургa находился особый железнодорожный отряд, который занимался расстрелами в районе железной дороги.⁶⁵⁸ Во главе этого отряда стоял П.Т.Самохвалов, он же занимал и должность шофера в советском гараже. Ему местные власти доверили перевезти с вокзала в дом Ипатьева Государя, Государыню и Великую княжну Марию.

Самохвалов на следствии Н. Соколова показал, что распоряжение он получил от комиссара Шая Голощекина. В машине, которую Самохвалов вел к вокзалу, ехали Голощекин, Авдеев и еще два человека.

Самохвалов рассказал, как были одеты Император, Императрица и Великая княжна и как их посадили в машину. Командовал здесь Шая Голощекин.

Когда автомобиль подъехал к Ипатьевскому дому, то Голощекин сказал:

«Гражданин Романов, Вы можете войти».

Из другого автомобиля вышел князь Долгоруков. Голощекин спросил его имя, и когда князь назвал свою фамилию, то Голощекин сразу же отправил его в тюрьму.

В это время у дома стал собираться народ. Видя это, Шая Голощекин стал кричать:

«Чрезвычайка, чего вы смотрите! - и народ быстро разогнали.

Специального отряда для караула Ипатьевского дома не было. Охрану там несли случайные красноармейцы, которые караулили в тюрьмах.

В Ипатьевском доме, вместе с Государем, Государыней и Марией Николаевной, были заключены: доктор Боткин, Чемодуров, И. Седнев и Демидова.

Доставлены были Царственные узники в Ипатьевский дом 30 апрел

Н. Соколов пишет, что Императрица, когда вошла в дом, начертила на косяке своей комнаты индийский знак свастики и поставила рядом дату: «17 / 30 Апр. 1918 г.»⁶⁵⁹

Кем был в действительности В. В. Яковлев и какие задания он имел, оставалось загадкой до недавнего времени. Но книга М. П. Никулиной и К. К. Белокурова «Последние дни Романовых»,⁶⁶⁰ которая вышла в России в 1991 году, проливает некоторый свет на личность Яковлева. В этой книге напечатана биография В. В. Яковлева и его личные воспоминани

Согласно этой книге, настоящая фамилия Яковлева - Константин Алексеевич Мячин, а партийные фамилии и имена: В. В. Яковлев и Константин Стоянович. Он родился в 1886 году и уже с 1905 года стал членом боевой дружины Уфимского комитета РСДРП (б). Был активным членом революционеров: участвовал в стычке с казаками, нападал на почтовые поезда и грабил их, заготовлял взрывчатые вещества, участвовал в грабежах с убийством и т.д. Мячин был в Женеве на совещании уральских революционеров, руководил экспроприациями, занимался подпольной работой в России, готовил захват казначейства в Киеве, затем должен был бежать в Бельгию. После Февральской революции Мячин вернулся в Россию, где занял крупный пост в практической работе партии; выполнял задания ЦК по снабжению Красной армии оружием; активно участвовал в октябрьских событиях в Петрограде, и после этого выполнял различные акции по поручению компартии.

Мячин умел хорошо держаться, умел вести разговор и произвести хорошее впечатление на окружающих; владел французским и английским языками; был корректным и даже элегантным.

В мае 1918 года Мячин был назначен командующим Самаро-Оренбургским фронтом, который воевал против генерала А.И. Дутова.

⁶⁵⁸ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», сс. 114,115.

⁶⁵⁹ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», с. 52.

⁶⁶⁰ М.П. Никулина и К.К. Белокуров «Последние дни Романовых», сс. 34-44.

Из личных воспоминаний К.А. Мячина (Яковлева), мы узнаем следующее.⁶⁶¹

Мячин был вызван Янкелем Свердловым, председателем ВЦИК-а в Москве. Свердлов ему сказал, что у него имеется секретное для него поручение.

После этого Свердлов удалился на совещание по этому вопросу с Лениным.

Этим секретным делом являлся вывоз Царской Семьи из Тобольска.

Вернувшись после совещания с Лениным, Свердлов сказал Яковлеву, что предоставляет ему действовать по собственной инициативе; что надо набрать отряд из надежных людей и составить поезд специального назначения; что он получит мандат за подписью Ленина и его, Свердлова, и что необходимо поскорее вывезти Семью Романовых из Тобольска. Свердлов говорил, что верить царской охране в Тобольске нельзя, что надо действовать как можно быстрее, так как скоро начнется распутица и лед в реках тронется, и что тогда перевоз Царской Семьи придется отложить до установки пароходного сообщения с Тюменью. Свердлов подчеркнул, что Яковлев назначается Советом Народных Комиссаров чрезвычайным комиссаром и поручает ему в самый короткий срок перевезти семью Романовых из Тобольска на Урал. Янкель Свердлов сказал:

«Действуй быстро, энергично, иначе опоздаешь».

На вопрос Яковлева, должен ли «груз» быть доставлен живым? Свердлов резко отчеканил, что ЖИВЫМ.

Подобрав себе надежных помощников, Яковлев точно разработал план своих действий. Он поехал в Екатеринбург, где имел встречу с Б.И. Дидковским и Шайей Голощекиным, которые уже получили директивы от Янкеля Свердлова.

Далее в воспоминаниях В.В. Яковлева-Мячина, помещенных в книге М.П. Никулиной и К.К. Белокурова «Последние дни Романовых», следует подробное описание увоза Царской четы из Тобольска и их дальнейшего путешествия

В. Яковлев пишет, что, прибыв в Тобольск, он сразу же встретился с председателем тобольского Совета Хохряковым и Заславским. Затем он познакомился с членами Комитета охраны, и, после продолжительного разговора, предложил им выплатить деньги, которые охранники давно не получали. Эффект был отличный, и Яковлев добился согласия Комитета на вывоз Царской Семьи.

Когда он убедился в том, что Цесаревич очень болен и ехать не может, он вызвал по телеграфу Москву и просил разрешения вывезти сначала Государя и Государыню, а потом вернуться за остальными. Разрешение на это он получил. Тогда Яковлев принялся лихорадочно за подготовку к отъезду. Была предусмотрена каждая деталь, разработана с «товарищами» каждая остановка в пути.

Здесь впервые Яковлев открыл своим ближайшим помощникам, что им предстоит перевезти Романовых в Екатеринбург, и просил это держать в секрете.

В ту ночь, когда был назначен отъезд Государя и Государыни, к «дому сводобы» - так называл Яковлев тобольский дом заключения, стали съезжаться подводы. Яковлев пишет, что все обитатели «дома» были на ногах и оттуда слышались всхлипывания и вздохи. Дочери Императора и приближенные вышли на крыльцо.

Яковлев пишет:

«Николай Романов как-то растерянно переходил от одного к другому и какими-то судорожными движениями крестил своих дочерей. Его надменная жена сдерживала слезы дочерей. Каждый ее жест, каждое слово говорили о том, что не надо показывать своей слабости перед «красным врагом».

Ровно в четыре часа утра поезд подвод двинулся. На реке Тоболе были полыньи и переправа шла медленно. Переправившись через реку, подводы быстро помчались к Тюмени. К вечеру прибыли в Иевлево, где был приготовлен ночлег в большой квартире.

Яковлев пишет, что не доезжая до Иевлево, он встретил П. Гузакова, который сообщил

⁶⁶¹ М.П. Никулина и К.К. Белокуров «Последние дни Романовых», сс. 44-74.

ему тревожные вести о том, что им на пути угрожает большая опасность в связи с перевозкой Романовых.

В Иевлево Яковлев принял особенно тщательные меры по охране Царской Семьи. П. Гузаков окружил арестованных тройным кольцом охраны и несколько красноармейцев дежурили с ручными гранатами наготове. Утром подводы уже ждали на другом берегу реки Тобола. Река вздулась, и по ней невозможно было ехать. Пришлось набросать на лед доски, и по ним Царственные узники перешли пешком на другую сторону реки. Дорога на Тюмень была покрыта сплошной грязью, и приходилось часто менять лошадей. Около 8-ми часов вечера приехали на станцию Тюмень. Поездной состав уже ждал на путях. Всех арестованных быстро разместили в подготовленный вагон. Здесь Яковлев пошел к телеграфу и говорил с Янкелем Свердловым. Яковлев пишет, что он в подробностях изложил Свердлову обстановку и просил указаний на дальнейший путь. Свердлов обещал переговорить с Уральским Советом. Потом Яковлев вызвал Екатеринбург. Но ввиду того, что Шая Голощекин, Белобородов и Дидковский были заняты переговорами с Москвой, В. Яковлев передал только детальное сообщение на имя Голощекина о том, что произошло и просил:

«... во избежание бессмысленного кровопролития обуздать екатеринбургские отряды».

На телеграфе Яковлев пробыл около пяти часов, пока не получил от Свердлова инструкцию - немедленно ехать в сторону Омска.

В воспоминаниях В.В. Яковлева нет ясности - почему и какие отряды препятствовали его пути на Екатеринбург. В записках Яковлева-Мячина имеются противоречия. Вполне вероятно, что Яковлев писал неправду, будто Свердлов приказал ему доставить в спешном порядке Царскую Семью в Екатеринбург.

Здесь уместно привести мнение следователя Н. Соколова, который считает, что Свердлов, по договору с немецкими властями, дал распоряжение Яковлеву везти Царскую Семью на запад России. Н. Соколов в своей книге пишет:⁶⁶²

«Куда везли Государя?»

Немцы увозили его ближе к расположению своих вооруженных сил на территории России. Князь Долгоруков был с Государем до самого последнего времени. От дверей Ипатьевского дома его отправили в тюрьму. Там он говорил, что Яковлев вез Государя в Ригу.

Почему большевики не пропустили Царя?

Этот вопрос - праздный. Царь был им всегда опасен, хотя бы и в немецких руках.

Нельзя думать, что Екатеринбург самовольно не подчинился Москве и сам задержал Государя. Подписывая одной рукой полномочия Яковлева, Свердлов другой рукой подписывал иное. Задержала Царя в Екатеринбурге, конечно, Москва. Свердлов обманывал немцев, ссылаясь на мнимый предлог неповиновения Екатеринбурга».

Если действительно было так, как пишет следователь Соколов, то почему Яковлев в своих воспоминаниях написал неправду о своей миссии? Догадаться здесь нетрудно. Яковлев, боясь советской власти, не хотел открыть истинного лица Свердлова. (Л.М.).

Продолжаем повествование из записок Яковлева - Мячина.

Не доезжая до Омска, Яковлев узнал, что председатель Уральского Совета Белобородов объявил его, за увоз Царской Семьи, изменником революции. Пришлось Яковлеву опять звонить в Москву Свердлову, и после этого поезд направили в Екатеринбург, куда он и прибыл 30 апреля. Как пишет Яковлев, платформы Екатеринбурга были запружены народом, откуда раздавались дикие вопли большевиков:

«Задушить их надо! Наконец-то они в наших руках!»

Во главе этой разнузданной черни стоял вокзальный комиссар, который заорал:

⁶⁶² Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», с. 109.

«Яковлев! Выведи Романовых из вагона. Дай я ему в рожу плюну!»

Через некоторое время на станцию приехали Белобородое, Шая Голощекин и Дидковский, и Царственные узники были формально переданы Уральскому Совету.

Дальше Яковлев пишет, что был вызван в Москву Янкелем Свердловым, и что их встреча носила дружеский характер, и что Совнарком признал все действия Яковлева правильными.

По скудным записям комиссара Яковлева можно догадаться о кошмарном пути Царских узников в Екатеринбург: езда на телегах, распутица, страшная грязь дорог, тяжелая переправа через реку, ночевка в какой-то квартире, конечно, без удобств, и, наконец эти безобразные вопли толпы, которая окружила поезд в Екатеринбурге.

Здесь возникает вопрос - имело ли в действительности место такое ужасное поведение толпы на станции Екатеринбург? Не выдумка ли это Яковлева-Мячина в угоду своим советским властям?

Если это было, то какую невероятную боль должны были принести эти дикие выкрики из толпы Государю и Государыне! Ведь Император так любил свой народ, так любил Россию, и что он получил за свою любовь!

Эти вопли большевиков можно только сравнить с криками иудеев из Св. Евангелия:

«Распи, распни Его!»

Дальнейшая судьба комиссара Мячина-Яковлева:⁶⁶³

В июне 1918 г. Мячин был назначен командующим 2-ой армией, но вскоре перешел в тыл Белых для шпионской работы. Потом он переменил свое намерение и перекинулся на сторону Белой армии. Здесь Мячина арестовали и им заинтересовался следователь Н. Соколов по делу убийства Царской Семьи. Но Мячин умудрился бежать в Китай, где начал вести революционную работу под фамилией Стояновича, и принимал участие в организации китайской компартии. В 1928 году, по собственному желанию, Мячин вернулся в Советский Союз, но был арестован и осужден на 10 лет. Через пять лет его освободили и он работал в НКВД в Кузбассе и Томске. В 1938 году Мячина снова арестовали и расстреляли.

Так бесславно закончил свою жизнь этот «загадочный» комиссар-авантюрист Яковлев. (Л.М.)

В тобольском доме после отъезда Царской четы и Великой княжны Марии Николаевны, оставались Великие княжны Ольга, Татьяна и Анастасия и больной Цесаревич Алексей. Следователь Н. Соколов в своей книге рассказывает, что происходило в тобольском доме заключения во время отсутствия Государя и Государыни.⁶⁶⁴

Когда комиссар Яковлев увез из Тобольска Царственную чету, распорядиться в доме заключения стал Павел Хохряков. Он приходил по несколько раз в комнату Наследника и проверял, действительно ли мальчик еще так болен. Хохряков хотел как можно скорее увезти Цесаревича и Великих княжен из Тобольска.

17-го мая отряд полковника Кобылинского был распущен и его заменили красноармейцы. Состав этого отряда приведен в книге Н. Соколова. Почти все они были латыши, но во главе их стоял некто Родионов, о котором написано в книге генерала Дитерихса, что он участвовал в убийстве генерала Духонина.⁶⁶⁵

В книге Н. Соколова дается показание свидетелей о Родионове и Хохрякове. О Родионове полковник Кобылинский показал следующее:

⁶⁶³ М.П. Никулина и К.К. Белокуров «Последние дни Романовых», сс. 40,43,44

⁶⁶⁴ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», сс. 110-113.

⁶⁶⁵ М.К. Дитерихс «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале», часть I, с. 352.

«Я бы сказал, что в нем чувствовался «жандарм», но не хороший, дисциплинированный солдат-жандарм, а кровожадный, жестокий человек с некоторыми приемами и манерами жандармского сыщика... Родионов, как только появился у нас, пришел в дом и устроил всем форменную перекличку. Это поразило меня и всех других. Хам, грубый зверь сразу же показал себя. Была в это время всего на всего одна, кажется, служба в доме. Латыши обыскивали священника; обыскивали грубо, ошупывая монашенку, перерыли все на престоле. Во время богослужения Родионов поставил латыша около престола следить за священником. Это так всех угнетало, на всех так подействовало, что Ольга Николаевна плакала и говорила, что если бы она знала, что так будет, она и не стала бы просить о богослужении. Когда меня не пустили больше в дом, я и сам не выдержал и заболел: слег в постель».

Из показаний няни Царских детей А.А. Теглевой:

«Про Хохрякова я не могу сказать ничего плохого. Он не играл значительной роли. Заметно было, что главным лицом был не он, а именно Родионов. Это был гад, злобный гад, которому, видимо, доставляло удовольствие мучить нас. Он это делал с удовольствием... Он запретил на ночь запирают комнаты даже княжен, объясняя, что он имеет право во всякое время входить к ним...»

20-го мая Царских детей поместили на тот же пароход «Русь», на котором они прибыли в Тобольск. Зверь-Родионов запер каюту, в которой находились Цесаревич и матрос Нагорный. Даже доктор не мог прийти к больному мальчику ночью. Родионов запретил и Великим княжнам запирают дверь их каюты. Матрос Нагорный не мог этого выдержать и стал кричать на Родионова:

«Какое нахальство! Больной мальчик!...»

Нагорный держал себя смело и этим предрек себе свою судьбу. Он был расстрелян большевиками.⁶⁶⁶

В книге Эдварда Радзинского приведено одно письмо, где говорится, что солдаты охраны на пароходе «Русь» думали пойти ночью к Великим княжнам и воспользоваться ими. Но кто-то или что-то помешало им выполнить этот зверский замысел.⁶⁶⁷

Через два дня Царские дети прибыли в Тюмень. Там пришлось несколько часов ждать поезда. Больной Цесаревич изнемогал. Когда поезд прибыл, Великих княжен и Цесаревича посадили в классный вагон. Туда же поместили: Татищеву, Гендрикову, Буксгевден, Шнейдер, Эрсберг (помощницу А.А. Теглевой) и матроса Нагорного. Остальных провели в товарный вагон.

23-го мая в 2 часа утра поезд с Царскими детьми прибыл в Екатеринбург. Но вагоны всю ночь катали по путям и только к 9-ти часам остановили между станциями Екатеринбург I и Екатеринбург II.

Шел мелкий дождь. Пьер Жильяр видел из своего вагона, как к станции подъехало несколько извозчиков, а к месту, где находились Царские дети, прошли четыре субъекта. Через некоторое время показался матрос Нагорный с больным Наследником на руках. За ним шли Великие княжны, нагруженные чемоданами и другими вещами. Жильяр хотел выйти из своего вагона, чтобы помочь Царевнам, но его грубо втолкнули обратно. Тогда Жильяр занял место у окна и продолжал наблюдать. Великая княжна Татьяна шла последней. На руках она несла свою маленькую собачку и с трудом тащила тяжелый чемодан. Ее ноги попадали в грязь и ей нести такую тяжесть было не по силам. Нагорный хотел ей помочь, но его грубо толкнул назад один из комиссаров. Пьер Жильяр пошел к выходу вагона, чтобы проститься с

⁶⁶⁶ Второй дядька Цесаревича, матрос Деревенько, который носил Наследника на руках, и с детьми которого играл Царственный мальчик, оказался большевиком и вором. Он, с первых же дней революции, покинул Царскую Семью.

⁶⁶⁷ Эдвард Радзинский «Господи... спаси и усмири Россию», с. 350.

Царскими детьми, но часовой его не пустил. Он и не думал тогда, что видит Княжен и Цесаревича в последний раз.

Пьер Жильяр продолжал наблюдать из своего вагона. Он был свидетелем того, как через некоторое время увели генерала Татищева, графиню Гендрикову и г-жу Шнейдер, а потом и Волкова, Харитонову, Труппа и четырнадцатилетнего поваренка Седнева. Проходили часы. Жильяр и остальные, которые были вместе с ним, все ждали. Наконец, около пяти часов вошел комиссар Родионов и объявил, что они свободны и могут уходить. Это поразило Жильяра. Он так хотел находиться неотлучно при Царской Семье.⁶⁶⁸

Перевозили Царских детей со станции в дом Ипатьева Заславский с неизвестным человеком, который, как написано дальше в книге Н. Соколова, оказался Янкелем Юровским.

Следователь Н. Соколов пишет, что Шая Голощекин, Янкель Юровский и Заславский были теми лицами, которые проявили власть над Царской Семьей с момента ее прибытия в Екатеринбург.⁶⁶⁹

ГЛАВА 26

Советское правительство и состав Комитета партии в 1918 году. Янкель Свердлов, Шая Голощекин, Белобордов-Вайсбарт и Авдеев. Ипатьевский дом. Отношение стражи к Царской Семье. Пьер Жильяр желает присоединиться к Царской Семье. Новотихвинский женский монастырь передает для Царственных узников продукты питания Богослужения для Императорской Семьи в Ипатьевском доме. Дневник Государя Императора и его записи. Таинственные письма для Царственных узников. Последняя ночь Царской Семьи перед убийством. Зверское убийство в ночь с 16-го июля на 17-е 1918 года. Показание палача Павла Медведева. Тела Царских мучеников и их приближенных направляются на грузовике в лес. Урочище «Четыре брата». Теория уничтожения тел следователя Н. Соколова. Загадочные знаки и письма на стенах комнаты убийства. Распоряжение об убийстве Царской Семьи шло из Москвы, от Ленина. Показание И.Л. Мейера, бывшего австрийского военнопленного. Имена палачей, расстрелявших Царскую Семью. Записка Янкеля Юровского, главного палача Царственных мучеников. Подробности зверского убийства. Заброшенная шахта в временное захоронение в ней тел убиенных. Надругательства над мертвыми. Сожжение двух тел и захоронение остальных в глинистой яме. Записки палача Ермакова. Роберт Вильтон, один из ближайших помощников следователя Н. Соколова по делу убийства Царской Семьи, написал книгу на английском языке «The Last Days of the Romanov's», которая вышла в 1920 году. Книга Р. Вильтона была переведена на русский язык. Эта книга - редкий документ, свидетельствующий о кошмарном злодеянии в Ипатьевском доме.

В начале своей книги Р. Вильтон дает характеристику советского правительства:⁶⁷⁰

«Советские деятели создали правительственный аппарат, отвечавший их целям: разрушение страны и овладение ею. Система их демократизма, который в теории доходил до коммунизма, покоилась исключительно на терроре.

«Народными комиссарами» председательствовал Ленин, но эти «избранники» набирались среди членов партии. Выборы подстраивались без особого труда. Крестьяне, рабочие и прочий темный люд лишь хлопали глазами. Совет народных комиссаров - это

⁶⁶⁸ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», сс. 245,246.

⁶⁶⁹ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», с. 116.

⁶⁷⁰ Роберт Вильтон «Последние дни Романовых», Париж 1920, сс. 18,19-21,111,116.

исполнительная власть только напоказ.

Председателем Центрального исполнительного комитета съездов советов состоял Свердлов, который (подобно Ленину) уже заранее был в Берлине подготовлен в большевистские министры. Этот Центральный исполнительный комитет считался законодательной властью, но в действительности был органом произвола, так как тайно руководил по всей стране всеми Советами...»

Далее, на с.111 приводится состав Центрального Исполнительного Комитета партии в 1918 году:

Бронштейн (Троцкий),⁶⁷¹ Апфельбаум (Зиновьев), Лурье (Ларин), Урицкий, Володарский, Розенфельд (Каменев), Смидович, Свердлов (Янкель), Нахамкес (Стеклов), Ульянов (Ленин), Крыленко, Луначарский.

О Чрезвычайных комиссиях Роберт Вильтон пишет (с. 18): «Чтобы держать русских в состоянии покорности, «чрезвычайные комиссии», приданные каждому Совету, организовали террор; их деятельность объединялась Московской чрезвычайкой.

Очевидно, что Центральный комитет и Чрезвычайная комиссия должны были работать рука об руку. Так оно и было. Свердлов верховодил в обоих главных правительственных учреждениях. Его не без основания называли «красным царем». Скипетр его внушал страх...

О «красном терроре» Вилтон пишет (с. 116):

«Один из главарей большевизма (Апфельбаум-Зиновьев) заявил в сентябре 1918 года, что «на 100 миллионов русских приходится 90 миллионов, с которыми стоит считаться; остальные не имеют значения, и их или принудят подчиниться, или уничтожат». Он говорил так с целью оправдать террор, который косил тогда «буржуев» и интеллигенцию ...»

О 10 миллионах Роберт Вильтон писал в 1920 году. Он не знал, что коммунизм за время своего существования, уничтожит около 70 миллионов человек.

На сс. 19-21 своей книги Роберт Вильтон пишет о главных убийцах Царской Семьи. Среди них: Янкель Свердлов, Шая Голощекин и Янкель Юровский.

Янкель Свердлов, чтобы не обнаруживать своего происхождения, переделал данное ему при рождении имя Янкеля на «Якова». В течение целого года он являлся деспотом-правителем Совдепии.⁶⁷² Он же организовал убийство Семьи Романовых и приказал привести его в исполнение. Ленин дал свое согласие на это зверское дело.

Шая Исаакиевич Голощекин, того же происхождения, что и Янкель Свердлов, был с ним в очень хороших отношениях. Голощекин стоял во главе Уральского Совета. Роберт Вильтон пишет, что подробности избиения Царской Семьи были разработаны Голощекиным. Он был настоящим садистом - любил слушать рассказы о пытках, которым подвергались несчастные жертвы Чека. Сам Голощекин в пытках участия не принимал по своей трусости, но, зная, что предстоит казнь или пытка какого-то несчастного, ложился на кровать и с нетерпением поджидал прихода палача. Слушая рассказ об истязаниях, Шая корчился в садистических судорогах на кровати и просил еще и еще подробностей.

Главный палач Царской Семьи - Янкель Юровский.⁶⁷³ Его отец Хаим Ицкович отдал

⁶⁷¹ Лейба Бронштейн-Троцкий отличался страшной жестокостью. О нем генерал М.К. Дитерихс в своей книге «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале», часть I с. 355 пишет: «...Где он (Лейба Бронштейн - Л.М.) ни появлялся со своими опричниками, потоки крови, заревы пожаров, неопишутые пытки и зверства затмевали и заливали кровь, пролитую восставшими, искру протеста, брошенную пострадавшим народом. Не око за око и зуб за зуб, а сотни, тысячи человеческих жизней расплачивались за одну жизнь советского деятеля, за одну мысль противодействия ему - Лейбе Бронштейну. «Нет ничего лучшего, как вспыхнувшее восстание», - говорил Лейба, - «это как нарыв, вышедший наружу; один сильный и ловкий удар ланцета и - все кончено. Никаких уступок, никаких послаблений; расстрел, огонь, пытка, террор - вот единственный ответ на всякие угрозы».

⁶⁷² "Совдеп" - Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов.

⁶⁷³ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», сс. 134,135.

сына в школу при Томской синагоге. Рос Янкель грубым и властолюбивым юношей, даже родители его побаивались. Научился он делу часовщика и работал в этой отрасли. Потом Юровский открыл в Томске свою мастерскую и женился на Мане Янкелевой. Во время первой революции Янкель уехал в Берлин и там принял лютеранство. Вернувшись в Россию с деньгами, он открыл свой часовой магазин и стал заниматься революционной работой, за что и был выслан в Екатеринбург. Здесь Юровский сделался фотографом и открыл свою фото-студию. Когда началась война, он был призван в армию, но сумел окончить фельдшерские курсы и получить звание ротного фельдшера. Работал в одном из екатеринбургских лазаретов. После большевистского переворота Юровский стал членом Уральского Областного Совета и Областным комиссаром Юстиции. Озлобленный большевик, Юровский выступал на митингах и натравливал солдатские массы на офицеров.

Следующим палачом Царской Семьи был Белобородов. Его большевики выбрали председателем Екатеринбургского Окружного Совета. Здесь он проворовался - украл из кассы 30 тысяч рублей. Кражу открыли и Белобородов попал в Чека, в руки Шай Голощекина. Видя, что надо выбирать между пыткой или работой на Голощекина, Белобородов стал послушным исполнителем воли последнего.

Роберт Вильтон называет соучастниками Юровского и Голощекина в деле убийства Царской Семьи, Войкова и Сафарова, имена которых числились в списке лиц, ехавших в запломбированном вагоне из Германии в Россию вместе с Лениным, Свердловым и Голощекиным.

Александр Авдеев, по своему ремеслу - слесарь. Это один из ярких отбросов рабочей среды: ⁶⁷⁴ пьяница, вор, крайне невежественный. Авдеев был назначен комендантом Ипатьевского дома. Он был самым настоящим большевиком. Русского Царя он ненавидел и говорил о нем со злобой, называя его «кровавым» и «кровопийцей». Главное, почему он ругал Императора - это за войну. Авдеев считал Царя виновником начала войны, где «три года проливали кровь рабочих»...

Следователь Н. Соколов в своей книге подробно описывает прибытие Царской Семьи в Екатеринбург и пребывание ее там. Он приводит показания свидетелей, живших с Императорской Семейей, но избежавших кровавой расправы коммунистов.

Бывший камердинер Государя Чемодуров на следствии показал, ⁶⁷⁵ что как только Император с супругой прибыли в Ипатьевский дом, их подвергли грубому и тщательному обыску. Обыск производили Б.В. Дидковский и Авдеев. Один из них выхватил из рук Государыни сумочку. Государь был возмущен и сказал:

«До сих пор я имел дело с честными и порядочными людьми».

На это Дидковский ему грубо ответил:

«Прошу не забывать, что Вы находитесь под следствием и арестом».

О состоянии здоровья Цесаревича Алексея, когда он прибыл в Екатеринбург, Пьер Жильяр говорит, ⁶⁷⁶ что Наследнику стало хуже. Он проводил в постели большую часть дн Но когда Государь шел гулять, он выносил больного сына на руках.

Ипатьевский дом находился недалеко от Вознесенской площади, ⁶⁷⁷ где стояла церковь того же названи Дом был построен на косогоре, и поэтому там имелись и полуподвальные и подвальные помещени Этажи дома соединялись внутренней лестницей. Приспособить этот

⁶⁷⁴ Там же, с. 125.

⁶⁷⁵ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», с. 127.

⁶⁷⁶ Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», с. 260.

⁶⁷⁷ Роберт Вильтон «Последние дни Романовых», сс. 64-67.

дом для тюрьмы было довольно просто. Наверху разместили арестованных, а внизу жила стража. Дом был обнесен высоким досчатым забором, который вскоре обнесли еще вторым. Стража состояла из нескольких бывших рабочих Сысертского завода и Злоказовской фабрики. Обязанности коменданта дома исполнял Авдеев.

Государь с супругой жили в угловой комнате. Там же находился и Цесаревич Алексей. В соседней комнате поместились Великие княжны. Доктор Боткин жил в гостиной. Лакей Чемодуров тоже спал в этой комнате. Горничной Демидовой была отведена отдельная комната. Лакей Трупп, повар Харитонов и паваренок Седнев жили в кухне и в прилегающей к ней комнате.

[отсутствуют 2 страницы: 567-8]

Лучшую комнату в доме занял Авдеев. Из этой комнаты он мог следить за всеми, кто приходил к Высоким узникам. Все движения Семьи и все их разговоры подсматривались и подслушивались.

Камердинер Чемодуров вскоре заболел и был отправлен в тюремную больницу. Благодаря этому он чудесным образом спасся от смерти. О нем просто забыли.

В Ипатьевском доме была ванная комната, электричество, горячая и холодная вода. Но там отсутствовала посуда и постельное белье. Великие княжны не имели кроватей и должны были спать на матрацах на полу. Только через несколько дней прибыли из Тобольска походные кровати для дочерей Государя

Вскоре окна Ипатьевского дома покрасили известью, так что заключенные не могли видеть и кусочка неба. В этом доме «особого назначения», как называла его Красная власть, Царская Семья содержалась как в клетке.

Обнесенный двумя заборами и охраняемый как внутренней стражей, так и внешней, дом был совершенно недоступен для постороннего человека.

В «доме особого назначения» каждый день для Царской Семьи был пыткой. Кормили Семью ужасно: утром пили плохой чай без сахара с черным хлебом, который оставался со вчерашнего дня. Обед составлял жидкий суп и «котлеты», где мяса почти не было. Еда доставлялась из советской кухмистерской, которой ведал Виленский, друг Голощекина.

Государь пожелал, чтобы все заключенные обедали вместе, за одним столом. Скатерти на столе не было, - вместо нее лежала клеенка. Приборов не хватало, особенно ножей и вилок. Приходилось пользоваться ложками, а вилки и ножи передавали друг другу. Роберт Вильтон пишет, что Семья Романовых ела из общего блюда ложками. Во время еды все время по комнате ходила стража, будто наблюдая за пленниками, а на самом деле - чтобы усилить их страдания. Охранники лезли своими грязными руками в блюда и вытаскивали оттуда себе лучшие куски. Они опирались на стул Императрицы, толкали ее и Государя Громко вели похабные разговоры. Часто орал во все горло революционные песни и выкрикивали непристойные слова. Все это делалось нарочно, чтобы довести несчастных до отчаяния.

В короткое время дом стал ужасно грязным: стража плевала, бросала окурки и съестные объедки на пол.

Следователь Соколов приводит показания Пьера Жильяра, где рассказывается со слов Чемодурова, как Авдеев во время обеда сидел в фуражке, без кителя и курил папиросу. Когда подали битки, он взял свою тарелку и протянул руку между Государем и Государыней и стал накладывать себе битки. Потом он согнул руку в локте и ударил Императора по лицу.⁶⁷⁸

Н. Соколов приводит также показания Сиднея Гиббса, учителя английского языка Царских детей:

«Чемодуров мне говорил, что здесь (в Екатеринбурге), им было плохо: с ними обращались грубо. Он говорил, что на Пасху у них был маленький кулич и пасха. Комиссар

⁶⁷⁸ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», сс. 128-130.

пришел, отрезал себе большие куски и съел...»

Еще рассказывал Пьер Жильяр следователю Н. Соколову со слов Чемодурова, что стража издевалась над молодыми княжнами. Когда они шли в туалет, за ними шел красноармеец и заводил с ними «шутливые» разговоры, вроде: куда они идут и зачем? Часовой останавливался около двери туалета и так стоял до тех пор, пока Царские дочери не выходили оттуда. Такое моральное издевательство было невыносимо.

Камердинер Седнев и дядька Цесаревича Нагорный одно время сидели в тюрьме вместе с князем Львовым. Последний рассказывал следователю Соколову с их слов:

«Про екатеринбургский режим Седнев и Нагорный говорили в мрачных красках... Они (охранники) начали воровать... Сначала воровали золото, серебро. Потом стали таскать белье, обувь. Царь не вытерпел и вспылел: сделал замечание. Ему в грубой форме ответили, что он арестант и распоряжаться больше не может. Самое обращение с ними вообще было грубое. И Седнев и Нагорный называли режим в доме Ипатьева ужасным. Становилось, по их словам, постепенно все хуже и хуже. Сначала, например, на прогулки давали 20 минут времени, а потом стали все уменьшать это время и довели до 5 минут. Физическим трудом совсем не позволялось заниматься. Наследник был болен... По вечерам княжен заставляли играть на пианино... Седнев удивлялся, чем была жива Императрица, питавшаяся исключительно одними макаронами...»

Из показаний Медведева, охранника наружной стороны дома:

«Царь по внешнему виду все время был спокоен, ежедневно с детьми выходил гулять в сад, сын Алексей ходить не мог, у него болела нога, и его носили в сад на руках, выносил его на руках всегда сам Царь, который вообще всегда сам ходил за ним. Супруга Царя в сад не выходила никогда, а выходила лишь на парадное крыльцо к тыну, окружавшему дом, а иногда сидела возле сына, который обычно сидел в коляске. Царь по виду был здоров и не старел, седых волос у него не было, а супруга Царя начинала седеть и была худоцава. Дети вели себя «обыкновенно» и улыбались при встрече с караульными. Разговаривать с ними запрещалось. Доводилось ему, Медведеву, разговаривать с Царем при встрече в саду; однажды он спросил его, «как дела, как война, куда ведут войско?» На это он ему ответил, что война идет между собой, русские с русскими дерутс...»

Как Пьер Жильяр, так и Н. Соколов пишут, что моральное состояние Царской Семьи, несмотря на все окружающие их ужасы, было довольно бодрым. Все они сохранили удивительную веру в Бога, которая их поддерживала еще в Тобольске. Государыня с дочерьми часто пели духовные песнопения, и их пение разносилось по всему дому. Эти духовные песнопения невольно смущали души разнужданных солдат.

Из показаний одного охранника, Якимова, на следствии Н. Соколова:⁶⁷⁹

«Они иногда пели. Мне приходилось слышать духовные песнопения. Пели они Херувимскую Песнь. Но пели они и какую-то светскую песню. Слов ее я не разбирал, а мотив был грустный. Это был мотив песни «Умер бедняга в больнице военной». Слышались мне одни женские голоса, мужских ни разу не слышал...»

Далее Якимов рассказывал о звере-Авдееве, который был пьяницей, грубым и неразвитым. Если к нему Царская Семья обращалась с какой-либо просьбой, то он говорил о них:

«Ну их к черту!» - и в просьбе отказывал.

Отказать в чем-то Царственным узникам - доставляло Авдееву удовольствие. Как-то его попросили разрешить открыть на некоторое время окна. Он разрешения не дал, а потом об этом рассказывал, похваляясь своей жестокостью перед другими охранниками. Государя Авдеев называл «Николашкой», а всю Семью - «они».

Охранник Якимов говорил о коменданте Авдееве:

«Он, как только попал в дом Ипатьева, так начал таскать туда своих приближенных

⁶⁷⁹ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», сс. 131,132.

рабочих... Все эти люди бражничали в доме Ипатьева, пьянствовали и воровали царские вещи. Раз Авдеев напился до того пьяный, что свалился в одной из нижних комнат дома... А в нижний этаж он попал тогда после посещения в таком виде Царской Семьи; он в таком виде ходил к ней. Пьяные они шумели в комендантской комнате, орали, спали вповалку, кто где хотел, и разводили грязь. Пели они песни, которые, конечно, не могли быть приятны для Цар Пели они все: «Вы жертвою пали в борьбе роковой», «Отречемся от старого мира», «Дружно, товарищи, в ногу»..

Припоминаю еще, что вел Авдеев со своими товарищами разговоры и про Распутина. Говорил он то, что многие говорили, о чем и в газетах писали много раз...»

Далее комментирует сам Н. Соколов:

«Красноречивее всяких слов говорит сам дом Ипатьева, как жилось здесь узникам. Необычные по цинизму надписи и изображения с неизменной темой: о Распутине. Как глубоко ошибаются те, кто думают, что яд этого чудовища не проник в народные массы».

Роберт Вильтон пишет:⁶⁸⁰

«Стража Ипатьевского дома состояла исключительно из русских, под начальством русского Александра Авдеева, коменданта дома, другого русского, Александра Мошкина, - его помощника и начальника караула, русского же Павла Медведева. Но все они, подобно Белобородову - русскому рабочему,⁶⁸¹ председательствовавшему в Совете, были лишь пешками в руках красных евреев Свердловых, Голощекиных. По несколько раз в неделю Голощекин приходил производить обход. Белобородое его сопровождал. С ним приходил также Юровский. Они ничего не находили нужным изменить.

Так продолжалось в течение мая и первой половины июня месяца. Пока русские караульные обращались с арестованными плохо, «начальство» ничего не изменяло...»

Р. Вильтон пишет, что русские стали постепенно менять свое поведение по отношению к узникам. Они смягчились под влиянием близости к Государю и его Семье. Они стали задумываться не только над смыслом слова «царь», но теперь их влекла к себе личность самого Императора и его Семьи.

Стража орала похабные песни, а в ответ им неслась Херувимская; она выкрикивала непристойные слова, а этому вторили духовные песнопения. Это тронуло сердца солдат и в них заговорила совесть.

Роберт Вильтон пишет (с. 68):

«Невероятная кротость и страдальческое смирение Семьи возбуждали у охраны сначала сомнения, потом раскаяние, а затем и жалость. За что они страдают? Зачем томятся? Так стали думать многие из охраны, не исключая и самого Авдеева.

Благочестие, мягкость, простота пленников стали обезоруживать этих людей, несмотря на всю грубость их воспитания и их революционной среды. Непристойные песни стали слышаться реже, потом затихли...»

Когда поезд с Царскими детьми прибыл в Екатеринбург, то Пьеру Жильяру и его спутникам, ехавшим с ним в товарном вагоне, не позволили присоединиться к Императорской Семье. Через некоторое время им большевики объявили, что они свободны и могут уезжать. Но Пьер Жильяр и его коллега Сидней Гиббс хотели сделать что-то, чтобы облегчить судьбу Царственных узников. Жильяр пошел в английское и шведское консульства.⁶⁸² Оба консула пробовали успокоить Жильяра и говорили, что ими уже

⁶⁸⁰ Роберт Вильтон «Последние дни Романовых», сс. 67,68.

⁶⁸¹ Н. Сахновский в «Краткой сводке других показаний» (предисловие к книге Н. Соколова «Убийство Царской Семьи»), на основании показания военнопленного И.Л. Мейера, пишет: «... считавшийся русским Белобородое был в действительности евреем Вайсбартом».

⁶⁸² Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», сс. 247-249.

предприняты к этому шагу. (Было ли это в действительности? - Л.М.)

Пьер Жильяр направился к Ипатьевскому дому. Он стремился увидеть кого-нибудь из членов Царской Семьи и подать им знак о себе. Но подойдя к дому, он убедился в невозможности этого: «дом особого назначения» был обнесен высоким досчатым забором, который закрывал все окна.

Все-же Пьер Жильяр не терял надежды присоединиться к Царской Семье. Он узнал от доктора Деревенько, которому разрешили посещать больного Наследника, что Государь через доктора Боткина просил Авдеева разрешить Жильяру переехать в Ипатьевский дом. И Пьер Жильяр, надеясь узнать что-либо, продолжал ходить вокруг дома.

Однажды Жильяр вместе с доктором Деревенько и Сиднеем Гиббсом направились к Ипатьевскому дому. Возле дома они увидели двух извозчиков, окруженных большим числом красноармейцев. В первом экипаже сидел камердинер Великих княжен Седнев, а ко второму подходил дядька Цесаревича матрос Нагорный.

Поднимаясь на подножку экипажа, Нагорный поднял голову и заметил всех троих, стоявших в нескольких шагах от него. Верный дядька Цесаревича молча смотрел на них в течение нескольких секунд, а потом, не проронив ни слова, и не сделав никакого знака рукой, сел в экипаж. Извозчики тронулись в направлении тюрьмы. Эти два преданных Царской Семье человека - Нагорный и Седнев были вскоре чекистами расстреляны. Вся их «вина» заключалась в том, что они вступились за больного Наследника, когда комиссар и охрана снимали с его кровати золотую цепочку, на которой висели святые иконки Цесаревича...

Следователь Н. Соколов пишет,⁶⁸³ что в мае месяце близкие к Царской Семье Толстые, послали своего знакомого И. Сидорова в Екатеринбург. (Вероятно, это псевдоним - Л.М.). Сидоров нашел доктора Деревенько и узнал от него, что Царственным узникам живется очень плохо: никуда негодное питание, суровый надзор, издевательства стражи. Доктор Деревенько и Сидоров решили помочь Семье. Деревенько стал говорить с Авдеевым, стараясь его смягчить, а Сидоров вошел в сношение с женским Новотихвинским монастырем, чтобы наладить снабжение Царской Семьи продуктами питания

Послушницы Антонина и Мария на следствии Н. Соколова показали, что по распоряжению матушки игуменьи, они стали носить в Ипатьевский дом молоко, яйца, сливки, масло, овощи, а иногда и мясные продукты и сладости. Все это от послушниц принимал сам Авдеев или его помощник. Оба были всегда вежливы с послушницами и продукты у них брали. Но в начале июля к ним вышел новый комендант, Юровский, и строго их спросил:

«Это вам кто позволил носить?» Одна из послушниц ответила:

«Носим по разрешению коменданта Авдеева и по поручению доктора Деревенько».

Юровский:

«А другим арестованным вы носите, которые в тюрьмах сидят?» Послушница:

«Когда просят, носим».

На другой день Юровский опять пристал к послушницам и стал спрашивать, что они носят в бутылках.

После этого девушки перестали носить сливки, а только одно молоко...

О первом появлении Юровского в «доме особого назначения» рассказывал доктор Деревенько.⁶⁸⁴

⁶⁸³ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», сс. 138-140.

⁶⁸⁴ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», с. 135.

В июне месяце, в одно из посещений больного Наследника, доктор Деревенько увидел сидящего там субъекта. Он был в черной тужурке, имел черную бородку клином и черные волнистые волосы. Этот субъект оказался Юровским. Держал он себя с чувством собственного достоинства и говорил с апломбом. Он осмотрел больного Цесаревича и увидев опухоль на его ноге, предложил доктору Деревенько наложить больному гипсовую повязку.

Как сказал Деревенько, Юровский показал кое-какие свои медицинские знания

В первых числах июля Авдеев, его помощник и все рабочие Злоказовской фабрики были устранены,⁶⁸⁵ а вместо них в Ипатьевском доме поселились новый комендант Юровский и его помощник - Никулин. Они заняли ту же комнату, где жил Авдеев. Через несколько дней прибыли еще десять человек, которые разместились в нижних комнатах дома.

Юровский, Голощекин и Белобородое были руководителями Чека. Они внушали страх не только Ипатьевскому дому, но и всему населению Екатеринбурга. Теперь Царская Семья была окружена изуверами-чекистами. Так началось приготовление к зверскому убийству Семьи...

В бутылке, где носили послушницы молоко из монастыря для Царской Семьи, Государь с Государыней обнаружили записку, написанную на французском языке от якобы преданного Царю офицера, который собирается спасти Императорскую Семью.⁶⁸⁶ «Офицер» писал, чтобы Государь указал окно в доме, которое можно будет открыть снаружи.

Окна в Ипатьевском доме все были заклеены, и вдруг, как по волшебству, одно из окон стража открывает. Государь сообщает об этом «офицеру» в своем письме. Он даже делает запись в своем дневнике о начавшейся переписке, и о том, что они ночью не спали, а бодрствовали и ждали сигнала извне.

В последнем письме сообщалось, что группа этих преданных «офицеров» не может назвать свои имена, но что их знают «Д» и «Т» т.е. Долгоруков и Татищев, которые уже находятся вне опасности.

Это была явная ложь и провокация И Долгоруков и Татищев были к тому времени расстреляны.

Э. Радзинский пишет, что письма, написанные на плохом французском языке, были составлены в Чека. И автором писем был Петр Лазаревич Войков, (впоследствии убитый в Польше монархистом за участие в убийстве Царской Семьи).

Эту переписку чекисты задумали, чтобы доказать о якобы существовавшем монархическом заговоре с целью спасения Царской Семьи.

Чтобы вызвать доверие Царственной четы к письмам «офицера», чекисты нарочно позволили монахиням приносить молоко для Семьи. Палачи думали, что тогда Государь и Государыня поверят в подлинность писем. Они хотели иметь доказательства к «готовящемуся заговору», чтобы выставить обвинение против Императора.

Государь, по всей вероятности, все это понял. Но отвечал на письма «офицера» и делал записи в своем дневнике, зная, что их будут читать. Он хотел пожертвовать собой ради спасения своей Семьи...

Единственным утешением для Царственных узников было посещение их священником, которому разрешали иногда приходить в Ипатьевский дом для совершения там богослужения

Священник Сторожев на следствии Н. Соколова рассказал,⁶⁸⁷ что как-то к нему

⁶⁸⁵ Там же, сс. 132,136.

⁶⁸⁶ Эдвард Радзинский «Господи... спаси и умири Россию» Николай II: жизнь и смерть, сс. 371-379.

⁶⁸⁷ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», сс. 142-148.

пришел какой-то красноармеец и попросил его ехать «служить к Романову». Отец Сторожев сначала не понял, о чем его просят, но из дальнейших объяснений солдата священник догадался, что хотят, чтобы он отслужил обедницу для Царской Семьи.

О. Сторожев, несмотря на протесты красноармейца, взял с собой служить дьякона Буймирова. Все они направились к Ипатьевскому дому.

Наружный караул пропустил священнослужителей. Священник заметил, что у самых ворот дома было много вооруженных ружьями и ручными гранатами молодых людей, одетых в гражданское платье. Внутри дома, как на лестницах, так и на площадках и в передней были также молодые люди в гражданском, вооруженные ружьями и гранатами. В комендантской комнате находилось двое, одетых в гимнастерку людей. Один лежал на постели и спал, а другой курил папиросу. В комнате стоял стол и рояль. На столе - еда, а на рояле лежали ружья и ручные гранаты. Везде было очень грязно и неряшливо. Вскоре вошел комендант. У него на поясе в кобуре висел большого размера револьвер. Комендант, не поздоровавшись - со священнослужителями, стал их пристально разглядывать. На вопрос священника - какую службу он должен совершать, комендант ответил:

«Они просят обедницу».

Далее о. Сторожев спросил, может ли он после богослужения передать Государю просфору? Комендант осмотрел просфору и разрешил ее передать.

Он сказал:

«Передать можете, но только я должен вас предупредить, чтобы никаких лишних разговоров не было».

Священник и дьякон облачились и пошли за комендантом в зал. Там уже стыл приготовленный для богослужения столик.

Как только о. Сторожев переступил порог зала, от окон отошли Государь и две его дочери. В другой комнате, отделенной от зала аркой, находилась Государыня, две младшие дочери и Цесаревич Алексей. Он лежал на походной кровати и выглядел очень бледным и худым. Только одни глаза блестели у него, и эти глаза с интересом рассматривали священника. Александра Феодоровна сидела в кресле, но вставала всегда, когда это требовалось по ходу богослужения. Позади Царской Семьи стояли доктор Боткин, Демидова и двое служащих.

На Государе была гимнастерка защитного цвета и такие же брюки и высокие сапоги. На груди висел Георгиевский крест. Погон у Императора не было. Он произвел на священника впечатление спокойствия и твердости. Он пристально и внимательно смотрел в глаза. Вид у Государыни был утомленный, даже болезненный.

О. Сторожев заметил то уважение, которое проявлялось у всей Семьи к нему, как к священнику. На молчаливое его приветствие, все ему почтительно поклонились.

О. дьякон произносил ектению, а о. Сторожев пел. Ему подпевало два женских голоса, а также и сам Государь своим низким басом.

Молились все очень усердно. Богослужение прошло хорошо и бодро.

Окончив богослужение, о. Сторожев произнес отпуст со святым крестом. Он не знал, можно ли давать крест для целования. Он посмотрел на коменданта, который стоял в дальнем углу. Последний спокойно стоял и не делал никаких знаков. Священник заметил, что и Государь бросил быстрый взгляд в сторону коменданта. Тогда он сделал шаг вперед с крестом в руке. Быстрыми и твердыми шагами, смотря о. Сторожеву в глаза, подошел первым Император, за ним - Александра Феодоровна, а потом все четыре дочери. Священник сам подошел к кровати Наследника и протянул ему крест.

14-го июля утром, в дом священника Сторожева опять постучался тот же солдат и сказал, что его требует комендант Ипатьевского дома. О. Сторожев знал, что новым комендантом сейчас там Юровский, чекист, известный в Екатеринбурге своей жестокостью.

Когда священник с дьяконом приехали к «дому особого назначения» и вошли в

комендантскую, там была такая-же грязь и беспорядок, как и раньше. Юровский сидел за столом, пил чай и ел хлеб с маслом. Какой-то другой человек спал одетым на кровати.

Отец Сторожев сказал:

«Сюда приглашали духовенство, мы явились, что мы должны делать?»

Юровский, не здороваясь, стал в упор разглядывать священника. Потом проговорил:

«Обождите здесь, а потом будете служить обедницу». О. Сторожев переспросил: «Обедню, или обедницу?» Юровский ответил: «Он написал обедницу».

Священнослужители стали готовить книги и ризы. Юровский, распивая чай, продолжал рассматривать священника. Наконец, он спросил:

«Ведь Ваша фамилия С-с.с», - и протянул начальную букву фамилии отца Сторожева. Священник ответил:

«Моя фамилия Сторожев».

Юровский:

«Ну да, ведь Вы уже служили здесь».

Священник ответил, что служил.

Юровский:

«Ну, так вот и еще раз послужите».

Когда священнослужители облачились и какой-то солдат принес кадило с горящими углями, Юровский пригласил их пройти в зал. В это время из двери, ведущей во внутренние комнаты, появился Государь с двумя дочерьми. За аркой уже находилась Государыня с двумя другими дочерьми и Цесаревичем. Больной мальчик сидел в кресле. Он был бледен, но уже не так, как раньше. Государь был одет так же, как и в первый раз.

Отцу Сторожеву показалось, что Император и все его дочери выглядели утомленными.

За аркой стояли доктор Боткин, девушка и трое слуг. У дальнего окна зала стоял Юровский.

Отец Сторожев рассказывал:

«По чину обедницы положено в определенном месте прочесть молитву «Со святыми упокой». Почему-то на этот раз дьякон вместо прочтения, запел эту молитву, стал петь и я, несколько смущенный таким отступлением от устава, но едва мы запели, как я услышал, что стоявшие позади меня члены Семьи Романовых опустили на колени...»

После богослужения все приложились к Св. Кресту, причем Николаю Александровичу и Александре Феодоровне о. дьякон вручил по просфоре (согласие Юровского было заблаговременно дано).

Когда я выходил и шел очень близко от бывших Великих княжен, мне послышалось едва уловимое слово: «Благодарю»- не думаю, что бы это мне только показалось...

Молча мы дошли с о. дьяконом до здания Художественной школы, и здесь вдруг дьякон сказал мне: «Знаете, о. протоиерей, у них там что-то случилось». Так как в этих словах о. дьякона было некоторое подтверждение вынесенного мною впечатления, то я даже остановился и спросил, почему он так думает. - «Да, так», - говорит дьякон: «Они все какие-то другие точно, даже и не поет никто». А надо сказать, что действительно, за богослужением 1/14 июля впервые никто из Семьи Романовых не пел вместе с нами».

В понедельник 15 июля были посланы в Ипатьевский дом женщины, чтобы вымыть полы. Две из них на следствии Н. Соколова показали, что разговаривать с Царственными узниками они не могли, так как за ними зорко следил Юровский. Великие княжны помогали женщинам убирать и передвигать в их спальне постели и переговаривались между собой.

Император вел свой дневник до последних дней. Из дневника Государя узнаем,⁶⁸⁸ что по прибытии его и Государыни в Екатеринбург, их багаж тщательно осматривали. Проверка его была до того строгой, что стража рассматривала даже пузырьки походной аптечки

⁶⁸⁸ М.П. Никулина и К.К. Белокуров «Последние дни Романовых», сс. 75-89.

Императрицы. Государь тогда не выдержал и резко высказал свое мнение по этому поводу.

Далее узнаем, что водопровод в Ипатьевском доме не действовал, и что Император страдал от того, что не было возможности вымыться в ванне. Надо заметить, что Царственная чета с начала путешествия из Тобольска не могла хорошо помыться

Далее в дневнике написано, что в Великий четверг на Страстной неделе, Государь грустил от того, что не было возможности пойти на богослужение в церковь, и что не было постной пищи. Но в этот день Царская чета имела радость хорошо вымыться в ванне - водопровод починили. Вечером все арестованные Ипатьевского дома собрались в зале, и Государь вместе с доктором Боткиным прочитали по очереди 12 Евангелий.

В Великую субботу, по просьбе Боткина, к узникам были допущены священник и дьякон, которые в 8 часов вечера отслужили Заутреню. Это явилось большим утешением для пленников, и так было приятно услышать в этой обстановке «Христос Воскресе!»

27 апреля (ст. ст. - у Государя в дневнике везде стоят даты по ст. стилю) Авдеев спросил каждого - сколько у них денег, и, отобрав лишние, взял их.

10 мая - прибыли из Тобольска дети. Радость была большая, но Цесаревич ушиб себе колено и всю ночь сильно страдал.

13 мая - в Ипатьевский дом в первый раз пришел Юровский, которого Царская чета приняла за доктора.

Запись Государя в его дневнике от 22 мая говорит, что Цесаревичу гораздо лучше, что опухоль в колене значительно уменьшилась.

Здесь можно легко проследить следующее. Цесаревич Алексей тяжело болел гемофилией в Тобольске. Там состояние его здоровья было хуже, чем в Спале в 1912 году, но он стал поправляться в Ипатьевском доме у Цесаревича после ушиба ноги появляются сильные боли. Но как в Тобольске, так и в Екатеринбурге его здоровье начинает восстанавливаться, и это происходит без всякого вмешательства со стороны Распутина. Вывод сделать нетрудно: если бы совсем не существовало Распутина, то болезнь Наследника протекала бы таким же путем, как и при нем, т.е., после сильных приступов, при помощи врачей, постепенно наступало бы улучшение, и Цесаревич начинал поправляться

Роберт Вильтон в своем труде пишет то же, что и следователь Н. Соколов (см. глау 18 этой книге). Он говорит, ⁶⁸⁹ что «целительная» сила Распутина заключалась в его шарлатанстве; что «святой» облегчал боль Наследника путем пассов, т.е. обычным гипнозом, и что ему помогали Вырубова и тибетский врач Бадмаев...

Следующая запись в дневнике Государя от 28 мая, где он пишет, что вещи Царской Семьи, которые находились в сарае в сундуках, постоянно пересматриваются, сундуки открывают и вещи и провизия пропадают. Тюремщики стараются не говорить с узниками и чувствуется какая-то тревога у них.

В записях Государя проскальзывает беспокойство о Седневе и Нагорном, которых большевики увезли уже давно. Государь, Государыня и дети ждут их возвращения, но так и не дождут. Они к этому времени были уже, повидимому, расстреляны.

31 мая и 3 июня Император записал, что вся Семья так желает видеть священника, но его все нет.

10 июня Государь пишет, что в доме была отслужена обедня и вечерн

Запись 14 июня говорит, что было получено два письма, где сообщалось, что их собираются похитить какие-то преданные люди. Но дни проходят только в ожидании, и это так мучительно для Семьи.

21 июня произошла смена комендантов. Вместо Авдеева назначили Юровского. Он со своим помощником составили опись золотых вещей, и большую часть вещей взяли с собой.

23 июня Юровский принес золотые вещи, их положил в ящичек и запечатал в присутствии Государя и Государыни и оставил ящик в спальне Царской четы.

⁶⁸⁹ Роберт Вильтон «Последние дни Романовых», сс. 44,45.

25 июня - Юровский приходит в спальню проверять целостность ящика и печати. Внутри дома появились новые часовые-латыши.

В записи Государя от 28 июня говорится, что к открытому окну рабочие прикрепили снаружи тяжелую решетку. Далее записано, что этот «тип»- Юровский нравится Царской чете все меньше.

Император прекратил вести свой дневник 30 июня

Государыня тоже делала записи. Ее последняя запись кончается 3 июля (16 июля - по н. ст.). Там Императрица пишет, что внезапно вызвали мальчика Седнева, якобы повидаться с его дядей (который был к тому времени уже расстрелян - Л.М.) Заканчивает Государыня свои записки словами, что они пошли спать в 10 часов с половиной вечера.

Это были последние часы отдыха для несчастной Царской Семьи. Но, вполне возможно, что тягостные предчувствия мучили Царскую чету в эти часы, и они томились в ожидании чего-то, что неумолимо надвигалось на них...

Послушницы женского монастыря Антонина и Мария, которые доставляли провизию для Царской Семьи, 15 июля получили приказание от коменданта Юровского - принести ему на следующий день упакованные в корзине пятьдесят яиц и четверть молока.⁶⁹⁰

Заказ Юровского Антонина и Мария выполнили в точности и передали ему корзину с яйцами и молоком. На другой же день, когда они принесли в Ипатьевский дом молоко для Царской Семьи, их никто не встретил и молоко не взял. Они хотели видеть коменданта, но им сказали, что комендант обедает, а это было 7 часов утра. Послушницы искали кому передать молоко и спрашивали часовых, но получили ответ, чтобы провизию больше не носить:

«Идите! Больше не носите!»

Антонине и Марии пришлось нести свое молоко обратно в монастырь.

К роковому дню убийства Царской Семьи, в Ипатьевском доме произошли перемены в отношении охраны. Красноармейцы были переселены на другую сторону улицы, и несли только внешнюю охрану дома. Все внутренние посты теперь были заняты «латышами». Общее число их составляло десять человек. Привел их с собой из Чрезвычайной комиссии Юровский. Он говорил с ними по-немецки. «Латыши» на самом деле по своему происхождению были венгерцами и несли в Чека роль палачей.⁶⁹¹

Царская Семья и их служащие были зверски убиты в ночь с 16-го июля на 17-ое (н. ст.). Это подлое убийство дало начало потокам крови новомучеников Российских, и текла эта кровь обильно за все годы владычества коммунистов в России.

Хотя и засияли новые звезды святых Новомучеников в Царствии Небесном во главе с Императорской Семейей, но Их кровь, кровь невинно умученных и убиенных вопиет к Богу. И пока не произойдет покаяния всего русского народа в содеянном им, их отцами и дедами, - в России мира не будет.

Рассмотрим, что произошло в эту страшную ночь 17-го июля 1918 года, пользуясь трудами следователя по особо важным делам Николая Алексеевича Соколова. В его книге «Убийство Царской Семьи», приводится показание одного из участников кровавой расправы над Царской Семейей - Павла Медведева.⁶⁹²

Павел Спиридонович Медведев, родом из поселка близ Сысертского завода, по профессии сапожник. Сельской школы не закончил и остался малограмотным. Работал на

⁶⁹⁰ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», с. 241.

⁶⁹¹ Роберт Вильтон «Последние дни Романовых», сс. 69,71.

⁶⁹² Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», сс. 230,231.

заводе; вступил в партию большевиков в 1917 году. Участвовал в боях против атамана Дутова. Роберт Вильтон называет Медведева «зловещей личностью» и предателем - «Иудой Романовых». Вильтон пишет, что за Медведевым числилось страшное преступление - изнасилование ребенка.

С апреля 1918 г. Медведев был назначен начальником охраны Ипатьевского дома. Здесь он сыграл некоторую роль в удалении Авдеева. Он следил за Авдеевым и доносил на него чекисту Юровскому. В вину Авдееву, по доносам Медведева, ставилось некоторое послабление в отношении строгого режима, установленного для Царственных узников. Это некоторое послабление допустил комендант Авдеев во второй половине своей службы, когда хорошо узнал Государя и его Семью.

Медведев пользовался полным доверием Юровского, и перед захватом Екатеринбурга белыми, ушел из города с красными. В Перми ему было дано задание - при отступлении взорвать мост через реку Каму. Медведев не справился с этим заданием и попался в руки белых.

На допросе следователя, Медведев показал, что 16-го июля, в 7 часов вечера Янкель Юровский приказал ему собрать у всех караульных Ипатьевского дома револьверы. Их оказалось 12 и все они были системы Нагана. Это оружие Медведев принес в комнату Юровского и положил на стол.

Я. Юровский сказал Медведеву:⁶⁹³

«Сегодня, Медведев, мы будем расстреливать семейство все «, - и приказал предупредить караульных, чтобы они не поднимали тревогу, если услышат ночью выстрелы.

Еще утром Юровский распорядился увести поваренка Седнева из дома и устроить его в караульном помещении. Это был единственный гуманный жест, проявленный чекистом Юровским за все его пребывание в «доме особого назначения».

Около 12-ти часов ночи Янкель Юровский начал будить Царскую Семью. Семья и служащие умылись и оделись.

Описание сцены убийства заимствуем из книги Роберта Вильтона.⁶⁹⁴

Повел на смерть свои жертвы Юровский. Он шел впереди, за ним следовали Государь с большим Наследником на руках, Государыня и Царские дочери. За Императорской Семьей шли: доктор Боткин, Харитонов, Трупп и Демидова.

Все спустились по лестнице во двор и вошли в нижний этаж. Юровский привел Семью в маленькую комнату, предназначенную для адского замысла. Он не хотел убивать узников в их помещениях. Он боялся, что услышит охрана и поднимется тревога.

Комната, где Юровский собирался расстреливать Семью, была низкой и имела только одно окно, закрытое железной решеткой. За окном стоял часовой, а вокруг шел двойной забор, отделяющий дом от улицы.

Царская Семья спустилась спокойно. Они думали, что их увозят, и поэтому взяли с собой подушки и шляпы. Великая княжна Анастасия держала на руках свою маленькую собачку «Джемми».

Свидетелями жуткой расправы были два часовых, которые стояли: один в саду, а другой - в переулке. Оба они наблюдали сцену убийства через окно.

Войдя в пустую комнату, Государь попросил у Юровского стулья для больного Наследника и для Государыни. Юровский распорядился, чтобы принесли три стула. Император сел посередине комнаты и положил на другой стул больного Цесаревича. Императрица села у окна. Дочери подали матери подушки. Доктор

Боткин стал между Государем и Государыней. Три Великих княжны стали направо от матери; рядом с ними стояли, облокотясь об угол стены, Харитонов и Трупп. Слева от

⁶⁹³ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», с. 230.

⁶⁹⁴ Роберт Вильтон «Последние дни Романовых», сс. 71-73.

Государыни встала четвертая Великая княжна и Демидова. Обе они облокотились о стену около окна. За ними находилась запертая дверь в кладовую.

Никто из Императорской Семьи не волновался. Все ждали сигнала к отъезду. Но они не подозревали, что их «карета» уже ждет у ворот. Это был четырехтонный грузовик «Фиат».

Через некоторое время в комнату вошли палачи. Кроме Янкеля Юровского, это были: Медведев, Ермаков, Ваганов, Никулин и семь «латышей» - венгерцев. Всего с Юровским - двенадцать убийц.

Как пишет Р. Вильтон, в этот момент жертвы поняли, что настал страшный конец, но никто из них не двинулся с места. Стояла мертвая тишина. Из этой комнаты длиной в 5.7 м. и шириной в 4.3 м. - выхода не было. Податься было некуда. Впереди, у двери, перед Царской Семьей, стояла шеренга палачей.

Подойдя к Императору, Янкель Юровский холодно сказал:

«Ваши родные хотели вас спасти, но это им не удалось. Мы вас сейчас убьем».

Государь не успел ничего ответить. Он только прошептал: «Что? что?»

Начались выстрелы. Они неслись почти одновременно. Смерть Императора, Императрицы, трех дочерей и лакея Труппа была скорой. Наследник мучился на полу комнаты и стонал. Юровский несколькими выстрелами добил бедного мальчика. Младшая Великая княжна Анастасия была жива. Палачи штыками кололи ее. Она кричала и отбивалась. Харитонов и Демидову тоже прикончили отдельно. Удары от штыков, которыми добивали Демидову, попали в обшивку стены. Роберт Вильтон, когда посетил эту комнату смерти, заметил на стене следы от штыковых ударов...

Давая показания следователю, Павел Медведев говорил, что не принимал участия в убийстве Царской Семьи. Но он лгал. Это подтвердила его жена Мари. Она рассказала на следствии, что ее муж через несколько дней после убийства хвастался перед ней. Он говорил с гордостью, что был единственным из рабочих Сысертского завода, принимавшим участие в этой бойне.

[отсутствуют 4 страницы: 589-92]

В течение двух дней легкие грузовики перевозили из Екатеринбурга к месту, где находились тела убиенных, большое количество бензина и серной кислоты: от 30 до 40 ведер бензина и свыше 11 пудов⁶⁹⁵ кислоты.

Снабжение бензином и серной кислотой производилось комиссаром Войковым, товарищем Ленина по путешествию из Германии в Россию, и приятелем Голощекина и Юровского.

У шахт «Ганиной ямы» были обнаружены остатки от больших костров. Там нашли несколько святых икон, которые принадлежали Царской Семье; обгорелые части от уничтоженных огнем дамских корсетов; драгоценный крест, усыпанный бриллиантами, изумрудами и жемчугом; отдельные драгоценные камни, некоторые расколотые; отрубленный человеческий палец; поломанное пенсне доктора Боткина; его искусственная челюсть и многие другие обгорелые предметы. На дне «открытой» шахты нашли труп маленькой собачки «Джемми». Она принадлежала Великой княжне Анастасии...⁶⁹⁶

Проведя тщательное исследование улики и опросив свидетелей, Николай Алексеевич Соколов пришел к следующему заключению:

Рано утром, в день убийства, грузовик привез тела убитой Царской Семьи и их служащих в урочище «Четырех братьев». Там, на глиняной площадке, у «открытой» шахты палачи раздевали убитых, грубо ножами срывая с них одежду. И когда перед изумленными глазами сатанистов-изуверов из одежды жертв посыпались драгоценные камни и жемчуга,

⁶⁹⁵ Пуд - старая русская мера веса = 16.38 кг.

⁶⁹⁶ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», с. 206-218.

они стали их спешно собирать. Убийцы торопились и не заметили некоторых драгоценностей, которые они впопыхах втоптали в глину. Часть из этих камней была расколота остро режущими орудиями. Это и были те орудия, которыми рассекали тела мучеников.

Следователь Н. Соколов пишет:

«Части трупов сжигались в кострах при помощи бензина и уничтожались серной кислотой. Оставшиеся в телах пули падали в костры; свинец вытапливался, растекался по земле и, охлаждаясь, затем принимал форму застывших капель; пустая оболочка пули оставалась.

Сжигаемые на простой земле трупы выделяли сало. Стекая, оно просалило почву.

Разорванные и разрезанные куски одежды сжигались в тех же кострах. В некоторых были крючки, петли и пуговицы. Они сохранились в обожженном виде. Некоторые крючки и петли, обгорев, остались неразъединенными, нерастегнутыми.

Заметив некоторые оставшиеся предметы, преступники побросали их в шахту, пробив в ней предварительно лед, и засыпали их землей.

Здесь та же самая картина, что и в Ипатьевском доме: скрыть от мира совершенное зло».

Роберт Вильтон в своей книге говорит,⁶⁹⁷ что среди палачей, которые следили за мрачной работой по уничтожению тел, были Янкель Юровский, Шая Голощекин, Войков и Сафаров. Их видели крестьяне деревни Коптяки, когда они приходили в деревню есть землянику со сливками.

Юровский уехал в Москву из Екатеринбурга 19-го июля. Он вез с собой семь больших сундуков с романовским добром. Р. Вильтон думает, что Юровский поделил эту добычу со своими друзьями...

Когда следователи осматривали комнату убийства Царской Семьи, то обнаружили там на стенах и в полу много пулевых отверстий, а также и несколько следов от штыковых ударов.⁶⁹⁸ Расследование показало, что было сделано свыше 30 выстрелов. Некоторые жертвы добивались уже лежачими.

Н. Соколов говорит:

«Наш старый закон называл такие убийства «подлыми». Роберт Вильтон пишет:⁶⁹⁹

«На стене низкой комнаты, когда следователь в нее вошел, виднелась немецкая надпись - цитата из поэмы Гейне «Belsatzar»: «Валтазар был этой ночью убит своими слугами».

На с. 114 своей книги Р. Вильтон продолжает:

«Изречение из Гейне о Валтазаре, написанное на обоях комнаты, где произошло убийство Царской Семьи, сделано справа у самого входа, а рядом с окном, как раз против того места, где был убит сам Царь, оказалась кабалистическая надпись. Вот как сказано в протоколе осмотра:

На самом краю подоконника чернилами сделаны одна над другой три надписи: «1918 года» «148467878 р», а вблизи их написано такими же чернилами и тем же почерком «87888».

В некотором расстоянии от этих надписей на обоях стены такими же чернилами и такими же толстыми линиями написаны какие-то знаки...»

Роберт Вильтон приводит эти знаки в своей книге и пишет: «Читатель, если он посвящен в тайны, поймет».

⁶⁹⁷ Роберт Вильтон «Последние дни Романовых», сс 91,92.

⁶⁹⁸ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», с. 172,191.

⁶⁹⁹ Роберт Вильтон «Последние дни Романовых», сс. 92,114,115.

В книге профессора Павла Пагануцци⁷⁰⁰ находим расшифровку этих знаков:
«ЗДЕСЬ, ПО ПРИКАЗАНИЮ ТАЙНЫХ СИЛ, ЦАРЬ БЫЛ ПРИНЕСЕН В ЖЕРТВУ
ДЛЯ РАЗРУШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА. О СЕМ ИЗВЕЩАЮТСЯ ВСЕ НАРОДЫ»

В своей книге П. Пагануцци приводит подробные данные о том, откуда получено такое толкование.

Продолжаем повествование Роберта Вильтона:

«На стене дома, близ поста у пулемета, сверху террасы, один из «латышей» нацарапал следующие слова:

Verhas Andras 1918 VII / 15 e orsegen

что по венгерски означает: «Андрей Верхас 1918 VII 15-го стоял на часах». Число - канун избиения Я читал эту надпись; у меня есть фотография, снятая на месте. Убийцы «латыши» были, значит, венгерцы.

В отдушине ватер-клозета нашли маленький словарь, «код», который Государь бережно хранил, как подарок невесты. В этой крохотной книжке имеется надпись рукой Государыни: «Милому моему Ники для дорогого применения, когда он вдали от своей маленькой Аликс. Осборн, июль 1894».

Видимо, Государь спрятал словарь из опасения обыска, в расчете когда-нибудь вновь его взять».

В главе своей книги «Роль Свердлова и Голощекина», следователь Н.А. Соколов пишет:⁷⁰¹

«Судьба Царской Семьи была решена не в Екатеринбурге, а в Москве...

Чекист Шая Голощекин играл на Урале гораздо большую роль, чем Яков Юровский.

Один из старых членов коммунистической партии, он был связан личными отношениями с председателем ЦИКа Яковом Мовшевым Свердловым.

Когда Яков Юровский внедрился в дом Ипатьева, Шая Голощекин отсутствовал из Екатеринбурга. Он в это время находился в Москве и жил на квартире у Свердлова...

Он мог возвратиться в Екатеринбург и действительно возвратился из Москвы около 14 июля

Его возвращение в Екатеринбург и ряд мер, коими Юровский подготовлял убийство Царской Семьи, - как раз совпадают по времени.

Шая Голощекин был на руднике, когда там уничтожались трупы.

В последний раз он поехал туда вечером 18 июля и возвратился в Екатеринбург утром 19 июля, пробыв на руднике всю ночь».

Роберт Вильтон сообщает,⁷⁰² что в его руках имелись телеграммы, которыми обменивались власти Урала и Москвы. Большинство этих телеграмм было шифровано и адресовано Горбунову, секретарю Ленина, заведывавшему шифровальным отделом. Роберт Вильтон подтверждает, что убийство Царской Семьи было решено в Москве еще 4-го июля

Ричард Пайпс, профессор Гарвардского университета, автор книги «Русская революция 1899-1919», пишет,⁷⁰³ что коммунистическая власть Советского Союза писала везде о том, что Царская Семья была убита по распоряжению Уральского Областного Совета. Это делалось исключительно для того, чтобы оправдать Ленина. Но вне всякого сомнения, окончательное решение по «ликвидации Романовых» было вынесено Лениным, и этот приказ

⁷⁰⁰ П. Пагануцци «Правда об убийстве Царской Семьи», Изд. Св. Троицкий монастырь, Джорданвилль, С.Ш.А. 1981, сс. 68,69.

⁷⁰¹ Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», сс. 244,245.

⁷⁰² Роберт Вильтон «Последние дни Романовых», с. 109.

⁷⁰³ Richard Pipes «The Russian revolution 1899-1919». Collins Harvill, London W1, 1990, с 770.

Ленин дал, вероятно, в начале июля месяца.

Ричард Пайпс говорит, что ни один провинциальный Совет не посмел бы действовать самовольно в таком важном решении, как убийстве Царской Семьи. Безусловно, распоряжение шло из Центра, от Ленина.

В немецком журнале «7 TAGE» в августе 1956 года было напечатано показание И.Л. Мейера, бывшего австрийского военнопленного, члена Уральского Областного Исполнительного Комитета.

Это показание, в переводе на русский язык графа П.А. Коновницына, появилось в конце пятидесятых годов в журнале «Согласие»⁷⁰⁴

Приводим некоторые выдержки из показаний И.Л. Мейера.

И. Мейер говорит о некоем Александре Мебиусе, начальнике революционного штаба, который сыграл большую роль в убийстве Царской Семьи. Его имя не было известно следователям, но о нем говорилось, как об «одном латыше, блондине». По своему происхождению А. Мебиус был немцем, родившимся в России.

И.Л. Мейер рассказывает, что А. Мебиус, взяв с собой коменданта Авдеева, стал обыскивать весь Ипатьевский дом. Он нашел в ванной комнате, под самой ванной, пять винтовок, завернутых в материю, и какое-то количество патронов, спрятанных под опилками. (Это, конечно, была провокация, чтобы обвинить Царскую Семью в готовящемся побеге - Л.М.)

«Найдя» винтовки и патроны, А. Мебиус отправился к Военному комиссару Голощекину.

Вскоре после этого, 7-го июля, состоялось заседание Революционного Комитета, на котором было принято решение о расстреле Семьи Романовых.

На этом заседании председательствовал Александр Белобородов. Он предложил командировать Голощекина в Москву за инструкциями.

О Белобородове И. Мейер говорит, что он раньше носил фамилию Вайсбарт и был сыном Исидора Вайсбарта, торговца мехами.⁷⁰⁵ Получив коммерческое образование, служил бухгалтером на сибирских лесопильных заводах графа Шувалова. Тайно, в течение многих лет, был членом коммунистической партии. Предоставил убежище Бронштейну-Троцкому, когда тот скрывался от властей.

9-го июля И.Л. Мейер встретился с Мебиусом в доме Советов. Там уже находились Белобородов-Вайсбарт и Маклаванский - заместитель Мебиуса в Революционном Комитете. Мейер пишет, что Маклаванский пользовался доверием Троцкого-Бронштейна и Янкеля Свердлова.

Вся эта группа поехала к «дому особого назначения», чтобы посмотреть на Семью Романовых.

Далее И. Л. Мейер описывает встречу с Государем.

«Приведите нам Романовых!» - сказал Мебиус Юровскому.

Через несколько минут появился Царь в дверях, куря свою неизменную папиросу. Он вежливо поклонился. Он носил свою коричневую форму с Георгиевским крестом. Он казался несколько удивленным от неожиданного посещения, т.к. он еще не знал Мебиуса.

«Пожалуйста, что вы от меня желаете?» - спросил он, обращаясь к уже известному ему Белобородову.

«Не много», - сказал Белобородов. - «Мы хотим только раз услышать от Вас куда бы

⁷⁰⁴ И.Л. Мейер «Как погибла Царская Семья». Изд. «Согласие», Лос-Анжелес, С.Ш.А., сс. 3,4,8-27.

⁷⁰⁵ Настоящее имя Вайсбарта (называвшего себя Белобородовым) - Янкель Изидорович. См. «Письма Царской Семьи из заточения». Изд. Свято-Троицкий Монастырь, Джорданвилль, С.Ш.А., 1974, с. 395.

Вы хотели с Вашей Семей. У нас в стране война и здесь Вы не можете долго оставаться».

Царь медлил с ответом. Вопрос пришелся ему неожиданно Может быть, предполагал он также западню.

«Если мы уж должны уехать», - сказал он медленно, - «то я хотел бы больше всего в Крым. Вы знаете, мой сын болен».

«Нет», - сказал Мебиус, - «может быть, когда-нибудь позднее».

Казалось Царь размышлял. Он в нерешимости затянулся дымом своей папиросы.

«Хм! Куда мы могли бы в таком случае?» - сказал он осторожно. - «Нигде нас не хотят видеть».

«Вы наверно, все же имеете связи?» - сказал Мебиус выжида Он строго посмотрел Царю в глаза. Николай почувствовал западню, которую ему поставил неизвестный. Теперь он взвешивал каждое слово.

«Пожалуйста, о каких связях вы говорите?» - сказал он медленно, осторожно взвешивая каждое слово. «Все ведь от нас отвернулись. В несчастьи всегда бываешь одиноким»- прибавил он не без грусти. - «Может быть вы можете нам как-нибудь помочь? Это не так касается меня, как моей Семьи. Мы все же люди, как и вы. Я не думаю, чтобы революция могла быть такой же жестокой, как французска..»

Он замолк и пытливо посмотрел на Мебиуса, как будто он мог по его выражению прочесть свою судьбу и судьбу своей Семьи.

«Ваша судьба не от нас зависит только» - сказал Мебиус. - «Революция бывает часто опаснее войны. В большинстве случаев она пожирает тех, кто вел войну».

Царь медленно покачал головой. - «Поверьте мне, господа, я не хотел этой войны. Я противился этому, но другие силы были сильнее, чем я и моя жена...»

Мебиус прервал его слова горькой усмешкой. - «Вы могли многое избежать, если бы Вы не находились под диктатурой Вашей жены» - сказал он холодно. Царь сделал вид, что его не понимает. - «Это всегда одно и то же» - сказал он тихо. «На того, кто в несчастьи, бросают камни. Я хочу только, чтобы моя Семья была пощажена. И больше всего мой больной сын...»

Казалось, что Царь теряет свое самообладание. На его глазах показались даже слезы.

«Где Ваш сын?»- спросил Маклаванский. Возможно, что он хотел смягчить разговор.

«В комнате у моей жены... Вы можете убедиться в его болезни, пожалуйста...» - сказал Царь и сделал движение правой рукой, приглашая его следовать за собой.

Мы прошли через несколько комнат. Царь сам открывал двери. Мы увидели Наследника. Он лежал на кровати, правое колено было в толстой перевязке. Это была рана, которая при кровоизлиянии никогда не заживала.

Царица сидела около своего сына. При нашем появлении она безмолвно встала. У ног стоял доктор Боткин. Вид Наследника действительно был потрясающий. Но самое потрясающее для меня было то, что я точно знал, что через несколько дней произойдет в этом доме, и что даже и этот бедный больной мальчик не будет помилован.

Доктор Боткин смотрел на нас испытующе через свои толстые очки. Затем внезапно прозвучал его громкий голос: - «Ребенок должен быть определен в больницу. Я больше не имею лекарств и перевязочного материала. Сегодняшние господа должны быть гуманны хотя бы к детям...!»

«Оставьте ваши нравоучения, доктор!» - сказал Мебиус злобно. - «Вы не в Петербурге. Мы никому не позволяем нам делать предписани Вы можете идти куда Вы хотите. Но о Романовых решаем мы и никто больше».

Доктор Боткин молчал. В это время открылась дверь сзади. Дочери вошли. Они смотрели удивленными глазами на непривычных гостей.

Царица повернулась к ним и сказала что-то по-английски. После этого они безмолвно повернулись и оставили комнату.

«Вы еще не научились говорить по-русски?»- спросил Белобородое с холодной усмешкой.

Царица повернулась к нему. На ее бледном лице появилось невероятное высокомерие и глубокая печаль. «Русские сделались очень неверными!» - сказала она тихо, так, как будто она говорила кому-то, кто совсем не был в комнате.

«Неверными» - прогремел Мебиус. - «Это Вы осмеливаетесь обвинять русских в неверности? Миллионы заплатили жизнью за верность. В Мазурских болотах, в Карпатах, в болотах Рокитно лежат сотни тысяч трупов верных русских. Они не могли требовать никакого доктора и никакой больницы. И Вы осмеливаетесь еще...» - Он повернулся и вышел не поклонившись.

Царь находился при этом в нерешительности. Он не противоречил ни одним словом. Он был для меня загадкой. Его красивые глаза нежно светились, смотря вперед...

«К этим людям иметь сострадание, значило бы быть действительно не на своем месте!» - сказал Мебиус горько, когда, мы ехали назад.

«Оставим их жить еще несколько дней!» - промолвил Белобородое и закурил папиросу.

Я думал о больном Наследнике. Но прежде всего о слугах и о враче, который так смело заступался за своего пациента. Как будто Мебиус угадал мои мысли. Он повернулся к рядом сидящему Белобородову. - «Я бы хотел, чтобы этот доктор еще раз пришел к нам!» - сказал он. - «Нужно его вызвать в один из ближайших дней».

Я знал, это был последний шанс для доктора Боткина. Воспользуется ли он им?

Мебиус, Маклаванский и доктор Милютин сидели в комнате революционного штаба, когда вошел доктор Боткин. Этот Боткин был великаном. На его лице, обрамленном бородой, блестели из-за толстых стекол очков два пронизывающих глаза. Он носил всегда форму, которую ему пожаловал Государь. Но в то время, как Царь позволил себе снять погоны, Боткин воспротивился этому. Казалось, что он ни в коем случае не желал признавать себя пленником, так как он держал себя со стражей в доме Ипатьева грубо, как будто она была ему подчинена.

Ермаков, комендант «Вохры»,⁷⁰⁶ который через несколько дней должен был в лесу «Четырех братьев» выполнить свою ужасную работу, сам привел доктора. Доктор Милютин предложил ему сесть и отправил из комнаты Ермакова и двух конвойных. Тогда Маклаванский начал говорить: «Слушайте, доктор» - сказал он своим приятным, всегда искренним голосом, - «революционный штаб решил вас отпустить на свободу. Вы врач и желаете помочь страдающим людям. Для этого вы имеете у нас достаточно возможностей. Вы можете в Москве взять управление больницей или открыть собственную практику. Мы Вам дадим даже рекомендации, так что никто не сможет иметь что-нибудь против Вас».

Доктор Боткин молчал. Он смотрел на сидящих перед ним людей, и, казалось, что он не мог побороть известного недоверия к ним. Казалось, что он почуял западню. Маклаванский должен был это почувствовать, т.к. продолжал убедительно: - «Поймите нас, пожалуйста, правильно. Будущее Романовых выглядит несколько мрачно».

Казалось, что доктор начинал медленно понимать. Его взор переходил с одного на другого. Медленно, почти запинаясь, решился он на ответ: - «Мне кажется я вас правильно понял, господа. Но видите ли, я дал Царю мое честное слово оставаться при нем до тех пор, пока он жив. Для человека моего положения невозможно не сдержать такого слова. Я также не могу оставить Наследника одного. Как могу я это совместить со своей совестью. Вы все же должны это понять...»

Маклаванский бросил короткий взгляд на своих товарищей. После этого он обратился еще раз к доктору: - «Конечно, мы это понимаем, доктор, но видите ли, сын неизлечим, это Вы знаете лучше, чем мы. Для чего Вы жертвуете собой для ...ну скажем мы, для потерянного дела ... для чего, доктор?»

«Потерянное дело?» - сказал Боткин медленно. Его глаза заблестели. - «Ну, если Россия гибнет, могу и я погибнуть. Но ни в коем случае я не оставлю Царя!»

⁷⁰⁶ "Вохра" - Вооруженная охрана.

«Россия не погибнет!» - сказал Мебиус резко. - «Мы позаботимся об этом. Большой народ не гибнет...»

«Хотите вы меня разъединить силой с Царем?» - спросил Боткин с холодным выражением лица. - «Этому я все же не поверю, господа!»

Мебиус посмотрел пристально на доктора...

Доктор Боткин сидел несколько минут молча. Его взор был устремлен в пол. Комиссары уже считали, что он передумает. Но вдруг облик доктора изменился. Он приподнялся и сказал: «Меня радует, что еще есть люди, которые озабочены моей личной судьбой. Я вас благодарю за то, что вы мне идете навстречу... Но помогите этой несчастной СЕМЬЕ! Вы сделаете хорошее дело. Там в том доме цветут великие души РОССИИ, которые облиты грязью политиков. Я благодарю вас, господа, но я остаюсь с ЦАРЕМ!» - сказал Боткин и встал. Его рост превышал всех...»

Далее И.Л. Мейер пишет, что заседание революционного трибунала состоялось 14-го июля, где Голощекин делал доклад о своей поездке в Москву. Потом взял слово Мебиус. Он предложил «ликвидацию Романовых» доверить Чека и сказал:

«Я предлагаю поручить это дело товарищу Юровскому, как руководителю Чека. Экзекуционная команда будет назначена революционным штабом. Способ ликвидации должен определить товарищ Юровский...»

И.Л. Мейер продолжает, что Юровский был горд возложенным на него таким ответственным поручением. И на вопрос Голощекина, - где будут закопаны тела Романовых? - он ответил:

«Я их просто не закопаю. Я уже нашел место, недалеко отсюда».

На следующий день, 15-го июля, рано утром, Юровский, Ермаков и начальник Международной бригады Хорват отправились на место, которое уже было выбрано, чтобы там уничтожить тела Царской Семьи и их служащих. Вернулись они после обеда и сделали доклад Мебиусу. Юровский был в хорошем расположении духа и насвистывал песенку. Вечером того же дня И.Л. Мейер видел Юровского вместе с Белобородовым-Вайсбартом, Войковым и Ермаковым. Повидимому они обсуждали подробности убийства и захоронения тел.

Утром 16-го июля И.Л. Мейер получил требование, подписанное Юровским и Голощекиным, на выдачу 30 метров шинельного сукна. Мейер поставил печать на этот ордер, но он еще не знал, для какой цели требовалось сукно.

Перед обедом, в тот же день, Мейера вызвали в революционный штаб, где находились Мебиус, Маклаванский, Шая Голощекин, Янкель Белобородов-Вайсбарт и Янкель Юровский. На этом собрании было решено выбрать 50-60 человек солдат для специального ночного задания. Было взято из городской стражи 50 человек охраны. Часть из них патрулировала район Ипатьевского дома, а вторая часть - окружила часть лесного пространства. Хорват сказал Мейеру, что ему поручили выбрать из интернациональной бригады семь надежных солдат и около полуночи привести их в распоряжение чекиста Янкеля Хаимовича Юровского.

И.Л. Мейер приводит список этих людей отряда особого назначения:

Комендант - Хорват Лаоис

Фишер Анзельм

Эдельштейн Изидор

Фекете Эмил

Надь Имре

Гринфельд Виктор

Вергази Андреас⁷⁰⁷

⁷⁰⁷ Это и есть тот «Андрей Верхас», о котором упоминает Роберт Вильтон в своей книге «Последние дни Романовых» на с. 114.

Обл. Ком. Ваганов Сергей
Медведев Павел
Никулин

В ночь с 16-го на 17-ое июля И. Л. Мейер и Мебиус стояли на углу Вознесенского проспекта и видели, как вскоре после половины первого утра зажглись огни в Ипатьевском доме. Это было время, когда Юровский разбудил Царскую Семью.

Мейер не видел сам, как расстреливали Семью, но из рассказов товарищей он передает ту же картину убийства, что была восстановлена следователем Н. Соколовым и записана Робертом Вильтоном.

Приводим некоторые подробности из показаний И. Л. Мейера:

«Когда все собрались, Юровский сам повел ничего не подозревающих людей вниз в подвал. Медведев, Никулин и Ваганов были при этом, причем Ваганов держал лампу, чтобы освещать узкую и темную лестницу.

Впереди шел Царь. Он держал Наследника на руках. Нога у Наследника была перевязана толстым бинтом и при каждом шаге он тихо стонал. За ним шла Царица, сопровождаемая четырьмя дочерьми...

Когда заключенные пришли в темный, только одной слабой матовой лампочкой освещенный подвал, и притом совершенно пустой, Царь удивился и беспомощно озирался несколько раз вокруг. Царица потребовала стулья прежде всего для Наследника, которому было невозможно стоять на ногах. Юровский дал распоряжение Ваганову и этот принес три стула из соседнего помещени..

Налево от Царя стал доктор Боткин, который внимательно и с недоверием наблюдал за жуткой сценой. Он, должно быть, был единственным, которому предчувствие подсказывало, что сейчас должно произойти что-то решающее...

В одном из других подвальных помещений ждала наготове экзекуционная команда. Между тремя уже упомянутыми русскими: Медведевым, Вагановым, Никулиным и предводителем Юровским, находилось семь человек. Все были из Международной бригады, отборные люди из 1-го Камышовского полка. Они годами были в плену, и тогда, когда они были освобождены большевиками, они предоставили себя в распоряжение новым властелинам. Их ненависть к Царю была настоящей, т.к. им было ясно, что Россия будет продолжать войну против их родины в случае если контр-революция Белых армий победит. Это могло быть причиной тому, что они были назначены на это задание, и что они ответили на опросе, что они готовы выполнить это поручение».

Имена одиннадцати палачей, расстрелявших Царскую Семью и их служащих:

Юровский
Медведев
Никулин
Ваганов
Хорват
Фишер
Эдельшейн
Фекете
Надь
Гринфельд
Вергази.
И.Л. Мейер пишет:

«Каждый из них имел револьвер Наган. Это семизарядное оружие калибра 7.62 мм., такое, которое еще во Вторую мировую войну частично употреблялось советскими комиссарами...

После того, как Юровский еще раз бросил испытующий взгляд на свои жертвы, он пошел к поджидавшим его членам Международной бригады и дал им последние инструкции.

После этого он зашагал во главе команды назад, в слабо освещенное помещение, где ждала Царская Семья и их сопровождающие. Это было точно в 1ч. 15 мин. утром 17-го июля 1918г., когда Юровский с командой вошел в помещение; доктор Боткин был первым, который понял серьезное положение. В течение нескольких секунд казалось, что великан хочет броситься на вошедших солдат. Овладев собой с трудом, он спросил: «Что это значит?»

«Молчите!» - приказал Юровский, и первый вынул свой револьвер. Он повернулся к еще не подозревавшему Царю.

«По распоряжению революционного штаба» - сказал он и вынул бумагу, которая содержала решение комитета, - «мы должны расстрелять Вас и Вашу СЕМЬЮ!»

Казалось, что Царь еще не понимал. Он приподнялся немного со своего сидения - Как так?, - произнес он еще.

В этот момент в Него попала первая пуля из револьвера Юровского. В тот же момент остальная команда начала стрелять. Каждый сначала выбрал себе цель.

Доктор Боткин должен был сделать еще шаг вперед, раньше чем пуля Хорвата в него попала, т.к. он лежал, свесившись вперед лицом на полу. Его поднятая правая рука почти касалась головы Государя Царя, сам, также упал вперед и вплотную лежал к своему стулу. Царица упала налево от стула. Лица обоих не были повреждены.

Наследник, который сидел между ними, должен был раз повернуться на 180° т.к., когда я вошел в комнату, он лежал на спине. На шее был виден след одного выстрела.

Дочери упали под выстрелами позади своих родителей. Они повалили некоторые стулья и лежали вместе, как будто держали друг друга за руки. Между ними лежала маленькая собачка, которую Великая княжна Анастасия до последнего момента прижимала к себе.

Демидова, которая, по рассказу Юровского, страшно кричала, имела еще обе подушки в руках, которые она, как бы защищаясь, держала перед собой. Она лежала вплотную около стены, куда была отброшена после первого выстрела. Около нее лежал Трупп, который должен был сделать пол шага назад. Харитонов лежал лицом наверх, лицом вплотную к ногам Великих княжен».

И.Л. Мейер рассказывает дальше:

«На улице не слышали стрельбы. Но когда мы услышали, как проехал заказанный транспортный грузовик, Мебиус сделал нам знак, и мы вошли через правый вход в дом Ипатьева. Еще у входа услышали мы голос Голощекина, который вошел первым в дом и сейчас же обратился к сидящему на диване и курящему папиросу Юровскому: - «Ну, все в порядке?» - спросил Голощекин.

Юровский взял, как только он увидел Голощекина, свой, около него лежавший, револьвер.

«Все кончено!» - сказал он.

«Все ли мертвые? - спросил Голощекин.

Юровский оскалил зубы. Казалось, что он обиделся от вопроса. - «Разве недостаточно больше, чем 70 выстрелов? Спуститесь вниз и посмотрите сами!» ... Голощекин, Белобородое и Войков хотели пойти вниз. Как раз, когда Мебиус и я хотели за ними следовать, появился Ермаков. Этот Ермаков должен был выполнить один из самых ужасных приказов, который я когда-нибудь в жизни знал. Он был комендант Вохры, специальной команды, которая подчинялась непосредственно революционному штабу и которая должна была выполнять ликвидацию приговоренных к смерти. Сколько тогда людей лишилось жизни в Екатеринбурге и окрестностях от команды Вохры, нельзя было даже приблизительно сказать. Но теперь Ермаков должен был выполнить свое самое важное поручение, и он, казалось, отдавал себе отчет в этом.

Юровский встал, когда увидел своего друга, взял его под руку и пошел прямо перед нами в комнату мертвых.

Когда мы вошли, Войков был занят обследованием расстрелянных, не остался ли

кто-нибудь еще жив. Он поворачивал каждого на спину. У Царицы он взял золотые браслеты, которые она носила до конца.

Медведев, Ваганов и Никулин были заняты заворачиванием трупов в то шинельное сукно, которое я, несколько дней тому назад, распорядился выдать Юровскому. Ермаков тащил носилки. Было одиннадцать трупов. Это были, и в этом нет никакого сомнения, Царь со своей семьей и своими последними верными людьми. Некоторые чекисты, из стражи в доме, пришли сюда по приказанию Юровского, между ними Якимов, Старков и Стрекотин, которых я всех знал. Они тащили завернутые трупы по одному на улицу, куда приехал транспортный автомобиль. Медведев влез на грузовик и складывал там мертвых. Когда все лежали наверху, Якимов принес еще маленькую собаку, которую Великая княжна Анастасия несла с собой. Он ее взял за задние лапы и бросил мертвое животное к трупам. Я был удивлен безразличию человека в эту минуту».

И.Л. Мейер пишет, что в грузовике вместе с мертвыми телами поехали Ермаков, Медведев и Ваганов. Юровский и Войков еще оставались в доме Ипатьева, чтобы приказать чекистам вымыть комнату расстрела.

Около десяти часов утра 17-го июля, за неимением машины, в лес поехали в коляске Мебиус, Маклаванский и Мейер. Когда они прибыли в урочище «Четырех братьев», там горело несколько костров, вокруг которых сидели красноармейцы. Голощекин, Белобородов-Вайсбарт, Войков и Юровский стояли в группе отдельно. Ермаков спал в стороне.

И.Л. Мейер рассказывает:

«Мертвые лежали еще завернутые в шинельное сукно на краю шахты. Чего все они еще ждали, не было совсем понятно. Во всяком случае казалось, что все делается очень медленно. Только после того, как Мебиус резкими словами начал торопить Юровского, появилось немного жизни в различных группах.

Ермаков был разбужен, и он с Войковым начали разворачивать мертвых из шинельного сукна и их раздевать, причем они внимательно обыскивали одежду. Юровский положил свою фуражку на землю и туда складывал все драгоценности, которые находились у мертвых. Действительно, Царица и дочери имели большое количество драгоценностей на теле. Они наверное надеялись с этими драгоценностями когда-нибудь еще убежать.

Я стоял с Мебиусом и Маклаванским приблизительно в 30-ти шагах от них. Все мертвые были раздеты за исключением Наследника, у которого они должно быть не предполагали найти никаких драгоценностей. Мы стояли до тех пор, пока не столкнули мертвых в шахту. После этого Мебиус позвал нас, чтобы садиться в коляску ...

О том, что произошло впоследствии в лесу «Четыре брата», знаю я только из доклада, который Юровский сделал перед революционным трибуналом. Он описал точно, как сперва спустили в шахту дрова, потом трупы, потом опять дрова. На это налили бензин, приблизительно, 220 литров. Затем все это зажгли. Медведев был тот, кто зажег бензин и для меня представляется еще загадкой, как он при этом остался жив, т.к. при этом образовался огромный огненный язык. В течение ночи оставались Юровский и Войков на месте и на другой день повторили еще раз ту же процедуру. Затем налили серную кислоту в шахту. Шахта была затем покрыта большими выкопанными кусками дерна и ее заровняли.

Это было действительно настоящее адское дело, даже последние следы РОМАНОВЫХ должны были быть навсегда уничтоженными.

Вечером 19-го июля Юровский сделал свой доклад перед революционным трибуналом. В этот час я вижу его еще сегодня ясно перед собой, он, конечно, воображал себя самым большим героем революции».

И.Л. Мейер пишет, что было семь больших ящиков с романовским добром. Эти ящики стояли в коридоре Ипатьевского дома и были через несколько дней отправлены в Москву.

Как сообщил Мейеру Хорват, одна драгоценная вещь пропала из фуражки Юровского, где лежали драгоценности, собранные с тел расстрелянных жертв. Это было кольцо Государя с большим ценным рубином. Догадывались, что кольцо взял себе Петр Лазаревич

Войков.⁷⁰⁸ Он носил его много лет спустя в Варшаве, где находился в качестве посла Советского Союза. Но кольцо Императора Российского не принесло ему благополучия В 1927 году его убил из револьвера патриот-монархист Б. Коверда, мстя за смерть ЦАРЯ.

После падения коммунизма в России, в прессе появилась «записка» Я. Юровского, главного палача Царской Семьи, где он описывает зверское убийство Семьи и их верных служащих и подробности их захоронения

Эта «записка» полностью или частично приводится в книгах: Эдварда Радзинского «Господи... спаси и умири Россию», сс. 434-471, в книге М.П. Никулиной и К.К. Белокурова «Последние дни Романовых», сс. 154-162 и в книге Ричарда Пайпса «Русская революция» (на англ. яз.), сс. 776-779.

Э. Радзинский пишет, что Юровский в ночь убийства нервничал. Он ждал Ермакова с грузовиком, на котором предполагалось везти тела расстрелянных. Грузовик запоздал и приехал только в половине второго утра 17-ого июля Причиной задержки являлось то, что Шая Голощекин дожидался ответа из Москвы относительно приведения в исполнение приговора над Царской Семьей. Очевидно, что «санкция» на расстрел была получена, и Юровский со своими палачами приступил к исполнению злодеяния - убийства Помазанника Божия и его Семьи.

В своей «записке» Янкель Юровский утверждает, что это он первый выстрелил в Императора и убил его.

Жуткие подробности расстрела Царской Семьи и их служащих:

Цесаревич Алексей и три его сестры, девушка Демидова и доктор Боткин не сразу были убиты. Палачи их потом пристреливали. Это удивило Юровского: пули отскакивали рикошетом от жертв и «прыгали» по комнате. Когда одну из Великих княжен пытались доколоть штыком, то штык не мог пробить корсета. «Странно живучий мальчик» - как выражается палач о Цесаревиче, с пола протягивал руку, стараясь защититься от пуль, а палач Никулин в ярости все «палил» в него и «палил»...

Из показаний охранника Стрекотина стало известно,⁷⁰⁹ что когда клали тела на носилки, чтобы выносить их из комнаты, одна из Царских дочерей закричала и закрыла лицо рукой. Живыми оказались и другие. Ужас охватил палачей. Они думали, что само небо против них. Тогда бывший каторжник, чекист Ермаков, выхватил у одного из охранников винтовку со штыком и стал всех их колоть. Ермаков был зверем. Он не боялся ни Бога ни людей.

Охранник Стрекотин говорил, что это был самый ужасный момент смерти мучеников. Они долго не умирали, корчились, кричали, стонали. Особенно тяжело умирала Демидова. Ермаков ударами штыка исколот ей всю грудь, и с такой силой, что штык втыкался в пол комнаты...

Повезли тела убитых в лес. Грузовик застревал и не мог доехать до шахты. Тогда пришлось тела перегружать на пролетки. Чекисты воспользовались этим и стали «шарить» по карманам жертв. И в это время палачи обнаружили на Великих княжнах корсеты, где местами, в пулевых отверстиях виднелись драгоценные камни. Глаза у преступников разгорелись. Тогда Юровский решил раздеть тела донага у места захоронения и тщательно обыскать их.

Только около семи часов утра отыскивали заброшенную шахту. Она была мелкой,

⁷⁰⁸ Настоящие имя и фамилия Войкова: Пинхус Лазаревич Вайнер. См. «Письма Царской Семьи из заточения». Изд. Свято-Троицкий Монастырь, Джорданвиль, С.Ш.А., 1974, с. 396.

⁷⁰⁹ М.П. Никулина и К.К. Белокуров «Последние дни Романовых», сс. 161,162

глубиной около трех с половиной аршин и наполнена водой. Здесь Янкель Юровский приказал раздеть всех убитых и разложить костры.

Юровский пишет, что в корсетах Великих княжен были обнаружены бриллианты. На Государыне нашли целый пояс из жемчуга. На шее каждой из Царских дочерей, на шнуре висела ладанка с портретом Распутина и его «молитва».

По всей вероятности, это Царица-мать надела на шею своих дочерей портрет Распутина, думая, что «он» спасет их. Но вышло по-иному. Дьявол-Распутин привел их всех к ужасной смерти. (Л.М.)

Определенно, что раздевая Великих княжен, изверги-чекисты глумились над их мертвыми телами и над телом Государыни. Ричард Пайпс об этом в своей книге на с. 778 пишет:

«Какое надругательство было совершено над телами шести женщин - может себе только вообразить читатель: достаточно сказать, что один из охранников, который участвовал в этом деле, потом хвастался, что он может «умереть в мире потому, что он тискал Императрицу...» (пер. с англ.)

Следует лишь добавить, что такой акт мог совершить только последний негодяй и сатанист. Этих палачей нельзя назвать людьми. Они были настоящими исчадиями ада.

Юровский в «записке» пишет, что все ценное, что нашли на телах расстрелянных, сложили в сумки, а ненужную одежду и другие вещи сожгли. Тела же жертв опустили в шахту. Вот тогда, как объясняет палач Юровский, кое-что из драгоценностей было обронено, а также и вставная челюсть доктора Боткина.

Побросав убитых в шахту, чекисты решили завалить ее при помощи ручных гранат. Юровский говорит, что от этого некоторые тела были повреждены, и этим и объясняется найденный Белыми оторванный палец.

Здесь Юровский, определенно, лжет. Он не хочет признаться, что палец был отрублен, чтобы снять с него кольцо. Ручные гранаты имеют мощную силу, и, конечно, тела мучеников были бы истерзаны гранатами на куски. Но чекисты, когда извлекали их на следующий день из шахты, видели их целыми. И еще доказательством того, что гранаты не бросали в шахту, является то, что следователь Н. Соколов не нашел никаких повреждений шахты от взрывов ручных гранат. (Л.М.)

Шахта, куда Янкель Юровский сбросил свои жертвы, оказалась временным погребением Семьи Романовых и их служащих.

Окончив это страшное дело и позавтракав здесь же яичницей, Юровский отправился в город с докладом в Уралисполком, где находились Сафаров и Белобородое. Там он узнал, что на 9-ой версте по Московскому тракту имеются глубокие шахты подходящие для окончательного захоронения тел. Эти шахты Юровский нашел. Они были глубокими и наполнены водой. Он решил утопить там тела мучеников, привязав к ним камни. Но если план по захоронению тел в шахтах не удался бы, Юровский собирался их сжечь или же похоронить в глинистой яме, предварительно обезобразив тела до неузнаваемости серной кислотой.

Вернувшись опять в город за кислотой и керосином, Янкель Юровский отправился снова с чекистами в лес. Это было после двенадцати часов ночи с 17-го на 18-ое июля

Палачи подошли к первой шахте, где находились тела убиенных, и стали их вытаскивать при помощи веревок.

Об этом адском деле узнаем из воспоминаний сына палача Медведева.⁷¹⁰ Он рассказывал, как глубокой ночью, при свете факелов, матрос Ваганов влез в шахту и стоял там по пояс в ледяной воде. Он привязывал веревками мертвые тела и подавал их наверх.

В 1964 году был еще жив один из палачей Царской Семьи Никулин. Он давал свои

⁷¹⁰ Эдвард Радзинский «Господи... спаси и умири Россию» Николай II: жизнь и смерть, с. 470

показания по радио, где вспоминал жуткие подробности о поднятии тел.⁷¹¹ Он говорил, что лица всех жертв были красными от холодной воды, как у живых, и что первым извлекли из шахты тело Государ Чекист с интересом рассматривал нагое тело Императора и выражал удивление по поводу хорошего развития его мышц, торса, живота и рук...

Эти строки омерзительно и страшно читать: потерявший всякую совесть и уважение к мертвым, чекист-изувер разглядывает своими преступными глазами Помазанника Божия и еще недавнего вершителя судеб России. Это граничит с кощунством.

Когда вытащили тела мучеников из шахты, их бросили на телеги и повезли в направлении глубоких шахт. Телеги оказались непрочными и стали разваливаться. Пришлось Юровскому отправиться в город за машинами.

Грузовик и две легкие машины прибыли около девяти часов вечера. Ехали с трудом и вымачивали опасные места шпалами. Около половины пятого утра 19-го июля грузовик с телами окончательно застрял. Тогда Юровский с чекистами решили сжечь убитых или захоронить их здесь же.

Сожгли Цесаревича Алексея и одну из женщин. Юровский пишет, что это была Демидова. Останки после сожжения похоронили тут же, под костром, и опять на этом же месте разложили костер, чтобы замести следы захоронения. В то время, когда происходила кремация двух тел, вырыли большую могилу. Около семи часов утра яма аршина в два с половиной глубины и в три с половиной ширины и длины, была готова. Мучеников побросали туда и облили их лица и тела серной кислотой. Потом забросали землей и хворостом, сверху положили шпалы и несколько раз проехали по могиле на грузовике. Следов от ямы не осталось. Янкель Хаимович Юровский пишет, что секрет был сохранен вполне и Белые не нашли этой могилы.

Существуют еще записки палача Ермакова, которые частично расходятся с записками Янкеля Юровского. Ермаков утверждает, что все тела были сожжены дотла. Говорит также, что были найдены спрятанные в одеждах убитых драгоценности и медальоны на шее Государыни и Великих княжен с фотографией Распутина.

Ермаков пишет, что тела жертв были временно захоронены чекистами в первой шахте. Потом, ночью же, с 17-го на 18-ое июля, он с помощью других чекистов достал все тела из шахты, переложил их на двуколки и отвез в сторону. Там они разложили дрова, облили керосином, а тела - серной кислотой, и зажгли. Ермаков утверждает, что тела сгорели до пепла, который тут же и зарыли.

Описывать детали зверского убийства Царской Семьи и Их захоронения - очень тяжело.

Когда я писала об этом, мне становилось плохо, тошнота подходила к горлу и охватывала нервная дрожь. Мне хотелось бросить писать и бежать куда-то от того ужаса, который я испытывала. Я думаю, что не у меня одной жуткие подробности убийства и захоронения тел мучеников вызывали такое чувство.

Перелистывая некоторые книги об убийстве Царской Семьи, вышедшие недавно в России, приходишь в негодование от того, что убийцы Семьи выставляли себя в Советском Союзе героями и даже оспаривали между собой первый выстрел в Государ. До сих пор еще не выяснено - кто же первый совершил этот адский поступок - убил Русского Императора. Янкель ли Юровский, или бывший каторжник Ермаков, или еще кто-то другой!

Для нас русских, проживающих за границей, но сохранивших чистый русский язык, веру Православную и горячую любовь к родине-России, убийцы Царя и Его Семьи всегда казались зверями. Нет, зверь этого не сделает! Они были кровопийцами, садистами, палачами-чекистами, изуверами и сатанистами.

У нас, в Зарубежье, если назвать кого-то «чекистом», - это было равносильно «убийце»,

⁷¹¹ Там же, с. 494.

«палачу» и даже хуже. Раньше палачи скрывали свое имя и исполняли обязанности палачей так, что никто из окружающих об этом не знал. Чекисты же, наоборот, хвалились тем, что служили в Чека.

Изуверы-чекисты убили Государя Императора, Его малолетнего сына Наследника, невинных девушек-дочерей, Государыню и верных Их слуг: доктора Боткина, горничную Демидову, камердинера Труппа и повара Харитонову.

Никогда, ни в одном цивилизованном государстве ничего подобного не происходило. Это только в огромной Российской Империи позволили кучке большевиков-сатанистов во главе с палачом-Лениным так дико расправиться с Помазанником Божиим, нашим Царем, и Его Семей. А Он отдал всего себя на служение русскому народу, и в конце отрекся от престола, веря, что этим принесет благо России.

СЛЕДУЮЩИЕ ВОПИЮЩИЕ ЗЛОДЕЯНИЯ ПАЛАЧЕЙ-ЧЕКИСТОВ: матроса Нагорного, который был с Цесаревичем с раннего детства, и камердинера Седнева палачи увезли из дома заключения в тюрьму и там расстреляли. Также расстреляли в тюрьме генерала Татищева и князя В. Долгорукова. Фрейлину Государыни Анастасию Гендрикову большевики убили прикладом винтовки по голове. Лектрису Императрицы и ее учительницу русского языка Екатерину Шнейдер коммунисты расстреляли.

В ночь с 17-го июля на 18-ое, через сутки после убийства Государя и Его Семьи, в Алапаевске было совершено еще более зверское злодеяние: по приказу Ленина были сброшены ЖИВЫМИ в шахту: сестра Императрицы Великая княгиня Елизавета Феодоровна, ее келейница инокия Варвара, три сына Великого князя Константина Константиновича (поэта К.Р.) - Иоанн, Константин и Игорь, Великий князь Сергей Михайлович (единственный из всех, сброшенный палачами-изуверами в шахту мертвым: он стал бороться с ними и был убит выстрелом в голову), князь Владимир Палей (поэт) и Федор Ремез - секретарь Великого князя Сергея Михайловича.

В июле 1918 года был зверски убит в Перми брат Государя Михаил Александрович.

В январе 1919 года во дворе Петропавловской крепости были расстреляны Великие князья Павел Александрович, Георгий Михайлович, Николай Михайлович и Дмитрий Константинович.

Великий князь Николай Михайлович был известным историком, и когда Максим Горький просил Ленина о его помиловании, Ленин ответил:⁷¹²

«Революция не нуждается в историках».

Кровавый Ленин решил уничтожить всех членов дома Романовых, и он добился этого.

Ленин совершил тягчайшее преступление против России, против русского народа. Благодаря Ленину, потом Сталину и их ближайшим соратникам-коммунистам в России погибло от непосильных трудов в концлагерях, замучено, умерло от голода, казнено около 70 миллионов⁷¹³ ни в чем неповинных людей.

Свой кровавый Красный террор Ленин начал летом 1918 года. Он учредил Чека, одно название которого наводило страх на народы России.

Генерал Михаил Константинович Дитерихс в предисловии своей известной книги «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале», пишет:

«Кошмарное лето пережило население Европейской России в 1918 году. Насилия, расстрелы, массовые зверские убийства, кровавый террор царили повсеместно и заливали

⁷¹² Вел. князь Александр Михайлович «Книга воспоминаний», с. 324.

⁷¹³ Цифра - 70 миллионов приблизительно. По некоторым источникам погибло от рук коммунистов 60 миллионов, по другим - свыше 70 миллионов. В открытом письме президенту России Б.Н. Ельцину НТС (Народно-Трудовой Союз) от 8 ноября 1996 года пишет: «Ведь семь десятилетий этот день (день «Скорби» 7 ноября - Л.М.) был главным праздником тоталитарного государства, погубившего свыше 60 миллионов россиян и многие миллионы людей в других Странах». (См. газету «Единение» №49 за 1996 г. Сидней, Австралия).

кровью обширные районы территории царства «пяतिकонечной» звезды советской власти. Власть эта, в своей жестокости и кровожадности, казалось, не имела предела, не делала никаких различий: ее насилиям и угнетениям подвергались все классы, все сословия, все возрасты и полы; расстреливались старцы, расстреливались юноши, насиловались женщины, раскраивались головы детей; истреблялись буржуи, истреблялись и разные нежелательные советской власти политические и общественные деятели, но истреблялись массами, семьями и самые обыкновенные обыватели, крестьяне и рабочие, представителями чужей власти выставляли себя большевистские главы ...»

В этой же книге «Убийство Царской Семьи...», часть I, сс. 354, 355, генерал М.К. Дитерихс пишет о Ленине следующее:

«Владимир Ильич Ульянов, по кличке Ленин, поставленный немцами во главе их политического плана наступления на Россию, тип вполне определенный и ясный: «правая бровь у него выше левой, правая ноздря ниже левой; асимметрия в лице, указывающая на дегенеративность, вырождение. Такие люди страдают манией величия, они упорны в своих мнениях», - таково заключение врача о Ленине, а выявленная им деятельность добавляет - дегенерат физический, дегенерат умственный и моральный. Проповедник социалистических свобод и равенства и садистский преступник, наслаждавшийся в стенах своего кабинета ежедневно подававшимися ему списками расстрелянных, утопленных, удушенных и замученных жертв реформ всемирного братства и любви. Лидер раскола социал-демократической партии, руководивший не столько идеями, сколько стремлением захватить капиталы партии, и продажный главарь циммервальдовской шайки, спрятавшийся от своих хозяев и народа в стенах русского Кремля, охраняемого наемными зверями интернациональной гвардии из подонков Венгрии, Германии, Латвии и Китая».

Идея создания концлагерей принадлежит Ленину. Эти страшные лагеря потом покрыли сетью всю Россию. Сатана-Ленин в 1918 году начал свое гонение на Православную Церковь. Церковное имущество было национализировано. Началось разграбление церковных ценностей, собиравшихся по всей России столетиями на жертвенные копейки всего православного русского народа. Ленин ненавидел Православную Церковь и объявил религию «опиумом для народа». Он писал в секретном письме членам Политбюро:⁷¹⁴

«Чем большее число представителей реакционного духовенства удастся нам расстрелять, тем лучше».

Храмы осквернялись и разрушались. В алтарях устраивались общественные уборные; происходило надругание над мощами святых и много из них было сожжено; предавали лютой смерти священников и монашествующих: некоторых распинали, других топили в реках, иным отрубали руки и выкалывали глаза и закапывали живыми в землю; подвешивали зимой над прорубью и медленно опускали в прорубь и поднимали, и таким образом заживо замораживали...

Где и когда в истории всего человечества это было, и в таких масштабах, как в России? И кто виной всему этому? - только изувер-Ленин и его прихвостни.

Те, кто видел знаменитый фильм С. Говорухина «Россия, которую мы потеряли», знает, что Ленин не русского происхождения, а инородец. Посмотрите на его широкие скулы и раскосые глаза!

Кто знаком с историей Первой мировой войны, тот знает, что к концу 1916 года Россия была полностью готова к наступлению, и если бы не Ленин и его приспешники, то Россия вскоре победила бы немцев. Работа большевиков под руководством Ленина вела русскую армию к разложению. В солдатах убивался боевой дух. Ленин работал на Германию и был ее

⁷¹⁴ Из доклада С.С. Говорухина по радио «Свобода» перед выпуском его фильма «Россия, которую мы потеряли».

Когда Государь Император Николай II отрекся от престола, немцы, чтобы возглавить революцию в России, послали туда Ленина и его товарищей в запломбированном вагоне.

Ленин ненавидел Россию и жаждал ее уничтожения Известны его слова:⁷¹⁶

«А на Россию, господа хорошие, нам наплевать!»

Коммунизм - детище Ленина, раздробил Россию на республики, и в результате этого, сейчас Россия потеряла свои исконные земли. Потеряла Россия наш РУССКИЙ Крым, и только потому, что безбожник и неуч, украинец Никита Хрущев своим росчерком пера «подарил» наш Крым Украине. Это - нечто небывалое в истории. Никто из русских царей или императоров никогда не посмел бы дарить куски российской территории кому-то, а в Советском Союзе это допустили. Потеряли мы и наш город Киев, эту колыбель Руси, матерью городов русских.

Благодаря Ленину и порожденному им коммунизму Россия сейчас опустошена и превращена в нищенскую страну.

Ленин осуществил не только государственный переворот в России, но он изуродовал и душу русского человека. Гонения, постоянный страх за собственную жизнь, полуголодное существование, а главное - отнятие веры в Бога сделали то, что русский человек потерял свое лицо. В своем большинстве он уже не тот, каким был раньше. Он сделался пассивным, подозрительным и запуганным. Состояние безысходности обуяло его, и он потянулся к алкоголю.

Ленин и его режим - величайшее преступление против России, против ее народа.

В настоящее время коммунисты выставляют Ленина как своего героя, своего вождя Он для них своего рода «божество». Но знают ли они настоящую историю коммунизма в России? Знают ли они о тех невероятных преступлениях, которые совершались во имя коммунизма в России? Если знают, то и они преступники, а если нет, то им следует ознакомиться с настоящей историей России и ее революции.

Душа моя холодеет от той мысли, что в России народ еще не осознал того зла, того безумства, того зверства - которое творили чекисты во имя коммунизма. Неужели русский народ так спокойно относится к тому, что Лениным, Сталиным и их соратниками в России было уничтожено 70 миллионов ни в чем неповинных людей! Неужели русскому народу не стыдно перед всем миром! Ведь ни одна страна мира на страницах своей истории не знала столько зверств, столько пролитой крови - как Россия! Почему до сих пор на Красной площади лежит мумия палача-Ленина? Ведь надо было давно его оттуда извлечь, сжечь и пепел развеять не над Россией, а где-то в нейтральных водах океана так, чтобы ни одна пылинка от его мерзкого праха не осталась на российской земле. То же самое надо сделать и с останками Сталина и его соратников. Надо было бы предать гласности все их мерзкие дела, устроить гласный суд и заклеить имена палачей как звероподобных изуверов - на веки вечные. Пора это сделать и пора принести искреннее покаяние всего русского народа в содеянном им и его предками. Неотлагательным долгом нас, русских, является - соорудить величественный памятник всем жертвам коммунизма во главе с Государем и Его Семейей.

Мы знаем, что с Русским Православным Царем погибла и Великая Россия и настала власть Тьмы, власть Дьявола. Но возродится ли когда-либо наша Родина? Мы этого угадать не можем. Мы можем только молиться Господу о прощении страшного греха царевубийства, греха в уничтожении миллионов невинных людей, греха в разорении храмов, в осквернении святых мощей угодников Божиих, в разрушении великих памятников старины. Почему мы

⁷¹⁵ См. главу 25-ю настоящей книги.

⁷¹⁶ Из доклада С.С. Говорухина по радио «Свобода» перед выпуском его фильма «Россия, которую мы потеряли».

безмолствовали раньше? Чего ожидали? Что кто-то спасет нас, заступится за нас, русских? Нас никто не спасет, нам никто не поможет. Запад только и ждет того, чтобы окончательно погибла Россия; жаждет, чтобы Православие там не возродилось, и чтобы русская нация дегенерировала. Мы должны сами взяться за спасение России, за наше спасение.

Будем обращаться в молитвах к Святым Новомученикам Российским во главе с Государем Николаем Александровичем и Его Святой Семейей и будем просить у Них прощения и Их святых молитв перед Богом за нас.

Если вся Россия обратится к Богу, обратится к ПРАВОСЛАВИЮ, обратится к настоящему патриотизму, кто знает, может быть Всемилостивый Господь и простит нас, и тогда воскреснет былая могучая, неделимая РОССИЯ.

Да будет так! Господи! Воскреси и спаси Россию!

*Март 1996 г.
Мельбурн Австралия
Любовь Миллер*

-
Стихотворения, переписанные рукой Великой княжны Ольги Николаевны и найденные в ее бумагах в Ипатьевском доме⁷¹⁷

МОЛИТВА

Пошли нам, Господи, терпенье,
В годину буйных мрачных дней
Сносить народное гонение
И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейство ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.

И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбления,
Христос Спаситель, помоги.

Владыка мира, Бог вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый страшный час.

И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов.

ПЕРЕД ИКОНОЙ БОГОМАТЕРИ

⁷¹⁷ Н. Соколов «Убийство Царской Семейи», с. 282.

Царица неба и земли,
Скорбящих утешение,
Молитве грешников внемли -
В Тебе - надежда и спасение.

Погрязли мы во зле страстей,
Блуждаем в тьме порока,
Но... наша Родина. О, к ней
Склони всевидящее око.

Святая Русь, твой светлый дом
Почти что погибает,
К Тебе, Заступница, зовем -
Иной никто из нас не знает.

О, не оставь Своих детей,
Скорбящих упование,
Не отвори Своих очей
От нашей скорби и страданий

-

[отсутствуют 2 страницы: 621-2]

государстве, где действуют справедливые законы, была судом допущена ошибка и кого-то невинного осудили.

При коммунистическом же строе, где действовала так называемая «самая либеральная, самая справедливая конституция» не было справедливых законов. По всей стране царил всеобщий террор. Один ложный донос делал то, что погибала целая семья

В современной России не должны говорить о какой-то «реабилитации» несчастных замученных. Такая «реабилитация» вызывает чувство возмущения и горький смех сквозь слезы.

Необходимо признать вину коммунистического режима, вину коммунистов-чекистов в их злодеяниях; выявить имена всех следователей-палачей и чекистов и предать огласке, а тех из них, кто еще жив - судить по закону и наказать.

Кто-нибудь может сказать, что я призываю к мести. Нет, не к мести я призываю, а к должному воздаянию. Все знают, что евреи до сих пор ищут по всему миру, выискивая военных преступников. Вот с них и нам надо брать пример!

Что касается «покаяния», я придерживаюсь мнения, что все мы, у кого погибли родные в России, склонны утверждать, что нам не в чем каяться. То же самое говорят и те в России, кто родился после Второй мировой войны («Великой Отечественной»), кто уже вступил в шестой десяток своей жизни. Большинство не понимает, кто и в чем должен каяться? Мы, мол, не имеем никакого отношения к делам «давно минувших дней»...

Здесь как раз и заключается главная ошибка людей, не желающих «каяться». Конечно, никто из нас не виноват в злодеяниях коммунистов. Но все мы - дети одного народа, дети одной страшно пострадавшей Родины «за грехи отцов» (по мнению многих).

Для возрождения России нужно возрождение духа, совести, чувства справедливости, правды, чести и патриотизма. Так надо воспитывать наше молодое поколение. Для большинства необходимы поиски отвергнутого ими Спасителя мира, Господа Иисуса Христа. А это невозможно без веры в Бога. Вера же дает человеку сознание собственного достоинства, чувство вины за свои слабости и недостатки, желание не только покаяться в чем-то конкретном, а покаяться вообще, прийти ко Христу со слезами умиления и раскаяния

Вот, какое покаяние нужно всем нам, и на Родине, и в рассеянии сущим.

Да поможет нам в этом Всемилостивый Господь Бог!

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Письма Императрицы Александры Феодоровны к Императору Николаю II, книгоиздательство «Слово», Берлин, 1922.
2. Дневник Императора Николая II, книгоиздательство «Слово», Берлин, 1923, переиздано изд. «Лев», Париж.
3. Любовь Миллер «Святая Мученица Российская Великая Княгиня Елизавета Феодоровна», изд. «Посев», Германия, 1988.
4. Великий князь Александр Михайлович «Книга воспоминаний», изд. «Лев», Париж.
5. М.В. Нестеров «Воспоминания», изд. Советский художник, Москва, 1989.
6. С.С. Ольденбург «Царствование Императора Николая II», изд. Общества распространения русской национальной и патриотической литературы. Вашингтон, 1981.
7. Е.Е. Алферьев «Император Николай II как человек сильной воли», изд. Св. Троицкий Монастырь, Джорданвиль, 1983.
8. «Царские коронации на Руси» - из истории Державы Российской 16-20 вв., изд. Комитета Русской Православной молодежи Заграницей, США, 1971.
9. М.П. Бок «П.А. Столыпин. Воспоминания о моем отце», изд. «Либерти», Нью-Йорк, 1990.
10. А.А. Вырубова «Страницы из моей жизни», журнал «Русская летопись», кн. четвертая, изд. «Русский очаг», Париж, 1922.
11. Пьер Жильяр «Тринадцать лет при русском дворе», изд. «Лев», Париж.
12. Кн. Ф.Ф. Юсупов «Конец Распутина», воспоминания, изд. «Лев», Париж, 1927.
13. «50-летие преставления Приснопамятного отца Иоанна Кронштадтского», юбилейный сборник, 1908-1958. По благословию Первоиерарха Русской Православной Церкви за границей и Почетного Покровителя Фонда Высоко-преосвященнейшего Митрополита Анастасия, отпечатано в типографии Всеславянского Издательства в Нью-Йорке, США.
14. Игумен Серафим «Православный Царь мученик», Пекин, 1920.
15. А.Ф. Романов «Русская летопись», кн. вторая, изд. «Русский очаг», Париж, 1922.
16. Пьер Жильяр «Трагическая судьба Русской Императорской фамилии», изд. «Посев», Германия, 1973.
17. Протопресвитер М. Польский «Новые Мученики Российские», том I, изд. Св. Троицкого Монастыря, Джорданвиль, 1949.
18. М.В. Родзянко «Крушение Империи», записки Председателя Русской Государственной Думы. Архив русской революции, издаваемый И.В. Гессеном, кн. XVII, изд. «Слово», Берлин, 1926.
19. С.П. Белецкий «Воспоминания». Архив русской революции, издаваемый И.В. Гессеном, кн. XII, изд. «Слово», Берлин, 1923.
20. «П.А. Столыпин - жизнь и смерть за Царя», изд. «Рюрик», Москва, 1991.
21. А. Столыпин «П.А. Столыпин 1862-1911», Париж, 1927.
22. Аарон Симанович «Распутин и евреи», изд. «Историческая библиотека», Рига, переиздано «Просвещением», Тель-Авив.
23. Вл. Маевский «На грани двух эпох» (трагедия Императорской России), Мадрид, 1963.
24. Граф В.Н. Коковцев «Из моего прошлого», воспоминания 1903-1919 гг., изд. «Иллюстрированная Россия», Таллин, 1933.
25. В. Криворотое «Придворный ювелир», (страшное иго), Распутиниада и ее секретарь, Мадрид, 1975.
26. О. Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», изд. имени Чехова, Нью-Йорк, 1954.
27. А.Ф. Тютчева «При дворе двух императоров», изд. «Мысль», Москва, 1990.
28. Ф. Винберг «Крестный путь», М.М.А. Мюнхен, 1920.
29. Ю.Н. Данилов, б. Ген. Квартирмейстер Штаба Верховного Главнокомандующего

«Великий Князь Николай Николаевич», Париж, 1930.

30. Великий князь Гавриил Константинович «В. Мраморном дворце», из хроники нашей семьи, изд. имени Чехова, Нью-Йорк, 1955.

31. Н. Соколов «Убийство Царской Семьи», изд. «EL Verbo Ruso», Буэнос-Айрес, 1978.

32. С.Р. Минцлов «Прошлое», очерки из жизни Царской Семьи, изд. «Зарницы», Болгария, Софи

33. Н.А. Тэффи «Воспоминания», изд. «Возрождение», Париж, 1931.

34. Юрий Анненков «Дневник моих встреч», изд. «Международное Литературное Содружество», Нью-Йорк, 1966.

35. С.П. Мельгунов «Воспоминания и дневники», издано П. Мельгуновой, Париж, 1964.

36. Генерал А.И. Спиридович «Великая Война и Февральская революция 1914-1917 гг.», «Всеславянское издательство», Нью Йорк, 1962.

37. В.М. Пуришкевич «Убийство Распутина», изд. Русское книгоиздательство Я. Поволоцкий и Ко, Париж, 1923, репринт 1981.

38. Дворцовый Комендант В.Н. Воейков «С Царем и без Царя», изд. «Родник», Москва, 1994.

39. Ген. Штаба Полковник Сергеевский «Отречение 1917», изд. «Военный вестник», Нью-Йорк, 1969.

40. А. Бубнов «В Царской Ставке». Воспоминания адмирала Бубнова, изд. имени Чехова, Нью-Йорк, 1955.

41. Александр Блок «Последние дни Императорской власти», второе издание, Librairie de Sialsky, Париж, 1978.

42. М.К. Дитерихс, «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале», типография Военной Академии, Владивосток, 1922, переиздано Н. Сахновским.

43. М.Н. Никулина и К.К. Белокуров «Последние дни Романовых», документы, материалы, следствия, дневники, версии, Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, 1991.

44. Эдвард Радзинский «Господи... спаси и усмири Россию», Николай II: жизнь и смерть, изд. «Вагриус», Москва, 1993.

45. Роберт Вильтон «Последние дни Романовых», Париж, 1920.

46. П. Пагануцци «Правда об убийстве Царской Семьи», Историко-критический очерк, изд. Св. Троицкий Монастырь, Джорданвиль, 1981.

47. И.Л. Мейер «Как погибла Царская Семья», показания члена Уральского Областного Исполнительного Комитета бывшего австрийского военнопленного, перевод с немецкого графа П.А. Коновницина, изд. журнала «Согласие», Лос-Анжелес.

48. «Письма Царской Семьи из заточения», изд. Св. Троицкого Монастыря, Джорданвиль, 1974.

49. Журнал «Православная Русь» № 13, Св. Троицкий Монастырь, Джорданвиль, 1991.

50. Журналы «Вече»: № 1, 1981, № 35, 1989.

51. Журнал «Согласие» за сентябрь 1991, Лос-Анжелес.

52. The letters of the Tsar to the Tsaritsa, 1914-1917, R. Clay and Sons, Ltd., Great Britain, 1929.

53. The secret letters of the last Tsar, being the confidential correspondence between Nicholas II and his mother, Dowager Empress Maria Feodorovna. Edited by Edward J. Bing, Longmans, Green & Co., New York, 1938.

54. Baroness Sophie Buxhoeveden «The life and tragedy of Alexandra Feodorovna Empress of Russia», A Biography Longmans, Green & Co., New York, 1930.

55. Anthony Bird «Empress Alexandra of Russia», Heron Books, Geneva.

56. Robert K. Massie «Nicholas and Alexandra», Pan Books Ltd., 1967.

57. Princess Catherine Radziwill «The intimate life of the last Tsarina», Cassell & Co. Ltd., London, 1929.

58. Ian Vorres «The last Grand-Duchess», Her Imperial Highness Grand-Duchess Olga

- Alexandrovna, 1 June 1882 - 24 November 1960, Hutchinson & Co., London, 1964.
59. Denis and Peggy Warner «The Tide at Sunrise». A history of the Russo-Japanese War, 1904-1905, published by Angus and Robertson (U.K.) Ltd., 1975.
 60. Serge Sazonov «Fateful Years», 1909-1916, The Reminiscences, Jonathan Cape, London, 1928.
 61. Maurice Paleologue «An Ambassador's Memoirs, Hutchinson & CO., London, 1925.
 62. Maria Rasputin «My father», Cassel & CO., Ltd., London, 1934.
 63. Rene Fulop-Miller «Rasputin the holy Devil», Garden City Inc., New York, 1928.
 64. Maria Rasputin and Patte Barham «Rasputin the Man Behind the Myth», a Personal Memoir, Prentice-Hall, Inc., New Jersey, USA, 1977.
 65. Maurice Paleologue «Aux Portes Du Jugement Dernier», Elisabeth Feodorowna Grande-Duchesse de Russie, Librairie Plon, Paris, 1940.
 66. Sir Samuel Hoare «The Fourth Seal», the end of a Russian Chapter, William Heinemann Ltd., London, 1930.
 67. Madame Lili Dehn «The Real Tsaritsa», Little, Brown & Co., Boston, 1922.
 68. Marie, Grand Duchess «Education of a Princess», Viking Press, New York, 1931.
 69. The Red Archives, Russian State Papers and Other Documents relating to the Years 1915-1918. Selected and edited by C.E. Vulliamy, translation by Dr. A.L. Hynes, Geoffrey Bles, London, 1929.
 70. Sir Bernard Pares «The Fall of the Russian Monarchy», Vintage Books, New York, 1961.
 71. Countess Alexandra Olsoufieff «H.R.H. The Grand Duchess Elisabeth Feodorovna of Russia» John Murray, London, 1922.
 72. Captain Paul Bulygin «The murder of the Romanovs», Hutchinson & Co., London, 1935.
 73. Richard Pipes «The Russian Revolution», 1899-1919, Collins Harvill, London, 1990.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru
Оставить отзыв о книге
Все книги автора